РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Материалы Итоговой сессии
Института археологии и этнографии СО РАН 2011 года

ТОМ XVII

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
2011

ББК 63.4+63.5
П 781

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Ответственные редакторы
академик *А.П. Деревянко*, академик *В.И. Молодин*

Редакционная коллегия
А.В. Бауло, А.Е. Гришин, Е.И. Деревянко, О.И. Новикова,
С.П. Нестеров, И.В. Октябрьская, М.В. Шуньков

Исследования выполнены в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», грантов Президента РФ по поддержке ведущих научных школ – НШ-8175.2010.6 и НШ-5107.2010.6, гранта РГНФ № 11-01-00258а, интеграционных и молодежных проектов СО РАН, ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (госконтракты № 02.740.11.0353, № 14.740.11.0766), тематического плана (НИР 1.5.09; 1.31.11), АВЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009–2011 годы)» (проект РНП 2.2.1.1/13613) Минобрнауки

Статьи публикуются в авторской редакции

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т. XVII. – 500 с.

П 781

ISBN 978-5-7803-0215-5

ББК 63.4+63.5

© ИАЭТ СО РАН, 2011
© Коллектив авторов, 2011

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА, ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

А.А. Анойкин, Д.Е. Лунева, А.В. Ахтерякова, М.А. Борисов

ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ТИНИТ-1 (ЮЖНЫЙ ДАГЕСТАН) В 2011 ГОДУ*

Стоянка Тинит-1 (а.в. – 724 м) расположена в 1,5 км к северо-западу от с. Тинит (Табасаранский р-н Республики Дагестан) (рис. 1, *А*).

Памятник был открыт в 2007 г. сотрудниками Дагестанского отряда экспедиции ИАЭТ СО РАН и ИЭА РАН в ходе разведочных работ в верхнем течении р. Рубас [Деревянко и др., 2007]. Стационарное исследование объекта проводится с 2008 г. В ходе работ 2008–2010 гг. на памятнике сплошным раскопом вскрыта площадь 86 кв. м., толща рыхлых отложений вскрыта на глубину до 5,5 м от дневной поверхности и разделена на 9 литологических слоев, содержащих 11 горизонтов залегания археологического материала (а.г.) [Анойкин, Борисов, 2010]. Кроме того, для уточнения границ памятника и общей стратиграфической ситуации на объекте была заложена серия из 5 шурфов (2×1 м) [Анойкин и др., 2009]. В 2011 г. в 15 м к северу от северо-западного угла раскопа №1 был заложен раскоп № 2 площадью 25 кв. м (5×5 м) (рис. 1, *Б*). Толща рыхлых отложений вскрыта по всей площади раскопа на глубину до 4,5 м. В ходе работ выделено 9 литологических слоев, содержащих 8 а.г., в общем, повторяющих характер залегания находок в раскопах 2008–2010 гг.

Ниже приводится сокращенное описание разреза (сверху-вниз) (рис. 1, *В*):

Слой 1. Суглинок лессовидный светло-коричневый с карбонатными стяжениями. В кровле – включения современного мусора. Истинная мощность (и.м.) 0,20–0,35 м.

Слой 2.1. Суглинок лессовидный желтовато-коричневый с карбонатными стяжениями. Генезис толщи субаэральный, с преобладанием эолового. И.м. – 0,15–0,55 м.

Слой 2.2. Суглинок лессовидный серо-коричневый неоднородный по окрасу, насыщен органикой, гумуссирован (палеопочва?). И.м. – 0,25–0,40 м.

Слой 2.3. Суглинок лессовидный светло-коричневый с карбонатными стяжениями. Генезис толщи субаэральный, с преобладанием эолового. И.м. – 0,10–0,2 м.

Слой 2.4. Суглинок лессовидный темно-коричневый и коричневый, с высоким содержанием глинистой составляющей, трещиноватый. Биотур-

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 10-06-00085-а, 11-06-10009-к) и РГНФ (№ 10-01-00234-а).

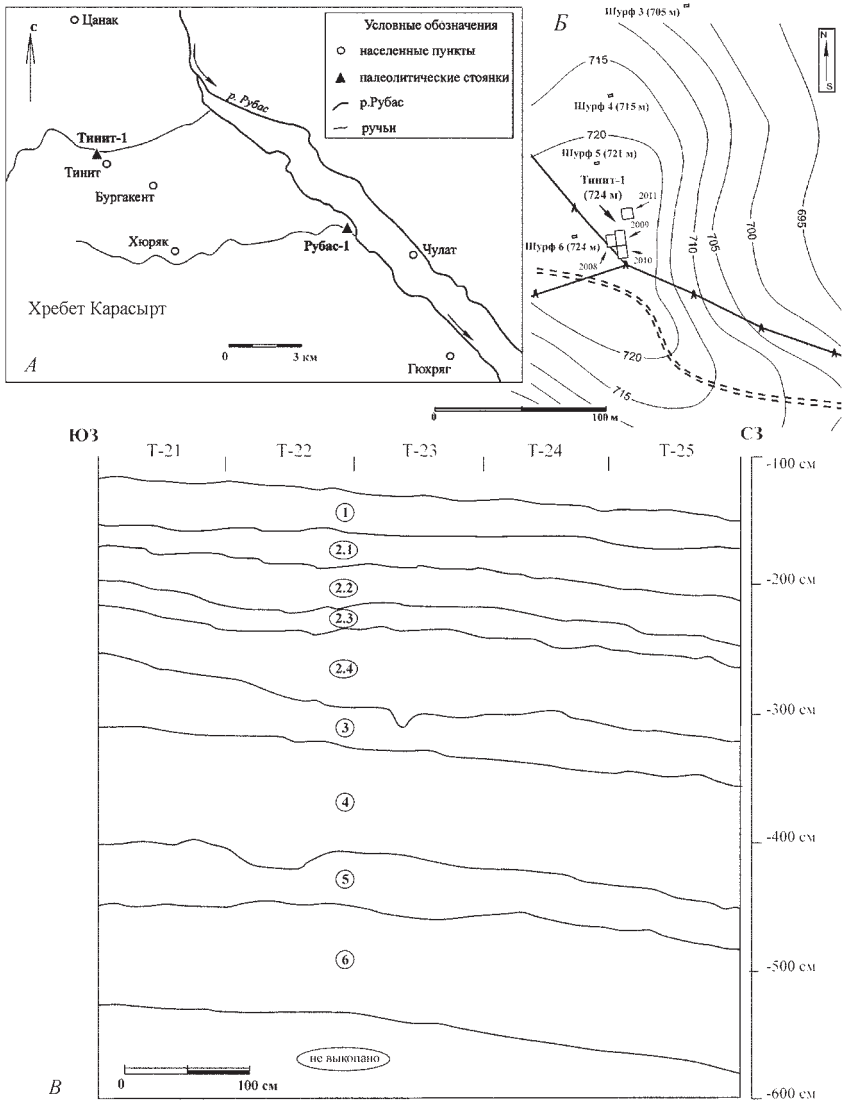

Рис. 1. Тинит-1. Карта-схема района работ (*А*), план расположения раскопов и шурфов (*Б*) и стратиграфический разрез западной стенки раскопа 2011 г. (*В*).

бирован растениями и грызунами. Разбит субвертикальными трещинами Вероятно, имеет субаэральный генез с преобладанием делювиальных процессов. Содержит материалы а.г. 2. И.м. 0,50–0,70 м.

Слой 3. Суглинок лессовидный светло-коричневый пористый, белесый и пылеватый в сухом состоянии. Отмечаются карбонатные стяжения, местами рыжеватые пятна. Генезис отложений эоловый, при незначительном участии делювиальных процессов. Граница с подстилающими отложениями резкая. Вероятно, перерыв в осадконакоплении. Содержит материалы а.г. 3. И.м. – 0,20–0,40 м.

Слой 4. Отложения близкие таковым слоя 2.4. Интенсивно разбит трещинами со следами карбонатизациии по ним. В кровле отмечаются кротовины. Граница с подстилающими отложениями резкая. Вероятно, перерыв в осадконакоплении. Содержит материалы а.г. 4 и 5. И.м. 0,80–1,0 м.

Слой 5. Отложения близкие таковым слоя 3. Имеют более темный окрас и большую плотность. Сильно насыщен карбонатами. Вероятно, перерыв в осадконакоплении. Содержит материалы а.г. 6. И.м. 0,25–0,45 м.

Слой 6. Отложения близкие таковым слоя 2.4 с большим содержанием глинистой составляющей. Слой уплотненный, разбит трещинами усыхания. Отмечаются немногочисленные карбонатные конкреции. Генезис, вероятно, делювиальный. Содержит материалы а.г. 7 и 8. Видимая мощность – до 0,90 м.

Все изделия из раскопа 2011 г. (269 экз.) изготовлены из кремня и сильно окремненных пород. Планиграфический анализ условий залегания археологического материала, наряду с данными стратиграфии, свидетельствуют о том, то он залегает in situ и претерпел минимальные пространственные перемещения.

Остатки позвоночных в раскопе не обнаружены, что, видимо, объяснятся разрушающим действием агрессивной химической среды вмещающих отложений (кальций-абсорбирующие), вызывающим быструю деструкцию остеологического материала.

Работы 2011 г. позволили составить более точное представление о структуре памятника, а также уточнить особенности каменных индустрий.

По археологическим горизонтам каменные артефакты сгруппированы следующим образом:

А.г. 1 (3 экз.): пластины – 1; обломки, осколки – 2. Орудийных форм нет.

А.г. 2 (35 экз.): нуклеусы – 2 (одноплощадочный мофронтальный и двухплощадочный мофронтальный для удлиненных заготовок); пластины – 1; пластинчатые отщепы – 4; отщепы – 9; технические сколы – 12; обломки, осколки – 5; чешуйки – 1. Орудийных форм нет. Двадцать семь предметов составляют единую сборку, представляющую полный цикл первичного расщепления.

А.г. 3 (10 экз.): пластины – 2; отщепы – 6; обломки, осколки – 2. Орудийные формы (3 экз.) представлены остроконечником с ретушью (рис. 2, *3*),

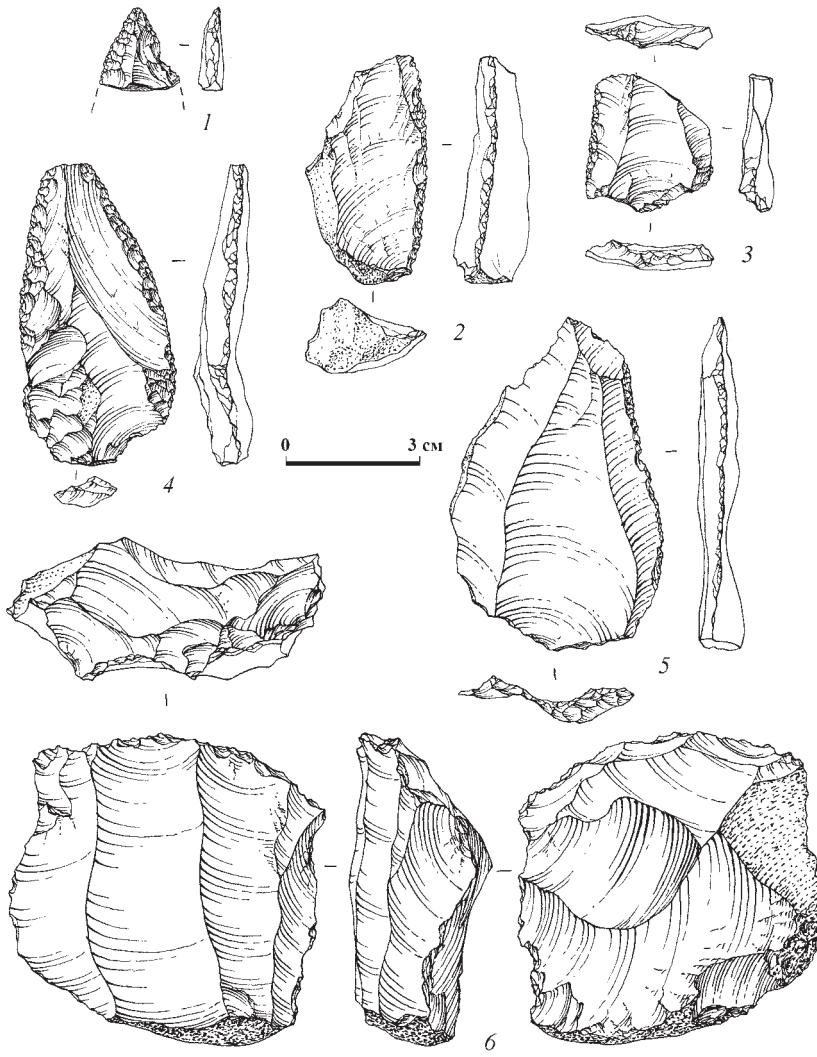

Рис. 2. Тинит-1. Раскоп 2011 г.
Каменные артефакты. Художник А.В. Абдульманова.
1 – мустьерский остроконечник; *2* – скребло-нож; *3* – остроконечник с ретушью; *4* – ретушированный остроконечник (конвергентное скребло-нож (?)); *5* – леваллуазский остроконечник с ретушью; *6* – нуклеус.
1, *5* – археологический горизонт 6; *2*, *6* – археологический горизонт 8; *3*, *4* – археологический горизонт 3.

ретушированным остроконечником, который может рассматриваться как двойное конвергентное скребло-нож (рис. 2, *4*) и пластиной с ретушью.

А.г. 4 (19 экз.): нуклеусы – 1 (трехплощадочный трифронтальный для удлиненных заготовок, с сопряженными фронтами снятия); нуклевидные обломки – 2; пластины – 3; пластинчатые отщепы – 1; отщепы – 6; технические сколы – 1; обломки, осколки – 5. Орудийных форм нет. Восемь предметов составляют две сборки, представляющие различные этапы первичного расщепления.

А.г. 5 (9 экз.): нуклеусы – 1 (истощенный, в финальной стадии утилизации); отщепы – 4; обломки, осколки – 4. Орудийный набор (1 экз.) представлен невыразительным угловым резцом на отщепе.

А.г. 6 (176 экз.): галька – 1; нуклеусы – 3 (одноплощадочный монофронтальный и двухплощадочный бифронтальный для удлиненных заготовок и торцовый для пластин); пластины – 12; пластинчатые отщепы – 18; отщепы – 62; технические сколы – 6; сколы леваллуа – 5; обломки, осколки – 64; чешуйки – 6. Ретушированные орудийные формы (6 экз.) представлены леваллуазским остроконечником с ретушью (рис. 2, *5*); фрагментом мустьерского остроконечника (рис. 2, *1*), ножами (2 экз.) и выемчатыми изделиями с ретушированными выемками (2 экз.).

А.г. 7 (9 экз.): нуклевидные обломки – 1; пластинчатые отщепы – 4; отщепы – 3; технические сколы – 1; обломки, осколки – 1. Орудийных форм нет.

А.г. 8 (6 экз.): нуклеусы – 1 (двухплощадочный бифронтальный для пластин) (рис. 2, *6*), пластинчатые отщепы – 3; сколы леваллуа – 1; обломки, осколки – 1. Орудийный набор (2 экз.) представлен скреблом-ножом (рис. 2, *2*) и транкированным леваллуазским сколом.

Анализ техники первичного расщепления, показывает, не смотря на малое количество нуклевидных форм, их достаточное разнообразие. Наряду с простыми одноплощадочными формами, присутствуют сложно организованные многополярные ядрища, с тщательной подготовкой как ударных площадок, так и фронта скалывания и следами осуществления нескольких циклов снятия заготовок, а также торцовые нуклеусы. Показательно, что все ядрища ориентированы на производство удлиненных сколов, хотя негативы снятий часто не имеют геометрии правильных пластинчатых заготовок. Анализ сколов показывает доминирование изделий с параллельной и субпараллельной огранкой дорсалов, которые составляют 50,0 % в группе а.г. 1–4 и 59,3 % в группе а.г. 5–8. Интересно, что около 9 % в этой категории составляют сколы с субпараллельной бинаправленной огранкой дорсала. Сколы декортикации, в основном, немногочисленны (3,4 % в а.г. 5–8), но в а.г. 2 их процент составляет 19,2 за счет отходов, полученных при раскалывании одного желвака кремня (представлены в сборке). Среди остаточных ударных площадок доминируют гладкие (68,4 % в верхних а.г. и 64,8 % в нижних), заметен процент линейных/точечных, особенно в нижних а.г. (11,0 %). Также там значителен процент двухгранных/фасетированных площадок – 10,9 %. Стоит отметить, что результаты статистического

анализа сколов группы верхних а.г. коллекции 2011 г. могут рассматриваться с определенными оговорками и только в совокупности с данными работ предыдущих лет, т.к. их количества недостаточно для статистически достоверной выборки (всего 38 экз.)

Анализ коллекции каменных артефактов 2011 г. позволяет подтвердить сделанные ранее выводы о том, что первые четыре а.г. по технико-типологическим характеристикам соответствуют периоду позднего палеолита. Об этом свидетельствует применение верхнепалеолитической техники скола – прямое и обратное редуцирование края ударных площадок подтеской и пришлифовкой. В нижних горизонтах (с а.г. 5), напротив, фиксируется использование среднепалеолитических техник расщепления (фасетированные и двухгранные площадки у части заготовок; сколы оформления леваллуазских ядрищ; целевые заготовки, близкие леваллуазским формам, леваллуазские ядрища). Орудийный набор не многочислен, однако, отдельные яркие образцы орудий, в основном из нижних а.г. (изделия на леваллуазских заготовках, мустьерские остроконечники), не противоречат делению коллекции, предложенному на основании технических параметров. Таким образом, можно соотносить археологический материал а.г. 1–4 с началом верхнего палеолита, а а.г. 5–11 – с финалом среднего палеолита.

Выводы о культурно-хронологическом делении материалов стоянки находят подтверждение и в данных, полученных при AMS-датировании образцов угля из культуросодержащих отложений. В настоящий момент, получено две абсолютные даты, выполненные в AMS-лаборатории Аризонского университета (г. Тусон, США): для сл. 3 (а.г. 3) – 43900±2000 л.н. (AA93915), для кровли сл. 6 (а.г. 7) – >43700 л.н. (AA93916).

Список литературы

Анойкин А.А., Борисов М.А. Исследования палеолитической стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан) в 2010 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 4–8.

Анойкин А.А., Борисов М.А., Лещинский С.В., Зенин И.В. Новые данные о стоянке Тинит-1 (по материалам шурфов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 15. – С. 28–33.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А., Кулик Н.А. Тинит-1 – новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 72–77.

А.С. Антипов

АНАЛИЗ МОРФОМЕТРИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРОДУКТОВ РАСЩЕПЛЕНИЯ ИЗ САРТАНСКИХ ОТЛОЖЕНИЙ ПЕЩЕРЫ КАМИННАЯ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ)

Пещера Каминная расположена в Усть-Канском р-не Республики Алтай, в долине ручья Пещерского, левого притока р. Каракол (бассейн р. Ануй) [Маркин, 1999]. В ходе исследования пещеры было зафиксировано свыше 20 слоев, относящихся к длительному этапу человеческой истории от верхнего палеолита до средневековья.

Индустрия заключительной стадии верхнего палеолита представлена в восьми слоях (14б, 14а, 13, 12, 11г, 11в, 11б, 11а) плейстоценовой толщи. Радиоуглеродное датирование образцов из упомянутых геологических тел в интервале 15350 ± 240 – 10310 ± 330 л.н. [Деревянко, Маркин, Ефремов, 2002], дает возможность с уверенностью судить о времени их формирования. В соответствии с предложенной Н.В. Кинд схемой климатостратиграфического подразделения второй половины верхнего плейстоцена Сибири [1974] оно охватывает все этапы сартанского оледенения (WIII, изотопная стадия 2), за исключением гыданской стадии.

Коллекция изделий из слоев 14б–11а насчитывает свыше 5,5 тыс. экземпляров из которых 46,5 % составляют сколы отделки, 42,5 % изделий приходятся на долю продуктов первичного расщепления: отщепы – 63,7 % (из них 35,3 % – фрагменты), пластины – 9,7 % (из них 7,6 % – фрагменты) и микропластины – 15,6 % (из них 13,7 % – фрагменты). И лишь 11 % изделий составляют орудия – 10% (из них 5,6% – фрагменты), технические сколы – 0,6 %, и нуклеусы – 0,3 %.

Одной из составляющих технологического анализа индустрии является характеристика морфометрических показателей продуктов первичного расщепления. В настоящей статье публикуются результаты анализа морфометрических показателей целых отщепов, обнаруженных при исследовании пещеры Каминная.

К базовым метрическим показателям изделий, на основе которых проводилось изучение индустрии памятника, были отнесены: длина (L), ширина (I) и толщина (B) заготовки, а так же пропорции заготовки (L:I). Кроме того, для более полного отражения технологии первичного раскалывания, к анализу были привлечены данные по огранке дорсальных плоскостей и остаткам ударных площадок отщепов.

Анализ морфометрических показателей позволил определить некоторые закономерности в процентном соотношении различных категорий целых изделий.

При общем количестве целых отщепов 864 экз., 83 % изделий этой группы находится в рамках показателей длины от 10 до 50 мм.

Обращает на себя внимание вариативность процентного соотношения категорий длины отщепов 10–20 мм и 20–30 мм. Процент изделий с показателями длины в пределах 10–20 мм увеличивается в коллекции, полученной из слоев 14б–12 с 29 % до 69 % соответственно. В коллекции же слоя 11г процент отщепов этой категории заметно уменьшается (до 45 %), и в последующих слоях постепенно увеличивается до 57 %.

Прямо противоположная картина наблюдается в послойном распределении отщепов следующей категории – 20–30 мм. Процент изделий этой метрической категории уменьшается в коллекциях слоев 14б–12 с 37 % до 17 % соответственно. А в коллекции слоя 11г резко возрастает до 43%. Далее, индустрии из слоев 11в–11а демонстрируют примерно одинаковый процент отщепов указанной категории (23–25 %) (рис. 1).

Схожая ситуация отмечена в распределении показателей пропорций сколов. Так 75 % изделий относятся к группе отщепов, чья длина менее ширины, либо превышает ее не более чем в полтора раза (L<I и I<L<1,5I). Динамика соотношения отщепов, относящихся к группе L<I выглядит следующим образом: их объем уменьшается в слоях 14б–13 с 42 % до 21 %, а в последующих слоях (12–11а) постепенно увеличивается до 32–35 %. Процент же изделий из группы I<L<1,5I, напротив, увеличивается с 27 % до 53 % в слоях 14б–13, а в последующих слоях (12–11а) уменьшается до 47–44 % (рис. 2). Значительного изменения процентного соотношения иных категорий отмечено не было.

Толщина отщепов демонстрирует наибольшую распространенность двух групп метрических показателей: 1–3 и 3–5 мм. Среднее процентное значение изделий с этими показателями 31,2 и 30,6 % соответственно. Менее распространенными являются сколы с показателями 5–7 мм (13,1 %), 7–9 мм (9,2 %) и 9–11 мм (6,7 %). Доля изделий с другими показателями не превышает 3,9 %, а максимальная толщина отщепов составляет 49 мм.

Анализ дорсальных плоскостей отщепов позволил выделить четыре наиболее распространенных группы, отражающих технологию расщепления

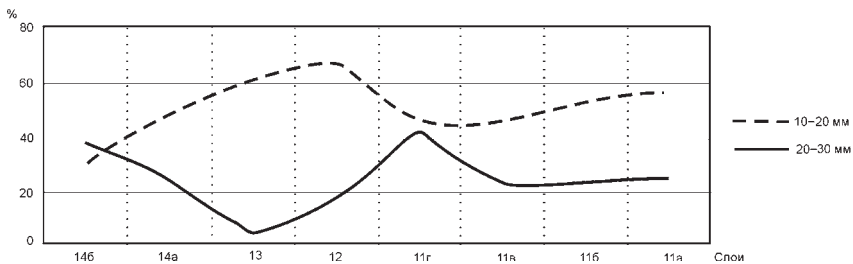

Рис. 1. График процентного соотношения категорий длины отщепов 10–20 и 20–30 мм.

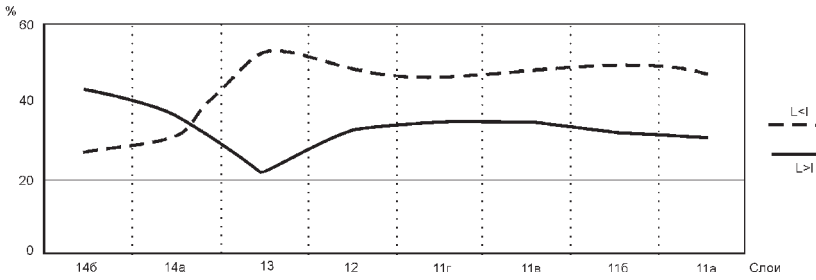

Рис. 2. График процентного соотношения категорий пропорций отщепов L<**I и L>I.**

каменного сырья: группа отщепов с продольной, дорсально-гладкой, ортогональной и бессистемной огранкой спинок. Их средние показатели в слоях 14б–11а колеблются от 21,6 % до 24,4 % (продольные и дорсально-гладкие), и от 10,2 % до 11,4 % (ортогональные и бессистемные). Средние показатели количества изделий с другими видами огранки дорсальных плоскостей редко превышает 3,5%.

Обращает на себя внимание тот факт, что при среднем размере целых орудий 39 мм, основная их масса (ок. 60 %) имеет значения длины в пределах 25–55 мм. При этом орудия, как правило, оформлены из заготовок, имеющих продольную и дорсально-гладкую огранку спинок, реже – ортогональную. В то время как бессистемная огранка дорсальных плоскостей орудий встречается крайне редко, а длина сколов, имеющих такую огранку, редко превышает 25 мм. Это позволяет сделать вывод, что значительное количество подобных изделий является сколами отделки.

Анализ определимых ударных площадок отщепов показал, что подавляющее большинство изделий имеют гладкую линейную площадку. Средний количественный показатель подобных отщепов составляет 67,2 %. Далее следуют изделия с точечной (7,9 %), гладкой галечной (7,2 %) и гладкой линейно-выпуклой (7 %) площадкой. Доля прочих видов ударных площадок не превышает 3,6 %.

Проведенное исследование позволило сделать ряд конкретных выводов, касающихся способов получения заготовок в индустрии пещеры Каминной.

Характер огранок дорсальных плоскостей отщепов указывает на преобладание техники параллельного расщепления.

Пропорции сколов однозначно свидетельствуют о том, что технология изготовления отщепов была направлена на получение укороченных заготовок, при котором длина значительной части изделий редко превышала ширину. Анализ распределения подобных объектов в плейстоценовой толще памятника позволяет отметить динамику роста их объемов на различных этапах. Менее многочисленная группа изделий с длиной, превышающей ширину, напротив, демонстрирует постепенное снижение объемов подобных сколов во времени.

Изучение площадок сколов показало, что подавляющее большинство отщепов скалывалось, как правило, с нуклеусов, имеющих гладкую ударную площадку.

Заслуживает внимания картина, полученная в процессе изучения длины изделий. Процентное соотношение показателей этой категорий демонстрирует значительные изменения таковых на различных хронологических этапах.

Таким образом, были получены данные по морфометрическим показателям целых отщепов, отражающие технологию первичного раскалывания в коллекции изделий из сартанских отложений пещеры Каминная, а также зафиксировано наличие определенных закономерностей в процентном соотношении различных категорий изделий.

Список литературы

Деревянко А.П., Маркин С.В., Ефремов С.А. Пещера Каминная (Северо-Западный Алтай): стратиграфия, хронология, археология // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 71–75.

Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. – М.: Наука, 1974. – 256 с.

Маркин С.В. Методические приемы исследования многослойного археологического объекта в пещере Каминная (Горный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – Вып. 10. – С. 66–68.

В.В. Бобров, А.Г. Марочкин

ХРОНОСТРАТИГРАФИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ПОСЕЛЕНИЯ АВТОДРОМ-2

В современной западно-сибирской археологии поселение Автодром-2 (северо-запад Барабинской лесостепи) является не только одним из крупнейших памятников, содержащий остатки около шестидесяти жилищ, орудия и керамику неолитического времени [Молодин и др., 2003]. Это также наиболее полно исследованное неолитическое поселение в лесостепи Западной Сибири. К настоящему времени на памятнике вскрыто 1692 м^2, изучены остатки 20 жилищ, получен представительный комплекс артефактов. Раскопки сплошной площадью позволили обозначить планиграфию памятника и выявить стратиграфическую ситуацию на разных его участках.

Небольшими сериями на поселении представлены артефакты более поздних периодов, но все изученные сооружения и подавляющее большинство находок связано с эпохой неолита. Анализ неолитических материалов позволил выявить на памятнике два типологически различных комплекса этого времени, приуроченных к северо-восточной и юго-западной планиграфическим группам жилищных западин.

Первый комплекс получен преимущественно в ходе раскопок (более 750 м^2) северо-восточных участков памятника [Бобров, Марочкин, Юракова, 2010]. Типологические характеристики инвентаря, и в первую очередь керамики, свидетельствуют о принадлежности жилищ северо-восточной группы к самобытной культуре позднего неолита, получившей название *артынской* [Бобров, 2008; Бобров, Марочкин, 2011].

Остатки жилищ (10 шт.) – неглубокие (до 0,35 м) небольшие котлованы овальной либо неправильной, но округлой формы. Площадь их достигает 25 м^2.

Керамика – тонкостенные остродонные банки, с прямым или волнистым срезом венчика. Профиль венчика ровный, без наплывов с внутренней стороны. Орнаментация – упрощенная горизонтально-волнистая, выполненная в оступающе-протащенной, накольчатой и прочерченной технике. Композиция декора представлена горизонтальными или волнистыми рядами, иногда чередующимися с рядами круглых или полулунных наколов. Серию предметов составляют керамические абразивы – бруски правильной формы, с отверстием для подвешивания, украшенные накольчатым и прочерченным орнаментом.

Каменная индустрия преимущественно пластинчатая, с преобладанием массивных пластин шириной 10–12 мм. Среди способов вторичной подработки почти в равной мере представлены ретушь с дорсальной и вентральной стороны. Орудия на пластинах представлены ножами, вкладышами (чаще сечения и проксимальные концы), без подработки или с ретушью по маргиналам, концевыми скребками, листовидными наконечниками стрел с прямой или вогнутой базой, проколками с пришлифованным острием. Основной категорией орудий из отщепов являются скребки округлой, подквадратной либо случайной формы, оформленные ретушью с дорсальной стороны. Среди шлифованных орудий небольшие топорами и ножами с вогнутым лезвием. Встречены перфорированные каменные диски. Известны заготовки небольших клинков – бифасов.

Второй комплекс выявлен в раскопах (940 м^2) на юго-западе и в центре памятника [Бобров, Марочкин, Соколов, 2006]. Керамика и каменный инвентарь находят близкие аналогии в материалах боборыкинской культуры Среднего Зауралья.

Остатки жилищ (10 шт.) представлены, как правило, небольшими котлованами округлой формы, глубиной до 0,5 м. Одно жилище (№ 56) представлено котлованом подпрямоугольной формы, ориентированным по оси СЗ-ЮВ. Длина жилища (СЗ–ЮВ) – 6 м; ширина (ЮЗ–СВ) – до 5,2 м. Глубина от «материкового» уровня достигает 0,4 м. Стенки относительно пологие, дно ровное (определено условно).

Керамический комплекс характеризуют фрагменты толстостенных плоскодонных сосудов, иногда с характерным наплывом в придонной части. Орнаментация сосудов индивидуальна, а часть из них не имеет декора, что в целом характерно для боборыкинской культуры. Среди орнаментальных мотивов встречаются пояса из горизонтальных прочерченных линий, широкие неглубокие наколы гладкого орнаментира, заполненные прочерченным зигзагом вертикальные бордюры, сплошное двустороннее покрытие овальными вдавлениями и наколами, узоры из обращенных вершиной вниз треугольников, прочерченной косой сетки, и др. В ряде случаев фиксируется зональность орнаментации. В единственном экземпляре найден орнаментированный керамический «утюжок».

Каменная индустрия пластинчатого характера, с преобладанием небольших пластин шириной до 8–9 мм. В качестве способа вторичной подработки доминирует мелкая краевая ретушь с вентральной стороны. Особую категорию составляют пластинки со скошенным ретушированным торцом. Орудия на пластинах представлены в основном вкладышами (сечения), концевыми скребками и перфораторами. На отщепах выполнены скребки, чаще всего небольших размеров и правильной округлой формы. Встречены шлифованные топоры и клинки-бифасы.

По всей видимости, артынский комплекс отражает автохтонную линию развития, в то время как боборыкинский поселок маркирует какого-то рода миграционные процессы, находясь в нескольких сотнях километров к вос-

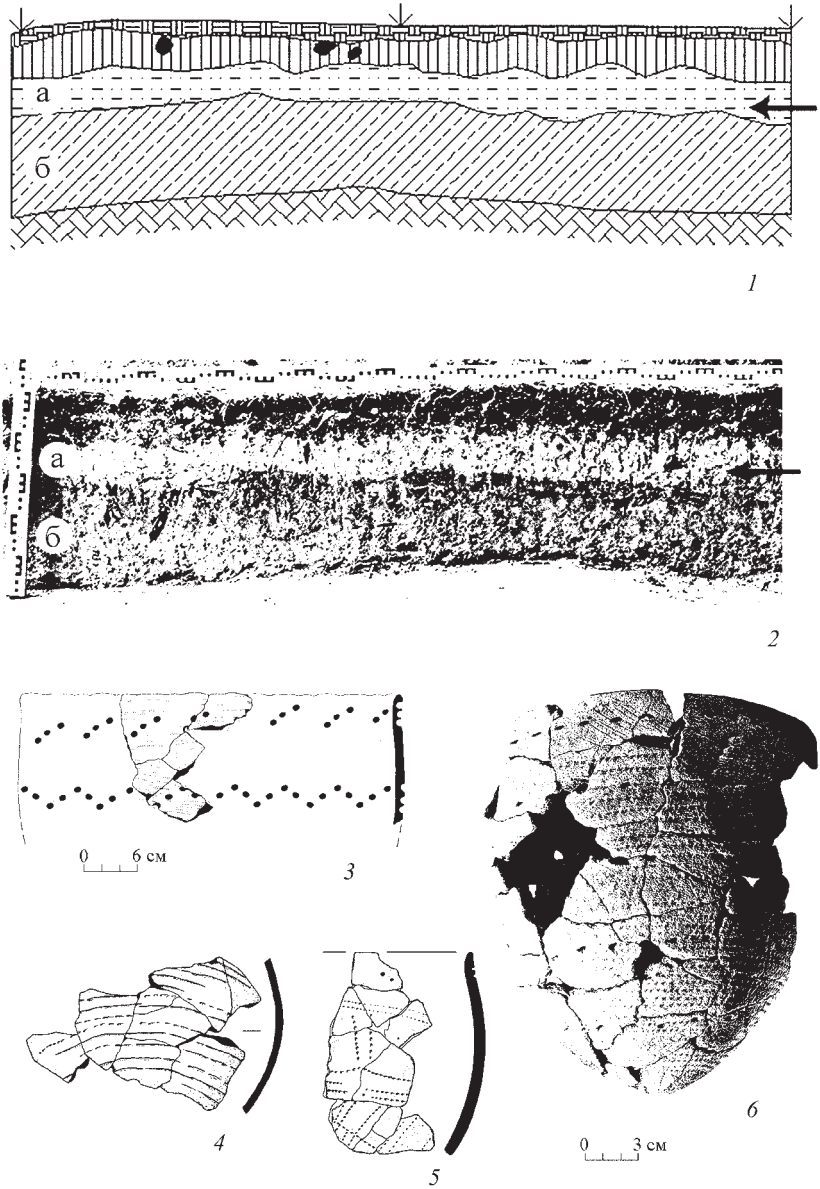

Рис. 1. Комплекс артынской поздненеолитической культуры. Поселение Автодром-2.
1, *2* – стратиграфическая позиция; *3–6* – керамика.
а – слой песка белого цвета; *б* – слой песка белого цвета с красным оттенком;
← – стратиграфическая позиция комплекса артынской культуры.

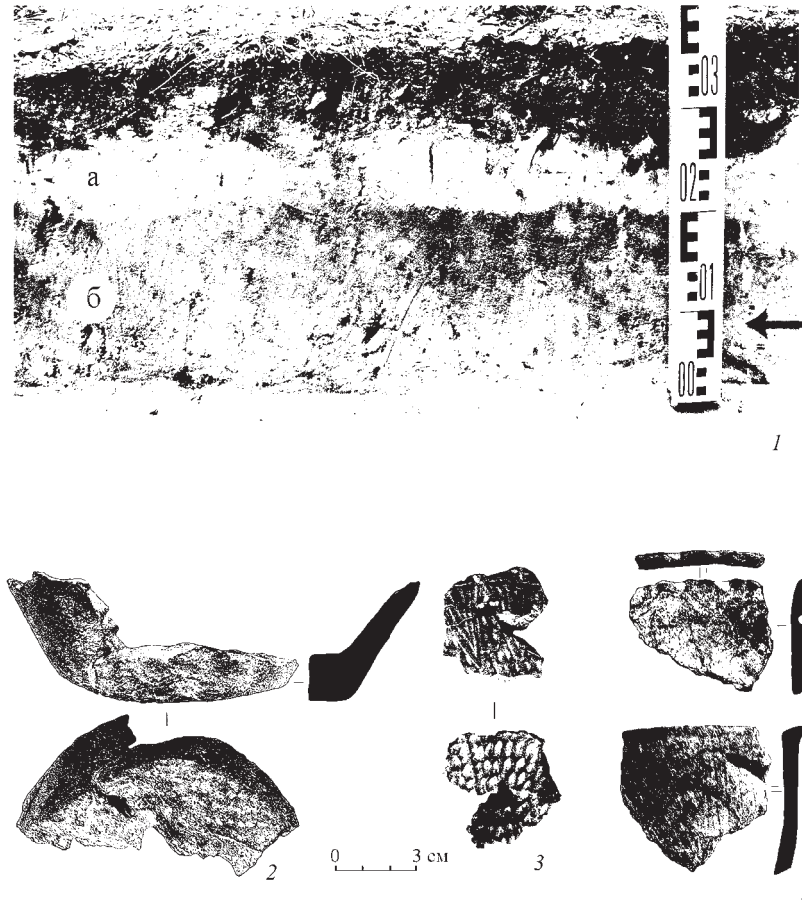

Рис. 2. Комплекс боборыкинской культуры. Поселение Автодром-2.
1 – стратиграфическая позиция; *2–5* – керамика.
а – слой песка белого цвета; *б* – слой песка белого цвета с красным оттенком;
← – стратиграфическая позиция комплекса боборыкинской культуры.

току от основного ареала культуры. В любом случае, компактное расположение двух неолитических комплексов предполагает их разновременность. Но какова хронологическая последовательность в данном случае?

Время бытования артынской культуры, с учетом термолюминесцентного датирования «автодромовской» керамики [Комарова, 2010] и радиоуглеродных дат для типологически близких комплексов других памятников укладывается в рамки второй половины V – начало IV тыс. до н.э. [Бобров, Марочкин, 2011]. Для лесостепного Прииртышья и Барабы данный период связан с финалом неолита [Молодин, 2001].

Относительно хронологии боборыкинских древностей единого мнения среди специалистов нет. При выделении культуры плоскодонный характер керамической посуды послужил основанием для отнесения её к эпохе ранней бронзы [Сальников, 1961]. Уральские археологии ограничивают период бытования боборыкинской культуры поздним неолитом [Ковалева, Зырянова, 2010]. Наконец, В.А. Зах последовательно отстаивает тезис о связи боборыкинских комплексов с первым, самым ранним этапом неолитизации Западной Сибири [2009]. Соответственно, диапазон предлагаемых абсолютных датировок боборыкино простирается от VIII до III тыс. до н.э.

Проблему хроностратиграфии боборыкинского и артынского комплексов памятника Автодром-2 возможно решить с учетом их стратиграфического и планиграфического контекстов. Стратиграфия поселения характеризуется несколько необычной для Барабы ситуацией, когда для эпохи голоцена фиксируется несколько почв, разделенных наносами. Погребенную голоценовую почву («материковый» плотный суглинок) от современного гумуса отделяет светлая песчаная почва, являющаяся основным культуросодержащим слоем [Молодин и др., 2003]. Последующие наблюдения показали неоднородность песчаной почвы по цвету и консистенции, и позволили обозначить в рамках общего горизонта два слоя, часто разделенных тонкой стерильной глинистой прослойкой: 1) слой песка белого цвета; 2) слой песка белого цвета с красным оттенком.

Многолетние исследования на северо-востоке памятника доказывают четкую приуроченность артынского комплекса к верхнему слою (песок белого цвета) (рис. 1). Стратиграфия юго-западных участков поселения менее выражена, но и в данном случае удалось обозначить два слоя в культуросодержащем горизонте, причем боборыкинские материалы локализуются именно в нижнем слое (песок белого цвета с красным оттенком) (рис. 2). К сожалению, массового перекрывания одного комплекса другим не наблюдается в силу их планиграфической обособленности. Тем не менее, зафиксированы случаи залегания артынской керамики в верхнем слое межжилищного пространства на юго-западе поселения, и в верхних горизонтах заполнения котлованов боборыкинских жилищ.

Таким образом, оставляя открытым вопрос о возможной нижней дате боборыкино, можно констатировать его более древний возраст (не позднее середины V тыс. до н.э.) по сравнению с позднеолитическими комплексами Среднего Прииртышья и северо-западных районов Барабы, что вносит коррективы в знания о культурно-исторических процессах на территории Западной Сибири в эпоху неолита.

Список литературы

Бобров В.В. К проблеме культурной принадлежности поздненеолитического комплекса поселения Автодром-2 // Окно в неведомый мир. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 110–113.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб; М; Великий Новгород, 2011. – Т. 1. – С. 106–108.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Соколов П.Г. Результаты работ на поселении Автодром-2 в 2006 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. 12, ч. 1. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 17–22.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Керамика артынской позднеолитической культуры (по материалам поселения Автодром-2) // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 113–116.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесостепного Тобола-Ишимья. – Новосибирск: Наука, 2009. – 320 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: боборыкинская культура. – Екатеринбург: Центр «Учебная книга», 2010. – 308 с.

Комарова Я.М. Применение метода термостимулированной люминесценции (ТСЛ) для датирования археологической керамики // ВНКСФ-16. – Екатеринбург; Волгоград: Изд-во АСФ России, 2010. – Т. 1. – С. 342–343.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.И., Бобров В.В., Чемякина М.А., Жаронкин В.Н., Кривоногов С.К. Поселение Автодром-2 – к вопросу о стратиграфии и культурной принадлежности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9. – С. 423–427.

Сальников К.В. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья // СА. – 1961. – № 2.

С.К. Васильев

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ТАРАДАНОВСКОГО АЛЛЮВИАЛЬНОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВОЙ МЕГАФАУНЫ

По обилию остатков крупных млекопитающих Тарадановское местонахождение является одним из наиболее крупных среди известных на территории Западной Сибири. Оно расположено на правом берегу р. Оби, ниже с. Тарадановo (Сузунский р-н Новосибирской обл.). Исследование этого вторичного, переотложенного скопления фаунистических остатков проводилось в течение семи сезонов [Васильев, Орлова, 2006; Васильев, Мартынович, 2007]. Наблюдение показало, что количество собранных в те или иные годы костных остатков напрямую зависит от интенсивности и продолжительности весенне-летних паводков, а также от уровня воды в осеннюю межень. В 2003 г. здесь было собрано свыше 2600 костных остатков, в 2004 г. – 370, в 2005 – 320, в 2007 – 1160, в 2008 – 180, 2010 – 140, 2011 – 1680 костей крупных млекопитающих. Наиболее низкий уровень воды наблюдался в 2003 и 2011 гг., когда значительная часть костеносной отмели вышла из-под ее уреза, что и обусловило максимальное количество находок. Относительное обилие остатков различных видов по сборам 2003–2010 и 2011 гг., остается практически неизменным (табл. 1).

Основной костеносный горизонт Тарадановского яра, откуда рекой вымывается подавляющая часть всех костных остатков, находится на несколько метров ниже меженного уреза воды. В весенне-летний паводок отмытый материал выносится на песчано-галечный пляж, расположенный непосредственно в нижней по течению части яра. Максимальные размеры костеносной отмели по фронту – до 300–400 м, и примерно столько же вниз по течению. Наиболее тяжелые крупные трубчатые кости бизонов, лошадей и оленей оседают, как правило, в верхней по течению части костеносной отмели. В средней части пляжа самые крупные остатки представлены метаподиями лошадей, бизонов и носорогов, а его нижней по течению части преобладают костные остатки среднего и мелкого размерного класса – многочисленные фаланги, кости запястья и заплюсны крупных копытных. Практически полностью отсутствуют роговые стержни бизонов и фрагменты рогов оленей и лосей, а зубы лошадей, бизонов и шерстистых носорогов представлены единичными находками. Наблюдения показывают, что ежегодный вынос костей осуществляется преимущественно в верхнюю, головную часть пляжа, а на остальной площади песчано-галечной отмели происходит в основном размыв и перераспределение отложенных рекой годы и десятилетия назад костных остатков.

Таблица 1. Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих Тарадановского местонахождения

Таксоны	2003–2010 гг.		2011 г.		Всего 2003–2011 гг.	
	экз.	%	экз.	%	экз.	в %
Lepus tanaiticus	2	0,04	–	–	2	0,03
Castor fiber	5	0,11	5	0,30	10	0,16
V. vulpes	2	0,04	1	0,06	3	0,05
Canis lupus	8	0,18	4	0,24	12	0,19
Ursus arctos	15	0,33	3	0,18	18	0,29
Ursus rossicus	22	0,48	6	0,36	28	0,45
G. gulo	1	0,02	–	–	1	0,02
Crocuta spelaea	6	0,13	–	–	6	0,10
Panthera spelaea	29	0,63	9	0,54	38	0,61
Mammuthus primigenius	31	0,68	8	0,48	39	0,62
Equus ex. gr. *gallicus*	1818	39,78	655	38,99	2473	39,57
E. (Equus) sp.	1	0,02	–	–	1	0,02
E. (Sussemionus) ovodovi	60	1,31	37	2,20	97	1,55
Coelodonta antiquitatis	340	7,44	109	6,49	449	7,18
Megaloceros giganteus	129	2,82	53	3,15	182	2,91
Cervus elaphus	202	4,42	102	6,07	304	4,86
Alces cf. *alces*	91	1,99	31	1,85	122	1,95
Rangifer tarandus	2	0,04	1	0,06	3	0,05
Bison priscus	1743	38,14	627	37,32	2370	37,92
Saiga borealis	24	0,53	12	0,71	36	0,58
Ovis ammon	1	0,02	1	0,06	2	0,03
Soergelia sp.	32	0,70	16	0,95	48	0,77
Bovini gen. indet., форма I	2	0,04	–	–	2	0,03
Bovini gen. indet., форма II	4	0,09	–	–	4	0,06
Всего костных остатков	4570	100	1680	100	6250	100

Материал, собранный на отмели является разновременным. Выделяются три группы сохранности. К основной группе (ок. 93 %) относятся остатки, вымытые из подводного костеносного горизонта яра. У части костей на поверхности сохраняются остатки сцементированной охристо-ржавой, или серовато-желтой песчаной корки, которая полностью или частично отслаивается при высыхании. Другая часть костей происходит из слоя торфяников, также залегающих ниже уреза воды. Их поверхность грубо-шероховатая, разъеденная гуминовыми кислотами и корнями растений. Окатанные обломки этого ископаемого торфяника также выносятся на отмель. Около 25 % костей имеет следы воздействия корневой системы растений. В 2,5 % случаев отмечены следы погрызов хищниками, что указывает на первоначальное захоронение части остатков животных в пойменных отложениях. По рассказам рыбаков-старожилов, кости регулярно вытаскиваются из-под яра сетями и другими рыболовными снастями. Так, в 2001 г. с глубины несколько метров из-под яра сетью был вытащен абсолютно целый осевой череп бизона. Как показал опрос и собственные наблюдения, поступле-

ние костей из лежащих выше уреза воды слоев яра крайне незначительно. В слоях и на осыпях не удалось обнаружить ни одной кости. Легкие и светлые кости, происходящие, по-видимому, из суглинков 3-го и 4-го слоев [Панычев, 1979], составляют менее 1 %. Присутствуют также остатки (ок. 6 %) более древние, ранне-среднеплейстоценового возраста, некогда перезахоронившиеся в одном слое с костями основной группы сохранности. Упомянутые кости черного цвета, сильно минерализованные, тяжелые, часто трещиноватые и окатанные. Состоят они почти исключительно из мелких элементов скелета, легко выдерживающих неоднократное переотложение: астрагалов, фаланг, костей запястья и заплюсны. Часть отмытых из слоя костей за годы и десятилетия транспортировки их по дну реки, подверглась своеобразному «подводному выветриванию». Размягченная поверхность таких костей тускнеет и разрушается под воздействием жизнедеятельности водорослей и водных беспозвоночных. На костях с отмели можно наблюдать все стадии подобного выветривания.

Сохранность материала, состав териокомплекса и морфологические особенности ее отдельных представителей с несомненностью указывают на позднеплейстоценовый возраст основного костеносного горизонта Тарадановского Яра. Большая часть из 18 ^{14}C дат по костям, собранным на пляже, имеет запредельный возраст – более 40–45 тыс. л.н. [Васильев, Орлова, 2006]. Таким образом, отложение основного костеносного слоя относится к первой половине позднего плейстоцена – в интервале от казанцевского до раннекаргинского времени.

Состав ориктоценоза Тарадановского Яра, разумеется, лишь приблизительно отражает изначальный состав размываемого рекой тафоценоза основного костеносного слоя, и, тем более, существовавшего некогда палеобиоценоза. В частности, обращает на себя внимание крайне незначительное число остатков мамонта, представленное исключительно мелкими костями дистальных отделов конечностей. Это связано, вероятно, не только с особенностями гидродинамического переноса костных остатков на данном участке реки, но и с малочисленностью костей мамонта в захоронении (и в палеобиоценозе) вообще. В случае обилия его остатков вынос на пляж хотя бы мелких костей мамонта был бы значительно большим. Преобладание остатков лошади (39,6 %), бизона (37,9 %), шерстистого носорога (7,2 %), наряду с присутствием «куланоподобной» *Equus (Sussemionus) ovodovi*, сайгака, архара, зоргелии, малого пещерного медведя и второстепенным участием оленей (9,8 % в сумме) позволяет реконструировать для времени накопления основного костеносного горизонта ландшафты мезофитных степей или разреженной лесостепи.

Наибольший интерес из всего материала представляют находки остатков зоргелии. До недавнего времени зоргелия (подсемейство *Caprinae*), распространенная от Западной Европы до Северной Америки, считалась надежным индикатором отложений раннего плейстоцена. Поэтому совершенно неожиданным оказалось присутствие ее остатков в составе позднеплейс-

тоценового фаунистического комплекса. Остатки зоргелии представлены всеми основными элементами скелета, что совершенно не характерно для неоднократно переотложенных остатков. По степени минерализации, удельному весу, отсутствию следов окатанности, цвету с поверхности (от светло- до темно-кофейного) и в свежем разломе (кремовый) и другим органолептическим признакам кости зоргелии ничем не выделяются из основной массы позднеплейстоценовых костей, собранных на отмели. На ряде костей зоргелии, точно также как и на костях других представителей мегафауны, сохранились кое-где остатки серовато-желтой сцементированной корочки песчаника, что с несомненностью указывает на их первоначальное совместное залегание в одном слое. Единственная AMS дата по черепу зоргелии показала запредельный возраст – более 41060 л.н. (AA-79331), как и для большинства других продатированных находок из Тараданово.

Роговые стержни позднеплейстоценовой зоргелии отличались значительной укороченностью по сравнению с раннеплейстоценовыми формами. Однако по размерам и пропорциям пястных костей они практически не различаются [Васильев, 2010]. Найденные в 2011 г. 16 костей зоргелии существенно дополнили уже имеющуюся коллекцию (табл. 2). Промеры единичных костей посткраниального скелета *Soergelia* sp., не вошедших в таблицу, следующие:

Axis: ширина передней суставной поверхности – 81 мм, ширина dens epistrophei – 36 мм, длина тела позвонка – 61,5 мм, его длина с зубовидным отростком – 77 мм, ширина тела кости, min – 49,7 мм.

Scapula: ширина collum scapulae – 42,4 мм, ширина нижнего конца – 52,7 мм, ширина суставной поверхности – 43 мм, ее поперечник – 38,2 мм.

Radius: ширина/поперечник верхнего конца – 62,2/35,2 мм, ширина верхней суставной поверхности – 58,8 мм, ширина/поперечник диафиза – 34,8/25 мм.

Femur: ширина нижнего конца – са 73 мм, поперечник латеральный – са 80 мм. Передне-задний диаметр caput femoris у другого экземпляра – 40 мм.

В позднем плейстоцене на юге Западной Сибири продолжали сохраняться некоторые реликтовые виды крупных млекопитающих. Это мелкая архаичная лошадь *Equus (Sussemionus) ovodovi*, дожившая здесь до финала плейстоцена. Ранее считалось, что все представители подрода *Sussemionus* широко распространенные в раннем плейстоцене от Северной Америки и Евразии до Африки, вымерли приблизительно 0,5 млн. л.н. [Eisenmann, Vasiliev, 2011]. При этом остатки зоргелии или лошади Оводова не составляют особой редкости. *E. ovodovi* доминирует по числу остатков в ряде пещерных местонахождений на Алтае, а остатки *Soergelia* sp. составляют чуть менее 1 % в составе Тарадановского ориктоценоза.

Автор выражает глубокую признательность Я.В. Кузьмину за помощь в датировании остатков зоргелии, и акад. В.И. Молодину за содействие в организации поездки в Тараданово в 2011 г.

Таблица 2. Размеры костей посткраниального скелета *Soergelia* sp. из Тарадановo

Промеры, мм	n	lim	M
Atlas			
Ширина в крыльях	1	–	128,30
Ш. передней суставной поверхности	2	88–94	91,00
Ш. задней суставной поверхности	2	88,2–85,0	86,60
Наибольшая высота кости	2	63–66	64,50
Humerus			
Ширина диафиза, min	2	34,4–36,0	35,20
Его поперечник, там же	2	42,5–44,5	43,50
Ширина нижнего конца	5	63,0–70,5	66,80
Ширина суставного блока	7	59,5–67,0	62,74
Медиальный поперечник н. конца	4	56,6–63,1	59,15
Латеральный поперечник н. конца	3	42,0–49,4	45,53
Поперечник в желобе	7	28,2–32,7	30,21
Высота медиального мыщелка	8	36,8–41,0	38,94
Высота на гребне	6	32,2–36,4	34,30
Metacarpale			
Длина кости	3	165,5–179,5	170,17
Ширина верхнего конца	3	43–51	48,07
Его поперечник	3	25,2–30,3	28,60
Ширина диафиза	3	28,2–30,4	29,03
Его поперечник	3	19,2–20,2	19,53
Ширина нижнего конца	5	49,0–57,8	54,64
Его поперечник	3	30,3–31,0	30,63
Tibia			
Ширина нижнего конца	5	47,5–51,4	50,30
Ширина астрагальной фасетки	5	33,7–38,3	36,12
Ее поперечник	4	37–43	39,75
Astragalus			
Латеральная длина	11	50,6–56,7	54,25
Сагиттальная длина	11	38,9–44,7	42,38
Медиальная длина	12	47,1–54,2	51,23
Ширина нижнего конца	12	32,6–38	35,21
Медиальный поперечник	12	28,2–35,5	31,86
Латеральный поперечник	12	26,9–31,7	29,23
Calcaneus			
Длина кости	3	104,0–110,8	108,07
Ширина нижнего конца	3	36,0–37,5	36,83
Его поперечник	3	42–44	43,00
Ширина диафиза, min	3	15,6–16,7	16,20
Поперечник диафиза	3	31,0–33,7	32,67
Ширина верхнего конца	3	27,6–29,8	27,63
Его поперечник	3	31,3–34,1	32,80
Metatarsale			
Ширина нижнего конца	2	49,0–49,1	49,05
Его поперечник	2	29,3–29,9	29,60

Список литературы

Васильев С.К. Остатки зоргелии (*Soergelia* sp.) в позднем плейстоцене Предалтайской равнины // Эволюция жизни на Земле: Мат-лы IV Междунар. симп., 10–12 ноября 2010 г. – Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. – С. 537–541.

Васильев С.К., Мартынович Н.В. Палеотериологические сборы в Тараданово в 2007 г. и новые находки остатков зоргелии (*Soergelia* sp.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 23–28.

Васильев С.К., Орлова Л.А. К вопросу о возрасте Тарадановского местонахождения фауны крупных млекопитающих // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12, ч. 1. – С. 36–42.

Панычев В.А. Радиоуглеродная хронология аллювиальных отложений Предалтайской равнины. – Новосибирск: Наука, 1979. – 104 с.

Eisenmann V., Vasiliev S.K. Unexpected finding of a new *Equus* species (Mammalia, Perissodactyla) belonging to a supposedly extinct sub-genus in late Pleistocene deposits of Khakassia (southwestern Siberia) // Géodiversitas. – 2011. – Vol. 33 (3). – P. 519–530.

А.В. Вишневский, А.В. Выборнов, А.В. Котляров

ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЙ ПАСПОРТ СТОЯНКИ ГОРА КУТАРЕЙ

Археология Северного Приангарья отличается разнообразием каменного инвентаря, который является наиболее представительной категорией находок в культурных слоях от эпохи палеолита до средневековья. Предметный комплекс выделяется морфологическими, функциональными, технологическими особенностями отдельных артефактов и их групп. Состав сырья при этом, как правило, указывается формально. Ангара пересекает территории, являющиеся источником многих пород, подходящих для изготовления орудий. Перенесенные фрагменты этих пород на протяжении всей человеческой истории региона представляли необходимую сырьевую базу. При этом значительная часть каменного инвентаря, получаемая в ходе раскопок, часто выделялась на основании макроскопически фиксируемых совпадениях изломов, цвета и твердости породы. Дальнейший отбор артефактов и анализ геологической ситуации в районе археологических исследований позволял соотносить сырье инвентаря с выходами пород, встречаемых в ландшафте. Подтверждение гипотезы о местном источнике сырья требует проведения геологического обследования района и петрографического сопоставления обнаруженных артефактов и местных выходов горных пород. Опыт подобного исследования произведен в районе памятника Гора Кутарей. Итогом этих работ стало составление петрографического паспорта памятника. Он включает в себя обзор состава сырья каменного инвентаря и результаты геологического изучения округи. Результаты подобных работ на более обширных территориях свидетельствует о его перспективности в определении характера локальных комплексов каменных изделий и источниках используемой породы [Кулик, Постнов, 2009, с. 64–69; Зайков, 2010, с. 29]. В настоящее время проведены археологические и геологические исследования, позволившие предварительно оценить происхождение сырья четверти каменных находок, как местное.

Археологический памятник Гора Кутарей расположен в Кежемском р-не Красноярского края, на левом берегу р. Ангары у подножия горы Кутарей, в 1,2 км ниже устья р. Кутарей. Памятник располагается у западного подножия горы Кутарей (на первой надпойменной террасе), а также у юго-восточного склона, на левобережной ровной площадке сухого лога, пересекающего южное подножье горы [Выборнов, 2010, с. 497–498].

В геологическом строении района выделяются стратифицированные отложения пермской, триасовой неогеновой и четвертичной систем. Кроме того, широко представлены интрузивные магматические образования раннетриасового возраста формации Сибирских траппов [Геологическая карта..., 1972].

Пермские отложения представлены пачкой терригенных пород стрелкинской свиты (P_2 *st*), – преимущественно слабо сортированными и слабо окатанными песчаниками и алевролитами, часто с углистым веществом. Резко контрастируют с пермской терригенной толщей, несогласно залегающие на ней, раннетриасовые туфы и туфопесчаники тутончакской (T_1 *tt*) и корвунчанской свит (T_1 *kr*), состоящие, по большей части, из обломков вулканических пород, а также включений алевролитов, песчаников и аргиллитов стрелкинской свиты. Неогеновые и четвертичные отложения представлены преимущественно аллювиальными отложениями рек Ангара и Кутарей, менее развиты пролювиально-делювиальные отложения временных водотоков и береговые коллювиальные осыпи.

Магматические образования района представлены существенно габброидными (долеритовыми) ангарским и кузьмовским комплексами раннего триаса. Интрузии образуют как секущие, так и субсогласные тела различного размера – от первых метров до первых километров, секущие как пермские, так и триасовые стратифицированные отложения. Предшествующие исследователи отмечают развитие разнообразных типов приконтактовых изменений вмещающих пород, свойственных для внедрения интрузий как ангарского, так и кузьмовского комплексов. В зависимости от состава протолита (исходной породы, подвергшейся температурному воздействию внедрившейся магмы), по мере удаления от контакта, отмечается образование пироксеновых, амфиболовых, биотитовых роговиков, эпидотизация, хлоритизация и цеолитизация.

Полевые геологические исследования, проведенные сотрудниками Института геологии и минералогии СО РАН в районе устья р. Кутарей показали, что мощность контактовых ореолов вокруг долеритовых интрузий, достигает 7–8 м, в которых выделяется до 2 м высокотемпературной (>600 °С) зоны. Она представляет собой плотную серую различных оттенков (до черной) породу с высокой твердостью (около 6,5 по шкале Мооса) и характерным раковистым, либо полураковистым изломом. Размер отдельных зерен зависит от зернистости протолита и расстояния от контакта с долеритами, но обычно составляет не более 0,1 мм (основная часть зерен – менее 0,01 мм).

Петрографическое изучение шлифов пород, позволило сопоставить ороговикованные разновидности пород, отобранные в разрезе по коренным обнажениям левого борта реки Кутарей с большинством сколов, в том числе ретушированных, обнаруженных в 3 и 4 рекогносцировочных раскопах 2010 г. и втором раскопе 2011 г., расположенных на пойменном участке памятника. Дальнейшее изучение минерального состава пород с помощью

метода рентгено-фазового анализа (РФА) подтвердило обоснованность предположения о родственности рассматриваемых пород, в частности, в большинстве исследованных артефактов были установлены кордиерит и муллит – типичные минералы высокотемпературных роговиков метапелитового состава. Сырье для артефактов добывалось на скальных обрушениях горы Кутарей. Большинство получаемых изделий – отщепы с краевой ретушью. Продолжение наполнения петропаспорта предполагает привлечение материалов по составу сырья другого археологического памятника микрорайона – стоянки Устье р. Кутарей, расположенной на правом берегу р. Кутарей, раскопки на которой представили в 2010 г. обширный комплекс каменных артефактов.

Список литературы

Выборнов А.В. Результаты полевых исследований памятников Северного Приангарья (Кода-4, Сенькин Камень, Гора Кутарей, Ручей Поварный) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 496–499.

Геологическая карта СССР (Масштаб 1:200 000) / сост. В.М. Лавриков, В.П. Смолякова; ред. В.С. Порядин. – Сер. Ангаро-Ленская. Лист О-47-XI. – Москва, 1972. – 76 с.

Зайков В.В. Юность геоархеологии. – Екатеринбург: УрО РАН, 2010. – 174 с.

Кулик Н.А., Постнов А.В. Геология, петрография и минералогия в археологических исследованиях: Учеб.-метод. пособие / Новосиб. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск, 2009. – 102 с.

А.П. Деревянко, А.А. Анойкин, М.А. Борисов

РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ В 2011 ГОДУ)

Со времени первых находок, сделанных в Вертешселеше [Vértesszőlős…, 1990], мелкоорудийные/микролитические индустрии привлекали большое внимание и вызывали много вопросов у специалистов занимающихся ранним каменным веком, т.к., не в полной мере соответствовали традиционным представлениям о развитии каменных технологий в палеолитическое время. За прошедшее время эти ассамбляжи, первоначально выглядевшее, как некий уникальный культурный феномен, зафиксированы во многих регионах Старого Света, хронологически перекрывая все основные этапы древнего каменного века. На территории Евразии они были распространены от Центральной Европы до Китая, в хронологическом интервале примерно от 1 млн. до 300 тыс. лет назад. Основными районами, где зафиксированы раннепалеолитические мелкоорудийные индустрии, являются Ближний Восток (Бизат Рухама и др.), Центральная Европа и Апеннинский полуостров (Изерния-ля-Пинета, Вертешселеш и др.), Средняя Азия (Кульдара и др.) и Северный Китай (Дунгуто и др.) [Lower Palaeolithic…, 2003; Деревянко, 2009]. В последние годы, благодаря масштабным исследованиям совместной археологической экспедиции нескольких институтов РАН, под общим руководством академика А.П. Деревянко, был выявлен принципиально новый район присутствия мелкоорудийных индустрий – приморские районы Южного Дагестана, что позволяет включить кавказский регион в зону появления и распространения этих специфических ассамбляжей. Микролитические комплексы раннего палеолита были обнаружены здесь на относительно небольшом удалении от г. Дербента на двух стратифицированных памятниках – Дарвагчай-1 и Рубас-1. Археологический материал на обеих стоянках связан с древними прибрежно-морскими отложениями, соответствующим различным трансгрессивным этапам истории Каспийского моря [Деревянко и др., 2009]. Согласно естественнонаучным данным, нижний комплекс находок местонахождения Рубас-1 на настоящий момент является наиболее древним свидетельством присутствия раннепалеолитических мелкоорудийных индустрий на территории Евразии, а их возраст сопоставим с самыми ранними свидетельствами выхода древних гоминидов за пределы африканского континента.

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 10-06-00085-а и 11-06-10009-к).

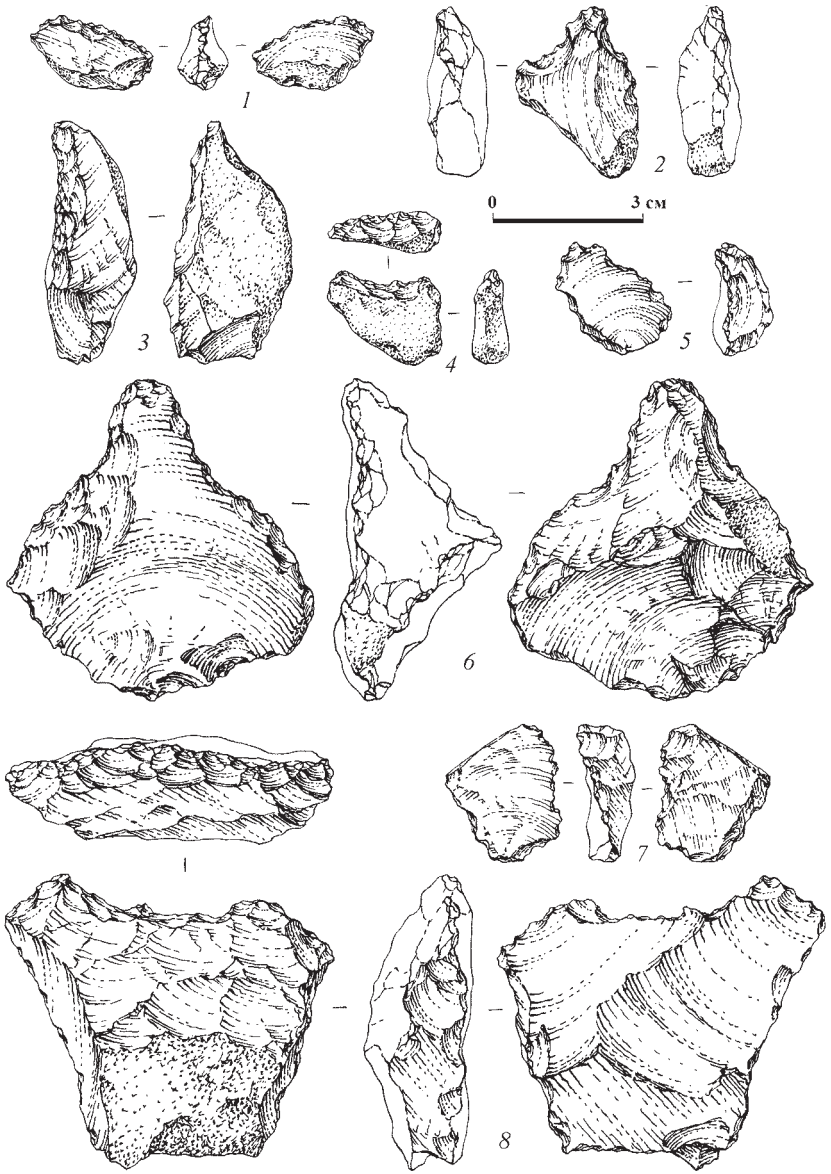
Местонахождение Рубас-1 локализовано в теле древнего оползня, в настоящее время имеющего вид 28-метрового террасовидного уступа. Стационарные работы на объекте начались в 2006 г., когда на обращенном к реке склоне была заложена разведочная траншея шириной 2 м, состоящая из нескольких ступеней, общей протяженностью 28 м и глубиной до 18 м от края уступа. На глубине ≈ 16 м от точки начала работ, на небольшом участке (≈ 2 кв. м) была вскрыта тонкая (до 0,15 м) гравийно-галечная прослойка, содержащая в небольшом количестве отдельности кремня, в том числе и с признаками искусственного расщепления. В ходе работ 2007–2010 гг. площадь раскопок на уровне нижнего культуросодержащего горизонта (сл. 5) составила 182 кв.м. [Деревянко, Анойкин, Борисов, 2010] В 2011 г. к юго-западной стенке раскопов 2009–2010 гг. была сделана дополнительная прирезка итоговой площадью 13,5 кв.м.

В результате работ на сводном стратиграфическом разрезе памятника было выделено четыре разновозрастные пачки отложений [Лещинский и др., 2009]. Пачка 1 (слой 6; тортонский век, $N_1^2{}_{tr}$) представляет собой илы шельфа (глубина вод от 20 до 200 м). Пачка 2 (слои 5 и 4; позднеакчагыльское время, $N_2^3{}_{ak}$) сформирована в субаэральных и субаквальных (на глубинах от 0 до 15 м – пляжная, предфронтальная и переходная зоны) условиях морского побережья, сложена галечниками и песками. При этом культуросодержащий слой 5 представлен гравийно-галечной прослойкой мощностью до 0,4 м, с зеленовато-серым алеврито-песчаным заполнителем. Пачка 3 (слои 3 и 2; поздний (?) неоплейстоцен) – речной аллювий. В слое 3 присутствует археологический материал среднепалеолитического облика. Пачка 4 (слой 1; поздний неоплейстоцен – голоцен) – субаэральные образования. В слое выявлено несколько уровней залегания каменных артефактов, относящихся к поздним этапам среднего – верхнему палеолиту [Там же, с. 147]. Обоснование возраста отложений базируется на совокупности геологических и палеонтологических данных. Так, в подошвенной части слоя 4 было обнаружено большое количество раковинок и створок остракод хорошей сохранности, редкие фораминиферы (*Rotalia* ***beccari*** (Linne) и др.) и гастроподы. Доминанты среди остракод: эвригалинные *Cyprideis* ***littoralis*** (Brady) и *Cyprideis* ***punctillata*** (Brady). Другие виды – солоновато-пресноводные формы: *Limnocythere* aff. ***luculenta*** Livental, *Limnocythere* ***tenuireticulata*** Suzin, *Candona* ***abichi*** Livental, *Ilyocypris* ***bradyi*** Sars, *Eucypris* aff. ***puriformis*** Mandelstam. Наиболее важно присутствие в слое значительного количества *L.* ***tenuireticulata*** Suzin и *L.* aff. ***luculenta*** Livental. Первый вид появляется в акчагыльское время и для него типичен. Распространение второго – с акчагыльского до бакинского времени, где он угасает. Вид *C.* ***punctillata*** (Brady) известен в отложениях миоцена – апшерона. Раковины акчагыльских видов *C.* ***abichi*** Livental и *E.* aff. ***puriformis*** Mandelstam имеют признаки локального переноса. *C.* ***littoralis*** (Brady) и *I.* ***bradyi*** Sars – виды широкого распространения. Таким образом, состав остракод и литология осадков позволяют предпо-

лагать осадконакопление в опресненных прибрежных водах акчагыльского моря [Там же].

Древнейший археологический комплекс памятника связан со сл. 5. Среди угловатых обломков кремня, представленных в незначительном количестве в гравийно-галечной составляющей слоя (основную массу составляют обломки известняка и песчаника), некоторые предметы имеют признаки искусственной обработки. Диагностика изделий затруднена сильной «сглаженностью» поверхности предметов, что, скорее всего, связано с абразионным воздействием на них песка в пляжно-прибрежных условиях, в которых формировался слой, и особенностями самого кремневого сырья (сильная внутренняя трещиноватость, следствием которой были частые случаи природного раскалывания отдельностей кремня и образование по их краям участков с «естественной» ретушью). В ходе работ 2011 г. было обнаружено 35 экз. кремня, имеющих признаки искусственного расщепления разной степени выраженности. Сохранность и облик предметов определили разделение коллекции на две группы по степени выраженности антропогенного воздействия. Артефакты первой группы представлены сколами, теми орудийными формами, которые легко диагностируются, имеют типологическую привязку и выраженную системность обработки, а также нуклевидными формами с прослеживающейся системой подготовки ядрища и негативами серии целенаправленных снятий. Изделия второй группы представлены простыми нуклевидными формами, а также обломками и осколками, вторичная отделка которых позволяет диагностировать возможную системность обработки и выделить рабочие участки. Также в эту категорию попадает группа мелких сколов, для которых нельзя исключать возможность образования при раскалывании кремневых обломков и галек вследствие соударений, а также медиальные и дистальные фрагменты более крупных сколов, не имеющих остаточных ударных площадок.

Группа 1 – 16 экз. Из них: скребла – 3 (одно орудие выполнены на квадратной плиткообразной гальке, прямое лезвие оформлено мелкими широкими регулярными сколами; два других оформлены на небольших удлиненных подтреугольных в поперечном сечении гальках, прямые лезвия выполнены на продольных краях мелкой отвесной чешуйчатой двухрядной ретушью (см. *рисунок*, *3*)); скребловидное – 1 (орудие выполнено на рассеченной гальке трапециевидной формы, неровное слабовогнутое лезвие, оформленно серией разноразмерных широких крутых нерегулярных сколов); скребки атипичные – 3 (изделия выполнены на мелких сколах, лезвия оформлены мелкой чешуйчатой двухрядной крутой, в одном случае отвесной, ретушью; у двух орудий лезвия прямые (см. *рисунок*, *1*), у одного слабовогнутое, вогнутость рабочего края сформирована мелким широким сколом (см. *рисунок*, *4*)); шиповидные – 2 (одно изделие выполнено на небольшом массивном сколе с дивергентными краями, трехгранный шиповидный выступ образован схождением дистала и одного из продольных краев заготовки и подчеркнут серией мелких одно- и двухрядных отвесных

Каменные артефакты. Рубас-1. Раскоп 2011 г. Слой 5.
Художник А.В. Абдульманова.
1, 4 – атипичные скребки; *2, 6* – шиповидные изделия; *3* – скребло;
5, 7 – отщепы; *8* – выемчатое изделие.

слабомодифицирующих снятий по обоим краям (см. *рисунок*, *2*); второе на крупном подтреугольном сколе с конвергентными краями массивный удлиненный округлый выступ образован схождением продольных краев и подчеркнут с двух сторон неглубокими протяженными выемками оформленными короткими широкими крутыми и отвесными дорсальными сколами (см. *рисунок*, *6*)); выемчатое – 1 (изделие выполнено на крупном трапециевидном первичном сколе на прямом протяженном крае которого серией мелкими глубоких отвесных дорсальных снятий оформлена неглубокая протяженная выемка с зубчатым контуром края, вентрал заготовки дополнительно уплощен несколькими крупными сколами (см. *рисунок*, *8*)); отщепы – 6 (см. *рисунок, 5, 7*).

Группа 2 – 19 экз. Из них: атипичные скребки (?) на обломках – 2, крупные шиповидные изделия (?) на плоских гальках – 1, мелкие шиповидные изделия (?) на сколах – 1, фрагменты крупных сколов (?) – 4, мелкие сколы – 8, расколотые гальки (?) – 3.

По предварительным оценкам возраст раннепалеолитического комплекса Рубас-1 соотносится с финалом акчагыльского времени (1,5–2 млн. л.н.) и является одной из древнейших археологических индустрий на Кавказе.

Список литературы

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 232 с.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А. Раннепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1 (по материалам работ в 2010 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16 – С. 47–51.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Зенин В.Н., Лещинский С.В. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 124 с.

Лещинский С.В., Коновалова В.А., Бурканова Е.М., Бабенко С.Н. Обоснование относительного возраста раннепалеолитических местонахождений Дарвагчай-1 и Рубас-1 (Южный Дагестан) // Древнейшие миграции человека в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 140–149.

Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant / eds. J.M. Burdukiewicz, A. Ronen. – Oxford, 2003. – 239 p. – (BAR, Intern. Ser., N 1115).

Vértesszőlős: Site, Man and Culture / eds. M. Kretzoi, V.T. Dobosi. – Budapest: Akademia Kiado, 1990. – 556 p.

А.П. Деревянко, Л. Булатович, М. Бакович,
А.А. Цыбанков, В.А. Ульянов, А.В. Кандыба

ИЗУЧЕНИЕ СКАЛЬНОГО НАВЕСА БИОЧЕ (ЧЕРНОГОРИЯ) В 2011 ГОДУ

В 2011 г. археологические работы под скальным навесом Биоче проводились в раскопе площадью 2,4 м^2, который был прирезан к траншее прошлых лет [Đuričić, 2006] в северо-восточном направлении – 1,5 м по линии G и 1,6 м от линии G к линии F, в рамках квадратов G, F/16–17 общей сетки раскопа.

В стратиграфическом разрезе северо-западной стенки раскопа выделено 10 стратиграфических подразделений.

Слой 1.1.1. Супесь одресвяненная коричнево-черная, рыхлая, пористая, карбонатная, насыщенная мелким щебнем. Структура субгоризонтально ориентированная, чешуйчато-тонкоплитчатая. Щебень острогранный, слабоуплощенный, ориентирован преимущественно субгоризонтально, с очень слабой, практически неразвитой реактивной каймой.

Слой 1.1.2. Суглинок одресвяненный и опесчаненный, коричневый с красноватым оттенком, заполняющий нишу в своде пещеры. Структура мелкозернистая, текстура не выражена. Включения единичны, присутствует мелкий щебень и дресва. Очевидно, часть дресвяно-песчаного материала представляет зерна очаговой цементации заполнителя карбонатным цементом.

Слой 1.1.3. Щебнисто-дресвянистая толща с легкосуглинистым сильно одресвяненным заполнителем преимущественно базального типа, темно-коричневого и коричневого цвета с красным оттенком. Довольно сильно сцементирован карбонатным цементом. Проективная площадь щебнистого материала составляет 40–50 %, в отдельных гнездах в верхней части слоя – до 60–70 %, где заполнитель приобретает поровый характер. Обломочный материал крупнощебнистой размерности, слабо уплощен, ориентирован, как правило, субгоризонтально. Мелкощебнистый материал изометричной формы, ориентирован хаотически. Щебень имеет слабо заглаженные вершины, покрыт слабо развитой реактивной каймой. Мощность слоя – 35–45 см.

Слой 1.2. Суглинок легкий, черного цвета со слабым коричневым оттенком. Насыщенность мелким щебнем от 30 до 50 % проективной площади. Верхняя граница слоя не резкая, в виде зоны постепенного перехода, неровная, волнистая и карманообразная, с переуглублениями в кровле слоя, иногда выстланными щебнем и единичными гальками. Мощность слоя – 10–20 см.

Слой 1.4. Суглинок легкий, черный (гумусированный), с однородной тонкозернистой структурой, неравномерно насыщенный щебнистым материалом. Щебень мелкий, уплощенный, ориентирован субгоризонтально. Содержание обломочного материала 10–15 % проективной площади. В заполнителе встречаются включения суглинков средних, красновато-коричневых аструктурных. Верхняя граница слоя нечеткая, в виде зоны постепенного перехода. Мощность слоя – 20 см.

Слой 3. Мелкощебнисто-дресвянистый горизонт с супесчаным заполнителем порового типа, сильно сцементированный карбонатным цементом, местами до степени травертиновой брекчии. Дресва и мелкий щебень составляют ок. 80 % обломочного материала, средний щебень – ок. 20 %. Щебень изометричной формы со слабо оглаженными ребрами. Залегает в виде линзы, вложенной в кровлю слоя 4. Верхняя часть слоя – насыщенный мелкощебнисто-дресвянистым материалом прослой с черным легкосуглинистым заполнителем порового типа. Щебнистый материал слабо уплощенной формы, ориентирован строго субгоризонтально. Нижняя часть слоя – линзовидный прослой щебнистого материала в красновато-коричневом заполнителе. Заполнитель рыхлый, пористый, супесчаного состава. Верхняя граница ровная, четкая, горизонтальная. Мощность слоя – 15–17 см.

Слой 4. Пачка супесей коричневато-серых со слабым зеленоватым оттенком, с прослоями щебнисто-дресвянистого материала в легкосуглинистом заполнителе серо-коричневого цвета. Нижний прослой супесей тяжелых мощностью до 30–35 см хорошо прослеживается по всему разрезу. В кровле прослоя отмечены единичные глыбы до 25 см в поперечнике, залегающие субгоризонтально. Насыщенность прослоя щебнистым материалом до 5 %. Средний (щебнисто-дресвянистый) прослой отличается высокой степенью травертинизации, вплоть до образования травертиновой брекчии, в результате чего заполнитель приобрел светло-серый и палево-серый цвет. Мощность зоны травертинизации составляет 10–12 см. Встречаются щебень и мелкие глыбы сильноуплощенной формы. Ориентировка щебнистого и костного материала субгоризонтальная. Заполнитель легкосуглинистый, сильно опесчаненый, насыщенного коричневого цвета с красноватым оттенком. Верхняя часть слоя – пески среднезернистые и мелкозернистые, слабо оглиненные, неравномерно, хотя и обильно (до 20–30 % проективной площади) насыщенные хаотически ориентированным мелкощебнистым материалом. Верхняя граница слоя четкая, денудационного типа, маркируется травертинизированным щебнисто-дресвянистым горизонтом мощностью до 15 см. Мощность слоя – 30–35 см.

Слой 5. Суглинок тяжелый, светло-коричневый с красным оттенком, одресвяненный, насыщенный щебнистым материалом с включением единичных мелких глыб. В нижней части слоя в заполнителе наблюдается мелкая чешуйчатость, вызванная продавливанием наиболее крупных глыбово-щебнистых включений. Крупный щебень с включением единичных глыб сосредоточен преимущественно в нижней части слоя. Заполнитель базаль-

ного типа, проективная площадь обломочного материала составляет от 30 до 40 %. Глыбы преимущественно изометричной формы, крупно- и среднещебнистые обломки слабо уплощены, ориентированы согласно простиранию слоя либо с отклонением не более 30°. Крупнообломочный материал имеет слабо заглаженные вершины, покрыт слабо развитой белесой реактивной каймой. Мелкий щебень и дресва сосредоточены в верхней части слоя, ориентированы более хаотически. В составе обломочного материала встречены фрагменты сильновыветрелых внутрипещерных натечных образований мелкощебнистой размерности, а также единичная галька и гравий экзотических пород. Верхняя граница слоя четкая, выделяется по цвету и механическому составу заполнителя, неровная, волнистая, местами линзовато-затечная. Мощность слоя – 30–35 см.

Слой 6. Пачка тяжелых суглинков коричневых цветов, с многочисленными включениями выветрелых натечных образований среднещебнистой и мелкощебнистой размерности, формирующих в средней и нижней частях слоя разубоженные прослои обломочного материала. В подошв слоя наблюдается горизонт обогащения мелкоглыбовым материалом в заполнителе базального типа. Глыбы острогранные, со слабо развитой белесой реактивной каймой, часто сильно уплощенной формы, залегают субгоризонтально, согласно простиранию слоя.

Слой 7. Глины красновато-коричневые, плотные, пластичные, с единичными включениями дресвы и мелкого щебня известнякового состава. Структура во влажном состоянии пелитоморфная, в подсохшем – слабо выраженная комковатая и ореховатая, оскольчатая. Текстура выражена плохо, прослеживается нечеткая линзовидная слоистость, обусловленная, наличием горизонтов обогащения обломками выветрелых внутрипещерных натечных образований по типу разубоженной щебнистой отмостки. По граням структурных отдельностей хорошо развито омарганцевание в виде тонких черных пленок. Fe-Mn новообразования встречаются также в зачищенной стенке в виде скоплений черных матовых аморфных пятен размером от 2 до 10 мм в поперечнике. Обломочный материал преимущественно фракции мелкого щебня. Встречаются обломки сероцветных коренных известняков, с острыми ребрами и слабо развитой белесой реактивной каймой. Ориентировка обломков в слое хаотическая. В основании вскрытого фрагмента слоя залегает разубоженный глыбовый горизонт. Глыбы с заглаженными ребрами, с умеренно развитой белесой реактивной каймой и сильным поверхностным омарганцеванием. Верхняя граница слоя неровная, волнисто-линзовидная, четкая по цвету, но не резкая. Местами трассируется по единичным включениям выветрелого известняка мелкощебнистой размерности. Вскрытая мощность – от 10 до 15 см.

В ходе раскопок получено около 14 тыс. палеолитических каменных изделий. Основная часть находок зафиксирована в литологических слоях 1–4. В целом, каменная индустрия стоянки выглядит достаточно однородной.

В первичном расщеплении преобладают радиальные нуклеусы в одностороннем варианте (рис. 1, *1, 7*; 2, *6, 9*). Вторую группу составляют площадочные нуклеусы параллельного принципа расщепления (рис. 1, *4*; 2, *4, 10*). Выделяются несколько нуклеусов леваллуазского облика с более тща-

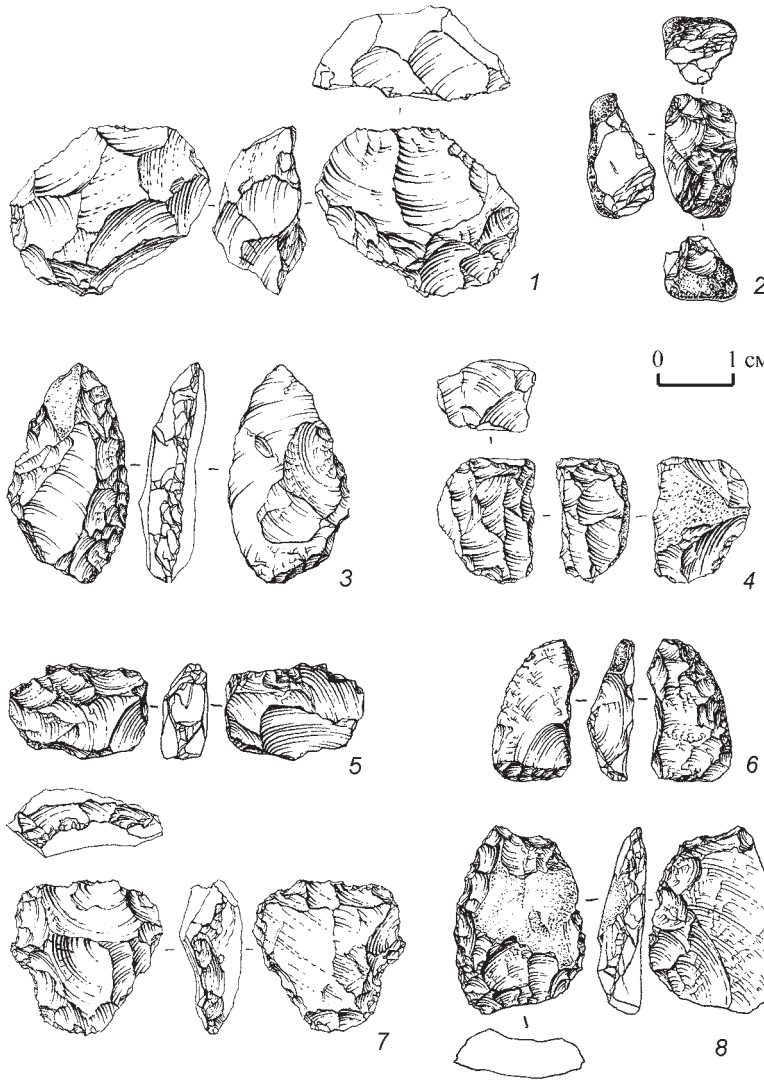

Рис. 1. Каменный инвентарь из скального навеса Биоче.
1, 2, 4, 7 – нуклеусы; *3, 8* – скребла;
5 – тронкированно-фасетированное изделие; *6* – нож.
1, 2, 3 – слой 1.1.2; *4, 5, 6* – слой 1.1.3; *7, 8* – слой 1.2.

тельным оформлением одной выпуклой площадки для получения одного скола. Немногочисленной, но довольной выразительной группой представлено торцовое расщепление, направленное на получение или попытку получения мелкопластинчатых или микропластинчатых сколов (рис. 1, *2*). В коллекции присутствуют тронкированно-фасетированные изделия (рис. 1, *5*).

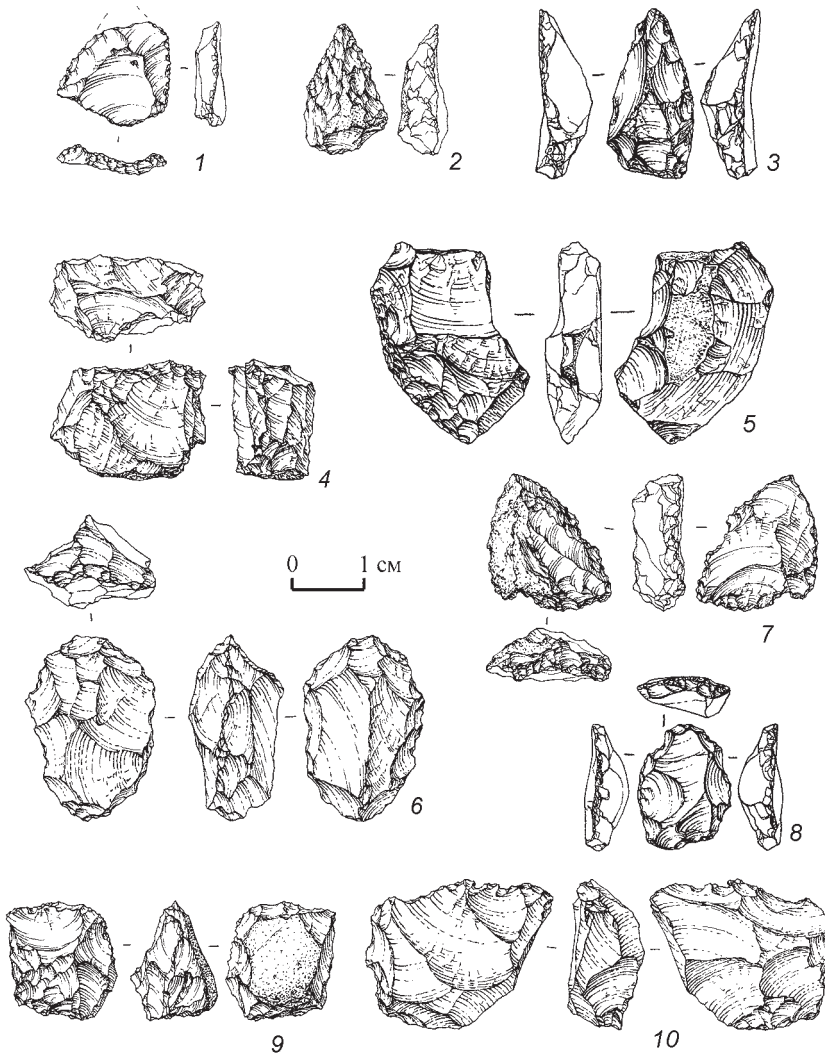

Рис. 2. Каменный инвентарь из скального навеса Биоче.
1 – леваллуазское острие; *2, 3* – мустьерские острия; *4, 6, 9, 10* – нуклеусы; *5* – нож; *7* – скребло; *8* – комбинированное орудие.
1, 2, 3 – слой 1.2; *4, 5* – слой 1.4; *6, 7, 8* – слой 3; *9* – слой 4; *10* – слой 5.

Морфология и технологическая нагрузка позволяют отнести их к категории нуклеусов.

Необходимо отметить, что для большинства нуклеусов характерны крайнее истощение формы и небольшие размеры, в среднем до 5 см. Метрические параметры нуклеусов хорошо согласуются с пропорциями сколов, среди которых преобладают отщепы длиной до 3–4 см. Численность крупных изделий минимальна. При полном доминировании отщепов, выделяется серия типологически выраженных пластин. Среди остаточных ударных площадок преобладают гладкие и естественные, сколы с фасетированными талонами не многочисленны.

В орудийном наборе доминируют мелкие и средние скребла различной модификации (рис. 1, *3*; 2, *7, 8*). Значительная часть скребел имеет обушок. Выразительную серию составляют угловатые скребла. Вторую по значению категорию орудий представляют ножи, у которых лезвие утончено чешуйчатой ретушью (рис. 1, *6*; 2, *5*). Представительна группа мустьерских остроконечников (рис. 2, *2, 5*). Леваллуазские острия представлены несколькими экземплярами (рис. 2, *1*). Достаточно многочисленны зубчато-выемчатые и шиповидные орудия. Верхнепалеолитические формы (скребки, резцы и др.) составляют небольшую и типологически маловыразительную серию.

В целом, технико-типологический облик каменных изделий из скального навеса Биоче и геологический контекст их залегания позволяют проследить близкие аналогии с позднемустьерским комплексом стоянки Црвена Стена в Черногории [Basler, 1971]. Согласно этим аналогиям, возраст индустрии Биоче находится в хронологическом диапазоне 50–35 тыс. лет.

Список литературы

Đuričić L. A contribution to research on Bioče Mousterian // J. of the Serbian Archaeological Society. – 2006. – Vol. 22. – P. 179–196.

Basler Đ. Crvena Stijena, Petrovići, Nikšić, Station paléolitique de l' Epoque préhistorique et protohistorique en Yougoslavie. Recherches et résultats. – Beograd, 1971.

А.П. Деревянко, С.В. Маркин

МАТЕРИАЛЫ СТОЯНОК СИБИРЯЧИХИНСКОГО ВАРИАНТА СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА АЛТАЯ*

Среди среднепалеолитических памятников Алтая, отличными признаются два карстовых объекта (Окладникова, Чагырская) материалы, которых сопоставимы с мустьерскими комплексами Юго-Западной Европы, Закавказья, Восточного Средиземноморья [Деревянко, Маркин, 1992; Деревянко и др., 2009]. Допускается, что индустрии двух пещер образуют особый вариант регионального среднего палеолита, для обозначения которого предлагается название «сибирячихинская индустриальная линия развития» или «сибирячихинский вариант среднего палеолита [Деревянко, 2011; Derevianko, Markin, 2011]. По антропологическим материалам пещер носителем культурных норм данного варианта, являлись представители неандертальского антропологического типа [Krause, Orlando et al., 2007; Медникова, 2011; Viola et al, 2011].

Обе пещеры, приуроченные к бортам рек Сибирячиха и Чарыш – многослойные с однотипными индустриями, не образующие какой-либо культурной прерывистости. Структура стоянок имеет много общего, что отразилось на характере фракционирования кремневых остатков. В индустриях объектов характерно небольшое количество свидетельств о расщеплении сырья. Небольшой процент нуклеусов, основ с корочным покрытием ограничивают этот цикл обработки камня непосредственно в пещерах. Вместе с тем, представляются высокими объемы (более 20 %) орудийных форм. Видимо, расщепление горных пород обитателями пещер производилось, на стороне, возможно, на берегу близлежащих рек. На стоянки доставлялись лишь заготовки, превращенные здесь в орудийные формы. Следствием этого процесса следует считать значительные объемы сколов отделки – производные процесса ретуширования. Соотношение показателей между нуклеусами, потенциальными заготовками и орудиями свидетельствует, что каждая 2–4-я заготовка подвергалась вторичной отделке. Очевидно, оба памятника относятся к охотничьим лагерям, в чем кроется причина преимущественно однородного типологического состава в виде скребел и скребел-ножей. Хозяйственная деятельность коллективов пещеры Окладникова связана с добычей, в основном, лошадей, аргали, носорогов, бизонов, благородных оленей. В пещере Чагырской преобладание

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 11-06-12005-офи-м-2011).

остатков бизона может служить отражением охотничьей специализации человека.

В качестве сырья при образовании артефактов пещер использовались местные породы (осадочные, роговики, эффузивы, яшмоиды) в виде гальки из аллювия близлежащих рек. Для технокомплексов характерен однотипный инвентарь, основанный, в основном, на радиальном расщеплении пород, следствием которого является обилие сколов со смещением корпуса заготовки от оси снятия. В пещере Окладникова, помимо радиальных, представлены образцы ядрищ, отражающие технологии параллельного и леваллуазского раскалывания. Соответственно здесь представлены немногочисленные примеры удлиненных артефактов и изделий с леваллуазской морфологией. Типологической основой набора орудий являются скребла и орудия типа déjeté, достигающие в совокупности, в определенных слоях памятников, 90 % всего объема вторично преобразованных артефактов. Среди скребел большинство одинарных боковых и поперечных форм, меньше двойных параллельных и конвергентных орудий, единичны скребла с ретушью по периметру, утонченной спинкой, типа полукина, с брюшковой и противолежащей отделкой. Немаловажным явлением представляется наличие скребел-ножей с разнообразными обушками, противолежащие активным кромкам или примыкающие к ним под углом. Отметим, что обушковые формы являются одним из характерных признаком технокомплексов пещер. Орудия типа déjeté двойных и тройных комбинаций, различаются по количеству и положению активных кромок, их ориентации, форме, отделке и углу схождения. Леваллуазские острия, единичные орудия верхнепалеолитический типологии представлены только в технокомплексах пещеры Окладникова. Немногочисленные группы артефактов образуют зубчатые изделия, анкоши, остроконечники. В пещере Окладникова представлены бифасы – обушковые формы с косым утолщенным краем (сл. 7, 3, 2), в Чагырской пещере – плоско-выпуклые бифасы овальных очертаний (подошва сл. 6б) с утолщенным основанием и рабочей частью, образованной конвергенцией продольных краев. Из сл. 7 пещеры Окладникова происходит образец бифаса с вытянутым рабочим участком, боковыми плечиками и забитой пяточной частью. Идентичной представляется в индустриях пещер и отделка орудий, реализуемая при организации лезвий изделий и их отдельных частей. Вторичная обработка осуществлялась, в основном, с помощью разнообразных ретушных отделок. Преобладает ретушь лицевая, полукрутая, средняя, полуглубокая и захватывающая, двурядная и чешуйчатая. Большинство орудий, прежде всего, скребел, образованы с помощью модифицирующей ретуши, неоднократно переоформляющей артефакты в процессе их эксплуатации. Выделяются различного рода утончения заготовок с целью удаления бугорков, подтески базальных частей, исправления кривизны профиля, уплощения кромок и угла схождения лезвий на déjeté. В целом, структура технокомплексов обеих пещер

характерна для среднего палеолита, развивающегося в сторону мустьерских черт, где руководящими формами артефактов являются, прежде всего, разнообразные скребла.

В пещере Окладникова большая часть отложений (сл. 2, 3, 6, 7) формировалась в условиях теплого климата при развитии разнотравно-луговостепной растительности. Завершение образования толщи (сл. 1) происходило в условиях открытых, слабооблесенных, лугово-травных пространств, при более влажном и холодном климате. Палеонтологические материалы из пещеры определяют «смешанный» состав позднеплейстоценового териокомплекса горных территорий.

В Чагырской пещере (сл.6а–6в/2) представлены виды мегафауны степей, лесостепей и скальных мест обитания [Васильев, 2009]. Палинологический анализ реконструирует степные условия периода формирования сл. 6а, 6б и 6в/1 и холодных листопадных лесов в период накопления слоя 6в/2 [Рудая, 2010].

Временные показатели пока установлены для технокомплексов из пещеры Окладникова, абсолютный возраст которой соответствует каргинскому времени. Начальная стадия сложения среднепалеолитических индустрий Алтая по материалам из базальных отложений Денисовой пещеры (сл. 22, 21) и нижней части разреза Усть-Каракола 1 (сл. 19), приходится на вторую половину среднего плейстоцена в интервале 282–133 тыс. лет назад. Материалы большинства стоянок (Денисова Усть-Каракол 1, Страшная со слоями, образующими среднюю часть разреза, Окладникова, Усть-Канская, Тюмечин 1, 2, нижние слои Кара-Бома) относятся ко времени 100–44,8 тыс. лет назад [Природная среда.., 2003]. Самые поздние (сл. 1 пещеры Окладникова) комплексы среднего палеолита региона, по радиоуглеродным данным, датируются возрастом 33,5 тыс. лет назад. Очевидно, во временных пределах второй половины верхнего плейстоцена следует рассматривать вариант регионального среднего палеолита, представленный материалами из пещер Окладникова и Чагырской. Возможно, малочисленность объектов сибирячихинского варианта свидетельствуют о небольшой группе его носителей, приникшей на Алтай, достаточно быстро растворившихся в иной культурной и антропологической среде. Подтверждением этого является отсутствие последствий развития данных технокомплексов в алтайских индустриальных разновидностях на стадии сложения культуры раннего верхнего палеолита [Деревянко, 2011]. Если учитывать возрастные показатели пещеры Окладникова и материалы 11 слоя Денисовой (около 50 000 л.н.), где представлены верхнепалеолитические индустрии ориньякского облика, все более отчетливо определяется проблема взаимоотношения неандертальцев и человека иного антропологического облика в палеолите Алтая на стадии смены культур. Отметим, что на костном материале Денисовой пещеры выделена геномная последовательность, принадлежащая ранее неизвестному гоминиду [Krause, Fu et al., 2010].

Список литературы

Васильев С.К. Остатки териофауны из пещеры Чагырская (Северо-Западный Алтай) по материалам раскопок в 2007 и 2008 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 15. – С. 50–54.

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 560 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкина В.С., Зыкин В.С. Чагырская пещера: исследования в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 15. – С. 129–132.

Медникова М.Б. Посткраниальная морфология и таксономия представителей рода *Homo* из пещеры Окладникова на Алтае. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 128 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Рудая Н.А. Палинологическая характеристика отложений палеолитической стоянки Чагырская пещера (Алтайский край) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 132–136.

Derevianko A.P., Markin S.V. Sibiryachikhinsky version sites of the Altai Middle Paleolithic industries // Characteristic Features of the Middle Paleolithic Transition in Eurasia. – Novosibirsk: Publishing Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2011. – P. 40–49.

Krause J., Fu Q., Good J., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Pääbo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. – 2010. – Vol. 464, N 7290. – P. 894–897.

Krause J., Orlando L., **Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo C.** Neanderthals in Central Asia and Siberia // Nature. – 2007. – Vol. 449. – P. 902–904.

Viola B., Markin S.V., Zenin A., Shunkov M.V., Derevianko A.P. Late Pleistocene hominis from the Altai mountains, Russia // Characteristic Features of the Middle Paleolithic Transition in Eurasia. – Novosibirsk: Publishing Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2011. – P. 207–213.

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, Л. Булатович, А.К. Агаджанян, И.А. Вислобокова, В.А. Ульянов, А.А. Анойкин, И. Меденица

ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕЩЕРЕ ТРЛИЦА НА СЕВЕРЕ ЧЕРНОГОРИИ*

В апреле 2011 г. совместный отряд ИАЭТ СО РАН и Центра археологических исследований Черногории продолжил комплексное изучение плейстоценовых отложений в пещере Трлица, расположенной на севере республики, у границы с Сербией. Пещера находится на склоне межгорной депрессии, северо-восточнее устья каньона р. Чеотина, на высоте 925 м над уровнем моря. В процессе изучения рыхлых отложений карстовой полости вскрыт разрез мощностью 3 м, в котором выделено 12 литологических слоев. Отложения имеют разный генезис и характеризуются наличием нескольких, скорее всего, продолжительных седиментационных перерывов. Верхняя часть разреза (слои 1–4) накапливалась преимущественно в субаэральных условиях, в обстановке слабого или умеренного увлажнения. Генетически представляет красноцветную кору выветривания, которая попадала в пещеру по трещинам или вертикальным карстовым каналам незначительной протяженности. Средняя толща (слои 5–10) несет признаки формирования делювиально-пролювиальными процессами, при этом доля пролювиальной составляющей сильно возрастает вниз по разрезу. Нижние слои 11 и 12 формировались преимущественно в субаквальной обстановке и представляют, скорее всего, отложения водотока с неустановившимся гидрологическим режимом.

В процессе раскопок пещерных отложений получено 152 экз. определимых останков мелкой териофауны и 383 экз. определимых костей крупных животных. Палеонтологический материал представлен разрозненными щечными зубами, резцами грызунов, фрагментами челюстей и черепов, обломками рогов, костями посткраниального скелета, принадлежащих летучим мышам, зайцеобразным, грызунам, хищникам, хоботным, копытным.

Для сообщества мелких млекопитающих установлено 18 таксонов. Большинство определимых костей принадлежит полевкам и заметная часть – соне из группы полчков рода Glis.

Слой 5.1. Для отложений слоя характерно наличие крупного хомяка, корнезубой полевки *Mimomys*, архаичной подземной полевки *Terricola gregaloides* и более продвинутой формы *Terricola arvaloides*. Найден верхний

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 11-06-12030-офи-м-2011 и № 11-04-00933-а).

зуб M^1 бесцементной полевки трибы степных пеструшек Lagurini и обломок зуба M^2 дикобраза. Хомяк, близкий *Cricetus cricetus*, предполагает существование луговых биотопов. Присутствие полевки рода *Terricola* указывает на распространение широколиственных лесов в условиях довольно теплого климата. Наличие степной пеструшки свидетельствует о существование открытых и сухих биотопов. Возраст сообщества определяют *Terricola* ***gregaloides*** и *Mimomys*, типичные представители кромерских (тираспольских) фаун Европы первой половины среднего плейстоцена.

Слой 5.2. В отложениях слоя преобладают кости сони-полчка *Glis* ***sackdillingensis***. Присутствуют также останки бесцементной полевки трибы степных пеструшек Lagurini. Строение зуба M^3 позволяет сопоставить ее с *Lagurus transiens*. Найдены зубы хомяка, близкого по размерам и строению современному *Cricetus* ***cricetus***. Присутствуют кости мелкого хомячка рода *Cricetulus*. Много резцов мелких грызунов. Высокая численность сони указывает на господство широколиственных лесов в условиях теплого климата. Хомяки – обитатели луговых участков. Наличие степной пеструшки предполагает существование открытых и сухих биотопов аридного облика. Возраст ориктоценоза определяется наличием сони *Glis* ***sackdillingensis*** и степной пеструшки *Lagurus* ex gr. *transiens*. Эти таксоны характерны для кромерских фаун Европы, т.е. для первой половины среднего плейстоцена.

Слой 6. Отличается низкой концентрацией палеонтологического материала. В нем найден зуб сони *Glis sackdillingensis* и один крупный верхний зуб M^3, который обладает наружным цементом и небольшой эмалевой маркой неглубокого залегания. Эти признаки типичны для M^3 *Mimomys* ***pliocaenicus***. Подобное сочетание таксонов мелких млекопитающих соответствует ранним тираспольским фаунам начала среднего плейстоцена.

Слой 7. В этом слое найдено несколько фрагментов резцов дикобраза.

Слой 8. Обнаружен только верхний щечный зуб M^2 полевки рода *Mimomys*. Судя по небольшим размерам, он принадлежит группе *Mimomys* ***pusillus.***

Слой 10. В отложениях слоя преобладают кости полевок рода *Mimomys*, среди которых отмечены зубы, характерные для *Mimomys pliocaenicus*. Кроме того в сборах присутствуют два зуба некорнезубой полевки трибы Microtini и зуб бесцементной некорнезубой полевки трибы Lagurini. Обнаружено много фрагментов зубов, в основном резцов, дикобраза. Найдена нижняя челюсть небольшого зайца и диагностичный для этой группы зуб P_3. Его строение показало принадлежность зайца к роду *Pliolagus*. Эта группа характерна для раннего плейстоцена (виллания) Европы [Гуреев, 1964], а также для местонахождений плиоцена – раннего плейстоцена бассейна Дона и Волги [Сухов, 1970; Агаджанян, 2009]. Представлены останки дикобраза рода *Hystrix*. Предварительный анализ показал, что ископаемый дикобраз из Трлицы крупнее современного. Находки костей посткраниального скелета и зубов Chiroptera свидетельствуют, что в эпоху формирования этого слоя карстовая полость являлась обычной пещерой, в которой обитали летучие мыши.

Полевки группы *Mimomys pliocaenicus* характерны для стратиграфической зоны MN 18 первой половины раннего плейстоцена. Присутствие зайца рода *Pliolagus* ограничивает верхний возрастной предел этой фауны ранним плейстоценом. Наличие представителя трибы Lagurini определяет нижнюю хронологическую границу сообщества палеомагнитным эпизодом Олдувей, – ранее этого рубежа некорнезубые полевки не встречаются. Таким образом, время существования фауны млекопитающих из этого слоя соответствует интервалу 1,8–0,8 млн лет.

Слой 11. Обнаружены костные останки дикобраза и полевки рода *Mimomys*, что сближает фауну этого слоя с фауной вышележащего слоя 10.

По таксономическому составу и геологическому возрасту фауна мелких млекопитающих из пещеры Трлица делится на две группы. В первую группу входят материалы из отложений слоев 5.1., 5.2. и, вероятно, слоя 6. Эта фауна существовала в условиях относительно теплого и сухого климата в первой половине среднего плейстоцена или кромера, что соответствует первой половине тирасполя по шкале, принятой в России. Вторую группу составляют материалы из нижних слоев 10 и 11. Для этой эпохи характерны более холодные условия, чем для периода накопления вышележащих слоев. Фаунистический комплекс из этих отложений значительно архаичней, его возраст отвечает первой половине раннего плейстоцена.

Костные останки крупных млекопитающих из коллекции 2011 г. позволили уточнить таксономический состав сообщества и геологический возраст вмещающих отложений. Распределение видов крупной териофауны по литологическим слоям подтвердило присутствие двух разновозрастных групп – фауны среднего и раннего плейстоцена. Большая часть останков крупных животных принадлежит парнопалым и непарнопалым. Костей хищников значительно меньше, но по видовому разнообразию Carnivora немного уступают парнопалым. Найдено также три фрагмента зубов хоботных животных.

Слой 5.2. Обнаружены остатки зубов носорога *Stephanorhinus hundsheimensis*. Этот вид принадлежит к линии *S. etruscus* – S. *hundsheimensis*. Он отличается от *S. etruscus* меньшими размерами, более высокими коронками щечных зубов и соответствует среднеплейстоценовым формам. Этот вид уже известен в составе фауны из Трлицы, но не было установлено, из каких слоев происходили его останки. Сборы этого года показали, что S. *hundsheimensis* приурочен к верхней части разреза. Кроме того в составе ориктоценоза определены: нижний зуб лошади стенонового типа, принадлежащий, скорее всего, среднеплейстоценовому виду *Equus* s*uessenbornensis*; зуб M^2 бизона, по размерам и морфологии сходный с *Bison shoetensacki*; а также кости некрупного среднеплейстоценового медведя *Ursus deningeri*.

Слой 6. Найдены останки носорога *Stephanorhinus* sp. и гиены *Crocuta* sp.

Слой 7. Сильно фрагментированные кости принадлежат носорогу *Stephanorhinus* sp., лошади стенонового типа *Equus* cf. *stenonis*, оленю из группы благородных *Cervus* sp. и бизону *Bison* sp.

Слой 8. Обнаружено несколько фрагментов зубов носорога и лошади.

Слой 9. Найдены небольшие обломки костей и зубов жвачных животных.

Слой 10. Фауна из этого слоя наиболее разнообразна и представительна. Впервые для ориктоценоза пещеры определены этрусский носорог *Stephanorhinus etruscus*, крупный бык *Leptobos* sp. и мелкий лось *Libralces* cf *gallicus*. Костные останки хищников принадлежат некрупному медведю *Ursus* cf. *etruscus*, этрусскому волку *Canis etruscus,* гиеновой собаке *Lycaon lycanoides,* гиене *Pachycrocuta brevirostris*, ископаемому европейскому ягуару *Panthera onca* cf. *gombaszoegensis,* крупной саблезубой кошке *Homotherium crenatidens,* представителю семейства куньих *Mustelidae.* Среди травоядных установлены: слон *Palaeloxodon* sp., носорог *Stephanorhinus etruscus*, олени *Cervus acoronatus, Libralces* cf. *gallicus, Praemegaceros* sp., полорогие *Bison* (*Eobison*) sp., *Leptobos* sp., *Megalovis balcanicus.*

Слой 11. Все костные фрагменты принадлежат крупному представителю трибы овцебыков, балканскому эндемику *Megalovis balcanicus*.

Фауна крупных млекопитающих из верхних слоев 5.2 и 6 соответствует среднему-позднему галерию Италии или тираспольскому фаунистическому комплексу Восточной Европы, которые датируются началом среднего плейстоцена европейской шкалы или началом неоплейстоцена стратиграфической шкалы России.

Время существования фауны млекопитающих из отложений слоев 10 и 11 относится к началу раннего плейстоцена (раннему эоплейстоцену стратиграфической шкалы России). По таксономическому составу эта фауна соответствует зоне млекопитающий MNQ 18 или палеомагнитной эпохе Матуяма в хронологическом интервале от субхрона Олдувей (1,9–1,7 млн лет) до середины позднего виллафранка (1,5–1,4 млн лет). Наиболее близки этому сообществу фауны Дманиси в Грузии (1,7 млн лет), Верхнее Вальдарно (уровни Оливола и Тассо) в Италии и Вента Мицена в Испании (1,5 млн лет).

В целом результаты изучения мелких и крупных млекопитающих из отложений пещеры Трлица хорошо согласуются между собой и несут информацию о двух крупных палеогеографических этапах. Из нижней части разреза получен представительный комплекс раннеплейстоценовой, а из верхней части – среднеплейстоценовой фауны.

Список литературы

Агаджанян А.К. Мелкие млекопитающие плиоцен-плейстоцена Русской равнины. – М.: Наука, 2009. – 674 с.

Гуреев А.А. Фауна СССР. Млекопитающие. Зайцеобразные. – М.: Наука, 1964. – 276 с. – (Тр. ЗИН АН СССР; т. 3, вып. 10).

Сухов В.П. Позднеплиоценовые мелкие млекопитающие Аккулаевского местонахождения в Башкирии. – М.: Наука, 1970. – 91 с.

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков,
А.А. Цыбанков, В.А. Ульянов, А.М. Чеха

РАСКОПКИ ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

В ходе археологических исследований в восточной галерее Денисовой пещеры в 2011 г. было продолжено изучение стратиграфических подразделений 11.3 и 11.4 [Деревянко и др., 2010], а также начаты раскопки верхней части литологического слоя 12. Плейстоценовые отложения вскрыты на площади квадратов Г–Е/2–4.

Горизонт 11.3. Суглинок легкий, красно-коричневый, с деформированными линзовидными прослоями суглинков легких темно-коричневых с красноватым оттенком, пористый, рыхлый, с хорошо выраженными тиксотропными свойствами в увлажненном состоянии. Слабо одресвяненный, сильно опесчаненный, за счет включений мелкого костного и копролитового детрита. Не реагирует с HCl. Структура разнозернистая (от крупнозернистой до мелкозернистой), в верхней части горизонта отмечена плохо выраженная мелкочешуйчатость. Текстура слоистая и линзовидно-слоистая, обусловленная послойным заполнением отрицательной формы (переуглубления) в подстилающих отложениях. Обломочный материал составляет около 15–20 % проективной площади. Щебень преимущественно мелкий, с единичными включениями крупных обломков и мелких глыб. Для обломочного материала характерны сильно заглаженные ребра, иногда грани, покрытые, как правило, мощной (до 5 мм) реактивной каймой красновато-охристого цвета. Горизонт обильно насыщен обломками раздробленных костей, костным детритом. Костный материал имеет красновато-охристую и желтоватую поверхность. В подошве горизонта на контакте с подстилающими отложениями отмечены достаточно крупные (длиной до 1 см) фрагменты древесного угля. Нижняя граница горизонта, как правило, четкая, резкая, денудационного типа, подчеркнута резким изменением цвета заполнителя (переход к насыщенным фосфатными новообразованиями осадкам белесого цвета). Мощность горизонта по осевой линии галереи достигает 0,6–0,7 м.

Горизонт 11.4. Щебнисто-дресвянистая толща с суглинистым заполнителем порового типа и включением мелких глыб. Содержание щебня достигает 50–60 % проективной площади. Щебнистый материал преимущественно изометричной и нормальной формы с оглаженными ребрами и гранями,

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 11-06-12005-офи-м-2011).

покрытыми белесой реактивной каймой мощностью 1–3 мм. В пристенной зоне (квадраты по линии 2) преобладает щебень уплощенной и слабо уплощенной формы, острогранный, со слабо заглаженными вершинами. Крупно- и среднещебнистые обломки ориентированы упорядоченно, согласно простиранию горизонта. Заполнитель – суглинок легкий, облессованный, желто-серого цвета, слабо опесчаненный, уплотненный, во влажном состоянии пластичный. Структура заполнителя в пределах биогенно-просадочной деформаци (квадраты по линии 3) пылеватая и мелкозернистая; в пристенной зоне зернистость возрастает до средней с одновременным увеличением пористости. Карбонатность заполнителя неоднородна: вскипание с HCl в целом от слабого до умеренного; включения известнякового песка вскипают бурно, ближе к пристенной зоне – очень бурно. Общий оттенок заполнителя в осевой части галереи заметно светлее, по сравнению с пристенными участками, очевидно, за счет насыщенности осадка фосфатными новообразованиями, дающими при высыхании белесую светло-серую присыпку. Во включениях отмечены многочисленные обломки сильновыветрелых костей преимущественно охристых и желто-охристых цветов, иногда – коричнево-красных. В кровле горизонта, под днищем биогенно-просадочного нарушения, отмечены охристые обломки, легко режущиеся ножом. Вместе с тем, в пристенной зоне, в средней и нижней частях горизонта, прослежены серовато-желтые обломки костей с большей механической прочностью (не режутся ножом). Кроме того, присутствуют единичные включения хорошо сохранившегося прочного древесного угля (длиной до 1 см и до 0,5 см в поперечнике). Горизонт залегает в виде хорошо выдержанного по мощности (0,1–0,2 м) и круто падающего (45–55°) в северо-восточном направлении тела, выстилающего днище биогенно-просадочного нарушения в квадратах по линиям 2 и 3. В пристенной зоне горизонт залегает субгоризонтально. В квадрате Е–3 (субквадрат б) горизонт деформирован, перемешан с вмещающими отложениями (преимущественно веществом слоя 12) и прослеживается только по щебнистым включениям с характерной хорошо развитой белесой фосфатной присыпкой. Нижняя граница горизонта достаточно четкая, но не резкая (проведена по переходу к отемненному заполнителю в кровле слоя 12), неровная, местами фестончатая (деформированная по включениям крупного щебня). На некоторых участках под биогенно-просадочным нарушением прослеживается слабо развитая мелкощебнистая отмостка, хотя явных признаков выноса мелкоземистого материала в разрезе не отмечено.

Слой 12. Состоит из нескольких генераций осадка, различных по цвету и содержанию обломочного материала, заполняющих галерею по типу синклинали. Представлен преимущественно суглинками легкими, коричневых и красновато-коричневых оттенков, в различной степени опесчаненными, уплотненными по сравнению с вышележащими отложениями, обильно насыщенными мелко- и среднещебнистым материалом. Заполнитель активно реагтрует с HCl. Структура преимущественно мелкозернис-

тая, переходящая в пристенных участках в плохо выраженную чешуйчатую. Обломочный материал представлен, в основном, щебнем модальной или слабо уплощенной формы, с заглаженными вершинами и гранями, равномерно покрыт хорошо развитой (мощностью до 1 мм) белесой реактивной каймой. Ориентировка мелкого щебня в кровле слоя хаотическая, ниже по слою и в пристенных участках – более упорядочена. Крупные обломки, подчеркивая его текстурную слоистость, ориентированы, как правило, согласно залеганию слоя. Отмечены многочисленные сильно выветрелые (легко ломающиеся или превратившиеся в костный детрит) обломки костей светло-охристого и желто-охристого цвета. Вскрытая мощность слоя – 0,4–0,5 м.

Для отложений горизонта 11.3 в восточной галерее по кости получена ^{14}C (AMS)-дата – 50000 ± 1900 тыс. лет. (OxA–V–2359–14). Литологический слой 12, согласно стратиграфической последовательности в культурно-хронологической колонке пещерных отложений, датируются заключительной стадией ермаковского (изотопная стадия 4) времени.

Коллекция археологического материала из отложений горизонтов 11.3 и 11.4 насчитывает около 4 тыс. каменных изделий. Среди нуклеусов преобладают одно- и двуплощадочные монофронтальные ядрища продольного и поперечного вариантов параллельного принципа расщепления (рис. 1, *7, 11*). Достаточно представительны также радиальные односторонние ядрища (рис. 1, *10*). Ортогональные и торцовые формы малочисленны. Единичным экземпляром представлен одноплощадочный монофронтальный подпризматический нуклеус. У этого изделия фронт скалывания с негативами пластинчатых снятий занимает более половины периметра, переходя с широкой плоскости на латерали. Большинство нуклеусов имеет слегка скошенную ударную площадку, оформленную одним или несколькими снятиями. У многих изделий значительная часть поверхности сохраняет галечную корку. Достаточно многочисленную группу составляют аморфные нуклевидные формы. Как правило, это фрагменты нуклеусов, реже – сильно истощенные ядрища с негативами бессистемных снятий. Среди сколов доминируют отщепы с гладкими или естественными ударными площадками. Пластины образуют относительно небольшую, но довольно выразительную группу. В списке типологически выраженных изделий леваллуазский остроконечник, ретушированные острия (рис. 1, *3, 9*), скребла, резцы, ножи, зубчато-выемчатые и шиповидные формы. В группе скребел преобладают одинарные продольные (рис. 1, *1*) и поперечные формы, представлены также орудия с двумя лезвиями – конвергентные, угловатые, продольные. В нескольких случаях скребла уплощались мелкими сколами с вентральной стороны. Резцы угловые, однофасеточные (рис. 1, *2, 4, 6*). Ножи, как правило, с ретушированным (рис. 1, *5*) или естественным обушком. В составе инвентаря присутствуют орудия с вентральной подтеской дистального окончания (рис. 1, *8*). Двумя предметами представлены долотовидные изделия. На одном орудии отмечены приемы тронкирования.

Одну из самых многочисленных серий составляют сколы с эпизодической ретушью продольного края.

Коллекцию каменных предметов из слоя 12 составляют свыше 6 тыс. изделий. Среди нуклеусов преобладают плоскостные, одно- и двуплощадочные, монофронтальные, параллельного принципа расщепления (рис. 2, *6, 8, 9*), предназначенные для получения как отщепов, так и пластин. Представлены также торцовые (рис. 2, *5*) и радиальные формы. Среди сколов преобладают отщепы; пластины малочисленны. Список типологически выраженного инвентаря составляют скребла различных модифи-

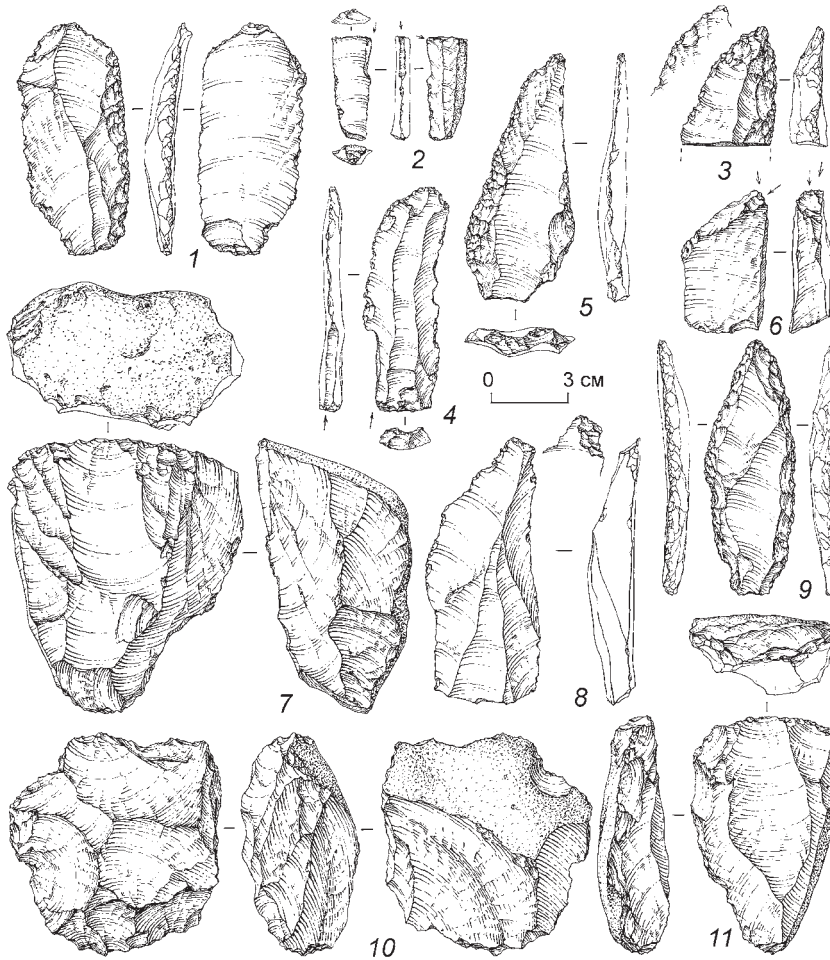

Рис 1. Каменный инвентарь из слоя 11 в восточной галерее Денисовой пещеры. *1* – скребло; *2, 4, 6* – резцы; *3, 9* – ретушированные острия; *5* – нож; *7, 10, 11* – нуклеусы; *8* – орудие с вентральной подтеской.

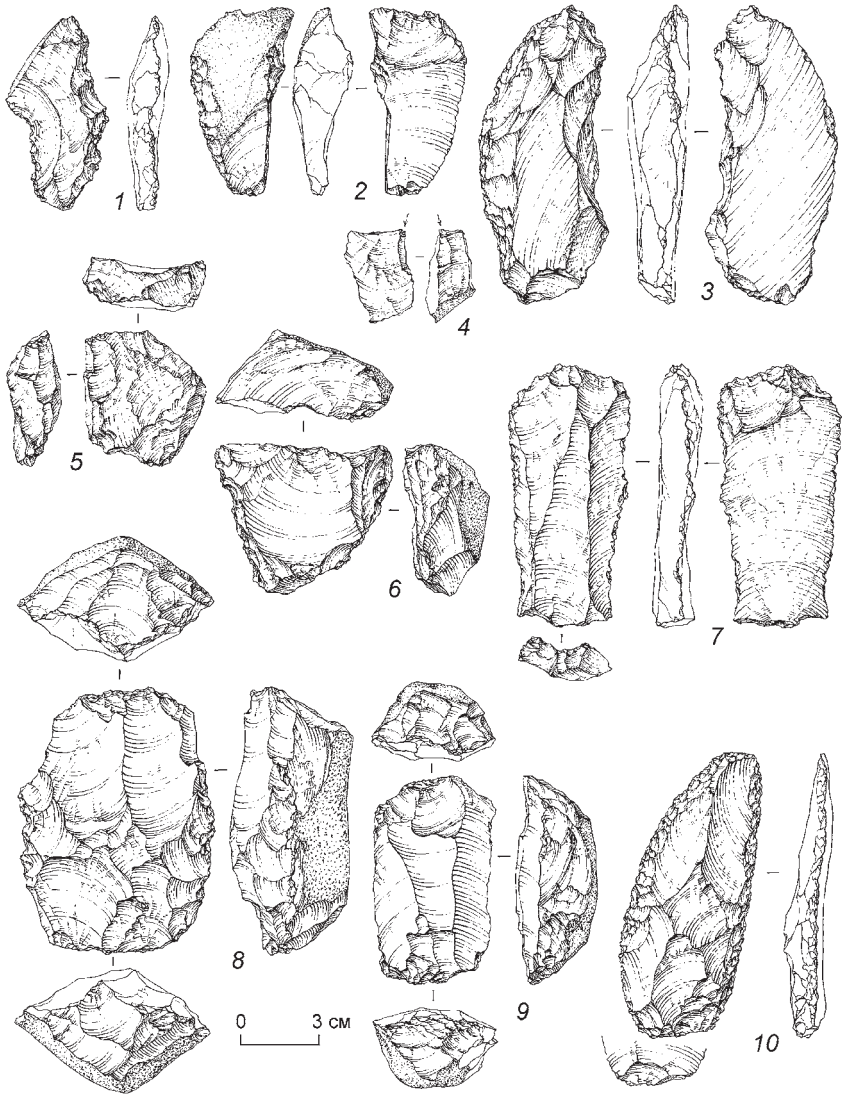

Рис 2. Каменный инвентарь из слоя 12 в восточной галерее Денисовой пещеры. *1* – зубчато-выемчатое орудие; *2, 3, 10* – скребла; *4* – резец; *5, 6, 8, 9* – нуклеусы; *7* – орудие с вентральной подтеской.

каций (рис. 2, *2, 3, 10*), ножи, скребки, резцы (рис. 2, *4*), изделия с вентральной подтеской (рис. 2, *7*), комбинированные орудия, долотовидные, зубчато-выемчатые (рис. 2, *1*) и шиповидные формы, сколы с эпизодической ретушью.

В целом в составе каменного инвентаря из нижней половины слоя 11 и верхней части слоя 12 сочетаются хорошо выраженные верхнепалеолитические изделия – торцовые нуклеусы, скребки, резцы, долотовидные и тронкированные инструменты, изделия с вентральной подтеской и орудия среднепалеолитического облика, представленные леваллуазскими и мустьерскими формами.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Чеха А.М. Исследование отложений верхнего палеолита в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 93–98.

Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, Е.А. Пономарева

ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ КОНЦА ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА РАЙОНА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПАЛЕОКАРПОЛОГИЧЕСКИХ И ПАЛЕОМЕРЗЛОТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Стоянка Усть-Кова является в настоящее время одной из самых северных в Средней Сибири (58º30' с.ш.). Она расположена в приустьевой части р. Кова – левого притока р. Ангары, на II террасе Ангары высотой 12–16 м. В ландшафтном отношении участок стоянки расположен в подзоне среднесибирской южной тайги.

Стратиграфический разрез наиболее изученных археологических раскопов 10, 17 и 9 (в том числе с отбором проб на палеокарпологический анализ) выглядит обобщенно следующим образом [Дроздов, Чеха, 2002].

Слой 1. Почвенно-растительный горизонт, пахотно переработанный. Мощность до 0,5 м.

Слой 2. Супеси желтовато-серые, желтовато-коричневые, однородные по строению, бескарбонатные. Распределение окраски пятнистое. Выделяются участки в виде полос, неправильной формы фрагментов супесей коричневато-бурых, темно-серых, до черных (остатки ископаемых почв). Мощность 0,2–0,25 м.

Слой 3. Пески глинистые, серые, желтовато-серые, однородные, бескарбонатные. В нижней части отмечается археологический материал. Мощность 0,1–0,2 м.

Слой 4. Суглинки коричневые, однородные по строению, бескарбонатные. Отмечаются полосы буровато-коричневых гумусированных суглинков. Нижняя граница неотчетливая. На контакте со слоем 3 обнаружен археологический материал. Мощность 0,1–0,25 м.

Слой 5. Суглинки серые, коричневато-серые карбонатные, в целом однородные по строению. Отмечаются участки с прослоями, линзами охристых супесей, мелкозернистых песков. В слое зафиксирован археологический материал. Мощность 0,3–0,4 м.

Слой 6. Суглинки темно-серые (гумусированные), с прослоями, линзами черных суглинков, песков тонкозернистых охристых. Характерны инволюционные, инъекционные текстуры с изогнутостью, подвернутостью, разорванностью гумусовых черных суглинков (остатки ископаемой почвы). Мощностью 0,5–0,7 м.

Слой 7. Супеси желтовато-серые, горизонтально-слоистые, что подчеркивается линзами, слойками охристых (ожелезненных) песков. Отмечаются

редкие валуны долеритов (пойменный аллювий террасы). Вскрытая мощность 0,5–0,7 м.

Хроностратиграфическая интерпретация разреза выглядит следующим образом: слои 1–2 – голоцен, слой 3 – сартанское время, слои 4–6 – позднекаргинское время.

Пробы на палеокарпологический анализ, отобранные из современной почвы и слоев 2–4, проанализированы палеоботаником Е.А. Пономаревой. Из коричневых суглинков слоя 4 выделены карпоиды следующих семейств и видов: осоковые (осоки), крапивные (крапива двудомная), гречишные (горец птичий или спорыш), лютиковые (лютик едкий), крестоцветные (ярутка полевая), розоцветные (лапчатка гусиная), березовые. Таким образом, восстанавливается разнотравная ассоциация с участием березы (карпоиды встречаются редко, очевидно существовали небольшие рощицы). Основная роль в травянистом ярусе принадлежит растениям эрозионных почв, именуемых как «рудеральная сорная растительность». Эти растения обычно сопровождают человека, произрастая вокруг жилищ, вдоль дорог, на пустырях, а также формируя группировки на обнаженных почвах. Поэтому указанную сорную растительность можно интерпретировать как связанную с человеком, так и с влиянием климата в сторону иссушения и ксерофитизации. Некоторые виды осок и лютика едкого могут указывать на лесостепную (как зональную) растительность.

Полученные из вышележащих отложений (слой 3) карпоиды и соответственно определенные растения принадлежит к тем же видам, что и в слое 4, но совсем нет древесных форм. Очевидно, это может быть связано с продолжающейся аридизацией климата в сартанское время.

Флора из современной почвы отражает рецентную растительность – семейства крапивные (крапива двудомная), гречишные (горец вьющийся), лебедовые (лебеда раскидистая), маревые (марь белая, сизая), лютиковые (лютик едкий, ползучий), крестоцветные (пастушья сумка), разноцветные (гравилат речной, лапчатка гусиная), подорожниковые (подорожник средний), гребенщиковые (одуванчик). Единично отмечаются карпоиды березы. В целом семена и плоды также отражают существование разнотравных ассоциаций, развивающихся, во-первых, на обнаженных почвах, во-вторых, как сорная растительность, сопровождающая деятельность человека.

В настоящее время участок стоянки с изученными в геологическом плане раскопами располагается в пределах разнотравного таежного луга с многочисленными следами жизнедеятельности человека, в т.ч. с широким развитием рудеральной растительности. Результаты палеокарпологического анализа позднекаргинско-сартанских и голоценовых образований свидетельствуют в целом как о достаточно благоприятных природных условиях с колебаниями в сторону иссушения или увлажнения, так, по-видимому, и о длительном обживании этого района древними людьми.

Наряду с указанными отрезками времени здесь выделяются этапы с крайне суровыми природными условиями, с широким развитием мерзлот-

ных явлений, активной денудацией. Очевидно, что они не нашли отражения ни в отложениях, ни в палеокарпологическом материале.

Мерзлотные явления в позднечетвертичных образованиях и в погребенном рельефе разделяются на две группы: 1) трещинно-полигональные (ПЖЛ); 2) связанные с сезонно-талым слоем (СТС)–ГЖ, каменные кольца и пятна-медальоны, криотурбации (солифлюкционные, инволюционные, инъекционные) [Дроздов, Чеха, 2002].

К наиболее древним в пределах изученных разрезов криогенным проявлениям относятся ПЖЛ в верхней части пойменного аллювия террасы.

Следующий комплекс криогенных разновозрастных явлений приурочен к ископаемому почвенному комплексу и к самой верхней части пойменного аллювия и представлен: 1) криотурбациями (объединяющими криосолифлюкционные явления, инъекции и инволюции; 2) ПЖЛ; 3) ГЖ; 4) пятнами-медальонами и структурными грунтами (слой 6).

Из древесных углей ископаемой почвы получен ряд ^{14}С-дат: 32 865 (СОАН-1875), 30 100 ± 150 (ГИН-1741), 28 050 ± 670 (СОАН-1876), 34 300 ± 900 (ГИН-5929) л.н. Они показывают, что разрушение почвы мерзлотными процессами происходило в середине каргинского времени, очевидно, во время коношельского похолодания, максимально проявившегося в северных районах Сибири.

Следы более молодого этапа криогенеза наиболее показательны и представлены ПЖЛ, пятнами-медальонами, структурными грунтами. Положение ПЖЛ в разрезах вполне определенное – они везде прорывают деформированную нижнюю почву. Можно предполагать, что формирование ледяных жил наиболее интенсивно протекало после образования слоя коричневых суглинков, представляющих верхнюю часть ископаемого педокомплекса и фиксировавших дневную поверхность.

Абсолютную хронологию событий позволяют восстановить ^{14}С-даты. Из карбонатных суглинков (слой 5) получена дата 23 920 ± 310 (КРИЛ-381), а из коричневых – 21 755 ± 230 (АА-8887). По-видимому, из нижней части песков слоя 3 получена дата 14 220 ± 100 (ЛЕ-1372). Таким образом, окончание формирования почвенного комплекса было приурочено к концу каргинского времени. Самый молодой этап криогенеза при таком варианте был обусловлен максимумом похолодания в сартанское время (20–18 тыс. лет, гыданская стадия похолодания).

По длительности и глубине климатических изменений этапы криогенеза могут быть квалифицированы как кризисные, экстремальные. При этом предполагается относительное выравнивание климатических условий в эти этапы на всем пространстве юга Средней Сибири. Суммарная длительность всех этапов криогенеза не превышает 3–5 % от длительности позднего плейстоцена. Помимо появления многолетнемерзлых пород в эти этапы происходило замедление осадконакопления, в растительном покрове появились группировки, сходные с северо-таежными, а в животном мире – представители тундровой фауны (лемминги, песцы).

Периоды с резким ухудшением климата накладывались на эволюционное, достаточно плавное развитие природы с чередованием эпох потеплений и похолоданий.

Список литературы

Дроздов Н.И., Чеха В.П. Палеокриогенез, палеогеохимия и вопросы реконструкции климатов четвертичного периода (бассейны Енисея и Ангары) // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Вып. 1. – С. 163–177.

А.И. Кривошапкин, К.А. Колобова, У.И. Исламов

РАННИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ КАРЕНОИДНОЙ ТЕХНОЛОГИИ В ИНДУСТРИЯХ ГРОТА ОБИ-РАХМАТ*

В результате исследований последних лет, проводившихся на территории Памиро-Тянь-Шаня и заключавшихся в обнаружении и исследовании новых объектов верхнепалеолитического времени, а также ревизии ранее известных верхнепалеолитических коллекций региона, была выделена кульбулакская культурно-технологическая традиция, демонстрирующая развитие мелкопластинчатой техники расщепления, в значительной мере сфокусированной на применении кареноидной технологии получения пластинок с изогнутым профилем. Кареноидные изделия в изученных индустриях представлены едиными типами нуклеусов (на отдельностях сырья, на сколах продольной и поперечной ориентации) и выполнены в рамках одной технологической схемы. Необходимо отметить, что кареноидные нуклеусы из индустрий, отнесенных к раннему и среднему этапам развития кульбулакской традиции, не демонстрируют признаков поэтапного развития данной технологии расщепления камня. В результате проведенного технологического анализа был сделан вывод, что в данных индустриях они представлены в уже сложившемся виде и при их утилизации применялось ограниченное количество определенных технологических приемов [Колобова и др., 2011]. Генезис кульбулакской культурно-технологической традиции, на наш взгляд, связан с постепенным развитием региональных финально-среднепалеолитических и переходных пластинчатых индустрий, представленных в комплексах стоянок Оби-Рахмат, Кульбулак (Узбекистан) и Худжи (Таджикистан). В данной работе рассматриваются проявления кареноидной технологии в финально-среднепалеолитических и переходных комплексах грота Оби-Рахмат.

Индустрии всех культурных слоев Оби-Рахмата были направлены на получение пластинчатых и острийных заготовок с плоскостных и подпризматических нуклеусов; отмечается заметная роль мелкопластинчатого производства.

В результате исследований 2008–2011 гг. в индустриях нижних слоев памятника (слои 19–21) была выделена серия предметов, которые можно отнести к наиболее ранним проявлениям кареноидной технологии на исследуемой территории.

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 11-06-12003 офи-м).

Кареноидные изделия из комплекса слоя 21. В коллекции слоя насчитывается 14 предметов, чей морфологический облик в той или в иной мере приближается к кареноидному. В комплексе выделяется совершенным морфологическим обликом биплощадочный монофронтальный подпризматический нуклеус для пластинок (см. *рисунок, 1*). Ядрище выполнено на мелкой отдельности окремненного известняка, сегментовидной в поперечном сечении и прямоугольной в плане. На широких торцах заготовки, под острыми углами к фронту расщепления во встречном направлении снимались

Кареноидные изделия из индустрий слоев 21–19 грота Оби-Рахмат.

сколы с параметрами пластинок и микропластин. За счет утилизации объема ядрища с двух противолежащих ударных площадок, фронт приобрел значительную центральную выпуклость, в результате чего реализованные заготовки приобретали изогнутый в медиально-дистальной частях профиль.

Одной из основных технологий получения мелкопластинчатых заготовок в рассматриваемой индустрии является их реализация с торцовых клиновидных ядрищ. Нуклеусы изготавливались на мелких заготовках, часто из кремневого сырья. Заготовки выбирались удлиненные в плане, преимущественно треугольной формы. В случае, когда исходная форма заготовки не удовлетворяла требованиям, предъявляемым к ее форме, применялись различные сколы подправки. Наиболее интересным моментом является то обстоятельство, что часто расщепление торцовых ядрищ проходило не исключительно по плоскости, а выходило на дугу (см. *рисунок, 2, 3*). Морфологически близкими ядрищами к торцовым клиновидным нуклеусам на отдельностях сырья являются торцовые клиновидные ядрища на сколах. Так, если нуклеус для пластинок образовывался на крупном массивном в поперечном сечении сколе, а его ударная площадка образовывалась на одной из граней заготовки, то снятие заготовок происходило в параллельном (либо субпараллельном) направлении дорсальной и вентральной плоскости заготовки. При этом на нуклеусах описанной морфологии использовалась не только плоскость поперечного сечения заготовки, но и углы заготовки (см. *рисунок, 4*). Распространение фронта на углы заготовок давало возможность производить сколы по дуге, что делает ядрища такой морфологии неотличимыми от кареноидных нуклеусов, образованных по принципу кареноидных резцов (см. *рисунок, 5*, *6*).

При утилизации сколов в качестве заготовок для нуклеусов, сколы-заготовки реализовывались и в поперечном направлении. Ядрище средней стадии утилизации иллюстрирует нуклеус, аналогичный по своим морфологическим характеристикам скребкам высокой формы (см. *рисунок, 7*). Кроме того, ряд предметов (4 экз.) можно охарактеризовать как заготовки для нуклеусов кареноидного облика (см. *рисунок, 8*).

Кареноидные изделия из комплекса слоя 20. В комплексе данного слоя было выделено пять предметов, чья форма по морфологическим критериям близка кареноидной. Наиболее интересно двухплощадочное двухфронтальное ядрище для пластинок. Ядрище изготовлено на массивном в поперечном сечении пластинчатом краевом крутолатеральном сколе. Основная ударная площадка была образована на правом продольном краю скола в дистальной зоне заготовки. С нее на плоскость дистального конца скола, захватывая плоскость левой латерали ядрища, снимались пластинки с изогнутым и закрученным профилем. Второй фронт был образован на плоскости поперечного излома заготовки в проксимальной зоне. Ядрище по своим параметрам аналогично кареноидным предметам на сколах продольной ориентации (см. *рисунок, 10*). Для демонстрации технических приемов можно привести торцовое клиновидное ядрище для пластинок на массивном краевом сколе,

для поддержания требуемой формы фронта которого использовались латеральные подправки, аналогичные подправкам, используемым при поддержании формы фронта кареноидных нуклеусов в верхнепалеолитический период (см. *рисунок, 11*). Последний кареноидный нуклеус на сколе поперечной ориентации (см. *рисунок, 9*). Ударная площадка ядрища образована на неподработанной вентральной плоскости. С нее в направлении дорсальной поверхности заготовки велось получение пластинок с изогнутым профилем, редуцируя объем скола в зоне ударной площадки. Данное изделие аналогично кареноидным нуклеусам на сколах поперечной ориентации из комплексов верхнепалеолитических кульбулакских индустрий.

Кареноидные изделия из комплекса слоя 19. В индустрии слоя 19 было выделено восемь предметов, чьи характеристики позволяют отнести их к кареноидными предметами. Выделяется яркая серия (5 экз.) торцовых клиновидных нуклеусов продольной ориентации, процесс расщепления на фронтах которых велся не только на плоскости поперечного сечения заготовок, но и захватывал углы, в результате чего расщепление выходило на дугу (см. *рисунок, 12, 13*, *14*). Отдельно можно рассмотреть нуклеусы кареноидного облика продольной ориентации (2 экз.), для которых характерно получение заготовок по крутой в плане дуге, изогнутость в профиль фронта расщепления и серийное получение пластинок с непрямым профилем (см. *рисунок, 15*).

В целом, в индустриях грота Оби-Рахмата наблюдается процесс становления мелкопластинчатых технологий, когда для получения мелких пластинок применялось несколько вариантов расщеплении, одним из которых и являлось подпризматическое расщепление кареноидного типа. При этом, кареноидные предметы из культуросодержащих слоев Оби-Рахмата по формальным технико-типологическим критериям полностью соответствуют определению позднепалеолитических кареноидных ядрищ [Колобова и др., 2011]. Поскольку слои 21–19 грота Оби-Рахмат, из которых происходят описанные предметы, датируются в пределах 60–80 тыс. л.н. [Деревянко и др., 2001], мы имеем дело с одним из наиболее ранних для всей территории Евразии проявлений мелкопластинчатой техники расщепления в рамках кареноидной технологии.

Список литературы

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейманов Р.Х. Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2–14) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 42–63.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Фляс Д., Павленок К.К., Исламов У.И. Кареноидные изделия палеолитической стоянки Кульбулак: опыт технико-типологической классификации // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2011. – Т. 10. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 87–99.

Н.А. Кулик, М.В. Шуньков

ИСТОЧНИКИ КАМЕННОГО СЫРЬЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ УКРАШЕНИЙ ИЗ ГОРНОГО АЛТАЯ*

Многослойные палеолитические стоянки в долине верхнего течения р. Ануй на северо-западе Горного Алтая – Денисова пещера, Карама, Усть-Каракол, Ануй-2, – содержат основной объем археологических и естественнонаучных данных о древнейшей истории Северной Азии. Материалы из плейстоценовых отложений этих стоянок позволяют проследить процесс становления и развития палеолитических культурных традиций, моделировать изменения природной среды и климатических условий на протяжении плейстоцена.

Одним из экологических факторов, определявших присутствие на этой территории палеолитического человека в течение длительного времени, была стабильная сырьевая база для каменных индустрий. Петрографическое изучение каменного сырья показало, что при отсутствии единого высококачественного сырья, каким в большинстве европейских палеолитических провинций являлся кремень, первобытное население долины Ануя использовало разнообразный галечный материал из русловых отложений водотоков. При этом каменный материал отбирался целенаправленно в зависимости от петрографического состава и качества галечного сырья, обусловленных геологической историей данного района, а также доступности его источников в разные периоды плейстоцена [Деревянко, Кулик, Шуньков, 2000а, 2000б]. Так, появление в начале каргинского времени в каменных индустриях нового высококачественного материала – «сургучных» яшмоидов засурьинской свиты Є-О – стало возможным только после отступления ледника, закрывавшего источник этого сырья в истоках р. Талица на Бащелакском хребте [Кулик, Шуньков, 2000].

На фоне избирательного использования местных пород для каменных индустрий и непрерывного технологического развития во времени без внешних влияний, особый интерес представляет появление изделий из импортных материалов, предназначенных, прежде всего, для изготовления каменных украшений.

Относительно небольшая коллекция каменных украшений включает изделия из светлого, желтовато-зеленого серпентина-антигорита (твердость 3,5 по шкале Мооса): подвеску из горизонта 11 стоянки Ануй-2, пластинку

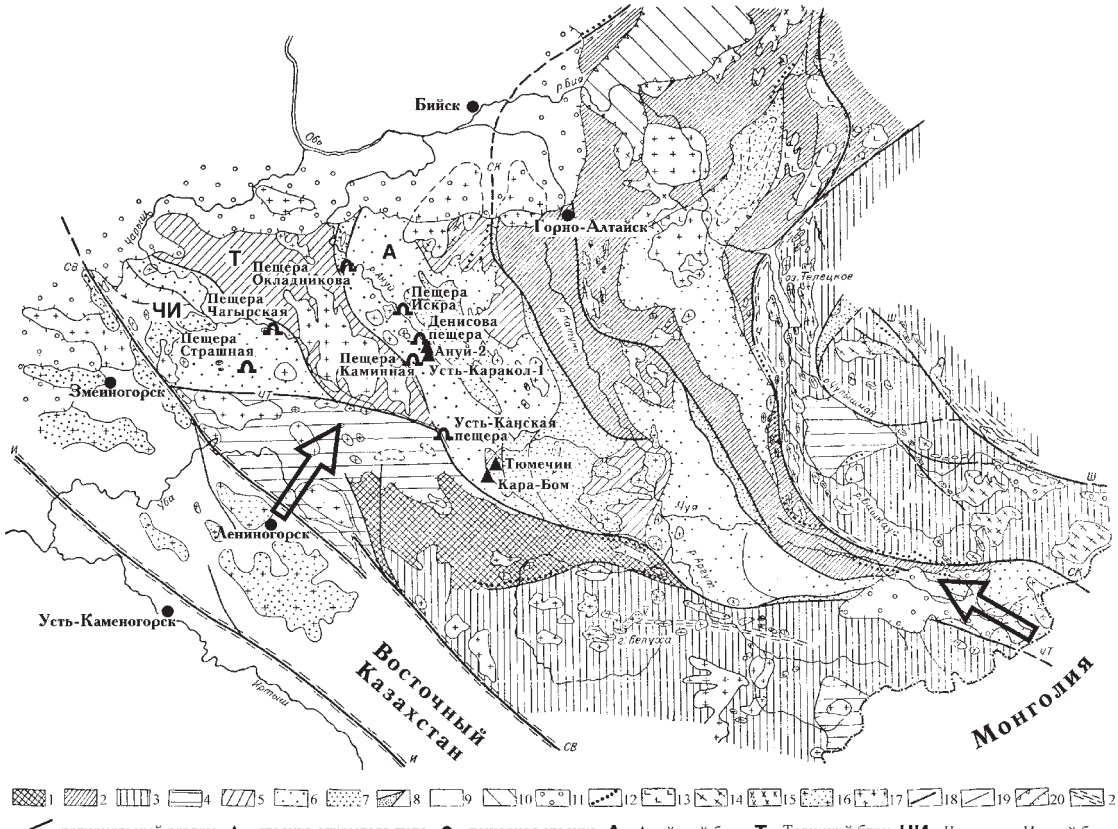
*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 11-06-12005-офи-м-2011).

с искусственным отверстием из слоя 9 стоянки Усть-Каракол и бусину из слоя 11 в центральном зале Денисовой пещеры. В отложениях слоя 11 Денисовой пещеры обнаружены также бусина и две удлиненных подвески из белого мономинерального талька-стеатита (твердость 1–2 по шкале Мооса) с редкими зернами магнетита и удлиненная уплощенная подвеска из каолинитового агальматолита голубовато-зеленого, как у хризопраза, цвета [Кулик, Шуньков, 2004]. Наибольший интерес представляют мраморное кольцо и два обломка темно-зеленого браслета из слоя 11 в восточной галерее пещеры, который датирован начальной стадией верхнего палеолита в хронологическом интервале 50–30 тыс. лет. Согласно данным рентгенофазового анализа, браслет изготовлен из практически мономинерального магнезиального хлорита – пеннина. Такой скрыточешуйчатый агрегат хлорита носит название хлоритолит и имеет твердость около 3 по шкале Мооса.

Минеральный состав и свойства пород, из которых сделаны украшения, предоставляют важную информацию для археологии региона. Установлено, что каменным сырьем палеолитических индустрий служила галька из русла Ануя и его притоков. В то же время низкая твердость (от 1 до 3,5 по шкале Мооса) каменного материала украшений указывает на его происхождение из других источников, за исключением кольца, изготовленного из местной аллювиальной гальки белого крупнозернистого мрамора.

Рентгенофазовый анализ зеленой подвески из каолинитового агальматолита показал, что помимо основной фазы – каолинита, в материале диагностируются топаз и тридимит. Такое необычное сочетание трех минералов в тонкочешуйчатом агрегате возможно только при постмагматическом изменении кислых эффузивов с образованием «вторичных кварцитов». Это позволяет определить его источник как местный, поскольку Ануйский хребет северо-восточнее Денисовой пещеры сложен в основном кислыми девонскими эффузивами, испытавшими сильное постмагматическое изменение. Образование по ним вторичных кварцитов с зонами сплошной каолинизации здесь вполне уместно. В северной части хребта кислые эффузивы сменяются основными порфиритами, которые могли быть источником никеля, окрасившего каолинитовый агальматолит в характерный хризопразовый цвет. Наиболее вероятный источник этой породы в Ануйском хребте находится на расстоянии 20 км от Денисовой пещеры. Другие источники агальматолита находятся в Бай-Тайгинском районе Тувы, на расстоянии свыше 400 км. Их отделяют от Горного Алтая труднопроходимые Шапшальский хребет и Чулышманское нагорье. Кроме того, на этих месторождениях нет основных пород и «хризопразовое» окрашивание агальматолитов для них не характерно.

Серпентин-антигорит в виде пластинок с зеркалами скольжения образуется в зонах тектонических нарушений по гипербазитам. Совместное использование этого материала и талька-стеатита для изготовления палеолитических украшений указывает, что источником обоих минералов были тела гипербазитов, пораженные тектоническими разломами и испытавшие

Бийск
Горно-Алтайск
Змеиногорск
Усть-Каменогорск
Лениногорск
Пещера Окладникова
Пещера Чагырская
Пещера Страшная
Пещера Искра
Денисова пещера
Ануй-2
Пещера Каминная
Усть-Каракол-1
Усть-Канская пещера
Тюмечин
Кара-Бом
Т
А
ЧИ
Восточный Казахстан
Монголия
- региональный разлом
- стоянка открытого типа
- пещерная стоянка
А - Ануйский блок
Т - Талицкий блок
ЧИ - Чарышско-Инской блок

гидротермальное изменение. Однако для северных и центральных районов Алтая гипербазиты не характерны. Только около Горно-Алтайска известны их небольшие дайки, сильно разрушенные выветриванием. Вместе с тем кембрийский ультраосновной магматизм интенсивно проявляется в южной части Горного Алтая и в соседних северо-западных районах Монголии (см. *рисунок*). В районе Чаган-Узуна известна серия гипербазитовых тел, находящихся в зоне глубинного регионального разлома. Эти данные свидетельствуют в пользу гипербазитового пояса Южного Алтая, как источника серпентина и талька для изготовления палеолитических украшений.

Сплошной скрыточешуйчатый магнезиальный хлорит-пеннин, из которого изготовлен палеолитический браслет, не известен в пределах Северо-Западного и Центрального Алтая. В этих зонах наиболее распространены процессы хлоритизации с появлением иных, магнезиально-железистых хлоритов. В то же время образование тонкочешуйчатого пеннина известно как характерное околожильное изменение пород на свинцово-цинковых месторождениях Рудного Алтая – Риддерское, Белоусовское, Золотушинское, где эти сплошные хлоритовые породы получили название хлоритолитов [Шилин, Иванова, 1954]. Эти месторождения расположены на расстоянии 250 км от Денисовой пещеры.

Кольцо из белого крупнозернистого мрамора изготовлено из местного материала – мраморизованного известняка $O\text{-}S_1$ [Кулик, Шуньков, 2010]. При этом технологические приемы изготовления кольца и браслета аналогичны. Если браслет из импортного материала мог попасть в Денисову пещеру в готовом виде, то кольцо, изготовление из местного сырья, является бесспорным свидетельством высоких технологических возможностей местного населения в начале верхнего палеолита [Деревянко, Шуньков, Волков, 2008].

Таким образом, присутствие среди изделий ранней поры верхнего палеолита украшений из импортных пород камня указывает на транспортировку исходного материала с юго-востока, со стороны Монголии, а также

◀ Тектоническая схема Горного Алтая (по: [Кузнецов, 1963]), памятники палеолита и направления экспорта каменного материала.

1 – выступы докембрия; *2* – структурно-фациальная зона салаирского этапа консолидации; *3–4* – структурно-фациальные зоны каледонского этапа; *5* – нижний структурный ярус герцинской Ануйско-Чуйской зоны; *6* – средний структурный ярус этой зоны; *7* – верхний ярус этой зоны; *8* – приразломные прогибы; *9* – структурно-фациальная зона Рудного Алтая; *10* – южная окраина Кузнецкого прогиба; *11* – кайнозойские прогибы; *12* – гипербазитовые пояса салаирского этапа; *13* – салаирские гранитоидные комплексы; *14* – каледонские гранитоидные комплексы; *15* – девонские гранитоидные интрузии; *16* – герцинские гранитоиды змеиногорского комплекса; *17* – герцинские гранитоиды калбинского комплекса; *18* – региональные разломы; *19* – другие крупные разломы; *20* – границы прогибов; *21* – зоны смятия и метаморфизма.

Глубинные разломы: И – Иртышский; СВ – Северо-Восточная зона смятия; ЧТ – Чарышско-Теректинский; СК – Сарасинско-Курайская зона разломов; Ч – Чокракский; Ш – Шапшальский.

с юго-запада, со стороны Рудного Алтая, на расстояние не менее 200 км. Вместе с тем редкий характер импортного материала и тщательная отделка каменных украшений подчеркивают их эксклюзивное место среди материальных ценностей той эпохи.

Авторы признательны Л.В. Мирошниченко (ИГиМ СО РАН) за рентгенофазовый анализ каменных украшений и А.В. Абдульмановой за подготовку иллюстрации.

Список литературы

Деревянко А.П., Кулик Н.А., Шуньков М.В. Геологические факторы развития палеолитических индустрий Северо-Западного Алтая // Итоги и перспективы геологического изучения Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. кн. изд-во, 2000а. – С. 143–147.

Деревянко А.П., Кулик Н.А., Шуньков М.В. Геолого-петрографический контроль качества сырья палеолитических индустрий Северо-Западного и Центрального Алтая // III века горно-геологической службы России. – Томск: Гала Пресс, 2000б. – Т. 1. – С. 5–7.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 13–25.

Кузнецов В.А. Тектоническое районирование и основные черты эндогенной минерализации Горного Алтая // Вопросы геологии и металлогении Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во СОАН СССР, 1963. – С. 7–70. – (Тр. ИГиГ СОАН СССР; вып. 13).

Кулик Н.А., Шуньков М.В. Предварительные результаты петрографического изучения палеолитических изделий стоянки Ануй-3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2000. – Т. 6. – С. 156–160.

Кулик Н.А., Шуньков М.В. Каменные украшения эпохи палеолита из Горного Алтая // Минералогия во всем пространстве сего слова. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2004. – С. 245–246.

Кулик Н.А., Шуньков М.В. Петрографическая характеристика палеолитического кольца из Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СОРАН, 2010. – Т. 16. – С. 117–120.

Шилин Д.М., Иванова В.П. Хлоритосодержащие породы // Измененные околорудные породы и их поисковое значение. – М.: Госгеолтехиздат, 1954. – С. 148–195.

В.Е. Ларичев

ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК ЕВРОПЫ: ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА (РЕКОНСТРУКЦИЯ КАЛЕНДАРНЫХ СИСТЕМ СРЕДИННОЙ ЗОНЫ КОНТИНЕНТА)

Памяти Карела Абсолона посвящаю

В решении проблемы уровня развития интеллекта *Homo sapiens* времени расцвета верхнепалеолитических культур Центральной Европы, одинаково отдаленной от Средиземноморья на юге и от Северной и Средней Азии на востоке, ключевую роль сыграли результаты исследований поселений, открытых в прошлом веке на территории Чехословакии. К наиболее впечатляющему итогу следует отнести возвращение к обсуждению идей, высказанных за 100 лет до этого первооткрывателем палеолита Буше де Пертом [Boucher de Perthes, 1857]: об овладении «*Человеком Природы*» («*Доадамовым предком*») навыками счета и зарождении у него интереса к Небу – Луне, Солнцу и звездам (см.: [Ларичев, 1989; 2009]).

Речь идет о фундаментальной значимости статье К. Абсолона «*Документы*» *и доказательства, подтверждающие способность первобытных людей считать*» [Absolon, 1957]. Автор публикации ввел в научный оборот около трехсот предметов со знаковыми «записями», обнаруженных при раскопках памятников раннего (ориньяк) и позднего (мадлен) этапов верхнего палеолита Чехословакии (Долни Вестонице, Пржедмост, Пекарна), детально изучил их и сделал следующий вывод: «*Вызывающие споры насечки, линии и черточки, представляют собой не просто орнамент, а знаки, обозначающие числа. Первобытный человек испытывал потребность считать*».

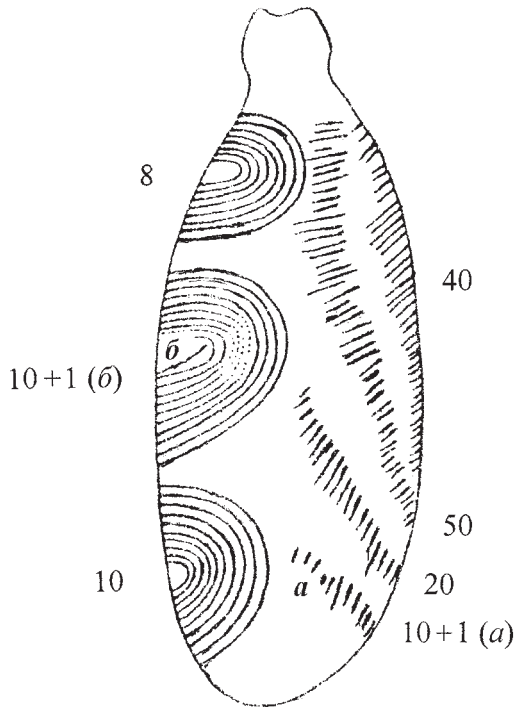
Мысли К. Абсолона относительно процесса возникновения счета, о возможности становления в эпоху верхнего палеолита десятичной системы счисления, а также связи ее с пальцевым счетом, а через него – с римскими записями чисел от I до X, не потеряли своего интереса до сих пор. К. Абсолон предъявил весомые доказательства овладения творцами палеолитических культур Моравии навыками счета. Но он, как и его предшественник М. Ферворн почти полвека до него [Verworn, 1911], не ответил на вопросы – *какая необходимость понуждала человека заняться счетом и что он, с наибольшей вероятностью, подсчитывал.*

Капитально обоснованный ответ на вопрос – ч*то подсчитывали палеолитические обитатели Центральной Европы*, был предложен в последующие десятилетия второй половины прошлого века с привлечением материалов из Центральной Европы. Полагаю, что одним из мощных по-

будительных мотивов начала соответствующего поиска послужили материалы, опубликованные К. Абсолоном (см.: [Marshack, 1964; 1970; 1972; Vértes, 1965]; там же – подробные списки литературы). Ответы на вопрос – *отслеживалось ли течение времени по Луне,* как и на *утверждение об умении охотника ледниковой эпохи считать*, были встречены *палеолитоведами весьма скептически*.

Резона, однако, в том никакого не было, и *я докажу это, используя всего лишь один документ, который подтвердит умение палеолитических охотников и собирателей считать и отслеживать время*.

Для анализа выбран «орнаментированный» насечками и резными линиями объект «искусства малых форм», обнаруженный в Пржедмости (ориньяк). По мнению К. Абсолона, эта «*величайшая из находок*, *вещь исключительной ценности есть амулет, вырезанный из бивня мамонта*» (см. *рисунок*). Тыльная сторона его «украшена» двумя видами «линейного орнамента» – тремя вписанными один в другой резными полукругами фигур, размещенных вдоль левого края, и четырьмя рядами насечек, рассредоточенных вдоль правого края и по средней зоне плоскости.

«Амулет», найденный в прошлом веке при раскопках верхнепалеолитического поселения Пржедмост (Чехословакия).
а, б – факультативные знаки в «записи» числа 11.

Утилитарное, «магическое» («амулет»), определение функционального назначения «предмета искусства» не позволяет оценить количество элементов, составляющих его декор. Единственная возможность доказательно раскрыть информационную значимость связанных с ними числовых «записей» – провести тестирование их на предмет отражения ими временных ритмов *смещения по небосводу великих «творцов времени» – Луны и Солнца.*

Презентация, тестирование и расшифровка числовых знаковых «записей» амулета. На *правой половине изделия* размещены четыре строчки насечек:

10 + 1 (*а – факультатив*) → 20 → 50 → 40 = 120 + 1.

На *левой половине* располагается ряд из трех блоков – резных, вписанных один в другой полукружий:

8 → 10 + 1 (*б – факультатив*) → 10 = 28 + 1.

Всего знаков на «амулете»:

(120 + 1) + (28 + 1) = 148 + 2 (*факультативы*).

Главный секрет символического текста «амулета» – наличие в «записях» *двух факультативных счетных единицы – а* (*единственная* вытянутоовальная лунка в строчке 10 + 1) и *б* (*единственная* недугообразная резная линия во втором блоке полукружий – 10 + 1). *Подключение или, напротив, неучет одного или обоих факультативных знаков обеспечивает успех реконструкции разного вида календарных систем*.

Ограничусь на сей раз лишь *восстановлением систем счисления годовых периодов отслеживания времени по Луне и Солнцу*. Право на это дает тестирование зафиксированных на амулете чисел на предмет отражения в них длительности временных циклов:

10 + 1 – в счетной системе повторяется дважды; 10 сут. есть ≈ ⅓ *синодического* месяца:

10 сут. : 29,5306 сут. = 0,3386 ≈ ⅓ *син*. мес.;

11 есть, помимо того, цикл, дополнительное подключение которого к лунному году приводило *к выравниванию времени лунного с временем солнечным*:

354 сут. + 11 сут. = 365 ≈ 365,242 сут.;

20 есть ≈ ⅔ *синодического* или ¾ *сидерического* месяцев:

20 сут.: 29,5306 сут. = 0,6772 ≈ ⅔ *син.* мес.;

20 сут.: 27,32 сут. = 0,7320 ≈ ¾ *сид*. мес.;

50 некратно ни *синодическому*, ни *сидерическому* оборотам Луны. Но суммирование его с «записью» 40 – календарно-астрономически значимо, ибо 50 сут. + 40 сут. = 90 сут., *есть период длительности времени от зимнего солнцестояния до весеннего равноденствия*; сумма «записей» *правого края* (120 +1) *без учета* 40, т.е. 11, 20 и 50 кратна *синодическому* обороту Луны:

(11 + 20 + 50) сут.: 29,5306 сут. = 2,7429 ≈ 2 ¾ *син.* мес.

Тому же циклу кратна сумма «записи» 40 и *всех* «записей» *левого края*:

(40 + 8 + 11 + 10) сут. : 29,5306 сут. = 2,3365 ≈ 2 ⅓ *син.* мес.

Как видим, *все элементы числовой знаковой системы оказались задействованными*;

8 – есть цикл, кратный *синодическому* обороту Луны, т.е. ≈ ¼ его:

8 сут. : 29,5306 сут. = 0, 2709 ≈ ¼ *син*. мес.;

(8 + 10 +10) сут. = 28 сут.

8 сут. + (10 + 1) сут. + 10 сут. = 29 сут.

Оба числа календарно-астрономически значимы, ибо они близки длительности *сидерического* (27, 32 сут.) и *синодического* (29, 5306 сут.) месяцев, соответственно.

Итак, тестирование подтвердило календарно-астрономическую суть чисел амулета, что позволяет приступить к реконструктивной части исследования.

Реконструкция системы счисления *10 синодических месяцев*. Ее составляют все «записи» амулета за исключением *двух факультативных*. Знаки считывались *двукратно*:

[(10 + 20 + 50 + 40) + (8 + 10 + 10)] сут. × 2 = 296 сут.;

296 сут.: 29,5306 сут. = 10,0235 ≈ 10 *син*. мес.

Этот цикл хорошо известен в истории астрономии как *период беременной женщины*, *старейший в Европе лунный календарь*, который будто бы позже *дополнили двумя лунными месяцами*. Если так, то в него могли включать следующие «записи»:

296 сут. + [8 + (10 + 10)] + [10 + 20] сут. = 354 ≈ 354,357 сут.

Реконструкция системы счисления *сидерического года*. Ее составляют считанные *трижды* две «записи» правого края, 50 и 40, и две «записи» левого, 8 и 11:

(50 + 40) сут. + ([8 + 11) сут. = 109 сут.;

109 сут. × 3 = 327 ≈ 327,84 сут.

Реконструкция системы счисления *лунного года*. Ее составляют три «записи» правого края амулета и блок из 8 резных линий левого края, которые считывались *трижды*:

(20 + 50 + 40) сут. + 8 сут. = 118 сут.;

118 сут. × 3 = 354 сут. ≈ 354,357 сут.

Выравнивание лунного годового цикла с годовым циклом Солнца производился по завершению его посредством *подключения к счетной системе 11 знаков* второго блока разных полукружий левого края амулета:

354 сут. + 11 сут. = 365 ≈ 365,242 сут.

Реконструкция системы счисления *лунно-солнечного года*. Ее составляют четыре «записи» правого края амулета, которые считывались *трижды* (*факультативный* знак *а* не учитывался):

(10 + 20 + 50 + 40) сут. = 120 сут.;

120 сут. × 3 = 360 сут;

Отслеживание времени по этой системе рационально, ибо *она позволяла точно фиксировать все кардинально важные моменты солнечного года – два равноденствия, два солнцестояния и четыре межсезонья*, *равно отда-*

ленных от соответствующих равноденствий и солнцестояний. Выравнивание лунно-солнечного года с годом солнечным производилось следующим образом: *после счисления двух лунно-солнечных лет в счетную систему вводился интеркалярий*

(360 сут. × 2) + 11 сут. = 731 сут.

731 сут.: 365,242 сут. = 2,0014 ≈ 2 *солн*. года.

Реконструкция системы счисления *солнечного года*. Ее составляют четыре «записи» правого края амулета с учетом факультативного знака *а* в «записи» 11: они считывались *трижды* и дополнялись тремя знаками «записи» 11, расположенными левее *а*:

(11 + 20 + 50 + 40) сут. = 121 сут.;

(121 сут. × 3) + 3 сут. = 366 ≈ 365,242 сут.

Такой оказалась информативность «амулета» – «вещи исключительной ценности», «величайшей находки» из Пржедмости, как интуитивно точно определил ее значимость К. Абсолон более полувека назад. Думаю, изложенного достаточно, чтобы убедиться в главном: палеолитические обитатели центра Европы владели навыками счета и в полной мере использовали свои познания в арифметике при разработке разных систем счисления времени по Луне и Солнцу. С этим фактом придется, рано или поздно, смириться палеолитоведам, знатокам искусства древнекаменного века и тем, кто пытается решить проблему его происхождения.

Список литературы

Ларичев В.Е. Мудрость Змеи. Первобытный человек, Луна и Солнце. – Новосибирск: Наука, 1989. – 271 с.

Ларичев В.Е. Астроархеология: «Сквозь тернии к звездам!» Начало становления «непопулярной научной традиции» // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии: Сб. науч. ст. – Красноярск: Город, 2009. – С. 7–35.

Absolon K. Dokumente und Beweise der Fähigkeiten des fossilen Menschen zu zählen im Mährischen Paläolithikum // Artibus Asiae. – 1957. – Vol. 20. – P. 123–150.

Boucher de Perthes J. Antiquités Celtiques et Antédiluviennes. – Paris, 1857. – Vol. 2. – 511 p.

Marshack A. Lunar Notation on Upper Paleolithic Remains // Science. – 1964. – N 3645. – P. 743–745.

Marshack A. Notation dans les Gravures du Paléolithique Supérieur. – Bordeaux: Delmas, 1970. – 124 p.

Marshack A. The Roots of Civilization. The Cognitive Beginnings of Man`s First Art, Symbol and Notation. – New York, 1972. – 413 p.

Vertes L. «Lunar Calendar» from the Hungarian Paleolithic // Science. – 1965. – N 3686. – P. 855–856.

Verworn M. Die Anfänge des Zahlens // Korrespondenz – Blatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. – 1911. – T. XLII, N 7. – S. 53–55.

Ю.В. Лобачёв, С.К. Васильев, И.Д. Зольников, Я.В. Кузьмин

КРУПНОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПЛЕЙСТОЦЕНОВОЙ ФАУНЫ НА РЕКЕ ЧИК (НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ)

С 1998 г. одним из авторов на р. Чик (Коченевский район Новосибирской области) проводились регулярные сборы остатков плейстоценовой мегафауны. Объем собранной коллекции (по 2010 г. включительно) составил около 700 экз. Костеносный участок имеет протяженность несколько километров. Берега реки почти вдоль всего русла покрыты задернованными и заросшими кустарником оползнями. В сентябре 2011 г. было изучено обнажение уступа террасы на правом берегу р. Чик на территории дачного поселка близ с. Казаково (54,98767° с.ш.; 82,37945° в.д.).

В обрыве высотой 4,4 м сверху вниз от бровки вскрыто строение первой надпойменной террасы р. Чик.

1) 0,0–0,4 м: серый тонко-мелкозернистый песок;

2) 0,4–0,6 м: рыжий параллельно слоистый песок;

3) 0,6–1,3 м: серый тонко-мелкозернистый песок с равномерно рассеянными по нему мелкими ракушками;

4) 1,3–1,8 м: темно-серая палеопочва с гумусированным горизонтом толщиной 0,1 м, по которой рассеяны мелкие раковины моллюсков;

5) 1,9–2,2 м: темно-серая палеопочва с гумусированным горизонтом толщиной 0,1 м, по которой рассеяны мелкие раковины моллюсков.

6) 2,2–3,4 м: субгоризонтальное параллельное переслаивание тонко-мелкозернистого песка и гумусированного оторфованного материала;

7) 3,4–4,2 м: светло-серый с желтым оттенком песок с тонкими черными прослоями. На уровне 4,0–4,2 м – массовое скопление раковин моллюсков, здесь же найдена 3-я фаланга лошади в позиции in situ;

8) 4,2–4,4 м: серая с синеватым оттенком глина; видимая мощность 0,2 м.

В 6–7 км от данного обнажения В.А. Панычевым [1979, с. 31] описан разрез первой террасы р. Чик, в котором на глубине около 2 м из скопления моллюсков получена ^{14}C дата 8650 ± 235 лет назад (СОАН-414), а на глубине около 4,5 м по древесине получена ^{14}C-дата 31170 ± 450 лет назад (СОАН-413). В.А. Панычевым отмечалось, что в строении разреза первой надпойменной террасы р. Чик не наблюдается перерывов в осадконакоплении. На основе имеющихся данных и общих представлений о строении четвертичных отложений изучаемого района [Зольников, 2009] можно сделать предположение о том, что возраст описанной нами толщи – послеермаковский (не древнее 50–60 тыс. л.н.).

Практически все кости были найдены в русле реки в переотложенном состоянии. Исключение составляют, обнаруженные в выстилающих ложе реки глинах слоя 8, часть скелета шерстистого носорога в анатомической последовательности, бивень мамонта, череп бизона и ряд других находок. Несколько зубов мамонта и почти все черепа бизонов сохранили в полостях остатки плотных глин слоя 8. Все остальные кости, по-видимому, происходят из вышележащей толщи. Остатки мегафауны более или менее равномерно распределены в иловатой толще перемываемых донных отложений по всему руслу реки. В омутах удавалось находить многочисленные зубы мамонтов, части черепов бизонов, целый осевой череп гигантского оленя. Насыщенность костями донных отложений на неглубоких участках перекатов весьма велика: при зондировании иловатой толщи штыком лопаты удавалось извлекать с 1 м^2 до десятка и более крупных костей и их фрагментов. Большая часть костных остатков представлена неопределимыми обломками. Целиком сохранились наиболее прочные элементы скелета: метаподии, лучевые, дистальные отделы плечевых костей лошади и бизона, зубы мамонтов. Следы окатанности отсутствуют. Кости однородной сохранности, цвет изменяется от светло- до темнокофейного и черного, в распиле – светлокофейный. Часть костей покрыта сцементированной коркой песчаника, отслаивающейся при высыхании. Нередки следы погрызов и воздействия корневой системы растений, что характерно для остатков, первоначально захоронившихся в отложениях поймы. В русле реки собрано также около 2 десятков костей субфоссильной сохранности, принадлежащих косуле, волку, лосю, бобру, мелкой голоценовой корове.

До 2010 г. собирались преимущественно целые крупные кости, черепа, зубы мамонтов. В 2011 г. на нескольких участках перекатов был произведен тотальный сбор всех определимых остатков, что позволило более объективно отразить состав ориктоценоза. Всего найдено 388 костей крупных млекопитающих: *Equus* ex. gr. *gallicus* (59 %), *Bison priscus* (24,5 %), *Coelodonta antiquitatis* (5,4 %), *Mammuthus primigenius* (4,7 %), *Cervus elaphus sibiricus* (2,6 %), *Alces alces* (1,8 %), *Saiga tatarica borealis* (0,8 %). Единичные находки принадлежат *Megaloceros giganteus*, *Rangifer tarandus*, *Panthera spelaea* и *Canis lupus*. В предыдущие годы обнаружены кости *Castor fiber* и *Ursus arctos*. Более минерализованные единичные остатки из глин слоя 8 относятся к бизону, лошади, шерстистому носорогу, мамонту (*Mammuthus* sp.) и овцебыку (*Ovibos pallantis*). Опубликованные ранее данные по составу териофауны с Чика [Косинцев, Васильев, 2009] базировавшиеся на избирательном сборе материала, следует признать необъективными.

По соотношению фоновых видов фауна с Чика указывает на господство на водоразделах открытых, степных пространств. В этом отношении она приближается к составу териокомплекса из 4 слоя Красного Яра (28–33 тыс. л.н.), где остатки лошади составляют 61,6 %, бизона – 16,4 %. Незначительное присутствие в Чике оленей (4,7 % в сумме) может свидетельствовать о формировании костеносного слоя в период одного из позднe-

плейстоценовых криохронов. В 4 слое Красного Яра количество оленей достигает 7,9 %, а в казанцевском, 6 слое этого местонахождения – 17 % [Косинцев, Васильев, 2009].

Для биостратиграфического анализа из всего собранного материала наиболее показательны зубы мамонтов последней смены, метаподии лошадей и черепа бизонов.

Из 104 зубов мамонта 42 относятся к М3. В строении зубов мамонты с Чика оказались наиболее сходными с мамонтами из 6 слоя Красного Яра, особенно по M^3 (см. *таблицу*). По «зубной формуле» объеденные выборки верхних и нижних зубов мамонтов из Чика $\left(\frac{2,03}{13,61}\right)$ и 6 слоя Красного Яра

Размеры зубов последней смены *Mammuthus* ***primigenius*** из Чика и 6-го слоя Красного Яра

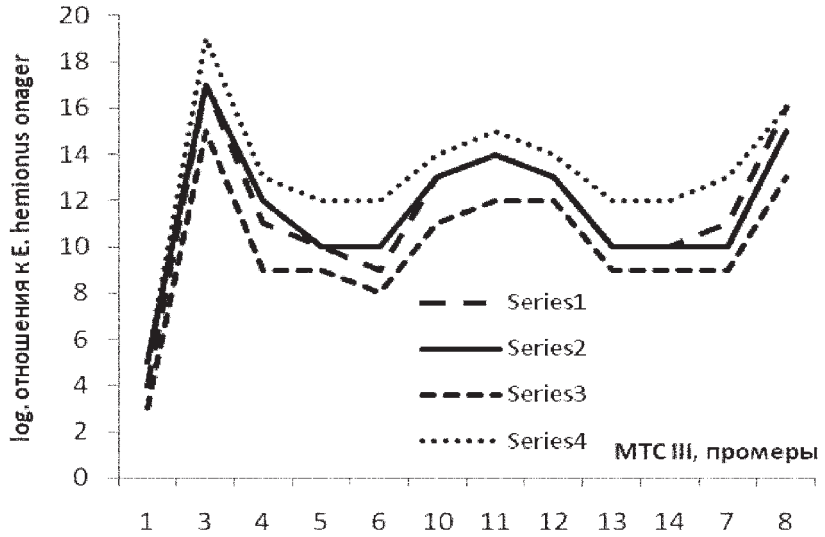
Промеры, мм	Чик			Красный Яр, слой 6		
M^3	n	lim	M	n	lim	M
Длина коронки	15	164–295	242,33	5	220–340	265,40
Ширина коронки	18	75–110	93,00	16	82–107	92,81
Высота коронки	18	91–183	161,83	10	135–215	162,60
Количество пластин	10	20–24	22,40	4	20–24	22,25
Частота пластин на 100 мм	18	6,73–10,16	8,17	16	6,93–10,17	8,26
Средняя длина одной пластины	18	9,85–14,85	12,37	16	9,82–14,95	12,73
Толщина эмали	18	1,56–2,61	1,91	16	1,79–2,25	1,92
«Зубная формула»	18	$\frac{1,56-2,61}{9,61-14,82}$	$\frac{1,91}{12,34}$	15	$\frac{1,79-2,25}{10,12-14,79}$	$\frac{1,92}{12,73}$
M_3						
Длина коронки	17	184–337	273,82	5	234–301	275,00
Ширина коронки	22	76–111	90,77	11	73–104	91,45
Высота коронки	22	103–175	132,41	5	122–139	129,20
Количество пластин	12	18–25	20,92	4	22–23	22,50
Частота пластин на 100 мм	22	5,24–8,70	6,90	11	6,43–8,50	7,50
Средняя длина одной пластины	22	11,49–19,08	14,72	11	12,47–16,56	14,11
Толщина эмали	22	1,61–2,59	2,13	10	1,68–1,95	1,81
«Зубная формула»	22	$\frac{1,61-2,59}{11,63-19,16}$	$\frac{2,13}{14,64}$	11	$\frac{1,68-1,95}{11,71-15,63}$	$\frac{1,81}{13,72}$

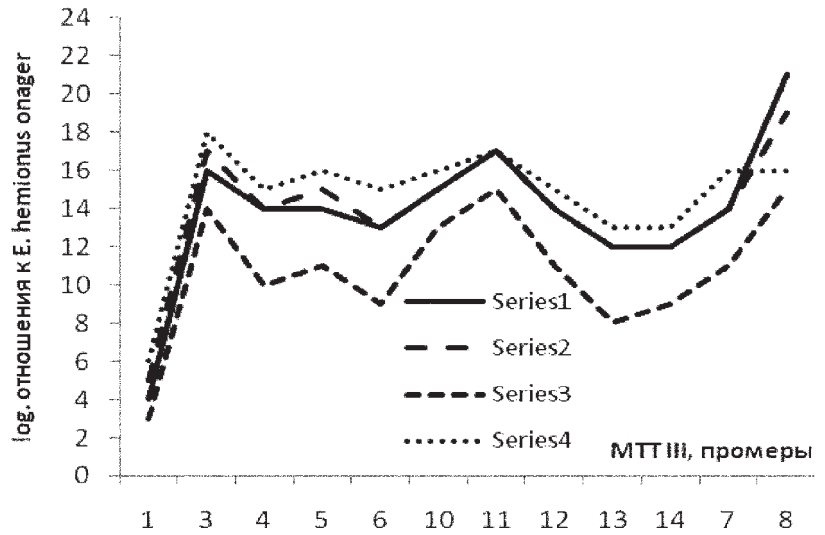
$\left(\frac{1,88}{13,15}\right)$ различаются весьма незначительно. К этой же группе приближается мамонт каргинского времени с р. Орда под Новосибирском $-\frac{2,16}{13,34}$, при частоте пластин 7,58 (6,88–8,19; n = 5). Для каргинского и казанцевского времени Кузнецкой котловины И.В. Фороновой [2001] указываются *M. primigenius* с формулами $\frac{1,8}{10,2}\left(\frac{1,7-2,0}{9,6-10,8}\right)$ и $\frac{1,7}{12,2}\left(\frac{1,55-1,90}{11,2-13,2}\right)$ соответственно, что существенно отличается от наших выборок.

По размерам и пропорциям пястных и плюсневых костей лошадь из Чика оказалась практически тождественной с *Equus* ex. gr. *gallicus* из 6 слоя Красного Яра. Из 12 промеров МТС III полностью на графиках совпадают 7, а для МТТ III – 8 промеров (см. *рисунок*). Учитывая представительные выборки метаподий, подобное совпадение нельзя признать случайным. Оно с несомненностью свидетельствует, что лошади из Чика и 6 слоя Красного Яра если и не одновременны, то разделены относительно небольшим временным интервалом. С раннего плейстоцена в линии настоящих кабаллоидных лошадей Северной Евразии четко прослеживается тренд неуклонного измельчания [Форонова, 1990, 2001]. Наглядной иллюстрацией служит расположение линий на графиках среднеплейстоценовой *E*. ex. gr. *mosbachensis-germanicus* и позднекаргинской *E.* ex. gr. *gallicus* из 4 слоя Красного Яра. При сохранении сходных пропорций они оказываются соответственно заметно крупнее или мельче, чем лошади из 6 слоя Красного Яра и Чика (см. *рисунок*).

Бизоны из Чика по размерам черепа приблизительно соответствуют *Bison priscus* из 6 слоя Красного Яра, однако отличаются от последних существенно более крупными размерами роговых стержней, что характерно для среднеплейстоценовых форм. Длина рогового стержня вдоль большой кривизны составляет: Чик – 595- М 615-635 мм (n = 2); Красный Яр – 355-М 508,1-595 мм (n = 28). Обхват основания рогового стержня: Чик – 310-М 386-430 мм (n = 10); Красный Яр – 278- М 345,2-395 мм (n = 33). В средних значениях промеров костей посткраниального скелета бизоны из Чика и 6 слоя Красного Яра практически не различаются.

Таким образом, можно предположить, что холодную степную (Чик) и межледниковую лесостепную (6 слой Красного Яра) териофауны разделяет относительно небольшой временной интервал. В этой связи нельзя исключить, что возраст 6 слоя Красного Яра может рассматриваться не как казанцевский, а как раннекаргинский или же относящийся к одному из теплых эпизодов внутри ермаковского времени. Возраст глин слоя 8, возможно, среднеплейстоценовый. В настоящее время образцы костей с Чика и раковины моллюсков из разреза переданы Л.А. Орловой на радиоуглеродное датирование.

Соотношения средних пропорций пястных и плюсневых костей лошади.
1 – Equus ex. gr. *gallicus*, Чик (МТС III: n = 28-31; МТТ III: n = 23–27); *2 – Equus* ex. gr. *gallicus*, Красный Яр, R-W (МТС III: n = 21–26; МТТ III: n = 25–30); *3 – Equus* ex. gr. *gallicus*, Красный Яр,W-2 (МТС III: n = 20–29; МТТ III: n = 25–37); *4 – Equus* ex. gr. *mosbachensis-germanicus*, Кузнецкая котловина, Q_2 (МТС III: n = 18; МТТ III: n = 12; по: [Форонова, 1990]).

Список литературы

Зольников И.Д. Гляциогенно обусловленные суперпаводки неоплейстоцена Горного Алтая и их связь с историей формирования отложений и рельефа Западно-Сибирской равнины // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. – 2009. – № 69. – С. 58–70.

Косинцев П.А., Васильев С.К. Фауна крупных млекопитающих позднего неоплейстоцена Западной Сибири // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. – 2009. – № 69. – С. 94–105.

Панычев В.А. Радиоуглеродная хронология аллювиальных отложений Предалтайской равнины. – Новосибирск: Наука, 1979. – 102 с.

Форонова И.В. Ископаемые лошади Кузнецкой котловины. – Новосибирск: Изд-во ИГиГ СО АН СССР, 1990. – 131 с.

Форонова И.В. Четвертичные млекопитающие юго-востока Западной Сибири (Кузнецкая котловина). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. – 243 с.

В.Е. Медведев

К РАЗГАДКЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ АМУРСКОЙ МАСКИ

Порой случается, что отдельные весьма неординарные первобытные реалии длительное время остаются без внимания со стороны исследователей. Происходит это, как правило, когда находки не связаны с раскопками, т.е. относятся к подъемным сборам. К числу подобных вещей принадлежит рассматриваемое ниже изделие.

В последние годы на страницах некоторых археологических изданий появились рисунки, фотографии и описания довольно массивного каменного скульптурного изображения головы, или точнее маски, находящегося в краеведческом музее г. Николаевска-на-Амуре. Скульптура была случайно найдена школьниками в 1956 г. вблизи устья ручья Большой Ключ, впадающего в правобережную протоку Амура к юго-западу от названного города. В одной из работ изделие связывается с вознесеновской культурой позднего неолита [Шевкомуд, 2004, с. 102, табл. 78, *2*; с. 122], в статье других авторов категорично утверждается, что каменная голова относится к средневековому времени (тэбахская культура). Несмотря на то, что скульптура поднята на речной отмели в стороне от находящегося на берегу ручья разрушенного памятника, делается вывод: «нет никаких сомнений, что маска-личина происходит из слоев памятника» [Дерюгин, Гребенник, 2003, с. 145–148, 150, рис. 1, *1*].

Вряд ли целесообразно останавливаться на приведенных исследователями аргументациях в пользу первого или второго культурно-хронологического определения каменной скульптуры, поскольку основной трудностью для убедительной интерпретации данной находки, оказавшейся рядом с устьем Большого Ключа, является неясность ее происхождения, места изготовления.

Первый раз скульптуру в форме маски с выпуклой рельефной лицевой стороной и плоской – задней мне довелось осмотреть, описать и сфотографировать в Николаевском-на-Амуре краеведческом музее в июле 1968 г. Маска выполнена методом пикетажа из массивного куска серой базальтовой породы (рис. 1). В анфас она в форме овала высотой 46,3 см. с крупными деталями лица: глубоко посаженные круглые глаза (под правым глазом – подглазничный мешок, а под левым – он, возможно, сколот), большой с легкой горбинкой нос, овальный рот. На лбу – глубокие характерные волнистые желобки, по форме напоминающие летящих птиц. Похожие желобчатые фи-

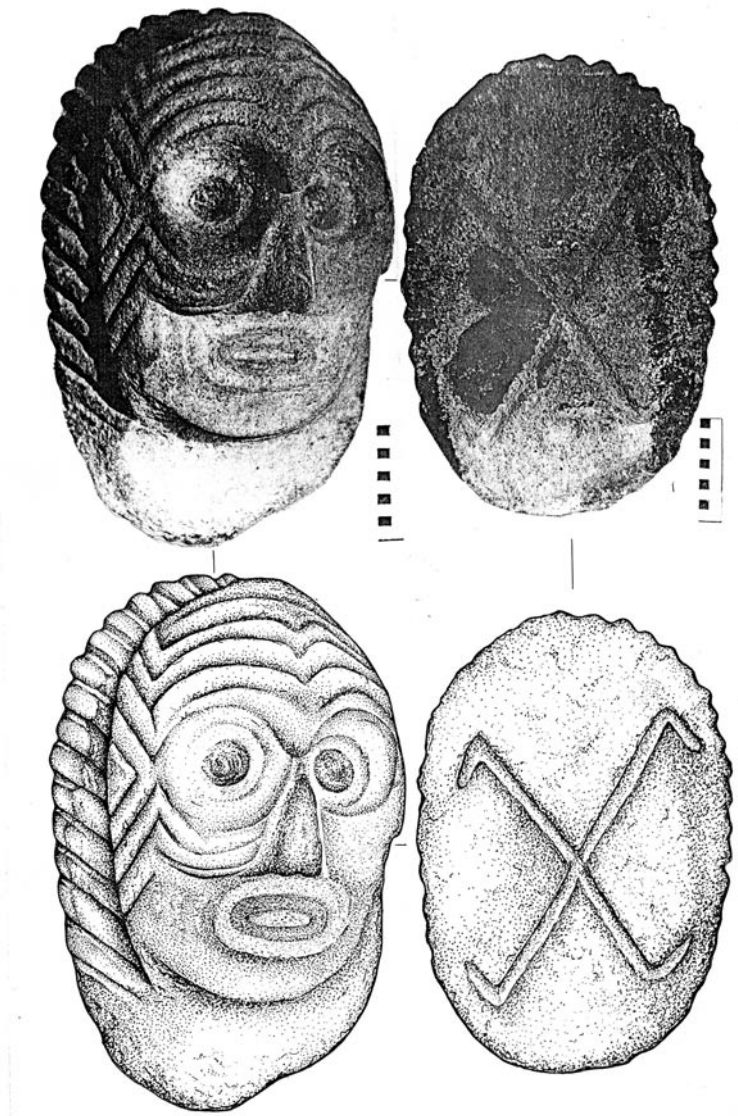

Рис. 1. Каменное скульптурное изображение маски (лицевая и оборотная стороны). Большой Ключ (?). Хранится в Краеведческом музее г. Николаевска-на-Амуре.

гуры образованы слева и справа от глаз. Так, скорее всего, изображена роспись. Уши не показаны, от подбородка вверх по боковым сторонам, как бы вдоль краев маски, выбиты наклонные желобки – «сияние», «головное перьевое обрамление» (?), еще одно их менее вероятное определение – «прическа» (?). Более чем половину задней поверхности скульптуры занимает

крупное желобчатое изображение в виде косого креста с изогнутыми под острым углом концами и несколько небольших ямочных углублений.

На первый взгляд крестообразная выбивка имеет сходство с солярным знаком-свастикой. Однако подобную интерпретацию изображения нельзя назвать правильной. Прежде всего, по причине утилитарности показанной на тыльной стороне маски крестообразной фигуры. Маски, как известно, прикрепляются к голове с помощью ремешков, шнурков, лент и т.п. вещей. Поскольку интересующая нас каменная маска имитирует обычные маски, изготавливавшиеся из дерева, коры или кожи, на ней детально показана не только лицевая, но и задняя поверхность. В данном случае весьма показателен способ прикрепления бронзовых блях на кожаные ремни из средневековых чжурчжэньских погребений. Бляхи крепились с помощью ремешков, натянутых крест-накрест, точно также (включая загнутые их концы), как показано на задней поверхности каменной амурской неолитической маски [Медведев, 1986, рис. 53].

Это во многих отношениях редчайшее эффектное изделие не может своим своеобразием не привлечь к себе внимание. Первое, что бросается в глаза – схожесть маски с неолитическими петроглифами Сакачи-Аляна и Шереметьева. При этом с отдельными из них у скульптуры просматриваются аналогии практически во всех деталях лица: рот, выразительный нос, глаза, лоб с «птицами» [Окладников, 1971, с. 197, табл. 61; с. 261, табл. 125]. Любопытно, что на сакачи-алянском петроглифе, помимо перечисленных деталей, также как и на скульптурном изображении с Большого Ключа под правым глазом выбивкой показан подглазничный мешок (рис. 2).

Казалось бы, лежащую на поверхности идею культурно-хронологической связи скульптуры и петроглифов, в действительности нельзя назвать простой. Когда в отдельных изданиях отмечается, что маска «не получила должного научного отражения в литературе, хотя о ее существовании знали многие специалисты», авторам надо полагать, не известны обстоятельства появления скульптуры у Большого Ключа; они убеждены, что она связана с одним из культурных слоев находящегося неподалеку памятника.

Как рассказал нам в 1968 г. В.И. Юзефов, в то время директор Николаевского-на-Амуре краеведческого музея, каменная маска была утеряна работавшими на катере амурскими речниками. Речники когда-то ее получили с другого судна, ходившего не только по реке, но и морем. Где, когда и в какой ситуации оказалась, по всей видимости, абсолютно подлинная скульптура на судне, установить не удалось. Это и стало причиной в не полной мере доверчивого отношения к ней занимающихся исследованием древностей Приамурья, включая автора. О месте изготовления маски суждения могут быть разные, но все же более логичным следует считать район выше по Амуру, а точнее правый берег его и Малышевской протоки в селах Сакачи-Алян и Малышево и их окрестностях с известными многочисленными петроглифами, выбитыми как на огромных, так и сравнительно небольших серых базальтовых валунах. Время, когда каменное изделие покинуло предполагае-

Рис. 2. Личина. Петроглиф у с. Сакачи-Алян
(по:[Окладников, 1971, табл. 61]).

мое место изготовления и отправилось в путешествие вниз по Амуру, также можно назвать ориентировочным, но вполне реальным. Этот вопрос заслуживает отдельного анализа. В качестве отправной его точки может служить информация о том, что в конце XIX в. Б. Лауфер «по поручению американского научного общества увез из Сакачи-Аляна каменный бурхан» [Окладников, 1971, с. 9]. Не о каменной ли поистине многострадальной маске с Большого Ключа идет речь, при неизвестных обстоятельствах оставленной или утерянной в низовьях Амура Б. Лауфером? Во всяком случае, данное предположение не противоречит приведенным выше фактам.

Список литературы

Дерюгин В.А., Гребенник Н.Г. Каменная скульптура с Большого Ключа (устье Амура) // Амуро-Охотский регион в эпоху палеометалла и средневековья. – Хабаровск: Хабаров. краевед. музей, 2003. – С. 145–150.

Медведев В.Е. Приамурье в конце I – начале II тысячелетия (Чжурчжэньская эпоха). – Новосибирск: Наука, 1986. – 206 с.

Окладников А.П. Петроглифы нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 335 с.

Шевкомуд И.Я. Поздний неолит нижнего Амура. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. – 156 с.

В.Е. Медведев, И.В. Филатова

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ НА ПОСЕЛЕНИИ БУЛОЧКА (ПРИМОРЬЕ)

Первые сведения о неолитических находках на сопке Булочке были получены в ходе раскопок в 1970 г. В 2003–2005 гг. исследования на ней были продолжены в раскопах II–IV общей площадью 700 м^2 [Деревянко и др., 2004; 2005]. В результате их было подтверждено, что ранний период освоения сопки Булочки связан с неолитом, при этом можно говорить о двух этапах заселения разновременного многослойного поселения в названную эпоху. Первыми его обитателями были носители бойсманской средненеолитической, а после них – представители зайсановской поздненеолитической культур.

Бойсманские находки – изделия из камня и керамика – преимущественно связаны со слоем темной, почти черной гумусированной ощебненной супеси, распространенным за пределами жилищ эпохи позднего неолита и раннего железного века (последних на памятнике подавляющее большинство).

Изделий из камня, относящихся к бойсманской культуре, немного. Представлены они наконечниками стрел и дротиков, ножами, вкладышами, скребками, проколками, теслами. Наиболее типичны наконечники стрел удлиненно-треугольной в плане формы, линзовидные в сечении с приостренным выемчатым или прямым основанием, изготовленные бифасиальной ретушью из обсидиана и кремня (рис. 1, *1*, *2*), а также ретушированные наконечники дротиков в основном листовидной формы линзовидные в сечении, при выделке которых использовались кремнистые породы. Зафиксированы также отходы каменного производства: истощенные нуклеусы (рис. 1, *3*, *4*), сколы и отщепы.

В коллекции керамики этой культуры имеется 41 фрагмент венчиков и стенок (рис 1, *5–10*). По форме выделяются три типа венчиков: структурно отделенные от шейки ребром или особой профилировкой – «слабо выпуклая скобка»; прямые с приостренной или слегка скошенной внутрь верхней поверхностью; чуть отогнутые наружу с выпуклой верхней поверхностью. У отдельных образцов верхних частей сосудов слегка выделены шейка и плечики. Скорее всего, они принадлежали изделиям вазовидной формы. Все черепки орнаментированы. Преобладают оттиски гребенчатого и фигурного штампов (в виде прямоугольника, угла), отступающей лопаточки. Единично зафиксированы резные линии, округлые оттиски, так называемый «ложноволнистый валик». Основными орнаментальными мотивами

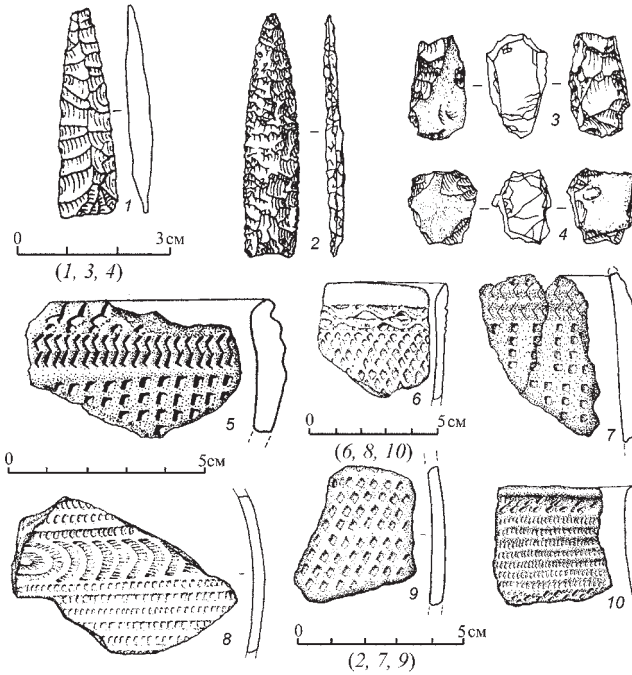

Рис. 1. Поселение на сопке Булочке. Изделия из камня (*1–4*) и керамика (*5–10*) бойсманской культуры.
1, *2* – наконечники стрел; *3*, *4* – нуклеусы; *5–10* – фрагменты венчиков и стенок.

служили прямые и наклонные горизонтальные линии, иногда составленные в углы. Черепки светло-, темно- и серо-коричневые. Тесто плотное с включениями дресвы, поверхность заглажена. В целом, по ряду морфологических и орнаментальных признаков, часть бойсманской керамики (с особой профилировкой венчика в виде «скобки» (рис. 1, *5*, *7*)) можно отнести к более раннему этапу, а часть (с «ложноволнистым валиком» (рис. 1, *6*, *10*)) – к сравнительно позднему.

Отсутствие даже сезонных жилых сооружений или каких-либо иных комплексов (рабочих площадок и др.), относительная немногочисленность находок, выявленных в разных частях раскопов, а также морфологические и орнаментальные признаки керамики позволяют утверждать, что бойсманцы посещали сопку дважды (в диапазоне 6215 ± 130 – 5985 ± 115 л.н.) на не очень продолжительное время.

Носители зайсановской культуры оставили на Булочке следы относительно более длительного пребывания, они первые создали на ней искусственные террасы. Материалы зайсановских объектов связаны с тремя жилищами – 9, 10 и 13, а также с комплексом II **(святилищем)**. **Жили**ща обладают как общим, так и особенным в конструктивном устройстве

(рис. 2, *1*, *2*). Подземное основание у одного из них (9) вытянуто поперек сопки почти точно с Ю на С, у двух других (10, 13) – с СВ на СЗ. Все три жилища – в виде террасовидных площадок или небольших подпрямоугольных котлованов-уступов. Довольно четко выражены нагорные стены жилищ. Подгорные стены отсутствуют – здесь располагался вход, длина стен до 2,0 м. Глубина площадок-оснований жилищ 9, 10 не более 30,0 см. Жилище 13 глубже: своей верхней (нагорной) частью оно врезается в рыхлый песчаник склона Булочки на глубину до 55,0–60,0 см. Пол всех жилищ относительно ровный, несколько покатый в сторону нижней части сопки, в них не обнаружено явных следов очагов.

Отсутствие очагов, относительно небольшая площадь (2,1–5,5 м^2), малочисленность ям от столбов в полу жилищ и за их пределами объясняется тем, что, скорее всего, это были недолговременные сезонные жилые сооружения. Отдельные конструктивные особенности жилища 13 обусловлены, вероятно, иной групповой принадлежностью. Это можно судить по керамике, демонстрирующей сходство с аналогичным материалом памятников вознесеновской культуры из некоторых других районов Приморья к северу от рассматриваемого поселения.

Кроме жилищ, как отмечалось выше, материалы данной культуры связаны с комплексом II (святилище). Комплекс располагался на террасовидной площадке, врезанной в песчаниковый массив сопки на 20,0–30,0 см и вполне вероятно, что он создавался зайсановцами первоначально в форме жилища (об этом свидетельствуют расположенные в определенном порядке в его пределах ямы от столбов) или же наподобие жилища, которое служило святилищем [Медведев, 2009].

Изделий из камня в пределах жилищ обнаружено 29 экз. (рис. 2, *3–7*, *9*). Наибольшее количество их (21 экз.) найдено в жилище 13, что можно объяснить сравнительно длительным временем его функционирования. Это – наконечники стрел, ножи, пластинчатый скол, использовавшийся как режущий инструмент, орудие типа скребла, тесла, грузило, курант, землеройные орудия. Представлены также точила и точильные плиты, наковальни, отбойники. Отмечены нуклеус и сколы со следами утилизации и без них. Основными материалами для изготовления орудий служили кремнистые породы и обсидиан, а также алевролиты, сланцы, песчаники, гранитоиды и туф. Использовались различные техники обработки – от филигранной мелкой бифасиальной ретуши до шлифовки.

В жилищах, комплексе II (святилище), и в слое темной гумусированной супеси за пределами жилищ найдены четыре в камеральных условиях реконструированных сосуда, шесть их верхних частей и 700 фрагментов венчиков, стенок и донцев (рис. 2, *8*, *10–12*). По морфологическим и стилистическим признакам керамика подразделяется на три группы. Первая – слабопрофилированные сосуды вазовидной формы с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком, чуть выделенной шейкой и пологими плечиками, украшенными оттисками мелкозубчатой гребенки (сосуд из жилища 10

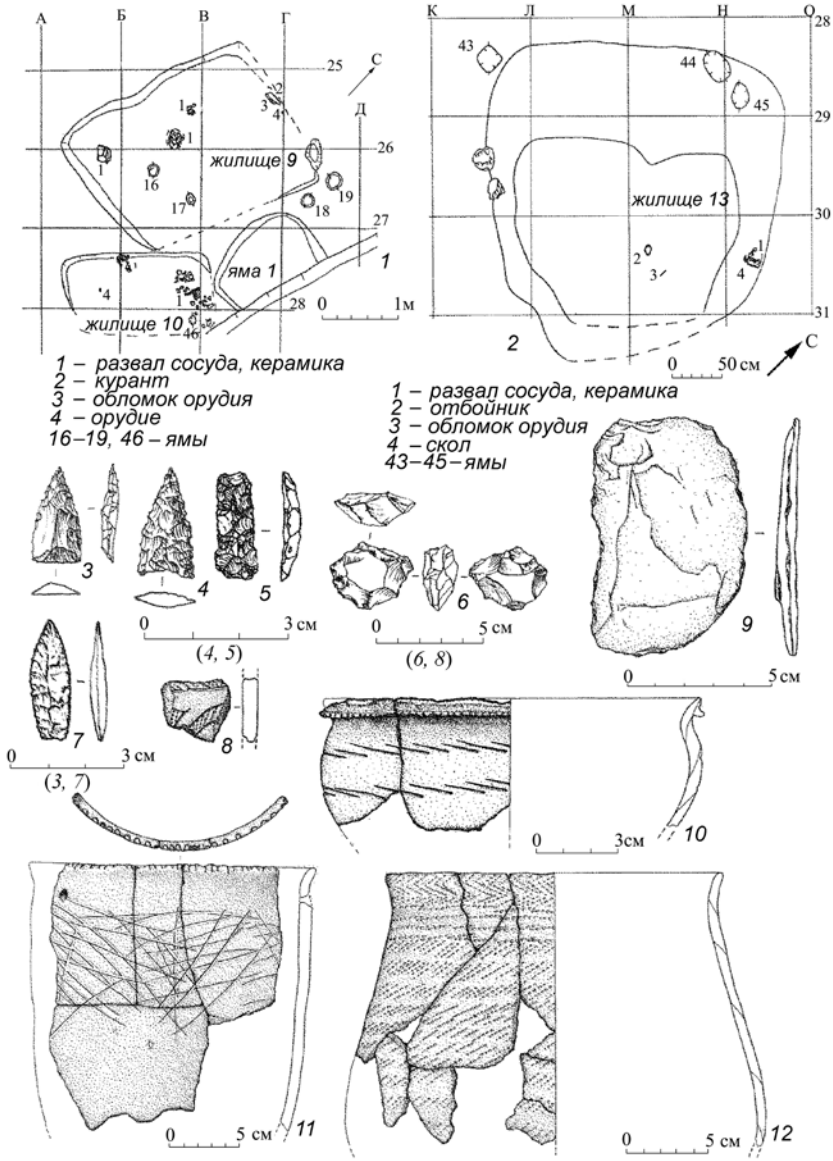

Рис. 2. Поселение на сопке Булочке. Планы жилищ 9, 10 и 13 (*1*, *2*); изделия из камня (*3–7*, *9*) и керамика (*8*, *10–12*) зайсановской культуры.
3, *4*, *7* – наконечники стрел; *5* – вкладыш; *6* – нуклеус; *8* – фрагмент стенки; *9* – орудие; *10–12* – верхние части сосудов.

(рис. 2, *12*). Вторая – горшковидные изделия с отогнутым венчиком, внешний бортик которого утолщен налепным валиком в виде карниза. Стык граней валика украшен наколами, а резко выделенные шейка и плечики – горизонтальными поясками наклонно ориентированных желобков (сосуд с пола жилища 13 (рис. 2, *10*)). Третья – слабопрофилированные (вазовидной, горшковидной формы) или непрофилированные (баночной формы) сосуды с прямым или слегка отогнутым венчиком, почти не выделенными шейкой и плечиками. Эти изделия украшены разнообразными мотивами (сетка, зигзаг, меандр, горизонтальные пояса, вертикальные столбцы и пр.), составленными из наколов и/или прочесов зубчатого шпателя (фрагменты сосудов из жилища 9 (рис. 2, *11*), сосуды из комплекса II). По технологическим признакам группы керамики не выделяются так явно. Тесто разной плотности, с примесью дресвы, песка; для сосудов второй группы – с примесью талька. Поверхности заглажены, залощены. В целом, по совокупности стилистических, морфологических и технологических признаков зайсановскую керамику на Булочке можно отнести к трем выделенным приморскими археологами группам этой культуры: 1) зайсановской (третья группа сосудов Булочки (рис. 2, *11*)); 2) приханкайской (вторая группа сосудов (рис. 2, *10*)); 3) вознесеновская (фрагменты, оформленные спиральным орнаментом (рис. 2, *8*)).

Сопка Булочка оказалась довольно привлекательным для неолитического населения объектом. Посещалась она неоднократно: судя по отличительным особенностям каменного и керамического инвентаря, а также специфике зайсановских жилищ, можно говорить о, по меньшей мере, двух посещениях бойсманцев и трех – зайсановцев. Для последних, возможно, это были и разные культурные группы. Однако использовалось местонахождение в качестве недолговременной сезонной стоянки. Почему носители рассматриваемых культур не задерживались на сопке на более длительные сроки и не обживали ее основательнее, сказать сложно. Вероятно, это было связано с природно-климатической ситуацией и недостатком необходимых биоресурсов.

Список литературы

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Ю Ын Сик, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В., Хон Хён У. Древние памятники Южного Приморья. Отчет об исследовании поселения Булочка в 2003 году: в 3 т. – Сеул, 2004. – 814 с. (на рус. и кор. яз.).

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Хон Хён У, Ю Ын Сик, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В. Древние памятники Южного Приморья. Отчет об исследовании поселения Булочка в Партизанском р-не Приморского края в 2004 году: в 3 т. – Сеул, 2005. – 823 с. (на рус. и кор. яз.).

Медведев В.Е. Древние культовые места на Дальнем Востоке. Святилище на юге Приморья // «Homo Eurasicus» у врат искусства. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 371–382.

А.Г. Новиков, О.И. Горюнова

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ТЫШКИНЭ II (ОЗЕРО БАЙКАЛ)*

Многослойное поселение Тышкинэ II открыто в 1978 г. сотрудником Маломорского отряда Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (КАЭ ИГУ) Л.Г. Ярославцевой. Объект расположен на предгорном уступе восточного побережья о. Ольхон (оз. Байкал), в 0,8–1,0 км к ЮЗ от пади Тышкинэ и в 15 км к ЮЗ от п. Хужир (Ольхонский район Иркутской области). Стационарные раскопки проводились Маломорским отрядом КАЭ ИГУ в 1979–1980 гг. (О.И. Горюнова, А.Г. Генералов). В результате выявлено 9 культурных слоев, представленных темными гумусированными почвами, разделенными между собой стерильными прослойками светлой супеси с дресвой. Отложения склоновые. Мощность рыхлых отложений – 2,6 м. В предварительной публикации [Горюнова, Ярославцева, 1982] комплексы отнесены: IX–VIII слои – к развитому неолиту, VII–IV слои – к бронзовому веку, III-I слои – к железному веку. Радиоуглеродное датирование слоев не проводилось.

Традиционно к раннему неолиту Прибайкалья относились слои, содержащие только керамику с оттисками сетки-плетенки (X слой Улан-Хады, VI–V слои Итырхей) [Хлобыстин, 1964; Горюнова, 1984, 2001]. В конце 80-ых гг. прошлого века к этому периоду была отнесена и шнуровая керамика, украшенная построениями из прочерченных линий («хайтинский» тип), выделенная Н.А. Савельевым на многослойном поселении Горелый Лес в Приангарье [1989]. На побережье Байкала керамика «хайтинского» типа не фиксировалась. Комплексы раннего неолита датировались единичными радиоуглеродными датами в пределах 6,8 (7,0) – 5,5 (5,0) тыс. л.н. [Савельев, 1989; Горюнова, 2001]. С развитым неолитом Приольхонья ассоциировались слои, содержащие керамику с различным техническим декором: с оттисками сетки-плетенки, шнура и с гладкой поверхностью, орнаментированные построениями из штамповых вдавлений, отступающей лопаточки и прочерченных линий (IX слой Улан-Хады и др.) [Горюнова, 1984, 2001]. С этим периодом связывали пунктирно-гребенчатую керамику, «посольского» типа и др. Комплексы датировались в пределах 5,5–4,3 тыс. л.н.

*Работа выполнена в рамках проекта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (№ П363).

Раскопки, проведенные на многослойном поселении Саган-Заба II Российско-Канадской экспедицией в 2006–2008 гг., позволили стратиграфически выделить и характеризовать комплексы разных периодов неолита и, на основе представительной серии радиоуглеродных определений, установить их датировку [Горюнова и др., 2008; Горюнова, Новиков, Вебер, 2011]. В связи с этим существенно изменились представления о неолите Прибайкалья, и встала необходимость пересмотра всех имеющихся материалов по ранее исследованным неолитическим комплексам поселений.

Цель предлагаемой статьи – анализировать с современных позиций материалы неолитических комплексов поселения Тышкинэ II, определить их датировку и место в периодизации неолита Прибайкалья.

Культурный слой IX. Находки привязаны к темной гумусированной супеси, мощностью 0,02–0,08 м. Вглубь берегового уступа слой распространялся на расстояние 2,0 м.

Археологический материал располагался скоплениями, состоящими, в основном, из костей животных (620 из 670 находок слоя). Из определимой фауны преобладали кости нерпы. Встречены кости благородного оленя, кабана, лисицы [Горюнова, Оводов, Новиков, 2007]. В одном из скоплений отмечены фрагменты от трех аналогичных сосудов. На площади раскопа зафиксировано одно развеянное кострище, размерами 0,35 х х 0,27 м. Возле него обнаружен обломок костяной обоймы от составного орудия с одним пазом, вкладыш, сверло, кости нерпы и фрагменты шнуровой керамики.

Практически вся керамика слоя с оттисками тонкого шнура на внешней поверхности (38 фр. от 3 аналогичных сосудов). Сосуды сложной, закрытой формы (рис. 1). По внешнему краю венчиков нанесены насечки. Тулово украшено параллельными горизонтальными рядами (от 12 до 22), выполненными узкой отступающей лопаточкой. От последнего ряда спускается «бахромка», состоящая из коротких наклонных линий, расположенных группами (до 4 линий), выполненных тем же методом. На одном сосуде отмечены два вертикально расположенные отверстия, видимо, для подвешивания. Диаметры венчиков – от 22 до 26 см. Фрагменты дна не обнаружены. В комплексе зафиксирован один фрагмент керамики с оттисками сетки-плетенки.

Изделия из камня (10 экз.) представлены отщепами (4), призматической пластиной, сколами с ретушью (2), вкладышем на призматической пластине с двукраевой вентральной ретушью, сверлом и долотовидным орудием на пластинчатом сколе.

Культурный слой VIII. Археологический материал привязан к слою серой, слабо гумусированной супеси, мощностью 0,12–0,20 м. От вышележащего культурного слоя он отделен мощной прослойкой светлой щебенистой супеси (до 0,40 м); от нижележащего – щебенистой супесью с грубообломочным материалом. У берегового уступа слой разделяется светло-желтой супесью на два. Состав и типология археологического материала из этих

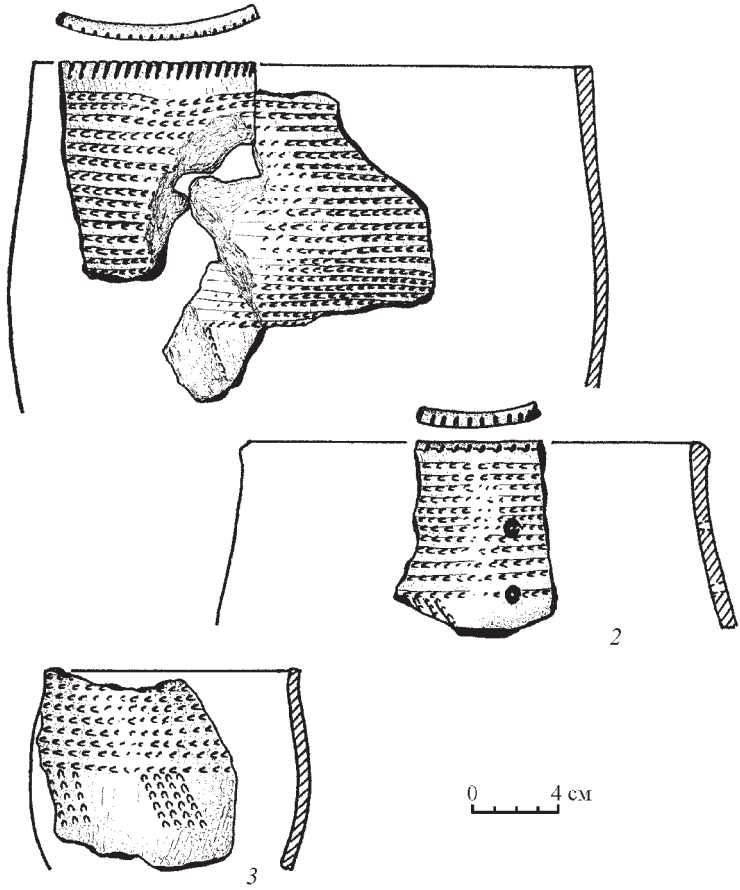

Рис. 1. Тышкинэ II. Керамика культурного слоя IX.

слоев – аналогичны, поэтому они рассматриваются как единый культурно-хронологический комплекс.

Основная масса находок тяготела к береговому обрыву. В слое отмечено одно кострище и очаг. В обоих случаях мощность зольников не значительная. В зольном пятне кострища найдены: пластинчатый скол, отщепы и кости нерпы. В стороне от него зафиксирован развал сосуда с оттисками сетки-плетенки. Очаг представлял собой сплошную кладку, выложенную из галечных валунов в один слой. Размеры сооружения 1,0 х 0,8 м; ориентация большей стороной по линии запад – восток. В его кладке обнаружены фрагменты керамики с оттисками сетки-плетенки и неопределимые битые кости.

Среди археологических находок преобладают остатки фауны (1174 экз. из 1280 находок слоя). Из определимой фауны превалируют кости нерпы;

встречены кости благородного оленя и косули [Горюнова, Оводов, Новиков, 2007]. На двух костях отмечена обработка.

Керамика слоя, в основном, с оттисками сетки-плетенки (70 фр. от 6 сосудов). Сосуды сложной, закрытой формы, с круглым дном (рис. 2). Преобладает орнамент в виде пояска мелких отверстий (рис. 2, *1–3*, *8*). В одном случае отверстия соединены наклонно пересекающимися прочерченными линиями (рис. 2, *2*). Фрагменты от двух сосудов – без орнамента (рис. 2, *4*).

Вторую группу керамики составляют фрагменты (15 от 2 сосудов) со шнуровыми оттисками на внешней поверхности. На одном из них – негативы от тонкого шнура, на другом – толстые, грубые отпечатки. На первом из них отмечено отверстие (рис. 2, *7*); венчик второго сосуда украшен по верхней поверхности насечками, по шейке – пояском крупных ямочек (рис. 2, *6*).

В комплексе зафиксировано 5 гладкостенных фрагментов керамики. Среди них – круглое дно от сосуда небольшого размера (рис. 2, *5*).

В числе изделий из камня: отщепы (7), пластинчатые сколы (2), пластинчатый скол с ретушью, комбинированное орудие (угловой резец – сверло) на призматической пластине, проколка на пластинчатом сколе, обломок шлифованного орудия (ножа) из сланца и рубящее орудие с двусторонней обработкой рабочего лезвия из гальки.

Рассмотренные культурные комплексы отличаются между собой: соотношением керамики с оттисками шнура и сетки-плетенки (преобладание первой из них – в IX слое и второй – в VIII слое); различными техниками нанесения орнамента и композицией его построения; в VIII слое появляется керамика с гладкой поверхностью. Все это позволяет считать рассмотренные комплексы хронологически разновременными.

Подобное соотношение керамики с различными техническими декорами отмечено в комплексах VI и V нижнего слоев многослойного поселения Саган-Заба II [Горюнова и др., 2008; Горюнова, Новиков, Вебер, 2011]. Аналоги керамике IX слоя Тышкинэ II находим в материалах VI слоя Саган-Забы II и V слоя Усть-Хайты [Горюнова и др., 2008; Горюнова, Новиков, Вебер, 2011; Савельев и др., 2001]. Серия радиоуглеродных дат по VI слою Саган-Забы II (10 дат) образуют компактную группу в пределах 7,9–7,0 тыс. л.н., что значительно удревняет границы неолита региона. Дата по V слою Усть-Хайты – 7250 ± 150 л.н. так же находится в этих пределах.

Комплекс VIII слоя Тышкинэ II по составу аналогичен материалам V нижнего слоя Саган-Забы II (преобладание керамики с оттисками сетки-плетенки; наличие шнуровой и гладкостенной керамики; орнаментация сосудов). По V нижнему слою Саган-Забы II получена серия радиоуглеродных дат (9 дат) в пределах 7,0–6,5 тыс. л.н. [Горюнова и др., 2008; Горюнова, Новиков, Вебер, 2011].

Таким образом, комплексы IX–VIII слоев многослойного поселения Тышкинэ II относятся к ранним периодам неолита Прибайкалья, возраст которых в пределах 7,9–6,5 тыс. л.н.

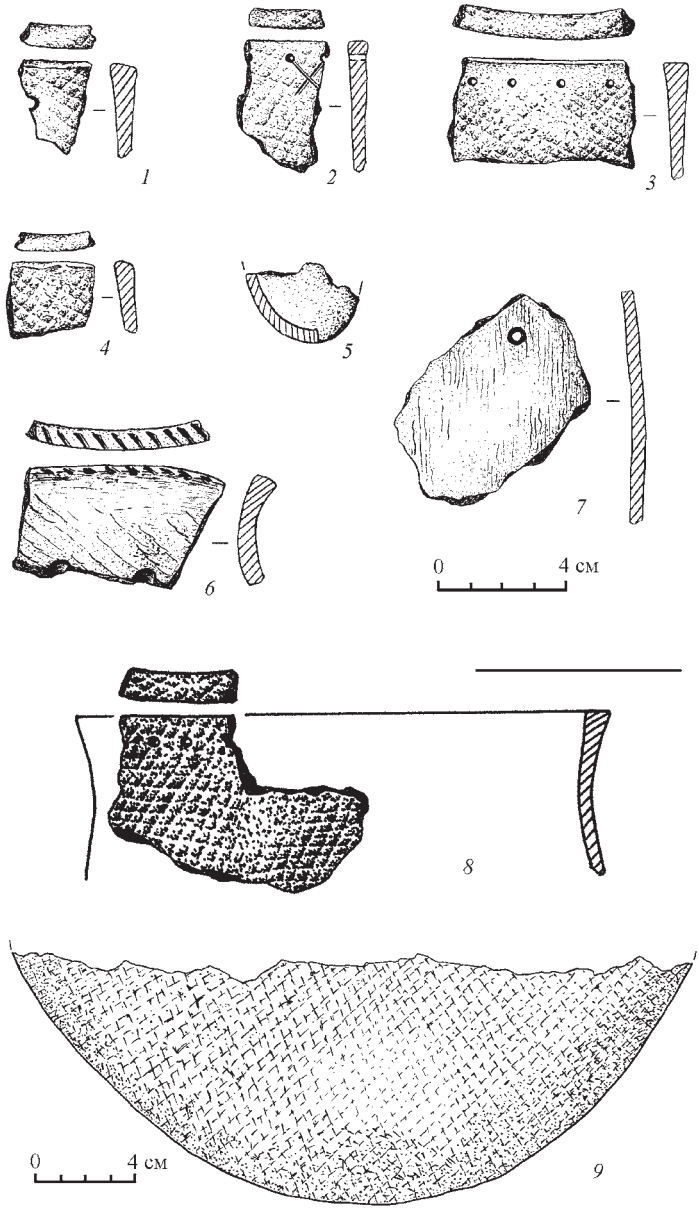

Рис. 2. Тышкинэ II. Керамика культурного слоя VIII.

Список литературы

Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1984. – 17 с.

Горюнова О.И. Неолит Приольхонья (оз. Байкал) // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 369–373.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В. Керамика раннего неолита Прибайкалья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II) // Тр. III (XIX) Всерос. археологического съезда. – Т. 1. – СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. – С. 125–127.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В., Воробьева Г.А., Орлова Л.А. Завершение раскопок Российско-Канадской экспедиции в бухте Саган-Заба на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. 14. – С. 32–35.

Горюнова О.И., Оводов Н.Д., Новиков А.Г. Анализ фаунистических материалов с многослойного поселения Тышкинэ III (оз. Байкал) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: Оттиск, 2007. – Т. 1. – С. 168–174.

Горюнова О.И., Ярославцева Л.Г. Тышкинэ II – многослойное поселение о. Ольхон // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1982. – С. 37–54.

Савельев Н.А. Неолит юга средней Сибири, история основных идей и современное состояние проблемы: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1989. – 25 с.

Савельев Н.А., Тетенькин А.В., Игумнова Е.С., Абдулов Т.А., Инешин Е.М., Осадчий С.С., Ветров В.М., Клементьев А.В., Мамонтов М.П., Орлова Л.А., Шибанова И.В. Многослойный геоархеологический объект Усть-Хайта – предварительные данные // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 338–352.

Хлобыстин Л.П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале // КСИА. – 1964. – Вып. 97. – С. 25–32.

Н.Д. Оводов

СЛЕДЫ ПОСЕЩЕНИЙ РАЗБОЙНИЧЬЕЙ ПЕЩЕРЫ (АЛТАЙ) ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИМИ ЛЮДЬМИ

Разбойничья пещера (51º 18´ с.ш.; 84º 28´ в. д.) расположена в истоках р. Каракол, левого притока р. Ануй, в 20 км к западу от поселка Черный Ануй (Усть-Канский район, республика Горный Алтай). Как научный объект была открыта в 1962 г. новосибирскими спелеологами. Внушительных размеров вход в пещеру (высота 5 м, ширина у основания 2 м) находится у самой вершины небольшого отрога Бащелакского хребта. Довольно просторная карстовая полость, доступная для четвероногих хищников и людей, общей протяженностью около 90 м и высотой свода на отдельных участках до 10 м и шириной 2–3 м, начинается горизонтальным ходом, а затем наклонно направляется вниз до глубины 19 м, где в полной темноте находится основной грот размерами 3 х 10 м, заполненный 2,5–3-х метровой толщей рыхлых суглинистых отложений со значительным добавлением обломков кальцитовых кор и других натёчных форм.

Пещерная полость вместе с давно высохшими кальцитовыми образованиями сформировалась в закрытом пространстве вероятно в плиоцене при существовании пенепленизированой поверхности, перекрывавшей данный скальный массив. В последующее время атмосферная влага при благоприятных условиях для инфильтрации проникает до известняка и начинает его растворять по трещинам, осуществляя нормальный карстовый процесс.

Как только базис эрозии опустился ниже Разбойничьей пещеры, она начала обсыхать, то есть в геологическом понимании умерла, точнее, остановилась на пороге смерти в своём тогда замкнутом пространстве. Рельеф продолжал формироваться под воздействием медленных экзогенных процессов [Коржуев, 1976]. На это указывает существенный перепад высоты между пещерой и днищем лога со стороны южного склона. Расстояние по вертикали между дном лога, по которому протекает Пещерский ручей, и самой пещерой составляет 145 м. При ширине его в верхней части порядка 250–300 м можно представить сколь много времени потребовалось для выноса огромной массы грунта малым водотоком в долину Каракола и Ануя. Пещера Каминная, что в 2 км ниже по течению ручья и на высоте от него в 4 метра, была вскрыта в самое позднее время, возможно 150–200 тыс. л.н.

Когда же и почему открылся вход в Разбойничью пещеру? Причиной тому явилось, очевидно, одно из местных землятресений [Нехорошев,

1959]. Вблизи входа в пещеру, с западной его стороны резко выделяется ровная вертикальная стенка, напоминающая своего рода «зеркало скольжения». Геолог-карстовед В.М. Филиппов, больше месяца участвовавший в наших исследованиях Разбойничьей пещеры, подчёркивает, что «Вход образовался в результате проявления оползня-обвала, сохранившего в месте отрыва характерную циркообразную форму. Один из блоков оползня-обвала уцелел, остальные были раздроблены, смещены в долину ручья и погребены под толщей наносов» [Филиппов, 1986]. С момента вскрытия полости её начали посещать мелкие полёвки, землеройки и пищухи, привлекавшие внимание лисиц и корсаков. С пищевыми интересами под своды пещеры наведывались волки и пещерные гиены. Последние были весьма активны в проявлении каннибализма, – по зубам гиен, полученных в процессе раскопок, определено их минимальное количество, равное 137 особям.

Собранная за двенадцать лет раскопок коллекция определимых остатков млекопитающих составила 73,5 тыс. экз. Из мелких животных в тафоценозе, к примеру, второго слоя, датированного 30–50 тысячами лет, преобладают высокогорные полёвки (35–40 %), степные пеструшки (30 %), узкочерепные полёвки (5–6 %). Около 90 % среди остатков птиц принадлежит сибирскому горному вьюрку [Оводов, Мартынович, Надаховский, 1999].

С помощью ускорительной масс-спектрометрии удалось получить по зубам волков из Разбойничьей пещеры несколько дат [Оводов, Кузьмин, 2007] в Лейбницкой лаборатории Университета Кристиана-Альбрехта (Leibniz Labor, Christian-Albrechts-Universität) (г. Киль, ФРГ): 1) прирез 7, граница слоев 1 и 2 – 32500 + 270 / –260 л.н. (KIA-25291); 2) прирез 8, граница слоев 2 и 3 на глубине 40–50 см от поверхности грунта – 48020 + 1840 / – 1500 (KIA-25303); 3) прирез 5, слой 2 – более 49930 лет (KIA-25304).

Встает естественный вопрос, каким образом, исключая участие эолового процесса, могла накопиться довольно внушительная толща рыхлых отложений в раскопочном гроте? По соседству с ним за тонкой известняково-кальцитовой драпировкой несколько выше по уровню находится Правый грот, лишенный в настоящее время кальцитовых настенных образований.

Вероятно, в один из ранних этапов связи полости с поверхностью земли при разовом тектоническом толчке, вся кальцитовая натёчка в Правом гроте была обрушена. И в дальнейшем под действием гравитационных сил и роящей деятельности животных постепенно перемещалась в раскопочный грот [Филиппов, 1986; Филиппов, Оводов, 1989].

Разбойничья пещера была известна людям в эпоху палеолита и в более поздние времена. За 12 сезонов работы в пещере при полной промывке грунта дождевой и снеговой водой через мелкоячеистую сетку с целью обнаружения отдельных зубов полёвок и хомячков, не было найдено ни одного микроотщепа, не говоря уже о более крупных артефактах.

Угли и жженая кость в Разбойничьей пещере*

Прирез	Год	Глубина, м/слой	Примечание
сектор Б	1977	слой 1	жженая кость
сектор А	1977	0,15–0,60	уголь
шурф	1982	0,60–1,20	уголь
1	1985	20,67–20,92	позвонки суслика
1	1985	19,00–19,15	уголь
2	1985	20,00–20,10	уголь
2	1985	20,43–20,57	челюсть хоря обуглена
2	1985	19,47–19,67	уголь
2	1985	19,15–19,32	уголь
2	1985	19,39–19,47	уголь
2	1985	19,32–19,39	5 угольков
2	1985	19,67–19,80	8 угольков
2	1985	19,32–19,47	уголь
3 (пристен)	1985	19,39–19,47	уголь
3	1985	19,39–19,47	уголь
3 (пристен)	1985	18,91–19,15	уголь
3	1985	19,15–19,32	уголь
3	1985	19,32–19,39	уголь
3	1985	19,39–19,47	уголь
3	1985	19,47–19,67	уголь
3	1985	19,67–19,80	2 угля и 1 кость
4	1986	19,32–19,52	уголь
4	1986	19,15–19,32	обломок черепа медведя
4	1986	19,50–19,58	кость волка, уголь
5	1986	19,55–19,58	уголь
5	1986	19,77–19,87	уголь
6	1986	слой 1	крупные угли
6	1986	19,80–20,00	уголь
7	1988	слой 2	жженая кость и уголь
6	1989	слой 1 + 2	жженая кость
7	1989	слой 2	6 углей
?	1989	0,10–0,20	жженая кость
8	1990	граница 3 и 4 слоев	уголь
8	1990	слой 3	уголь
8	1990	слой 3 (низ)	3 обломка кости
8	1990	слой 2	много угля
8	1990	слой 2, пристен	Ursus
8	1990	зачистка 1, 2 слоев	Ursus, 2 кости
8	1990	граница 2 и 3 слоев	жженая кость
8	1990	слой 3, пристен	1 обломок трубчатой
8	1990	слой 3, низ	2 обломка неопределенных костей
8	1990	низ слоя 3	уголь
8	1990	слой 4-а	2 обломка костей
9	1990	граница слоев 2 и 3	обломок луча волка
9	1990	граница слоев 2 и 3	позвонок медведя

*За точку «+/– 0» для нивелировки раскопочного процесса была взята отметка при входе в пещеру. Оттого глубины имеют зачастую метровые характеристики. По техническим причинам в таблице приведены не все фактические наблюдения.

Тем не менее, мы имеем практически по всему разрезу серию древесных углей и обожженных костей (см. *таблицу*). В целом учтено 18 обожженных костей разных животных от суслика и хоря, до медведя, а также 37 скоплений древесного угля.

По содержанию таблицы, становится очевидным, что древние люди посещали пещеру неоднократно. Большая часть их визитов пироскопически наиболее часто зафиксирована в верхних первом и втором слоях, сформировавшихся за позднейшие 50 тыс. лет. Вместе с тем мы отметили скопления углей и наличие обожженных костей на границе 2 и 3 слоев, а также в слое 4-а. Что могло служить освещением палеолитическим людям при погружении в дальнюю часть полости? Угли – это, очевидно, остатки брошенных в древности на поверхность грунта догоравших факелов, позднее погребенных новыми наслоениями. Эти же догоравшие факелы вполне могли обугливать лежащие рядом кости млекопитающих.

К сожалению, датировать углистые образования пока не удалось; можно лишь предположительно определить их возраст восьмьюдесятью – ста тысячами лет.

Другим существенным признаком визитов палеолитических людей в Разбойничью пещеру служат захоронения черепов с нижними челюстями серых волков [Оводов, Мартынович, 2011], собаки возрастом 33 тыс. лет [Ovodov et al., 2011], бурого медведя и двух кошачьих подростков, – тигрят, или пещерных львят.

Естественней всего предположить, что гостями Разбойничьей были в первую очередь обитатели Каминной, либо Денисовой пещер. С уверенностью можно говорить, что древние люди в деталях знали не только повадки промысловых млекопитающих, смену времён года, но и топографию своего ареала, включающего карстовые полости.

Список литературы

Коржуев С.С. Карст // Проблемы экзогенного рельефообразования. – М: Наука, 1976. – Кн. I: Рельеф ледниковый, криогенный, эоловый, карстовый и морских побережий. – С. 289–350.

Нехорошев В.П. Четвертичная тектоника Алтая // Материалы по четвертичным геологии и геоморфологии СССР. – Л., 1959. – Вып. 2. – С. 161–177. – (Мат-лы ВСЕГЕИ; Нов. сер.).

Оводов Н.Д., Кузьмин Я.В. Новые радиоуглеродные данные по Разбойничьей пещере (Алтай) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск: Изд-во гос. тех. ун-та, 2007. – С. 346–347.

Оводов Н., Мартынович Н.В., Надаховский А. Тафономические особенности пещеры Разбойничья // Производительные силы Красноярского края в современных социально-экономических условиях: Мат-лы VI регион. науч.-практ. и метод. конф. – Красноярск, 1999. – С. 65.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Плейстоценовые серые волки Алтая и Кузнецкого Алатау. – 2011. (в печати).

Филиппов В.М. Заключение «О генезисе, отложениях и новообразованиях карстовых пещер бассейна р. Ануй (Северо-Западный Алтай)». Рукопись. – Иркутск, 1986. – 45 с.

Филиппов В.М., Оводов Н.Д. Роль гравитационных процессов в формировании пещер Присаянья и Алтая // Карст Алтае-Саянской горной области и сопредельных горных стран. – Барнаул, 1989. – С. 45–46.

Ovodov N.D., Crockford S.J., Kuzmin Y.V., Higham Th.F.G., Hodgins G.W.L., Plicht J. van der. A 33,000-Year-Old Incipient Dog from the Altai Mountains of Siberia: Evidence of the Earliest Domestication Disrupted by the Last Glacial Maximum // PLoS ONE. – 2011. – Vol. 6.– P. 1–7.

Д.С. Пономаренко

НОРЫ АЛТАЙСКОГО ЦОКОРА В ОКРЕСТНОСТЯХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ УСТЬ-КАРАКОЛ

Заполненные ходы землероев часто встречаются в погребенных почвах и культурных слоях археологических памятников. Там, где ископаемые норы близки по возрасту ко времени обитания древнего человека, они являются самостоятельным палеонтологическим объектом, изучение которого может дополнить палеоэкологические реконструкции, полученные зооархеологическими методами. В некоторых случаях ископаемые норы оказываются единственными следами былой фауны, например в кислых отложениях корейских палеолитических памятников Чонгок, Йоджу, Асан, Наджу и Хвасун [Lim et al., 2007]. В отличие от костных остатков, ископаемые норы всегда встречаются в первичном залегании, что позволяет судить об узколокальных условиях среды. Вместе с этим, наличие и конфигурация ископаемых ходов землероев позволяет судить о глубине промерзания грунта – важном палеоклиматическом показателе. Палеоэкологические реконструкции по ископаемым норам основываются на экологии современных животных, в связи с чем важна разработка таксономической диагностики ископаемых нор. Материалом для такой диагностики могут служить описания подземной экологии роющих животных. Существующие зоологические описания нор *Myospalax myospalax* [Махмутов, 1972] не преследовали цели выделения дифференциальных признаков, поэтому разработка подходов к таксономической диагностике нор требует сбора данных о современных норах, как полых, так и заполненных.

В 2011 г. были проведены исследования нор алтайского цокора *Myospalax myospalax* в районе одного из опорных палеолитических объектов Алтая – многослойной стоянки Усть-Каракол [Деревянко и др., 2003]. Палеогеографические исследования являются важной составной частью изучения палеолитических памятников [Шуньков, Агаджанян, 1998]. Изучение ископаемых нор здесь прежде не проводилось и полевые исследования современных нор должны послужить основой для таких исследований.

Для изучения выбраны норы в районе памятника Усть-Каракол на участках с различными условиями обитания (рис. 1). Все исследованные участки расположены в долине р. Ануй (северо-запад Горного Алтая). Участок 1 расположен на узком прогоне пойменного пастбища с низким, редким растительным покровом, из корневищных растений представлены только злаки, в основном пырей *Elytrigia repens*. Участок 2 расположен выше подножия

Рис. 1. Схема расположения раскопанных нор алтайского цокора.

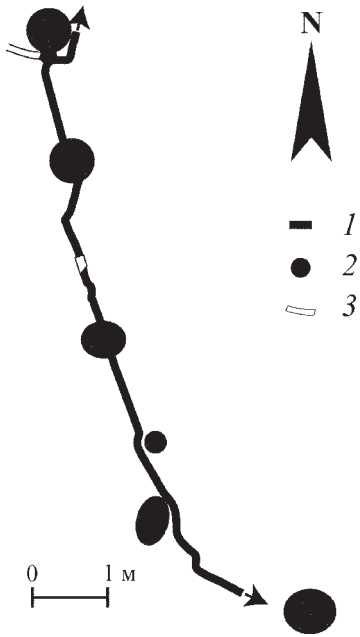

Рис. 2. План гипсового слепка норы алтайского цокора на участке № 4.
1 – подземный ход; *2* – наземный выброс; *3* – земляная пробка в норе.

склона первой террасы. Растительный покров густой, средней высоты, помимо корневищных злаков встречается зопник *Phlomis tuberosa*. Участок 3 расположен на пастбище, зарастающем, ближе к опушке леса, курильским чаем *Pentaphylloides fruticosa*. Норы встречаются на участках с менее густой кустарниковой растительностью. Участок 4 расположен на склоне северной экспозиции при впадении р. Каракол в Ануй выше памятника Усть-Каракол. Более интенсивный выпас, чем на участке 3, приводит к незначительному разрастанию кустарниковой растительности (курильский чай, ирга *Amelanchier spicata*), при обилии корневищных растений, в том числе пырея, зопника, земляного орешка *Filipendula hexapetala*.

На всех участках ходы были проложены в пределах гумусового горизонта современной почвы, для которого характерна зернистая структура с размером агрегатов 5 мм.

Наблюдения в районе стоянки Усть-Каракол показали, что основные землерои открытых биотопов – длиннохвостый суслик *Spermophilus undulatus* и алтайский цокор *Myospalax myospalax* не встречаются вместе, хотя территории, занимаемые ими, могут прилегать друг к другу. В частности, длиннохвостый суслик встречается по нарушенным местам в стенках раскопа Усть-Каракол и на приречной площадке, где напочвенный покров сбит скотом. Низкая растительность и притоптанная почва не мешают, а наоборот, способствуют заселению сусликом этих мест. Напротив, цокор предпочитает участки с высокой травой, но с низкой плотностью кустарниковой растительности, то есть такие места, где выпас предотвращает зарастание открытых мест, но не приводит к разрежению травянистой растительности. Привязанность указанных видов землероев к различным условиям в пределах одной территории может быть использована при палеогеографических реконструкциях как индикатор таких условий в прошлом. Дальнейшее исследование особенностей биотопического распространения землероев позволит уточнить палеоэкологическую интерпретацию находок костно-зубных остатков и ископаемых нор в близлежащих палеолитических памятниках.

Раскопаны четыре норы общей длиной 18 м. Для последующих измерений и изучения поверхности на предмет следов роющих движений изготовлено три гипсовых слепка общей длиной 10 м.

Все исследованные норы были жилыми, о чём свидетельствует активность цокора по восстановлению разрытой норы, наблюдавшаяся непосредственно на участке 2. На участке 4 цокор в одном месте на 30 см раскопал залитый раствор и использовал его в земляной пробке.

На участке 1 цокор трижды прокладывал ход сбоку параллельно тому, который заполнялся гипсом. Такой способ повторной прокладки хода, по нашим наблюдениям, видоспецифичен и хорошо отражается в ископаемых норах, которые фиксируют несколько этапов существования хода.

Наблюдались выбросы двух видов: подземные, которые обнаруживаются по приподнятому дёрну, и поверхностные. Диаметр поверхностных выбросов достигает 90 см, в основном составляя 40–60 см. Когда грунт

выброса влажный, видно, что он состоит из столбиков длиной до 20 см и диаметром 4,5–5,0 см (что значительно меньше диаметра хода, который составляет 9–11 см). Выбросы состояли исключительно из материала гумусового горизонта современной почвы, то есть выкопанного из поверхностных ходов. В выбросах не встречалось корневищ и клубней (что, например, характерно для июльских выбросов слепыша *Spalax* ***microphthalmus***, подземного землероя схожей экологии).

Размеры камней в выбросах не превышают 9 см, хотя более крупные камни встречаются во вмещающем грунте. Продолговатые камни в выбросах были ориентированы вертикально. Свежие выбросы встречались цепочками длиной до 50 м с перпендикулярными боковыми ответвлениями 15–30 м и более, а также были рассредоточены по площади скоплениями диаметром 15 м.

Лишь в одной норе (участок 4) были обнаружены открытые выходы. При раскопках обнаружилось, что в основном это были отверстия, закупоренные небольшой земляной пробкой, не доходящей до поверхности. Типичный отнорок к выбросу, находящемуся в стороне от главного хода, имел длину 10–15 см. Значительно более длинная пробка обнаружена на участке 1, где был раскопан ход, заполненный на 1,5 м рыхлым гумусированным материалом. Вероятно, при прокладке новых ходов старые могут забиваться самим животным.

В плане все раскопанные норы представляли длинные довольно прямые ходы (свежие выбросы тянулись на 30 м) с редкими перпендикулярными ответвлениями. Обращает на себя внимание ориентация таких ходов: в раскопанных норах она часто близка к сторонам света. Впрочем, это наблюдение можно объяснить и экспозицией склонов, на которых встречаются норы.

Кормовые ходы, как правило, расположены на глубине 10–15 см (до свода хода), как на перевыпасенном пастбище, так и на лугу с высокой травянистой растительностью, с преобладанием разнотравья. Более глубокие ходы (до 25 см) встречались на склоне (участок 2) и были, судя по заполнению суглинком из подпочвы, связаны с глубинными камерами. Приповерхностные ходы на другом склоновом участке (4) имели более характерные глубины. Кроме того, на участках 1 и 3 встречались неглубокие ходы на глубине до 3 см. На перевыпасенном пастбище (участок 1) свод таких ходов иногда пробивается скотом. Махмутов [1971] указывает, что глубина ходов меняется на каждой конкретной территории с прогреванием почвы и связана с температурными предпочтениями цокора.

На участке 2 последовательными поперечными вертикальными срезами через каждые 2 см был раскопан заполненный ход длиной 1,5 м. Собранные данные позволят охарактеризовать пространственную неоднородность формы сечения норы и её диаметра.

Полученные гипсовые слепки отражают скульптуру стенок ходов цокора. Поверхность слепка несёт следы когтей и на одной норе дополнительно имеет регулярно расположенные продолговатые бугорки диаметром около 1 см.

При наблюдении из раскопа было видно, что цокор мордой выпихивает материал на поверхность и уплотняет земляную пробку. Морда у цокора заканчивается носовым зеркалом, покрытым ороговевшим участком треугольной формы [Громов, Ербаева, 1995]. Возможно, вмятины на стенках норы свидетельствуют об использовании морды и для уплотнения стенок.

Сбор полевых данных по морфологии нор цокора пополнил представления об экологии этого животного в районе Усть-Каракола, которые могут стать основой исследования ископаемых нор в отложениях этой стоянки. По отпечаткам на гипсовых слепках удалось установить, что цокор при рытье хода пользуется не только когтями, но и мордой. Дальнейшее изучение таких отпечатков на слепках нор позволит охарактеризовать роющие движения животного. На основании собранного материала будет дана характеристика распределения утолщений, сужений, поворотов по длине норы цокора, что будет основой таксономической диагностики его ископаемых нор.

Список литературы

Громов И.М., Ербаева М.А. Млекопитающие фауны России и сопредельных стран. Зайцеобразные и грызуны. – СПб: ЗИН РАН, 1995. – 522 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Махмутов С.М. Норы алтайского цокора в Казахстане // Изв. АН КазССР. Сер. биол. – 1972. – № 6. – С. 54–60.

Шуньков М.В., Агаджанян А.К. К характеристике среды обитания первобытного человека в горах Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 9; ч. 1. – С. 236–240.

Lim H.S., Lee Y.I., Yi S., Kim C.-B., Chung C.-H., Lee H.-J., Choi J.-H., Vertebrate burrows in late Pleistocene paleosols at Korean Palaeolithic sites and their significance as a stratigraphic marker // Quaternary Research. – 2007. – Vol. 68. – P. 213–19.

Н.А. Рудая

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ ВРЕМЕНИ ЗАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНИМ ЧЕЛОВЕКОМ ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ (АЛТАЙСКИЙ КРАЙ)*

Чагырская пещера (51°26’34.6” с.ш., 83°09’18.0” в.д.), расположенная на левом берегу р. Чарыш (Краснощековский район, Алтайский край), содержит аналогичные пещере Окладникова «дежетоидные» артефакты, сопоставимые с мустьерскими комплексами Закавказья, Юго-Западной Европы и Передней Азии [Деревянко, Маркин, Зыкин, 2009]. Исследование материала из этих двух пещер позволило выделить особую сибирячихинскую линию развития индустрии или сибирячихинскую культуру, которая отличается от всех среднепалеолитических комплексов Алтая [Деревянко, 2010].

Строение субтерральной толщи пещеры включает семь литологических образований, среди которых выделяются голоценовые (слои 1–4) и плейстоценовые осадки (слои 5–7). Палеолитические артефакты приурочены к слою 6.

На палинологический анализ в 2008–2009 гг. отобрано 103 образца с интервалом 15–20 см из всех слоев, включая культурные. Образцы обработаны по сепарационной методике Гричука [Пыльцевой анализ, 1950], объединенной с методом обработки палинологических проб по [Faegri, Iversen, 1989]. Кластерный анализ палинологических спектров разреза 2008 г. с учетом их стратиграфической приуроченности проведен с использованием программы CONISS [Grimm, 1987]. Типы растительности выделены на основании таксонов спорово-пыльцевых спектров разреза 2009 г. методом биомизации [Prentice et al., 1996].

Прежде чем применять метод биомизации для горных территорий, он был протестирован на репрезентативной выборке поверхностных спорово-пыльцевых спектров, собранных в различных ландшафтах Российского Алтая и Урала (126 проб; совместно с Е.Г. Лаптевой). Биомизация поверхностных спорово-пыльцевых спектров, показала, что совпадение реально существующих типов растительности и реконструируемых по субфоссильным спектрам составляет 71 % (см. *таблицу*). Этот хороший результат позволяет использовать метод биомизации для интерпретации данных палинологического анализа отложений Чагырской пещеры.

Результаты палинологических исследований отражены на спорово-пыльцевых диаграммах. Спорово-пыльцевые диаграммы разреза 2009 г.,

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 11-06-12005-офи-м-2011).

Сравнение численных значений типов растительности, полученных методом биомизации из поверхностных спорово-пыльцевых спектров Российского Алтая (с индексом «биом») и реально наблюдаемых в точках отбора проб типов растительности (с индексом «наб»)

	Степь (биом)	Холодные листопадные леса (биом)	Тайга (биом)
Степь (наб)	9	1	7
Холодные листопадные леса (наб)	0	2	3
Тайга (наб)	7	0	22

построенные в программах Tilia-TiliaGraph, опубликованы в [Рудая, 2010]. Результаты палинологического исследования разреза 2008 г. представлены на рисунках 1 и 2.

Спорово-пыльцевая запись разреза 2008 г., опираясь на результаты кластерного анализа, позволила выявить несколько палинологических комплексов, границы которых не всегда совпадают с выделенными геологическими слоями (рис. 1, 2). Спорово-пыльцевые спектры слоев 1, 2, 3 и 4 характеризуются доминированием пыльцы травянистых таксонов с преобладанием подсемейства сложноцветных *Cichorioideae*. Подсемейство *Cichorioideae* включает большое количество синантропных видов и сорняков (например, одуванчик, осот). Далее приведены описания кластеров, выделенные в слоях 5 и 6 (рис. 2).

Кластер I (глубина 35–95 см) включает весь слой 5 и верхнюю половину слоя 6А. Отличительной особенностью кластера является относительно высокое процентное содержание пыльцы древесных таксонов (*Pinus* s/g *Haploxylon*, *P.* s/g *Diploxylon*, *Picea*). Эти данные полностью совпадают с результатами палинологического анализа разреза 2009 г. [Рудая, 2010], где в слое 5 реконструируются как степные, так и лесные биомы Верхняя часть слоя 6А показывает наибольшее в шестых слоях обилие пыльцы древесных растений. Пыльца травянистых таксонов представлена в основном семействами сложноцветных Asteraceae (включая *Cichorioideae* и *Artemisisa*), злаками Poaceae и маревыми Chenopodiaceae. Полученные данные позволяют предположить развитие лесостепных ландшафтов во время накопления слоев 5 и верхней половины слоя 6А.

Кластер II (глубина 95–130 см), включающий нижнюю часть слоя 6А и верхнюю слоя 6Б, показывает резкое уменьшение пыльцы древесных в спорово-пыльцевых спектрах. Хотя в некоторых спектрах процентное содержание древесной пыльцы все еще достигает 20 % (рис. 2).

Почти полностью пыльца деревьев исчезает в кластере III (глубина 130–160 см), который включает нижнюю часть слоя 6Б и верх слоя 6В1. Другой характерной особенностью кластера III является увеличение роли пыльцы

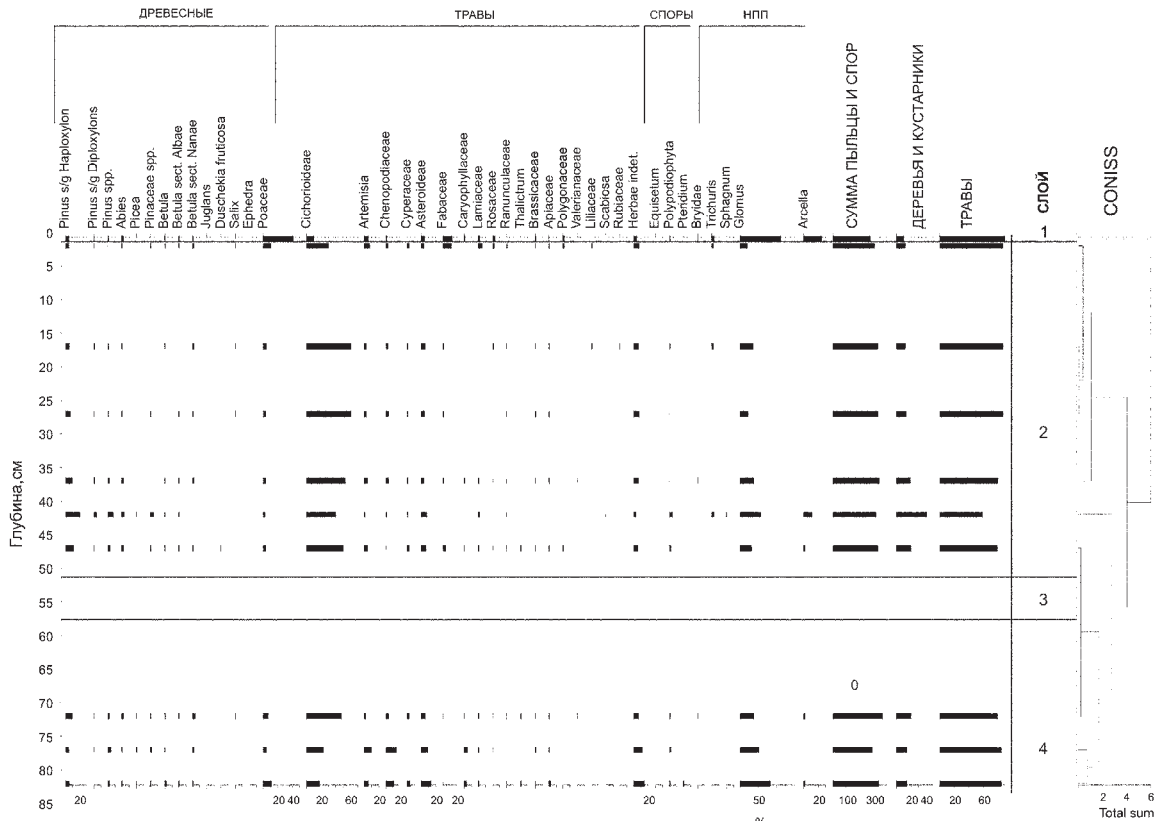

Рис. 1. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений Чагырской пещеры для слоев 1–3 и 4 (2008).

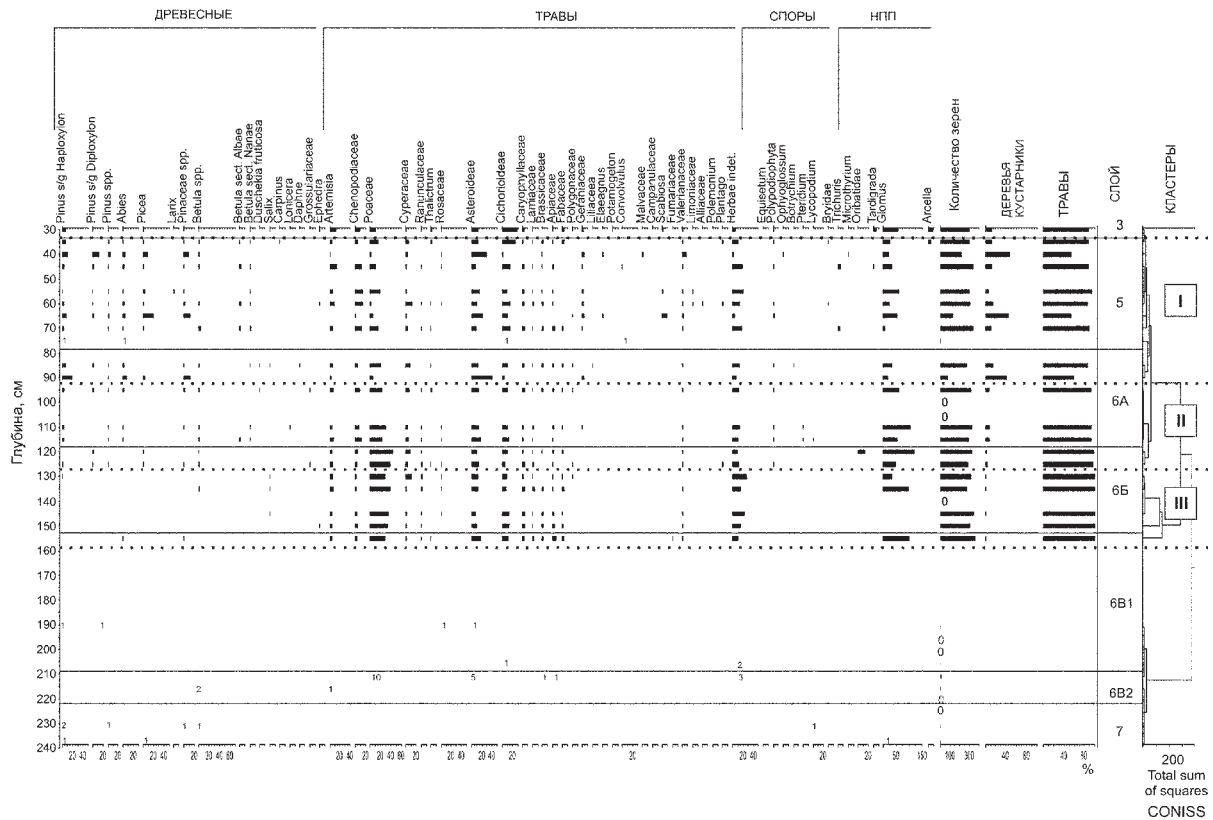

Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений Чагырской пещеры для слоев 3, 5–7 (2008).

злаков в спектрах. Реконструкция типов растительности, проведенная на образцах разреза 2009 г., показывает развитие степных ассоциаций во время накопления нижней части слоя 6А и слоя 6Б. Ниже по разрезу 2008 г. концентрации пыльцы и спор резко снижается и кластеризация невозможна.

Интерпретация данных, полученных по палинологическим записям разрезов 2008 и 2009 гг., позволяет реконструировать существование степей и сухого климата во время накопления голоценовых слоев 1, 2 и 3, а также – нижней половины слоя 6А, слоев 6Б и 6В1. Лесостепь реконструируется во время накопления слоя 5 и верхней половины слоя 6А. Природные условия накопления слоев 6В2 и 7 характеризуются развитием лесной растительности, в том числе и распространением холодных листопадных лесов.

Учитывая все полученные на сегодняшний день естественнонаучные данные (геология и стратиграфия, прямое датирование, палеонтологические определения и палинологический анализ) можно предположить, что геологические слои, включающие технокомплекс сибирячихинской культуры Чагырской пещеры, накапливались в конце четвертой-начале третьей стадий морской изотопной шкалы (MIS 3-4).

Принадлежность слоя 5 пока не может быть окончательно определена. Результаты палинологического анализа не дают оснований относить этот слой к сартанскому похолоданию (MIS 2). В целом, для сартанских палинофлор Западной Сибири характерно высокое содержание травянисто-кустарничковых растений, преимущественно ксерофитов (полыней, маревых). Даже в периоды относительных потеплений сартанского времени, когда травянисто-кустарничковые формации сокращали свои площади, и тундровая и перигляциальная растительность замещалась лесотундрой, ее отличительной особенностью было значительное участие ксерофитов [Стратиграфия …, 2002]. В долине Ануя в сартанское похолодание также реконструировано максимальное увеличение роли травянистых растений и кустарников [Деревянко, Шуньков, Маркин, 2008; Природная среда…, 2003]. Таким образом, слой 5 и верхняя часть слоя 6 предположительно могли накапливаться во время одного из наиболее «теплых» событий каргинского интерстадиала (MIS 3).

Список литературы

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С. Новый объект среднего палеолита на Алтае // Древнейшие миграции человека в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 101–107.

Деревянко А.П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий первый: переход к верхнему палеолиту на территории Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3 (43). – С. 2–32.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Маркин С.В. Климатические и палеогеографические сценарии в неоплейстоцене Северо-Западного Алтая // Глобальные изменения климата и природной среды позднего кайнозоя в Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – С. 249–325.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Пыльцевой анализ. – М.: Гос. изд-во геол. лит-ры, 1950. – 571 с.

Рудая Н.А. Палинологическая характеристика палеолитической стоянки Чагырская пещера (Алтайский край) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 132–136.

Стратиграфия нефтегазоносных бассейнов Сибири. Кайнозой Западной Сибири / В.С. Волкова, С.А. Архипов, А.Е. Бабушкин и др.; ред. В.С. Волкова. – 2002. – 243 с.

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis: 4th / eds. K. Faegri, P.E. Kaland, K. Krzywinski. – Chichester: John Wiley & Sons, 1989. – 328 p.

Grimm E. CONISS: A FORTRAN 77 program for stratigraphically constrained cluster analysis by the methods of incremental sum of squares // Computers & Geoscience. –1987. – Vol. 13. – P. 13–15.

Prentice I.C., Guiot J., Huntley B., Jolly D., Cheddadi R. Reconstructing biomes from palaeoecological data: a general method and its application to European pollen data at 0 and 6 ka // Climate Dynamics. – 1996. – Vol. 12. – P. 185–194.

А.Г. Рыбалко, Н.А. Кулик

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПЕРВИЧНОМ РАСЩЕПЛЕНИИ НА СТОЯНКЕ ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1 (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕМОНТАЖА)*

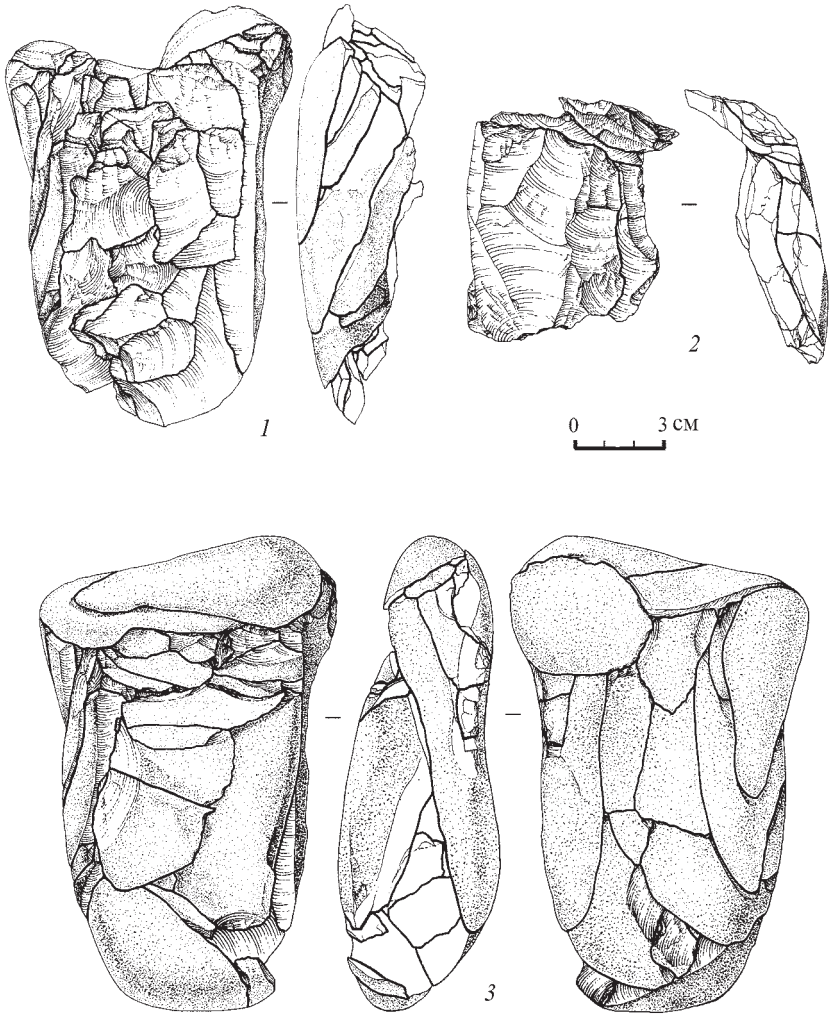
В результате рекогносцировочных исследований в 2009 г. на местонахождении Дарвагчай-залив-1, было обнаружено четыре разновозрастных культурно-хронологических комплекса палеолитических артефактов [Деревянко и др., 2009].

В 2010 г. были начаты планомерные полевые исследования на части памятника, где были обнаружены артефакты, относящиеся к комплексу № 2 (средний палеолит). На настоящий момент общая площадь вскрытых отложений составляет 44 кв. м. Результаты этих исследований позволили говорить о том, что в двух верхних горизонтах (слои 1 и 2а) артефакты залегают в непотревоженном состоянии [Деревянко и др., 2010].

В слое 2а было обнаружено скопление каменных артефактов. Скопление состоит из 73 предметов, представленных 50 сколами, 19 осколками, 3 обломками и нуклеусом (часть сколов представлена фрагментами – 10 экз.). Сколы представлены целевыми заготовками 8 экз. (крупные, удлиненные заготовки); сколами оформления и подправки ударных площадок 14 экз. и мелкими сколами и фрагментами 28 экз. Метод ремонтажа позволил практически полностью восстановить технику раскалывания и исходную заготовку, в качестве которой использовалась крупная галька продолговатой формы из разной степени окремненного известняка (см. *рисунок, 3*). Данное сырье довольно широко представлено в толще галечников расположенных рядом с памятником, в виде хорошо окатанных галек крупных и средних размеров, и наряду с окремненным песчаником служило основным видом сырья для изготовления артефактов. Этот материал, как правило, не имеет крупных трещин, правильно (предсказуемо) раскалывается и позволяет получать заготовки разнообразной формы и размеров.

По данным петрографического анализа исходное сырье можно охарактеризовать как кремень по органогенному известняку с небольшой примесью мелких (до 0,2 мм) окатанных и угловатых зёрен обломочного кварца. Желвак очень типичный для кремней, образованных в известняках. Краевая часть окремнена полностью (твердость 7 по Моосу), хотя скопления палеонтологических остатков сохраняют светлую желтоватую окраску,

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 11-01-18101-е) и РФФИ (№ 10-06-10009-к).

Дарвагчай-залив-1. Ремонтаж скопления артефактов из слоя 2а.

образуя периферическую светлую матовую часть желвака. Такая пятнистая окраска кремня желвака с матовой светлой его наружной частью означает, что окремнение – замещение органогенного известняка халцедоном – происходило неравномерно и распространялось от середины образующегося желвака к периферии. Неравномерность замещения обусловила и несимметричную форму желвака с рыхлой поверхностью. Наружная поверхность желвака при выщелачивании халцедона и обломочных зерен кварца становится слабо губчатой и окрашена абсорбированными гидроксидами железа

в бурый цвет, который очень незначительно проникает вглубь от поверхности, используя трещины и неоднородности в строении породы. Слабо выщелоченная, «губчатая» поверхность желвака и её окрашивание гидроксидами железа свидетельствуют о том, что он достаточно долго находился на дневной поверхности вне породы, в которой образовался, и подвергался инсоляции и выветриванию. Поскольку на некоторых сколах видно избирательное осветление сколовой поверхности, поражающее и светлую, периферическую, часть желвака, и серую, полностью замещенную и перекристаллизованную его часть, можно заключить, что эти фрагменты достаточно долго экспонировались на дневной поверхности – происходило обезвоживание и вследствие этого побеление халцедона на плоскостях скалывания. О выветривании сколов свидетельствует, и образование губчатой поверхности в краевой части желвака непосредственно со стороны сколовой поверхности, где при этом не происходит окрашивания бурыми гидроксидами железа.

Раскалывание производилось, по-видимому, твердым отбойником, о чем свидетельствуют наличие значительного количества мелких осколков и следы выкрашенности в точках ударов. Также следует отметить, что раскалывание производилось без применения наковальни (нет следов забитости на противолежащих относительно ударных площадок краях). Скалывание крупных сколов толщиной менее 5 мм приводило к их фрагментации то, что фрагментов и обломков единицы свидетельствует, о высоком мастерстве и «понимании» камня. Систему первичного расщепления можно разделить на несколько этапов (см. *рисунок, 1*). Вначале на одном поперечном крае была подготовлена гладкая ударная площадка, с которой была произведена серия снятий. В процессе скалывания несколько раз производилось подживление ударной площадки. В завершении данного этапа на рабочей плоскости образовались заломы. На следующем этапе эти заломы были удалены поперечными сколами, а с образовавшейся плоскости была оформлена новая ударная площадка на другом поперечном крае. На последнем этапе расщепление было продолжено во встречном направлении. Остаточный нуклеус сильно сработан (составляет примерно 1/5 часть от исходной заготовки) и может быть охарактеризован как двухплощадочный монофронтальный встречного принципа скалывания (см. *рисунок, 2*).

Высокая степень утилизации нуклеусов, в целом, не характерна для первичного расщепления данной коллекции. У более 50 % нуклеусов раскалывание заканчивалось на первой стадии при получении одного двух крупных сколов, что объясняется как наличием большого количества исходного сырья, так и в целом общей культурной направленностью стоянки. В большинстве случаев полученные крупные сколы (зачастую с четко выраженным естественным обушком) использовались в качестве орудий без дополнительной вторичной обработки, о чем свидетельствуют наличие краевой эпизодической ретуши и выкрашенности на острых краях полученных заготовок. Не выясненным, к сожалению, остается один момент, что именно хотел получить первобытный мастер. Как уже было отмечено

выше, методом ремонтажа была почти полностью восстановлена исходная заготовка (отсутствует примерно 1/5 часть). Вполне возможно именно отсюда был получен необходимый для дальнейшего использования скол. Однако в процессе расщепления было получено, по меньшей мере, 5–6 крупных удлиненных сколов, которые могли быть использованы как в качестве готовых орудий, так и в качестве заготовок. Можно только догадываться, почему этого не произошло.

Данное скопление занимающее площадь диаметром в 30–35 см и толщиной 5–6 см, по всей видимости, образовано искусственно, т.к. создается впечатление, что артефакты были просто собраны в кучу древним человеком. Это скопление кроме всего прочего очень важно еще по одной причине, оно однозначно доказывает, что археологические остатки залегают в слое 2а в непотревоженном состоянии.

Список литературы

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Анойкин А.А. Археологические материалы финала среднего палеолита стоянки Дарвагчай-залив-1 (по материалам подъемных сборов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 15. – С. 96–101.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Лещинский С.В., Зенин И.В. Дарвагчай-залив-1 – новый многослойный памятник в Южном Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 15. – С. 106–111.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Колташов М.С. Полевые исследования памятника Дарвагчай-залив-1 (Республика Дагестан) в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 96–101.

Е.П. Рыбин, М.Н. Мещерин

КОЛПАКОВ РУЧЕЙ: НОВЫЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК В СРЕДНЕМ ПРИАНГАРЬЕ

В результате интенсивных работ последних лет, осуществлявшихся усилиями Богучанской Археологической Экспедиции значительно расширился круг стратифицированных объектов, содержащих культурные слои различных этапов верхнего палеолита. Среди этих новооткрытых памятников находится и стоянка Колпаков ручей.

Стоянка находится в Кежемском районе Красноярского края, на 25 км ниже пос. Кежма, на левом берегу р. Ангары и по обоим берегам Колпаковского ручья. Отметка высоты, к которой приурочен памятник – 176 м (минимальная), 181 м (максимальная). Общая протяженность стоянки вдоль фронта террас составляет до 0,7 км. С юга и севера стоянка ограничена скалистыми сопками. Восточной границей служат заболоченные верховья Колпаковского и двух безымянных ручьев. Стоянка открыта в 1974 году В.И. Привалихиным, и была известна как многослойный памятник эпохи раннего железного века – неолита.

В ходе работ 2010 г., производившихся Колпаковским отрядом БАЭ было заложено три археологических раскопа. Раскоп № 3 был расположен на северной оконечности памятника по правому борту приустьевого расширения долины Колпакова, непосредственно у выхода в долину Ангары. Культурные горизонты связаны с средней – верхней частью разреза террасы (террасовидной поверхности) мысовидной формы. К югу, в долину Колпакова ручья площадка дает плавнопологий уклон, с двумя слабовыраженными ступенчатыми перегибами (относительные высоты 8–10 и 10–12 м). К Ангаре (с запада) территория ограничена эрозионным уступом с 13–16-метровыми отметками над меженным уровнем. С севера местонахождение обрамляет относительно крутая поверхность скального останца. С востока, предположительно, местонахождение ограничивается одним из боковых отрожков долины Колпакова ручья. После изучения культурных горизонтов голоценового времени мощностью, в среднем, 0,7–1,0 м, (литологические слои I–IV) внутри периметра раскопа № 3 было сделано несколько контрольных разрезов, которые вскрывали подстилающую толщу. В результате работ было установлено, что глубине около полутора метров ниже «пола» раскопа имеется самостоятельный уровень залегания каменных артефактов и фрагментов костей. Морфология обнаруженного инвентаря и геологическая позиция находок свидетельствовали

о принадлежности данного комплекса к палеолитической культуре верхнего неоплейстоцена. Исходя из полученных данных, на лето 2011 года были спланированы работы на площади 200 м^2 внутри раскопа № 3.

Была выявлена следующая стратиграфия (рис. 1, *1*):

Литологический слой I – почвенно-дерновый слой почвы. Мощность слоя в среднем составляет до 18 см.

Литологический слой II – каштановая супесь. Имеет мощность от 3 до16 см.

Литологический слой III – желто-серые супеси пылеватые мелкозернистые неслоистые. Имеет мощность от 30 до 45 см.

Литологический слой IV представлен двумя горизонтами.

А-горизонт сложен серо-желтыми лессовидными супесями, песками среднезернистыми с большим содержанием пылеватой фракции. Максимальная мощность до 40 см.

Б-горизонт – уровень почвообразования. В свежераскопанном состоянии горизонт представляется слабогумусированной толщей, в просохшем – белесый, пылеватый (результат выпадения карбонатов). Состав породы, в целом, соответствует вышележащему горизонту А. Мощность от 14 до 25 см.

Литологический слой V – гравелитистые пески и суглинки серовато-розоватого цвета. Имеются гумусированные текстуры горизонтального простирания. Подошва горизонтальная. Мощность – до 12 см.

Литологический слой VI – мелкослоистые пески серовато-розового цвета. Слоистость параллельная горизонтальная. Границы по кровле и подошве отчетливые. Мощность на разных участках до 136 см.

Литологический слой VII – коричневатый суглинок, насыщенный древесной, гравием, мелкой галькой, щебнем и слабоокатанными обломками местной скалы. Мощность слоя от 4 до 15 см. В составе данного слоя были обнаружены артефакты палеолитического облика (культурный слой ПС-1).

Литологический слой VIII – толща красноцветных отложений, сложенная красновато-коричневатыми-розовыми, черными и белесо-желтоватыми осветленными прослойками. Мелкослойчатые текстуры переслаиваются горизонтально и диагонально. Мощность от 6 до 60 см. Подстилающая толща не пройдена.

Разрез представлен различными генетическими фациями, среди которых следует выделить: I–IV – пачка субаэральных отложений, предположительно сартанского (слой IV а; б) – голоценового (III-I) периодов. Литологический слой V – вероятно, смешанных субаквально-субаэральных генетических типов, с гумусовыми включениями 2–4-х прослоев палеопочвы. Формирование слоя возможно связать с ранними интерстадиалами сартанского ледниковья или поздним фазиалами каргинского межледникового комплекса. Литологический слой VI – очевидно, сложен толщей аллювиального генезиса, насыщенной вертикально-трещинными текстурами сингенетических морозобойных клиньев. Вероятнее всего, толща марки-

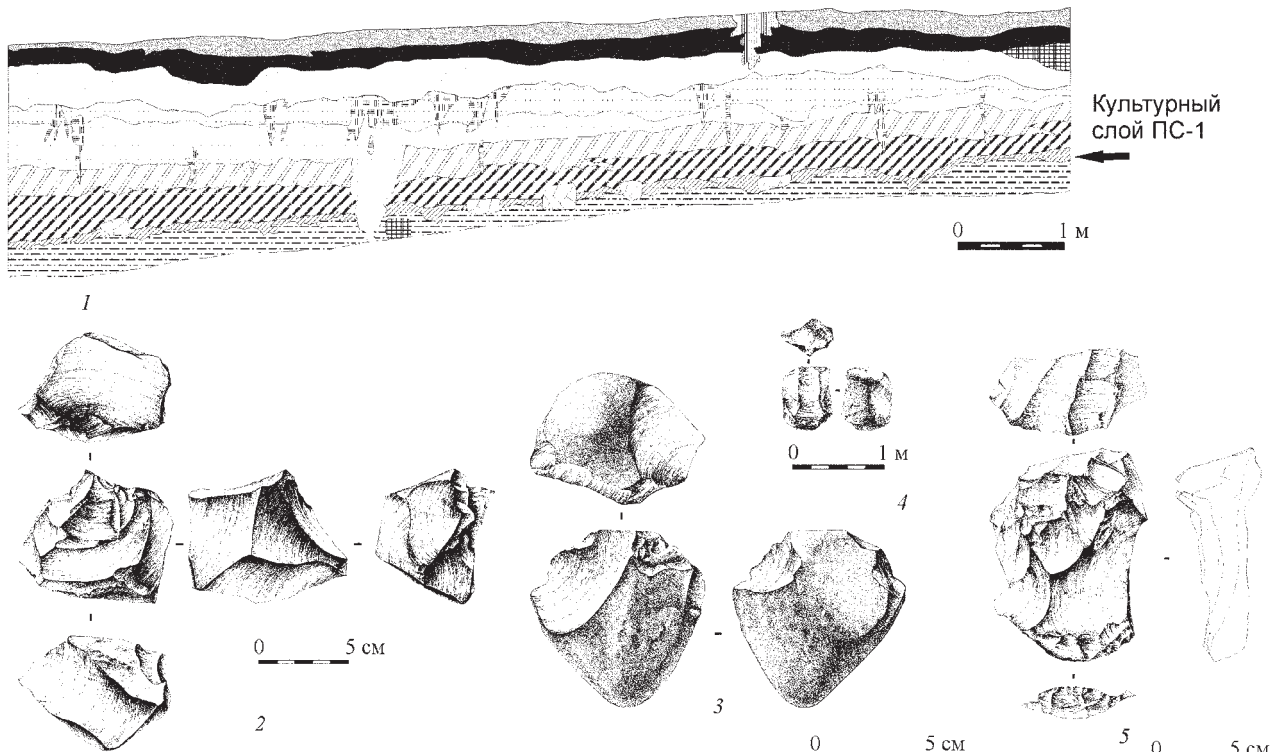

Рис. 1. Стоянка Колпаков ручей.
1 – схематический стратиграфический разрез вдоль фронтальной бровки, обращенной в долину Ангары; *2–5* каменные артефакты.

рует «холодное» время, которое с соответствующими уточнениями и учетом относительной высоты над местным базисом эрозии (до 16 м), могла бы быть отнесена к интерфазиалам каргинского межледниковья. Слой VII в литофациальном отношении пока малоинформативен. Надежды возлагаются на биостратиграфическую аналитику образцов и фаунистических коллекций здесь собранных, а так же на возможные датировки, полученные по кости из разреза.

В силу того, что раскопом № 3 на памятнике Колпаков Ручей был вскрыт многослойный объект, и при наличии между нижним 4-м неолитическим культурным горизонтом и подстилающим его культурным слоем существенного стратиграфического пропуска, палеолитическому слою было присвоено название ПС-1 (палеолитический слой №1).

Палеолитический слой залегает в мелкощебнисто- дресвянистом осадке, довольно рыхлом, опесчаненном, со средней мощностью 4–6 см. На отдельных участках слой разрывают псевдоморфозами клиньев, как минимум, двух генераций. Существенными следует признать деформации, связанные с полигонами мощных (ок. 0,4–0,5 м – в ширину и более 1,5 м в длину) эпигенетических морозобойных вертикально-трещинных структур с шагом между клиньями до 4–6 м, которые расчленяют поверхность слоя и задают блокам мелкотектонические смещения – «просадки» по 0,4–0,2 м. Также с поверхности слоя заложены вертикальные трещинные текстуры мелких полигонов. Мощные процессы криогенных нарушений в виде «котлов кипения», инволюций и солифлюксия, зафиксированные в пачке отложений ЛС VIII, заметного влияния на сохранность ПС-1 не оказали. В слой включено значительное количество плоских и небольших по размерам плиточек гранито-гнейсов и долеритов. Кроме того, слой насыщен явно транзитным, отличающимся от местного обломочника, хорошо окатанным материалом, видимо речного происхождения, в виде валунов, валунчиков и мелкой гальки 2–3 класса окатанности. Подробная детализация стратиграфического профиля позволяет фиксировать в зоне контакта литологических слоев VII и VIII существенный перерыв в осадконакоплении «с размывом». В последствии, на денудационную поверхность, сформировавшуюся по литологическому слою VIII был наложен слой VII, который по внешним признакам соответствует характеристикам коры выветривания. Базисом выветривания, очевидно, могла послужить толща пород многолетнего промерзания, залегавшая с определенного уровня литологического слоя VIII.

Артефакты в ПС1, при внешней равномерности планиграфического распределения, все же обнаруживают отдельные группировки. Всего была обнаружена 584 находки, из них 552 изделия из камня и 32 фрагмента костных остатков.

Каменная индустрия характеризуется значительным разнообразием каменного сырья, из которого она была изготовлена (халцедон, кремень, траппы, кварцит). Поверхность всех артефактов характеризуется глянцевыми плоскостями пескоструйной огранки – эоловой корразии слабой степени.

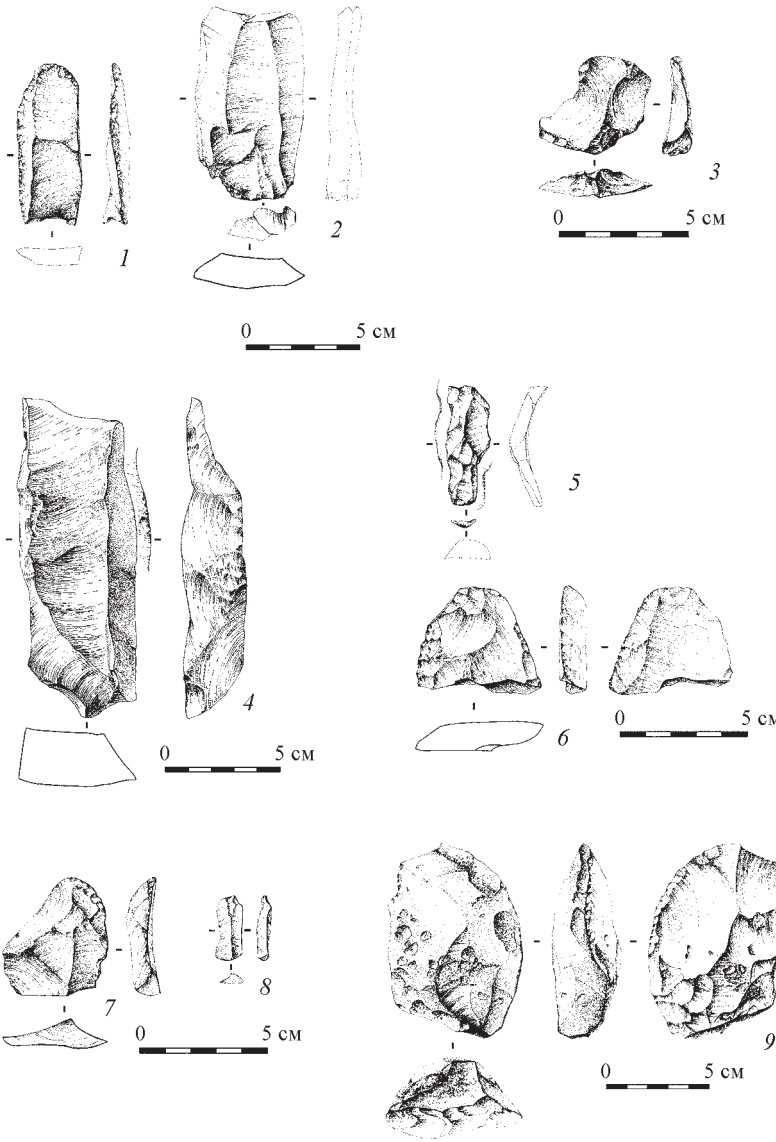

Рис. 2. Стоянка Колпаков ручей.
1–9 – каменные артефакты.

Весьма значительно количество осколков и обломков (153 экз.) и чешуек (41 экз.). Подавляющее большинство этих предметов появились в результате морозного растрескивания.

Количество нуклевидных форм достаточно велико (28 экз., 7,84 % от состава коллекции; здесь и далее процентные показатели приводятся без учета осколков, обломков и чешуек), но среди них преобладают нуклевидные обломки со следами бессистемных и ортогональных снятий (9 экз.), а также гальки – преформы нуклеусов с подготовленными ударными площадками (4 экз.). Морфологически определимые формы нуклеусов несут следы субпараллельных и ортогональных снятий пластин и отщепов. Они представлены кубовидными ортогональными (3 экз.) (рис. 1, *2*), одноплощадочными и двуплощадочными монофронтальными (8 экз.) (рис. 1, *3*), плоскостными микронуклеусами с негативами снятиями пластинок, характерными для начальной стадии верхнего палеолита Южной Сибири (2 экз.) (рис. 1, *4*). Единичными предметами представлены подпризматический и центростремительный нуклеусы.

Индустрия сколов представлена в основном отщепами (249 экз., 69,75 %) (рис. 2, *3*), вместе с тем представлены и выразительные крупные массивные удлиненные пластины (28 экз., 7,84 %) некоторые из которых имеют фасетированные ударные площадки (рис. 2, *2, 4*), а также пластинками (19 экз., 5,32 %) (рис. 2, *5, 8*). Технические сколы включают в себя реберчатые пластины, поперечные снятия ударных площадок нуклеусов (14 экз., 3,92 %); некоторые предметы были сколоты с очень крупных подпризматических нуклеусов для снятия пластин (см. рис. 1, *5*). Орудийный набор насчитывает 19 предметов (5,32 %); в него входят ретушированные пластины – 2 экз. (рис. 2, *1*), боковой скребок – 1 экз., концевые скребки – 2 экз. (рис. 2, *7*), двойное противолежащее скребло – 1 экз. (рис. 2, *6*), ретушированные отщепы – 10 экз., скребло продольное с вентральным уплощением – 1 экз. (рис. 2, *9*), угловой резец – 1 экз., долотовидное орудие – 1 экз.

По своему техно-типологическому облику, особенностям морфологии, а также степени ветровой корразии поверхности артефактов данный комплекс соответствует так называемому «макаровскому палеолитическому пласту», выделенному на территории Верхней Лены и Южного Приангарья. Мы вынуждены пользоваться этим таксоном, поскольку он относится к кругу ближайших региональных аналогий. Однако он не вполне удовлетворяет технико-типологическим и стратиграфическим критериям, и состав относимых к нему памятников является механической смесью различных разновременных индустрий, объединенных исключительно по признаку слабой и средней степени корразии поверхности артефактов. Пока не будет произведена естественно-научная аналитика разреза и не будут получены радиоуглеродные даты, мы предварительно определяем культурные позиции данного комплекса в рамках ранней поры верхнего палеолита в хронологических пределах 25–40 тыс. л.н.

М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян

К РЕКОНСТРУКЦИИ УСЛОВИЙ ОБИТАНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА В ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЕ*

Денисова пещера, расположенная в долине р. Ануй на северо-западе Алтая, один из наиболее известных и детально изученных археологических памятников на территории Северной и Центральной Азии. В последние годы здесь получены новые материалы, которые вынуждают пересмотреть существующие модели развития древнего человека. Важнейшие из них – антропологические находки из отложений начальной стадии верхнего палеолита. Изучение ископаемой ДНК показало, что эти останки принадлежат разным индивидам одной популяции. Установлено, что морфологически и генетически популяция палеолитического человека из Денисовой пещеры отличается как от неандертальца, так и от человека современного физического типа [Krause et al., 2010]. Видимо, популяция денисовцев являлась сестринской группой неандертальцев [Reich, et al., 2010]. Эти уникальные результаты придают особую актуальность реконструкциям природных условий обитания и ритма жизни денисовского человека.

Работы по созданию палеогеографических моделей включают изучение истории развития рельефа, литолого-фациальный анализ плейстоценовых отложений, определение состава спор и пыльцы растений, ископаемых костных останков птиц, мелких и крупных млекопитающих [Природная среда…, 2003]. Детально описаны современный рельеф и строение новейших отложений бассейна Ануя, особенности растительного покрова и состав пыльцы из современных отложений, структура населения млекопитающих [Агаджанян, Шуньков, 2009]. В этом районе ведутся учеты мелких млекопитающих по данным маршрутных исследований, отлова ловушками и опросных сведений. Проанализированы сотни погадок хищных птиц и десятки проб субрецентного материала из гротов, навесов и скальных ниш.

Одна из задач проводимых исследований – оценить условия обитания древнего человека в Денисовой пещере и ее окрестностях, понять связь поселений внутри пещеры и на открытых стоянках. Для оценки комфортности условий обитания в полости пещеры и рядом с ней в течение трех лет проводились измерения температуры воздуха [Шуньков, Агаджанян, 2007].

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 11-06-12005-офи-м-2011, № 11-06-12030-офи-м-2011 и №. 11-04-00933-а).

В результате установлено, что размах суточных колебаний температуры воздуха внутри пещеры возрастает от галерей к центральному залу и предвходовой площадке. Колебания температуры внутри пещеры значительно меньше, чем на открытых участках речной долины. Определенные закономерности выявляет анализ динамики среднемесячных дневных температур. Температурный режим в пещере и вне ее существенно изменяется на протяжении года. В зимние месяцы, даже при отсутствии искусственного подогрева, температура внутри пещеры на 5–7 °С выше, чем вне пещеры на открытом воздухе. В летние месяцы, напротив, температура в центральном зале пещеры на 5–10 °С, а в галереях на 10–15 °С ниже, чем в долине Ануя. Переломными являются середина марта и конец сентября, когда эти показатели близки между собой. Проведенный анализ позволяет сделать общий вывод: температурные условия в пещере, особенно в ее галереях в зимние месяцы комфортнее, чем на открытом воздухе. Летом, наоборот, температурный режим внутри пещеры менее комфортен, по сравнению с открытыми участками долины Ануя.

Картина существенно изменится, если допустить, что палеолитические обитатели пещеры пользовались огнем в ее полости. Хотя кострища и очажные конструкции в плейстоценовых отложениях пещеры не обнаружены, вместе с тем ряд косвенных наблюдений подтверждают это предположение. В процессе раскопок и последующей промывки грунта постоянно фиксируются мелкие угольки в осадках пещеры. В некоторых слоях отмечены пятна прокаленного грунта. Практически в каждом квадрате обнаружены обожженные кости крупных млекопитающих. Эти данные свидетельствуют, что палеолитические обитатели пещеры регулярно пользовались огнем.

Другое доказательство использования огня в полости пещеры – резкое уменьшение количества костей летучих мышей вверх по разрезу, начиная с уровня слоя 21. Количество останков летучих мышей по горизонтам слоя 22 колеблется от 20 до 40 % от общего числа костей мелких позвоночных. В отложениях слоя 21 их количество падает до 10 %, а выше по разрезу не превышает 3–5 %. Видовой состав других позвоночных и данные спорово-пыльцевого анализа не фиксируют принципиальных изменений климатического или биотопического режима. Единственный показатель, который существенно меняется на уровне слоя 21 – это количество каменных артефактов. В слое 22.3 каменные изделия не обнаружены. В слое 22.2 найдены единичные изделия, составляющие менее 1 % от общего числа находок. В слоях 22.1 и 21 их доля достигает 3%. Вверх по разрезу количество орудий возрастает, достигая 22 % в слое 11. Очевидна тесная обратная связь между активностью первобытного человека и плотностью населения летучих мышей. Только регулярное задымление пещерной полости могло отрицательно сказаться на сокращении их колонии.

Анализ динамики таксономического разнообразия Chiroptera позволяет сделать еще одно заключение о сезонной ритмике колонии летучих мышей и человека в пещере. На фоне общего снижения численности летучих

мышей, костные останки одного вида, *Myotis* ***cf. blythii***, сохраняют численность в отложениях и выше слоя 21. Большинство видов используют полости пещер только для дневного отдыха и зимовок. На период размножения они занимают различные укрытия вне пещер: дупла, расщелины в стволах деревьев, щели под корой и т.п. Только *Myotis* ***cf. blythii*** летом в период размножения заселяет пещеры, здесь выводит потомство и выращивает его. Сохранение численности этого вида в период накопления слоев 21–9 было возможно только при условии отсутствия задымления пещеры в летний период. Это обстоятельство позволяет предположить, что на летний период человек покидал пещеру.

К аналогичному выводу приводит анализ материалов по крупным млекопитающим из Денисовой пещеры. Он показал, что количественное соотношение костей медведя и гиены меняется вверх по разрезу. В отложениях слоя 22 количество костей медведя значительно превышает количество костей гиены. На ранних этапах существования карстовой полости она использовалась преимущественно медведем для устройства берлог. Медведь занимал пещеру только в зимние месяцы, когда он впадал в спячку и приносил потомство. Весной медведь покидает берлогу в поисках корма. Большое количество костей медведя и, особенно, медвежат, в нижних слоях пещеры указывает на то, что ее полость регулярно использовалась в качестве берлоги. Но как только в верхнем горизонте слоя 22 фиксируется повышение активности палеолитического человека, количество костей медведя и, следовательно, частота посещения им пещеры резко падает. Это свидетельствует, что человек с этого времени регулярно заселял пещеру в зимние месяцы. Выявлена и другая закономерность. Количество костей гиены вверх по разрезу не уменьшается. Современная гиена нуждается в укрытии только в весенне-летний период для выведения потомства. Полученные данные показали, что она регулярно использовала полость пещеры для этих целей. Человек и гиена занимали пещеру, скорее всего, в разное время года. Для человека пещера была необходима зимой, как наиболее комфортное и безопасное жилище в условиях низких температур. Весной, когда температурный режим вне пещеры становился более благоприятным, человек покидал пещеру. В это время карстовую полость занимала гиена.

Направление движения и места сезонных лагерей палеолитических обитателей пещеры в летний период восстановлены по материалам открытых стоянок в длине Ануя. Среди них наиболее информативным объектом является многослойный памятник Усть-Каракол, расположенный на стрелке рек Ануй и Каракол, в месте, где открывается широкий обзор охотничьих угодий. Это позволяло первобытному человеку следить за передвижением стад копытных животных и с упреждением организовывать их промысел. Видовой состав костей млекопитающих на месте стоянки показал, что объектом охоты в плейстоцене были благородный олень, первобытный бизон, сибирский козел и горный баран [Барышников, 1998]. Кроме фаунистических остатков, хозяйственную деятельность человека на стоянке отражает

послойное распределение каменных орудий, которые обнаружены в 15 из 18 плейстоценовых подразделений разреза. В средней части плейстоценовых отложений стоянки следы жизнедеятельности человека отсутствуют только в литологическом слое 12, а в отложениях слоя 13 обнаружено минимальное количество каменных артефактов. Вместе с тем в этих слоях отмечено максимальное количество костей суслика. Эти данные отражают, скорее всего, влияние активности человека на относительную численность колонии сусликов.

Фаунистический анализ состава крупных и мелких млекопитающих из отложений палеолитических стоянок показал, что в нем присутствуют, помимо автохтонных, центральноазиатские виды, которые проникали в долину Ануя с юга. Возможно, и основные кочевки палеолитических охотников проходили в южном направлении, в сторону Усть-Канской степной котловины.

Список литературы

Агаджанян А.К., Шуньков М.В. Развитие природных сообществ Северо-Западного Алтая в антропогене // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2 (38). – С. 2–18.

Барышников Г.Ф. Палеоэкология древнейших обитателей Горного Алтая // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 42–49.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Шуньков М.В., Агаджанян А.К. К оценке микроклимата Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 162–167.

Krause J., Fu Q., Good J.M., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Pääbo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. – 2010. – Vol. 464. – P. 894–897.

Reich D., Green R.E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E.Y., Viola B., Briggs A.W., Stenzel U., Johnson P.L.F., Maricic T., Good J.M., Marques-Bonet T., Alkan C., Fu Q., Mallick S., Li H., Meyer M., Eichler E.E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublin J.-J., Kelso J., Slatkin M., Pääbo S. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // Nature. – 2010. – Vol. 468. – P. 1053–1060.

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А.А. Адамов, И.В. Балюнов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЯРКОВСКОМ ГОРОДИЩЕ

Летом 2011 г. археологический отряд Тобольского филиала ИАЭТ СО РАН и Тобольской педагогической академии проводил исследования на Ярковском городище. Памятник расположен в окрестностях с. Абалак примерно в 30 км от Тобольска верх по течению р. Иртыш, на треугольном мысу, ограниченным с одной стороны обширным оврагом, с другой – надпойменной террасой оз. Исток (бывшее Архиерейское озеро).

Ярковское городище было известно как минимум с XIX в.: цветной план памятника сохранился в альбомах известного тобольского художника и собирателя древностей М.С. Знаменского. На этом плане показана сложная система оборонительных сооружении, состоящая из рвов и валов. Всего прослеживалось три линии обороны с чередованием рвов и валов, которые совершенно не читаются на дневной поверхности в настоящее время. Однако следы их существования хорошо прослеживаются на снимке из космоса.

В настоящее время участок мыса хорошо задернован. При этом на поверхности часто встречаются следы грабительских раскопок, оставленные черными копателями, добывающими находки с помощью металлоискателя.

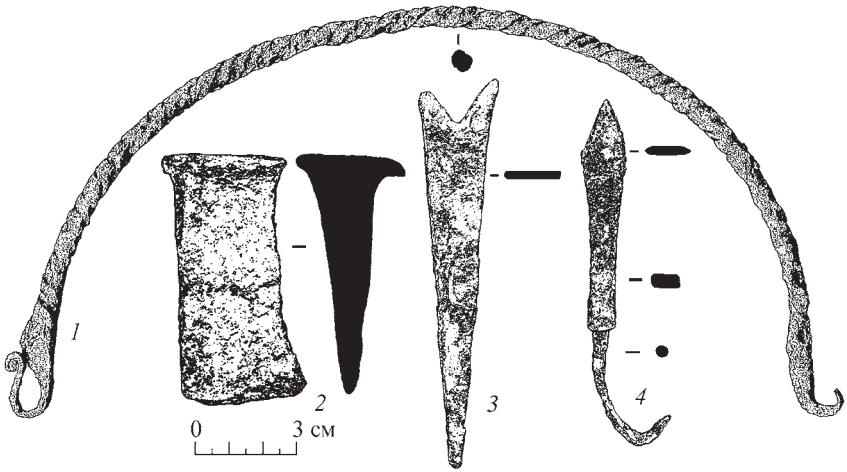
Для исследования городища на самом углу мыса был заложен небольшой раскоп площадью 100 м^2. Сразу под слоем дерна был выявлен достаточно мощный культурный слой, состоящий из отложений темно-серого суглинка, содержащего довольно мощные прослойки золы, древесного угля и основательно перегнившего навоза. Мощность культурного слоя до уровня материка составляет около 1,5 м. Ниже было выявлено несколько ям, вероятно хозяйственного назначения. Непосредственно каких-либо объектов в слое обнаружено не было, лишь изредка фиксировались незначительные скопления кусков обожженной глины или сильно обгоревшие деревянные детали. Очевидно, жители городища использовали для проживания наземные постройки. Можно достаточно уверенно предполагать, что эти жилища отапливались при помощи чувалов. Однако в самом раскопе ни одного развала чувала обнаружено нами не было.

Во время исследований была собрана представительная коллекция находок, которая позволяет достаточно полно охарактеризовать материальную культуру и хозяйственную деятельность средневекового населения. Самым массовым материалом являются обломки костей животных. Кроме того, в

слое представлены предметы промысловой деятельности – многочисленные костяные и железные наконечники стрел, среди которых как наконечники с выделенным насадом, так и без него (см. *рисунок, 3, 4*), каменные рыболовные грузила от калданных сетей (очень часто встречались в слое и кости рыб). О том, что местное население занималось земледелием, свидетельствуют находки двух целых пар каменных жерновов, что для Сибири является уникальным явлением. Сравнительно с археологическими культурами южно-таежного Прииртышья конца I – начала II тыс. н.э. керамический комплекс Ярковского городища выглядит малочисленным. Однако найденные здесь фрагменты глиняной посуды представляют значительный интерес, поскольку они хорошо разделяются на три группы: лепная, гончарная, фрагменты расписной и поливной посуды. Малочисленность керамического комплекса объясняется широким распространением металлической посуды, обломки и обрезки которой найдены в раскопе. Из других категорий инвентаря можно отметить глиняные пряслица, изделия из кости – кочедыки, разбильники, игральные кости (альчики). Изделия из металлов представлены: железными ножами, кресалами, наконечником копья, стременем, обломком бронзового браслета, серебряными бусинами и перстнем. Кроме того, найдены каменные и стеклянные бусины. На городище была широко развита обработка металлов. Были найдены железные крицы, массивное зубило, куски железа, незаконченные вещи. Об обработке цветных металлов свидетельствуют тигель, льячки, обломок глиняной формы, многочисленные оплавленные куски меди.

Комплекс артефактов из раскопа дополняет коллекция предметов, собранных на данном городище т. н. «черными» копателями. Наиболее ценные находки были ими проданы тобольским коллекционерам, обломки изделий из меди (объемом с ведро) были сданы на металлолом, часть предметов попала к одному из авторов. Среди собранных изделий нужно отметить массивный витой серебряный браслет, концы которого украшены шатонами со стеклянными вставками, и четыре перстня булгарского типа. Предметы из меди представлены полыми ручками от ковшиков, носиком от кумгана, петлями. Обнаружена также железная дужка (см. *рисунок, 1*) от котла. Был найден и целый (слегка помятый) медный котел с железной ручкой и круглым железным прутом, пропущенным по краю изделия. Среди железных предметов выделяются топор, тесло, зубило (см. *рисунок, 2*), ножи и наконечники стрел, кресало, скобель, сверло.

В целом, на основании предметного комплекса исследованное городище можно датировать в пределах XII–XIV вв. Необходимо отметить значительное сходство артефактов с археологическими материалами из Приуралья и городов Золотой Орды. В междуречье нижнего Тобола и Иртыша это не единственное городище данного времени со сходными чертами материальной культуры. Подобные находки сделаны на городищах Искер, Тобол-Тура и Долговское. По городищу Искер (столице Сибирского ханства) существует мнение А.П. Зыкова об однослойности памятника [2000, с. 23]. Од-

Железные находки с Ярковского городища.
1 – ручка от котла; *2* – зубило; *3, 4* – наконечники стрел.

нако А.М. Белавин отметил ряд находок с Искера, датируемых XI–XIII вв. [2000, с. 176, 177]. После получения эталонной коллекции с Ярковского городища появилась реальная возможность выделить из весьма обширной Искерской коллекции ряд вещей, относящихся к XII–XIV вв.

Многочисленные аналоги инвентаря в приуральских памятниках и развитое земледельческое хозяйство свидетельствуют о мощном приуральском импульсе в развитии материальной культуры населения в низовьях Тобола. Дальнейшие исследования помогут выявить характер и масштабы этого импульса, долю участия местного и пришлого населения в складывании очень яркой материальной культуры первой половины II тыс. н.э.

Список литературы

Зыков А.П. Городище Искер: Исторические мифы и археологические реальности // Сибирские татары: Материалы I Сиб. симпоз. «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000.

Белавин А.М. Камский торговый путь: Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2000. – 200 с.

С.В. Алкин, В.В. Нестеренко, В.К. Колосов

РАБОТЫ НА УСТЬ-ЧЁРНИНСКОМ ГОРОДИЩЕ В 2011 ГОДУ

В полевом сезоне 2011 г. целью работ Благовещенского археологического отряда являлось продолжение изучения разновременных памятников археологии Верхнего (Западного) Приамурья в пределах юго-восточного Забайкалья. В предшествующие сезоны (2005–2010 гг.) там были обнаружены памятники широкого хронологического диапазона: от верхнего палеолита до раннего средневековья. На этот раз совместно с археологическим отрядом Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова были проведены раскопки новых объектов на раннесредневековом Усть-Чёрнинском городище, которое вместе с комплексом оборонительных сооружений, жилых и хозяйственных построек является уникальным археологическим объектом в зоне контакта древних культур Верхнего и Среднего Приамурья.

В юго-восточной части городища над западинами № 65 и 66 был разбит раскоп общей площадью 148 м^2, соединивший раскоп 1954 г. (А.П. Окладников) и наши раскопы предшествующих лет. Новый участок вскрытия культурного слоя примыкал к раскопу 2010 г., где располагалась самая крупная на городище жилищная западина (№ 76) [Алкин, Нестеренко, 2010]. Таким образом, с 2007 г. и до настоящего времени на Усть-Чёрнинском укреплённом поселении нами изучено пять жилых построек типа полуземлянок и одна хозяйственная постройка (предположительно, плавильня).

Западина № 65 имела размеры 4,5×4 м при глубине 0,40 м (рис. 1, *1*). Постройка представляла собой полуземлянку с перекрытием в виде четырехскатной крыши. Внутренняя конструкция котлована продемонстрировала новые особенности, которые явились уникальными не только для данного городища, но и для средневековой домостроительной техники Восточной Сибири и Дальнего Востока. Четыре опорных столба были размещены в своеобразных столбовых ямках-«карманах» за пределами линий западной и восточной стенок котлована. Обустройство внутреннего пространства жилища имело традиционные элементы в виде нар и пристенных или угловых полок. Так, вдоль северо-восточной стенки котлована нары шириной 0,9 м были сооружены по всей четырехметровой длине. Они набраны из пяти хорошо обработанных досок шириной 15–20 см. Очаг округлой формы находился в центральной части жилища. В его заполнении обнаружены фрагменты венчиков трех разных сосудов, колотая кальцинированная кость,

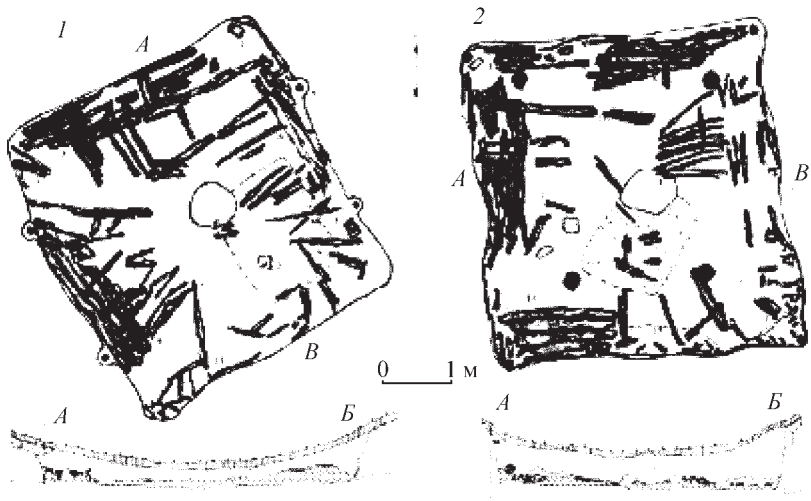

Рис. 1. Жилища в западинах № 65 (*1*) и 66 (*2*).
Усть-Чёрнинское городище.

фрагмент льячки с наплавленным железистым шлаком. На краю очага в его юго-восточной части была сооружена каменная площадка для отбивки лишней породы и шлака из сплава. На ней собраны фрагменты железистого сырца и кусочки шлака. В 60 см юго-восточнее очага в скальном цоколе основания жилища выявлена округлая выемка-ямка, в которой находился фрагмент оплавленного железного сырья. Скорей всего, это углубление служило местом слива и охлаждения металла.

Основная масса находок обнаружена на уровне пола жилища: фрагменты костей животных, таранные кости, зубы лошади и свиньи, костяная проколка, фрагмент керамического пряслица (первого на поселении). Керамика представлена преимущественно фрагментами сосудов троицкого типа мохэской археологической культуры (рис. 2). Существенным результатом работ этого года является обнаружение археологически целого сосуда с косым устьем, который имеет ближайшие аналогии на памятниках найфельдской группы мохэской археологической культуры [Алкин, Гребенщиков, 1994; Кудрич, Наумченко, 2003]. Заметим, что отдельные фрагменты предположительно найфельдской керамики уже отмечались нами в коллекции ДВЭ, которая хранится в ИАЭТ СО РАН. И этот факт требует новых подходов в осмыслении процессов этнокультурного взаимодействия соседствующих регионов в эпоху раннего средневековья.

В западине № 66 обнаружено жилище, конструкция которого в целом является традиционной для изучаемого городища (рис. 1, *2*). Это полуземлянка с размерами котлована 4×5 м и глубиной 0,6 м. Любопытной особенностью внутренней конструкции является настил из шести тесаных досок в юго-восточном углу котлована. Под ним обнаружена овальная в плане яма, в которой

Рис. 2. Керамический сосуд из жилища в западине № 65.
Усть-Чёрнинское городище.

собраны фрагменты керамики и колотые кости. В юго-восточном углу располагалась угловая полка из жердей и тесаных досок. Рядом с ней находились две керамические льячки и два тигелька. В центральной части жилища – очаг овальной в плане формы. Среди находок на уровне пола: фрагменты рога и костей животных, скопление рыбьих костей, несколько альчиков (в т. ч. один с орнаментом), костяной наконечник стрелы, несколько заготовок роговых изделий. Большинство фрагментов керамики не орнаментированы. Венчики представлены двумя типами сосудов, общим числом не менее пяти. Почта с пола жилища подверглась флотации и еще до специального анализа можно говорить о визуальном присутствии большого количества семян мари.

В ходе раскопок отобраны образцы угля из конструкций обоих жилищ, для которых в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии СО РАН получены следующие радиоуглеродные даты: западина № 65 – 890±30 л.н. (СОАН-8440), западина № 66 – 985±40 л.н. (СОАН-8441) (сообщение № 1869, канд. г.-м. наук Л.А. Орлова). Вместе с датами по другим жилищам городища они в целом подтвердили предложенную нами предварительную датировку функционирования памятника в конце I – **начале II тыс. н.э.**

На площади памятника проведена работа по выявлению участков культурного слоя, с которым были соотнесены материалы финально-плейстоценового – раннеголоценового периода, встречавшиеся в предшествующие годы в выбросах из котлованов средневекового времени. Для этого изучался участок между котлованами № 65, 66, 76. Удалось зафиксировать горизонт залегания с каменными артефактами. В коллекции имеются микронуклеусы торцового принципа снятия, бифасиальные заготовки для таких нуклеусов, лыжевидные сколы и другие дериваты первичного расщепления (рис. 3),

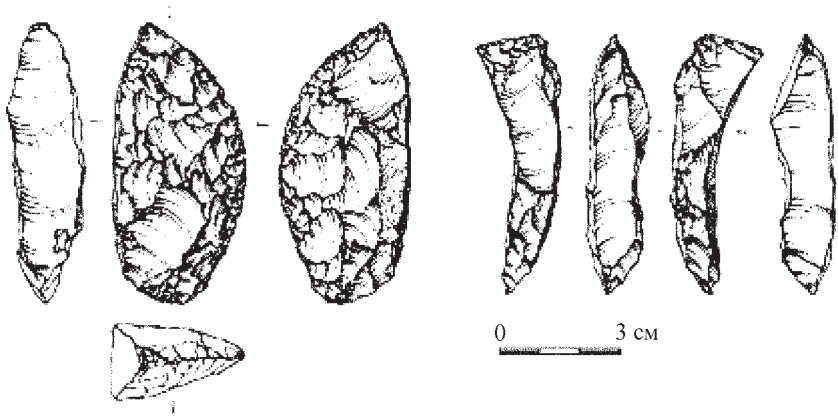

Рис. 3. Каменные артефакты. Усть-Чёрнинское городище.

ближайшие аналогии которым есть в коллекции поселения Сухотино-4. Стратиграфически эти артефакты приурочены к основанию сартанских отложений на уровне, близком к зоне дезинтеграции каргинских почв. Таким образом, предварительно они могут быть датированы временем примерно 16 тыс. л.н.

Собранный в результате работ прошедшего полевого сезона археологический материал эпохи средневековья подтверждает нашу гипотезу о проникновении вверх по течению реки Шилки в пределы Западного Приамурья и юго-восточного Забайкалья групп тунгусоязычных троицких мохэ, основным ареалом культуры которых являются районы Среднего Приамурья и Северной Маньчжурии. Получен конкретный археологический материал, подтверждающий, что на определенном этапе развития мохэской культуры ее носители начали экспансию в западном от основного ареала их расселения направлении вверх по течению Амура, где вступили в активное взаимодействие с аборигенным населением.

Список литературы

Алкин С.В., Нестеренко В.В. Работы на Усть-Чёрнинском городище в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 138–144.

Гребенщиков А.В., Алкин С.В. Об одном уникальном сосуде из коллекции мохэской керамики Приамурья // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. – Новосибирск, 1994. – С. 62–67.

Кудрич О.С., Наумченко Б.В. Сосуд редкой формы с озера Белоберезового // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2003 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 389–391.

В.В. Ахметов

КАМЕННЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ В БОХАЕ: К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ

В историографии, касающейся изучения бохайских погребальных комплексов, существует тенденция увязывать появление каменных погребальных сооружений в Бохае с сильным когурёским влиянием на высшие слои общества этого государства. Данная тенденция прослеживается в основном работах корейских ученых [Song, 2007, p. 31]. На наш взгляд, это является несколько упрощенный подход к проблеме происхождения каменных сооружений в бохайском погребальном обряде.

Отечественными исследователями признается когурёское влияние на культуру государства Бохай, проявляющееся, в частности, в конструктивных особенностях погребальных сооружений. Это влияние объясняется привлечением потомков когурёсцев для строительства погребальных сооружений [Шавкунов, 2001, с. 41]. Корейские исследователи объясняют когурёские черты в бохайских погребальных сооружениях тем, что в могилах с такими сооружениями хоронили потомков когурёсцев [Чхвэ, 2003, с. 101].

Государство Бохай создали племена *сумо-мохэ*. Согласно китайским письменным источникам, их земли располагались в долине реки 2-ая Сунгари (современная провинция Цзилинь, КНР) [Шавкунов, 1968, с. 30]. Для выяснения того, когда в Бохае появились каменные могильные сооружения, необходимо обратиться к материалам самых ранних могильников *сумо-мохэ*. В долине 2-й Сунгари изучались три таких могильника – Чалиба, Дахаймэн, Лаохэшэнь [Чон Ёджин и др., 2006, с. 160].

На данных могильниках большое количество грунтовых погребений и лишь некоторое – с каменными могильными сооружениями. Изученная часть могильника Чалиба датируется VII–VIII вв. [Нестеров, Алкин, 1997, с. 173]. Радиоуглеродные даты по могильнику Дахаймэн укладываются в промежуток VI–VII вв. (кроме одной, указывающей на X–XI вв.) [Алкин, 1995, с. 237].

Эти даты хорошо соотносятся с историческими событиями, протекавшими в то время в Маньчжурии. В 698 г. здесь было создано государство Бохай, и основная часть *сумо-мохэ* мигрировала в долину р. Муданьцзян, которая стала ядром формировавшегося государства. Как раз к началу VIII в. могильники Чалиба и Дахаймэн прекратили функционировать.

Очевидно, каменные погребальные сооружения использовались *сумо-мохэ* и до создания государства Бохай. Например, в погребении № 2 мо-

гильника Чалиба, имеющем каменное погребальное сооружение, найдены бляхи амурского типа, которые обычно датируют VI–VII вв. Таким образом, сооружение могил с каменными сооружениями было частью погребального обряда *сумо-мохэ*.

Процесс распространения каменных погребальных сооружений в бохайское время можно проследить, обратившись к результатам раскопок могильника Людиншань, который находится в верховьях р. Муданьцзян [Людиншань…, 1997]. В этом могильнике обнаружено погребение бохайской принцессы Чжэнь Хуэй. Здесь располагалась стела с сообщением, что Чжэнь Хуэй умерла в 777 г. и была похоронена в 780 г. Таким образом, сам некрополь можно датировать второй половиной VIII в.

Могильник Людиншань делится на 2 участка. В первом (западном) обнаружено около 30 могил, среди которых захоронение принцессы; на втором (восточном) – 50 могил. Раскопки могильника начались в 1949 г. и продолжались с перерывами в 1950-е гг. Исследовано 12 захоронений, включая могилу Чжэнь Хуэй. Большая часть могил располагалась в центральной и южной части первого участка. В данных погребениях обнаружены не только одиночные захоронения: в могиле № 1 найдены 2 черепа, в могиле № 3 – 4 черепа, в могиле № 11 – 2 черепа. В 1963–1964 гг. раскопаны еще 20 могил: 5 – на первом участке, 15 – на втором. Среди погребений 3 одиночных захоронения, 1 двойное, 9 тройных и коллективных (6–9 чел.). В остальных могилах либо обнаружен плохо сохранившийся костный материал, либо таковой вообще отсутствовал. Останки, подвергшиеся воздействию огня, зафиксированы в 11 могилах (все они располагались на втором участке). В итоге, из 32 могил, раскопанных в Людиншань, 28 – захоронения с каменным погребальным сооружением и 4 – грунтовые [Пукхан…, 1991, с. 572–575].

В могилах с каменными погребальными сооружениям встречаются керамические сосуды троицкого типа мохэской археологической культуры. В составе погребального инвентаря могилы № 206 есть материалы, аналогичные обнаруженным на Троицком могильнике: бусины [Деревянко, 1977, с. 223; Людиншань…, 1997, с. 131] и бубенчики [Деревянко, 1977, с. 193; Людиншань…, 1997, с. 168]. Бляхи и поясная пряжка из могилы № 102 аналогичны бляхам из грунтовой могилы № 9 могильника Чалиба [Нестеров, Алкин, 1997, с. 169; Людиншань…, 1997, с. 169].

Керамический комплекс включает как мохэские сосуды троицкого типа, так и когурёские сосуды. Очень показательно погребение № 205, в котором рядом лежали типичный мохэский баночный сосуд троицкого типа и кувшин, типологически схожий с когурёскими изделиями [Людиншань…, 1997, с. 145].

На данный момент южнокорейские археологи придерживаются мнения, что влияние культуры *сумо-мохэ* хорошо прослеживается в низших социальных слоях государства Бохай, а когурёское – в высших. Эти предположения строятся именно на материале могильника Людиншань [Song, 2007, p. 31].

В могилах с каменными погребальными сооружениями зафиксирован такой же погребальный инвентарь, что и в ранних грунтовых могилах *сумо-мохэ*. При этом они найдены на одном участке захоронений с могилой бохайской принцессы.

В добохайский период *сумо-мохэ* возводили каменные погребальные сооружения, но в незначительных количествах. После образования государства Бохай такие погребения стали гораздо многочисленней. Основав собственное государство, подчинив себе обширные пространства значительной части Маньчжурии, *сумо-мохэ* стали гораздо обеспеченней материальными ресурсами. Создавая государство, *сумо-мохэ* опирались на административные модели управления соседних государств – Когурё и Тан. На службу привлекались потомки когурёсцев, а когурёские ремесленники находили применение своим знаниям и умениям в Бохае. Данные процессы и получили свое отражение в распространении каменных погребальных сооружений у *сумо-мохэ*, ставших к тому моменту бохайцами.

Список литературы

Алкин С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников северных территорий Китая // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. – Новосибирск, 1995. – Ч. II. – С. 233–250.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.

Людиншань юй Бохайчжэнь – Тандай Бохайго дэ гуйцзу муди юй дучэн ичжи (Людиншань и Бохайчжэнь: Могильник знати и столичный город Бохая, эпохи династии Тан). – Пекин: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1997. – 247 с. (на кит. яз.).

Нестеров С.П., Алкин С.В. Раннесредневековый могильник Чалиба на р. 2-я Сунгари // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1997. – Вып. 2. – С. 153–176.

Пукхан мунхва юджок пальгуль гэбо (Обзор результатов раскопок памятников культуры Северной Кореи). – Сеул: Мунхваджэ ёнгусо, 1991. – 643 с. (на кор. яз.).

Чон Ёнджин, Юн Хёнчхоль, Ли Донхви. Кобуныро пон пархэ мунхваый сонгёк (Особенности бохайской культуры (по материалам погребений)). – Сеул: Тонбукаёксаджэдан, 2006. – 353 с. (на кор. яз.).

Чхвэ Муджан. Пархэый кивонгва мунхва (Культура и происхождение Пархэ). – Пхаджу: Хангукхаксульджонбо, 2003. – 375 с. (на кор. яз.).

Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. – Л.: Наука, 1968. – 128 с.

Шавкунов Э.В. Средневековые государства Кореи, тунгусо-маньчжурские племена и государство Бохай // История российско-корейских отношений на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001. – С. 40–44.

Song Kiho. Facts and premises: on the old tombs of Balhae // Journal of Northeast Asian History. – 2007. – Vol. 4–2. – P. 13–36.

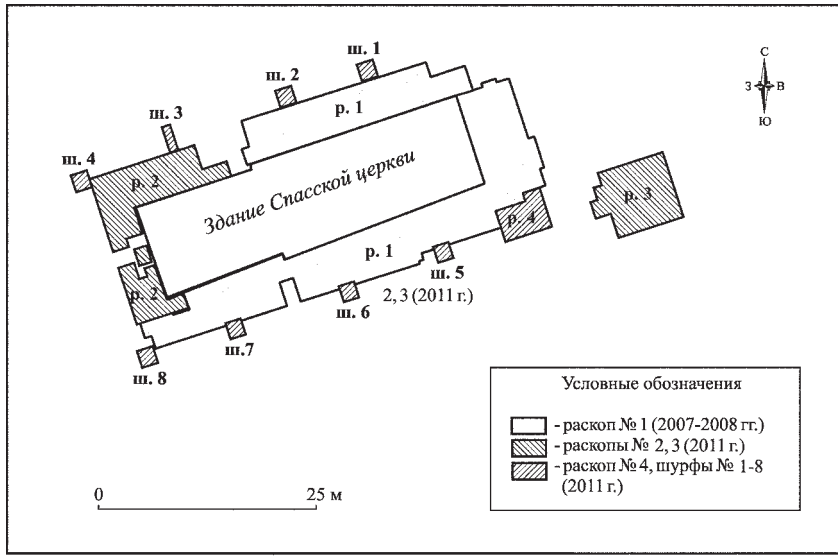
И.М. Бердников, Н.Е. Бердникова

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ У СПАССКОЙ ЦЕРКВИ В ИРКУТСКЕ

В 2011 г. завершены археологические исследования территории у стен Храма Спаса Нерукотворного Образа в центре г. Иркутска, проводившиеся в рамках проекта по реставрации церкви. В 2008 г. работы приостановили в виду ряда технических проблем, связанных с укреплением фундамента колокольни. К этому времени раскопки охватили площадь 330 м^2, в результате чего обнаружено 379 захоронений и остатки деревянных и кирпичных конструкций [Бердников, 2009].

Работы продолжились в начале 2011 г. На первом этапе, с января по март, у северного и западного фасада колокольни исследован участок площадью 118 м^2. Одновременно заложен раскоп в 13 м на восток от юго-восточного угла здания церкви, площадь которого составила 70 м^2. В этом месте в сентябре 2011 г. сооружена крипта, где планируется перезахоронить останки погребенных, обнаруженные при раскопках некрополей XVIII – начала XIX в. в центральной части г. Иркутска. Для удобства раскопы у Спасской церкви пронумерованы в следующем порядке: раскоп 2007–2008 гг. – № 1, раскоп у стен храма 2011 г. – № 2, раскоп на участке под крипту – № 3 (см. *рисунок*). В августе проведен второй этап работ, обусловленный необходимостью установки опор освещения за пределами обследованного участка. К раскопам № 1 и 2 в северной и южной части некрополя сделано 8 шурфов-прирезок. Площадь каждого из них составила 4 м^2. В юго-восточной части некрополя заложен раскоп № 4 площадью 28 м^2, примыкающий к раскопу № 1. Общая площадь раскопок в августе 2011 г. составила 60 м^2.

В раскопе № 2 обнаружено 11 погребений, в раскопе № 3 – 39. У северного фасада церкви в раскопе № 2 вскрыты остатки тыновой стены. Захоронения совершены по православному обряду, т.е. имеют ориентацию по оси запад–восток (головой на запад, лицом на восток) с различным отклонением к северу или югу. Точно определить тип внутримогильной конструкции удалось у 39 захоронений. Преимущественным типом являются дощатые гробы-ящики трапециевидной формы, в которых хоронили подростков и взрослых (25 погребений). Дети захоронены в основном в колодах (11 погребений); исключением являются два погребения в гробах трапециевидной формы. В погребении № 29 раскопа № 3 отмечен случай одновременного захоронения в одном гробу пожилой женщины и двух детей младше 1 года. Доски гробов-ящиков скреплены железными

Общий план расположения раскопов у Спасской церкви.

гвоздями. В колодах гвозди встречаются реже. В пяти случаях достоверно зафиксировано, что крышки колод крепились к нижней части при помощи гвоздей.

Самой многочисленной категорией погребального инвентаря являются нательные кресты (28 экз.). Кресты отлиты из медных (17 экз.), серебряных (7 экз.) и свинцово-оловянных (4 экз.) сплавов. Преимущественно это кресты I типа, согласно классификации В.И. Молодина [2007]. На одном из них сохранились следы полихромной эмали. Есть также кресты IV, VII и VIII типов, а также один крест X типа. В семи погребениях сохранились фрагменты кожаной обуви. В погребении № 36 раскопа № 3 найдена металлическая пуговица («гирька»). В этом же раскопе, в захоронении № 16, обнаружены две серьги.

Интересный факт отмечен при расчистке погребения № 11 раскопа № 2. Захоронение обнаружено возле северо-западного угла колокольни, построенной в 1758–1762 гг. [Калинина, 2000, с. 140]. Достоверно зафиксировано, что при сооружении колокольни, а именно – при укладке лиственничных бревен, служивших основанием для каменной части фундамента, погребение было разрушено. Отсутствует нижняя часть посткраниального скелета (кости ног и некоторые кости таза). В этом месте окончания двух бревен выступают за линию северной стены церкви. Данное наблюдение позволяет утверждать, что захоронение совершено не позднее 1758 г.

В раскопе № 4 и шурфах № 1, 5, 6 и 8 обнаружено 40 погребений, одно из которых разрушено в 2008 г. при сооружении дренажного колодца строительной организацией, занимающейся укреплением фундамента. Не во всех

случаях удалось установить тип внутримогильных конструкций погребений ввиду их плохой сохранности. Идентифицированы 16 гробов-ящиков (погребения взрослых и подростков) и 3 колоды (дети).

В 14 погребениях найдены нательные кресты, изготовленные преимущественно из медных сплавов. Подробная характеристика сплавов будет возможна только после очистки и реставрации изделий. Крестов I типа – 5 экз., IV типа – 2 экз., VII типа – 1 экз., VIII типа – 4 экз., X типа – 1 экз. Еще один крест идентифицировать невозможно из-за плохой сохранности. Среди найденных тельников выделяется один экземпляр. Это четырехконечный крест с прямыми лопастями и прямыми углами средокрестия, относящийся к типу IV, подтипу I. Из углов средокрестия выходят короткие лучи с нанизанными на них жемчужинами. На лицевой стороне изображен св. Мученик Никита, избивающий беса, на оборотной – восьмиконечный крест. Такие тельники появлились на Руси в XIV в. [Векслер, Беркович, 2005], а находки их в погребениях XVIII в. – явление еще более редкое, чем обнаружение крестов с изображением Распятого Иисуса. При раскопках некрополя Моисеевского монастыря в г. Москве, датируемого XVII–XVIII вв., найдено пять крестов с изображением Никиты Бесогона [Векслер, Беркович, 1999]. В Сибири они встречаются еще реже. Имеются сведения о находке креста с Мучеником Никитой в одном из захоронений Покровского некрополя в г. Красноярске [Тарасов, 2000]. В коллекции тельников Спасского некрополя из раскопок 2007–2008 гг. крестов с Никитой Бесогоном всего два [Бердников, 2009]. При раскопках Владимирского и Крестовоздвиженского некрополя не обнаружено ни одного креста.

В одном из погребений шурфа № 6 найдены пуговицы сферической формы (16 экз.). Четыре их них изготовлены из синего стекла (?), остальные – из медного сплава. На одной пуговице зафиксированы следы голубой и белой эмали. В разрушенном захоронении раскопа № 4 найдены дужки двух металлических сережек с позолотой и изображениями птичьих голов.

Особый интерес вызывает находка тыновой стены в раскопе № 2 у северного фасада церкви. В площадь раскопа попал фрагмент тыновой стены длиной 13,5 м. Тын состоит из остатков 60 вертикально поставленных бревен диаметром до 0,3 м, зафиксированных на глубине 0,5–0,6 м от современной поверхности. Высота фрагментов достигает 0,5 м. Высказанная ранее мысль о том, что это фрагмент стены острога ранней постройки [Бердников, 2009], была развита архитектором Б.П. Яровым. По его мнению, найденная нами стена может быть связана с острогом 1670 (1669) г. [Яровой, 2010]. Факты, на которых построена эта гипотеза, преимущественно косвенные, однако на данный момент других данных, подтверждающих или опровергающих эту мысль, нет. Б.П. Яровой составил план острога 1670 (1669) г., совместив наши данные и изучив планы раскопов С.Н. Лаптева 1928 г., когда, по его мнению, были обнаружены остатки именно этого острога [Там

же, с. 19]. Следует заметить, что при составлении плана допущена неточность. Тыновая стена ориентирована по оси ЮЗ-СВ, однако располагается не параллельно зданию Спасской церкви, как указано на плане, а с отклонением на несколько градусов к северу. Учитывая этот факт, следует отметить, что ориентация самого острога должна отличаться от выполненного Б.П. Яровым чертежа.

Внутри здания церкви осуществлен археологический надзор за строительными работами. Как и предполагалось, погребения здесь не обнаружены. В центре алтарной части под полом найдена печь, сооруженная, по мнению архитекторов, в советское время, когда храм переоборудовали под общежитие. Под стенами основного здания и колокольни зафиксировано наличие вентиляционных и теплопроводных каналов.

Археологические работы, выполнявшиеся в рамках проекта по реставрации Спасской церкви, завершены. В период с 2007 по 2011 гг. изучена территория некрополя XVIII в. на площади 578 м^2, обнаружено 469 захоронений в гробах-ящиках и колодах. Богатая и типологически разнообразная коллекция крестов-тельников, среди которых встречаются уникальные изделия, насчитывает 276 экземпляров. Немалую ценность в научном плане имеет коллекция одежды из захоронений Спасского некрополя, которая представлена не только фрагментами, но и археологически целыми предметами: женскими и девичьими головными уборами с кружевом из золотых и серебряных нитей, кожаной обувью. Отдельного внимания заслуживают украшения, среди которых встречаются интересные изделия с драгоценными камнями. Антропологические исследования проведены в полном объеме: дана половозрастная характеристика, диагностированы патологии, выявлены особенности демографии жителей г. Иркутска XVIII в., выполнена графическая реконструкция облика 47 человек, похороненных на Спасском некрополе. Их портреты представлены в альбоме «Лица первых иркутян», который вышел в свет осенью 2011 г. Данные, полученные в результате комплексных исследований погребальных комплексов Спасского некрополя, позволяют открыть неизвестные ранее страницы истории г. Иркутска XVIII в.

Список литературы

Бердников И.М. Особенности погребального обряда Спасского некрополя Иркутского острога // Вест. НГУ. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. – Т. 8, вып. 5. – С. 252–260.

Векслер А.Г., Беркович В.А. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы: XVIII век. – М.: Наука, 1999. – С. 181–225.

Векслер А.Г., Беркович В.А. Находки нательных крестов с изображением святого Никиты-бесогона из раскопок на улице Дмитровка в Москве // Ставрографичес-

кий сборник. – М.: Древлехранилище, 2005. – Кн. III: Крест как личная святыня. – С. 223–230.

Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии (XVII – начало XX века). – М.: Галарт, 2000. – 496 с.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: Инфолио, 2007. – 248 с.

Тарасов А.Ю. Исторические некрополи Красноярска XVII–XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Владивосток-Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – С. 192–194.

Яровой Б. Границы деревянного иркутского острога в 1670 г. // Земля Иркутская. – 2010. – № 36. – С. 18–20.

В.В. Бобров, Н.Н. Моор

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПАМЯТНИКЕ ЛОЖКА-6

В 2011 г. Барабинским отрядом лаборатории археологии ИЭЧ СО РАН совместно с Кемеровским государственным университетом проведены исследования поселения Ложка-6 в окрестностях районного центра с. Венгерово Новосибирской области. Геоморфологически памятник приурочен к пологому южному берегу оз. Большая Ложка. Поверхность памятника не имеет естественных границ. Первые сведения о нем получены в 2008 г. В 2010 г. здесь проводились археологические работы (площадь 66 м^2). Собранный материал позволил датировать памятник эпохой поздней бронзы и отнести его к пахомовской культуре [Бобров, Моор, 2010, с. 154–158].

В 2011 г. на памятнике Ложка-6 вскрыта площадь 48 м^2. Общее количество полученных артефактов около 6 358 единиц: фрагменты керамики, кости животных, кусочки обожженной глины, литейные шишки. Единичные находки – бронзовый и костяной наконечники стрел.

Керамический комплекс памятника Ложка 6 включает 2 042 артефакта: 1 254 фрагмента тулова с орнаментом, 142 фрагмента венчиков, 16 фрагментов придонной и донной части, 630 фрагментов без орнамента или очень мелкие.

Подавляющее большинство венчиков характеризуются округлым или слегка скошенным внутрь срезом; меньше венчиков с прямым, слегка скошенным наружу или внутрь или фигурными срезами. Три фрагмента венчиков по срезу украшены насечками. Преобладает прямая форма венчика. Проведенный анализ показал наличие двух форм сосудов: плоскодонные банки и горшки.

Для статистической обработки керамического комплекса памятника Ложка-6 были отобраны 952 фрагмента керамики. Поверхность их имеет светло-желтый, желтый, коричневый, серый или черный цвет. Соотношение техник орнаментации характеризуется незначительным преобладанием гладкого штампа (36,9 %) над гребенчатым (32,5 %). Техника отступающей лопаточки составляет 22 %, прочерченные линии – 3,1 %, фигурный штамп – 3,5 %, наколы – 2 %. Встречается смешанная техника орнаментации.

Выявлены следующие элементы декора: круглые ямки, каплевидные (подтреугольные) вдавления, оттиски уголка лопаточки, наклонные оттиски гладкого или гребенчатого штампов, вертикальные оттиски гладкого или гребенчатого штампа, сетка, выполненная гладким или гребенчатым штампом, каннелюры, горизонтальный или вертикальный зигзаг.

На основании анализа декора фрагментов керамики, полученных в результате исследования памятника Ложка-6 в 2010 г., нами выделены две группы посуды, различающиеся по преобладанию техник орнаментации, элементам декора и композиционному построению, что позволило отнести данный керамический комплекс к пахомовской археологической культуре. Анализ 952 фрагментов тулова, венчиков и придонной части сосудов, полученных в результате археологических работ на поселении Ложка-6 в 2011 г. подтвердили использование двух приемов украшения сосудов.

Группа А. Наиболее многочисленная (935 экз.). Представлены традиции гребенчато-ямочной и андроновской орнаментики, характерной для поселенческой орнаментики. Основная техника декора – гладкий и гребенчатый штамп (рис. 1, *1–3*). Для данной группы характерны следующие орнаментальные мотивы: «елочка», горизонтальный и вертикальный зигзаг, сетка, ряды ямок, каплевидных или треугольных вдавлений, прямые и косые ряды гладкого и/или гребенчатого штампов. Выявлено следующее устойчивое сочетание в построении композиций: елочный мотив с косыми или вертикальными рядами гребенчатого штампа, ямками, зигзагом, сеткой; косые и вертикальные ряды гладкого и гребенчатого штампов с ямками; сетка с вертикальными рядами гладкого штампа, ямочками, канелюрами; горизонтальный зигзаг с косыми рядами гладкого штампа, елочным мотивом, ямочками; монотонные вертикальные и/или косые ряды гладкого и/или гребенчатого

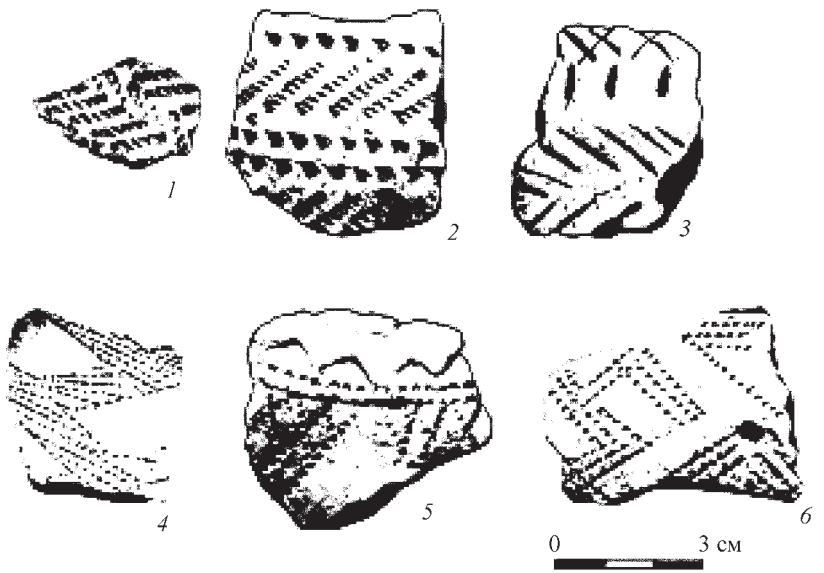

Рис. 1. Фрагменты керамических сосудов. Памятник Ложка-6.

штампов. Венчики декорированы: косыми рядами гладкого или гребенчатого штампа в сочетании с ямочными вдавлениями или без них; вертикальными рядами гладкого штампа; елочным мотивом, выполненным в технике гладкого или гребенчатого штампов в сочетании с ямочками; сеткой. В придонной части пяти фрагментах сосудов орнамент выполнен в виде оттисков гладкого или гребенчатого штампов, ямочно-гребенчатого орнамента, елочного мотива. Представленные характеристики типичны для бытовой посуды постандроновского времени.

Группа Б (рис. 1, *4–6*). Ее количество в общей массе фрагментов незначительно (17 экз.). Орнамент выполнен в основном в технике гребенчатого штампа. В декоре фрагментов тулова выявлены следующие взаимосвязанные элементы декора: заштрихованные треугольники в сочетании с треугольными вдавлениями, меандры, заштрихованные ромбовидные фигуры. Декорированные венчики среди данной группы керамики не обнаружены. В придонной части орнамент есть на одном фрагменте: штрихованные треугольники, выполненные гребенчатым штампом. Данная группа характеризует посуду, свойственную погребальным комплексам.

Сочетание этих двух групп сосудов на поселенческих комплексах – явление, характеризующее пахомовскую культуру, в ареал которой входит поселение Ложка-6. Данные керамические группы находят аналогии в материалах с памятников Старый Сад, Гришкина Заимка [Молодин, Нескоров, 1992], Лихачевский, Черноозерье II [Генинг, Стефанов, 1991], Пахомовская Пристань I и др. [Евдокимов, Корочкова, 1991], Ново-Шадрино VII [Корочкова, 2010], Инберень IV [Корякова, Стефанов, 1981].

На памятнике Ложка-6 обнаружены бронзовый и костяной наконечники стрел. Кончик и одна из лопастей *бронзового втульчатого двухлопастного наконечника стрелы* обломаны (рис. 2, *1*). Длина изделия составила 2,4 см. Это первая находка из бронзы, полученная в результате археологических работ на поселении Ложка-6.

Костяной наконечник стрелы имеет длину 16,3 см. Сохранились следы последующей переработки данного изделия. Его поверхность и края сильно залощены: возможно, он использовался в качестве лощила (рис. 2, *2*). Бронзовые наконечники стрел в пахомовской культуре единичны (2 экз.), а костяные наконечники представлены количественно более значительно (20 экз.) [Костомаров, 2010, с. 96].

Таким образом, взаимовстречаемость двух групп керамики на поселении Ложка-6, особенности техники орнаментации и декора сосудов показывают их принадлежность к пахомовской археологической культуре. Более того, наличие на данном памятнике бронзового наконечника стрелы, обломка каменой литейной формы, обнаруженной в результате археологических работ в 2010 г. [Бобров, Моор, 2010, с. 154–158], литейных шишек и шлака говорят о возможном наличии бронзолитейного производства на территории памятника.

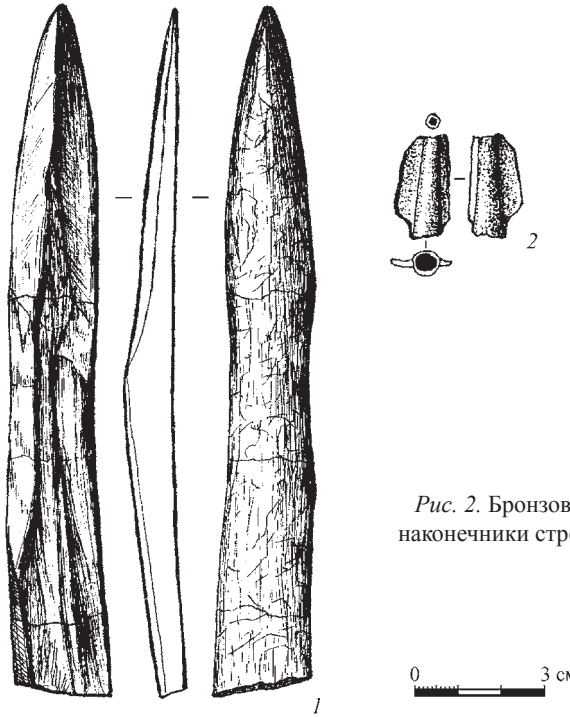

Рис. 2. Бронзовый (*2*) и костяной (*1*) наконечники стрел. Памятник Ложка-6.

Список литературы

Бобров В.В., Моор Н.Н. Результаты археологических исследований на памятнике Ложка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2010. – Т. XVI. – С. 154–158.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Могильники андроноидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск, 1991. – С. 52–60.

Евдокимов В.В., Корочкова О.Н. Поселение Пахомовская Пристань I // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. – Тюмень, 1991. – С. 50–63.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург, 2010. – 104 с.

Корякова Л.И., Стефанов В.И. Городище Инберень IV на Иртыше // СА. – 1981. – № 2. – С. 178–187.

Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири: Культурная атрибуция, хронологическая и территориальная локализация: Дис… канд. ист. наук. – Тюмень, 2010.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения Западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения, 1990 г. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 93–97, 244–246.

А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков

СВЕДЕНИЯ О КЛИМАТИЧЕСКИХ КОЛЕБАНИЯХ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА В ИСТОЧНИКАХ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

В средневековой истории стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока неоднократно происходили различные аномальные природные явления и события, часть которых имела тяжелые негативные или катастрофические последствия для жизнедеятельности населения и природной среды. Землетрясения, наводнения, засухи и другие природные катаклизмы влекли за собой разрушения и гибель людей. Серьезные проблемы для населения этих регионов Евразийского континента вызывали резкие климатические колебания, которые в ряде случаев приводили к гибели урожая и домашнего скота, голод, возникновению эпидемий и эпизоотий, приводили к убыли населения тех стран, в которых они происходили. Анализ имеющихся сведений о климатических изменениях, наблюдавшихся в юго-западном и восточном регионах Азиатского материка, открывает возможность для выявления схожих явлений и определения перспективы поиска закономерностей их периодичности [Худяков, 2007, с. 38–39; 2010, с. 320; 2011, с. 250–252; Борисенко, Худяков, 2010, с. 138–140].

В арабских и персидских источниках по истории стран Ближнего и Среднего Востока сведения о необычных климатических явлениях встречаются многократно. Эти данные были извлечены из средневековых арабских и персидских сочинений, переведены и включены в сводку стихийных бедствий в странах Ближнего и Среднего Востока З.М. Буниятовым [Стихийные бедствия…, 1990, с. 10–47].

Для рассматриваемого региона характерен засушливый климат, а значит – часты засухи. Впервые засуха в странах Ближнего Востока, Палестине и Сирии зафиксирована источником в 639 г. Причиной, вызвавшей ее, стали продолжительные пыльные бури. В результате наступил страшный голод, который затронул и дикую фауну. «Голод усилился до такой степени, что дикие животные стали искать убежища у людей». Последствием засухи и «наступившего бесплодия» стала эпидемия чумы, которая унесла в этих странах жизнь 25 тыс. человек. Много людей от этой эпидемии погибло в южном Ираке [Стихийные бедствия…, 1990, с. 10–11].

Иногда на территории стран Ближнего Востока наблюдались необычно сильные морозы. В апреле 670 г. на территории Палестины и Ирака «был

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 10-06-00107).

сильный мороз, и вымерзли посевы, виноградники и деревья» [Стихийные бедствия…, 1990, с. 11].

В 842–843 гг. в Аравии в священном городе Мекке «случилась страшная жара, а затем пошел дождь. Холод наступил после жары, что привело к страданиям людей» [Стихийные бедствия…, 1990, с. 20]. В 848–849 гг. «в Ираке подули страшно обжигающие ветры (самум), подобных которым никогда не было. Сгорели все посевы в Куфе, Басре и Багдаде, погибли люди. Ветры дули в течение 50 дней. Затем ветры перенеслись в Хамадан, где сгорели посевы и погибли животные, а потом – на Мосул и Синджар» [Стихийные бедствия…, 1990, с. 21]. В 855 г. «из страны тюрок (с востока) подул холодный ветер, унесший от насморка (гриппа) много жизней». Этот же ветер в марте этого года обрушился на ряд городов Ирана и Ирака [Стихийные бедствия…, 1990, с. 22]. В ноябре 879 г. в Сирии «наступила страшная жара, но затем наступил жуткий холод и замерзла вода» [Стихийные бедствия…, 1990, с. 25–26]. В 894–895 гг. в результате засухи на территории Ирана «снова пересохли источники воды в Рее и Табаристане». Это привело к голоду и случаям каннибализма [Стихийные бедствия…, 1990, с. 27]. В августе-сентябре 902 г. на территории Ирака и Сирии наступило похолодание. С севера «вдруг подул студеный ветер и наступил жуткий холод. Замерзла вода в Багдаде и Хомсе». А в декабре этого же года в Багдаде «с утра до вечера шел снег», что весьма необычно для этой широты [Стихийные бедствия…, 1990, с. 29]. 23 ноября 905 г. «в Багдаде с раннего утра до вечера шел сильный снег. Толщина его достигала четырех пальцев. Начались сильные морозы, замерзли вода, уксус, яйца, оливы и многие деревья» [Стихийные бедствия…, 1990, с. 30]. В 910–911 гг. «в округе Мосула подул ураганный горячий ветер, несущий желтую пыль, от жары умерло много людей» [Стихийные бедствия…, 1990, с. 30]. В июле 920 г. в странах Среднего Востока «наступил страшный холод, погубивший финиковые пальмы. Выпало много снега» [Стихийные бедствия…, 1990, с. 33]. В 926–927 гг., «начиная от Мосула и до Хадисы, замерзла река Тигр и по льду ходил даже скот. Такого никто никогда не видел. В Багдаде выпало много снега». В этот же период на территории Ирака «подул ураганный ветер. В Насибине с корнем были вырваны деревья и разрушены дома. Семь дней стоял ужасный холод и мороз. В Багдаде и его округах погибла большая часть финиковых пальм, цитрусы, инжир. Замерзли Тигр и Евфрат» [Стихийные бедствия…, 1990, с. 34]. В 935 г. «в Хорасане была сильная засуха. От голода умерла большая часть его населения, а оставшиеся в живых так обессилели, что не были в состоянии хоронить умерших» [Стихийные бедствия, 1990…, с. 35]. В декабре 940 г. «в Ираке началась засуха, за которой пришли голод и жажда». Это привело к проявлениям каннибализма и способствовало распространению эпидемии чумы [Стихийные бедствия…, 1990, с. 36–37]. В январе 960 г. «прекратились дожди по всему Ираку, последовала засуха, а за ней пришел голод». В последующие 960–961 гг. «в Ираке, а особенно в округах Мосула, продолжалась жестокая засуха» [Стихийные бедствия…,

1990, с. 42]. Еще через два года, в 963–964 гг., снова «в Ираке случилась засуха и люди стали покидать жилища в поисках воды» [Стихийные бедствия…, 1990, с. 42–43]. Вновь 983 г. «в Ираке случилась страшная засуха и от голода погибло много людей» [Стихийные бедствия…, 1990, с. 45]. В 988 г. на юге Ирака «в Басре и окружающих болотистых регионах из-за страшной жары началась чума. Улицы были заполнены трупами». Через десять лет, в декабре 998 г., «в Багдаде выпал град. Замерзла вода в водоемах и банях» [Стихийные бедствия…, 1990, с. 46].

В 999 г. «в Багдаде случился сильный мороз. Подул ураганный ветер, вырвавший с корнем множество финиковых пальм, посадки которых невозможно было восстановить в течение многих лет» [Стихийные бедствия…, 1990, с. 47]. В течение эпохи раннего средневековья в регионе Ближнего и Среднего Востока 12 раз были зафиксированы засухи: одна – в VII в., четыре – в IX в., семь – в X в. За этот же период наблюдений в данном регионе 9 раз случались похолодания или сильные морозы. По одному разу такое явление было зафиксировано в VII и IX вв. Семь похолоданий или сильных морозов произошли в X в. На последнее столетие I тыс. н. э. пришлось 14 аномальных погодных явлений. Самым благоприятным за весь период наблюдений оказался VIII в., когда не было зафиксировано ни одного аномального климатического явления.

В других регионах Евразийского континента подобные климатические колебания тоже имели место. Однако эти погодные аномалии не были синхронны климатическим изменениям на Ближнем и Среднем Востоке. В Центральной Азии похолодания и обильные снегопады несколько раз отмечены в китайских летописях при описании событий, происходивших в VII, VIII и IX вв. [Бичурин, 1950, с. 254, 265, 275; Кюнер, 1961, с. 42, 45, 46]. На Корейском полуострове в раннем средневековье заморозки с выпадением снега были единичны, а вот засухи происходили часто: VII в. – 4 раза, VIII в. – 15 раз, IX в. – 7 раз, X в. – 2 раза. Особенно неблагоприятными для Корейского полуострова были последние тридцать лет VIII в. За это время случилось десять засух [Худяков, 2007, с. 38–39]. Именно поэтому отмеченные в источниках климатические изменения нельзя рассматривать в глобальном контексте.

Судя по сведениям, извлеченным из различных по происхождению источников нескольких стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, а также Центральной Азии, аномальные климатические явления могли быть вызваны особенностями их расположения на определенных широтах и по отношению к акватории мирового океана и близлежащих Персидского залива, Аравийского, Средиземного и Японского морей, а, возможно, и иными причинами локального характера.

Список литературы

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I. – 381 с.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Корреляция сведений из китайских, киданьских и древнетюркских источников о необычных явлениях, происходивших в Центральной и Восточной Азии в раннем средневековье // Вест. НГУ. Сер. Ист., филол. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. – Т. 9, вып. 7: Археология и этнография. – С. 136–143.

Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 392 с.

Стихийные бедствия и экстремальные явления на Ближнем и Среднем Востоке (VII–XVII вв.). – Баку: Элм, 1990. – 136 с.

Худяков Ю.С. Материалы для базы данных о природных аномалиях и катастрофах, происходивших в древности и раннем средневековье в юго-восточной части Корейского полуострова (по сведениям летописей государства Силла) // Вест. НГУ. Сер. Ист., филол. – Новосибирск, 2007. – Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. – С. 35–57.

Худяков Ю.С. Возможность привлечения сведений из арабских источников о необычных явлениях, происходивших в эпоху раннего средневековья на Ближнем и Среднем Востоке, для реконструкции истории природных аномалий и катастроф на Евразийском континенте // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итог. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 319–322.

Худяков Ю.С. Сравнительный анализ сведений из арабских, персидских и китайских источников о необычных природных явлениях и катастрофах, происходивших на Ближнем, Среднем Востоке и в Центральной Азии в раннем средневековье // Вест. НГУ. Сер. Ист., филол. – Новосибирск, 2011. – Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. – С. 247–254.

С.К. Васильев, К.Ю. Кирюшин,
С.М. Ситников, В.П. Семибратов

ФАУНИСТИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА-3 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2010 ГОДА)

Поселение Новоильинка-3 находится в Хабарском районе Алтайского края, в 8 км к западу от с. Новоильинка, в южной части небольшой возвышенности, образованной старицей р. Бурла. Памятник открыт в 2004 г. С.М. Ситниковым, под руководством которого в 2005–2006 гг. вскрыто около 40 м^2. В 2010 г. на поселении исследовано 96 м^2 [Кирюшин и др., 2010]. Культурный слой (слабо-гумусированная супесь серого цвета), содержащий находки, залегал на глубине 0,3–0,6 м. В северной, южной и восточной частях раскопа зафиксированы ямы, которые выделялись более темным цветом (гумусированная супесь) на фоне слабо-гумусированной супеси серого цвета. Глубина ям составляла 0,7–0,75 м от дневной поверхности, а диаметр 2–4 м. Мы считаем, что это не ямы, а древние неровности рельефа, заполненные костями животных (за счет чего сформировалась гумусированная супесь темного цвета) и обломками глиняных сосудов. В этих «ямах» обнаружены части скелетов копытных животных (коней). Часть костей лежала в анатомическом порядке (черепа без нижних челюстей, тазовые кости и нижние конечности, шейные позвонки и ребра). Видимо в ходе работ мы исследовали периферию поселения – место, куда выбрасывали пищевые отходы и разбитую посуду.

Первоначальные раскопки поселения Новоильинка-3 в 2005 г. принесли около 420 костных остатков (из них 63,7 % неопределимых). Большая часть определимого материала (94,1 %) относилась к лошади. Единичные остатки принадлежали туру, лосю и сайгаку [Ситников и др., 2007]. Раскопки памятника в 2010 г. дали в общей сложности 8 420 остеологических остатков (78,9 % неопределимые). Определимые кости принадлежат лошади (96,7 %) и туру (3,2 %). Найдено по одной кости косули и лисицы.

Костные остатки, захороненные в рыхлом супесчаном слое, по большей части очень плохой сохранности, отвечающей 3–4 стадии выветривания по шкале Беренсмейера [Behrensmeyer, 1978]. Поверхность костей выветрелая и корродированная под воздействием атмосферных агентов, гуминовых кислот и корней растений. Часть остатков изменена процессами разрушения до почти неузнаваемого состояния. Как наиболее прочные элементы скелета, лучше всего сохранились зубы из полностью распавшихся лошадиных черепов. Собранные остатки относятся, несомненно, к кухонным отбросам, поскольку все крупные трубчатые кости были разбиты

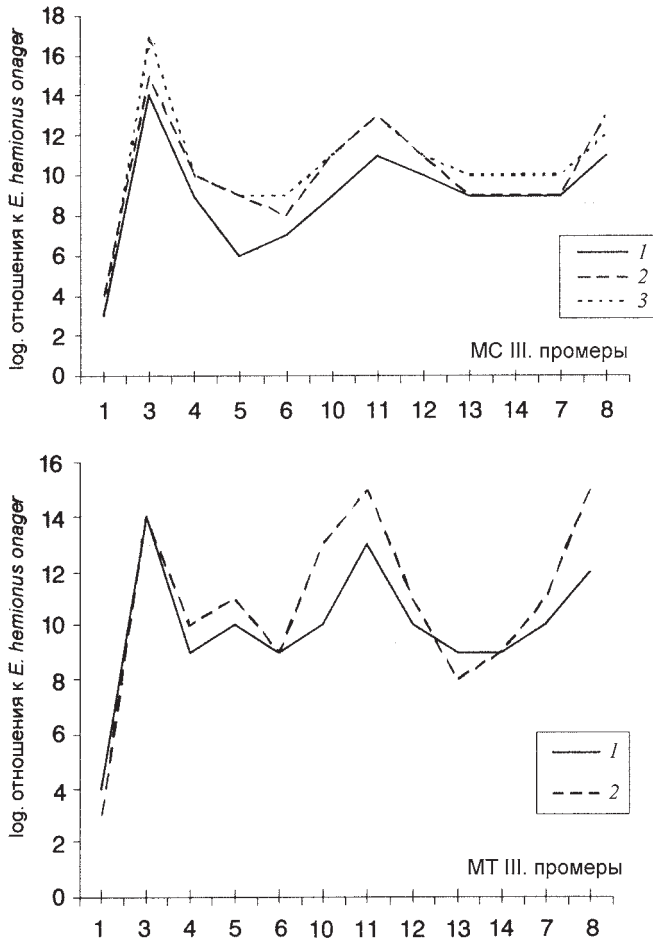
для извлечения костного мозга. С другой стороны, присутствует значительное число целых пястных и плюсневых костей лошади (до 14 % от общего количества). Целиком сохранилось большинство первых и вторых фаланг. Это указывает на относительное изобилие пищевых ресурсов на поселении, когда дистальные отделы конечностей лошадей не утилизировались, а сразу попадали в отбросы.

В определимом материале преобладают остатки лошади (1 718 костей). По нижним отделам берцовой кости подсчитано, что они принадлежали, как минимум, 25 особям. Представлены все элементы скелета. Наименее сохранились черепа и нижнии челюсти (2,6 %). Напротив, изолированные зубы верхней и нижней челюсти составляют 36,9 % костных остатков. На долю позвонков и их обломков приходится 11,9 %, а фрагментов лопаток, тазовых и крупных трубчатых костей – 22 %. Кости дистальных отделов конечностей (включая метаподии) составляют 26,7 %. Изолированные зубы лошади по возрастным категориям распределяются следующим образом: зубы молочной генерации – 14,1 %, зубы постоянной смены, слабо затронутые стиранием, – 21,9 %, зубы взрослых особей – 57,4 %, сильно стертые зубы старых особей – 6,6 %. Таким образом, почти две трети изолированных зубов принадлежали взрослым и старым особям. Среди остатков посткраниального скелета зафиксировано всего лишь 2,3 % костей с отпавшими эпифизами, от молодых и полувзрослых особей.

К дикой или домашней лошади относятся остатки из Новоильинки-3? Наиболее близким географическим и хронологическим аналогом Новоильинки-3 следует считать фауну поселения Ботай (Северный Казахстан, III тыс. до н. э.), где собрано свыше 300 тыс. костных остатков. Здесь также 99,9 % костей принадлежат лошади [Ермолова, 1993; Кузьмина, 1993]. Часть исследователей полагает, что лошади Ботая относятся к дикой форме [Ермолова, 1993; Гасилин и др., 2008], другие относят их к домашней лошади [Кузьмина, 1993, 1997; Benecke, Von den Driesch, 2003]. Практика показывает, что различить близкородственные, сходные по размерам и морфологии остатки дикой и домашней форм лошади не представляется возможным. Судить об этом можно в основном лишь исходя из археологического контекста. Известно, что среди остатков домашних лошадей в слоях памятников, как правило, преобладают кости и зубы молодых и полувзрослых особей, что никак не может быть отнесено к остаткам из поселений Новоильинка-3 и Ботай. Не удалось также обнаружить и следов характерных потертостей, оставленных удилами на премолярах.

В Новоильинке-3 сохранилось целиком 10 пястных и 3 плюсневые кости, не считая большого числа их проксимальных и дистальных отделов. Это позволило использовать данные кости для построения графиков средних пропорций метаподий по методике В. Айзенманн. Сравнение всего имеющегося в нашем распоряжении материала позволило заключить, что по размерам и пропорциям пястных и плюсневых костей лошадь из Новоильинки-3 наиболее сходна с позднеплейстоценовой *Equus* ex. gr. *gallicus* юго-

востока Западной Сибири, но отличалась от нее меньшей массивностью и несколько более мелкими размерами. Большое сходство с *Equus* ex.gr. *gallicus* и лошадью из Новоильинки-3 демонстрируют также часть пястных костей лошади с поселения Чича-1, предположительно отнесенных к дикой форме – тарпану (см. *рисунок*). Вычисленный по длине метаподий рост в холке у лошадей из Новоильинки-3 составил 140–152 см (146 см в среднем). Сравнение серий других костей посткраниального скелета показало,

Диаграммы соотношений средних пропорций пястных и плюсневых костей лошадей позднего плейстоцена и голоцена юга Западной Сибири.
1 – Новоильинка-3 (**MC III: n = 10–25; MT III: n = 3–14);** *2* – *Equus* ex. gr.*gallicus*, Красный Яр, 28–33 тыс. л.н. (**MC III: n = 16–23; MT III: n = 23–32);** *3* – «Тарпан», Чича-1, начало позднего голоцена (**MC III: n = 3–4).**

что лошадь из Новоильинки-3 незначительно уступала в средних значениях промеров лошадям Ботая [Кузьмина, 1993, 1997].

Таким образом, однозначно ответить на вопрос, являлась ли одомашненной лошадь с поселения Новоильинка-3, пока не представляется возможным. Исходя из археологического контекста, анализа представленных остатков лошадей, а также строения метаподий, можно предположить, что данная лошадь относилась к дикой форме – тарпану. Несомненно одно – независимо от того, дикой или домашней является лошадь из Новоильинки-3, она обнаруживает в строении метаподий явственные признаки преемственности от позднеплейстоценовых лошадей, обитавших на этой же территории.

К туру относятся 56 остатков, принадлежащих, как минимум, 2 особям – полувзрослой и относительно некрупной взрослой (по-видимому, самке). Кроме того, имеется обломок нижней трети диафиза плечевой кости, по размерам и толщине стенок диафиза (от 9–12 до 16,5 мм) вполне сопоставимый с самыми крупными представителями *Bison* ***priscus*** или *Bos* ***primigenius***. Мелкие фрагменты черепа и нижней челюсти составляют 5,5 %, изолированные зубы – 34,5 %, обломки крупных трубчатых костей – 14,5 %, костей дистальных отделов конечностей – 45,5 %. Принадлежность остатков к роду *Bos* установлена на основе строения дистальных отделов пястных костей, имеющих характерные вытянутые мыщелки медиального и латерального суставных блоков. Ширина нижнего отдела пястных костей составляет около 67 и 69 мм (экз. из раскопок 2005 г.). Длина пяточной кости – 158,5 мм. Сагиттальная длина первых передних фаланг – 59, 62 и 64 мм, ширина верхнего конца – 34 мм, а нижнего – 32,2 мм; ширина диафиза – 28,3 и 31 мм. Латеральная длина астрагала около 81 мм, а медиальная – 73,4 мм. Большинство из указанных промеров близки к средним значениям соответствующих промеров ранне- и среднеголоценового тура Варфоломеевской стоянки в степном Поволжье [Гасилин и др., 2008].

Косуля представлена единственной находкой – верхней половиной плюсневой кости, сильно разрушенной выветриванием.

От лисицы найден левый нижний хищнический зуб (M_1), длина которого 15,7 мм, а ширина 6,3 мм.

Несмотря на обилие костных остатков, фауна Новоильинки-3 крайне бедна по количеству видов. Абсолютно доминируют остатки лошади, на долю тура приходится чуть более 3 %, остальные виды – лось, косуля, сайгак и лисица – представлены единичными находками. Сходная картина наблюдается и на поселении Ботай, где всего лишь 0,1 % костных остатков относится к зубру, туру, сайгаку, медведю, волку, лисице, корсаку, бобру, зайцу, сурку и домашней собаке [Ермолова, 1993]. Анализ состава фауны свидетельствует, что в период существования поселения Новоильинка-3 здесь, как и в современную эпоху, господствовали открытые степные пространства с узкими полосами пойменных лесов и тростниковых займищ вдоль берегов степных речек и озер.

Список литературы

Гасилин В.В., Косинцев П.А., Саблин М.В. Фауна неолитической стоянки Варфоломеевская в степном Поволжье // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. – Екатеринбург-Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей»», 2008. – С. 25–100.

Ермолова Н.М. Остатки млекопитающих из поселения Ботай (по раскопкам 1982 г.) // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. – Петропавловск, 1993. – С. 87–89.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Семибратов В.П., Гельмель Ю.И. Исследование поселения Новоильинка-3 в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итог. сес. ИАЭТ СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 211–216.

Кузьмина И.Е. Лошади Ботая // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. – Петропавловск, 1993. – С. 178–188.

Кузьмина И.Е. Лошади Северной Евразии от плиоцена до современности // Тр. Зоол. ин-та РАН. – СПб., 1997. – Т. 273. – 224 с.

Ситников С.В., Васильев С.К., Кирюшин К.Ю. Анализ фаунистических остатков с поселения Новоильинка-3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 363–366.

Behrenmeyer A.K. Taphonomic and ecologic imformation from bone weathering // Paleobiology. – 1978. – № 4. – P. 150–162.

Beneke N., A. Von den Driesch. Results of the stady on horse bones from Botai (Northern Kasakhstan) // Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian steppe. – 2003. – P. 69–82.

Г.А. Воробьева, Н.Е. Бердникова, И.М. Бердников

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОГО ОСТРОГА

В 2011 г. по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (государственный контракт № П363) были продолжены археологические раскопки на территории Иркутского острога у здания Спасской церкви [Бердникова, Воробьева, Бердников, 2008; Лица…, 2011]. Они сопровождались междисциплинарными исследованиями в рамках подходов и методов, разработанных авторами для исследований культурных исторических отложений [Воробьева, Бердникова, 2003].

Иркутский острог расположен на 5–7-метровой террасе правого берега Ангары. Здесь перед приходом русских первопоселенцев сформировались многогумусовые почвы (органо-аккумулятивные темно-гумусовые метаморфизованные – по классификации 2004 г., луговато-черноземные – по классификации 1977 г.). Минеральным субстратом почв является суглинисто-глинистый делювий, который на глубине около 1 м подстилается маломощным (20–40 см) песчано-супесчаным пойменным аллювием, лежащем на русловых песках и галечниках. Почти полное отсутствие пойменного аллювия и резкая его смена делювием могут рассматриваться как результат стремительного вреза Ангары. Предположительное время этих событий 10–15 тыс. л.н.

Особенностью отложений на территории Иркутского острога являются хорошо выраженные следы криогенеза. В горизонтальном срезе раскопов, на глубине 0,5–0,6 м, вблизи Спасской церкви необычно резко выражена сеть морозобойных трещин, заполненных темно-гумусовым материалом, засыпавшимся и намытым из верхней части почвенного профиля. Уровень заложения криогенных трещин дает основание считать их результатом похолодания климата ~2,5 тыс. л.н.

Свидетельством современного проявления активности криогенеза являются наблюдения на юго-восточном участке приходского кладбища, примыкающего к восточной стене Спасской церкви. Здесь обнаружены многочисленные деформации костяков в гробах (неестественные положения рук и шеи, изгибы позвоночника и др.), гнилостный запах от истлевших остатков гробов и деревянных колод.

В северной части колокольни Спасской церкви вскрыты остатки тыновой острожной стены, которая выполнена преимущественно из цельных и тонких стволов сосняка (средний диаметр 20 см). Некоторые элементы

частокола представлены половинками более толстых стволов (диаметр 20–25 см), разрубленных вдоль. Стволы устанавливались на дно траншеи вплотную друг к другу. Некоторые стволы были перевернуты вниз, о чем свидетельствует направление сучьев. Тын располагался в узкой траншее (глубина 70 см, ширина в нижней части – 20 см, в верхней – до 40 см). Дно траншеи маркировано гумусовым материалом, осыпавшимся с бортов и поверхности. Значительная толщина гумусированного наноса (в среднем 5–10 см, на некоторых участках до 15 см) указывает на перерыв (предположительно, несколько месяцев) между временем копки траншеи под частокол и установкой частокола.

С южной стороны к траншее частокола примыкает траншея, заполненная (забутованная) галькой (размеры 7–10 см). Заполнитель межгалечного пространства – привозная глина. Глубина траншеи на 15–20 см больше глубины траншеи под частокол. Дно траншеи достигает слоя руслового песчаного аллювия. Ширина траншеи в среднем составляет 1,2 м. Раскопами траншея вскрыта на протяжении 20 м. В западной части раскопов «забутованная» траншея идет параллельно частоколу, по возможности, впритык к нему. Восточнее она отходит от частокола под углом около 60º. Судя по характеру контактов частокола с «забутованной» траншеей, последняя была выкопана позднее, чем сделан частокол.

Результаты проведенных нами междисциплинарных исследований на территории Иркутского острога показали, что первопоселенцы обосновались на плодородных многогумусовых почвах, формирование которых могло происходить только под хорошо развитой травянистой растительностью. Это нашло отражение и в письменных источниках. Основатель Иркутского острога Похабов в 1661 г. писал енисейскому воеводе И.И. Ржевскому: «...ныне бог позволил острог поставить и тут место самое лучшее, угожее для пашен и скотиной выпуск и сенные покосы и рыбные ловли все близко…» [Кудрявцев, Вендрих, 1958, с. 13]. Уровень грунтовых вод располагался неглубоко, что обеспечивало достаточное увлажнение. Вместе с тем почвы не испытывали застоя влаги потому, что подстилающие аллювиальные отложения имеют песчано-супесчаный состав и слабо уплотненное сложение. Это способствовало водо- и воздухопроницаемости почв и определяло хороший дренаж для верховодки. Таким образом, место первого поселения Иркутска располагалось на открытой и довольно сухой территории, удобной для выпаса скота и земледельческих работ.

Зафиксированные в отложениях следы позднеголоценового криогенеза аналогичны таким же явлениям, отмеченным в ряде разрезов Прибайкалья [Воробьева, 2010].Особо следует отметить проявления активности современного криогенеза, которые привели к деформациям костяков в погребениях. Эти деформации появились в результате реставрации здания Спасской церкви в 1960–1980-х гг. Вокруг здания культурные отложения были убраны до исходной поверхности, которая в настоящее время находится на 1–2 м ниже современного городского уровня. Наибольшая глубина просле-

живается в юго-восточной углу здания Спасской церкви, где и располагались деформированные костяки. Такой перепад высот обеспечил повышенное увлажнение некроземов данного участка. Этому же способствовало и разрушение целостности водоотводного бетонного лотка, построенного на поверхности почвы несколько десятков лет назад. В результате разрушения значительная часть поверхностной влаги проникала в почву, где при замерзании активизировалось развитие криотурбаций, а при оттаивании происходила активизации гнилостных процессов.

Несомненным достижением междисциплинарных исследований на территории Иркутского острога является обнаружение остатков тыновой острожной стены. Из письменных источников известно, что Иркутский острог после его основания в 1661 г. перестраивался два раза: в 1669 и 1693 гг. Считается, что стены первых двух острогов были тыновыми, а стена 1669 г. обведена рвом. В 1693 г. были возведены тарасные сооружения [Бубис, 2001]. Здание Спасской церкви, по письменным данным, было встроено в южную стену последнего острога. Но в процессе проведения археологических раскопок остатки этой стены не найдены ни в виде тына, ни в виде тарасных сооружений. Только с восточной стороны здания церкви обнаружен фундамент каменной стены, возведенной по линии тарасов на планах Иркутского острога [Бердникова и др., 2008]. В письменных источниках имеется упоминание, что в 1717 г. «начато в Иркутске строительство каменной городской стены» после пожара 1716 г. [Леви и др., 2003].

Обнаруженная нами тыновая стена относится к двум более ранним острогам: 1661 или 1669 гг. К сожалению, плохая сохранность дерева не позволила пока выполнить дендрохронологическое датирование. Для тыновой стены получена ^{14}C-дата 390±30 лет (СОАН–8323). Возраст рассчитан по периоду полураспада ^{14}C, равный 5 570 лет. Калибровка ^{14}C-даты дала следующий календарный возраст: 1524±69 calAD (по программе CalPal_2007_HULU) и 1441–1631 calAD (по программе OxCal 4.1). Полученные даты удревнены и не совпадают с данными письменных источников. Значительное удревнение ^{14}C-дат для культурных отложений Иркутска отмечено и для других участков исторического центра [Харинский и др., 2008].

В пользу того, что тыновая стена принадлежит острогу 1669 г., свидетельствует забутованная галькой траншея, проходящая вдоль тына, поскольку именно этот острог был обведен рвом. Данную траншею можно считать водоотводным сооружением первопоселенцев. Вероятная цель ее создания – обеспечить надежную защиту острога от подтопления. Глина закольматировала все пустоты, что исключало просачивание в зону острога верховодки и талых поверхностных вод, стекающих с более высоких уровней надпойменных террас. Внутрипочвенный сток переходил на большую глубину, достигал толщи песчано-галечного руслового аллювия и по нему быстро сбрасывался в Ангару.

В результате проведенных междисциплинарных исследований на территории Иркутского острога нашли подтверждение письменные данные

о комфортности выбранной территории для реализации русского традиционного хозяйственного уклада. Выявлены особенности строительных конструкций одного из первых иркутских острогов, хотя осталась открытой проблема точной датировки тына.

Список литературы

Бердникова Н. Е., Воробьева Г. А., Бердников И. М. Раскопки исторического центра Иркутска // Тр. II (XVIII) Всерос. археолог. съезда в Суздале. – М.: Изд-во ИА РАН, 2008. – Т. II. – С. 428–430.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Бердников И.М., Пержакова А.С. Спасательные работы на территории Иркутского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы год. сес. ИАЭТ СО РАН 2008 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 126–130.

Бубис Н. Возникновение и основные этапы развития Иркутска // Земля Иркутская. – 2001. – № 15. – С. 2–7.

Воробьева Г.А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв. – Иркутск: Изд-во ИрГУ, 2010. – 205 с.

Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. Реконструкции природных и культурных событий на территории Иркутска: Научно-методические разработки междисциплинарных исследований городского культурного слоя. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – 90 с.

Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск: Очерки по истории города. – Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1958. – 515 с.

Леви К.Г., Задонина Н.В., Бердникова Н.Е., Воронин В.И., Глызин А.В., Язев С.А., Баасанджав Б., Нинжбагдар С., Балжинням Б., Буддо В.Ю. 500-летняя история аномальных явлений в природе и социуме Сибири и Монголии. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – 383 с.

Лица первых иркутян: Альбом графических реконструкций / Н.Е. Бердникова, И.М. Бердников, Р.М. Галеев, Н.А. Батракова, Н.В. Харламова, М.М. Герасимова. – Иркутск: Амтера, 2011. – 84 с.

Харинский А.В., Исаев А.Ю., Стерхова И.В., Клементьев А.М., Мак Махэн Д., Диллиплане Т.Л. Исторический центр Иркутска и перспективы его археологического изучения // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2008. – С. 106–114.

А.А. Гольева, Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин, В.П. Семибратов

ПОЧВЕННЫЕ И МИКОБИОМОРФНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ БИРЮЗОВАЯ КАТУНЬ-7*

Поселение Бирюзовая Катунь-7 было открыто в октябре 2008 г. при обследовании зоны строительства проектируемой автодороги Алтайское – Бирюзовая Катунь. Памятник расположен на второй катунской террасе левого берега Катуни, в 2,3 км к ЮЮЗ от Грота Тавдинского. Археологические исследования 2010 г. связаны с началом строительства указанной автодороги. Общая площадь исследования составила 928 м^2 [Семибратов и др., 2010]. Исследованы две жилищных конструкции: одна – в западной части раскопа, ближе к скале; вторая – в восточной части раскопа, ближе к берегу Катуни. Основная часть находок сконцентрирована внутри и вокруг жилищ. В межжилищном пространстве находки единичны. Керамика и предметный комплекс памятника [Семибратов и др., 2010], имеет широкий круг аналогов в поселенческих и погребальных комплексах Алтая раннего железного века второй половины I тыс. до н.э. – I в. н.э.

В ходе работ 2010 г. на памятнике проводились почвенные и микробиоморфные исследования. Изучалась фоновая бурая лесная почва с элементами черноземно-луговой почвы и культурный слой двух жилищ. Были проведены физико-химические анализы для определения гранулометрического состава, валового фосфора, кислотности почвенных растворов (pH), органического углерода (методом Тюрина), а также микробиоморфный анализ. Все аналитические работы проводились в химической лаборатории Института географии РАН по стандартным методикам, согласно ГОСТ 26423-85, 26213-84, 26207-84 и 26428-85. Аналитики – А.М. Чугунова, Е.А. Агафонова, И.В. Турова, Е.В. Гусева.

В качестве фоновой выбрана стенка разреза между западным и восточными жилищами, в которой морфологически не выделялись какие-либо прослои, связанные с деятельностью человека. Состав и распределение микробиоморф позволяют предположить, что разрез в прошлом был культурным слоем поселения. Он проработан почвенными процессами уже после ухода людей. Вероятно, участок являлся периферией поселения или той его частью, где хозяйственная и бытовая деятельность людей была невелика. Фиксируются два пожара с периодом запустения между ними. Скорее всего, первый пожар связан по времени с поселением, а более поздний – с постпоселенческим периодом.

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 11-06-98004-р-Сибирь-а).

Следующая серия анализов была взята из западного жилища. Первые стадии освоения участка по составу микробиоморфной фракции определяются как нарушенный почвенный покров и появление фитолитов тростника, что возможно, связано с началом хозяйственной и бытовой активности. Наличие каких-либо прослоев, перекрытий, подстилок и т.п., связанных с жилищем, на ранних этапах формирования культурного слоя не прослеживается. Вероятно, здесь на первых порах была просто стоянка, а жилище появилось несколько позже.

Слой 60–65 см – это подстилка или перекрытие из дерева. Основная особенность слоя – растительная масса не горела, а разлагалась естественным путем. На древесине были травы, которые тоже не горели. Возможно, слой 50–55 см – разложившийся кирпич-сырец, поскольку кроме аморфной органики в нем мало других частиц. Перекрытие или новый пол (слой 40–50 см), сделанный из древесины (вероятно, включая ветви хвойных) и трав, сгорел. В этом основное отличие данного слоя от предыдущего, где нет признаков пожара.

После пожара участок восстановился, но, скорее всего, стал выглядеть иначе. Если в нижней части культурного слоя нет пыльцевых зерен, то в верхней они регулярно присутствуют во всех образцах. Это позволяет предположить, что ранее жилище было закрытого типа, и пыльца не попадала в слои. После пожара строение стало открытым, что позволило пыльцевым зернам осаждаться в толще формирующихся слоев. Далее фиксируется длительный этап роста почвы вверх за счет привноса мелкозема и постепенного погребения верхних горизонтов. Есть признаки одного или нескольких пожаров уже в период лесной стадии развития, но леса всегда восстанавливались.

Следующая серия анализов взята из восточного жилища. Контуры жилищного пятна хорошо фиксировались на фоне светлой супеси. Заполнение котлована четко выделялось в разрезе. Нижняя граница жилищной котловины совпадает с границей суглинистой и подстилающей песчаной толщ. В данном случае нет никаких исходных природных почвенных горизонтов, поскольку люди для жилища полностью проработали исходную почву, поэтому невозможно реконструировать природную среду. Можно предположить, что жилище было открытого типа, животная органика не использовалась, только растительная. Состав и распределение детрита и фитолитов заполнения жилища позволяют считать, что для стен использовался кирпич-сырец. А перекрытия делались из древесины, возможно, переслоенной мхом, тростником или травами.

Обилие древесного детрита в слое 60–70 см, при резком его уменьшении выше и ниже, позволяют предположить, что жилище перестраивалось. На начальном этапе (слои 70–90 см) дерево в больших количествах не использовалось. Этот слой, скорее всего, отражает период перестройки, может, более капитальной постройки уже с использованием древесины. Возможно, это был пол нового жилища. В этом случае слой 50–60 см – заполнение жилища, а слой 40–50см – его перекрытие из дерева.

Заключительный этап функционирования жилища связан с сильным пожаром. Жилище более не восстанавливалось. Начались процессы почвообразования, вырос лес. Когда участок зарос хвойным лесом, был сильный пожар. Потом все восстановилось. На современном этапе идет формирование бурой лесной гумусированной почвы. Общий макроморфологический облик изученных профилей и характер распределения органического углерода показывают, что за годы, прошедшие после забрасывания поселения, процессами почвообразования были полностью уничтожены культурные слои. На сегодняшний день вся толща является типичной бурой лесной олуговелой почвой, сформированной на двучлене. Верхняя часть двучлена, где собственно и было поселение, – суглинистая толща, переотложенный тонкопылеватый материал делювиального генезиса. Подстилающий его крупнопылеватый песок, переходящий вверху в супесь, имеет аллювиальный генезис и связан с формированием речной долины. Периоды функционирования поселения и последующего почвообразования не сопровождались значимыми аллювиальными наносами, поскольку в толще культурного слоя и почв нет прослоев песчаного материала. Поселение не затапливалось в периоды половодья Катуни.

Состав микробиоморфной фракции образцов почв имеет ровный характер в верхней части, что не характерно для автоморфных почв. Данное распределение встречается в почвах синлитогенного генезиса, где постоянно происходит привнос сверху мелкозема в виде пыли. Мощность привносимого материала меньше интенсивности почвообразования. Таким образом происходит постепенный рост почвы вверх, нарастание мощности гумусированной толщи. Этот тип почвообразования типичен для прислоненных долин, что и наблюдается на участке поселения. Иными словами, за счет близости возвышенных участков идет постоянный привнос ветрами и склоновыми водами пылеватого материала, который прорабатывается корнями и включается в состав гумусового горизонта почвы. Так была сформирована вся верхняя (60–70 см) суглинистая толща.

На основании различий в кислотности-щелочности почвенных растворов двух жилищных котлованов можно предположить, что для строительства жилищ использовались различные материалы. При создании западного жилища какой-либо подщелачивающий строительный материал (например, известняк) не применялся, а при строительстве пола в восточном жилище использовался. Это может быть связано как с разным назначением жилищ, так и разновременностью их создания.

Среди исследованных объектов несколько выделяется участок раскопа в восточном жилище. Только в нем есть характерный для культурного слоя тренд накопления фосфора. Выделяется самый нижний образец из колонки культурного слоя. Все это, в совокупности с данными микробиоморфного анализа и щелочными значениями pH, позволяет предположить, что на полу была какая-то подстилка из трав. В западном жилище признаков подобной подстилки нет. Но наличие во всех образцах колонки накопле-

ния культурного ровного количества пыльцевых зерен позволяет предположить, что жилище было открытого типа, возможно, в виде навеса или с широкими дверными проемами. Необходимо отметить, что во всех современных спорово-пыльцевых спектрах присутствуют зерна сосны (это естественно в современном ландшафте), но ни в одном образце культурного слоя таких зерен нет. Пыльца хвойных имеет хорошую сохранность и большую летучесть. Отсутствие ее в образцах может указывать на безлесный характер ландшафтов периода функционирования поселения. Значительные объемы древесного детрита в ряде образцов культурного слоя говорят о масштабных вырубках в регионе. Обживание территории сопровождалось значительной перестройкой ландшафта. Результаты химических анализов, включая величины валового фосфора, не указывают на длительный и интенсивный характер обживания территории. Поскольку картины содержания и распределения фосфора на всех трех участках сходны, можно говорить о том, что малые величины фосфора не случайны. Вероятно, люди жили здесь недолго или сезонно, т.е. участок использовался в каких-то целях, не связанных с постоянным проживанием.

Во всех трех разрезах есть признаки неоднократных (минимум двух) пожаров с некоторым интервалом. При этом следы раннего пожара связаны с заключительными стадиями функционирования поселения. Не исключено, что оба явления – пожар и последующее запустение – взаимосвязаны. Более поздний пожар (пожары?), скорее всего, имел место спустя длительный промежуток времени, горел выросший на участке лес, т.е. это была природная, а не природно-антропогенная катастрофа.

Список литературы

Семибратов В.П., Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Демин М.А. Исследование поселения Бирюзовая Катунь-7 в 2010 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итог. сес. ИАЭТ СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 294–296.

О.И. Горюнова, А.Ю. Трегубов, Д.С. Авезов, Е. Ромашова

КОМПЛЕКС БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ УСТЬ-АНГИНСКОЙ ПЕЩЕРЫ НА ЗАПАДНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ*

Исследование пещерных археологических объектов на побережье оз. Байкал начато П.А. Кропоткиным в 1865 г. К настоящему времени на этой территории изучено более 50 древних карстовых пещер, гротов и шахт, в половине которых зафиксированы археологические материалы [Горюнова, Филиппов и др., 1996; Горюнова, Вдовина и др., 2002]. В основном они датируются железным веком – периодом этнографической современности. Материалы неолита и бронзового века в пещерных объектах встречаются довольно редко. Отдельные находки, свидетельствующие о пребывании человека, обнаружены в семи пещерах: Узур, Шаманская, Боро-Хухан, Тонта, Большая Байдинская, Скрипер и Обухеиха [Горюнова, Филиппов и др., 1996]. Впервые обнаружены в пещере одновременно антропологические и археологические материалы, датируемые бронзовым веком.

Цель предлагаемой статьи – введение в научный оборот новых материалов, полученных из Усть-Ангинской пещеры, их анализ и датировка.

Усть-Ангинская пещера находится в скальном массиве восточного побережья залива Усть-Анга (западное побережье оз. Байкал), в 1,4 км к ЮЗ от бухты Ая и в 12,5 км к ЮВВ от п. Еланцы (Ольхонский район, Иркутская область).

Объект обнаружен спелеологами Иркутского клуба «Арабика» (А.В. Осинцев, С. Левашов) в 1993 г. Тогда же на поверхности пола пещеры найден железный крюк, ориентировочно датированный железным веком – периодом этнографической современности [Горюнова, Вдовина и др., 2002]. В 2009 г. при освобождении хода пещеры от рыхлых отложений спелеологами А.Ю. Трегубовым, Д.С. Авезовым и Е. Ромашовой обнаружен антропологический и археологический материал, который передан в Иркутскую лабораторию археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН.

Объект находится на высоте более 50 м над уровнем реки. Пещера карстовая, заложена в графитовых мраморах периода архея – нижнего протерозоя. Вход в нее имеет вид узкого грота (размеры 2×1 м), переходящего в наклонную (75–60°) трубу (протяженность около 8 м). Экспозиция входа пещеры – на ЮЮЗ (к реке).

*Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (№ П363).

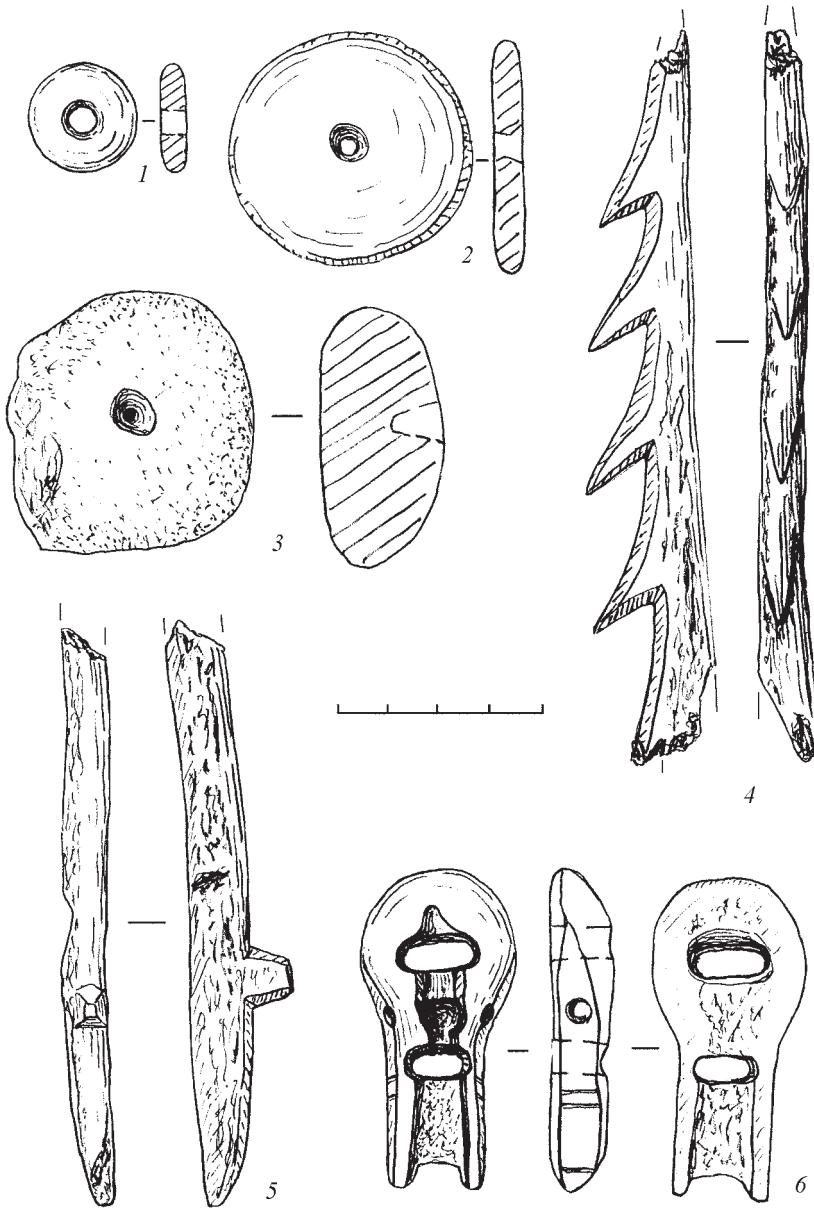

Рис. 1. Археологический материал из Усть-Ангинской пещеры (*1–3* – камень; *4–6* – кость).

Археологический и антропологический материал получен при расчистке рыхлых отложений дна пещеры. Положение костей спелеологами не зафиксировано. Представленные антропологические материалы принадлежали взрослому и ребенку. К взрослому относится череп (без нижней челюсти), а к ребенку – две бедренные кости, левая подвздошная кость и нижняя челюсть. По определению А. Ливерс (Отдел археологии Университета Саскатчеван, Канада), первый индивидуум, вероятно, женщина 20–35 лет, а второй – ребенок 8–10 лет (пол установить не удалось). Все кости хорошей сохранности.

Совместно с антропологическими материалами найдены следующие артефакты: 2 диска из светлого нефрита, 2 обломка наконечников гарпунов из рога, фрагменты 2 сосудов, галька со сверлением в центре (рис. 1, *3*) и костяная подпружная пряжка (1, *6*).

Один из нефритовых дисков имеет диаметр 4,5 см (рис. 1, *2*), а другой – 2 см (рис. 1, *1*). Края изделий скругленные. У большого диска в центре есть биконическое отверстие. У маленького диска сверление отверстия проводилось с одной стороны.

Диски и кольца из нефрита и светлых пород камня часто встречаются в погребениях бронзового века Прибайкалья и являются типичными изделиями для рассматриваемого периода [Окладников, 1955; Горюнова, Воробьева, 1993]. Они использовались для украшения одежды и головного убора. В поселенческих комплексах эти изделия не встречались.

Роговые наконечники гарпунов представлены обломками двух изделий. Один наконечник односторонний, с обломанным насадом (рис. 1, *4*). Второе изделие – обломок стержня с приостренным насадом и односторонним прямым шипом для крепления линя (рис. 1, *5*). Подобная форма насада характерна для серовских и глазковских комплексов неолита – бронзового века Прибайкалья [Окладников, 1950, 1955].

Фрагменты двух сосудов имеют гладкую и штриховую поверхность. Фрагменты штрихового сосуда малочисленны и не орнаментированы. Гладкостенный сосуд имел закрытую форму и слегка выделенный венчик (рис. 2). Фрагменты дна не зафиксированы. Верхняя часть сосуда орнаментирована пояском «жемчужин», ниже которого ногтевыми защипами нанесены горизонтальные ряды. Всего проходит три ряда. Срез венчика украшен наклонными насечками. Диаметр венчика 28 см, тулова – 31 см.

Керамика, украшенная «жемчужинами», характерна для комплексов раннего – развитого бронзового века Прибайкалья: VII–I слои – Улан-Хады, VII–IV слои – Тышкинэ III, II слой – Горелого Леса, I слой – Плотбища и др. [Горюнова, 1984; Горюнова, Хлобыстин, 1992; Горюнова, Воробьева, 1993]. В погребальных комплексах она зафиксирована в материалах могильника Хадарта IV и группы II захоронений Фофановского могильника [Герасимов, Черных, 1975; Горюнова, Новиков и др., 2010]. Там же встречены сосуды, украшенные ногтевыми защипами. По погребениям из могильника Хадарта IV получены две радиоуглеродные даты: № 1 – 3910±110 л.н. (СО АН–3349)

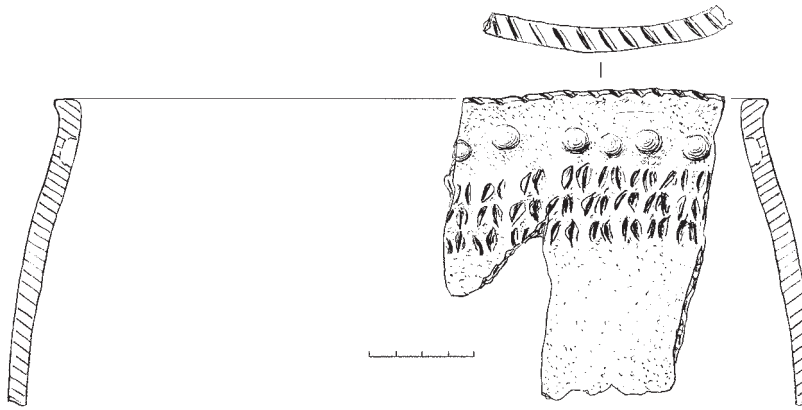

Рис. 2. Керамика из Усть-Ангинской пещеры.

и № 13 – 3645±85 л.н. (СО АН-3348) [Харинский, Сосновская, 2000]. Даты по I нижнему слою Улан-Хады – 3620±50 л.н. (ГИН-4875) и 3800±100 л.н. (ЛЕ-1277). На основании перечисленных аналогий и калиброванных дат определяем время существования керамики из Усть-Ангинской пещеры – вторая половина III тыс. до н.э.

Вероятно, керамика, обнаруженная в пещере, диски из светлого нефрита и обломки роговых наконечников гарпунов составляют единый культурно-хронологический комплекс, датируемый бронзовым веком. Принимая во внимание набор изделий (в частности, наличие дисков), характерный для погребальной практики, считаем нужным сопоставить их с найденными здесь же человеческими костями. Несомненно, уже в бронзовом веке древний человек связывал пещерные полости с представлениями о потустороннем мире и использовал их для захоронения. На верхней Лене известны погребения, совершенные в скальных нишах у ручья Никольского, возраст которых определен авторами раскопок поздним отделом развитого неолита [Базалийский, Меньшагин и др., 1996]. Возникает вопрос: существовала ли неизвестная погребальная практика в позднем неолите – бронзовом веке Прибайкалья?

Особое место среди находок из Усть-Ангинской пещеры занимает костяная подпружная пряжка (рис. 1, *б*). Ее размеры 6,5×3,0×1,1 см. Она имеет фигурную форму, овальную верхнюю часть и прямоугольную нижнюю. На пряжке есть два овальных отверстия, соединенные с внешней стороны изделия широким прорезанным пазом. Сбоку по центру пряжки проходит круглое отверстие для шпенька. Небольшой паз отмечен над овальным отверстием в верхней части изделия.

Ближайшие аналогии этой пряжке находим в материалах могильника Баянгол, датированного VI–VII вв. н.э. [Дашибалов, 1995]. Вероятно, железный крюк, найденный на поверхности пола пещеры в 1993 г. [Горюно-

ва, Вдовина и др., 2002], как и подпружная пряжка, относится к этому же времени.

В целом, новые материалы расширяют источниковую базу по пещерным археологическим объектам западного побережья оз. Байкал и пополняют наши знания по материальной культуре и погребальной практике бронзового века Прибайкалья.

Список литературы

Базалийский В.И., Меньшагин Е.В., Лыхин Ю.П. Неолитические захоронения в скальных нишах в устье ручья Никольский на верхней Лене // Археологическое наследие Байкальской Сибири: Изучение, охрана и использование. – Иркутск: ЦСН, 1996. – Вып. 1. – С. 33–46.

Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 году // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 23–48.

Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о-ва Ольхон: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1984. – 17 с.

Горюнова О.И., Вдовина Т.А., Осинцев А.В. Новые археологические материалы из пещер западного побережья оз. Байкал // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ; Чита: Изд-во БГУ, 2002. – С. 192–198.

Горюнова О.И., Воробьева Г.А. Археология и палеогеография развитого бронзового века Предбайкалья // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – С. 94–117.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Лбова Л.В. Раскопки могильника бронзового века Хадарта IV на побережье оз. Байкал // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 181–185.

Горюнова О.И., Филиппов А.Г., Ветров В.М., Бердникова Н.Е. Пещеры Прибайкальского национального парка (материалы к Своду археологических памятников Иркутской области) // Археологическое наследие Байкальской Сибири: Изучение, охрана и использование. – Иркутск: ЦСН, 1996. – Вып. 1. – С. 101–110.

Горюнова О.И., Хлобыстин Л.П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1992. – С. 41–56.

Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. – 191 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1, 2. – 412 с. – (МИА; № 18).

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3. – 347 с. – (МИА; № 43).

Харинский А.В., Сосновская Н.С. Могильник бронзового века Хадарта IV // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во ИрГПУ, 2000. – Вып. 2, ч. 2. – С. 66–100.

Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Папин, А.А. Редников,
А.С. Федорук, О.А. Федорук, Я.В. Фролов

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА АЛТАЙСКОГО ПРИОБЬЯ*

Барнаульской лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири совместно с Алтайским государственным университетом в 2011 г. были продолжены плановые тематические исследования памятников бронзового и раннего железного веков Алтайского Приобья. Основное внимание было уделено грунтовому некрополю Фирсово XIV, городищу Пикет и могильнику Малый Гоньбинский кордон I/5. Они относятся к андроновской, позднеирменской, большереченской и староалейской археологическим культурам.

Целью раскопок на Фирсово XIV являлось изучение северо-восточного сектора могильника, т.к. по результатам 2010 г. данный участок считался наиболее перспективным с точки зрения распространения погребального поля [Кирюшин, Папин, Федорук и др., 2010]. В результате раскопок вскрыто 287 м^2. и изучено 25 погребений различного времени. Как и в предшествующие годы, могилы группировались в цепочки, вытянутые вдоль направления мыса (ЮЗ–СВ).

Большинство исследованных захоронений (17 могил) относится к андроновской археологической культуре. Погребальный обряд этого комплекса типичен для данного могильника и в целом для андроновской погребальной традиции Алтая [Кирюшин, Папин, Федорук и др., 2010; Кирюшин, Папин, Позднякова и др., 2004]. В отчетном году зафиксирован ряд особенностей. Это четыре парных погребения (в одном лежали два ребенка, а в трех – взрослые) и одно захоронение трех младенцев. Кроме этого, пять погребенных были уложены на правый бок. Погребальный инвентарь представлен керамическими сосудами, которые находились в головах умерших. В большей части могил присутствовали бронзовые и биметаллические украшения (серьги, подвески, бусы, пронизи и т.д.) (рис. 1).

Вторую группу захоронений представляют 6 погребений: 3 – детских, 2 – женских, 1 – мужское. По набору погребального инвентаря можно выделить захоронения 22 и 31. В первом случае погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ, ноги слегка согнуты в коленях. Инвентарь пред-

*Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (№ 2009-1.1-301-072-016), а также проектов РФФИ (№ 11-06-12033-офи-м-2011, 11-06-00360-а).

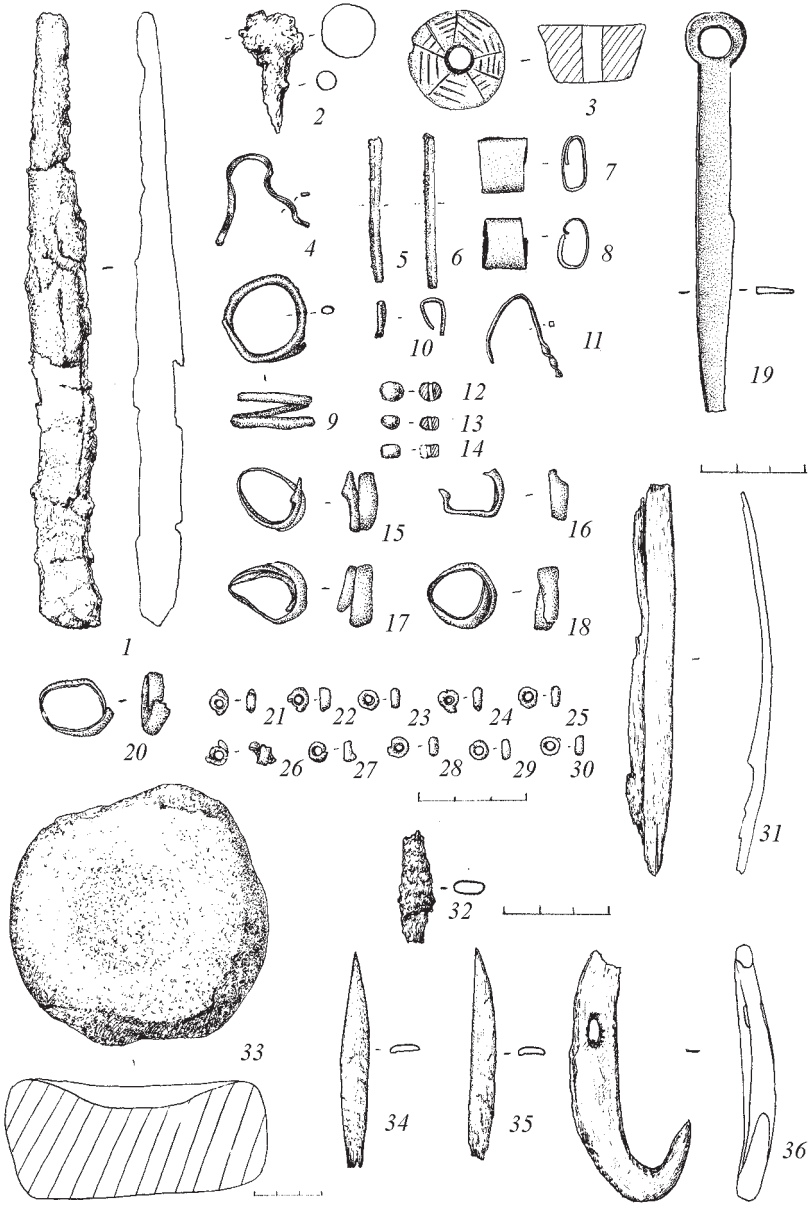

Рис. 1. Находки из грунтового могильника Фирсово XIV.
1–14, 33 – могила 31; *15–18, 20* – могила 29; *19, 21–32, 34–36* – могила 22
(*1, 2, 32* – железо; *3* – глина; *4–30* – бронза; *31* – дерево; *33* – камень; *34–36* – кость).

ставлен керамическим сосудом (закрытая банка с орнаментом в виде ряда жемчужника с разделителем из ямок), костяным колчанным крюком и бронзовым ножом (найдены на тазовых костях – вероятно, связаны с поясом), железным ножом (обнаружен у левого бедра) и двумя костяными наконечниками стрел (лежал между костей ног). В могиле 31 погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ, череп наклонен на грудь. Инвентарь представлен сосудом с роговыми налепами, каменной курильницей, железным ножом (сохранилась нижняя часть деревянных ножен), фрагментами бронзовых составных браслетов (?), двумя кольцами (?), бронзовой серьгой, двумя бронзовыми заколками, железным изделием неясного назначения (часть головного убора?), глиняным пряслицем и каменными бусинами. Данный состав погребального инвентаря типичен для женских и мужских захоронений могильника Фирсово XIV и в целом характерен для погребальных памятников староалейской культуры [Фролов, 2008; Фролов, Шамшин, 1999].

Таким образом, в результате раскопок 2011 г. подтверждено предположение, что могильное поле простирается в СВ направлении. Это позволяет выделить перспективные участки для последующего исследования памятника.

На могильнике Малый Гоньбинский кордон I/5 в сезоне 2011 г. общая площадь раскопок составила 128 м^2. Исследованы три захоронения позднеирменского времени и сложная система рвов и ям, ограничивавших погребальное пространство. Как и в предшествующие годы, могилы были приурочены к песчаной гриве останца по линии ЮЗ–СВ [Кунгуров, Папин, 2001]. В западном секторе раскопа выявлен кольцевидный ровик диаметром 4,5 м и глубиной до 0,36 м. С западной, северной и восточной сторон он ограничен неглубокими ямами. В его заполнении найдены многочисленные фрагменты зубов лошади, в т.ч. верхняя часть черепа. Погребальные сооружения во внутреннем пространстве выявить не удалось. В северной части раскопа изучен ровик, который проходил в ЮЗ–СВ направлении и охватывал два погребения; третье находилось за его пределами. Как и в предыдущем секторе, ров был связан с системой примыкавших к нему ям. Инвентарь не найден, но в одной из ям обнаружены развалы двух сосудов, орнаментированных в стиле «мыльниковской» орнаментальной традиции.

Как было сказано выше, все три изученных погребения представляют позднеирменскую культурную традицию. Погребение № 22 совершенно на уровне древнего горизонта, вследствие чего от распашки сильно пострадала верхняя часть скелета. Погребенный покоился на правом боку в скорченном положении, головой на ЮЗ. Колени были сильно подтянуты к животу, а руки уложены перед лицом. Сопроводительный инвентарь представлен небольшим профилированным сосудиком горшковидной формы, орнаментированным жемчужником и треугольниками (рис. 2, *б*).

К северу располагалась могила 23, скорее всего, пострадавшая при сооружении предыдущего захоронения. Кости представлены отдельными

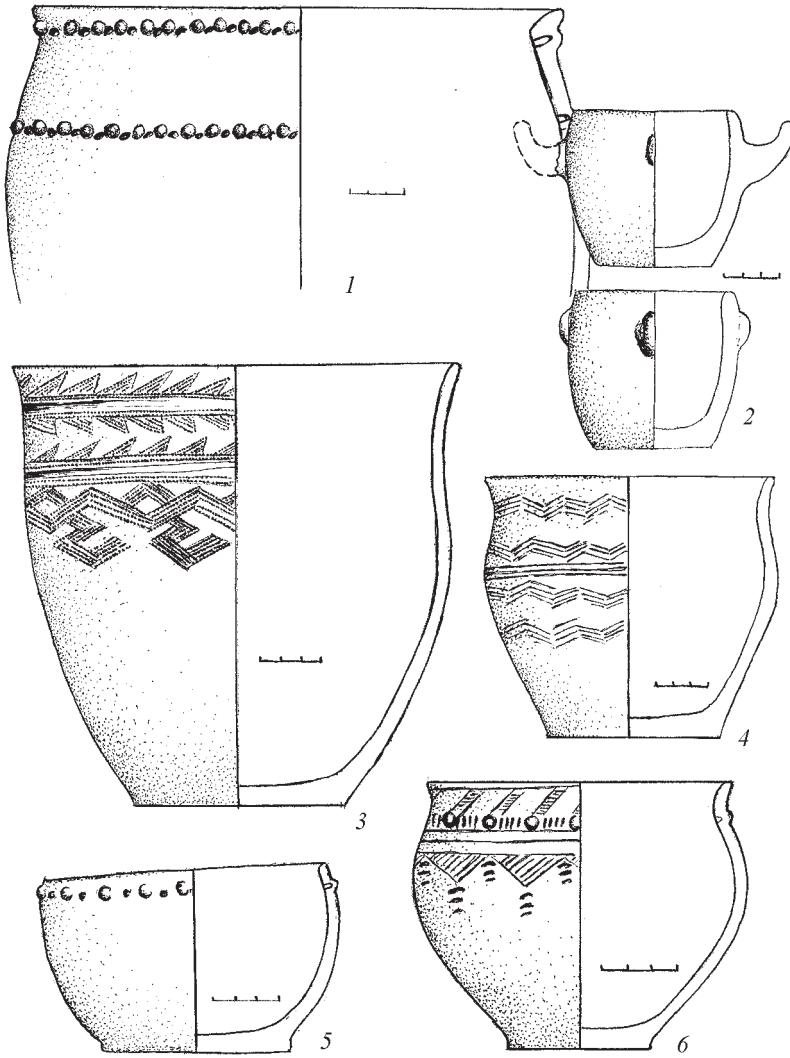

Рис. 2. Керамика.
1 – городище Пикет; *2* – могила 31, Фирсово XIV; *3* – могила 29, Фирсово XIV;
4 – могила 29, Фирсово XIV; *5* – могила 22, Фирсово XIV;
6 – могильник Малый Гоньбинский кордон I/5.

фрагментами верхней части скелета. Сохранились части сосуда кувшиновидной формы, украшенного жемчужником по шейке. Могильная яма была углублена в материк на 0,15–0,2 м. При сопоставлении полевых чертежей с планами предыдущих исследований 1990-х гг. удалось установить, что

ровик имеет незамкнутую кольцевидную форму. В центре кольца находились могилы 22 и 23. Из данной серии выделяется детское погребение 24, совершенное в грунтовой яме глубиной 0,5 м. Сохранилась только верхняя часть скелета ребенка. Умерший покоился вытянуто на спине, головой на ЮЗ. В районе правой ключицы найдена бронзовая пронизь.

Таким образом, в результате проведенных исследований установлено, что погребения на памятнике Малый Гоньбинский кордон I/5 располагаются группами, что, скорее всего, объясняется подкурганным способом захоронения. Подтверждено, что выявленная система рвов и ям ограничивает пространство погребального сооружения. Изученные захоронения относятся к позднеирменской культурной традиции, и демонстрируют процесс трансформации ирменской культуры.

В отличие от предыдущих памятников, материалы которых уже представлены в научной литературе, на городище Пикет научные раскопки не производились. Коллекция Бийского краеведческого музея, происходящая с этого памятника, сформирована из подъемных материалов С.М. Сергеева. Городище расположено на восточной окраине с. Сростки Бийского района и занимает западный мысовидный выступ останца правой береговой террасы р. Катуни – горы Пикет. С трех сторон памятник ограничен крутым склоном и состоит из 57 жилищных западин размерами 13×14 м и глубиной 0,4 м. С напольной стороны его огибает ров шириной до 7 м, глубиной до 1,3 м.

В 2011 г. раскапывался аварийный участок памятника, разрушаемый оврагом. Площадь раскопа составляла 54 м^2 и захватывала часть жилищной западины. Исследованная часть котлована жилища имела подпрямоугольную форму и глубину 1,90 м от дневной поверхности. Жилище вытянуто с юга на север и, по-видимому, представляет собой строение земляночного типа, врезанное в склон. В центре расположен очаг округлой формы (диаметр 1,6 м), обложенный крупной галькой. В самом очаге найдены кальцинированные кости. В восточной и северо-восточной части жилища найдены деревянные сгоревшие плашки и прокал: возможно, это остатки рухнувшего перекрытия – крыши данного сооружения. Расположены плашки в направлении с востока на запад. Столбовые ямки внутри котлована имели округлую форму и располагались по периметру жилища и по центру (?) цепочкой с юга на север. Ямки, входящие в цепочку, диаметром 0,2–0,4 м и глубиной 0,5–0,7 м. Возможно, они служили для установки деревянных опор крыши сооружения.

Наиболее массовыми находками являются керамика и осколки камня, в т.ч. со следами утилизации. На полу жилища зафиксировано несколько развалов сосудов. Керамический комплекс представлен сосудами двух типов.

Первый тип наиболее массовый – крупные плоскодонные профилированные сосуды горшкообразной формы, орнаментированные в основном двойным рядом жемчужника с разделителем из наклонных отпечатков штампа (рис. 2, *1*). Жемчужник иногда перемежается с сеткой, «елочкой».

Своеобразным индикатором этого типа является скос среза венчика наружу. При этом он часто украшен наклонными отпечатками штампа.

Второй тип – полусферические чашки, чаще всего без орнамента, в редких случаях с горизонтальными линиями и сеткой. Данная орнаментальная схема широко распространена среди раннескифских древностей Бие-Катунского междуречья. Это позволяет отнести данное городище к кругу памятников большереченской культуры переходного времени [Абдулганеев, Папин, 1999, рис. 2].

Список литературы

Абдулганеев М.Т., Папин Д.В. Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катуни // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 5–13.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – С. 62–85.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Фролов Я.В. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железного века в Алтайском Приобье и Степном Алтае // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 206–210.

Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Могильник V археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – С. 56–69.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). – Барнаул: Азбука, 2008. – 479 с.

Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 219–226.

Л.П. Кундо, Н.В. Полосьмак

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЛАКОВЫХ ИЗДЕЛИЯХ ИЗ НОИН-УЛИНСКИХ КУРГАНОВ (РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)*

Одними из самых интересных и сложных для работы находок в курганах хунну оказались изделия из лака. Излечение их из раскопа, адаптация к изменившимся условиям окружающей среды, способ консервации лаковых предметов, как правило, связаны с решением многих проблем. Опыт решения этих проблем был приобретен в процессе работы с находками из погребений в курганах 20 и 31 могильника Ноин-Ула, исследованных в 2006 и 2009 гг. Российско-монгольской экспедицией.

На сохранность лаковых предметов, найденных в погребальных камерах ноин-улинских курганов, существенное влияние оказали два связанных между собой фактора: 1) разрушение погребального сооружения; 2) появление воды (т.е. изменение среды пребывания предметов). Лаковые чашки и другие предметы, находившиеся внутри погребальной камеры, были частично разрушены. При этом вода и низкая температура на дне глубокой могильной ямы способствовали вещественному сохранению лаковых изделий на протяжении почти двух тысяч лет. Гораздо сложнее происходила адаптация лаковых находок к атмосферным условиям после их извлечения из могилы. Известно, что лак имеет слабую сопротивляемость ультрафиолету. Сразу после извлечения из мокрого погребения на черном покрытии одной из чашек была отчетливо видна красная роспись. Через 1,5–2 месяца хранения в условиях, исключающих прямой ультрафиолет, черный цвет покрытия «мокрой» чашки стал меняться, приобретая коричневые тона. Возможная причина изменений заключается в том, что ультрафиолет в сочетании с высокой влажностью воздействует на лак еще более разрушительно, чем просто ультрафиолет [Вебб, 2000]. Последующее сохранение «мокрых» лаков потребовало разработку специальной методики [Кундо, Симонов, 2010].

О сложностях открытия и извлечение лака из раскопа говорит тот факт, что очень часто эти изделия сохраняют лишь лаковую оболочку. Именно в таком состоянии оказались лаковые детали колесницы в кургане 20 и две лаковые чашки в кургане 31. Лаковые детали колесницы – спицы зонта, кузов и колеса – располагалась в глине на глубине ~12 м. Остатки зонта,

*Работа выполнена при поддержке президиума СО РАН (совместный проект № 24 ИАЭТ СО РАН – ИА МАН).

тщательно зачищенные в грунте, представляли собой лежащие по окружности, радиально к центру медные позолоченные наконечники, насаженные на сохранившиеся фрагменты спиц – круглые деревянные палочки, покрытые черным лаком (длина не превышала 8 см). Далее этой длины антисептическое действие меди оказалось слабым, поэтому древесина спиц сгнила и образовались прямые дорожки черных чешуек лака, сходящиеся в центре зонта. Тщательная зачистка лаковых следов спиц позволила оценить их полную длину. С учетом наконечника длина спиц составляла ~1 м, что позволяет считать диаметр зонта близким к 2 м.

Находка лаковой оболочки кузова оказалась не менее информативной. В предыдущем случае лаковое покрытие сохранилось главным образом в виде тонких чешуек, что говорит о нанесении черного лака непосредственно на дерево спиц. Оболочка кузова отличалась тем, что его красная окраска имела лаковую основу толщиной не менее 2–3 мм. Лаковая основа придала оболочке некоторую устойчивость и позволяла оценить форму и размер кузова. Боковая стенка кузова 0,5×0,6 м. Высота передней стенки 0,4 м. Колеса колесницы в грунте раскопа располагались горизонтально. Красный лак спиц радиально отходил от втулки колеса и хорошо обозначал его конструкцию. Красный лак имел основу, сформованную в виде брусочков (25×12×6 мм). На профиле этих брусочков хорошо видны технологические слои: значительный слой грунтовки (~5 мм), черный слой полировки (~1 мм) и тонкий слой красного лака. Нет сомнения, что колеса были деревянными: на поверхности грунтовки присутствуют волокна древесины. Скорее всего, спицы были плоскими. В соответствии с шириной лаковой оболочки, ширина спиц не превышала 12 мм. Обнаруженные в кургане 20 лаковые детали позволили восстановить внешний вид китайской колесницы, определить ее тип и назначение [Полосьмак и др., 2008].

Две лаковые чашки из кургана 31 тоже сохранились в виде лаковых оболочек. Лаковая оболочка одной из них оказалась достаточно прочной: она имела лаковую основу и покрытие с росписью; сохранилась иероглифическая надпись. Состояние второй чашки значительно хуже: оболочка расслоилась – красочное покрытие отделилось от лаковой основы. В том и другом случае возникала угроза деформации и потери предмета. В полевых условиях эту проблему удалось решить с помощью фиксации формы и хранения в герметичном контейнере при постоянной влажности 60 % – оптимальной для хранения лака в ожидании консервации в стационарных условиях.

Хорошо сохранившаяся деревянная основа характерна для лаковых находок, обнаруженных в воде на дне погребальной камеры кургана 20. Прежде всего, это три чашки, выполненные в технике расписных лаков. В цветовой палитре лаковых красок преобладал черный и красный цвета, в меньшей степени – коричневый и бежевый. Одна из трех чашек изнутри покрыта красной краской, а снаружи – черной. Поверх черного покрытия нанесена роспись в виде красных фениксов и геометрического орнамента.

Вторая чашка покрыта красной краской с черной росписью (фениксы и геометрический орнамент). Контуры черных фениксов слегка обведены бежевой краской. Можно считать, что эти чашки исполнены в аналогичной цветовой гамме: в одном случае это красная роспись по черному покрытию, в другом – черная роспись по красному. Особый интерес вызывают иероглифические надписи на чашках [Чистякова, 2009]. Третья лаковая чашка выполнена в иной цветовой гамме – светло-бежевая роспись в виде фениксов по коричневому лаку.

В погребальной камере кургана 20 оказались лаковые предметы, найденные в погребении хунну впервые. Это лаковая рыба и лаковый футляр для косы. Оба предмета замечательны оригинальной лаковой технологией.

В основе футляра две деревянные прямоугольные пластины, имеющие внутреннюю выемку для укладки волос. Деревянные пластины скреплены в единый футляр плотной обмоткой шелковыми нитками. Слой шелковых ниток покрыт темно-коричневой лаковой краской.

Лаковая рыба так же имеет деревянную основу, конфигурация которой имитирует плоскую рыбу. Длина рыбы 31 см, максимальная ширина и толщина туловища 8,0 и 0,5 см соответственно. На хвостовой части рыбы сохранились фрагменты красной лаковой краски. Замечательно покрытие головы и средней части туловища – это рыбья кожа под пленкой бесцветного лака. Она была уложена поверх грунтовки и тканого материала: рельеф переплетения ткани виден на микроснимках поверхности кожи. Известно, что в коллекции японского императора Сему (724–748), хранящейся в императорской сокровищнице г. Нара, присутствуют китайские музыкальные инструменты с инкрустацией осетровой чешуей, погруженной в сырую лаковую поверхность. Для того, чтобы орнамент чешуи был виден, толщина верхнего слоя лака после сушки уменьшалась полированием [Кравцова, 2004]. По определению канд. биол. наук Л.А. Коневой, судя по форме следов от чешуек на шкурке рыбы, она могла принадлежать к семейству карповых. Назначение деревянной рыбы, вероятно, связано с известной китайской традицией, по которой в дощечки, вырезанные в форме карпа, вкладывали послания, написанные на шелковом свитке [Лисевич, 1984].

Фрагментарное состояние лаковых находок позволило исследовать технологические особенности изготовления предметов, идентифицировать состав лака, определить пигменты, состав грунтового покрытия, полировочные материалы. Физико-химический анализ проведен в Новосибирском институте органической химии СО РАН под руководством заведующего лабораторией физических методов канд. хим. наук В.И. Маматюка. Объектом исследования стали лаковые чашки, лаковое покрытие кузова колесницы, спицы зонта колесницы, лаковый футляр для волос, роспись чашек, фрагменты черного и красного лака.

Профили стенки лаковой чашки и оболочки кузова исследованы с помощью стереомикроскопа. Микросъемка показала, что лаковая техноло-

гия таких различных предметов, как чашки и кузов совпадает в главном – основой лакового красочного покрытия является грунтовка с прослойкой тканым материалом. Грунтовочный материал на этих предметах имеет одинаковый качественный состав – глина, замешанная на лаке. Главное свойство этой смеси – высокая адгезионная прочность [Новикова, 2000]. Эта же смесь использована для крепления металлических оправок на ручках чашек. Для грунтовки древесины спиц колес готовили специальную, более вязкую смесь, которую можно было резать на полоски и укладывать на подготовленные деревянные спицы. В результате полимеризации грунтовочная масса «срасталась» с древесиной. После отверждения ее можно было шлифовать, полировать и затем покрывать красным лаком. При этом колеса значительно упрочнялись и обретали красный лаковый декор.

Металл оправок чашек исследован на микроскопе ТМ-1000 с рентгенофлуоресцентной приставкой. Установлено, что оправка изготовлена из бронзы с высоким содержанием олова (30 %). На бронзе сохранились «островки» золочения. Присутствие ртути (0,0016 %) дает основание предполагать, что способ золочения – амальгамирование.

Анализ пигментов лаковых красок методами сканирующей электронной микроскопии и хромато-масс-спектрометрии показал, что пигментом красного лака кузова и красной росписи лаковых чашек является киноварь, пигментом коричневого лака – гидроокись железа, черного – уголь или сажа.

Состав лака проанализирован методами ИК-спектроскопии и хромато-масс-спектрометрии. В хроматограммах экстрактов всех образцов определена дегидроабиетиновая кислота, а также значительное содержание кислот – пальмитиновой, стеариновой, олеиновой и др. Дегидроабиетиновая кислота – смоляная кислота и является одной из основных составляющих смол хвойных деревьев – живицы. Содержание жирных кислот – пальмитиновой, стеариновой, олеиновой и др. – указывают на то, что лаки масляные.

Таким образом, установлено, что лак эпохи Хань является масляным. Он создан на основе высыхающего растительного масла, возможно, тунгового (китайское древесное масло) и живицы. Этот вывод опровергает традиционное суждение о том, что природным источником древнего восточноазиатского лака является *урушu* – сок лаковых деревьев семейства сумаховых (*Rhus succedanea*, *R.vernicifera*).

Список литературы

Вебб М. Деградация поверхности восточных лаковых объектов под воздействием света. Потерял ли лаковый объект блеск? // Восточноазиатские лаки. – М.: Изд-во ВХНРЦ, 2000. – С. 58–61.

Кравцова М.Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учеб. пособие. – СПб.: Лань; ТРИАDA, 2004.

Кундо Л.П., Симонов В.Г. Опыт сохранения восточноазиатских лаковых чашек из могильника Ноин-Ула в Северной Монголии // VII Грабаревские чтения. – М.: Сканрус, 2010. – С. 403–409.

Лисевич И.С. Комментарии // Китайская пейзажная лирика III–XIV вв. – М.: МГУ, 1984. – С. 297.

Новикова О.Г. История Восточных лаков: Обзор литературы // Восточноазиатские лаки. – М.: Изд-во ВХНРЦ, 2000. – С. 13–18.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдэнэ-Очир Н. Ханьская колесница из кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4. – С. 63–69.

Чистякова А.Н. Иероглифическая надпись на лаковой чашке из кургана № 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 59–68.

В.Е. Ларичев, Е.Г. Гиенко, С.А. Паршиков

САРАТСКИЙ СУНДУК – АСТОНОМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ И АСТРОСВЯТИЛИЩЕ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ «КРЕПОСТЕЙ» ДОЛИНЫ БЕЛОГО ИЮСА)

Среди разного вида сакральных памятников культово-религиозного центра Северной Хакасии – горной гряды Сундуки Июсской котловины – особо впечатляют масштабные сооружения, именуемые «крепостями». Они в качестве таковых изучаются, описываются, вводятся в научный оборот и даже составляют источниковую базу кандидатских диссертаций. В такой ситуации *альтернативная оценка подобных сооружений*, *основанная на результатах инновационных технологий анализа объектов, выявленных в границах* «*крепостей*» (см.: [Ларичев, Гиенко, Паршиков, Прокопьева, Серкин, 2009; Ларичев, Гиенко, Паршиков, Прокопьева, 2009]; там же подробные списки литературы по вопросу), *не воспринимается вследствие непринятия методов астроархеологии* (*выявление астрономических аспектов в объектах культуры*).

Причина того проста – скептическое отношение знатоков культур палеометалла Хакасии к самой идее осведомленности в астрономии и системах счисления времени тех, кто на протяжении двух тысячелетий обустраивал («цивилизовал») среду своего обитания – степи и горно-таежные регионы юга Западной Сибири. Если же под давлением *опубликованных астроархеологами фактов* им приходится признавать использование «*крепостей*» в качестве культовых сооружений, то для подтверждения такого мнения *они никогда не привлекают астрономического назначения структуры,* размещенные в пределах «*крепостных валов*».

Но можно ли всерьез вообразить свершение в «*крепостях*» как культово-обрядовых местах религиозных действ *вне учета ритмов течения времени*, *порождаемого Луной и Солнцем*? Ответим на этот вопрос, предъявив результаты изучения памятника, аналогичного грандиозному святилищу Первого Сундука. Он, как таковой, *подтверждает точность выводов астроархеологической ориентации полевых исследований*.

Объект исследования: общего порядка сведения о Саратском Сундуке, горе со скальной вершиной, огражденной валом. Методические установки поиска. Памятник изучается экспедицией на протяжении почти четверти века, располагается в нескольких километрах к северо-востоку от гряды Сундуков, на правом, противоположном от нее берегу р. Белый Июс (рис. 1). По внешнему виду эта живописная возвышенность, увенчанная подпрямоугольным скальным останцем с неприступными, вертикально об-

Рис. 1. Общий вид памятника Саратский Сундук. Около одинокого дерева по центру размещается астрономическая площадка.

рывистыми склонами на северо-востоке и относительно пологими на юго-востоке, поразительно близка Первому Сундуку и потому воспринимается его *двойником.* Такое впечатление в значительной мере усиливается наличием вдоль трех крутых окраин южных склонов подножия вершины превосходной сохранности вала, сооруженного из крупных песчаниковых плит и глыб. Это обстоятельство и предопределило методы обследования памятника. *Его структуры изучались в контексте познанного на Первом Сундуке – как сакрально обустроенное пространство*, *подобие индоиранской вары, место, отгороженное каменным валом от профанной округи*, *но одновременно как астрономическая обсерватория, зона проведения наблюдений за восходами и заходами светил и календарных вычислений, а также как астросвятилище, где проводились массовые культово-обрядовые действа*. Подобное исследование комплексного характера не может вестись иначе, как в тесном сотрудничестве с профессионалами в области астрономии и геодезии. Это и было осуществлено сотрудниками сектора археологической теории и информатики Института археологии и этнографии СО РАН совместно с преподавателями, студентами и аспирантами Сибирской государственной геодезической академии (кафедра астрономии и гравиметрии).

Допустимый объем статьи позволяет презентовать лишь малую часть информации, полученной в ходе исследования комплекса в 2011 г. В него, помимо огражденной валом вершины, входит расположенный вне пределов астросвятилища (к северу от него) *скальный останец с наскальными изображениями*.

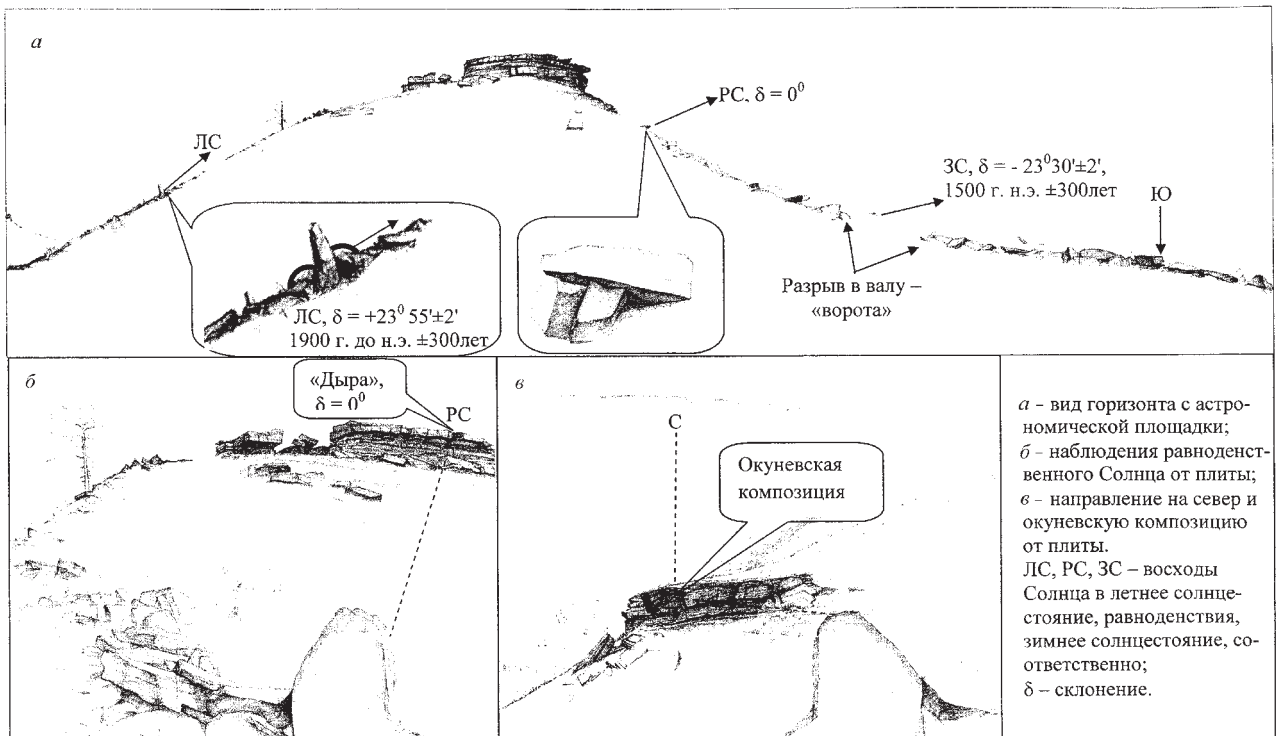

Рис. 2. Структуры, связанные с астрономическими наблюдениями.

В пределах же самого «сакрального пространства» *как астрономической обсерватории* пока упомянем только структуры, связанные с наблюдением *восходов Солнца в кардинально важные моменты года. Эти структуры визуально определяли границы сезонов – солнцестояния и равноденствия*:

I. *Выстланная плитами астрономическая площадка*, расположенная в центре южной дуги подножия вершины Саратского Сундука. Как выяснилось в ходе изучения обеих ветвей вала и прилегающего к нему с юго-востока участка подножия вершины горы, *с этой площадки наблюдались восходы Солнца в летнее и зимнее солнцестояния, а также в равноденствия – осеннее и весеннее*, что четко подтвердили структуры, специально для того сооруженные устроителями святилища;

II. *Вертикально установленная* в нижней части левой ветви вала, четко видимая на горизонте *крупная, полулунная* по очертаниям *плита песчаника* (рис. 2, *а*). Она предназначалась для следующего:

А. *Служила визиром на точку восхода Солнца в дни летнего солнцестояния* при наблюдениях *с астрономической площадки*. Как показали астрономические расчеты, выполненные по результатам геодезических измерений, в эти сутки *верхний край диска Солнца* (первый луч) *появлялся внизу, у основания левого края плиты*. Затем Солнце исчезало из поля видимости, скрываясь за широкой плоскостью плиты, а чуть позже *верхний край диска вновь появлялся, но уже у правого края плиты.*. Полученное склонение восходящего летнего Солнца, наблюдаемого с астрономической площадки над плитой соответствует эпохе 1900 г. до н.э. ± 300 лет, при среднем росте наблюдателя 160 см.

Б. *Плита точно обозначала то единственное место* в пределах огражденного валом пространства святилища, *откуда оказывалось в поле видимости специально оформленное около верхней кромки скальной вершины отверстие* (угловые размеры отверстия – примерно 1,5’ на 1’). В этом скальном «окне» Солнце наблюдалось в дни равноденствий (см. рис. 2, *б*). Расчеты показали, что склонение суточной параллели, проходящей через середину «дыры», – 0º08,2’. Солнце с угловым диаметром 32’ не могло не пройти через «дыру» в равноденствие. Возможно, *тонкий луч равноденственного Солнца освещал* в доли минуты *пересечения небесного экватора* обращенную в сторону вершины широкую плоскость плиты: на ней появлялось светлое пятно.

В. *При наблюдениях от плиты окуневская композиция на плоскости скального выступа, расположенного вне границ святилища, ориентировала взгляд в направлении на астрономический Север*, из чего следует, что выбитые рисунки (см. рис. 2, *б*) были, вероятно, *преднамеренно размещены близко к линии небесного меридиана*, линии, соединяющей Север и Юг (рис. 2, *в*).

III. *Эффектное* по выразительности *сооружение из крупных песчаниковых блоков и плит*, расположенное *в верхней части правой ветви вала,* вблизи подножия скальной вершины (врезка на рис. 2, *а*). При наблюдениях

с астрономической площадки *эта структура служила визиром*, ориентирующим взгляд *на точку восхода Солнца в дни равноденствий.*

IV. *Сооруженный* из плиты и подтреугольного в сечении песчаникового блока *визир* около *нижней части правой ветви вала,* который при наблюдениях с астрономической площадки *ориентировал взгляд на точку восхода Солнца в дни зимнего солнцестояния.* По результатам астрономических расчетов, зимнее Солнце восходило над данным визиром в эпоху 1500 г. н.э. ±300 лет, при наблюдении с астрономической площадки. В середине второго тысячелетия до н.э. зимнее Солнце восходило чуть правее, примерно посередине разрыва в валу – «ворот».

V. *Окуневская, исполненная красной охрой личина*, размещенная на одной из плоскостей *северо-восточной стены* скальной вершины Сундука (рис. 3, *а*). Эта плоскость развернута в сторону *юго-юго-востока* (отклонение от астрономического Юга составляет около 6,3º).

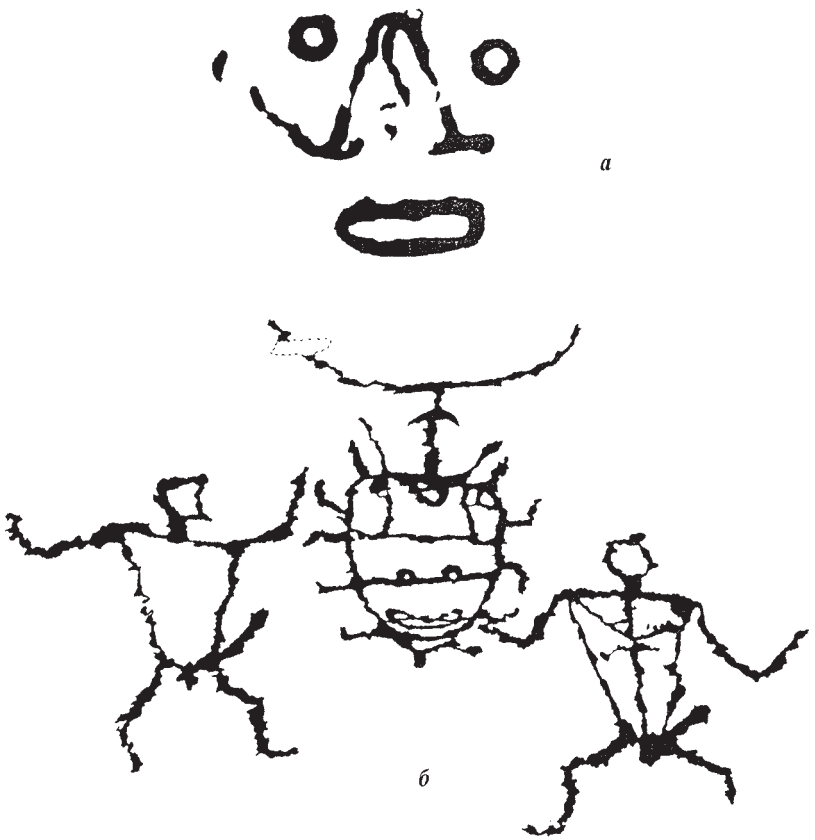

Рис. 3. Композиция окуневского времени на скальном останце (*б*) и личина на плоскости северо-восточной стороны скальной вершины Сундука (*а*).

Изложенного достаточно, чтобы навсегда развеять миф о «*крепостях*» на вершинах гор восточных предгорий Кузнецкого Алатау. В реальности, эти сооружения, бесполезные для военных баталий или «укрытий для людей и животных», есть «*вары*», *астросвятилища, места проведения сезонных культово-обрядовых действ и астрономических наблюдений*. Бесспорная связь с «*варой*» окуневских изображений на Саратском Сундуке и вблизи его позволяет точно датировать уникальной ценности памятник. Структуры его ставят на прочную базу фактов идею астроархеологов о высоком уровне естественно-научных знаний жречества Хакасии эпохи культур ранней бронзы.

Список литературы

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А., Прокопьева С.А., Серкин Г.Ф. «Сундуки» – великий сакральный центр Северной Хакасии (мифологическое, эпосное и естественно-научное в культовых памятниках древних культур юга Сибири) // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. – Красноярск: Город, 2009. – С. 73–91.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А., Прокопьева С.А. Древняя Хакасия: Палеоастрономия и палеокалендаристика (зарождение искусства и протонауки на юге Западной Сибири в исторической ретроспективе; внеписьменные источники истории астрономии и методы их прочтения) // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: История, современное состояние, перспективы. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2009. – С. 25–31.

Е.А. Миклашевич, Л.Л. Бове

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ ГОРЫ ТОРГУН (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

В 2011 г. нами было продолжено исследование памятника наскального искусства на горе Торгун, расположенной в урочище Устю-Айры, на правом берегу р. Каракол, в окрестностях дер. Бичикту-Бом (Онгудайский район Республики Алтай) [Миклашевич, 2003; Миклашевич, Бове, 2010]. Детальное обследование северо-восточного склона горы позволило выявить ряд ранее неизвестных нам плоскостей с петроглифами. Были обнаружены выполненные в технике гравировки и выбивки рисунки, относящиеся к трем хронологическим пластам: скифское время; древнетюркская эпоха; этнографическая современность. Среди изображений скифского времени – фигуры кабанов, фантастических хищников, оленей и козлов (рис. 1). Этот пласт демонстрирует наибольшее разнообразие техник исполнения рисунков: мелкоточечная выбивка по гравированному абрису (рис. 1, *4*; 2, *1*); глубокая гравировка; поверхностная эскизная гравировка; гравировка в сочетании с прошлифовкой (рис. 1, *1, 3*); заполнение гравированного контура частыми штрихами (рис. 1, *2*). Древнетюркский пласт представлен резными фигурами бегущих животных – козлов, баранов, оленей, а также детализированными изображениями всадников и пеших лучников, часто с проработанными чертами лица (рис. 2, *2, 3*). Алтайские резные и процарапанные рисунки представляют собой в некоторых случаях подражания древним образам, иногда их подновления или дополнения, но есть и самостоятельные композиции со схематичными изображениями оленей, лошадей, непонятных объектов и т.д.

Новые петроглифы выявлены при осмотре ярусов скальных выходов, расположенных выше ранее изученных плоскостей. Несколько новых изображений найдены рядом с ранее известными. Они обнаружены на сильно накренившихся к земле, небольших по размеру сланцевых выходах, на которых, как мы полагали ранее, петроглифов быть не должно. Кроме того, целый ряд новых фигур выявлен при камеральной обработке полевых материалов – при сильном увеличении сделанных в поле цифровых фотографий на экране компьютера.

Особенности изучаемого памятника таковы:

1) наличие большого количества рисунков, выполненных тончайшими поверхностными резными и прошлифованными линиями, а также набросков, эскизов и т.п. (к настоящему моменту едва видимых на плос-

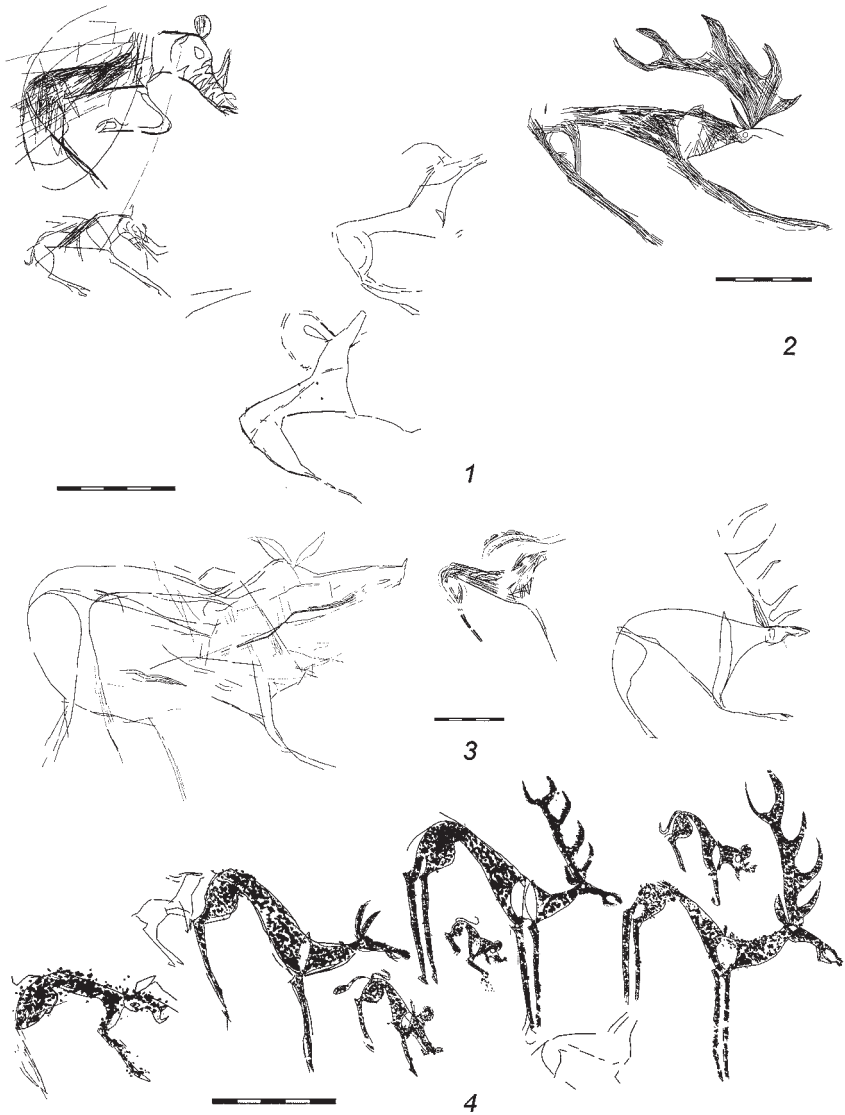

Рис. 1. Торгун. Петроглифы скифского времени.
1, 3 – полные прорисовки композиций; *2, 4* – фрагменты.

кости камня, зачастую практически не воспринимаемых невооруженным глазом);

2) сильный отрицательный наклон большинства плоскостей (отсутствие естественного освещения и неудобство подхода к плоскости).

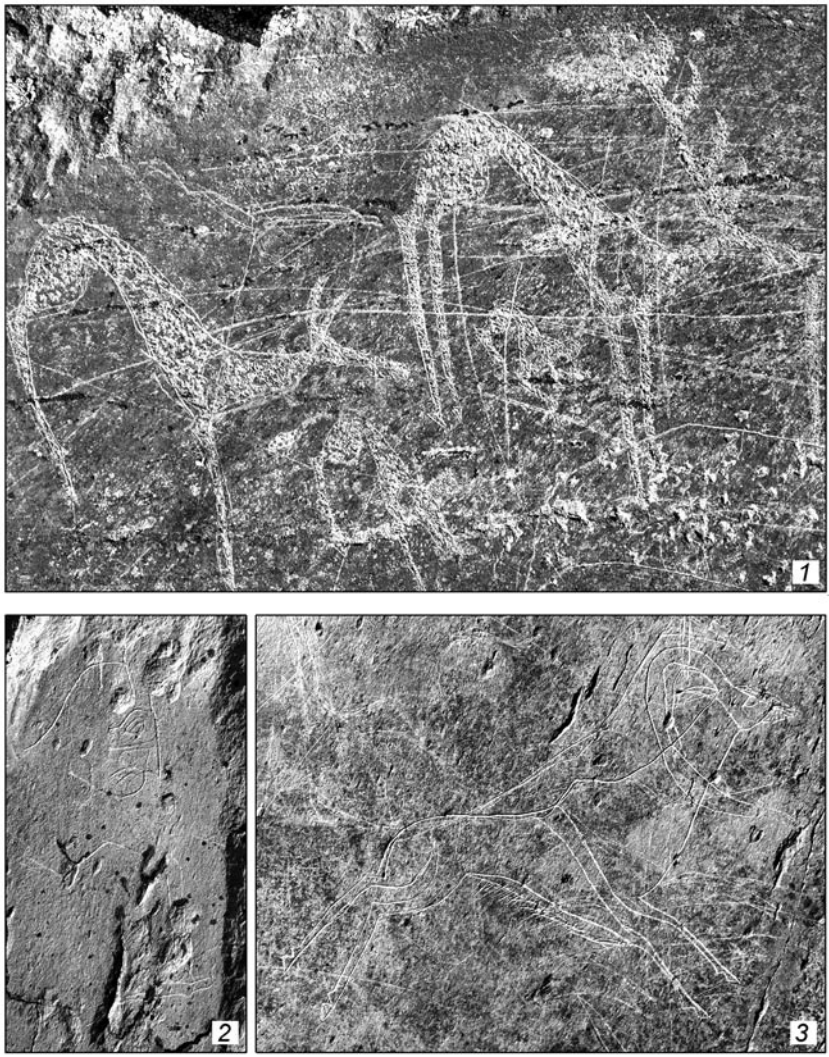

Рис. 2. Торгун. Фото фрагментов скифской (*1*) и древнетюркских (*2, 3*) композиций.

Они делают невозможным применение традиционного метода документирования посредством переведения линий на прозрачную пленку, закрепленную на поверхности камня (впрочем, этот метод в любом случае уже не удовлетворяет исследователей при документировании гравированных рисунков (см., например: [Черемисин, 2011, с. 146; и др.]). Именно поэтому документирование петроглифов Торгуна проводилось нами главным образом методом фотофиксации на цифровую камеру.

Современная цифровая фототехника и компьютерные программы для обработки изображений предоставляют немыслимые ранее возможности для выявления и документирования наскальных рисунков, особенно тех, которые выполнены в технике гравировки. Некоторые гравированные изображения хорошо видны глазом, но детали их трудно адекватно скопировать из-за чрезвычайной тонкости линий. Другие изображения (например, наброски, эскизы), выполненные легким поверхностным штрихом или слегка протертые по поверхности камня, отчетливо видимые в момент их нанесения за счет контрастности с цветом скального фона, к настоящему времени покрылись патиной такого же цвета, что и сам камень, стали практически невидимыми, сгладились от выветривания. Зачастую исследователь видит: на плоскости «что-то есть», но что именно, различить не может. В таких случаях на помощь приходит фотография. Современные цифровые зеркальные камеры с матрицей большого размера и правильно подобранным объективом могут «увидеть» то, что недоступно человеческому глазу. Качественно выполненные фотографии дают возможность при дальнейшей работе с ними на компьютере получить изображение, которое может быть увеличено по сравнению с оригиналом в несколько раз без потери резкости. Это позволяют выявить мельчайшие, практически исчезнувшие со временем детали и прорисовать детально любой, даже самый миниатюрный и сложный рисунок, точно воспроизвести даже «волосяную» линию. Фотоаппаратом с поворотным экраном можно фиксировать изображения в ортогональной проекции даже на «неудобных» плоскостях с сильным отрицательным уклоном.

Преимущества современного технического оснащения использовались нами при новом документировании петроглифов горы Торгун. Именно с помощью цифровой фотографии выявлены многие рисунки, в том числе едва заметные наброски и эскизы. Выполнены точные прорисовки гравированных композиций, сделаны наблюдения по технике и последовательности выполнения петроглифов. Фиксация всех без исключения обнаруженных следов изобразительной деятельности позволила установить: кроме мастерски и уверенно выполненных в том или ином стиле изображений, на памятнике есть синхронные им попытки воспроизведения эталонных образцов, сделанные неумелой или неопытной рукой, слабыми, быстро исчезающими линиями, без последующей проработки рисунка. Вполне вероятно, что это – результаты деятельности «учеников» древних художников.

Наибольший интерес среди открытий на горе Торгун в 2011 г. представляет композиция раннескифского времени с изображениями оленей и хищников (рис. 1, *4*; 2, *1*). Эти рисунки были замечены на обломке плиты, отделившейся от скального основания и упавшей рядом. Нами уже отмечалось на примере памятника Бичикту-Бом, что основным фактором деструкции местонахождений наскального искусства в этом районе Алтая является вертикальное расслоение сланцевых выходов, затем постепенный крен верхнего слоя с изобразительной поверхностью книзу и последующее выпаде-

ние скальных блоков [Миклашевич, Бове, 2009, с. 333]. На склонах горы Торгун лежат десятки отслоившихся от скального основания фрагментов плоскостей, на которые когда-то были нанесены рисунки. Большинство из сохранившихся до наших дней петроглифов находятся на плоскостях с отрицательным наклоном, а некоторые уже не имеют связи со скальным основанием и держатся лишь за счет расклинивания. Как правило, в результате отделившиеся блоки падают изображениями вниз и как источник утрачиваются навсегда. Из-за тяжести таких блоков и крутизны склона не представляется реальным переворачивать все лежащие на склоне плиты в поисках петроглифов. К счастью, найденная нами плита, отделившись от основания, не упала «лицом» вниз, а лишь встала на узкое ребро (перпендикулярно первоначальному положению), сохранив наружное расположение рисунков. Выпадение плиты произошло, видимо, уже довольно давно, поскольку она покрыта лишайниками, в том числе и в местах скола. Но это не могло случиться ранее, чем 100–300 лет назад, поскольку выпавшая верхняя часть плоскости частично перекрыла собой рисунки на нижней части, оставшейся in situ, – схематичные светлые алтайские изображения, процарапанные еще до того, как выпал блок с изображениями скифского времени.

Размеры отделившейся плиты 35×100×15 см, а сохранившейся поверхности со скальной коркой – 25×75 см. Скальная корка ровная и гладкая, покрыта патиной яркого желто-коричневого оттенка. По патине нанесены острием какого-то орудия (скорее всего, шилом) уверенной рукой мастера изящные фигуры трех оленей – два самца (с рогами) и самка. Силуэты внутри гравированных контуров заполнены мельчайшей выбивкой, незаполненными оставлены лишь лопатки, глаза, ноздри. Размеры фигур не превышают 10 см. Между оленями вписаны миниатюрные (2–4 см) изображения трех хищников, выполненные в точно такой же технике. Эти образы сочетают в себе черты пантер, кабанов и волков. У одного из хищников хвост опущен вниз и загнут на конце, как у пантеры, у другого – закручен вверх, как у кабана, у третьего же показаны сразу два хвоста: один закручен вверх, другой опущен вниз. Слева (позади) от оленей изображена еще одна фигура хищника, более крупная, тоже выполненная выбивкой по гравированному контуру. Справа (впереди) от оленей тонкой гравировкой легкими штрихами изображено неопределенное животное с подогнутой передней ногой. Скорее всего, это набросок фигуры кабана, подобной той, что изображена полностью на другой плоскости данного склона (рис. 1, *1*). Есть и другие резные наброски. Кроме того, гораздо позднее нанесения основной композиции (возможно, в то же время, когда были сделаны рисунки в нижней части плоскости) к изображениям скифского времени были добавлены неумелые схематичные фигуры, а сами они зачерчены беспорядочными наклонными и горизонтальными линиями. В данной публикации мы приводим прорисовку лишь основной группы изображений этой плоскости (рис. 1, *4*).

Список литературы

Миклашевич Е.А. Петроглифы урочища Устю-Айры на Горном Алтае // Археология Южной Сибири: Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рожд. А. И. Мартынова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 84–91.

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Исследование памятников наскального искусства в Онгудайском районе Республики Алтай в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итог. сес. ИАЭТ СО РАН 2009 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 329–333.

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Исследование петроглифов горы Торгун в Онгудайском районе Республики Алтай // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итог. сес. ИАЭТ СО РАН 2010 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 229–233.

Черемисин Д.В. Несколько наблюдений над граффити Горного Алтая // Древнее искусство в зеркале археологии: К 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 146–160. – (Тр. САИПИ; Вып. VI).

В.И. Молодин, Н.С. Ефремова, И.А. Дураков,
Л.Н. Мыльникова, И.В. Сальникова, К.Л. Борзых

АВАРИЙНЫЕ РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕНГЕРОВО-6*

Могильник Венгерово-6 расположен на второй надпойменной террасе правого берега р. Тартас, в 2,5 км к югу от с. Венгерово (НСО). Памятник открыт в 1973 г. В.И. Соболевым. Предварительные сведения о нем неоднократно опубликованы [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980; Молодин, Новиков, 1998].

Могильник состоял из 2 курганных насыпей. В 2010 гг. насыпь кургана № 1 была практически полностью разрушена, а почва вывезена на огороды местными жителями. До разрушения курган представлял собой хорошо задернованную насыпь диаметром примерно 25,0 м и 0,5 м высоты. Вокруг насыпи прослеживался ровик глубиной 0,3 м и шириной 0,25 м [Молодин, Новиков, 1998]. На его вершине в 50-е гг. XX в. был установлен триангуляционный знак. На момент начала работ остатки насыпи частично сохранилась только в южной части кургана. Курган занимал господствующее положение над окрестной территорией и был сооружен, вероятно, для незаурядного лица или группы лиц. Еще до раскопок было очевидно, что объект относится к саргатской культуре.

После удаления остатков насыпи кургана были выявлены два концентрических рва и пять погребений (рис. 1). Вся внутренняя площадка кургана сильно повреждена норами и грабительскими ямами.

Внешний ров представлял собой кольцо диаметром 19,0–19,1 м, шириной в ССЗ части – 1,07 м, а на ЮЮВ участке – 2,07 м. В ССЗ и ЮЮВ частях рва прослежены перемычки: ширина первой достигает 1,26 м, второй – 0,57 м. Максимальная глубина рва – 0,67 м, минимальная – 0,18–0,2 м. В заполнении рва найдена железная лирообразная пряжка с подвижным язычком, железное разомкнутое кольцо из кованого прута, двудырчатый железный псалий (рис. 2, *2*), стеклянная бусина с внутренней позолотой и кости животных. ЮЗ участок рва перерезал две более ранние ямы, в заполнении которых найдены кости птиц, чешуя и жаберные крышки крупной щуки, каменный скребок.

Второй ров локализовался внутри кольца, образованного внешним. Его диаметр 16,8 м, ширина 1,28–0,95 м, глубина 0,42–0,05 м. В ЮЮВ части

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 11-0118066е) и интеграционного проекта СО РАН № 16.

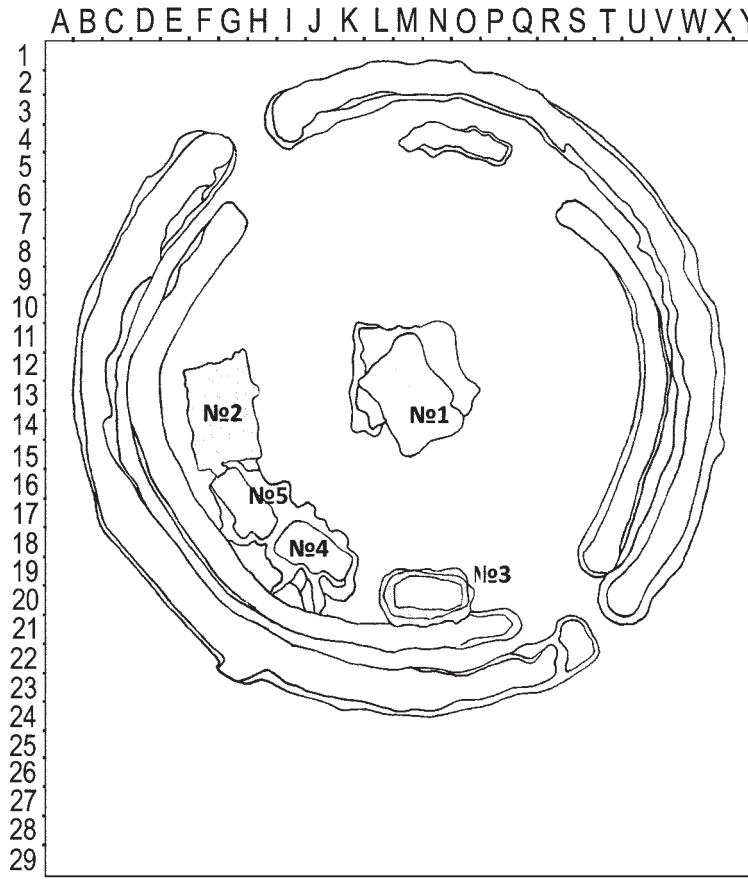

Рис. 1. Могильник Венгерово-6. Курган 1.
План на уровне материка.

ров имеет перемычку шириной 2,64–2,5 м. В заполнении внутреннего рва найдены зубы лошади, несколько фрагментов костей животных и человека, целый круглодонный керамический сосудик (рис. 3, *1*).

Важной конструктивной особенностью, выявленной при раскопках, является то, что внутренний ров местами перерезал внешний. Очевидно, это произошло уже в то время, когда внешний ров был частично заполнен землей. Данные наблюдения свидетельствуют, что сакральное пространство, огороженное внешним рвом, достаточно длительное время пустовало. Не исключено, что значительное по своим размерам сооружение начинало строиться еще до смерти будущего «владельца». Стратиграфические наблюдения показывают, что с сооружением внутреннего рва, видимо, связано появление могил. Могила № 3, судя по тому, что она частично перерезает внутренний ров, самая поздняя в комплексе и возводилась последней.

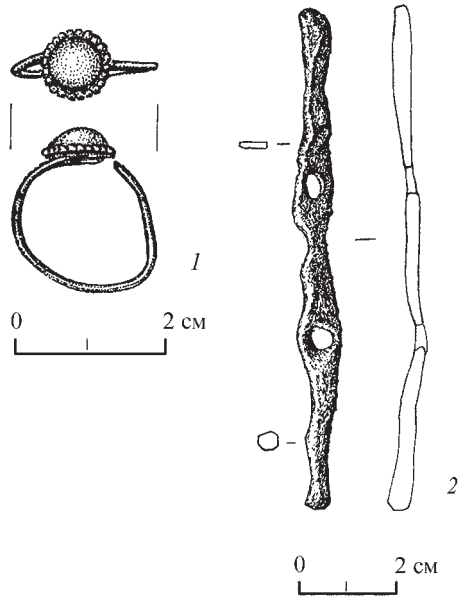

Рис. 2. Находки из кургана 1 могильника Венгерово-6.
1 – золотой перстень; *2* – двудырчатые железные удила.

*Погребение 1. Р*асположено в центре ограниченной рвами погребальной площадки. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Размеры могилы 2,3×2,9 м, глубина 0,82–0,96 м. Погребение ограблено. В заполнении могилы найдены кости человека, кости рыбы, развал керамического сосуда, два костяных и три железных наконечника стрел, фрагменты рукояти железного ножа с кольцевым навершием.

Погребение 2. Расположено в западной части погребальной площадки. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Размеры 2,3×3,4 м, глубина 1,17 м. В ЮВ углу могилы прослеживается небольшая ямка, заполненная костями рыбы.

Погребение ограблено, кости человека лежали в беспорядке. В центре могилы на уровне дна прослежено скопление фрагментов керамического сосуда саргатской культуры.

В заполнении могильной ямы найдены железный трехлопастной наконечник стрелы, круглая нашивная бляшка из плющеной золотой фольги, бронзовая литая бляха с зооморфным рельефом, выполненным в традициях скифо-сибирского звериного стиля, обломки неопределимых железных предметов. Под нижней челюстью погребенного обнаружен золотой перстень (рис. 2, *1*) со щитком, украшенным круглой голубой пастовой вставкой в напаянном гнезде-держателе, обрамлённом по краю зернью. Дужка перстня изготовлена из куска толстой проволоки, один конец которой припаян к щитку, второй оставлен незакреплённым. Подобный способ оформ-

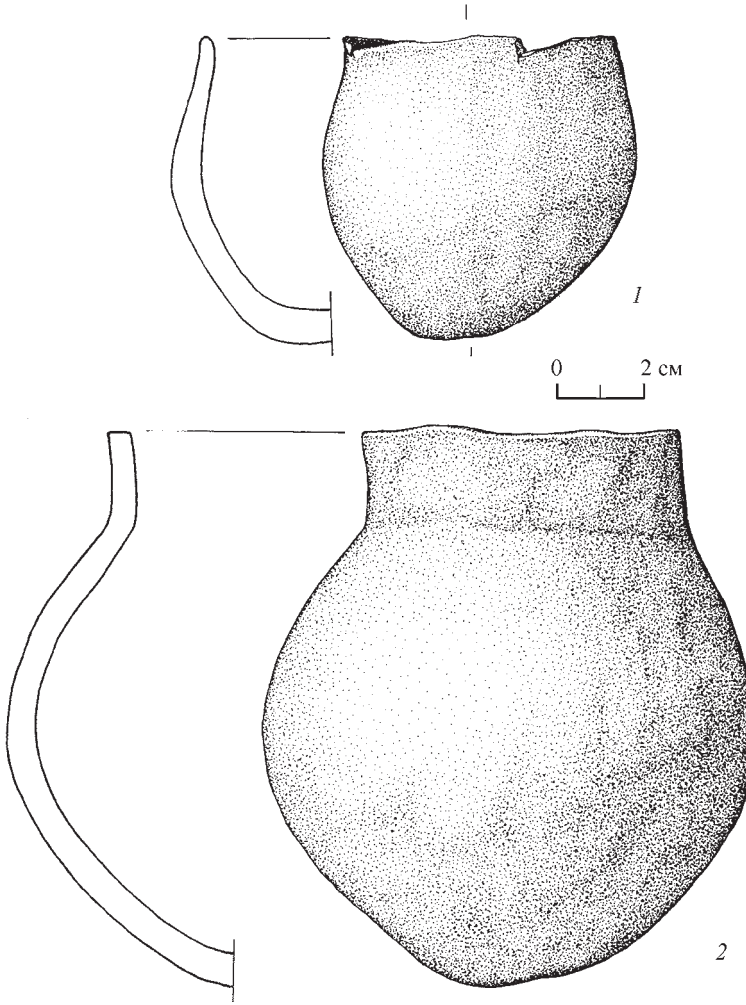

Рис. 3. Сосуды из кургана 1 могильника Венгерово-6.

ления щитка зафиксирован на бляхе из погребения у с. Шучье в Северном Казахстане [Засецкая, 1975]. По стилистическим и технологическим признакам найденный экземпляр сближается с серией перстней из Сибирской коллекции Петра I [Руденко, 1962]. Набор технологических приёмов: пайка, зернь, пастовые вставки, по мнению И.П. Засецкой [1975], характерен для эллинистического и римского ювелирного дела. Безразмерная проволочная дужка с одним незакреплённым концом так же весьма характерная деталь эллинистического искусства. Таким образом, судя по форме и технологии изготовления, перстень является западным, вероятнее всего, позднеантичным импортом.

Погребение 3. Расположено у ЮЗ края погребальной площадки, южной стенкой частично перерезает внутренний ров кургана. Могила подпрямоугольной формы с сильно скруглёнными углами вытянута по линии З–В. Вдоль северной стенки прослежен уступ шириной 0,04–0,28 и глубиной 0,1–0,16 м. На глубине 0,8–0,65 м от уровня материка, вдоль всех стенок, фиксируется ещё один широкий (0,1–0,37 м) уступ, видимо, играющий роль заплечиков. Размеры могилы по верхнему контуру 3,29×174 м; глубина от уровня материка 1,81 м. В заполнении могилы найдены кости рыб и фрагмент обожженной кости животного.

Умерший погребен на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Правая рука вытянута вдоль тела, левая отсутствует вместе с лопаткой. Локтевая и лучевая кости левой руки найдены между погребённым и южной стенкой могилы. Ноги вытянуты и слегка приподняты на 8–10 см. Обе стопы и берцовые кости левой ноги отсутствуют.

В погребении найдены: круглая поясная железная пряжка с подвижным язычком, 10 костяных наконечников стрел, крупная пастовая рубчатая бусина, круглодонный керамический сосуд (рис. 3, *2*).

Погребение 4. Ограблено. Могильная яма имела подпрямоугольную форму, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Её размеры 2,65×1,3 м, глубина 1,15 м. В СЗ углу на уровне дна зафиксировано скопление фрагментов сосуда саргатской культуры и лежащие в беспорядке кости взрослого человека.

Погребение 5. Полностью ограблено. Верхний контур сильно повреждён грабительскими ямами, нижний имеет форму вытянутого прямоугольника, ориентированного по линии СЗ–ЮВ. Размеры могилы 2,5×0,9 м, глубина от уровня материка 1,28–1,39 м. В заполнении могилы найдены: клюв водоплавающей птицы, обломки железного предмета, фрагмент локтевой кости и фаланги пальца человека.

Датирующий предметный комплекс могильника включает: железные наконечники стрел, пряжки с подвижным язычком, стеклянную бусину с внутренней позолотой, железный двудырчатый псалий.

Железные трехлопастные наконечники стрел широко представлены в саргатских материалах [Матвеева, 1994; Корякова, 1988]. Изделия такого типа известны для прохоровской культуры с III в. до н.э. [Корякова, 1988], с этого же периода они встречаются в Средней Азии и Казахстане [Литвинский, 1972]. У хуннов подобные наконечники существовали с III в. до н.э. по I в. н.э., а во II–III в. н.э. исчезают [Сорокин, 1956].

Железные пряжки с подвижным язычком имеют очень широкий круг аналогий. В кургане их найдено две: одна с лирообразной рамкой – во внешнем рву, вторая – круглая, происходит из погребения № 3. В.А. Могильников относит появление круглых пряжек с вращающимся язычком ко II–I вв. до н.э. [1997]. В Приобье такие пряжки встречены в могильниках Ордынское-1 и Быстровка-3, датируемых рубежом I в. до н.э. – I в. н.э. [Троицкая, 1979; Дураков, Мжельская, 1995]. Аналогии им имеются в прохоровской и хуннской культурах [Давыдова, 1985; Коновалов, 1976].

В материалах саргатской культуры круглые пряжки встречаются в поздних комплексах. Подобное изделие найдено в погребении 9 кургана 1 могильника Аббатский-3, датируемого в пределах I–IV вв. н.э. [Матвеева, 1994]. По классификации Л.Н. Коряковой, они относятся ко второму типу первой группы С.95 и в погребениях сопровождаются вещами II в. до н.э. – II в. н.э. [1988].

Пряжки с лирообразной рамкой так же обнаруживаются в комплексах саргатской культуры значительной серией [Матвеева, 1994]. Аналогии им известны в материалах таштыкской культуры и у хунну Забайкалья [Степная полоса…, 1992; Кызласов, 1960; Коновалов, 1976]. Л.Р. Кызласов относит их к 9 типу таштыкских пряжек и датирует I в. до н.э. – V в. н.э. [1960].

Железные прямые двудырчатые псалии найдены, например, в Тютринском могильнике [Матвеева, 1993]. Их появление относят к периоду III–II вв. до н.э. [Матвеева, 1993, Степная полоса…, 1992].

Стеклянные шаровидные бусины с внутренней позолотой широко известны в материалах саргатской культуры с территории Барабы [Полосьмак, 1987]. По классификации А.М. Алексеевой они относятся к 1 типу (вариант «а»), характерному для эпохи эллинизма [1975]. Как считает В.Б. Деопик, производство подобных бус было налажено в Александрии в III–II вв. до н.э., тогда же они появились в Северном Причерноморье и на Кавказе [1961]. Ю.Л. Щапова отмечала, что основными центрами производства таких бус для эллинистического времени кроме Египта, Месопотамии и Палестины, следует считать Сирию, Италию и европейские провинции Римской империи [1978]. Диапазон бытования бус с внутренней позолотой в Западной Сибири охватывал III в. до н.э. – II в. н.э., причём наибольшей популярностью они пользовались во II в. до н.э. – I в. н.э. [Корякова, 1988].

Таким образом, судя по вещевому материалу, данный памятник был сооружён в период II–I вв. до н.э. – I в. н.э. и относится к позднему периоду существования саргатской культуры. О культурной принадлежности памятника свидетельствует серия керамических сосудов, аналогии которым широко представлены в материалах саргатской культуры практически на всей огромной территории ее распространения (см. работы Л.Н. Коряковой, Н.П. Матвеевой, Н.В. Полосьмак). Исследованный комплекс, вероятно, имеет отношение к крупным курганам известного в археологии Сибири Усть-Тартасского могильника [Троицкая, Автушкова, 2010], расположенного на противоположной стороне урочища Таи и, вероятно, оставленного высшим социальным слоем саргатского общества.

Список литературы

Алексеева Е.М. Античные бусы северного Причерноморья. – М.: Наука, 1975. – Вып. Г. 1-12, ч. 1. – 96 с.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. – Л: Изд-во ЛГУ, 1985. – 111 с.

Деопик В.Б. Классификация бус Северного Кавказа // СА. – 1961. – № 3. – С. 202–232.

Дураков И.А., Мжельская Т.В. Исследования могильника Быстровка-3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. – Новосибирск: Изд-во НОКМ, 1995. – С. 47–65.

Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. – Л.: Аврора, 1975. – 79 с.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд., 1976. – 248 с.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. – 240 с.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М.: Изд-во МГУ, 1960. – 198 с.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши Мира». – М.: Наука, 1972. – 269 с.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 151 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – М.: Пущинский науч. центр РАН, 1997. – 195 с.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1998. – 138 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 143 с.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. – М.; Л: Наука, 1962. – 52 с.

Сорокин С.С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 3–14.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – 493 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 124 с.

Троицкая Т.Н.. Автушкова А.Л. Усть-Тартасский могильник (по материалам раскопок С.М. Чугунова) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2010. – № 2 (13). – С. 51–61.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 183 с.

Щапова Ю.Л. О происхождении некоторых типов позднеантичных стеклянных бус // Алексеева Е.М. Античные бусы северного Причерноморья. – М.: Наука, 1978. – С. 98–100.

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Нескоров

ЗАВЕРШЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МОГИЛЬНИКА СТАРЫЙ САД ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ*

В полевой сезон 2011 г. завершено исследование могильника Старый Сад (НСО, Венгеровский р-он). Памятник находится в 5 км к юго-западу от с. Венгерово, в 500 м к СВ от заброшенного сада, на краю террасы Государева озера. Первые раскопки на могильнике проведены Н.В. Полосьмак и В.И. Молодиным (1983 г.). Основную часть исследовал А.В. Нескоров, раскопав 90 насыпей (1983–1984, 1987 гг.) [Молодин, 1981; Молодин, Нескоров, 1992]. В 2010 г. В.И. Молодиным и Л.Н. Мыльниковой изучены пять курганных насыпей [Молодин, Мыльникова и др., 2010].

Весной 2011 г. еще на двух объектах была сделана геофизическая съемка, а затем произведены раскопки.

Курган 96 до начала работ представлял собой насыпь овальной формы высотой 0,39 м. Под насыпью выявлены два объекта – прокал и погребение.

Заполнение прокала в верхней части составляла почва оранжевого цвета. Нижнюю часть устилала темно-серая золистая почва. После выборки заполнения выяснилось, что прокал залегал в яме неправильной округлой формы (0,98×0,94 м) с чашевидным ступенчатым дном и ступеньками вокруг углубления. В заполнении прокала, в верхней части, найдены фрагменты керамики. Один из них – фрагмент горловины сосуда. По орнаментальным признакам он близок к изделиям данного памятника эпохи поздней бронзы. Очевидно, вышеописанный объект имеет непосредственное отношение к погребальной практике именно этой эпохи.

Погребение находилось в 0,45 м к северо-западу от прокала № 2. Могильная яма имела форму прямоугольника с округлыми углами, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Размеры по верхнему периметру 1,9×1,0 (1,01) м, глубина от уровня материка – 0,42–0,46 м. Стенки немного наклонные, дно ровное, с понижением к ЮВ части.

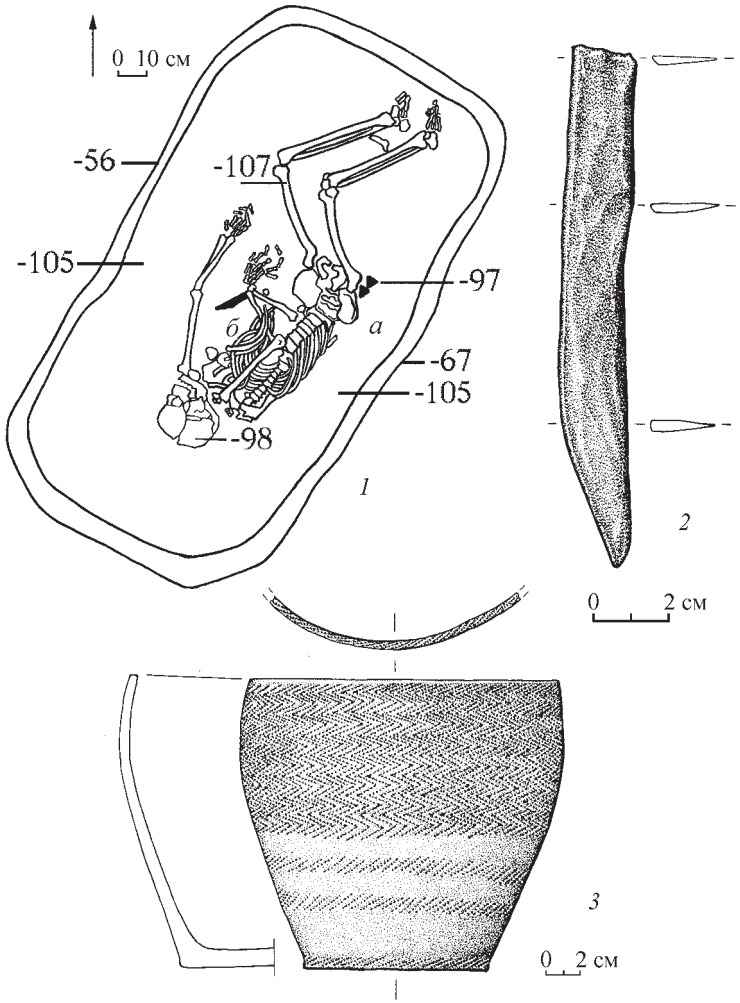
Погребен взрослый человек, ориентированный головой на ЮВ. Череп лицевой частью повернут к южной стенке могилы. Умерший был положен на спину с легким поворотом на левый бок. Левая рука вытянута, отставлена от тулова и немного согнута в локте, правая располагалась на тулове и была сильно согнута в локтевом суставе. Ноги, очевидно, были согнуты в коленях. У костей кисти правой руки найден однолезвийный бронзовый

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 11-0118066е).

нож (см. *рисунок, 2*) с накладкой на рукоять коры хвойного дерева. В районе костей таза обнаружены два отщепа.

Судя по положению и ориентации погребенного в могиле, а также по форме ножа, захоронение следует отнести к эпохе поздней бронзы.

Погребение и прокал, несомненно, связаны семантически. Курган 97 не имел рельефных признаков, поскольку подвергался регулярной распашке. Его примерные границы (как и границы геофизической карты) определены по распространению единичных костей животных и фрагментов керамики.

Могильник Старый Сад.
1 – погребение, курган 96 (*а* – отщепы; *б* – бронзовый нож); *2* – бронзовый нож из погребения кургана 96; *3* – сосуд из погребения кургана 97.

В результате размеры раскопа составили 17×18 м. В заполнении насыпи кургана, в разных ее частях, найдены: зуб животного, фрагменты керамики, а также несколько костей человека.

Могильная яма имела форму прямоугольника с округлыми углами, ориентирована по линии запад-восток с отклонением к северу. Северная стенка испорчена ходом крупного норного животного. Размеры ямы 1,9×1,5 м, глубина – 0,5 м от уровня материка.

В центральной части могильной ямы, на глубине 0,38 м от уровня материка, компактной кучкой располагались жженые кости человека. Под ними зафиксировано пятно ярко-красной почвы, выходящее за пределы границы распространения костей на 5–12 см. Данное наблюдение говорит о том, что процесс горения трупа продолжался и при помещении его в могилу. У западной стенки могильной ямы стоял керамический сосуд баночной формы, орнаментированный горизонтальной «елочкой», выполненной гребенчатым штампом. Аналогии ему достаточно широко известны в материалах андроновской культуры [Кузьмина, 2008, рис. 95, *16*; 100, *15*; 103, *13*]. Ближайшим памятником с аналогичной посудой является могильник Тартас-1 (см., например: [Молодин, 2010; Молодин, Чемякина, Мыльникова, 2008]).

Судя по погребальному обряду и орнаментации сосуда, погребение относится к андроновской (федоровской) культуре.

Таким образом, в настоящее время на могильнике Старый Сад исследовано 97 земляных конструкций, изучена 101 могила: 1 – эпохи ранней бронзы; 10 – эпохи развитой бронзы (андроновская культура); 71 – эпохи поздней бронзы; 19 – раннего железного века. Памятник можно квалифицировать как совокупность разновременных некрополей, среди которых основное место занимают погребения эпохи поздней бронзы. Как указывалось ранее [Молодин, Мыльникова и др., 2010], абсолютные аналогии материалам, обнаруженным в них, имеются в памятниках переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Центрального Казахстана (**VIII–VII вв.** до н.э.) [Ермолаева, 1987, рис. 43, *1–3, 33*], а также в материалах пахомовской [Корочкова, 2010, рис. 29, *27*; 30, *36*] и черкаскульской культур [Корочкова, Стефанов и др., 2005, с. 147–161].

В Барабинской лесостепи среди могильников или отдельных захоронений, которые относятся к этому образованию, точнее сказать, к его восточному варианту, можно назвать Преображенку-3, Абрамово-4, Гандичевский совхоз, Гришкину Заимку и др. [Молодин, 1981, 1985; Молодин, Новиков, 1998, с. 87–89; Молодин, Чикишева, 1988]. Некрополь Старый Сад занимает среди них особое место, как по представительности комплекса, так и по степени изученности. Это наиболее крупный могильник восточного варианта пахомовской культуры, исследованный в Барабинской лесостепи.

Раскопанная серия захоронений эпохи поздней бронзы с устойчивым и специфичным погребальным обрядом. Найденные предметы погребального инвентаря имеют принципиальное значение для разработки относительной периодизации культур эпохи бронзы, а также для понимания сути историко-

культурных процессов, происходивших в Западно-Сибирской лесостепи на рубеже перехода к новой эпохе – раннему железному веку. Первостепенной задачей, которую видят перед собой авторы, является подготовка и издание обобщающей монографии, включающей все материалы по эпохе бронзы.

Список литературы

Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата, 1987.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. – 104 с.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Микрюкова О.В.. Берсенева Н.А., Шарапова С.В. Позднебронзовый могильник близ села Больше-Казакбаева на севере Челябинской области // Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рожд. В.Ф. Генинга). – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. – С. 147–161.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: ПринтА, 2008. – 358 с.

Молодин В.И. О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. – Новосибирск, 1981. – Вып. 1. – С. 15–17.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985.

Молодин В.И. Отчет об археологических раскопках в Венгеровском, Чановском районах Новосибирской области 2010 года // Архив ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск, 2010.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Нескоров А.В. Продолжение исследований могильника эпохи поздней бронзы Старый Сад в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итог. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – С. 247–250.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения Западно-Сибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения 1990 г. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 93–97, 244–246.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: Изд. НПЦ по сохр. ист.-культ. наследия, 1998. – 140 с.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н. Отчет об археологических исследованиях сезона 2008 года в Венгеровском, Чановском районах Новосибирской области // Архив ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск, 2009.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культуры эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск, 1988. – С. 125–206.

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова,
К.А. Борзых, А.Г. Марочкин

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ КРОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕНГЕРОВО-2 И ОТКРЫТИЕ НЕОЛИТИЧЕСКОГО МОГИЛЬНИКА ВЕНГЕРОВО-2А*

В 2011 г. были возобновлены полевые исследования поселения Венгерово-2. Памятник расположен на краю второй надпойменной террасы левого берега р. Тартас в Венгеровском районе Новосибирской области. Поселение открыто в 1966 г. Т.Н. Троицкой [Троицкая и др., 1980]. В 1973 и 1975 гг. оно исследовалось под руководством одного из авторов. Были раскопаны два жилища, материалы которых отнесены к кротовской культуре [Молодин, 1977; Молодин, Полосьмак, 1978].

В качестве объекта изучения выбрана западина рядом с жилищем № 2. Перед началом работ проведена геомагнитная съемка, позволившая еще до раскопок определить границы котлована жилища, а также некоторые его конструктивные особенности, включая расположение очага. Раскоп площадью 203 м^2 включал как западину, так и межжилищное пространство (рис. 1).

Котлован жилища № 3 трапециевидной формы, ориентирован длинными сторонами по линии С–Ю. Размеры котлована – 10,1×7,5 м. Южная стенка у́же северной почти на 1 м. Стенки прямые, практически перпендикулярные полу, углублены в материк на 0,2–0,3 м. Пол относительно ровный, с некоторым понижением к стенкам котлована. В восточной стенке зафиксирован переход (?) в жилище № 2 – коридорообразное углубление шириной до 0,8 м. Это позволяет интерпретировать исследованную конструкцию как вторую камеру жилища № 2, поскольку отдельный выход из нее не прослеживается.

Столбовые ямы диаметром 0,15–0,3 м и глубиной 0,15–0,37 м внутри конструкции располагались вдоль стен (за исключением южной). Особый интерес представляют большие ямы подовальной формы, сооруженные вплотную к стенам котлована, частично нарушая последние. Состав находок (кости животных, рыб, фрагменты керамики), а также конструктивные особенности ям указывают на их хозяйственное назначение (вероятно, погреба).

В центре жилища находился очаг. Он представлял собой подпрямоугольную яму размерами 1,6×0,7 м, углубленную на 0,3 м. Верхняя часть заполне-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 11-0118067е) и интеграционного проекта СО РАН № 16.

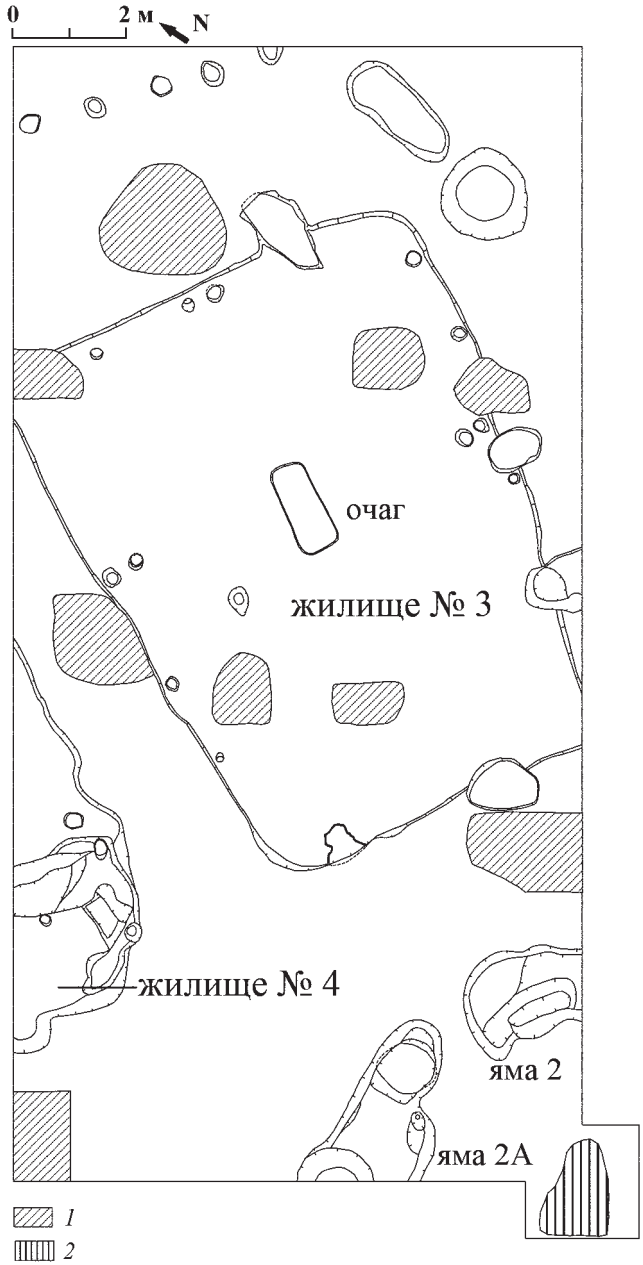

Рис. 1. План раскопа на уровне материка. Венгерово-2.
1 – нераскопанные участки, занятые деревьями; *2* – погребение 1.

ния очага представлена буро-коричневой прокаленной супесью мощностью 0,15 м. Ее подстилал слой золистой пепельно-болотной супеси (мощность 0,08 м). У южной стенки фиксировался участок темно-серой золистой супеси. Дно и стенки очага прокалены на 0,1–0,12 м. В заполнении очага обнаружено большое количество фрагментов керамики, глиняные шарики (рис. 2, *3, 6*), налепные керамические «ручки», фрагменты тиглей, керамические диски и бруски, фрагменты костяных наконечников, отщеп. Интересной особенностью является наличие в заполнении огромного количества мелких жженых костей и отсутствие углей и углистых прослоек. Это дает возможность предположить, что единственным видом топлива (по крайней мере, на финальной стадии функционирования) служили кости животных.

С северной стороны, на расстоянии 4 м, снаружи от стенок котлована фиксировался еще один ряд столбовых ям. Возможно, это остатки конструкции типа навеса, пристроенного к северной стене жилища.

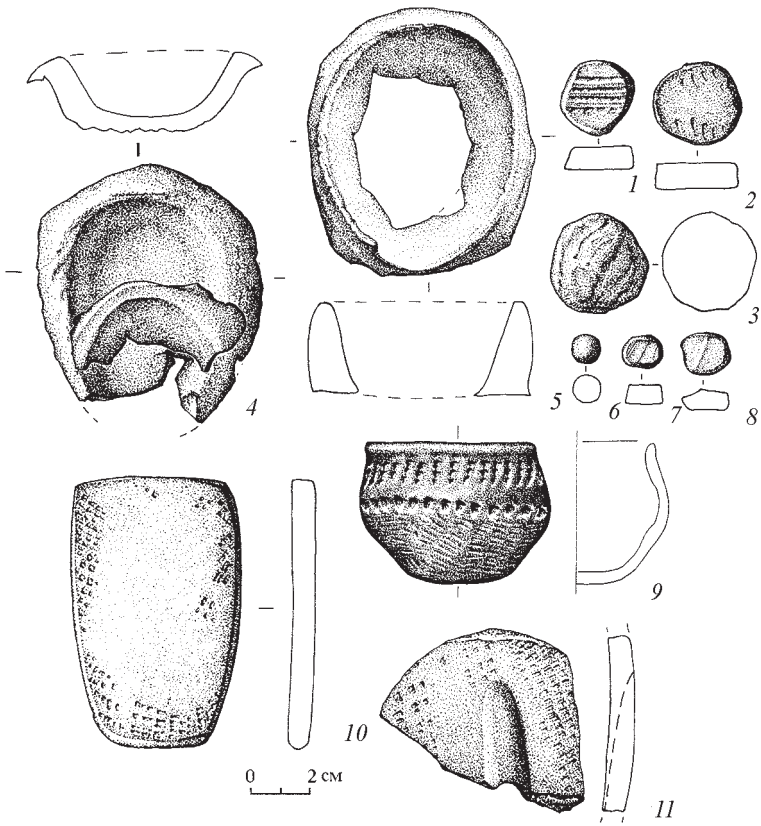

Рис. 2. Изделия из глины. Венгерово-2.
1, 2, 7, 8 – диски; *3, 6* – шарики; *4, 5* – тигли; *9* – сосуд; *10* – лощило; *11* – форма (?).

Керамическая коллекция практически полностью идентична материалам раскопок предыдущих лет [Молодин, Полосьмак, 1978]. Фрагменты керамики в больших количествах фиксировались практически на всей площади раскопа. Крупные же скопления и развалы сосудов локализовались, в основном, под стенками жилища. Особый интерес представляет миниатюрный сосуд, обнаруженный в межжилищном пространстве. Его высота 4,4 см, диаметр венчика 5,1 см. Изделие орнаментировано оттисками гребенки и вдавлениями углом лопаточки (рис. 2, *9*). Такие сосуды более характерны для погребальных комплексов кротовской культуры, чем для поселенческих.

Необычной по количеству и разнообразию представляется коллекция изделий, выполненных из фрагментов керамики. Можно выделить несколько основных категорий: диски диаметром от 1,5 до 11 см, бруски подпрямоугольной формы, абразивы, лощила (рис. 2, *1, 2, 7, 8, 10, 11*). Отдельные категории подобных предметов найдены на памятниках елунинской [Кирюшин и др., 2004], бархатовской и саргатской [Матвеева и др., 2008] культур, а также памятниках эпохи бронзы Монголии [Korean-Mongolian…, 2002].

В северном углу жилища зафиксирован участок, связанный с бронзолитейным производством. В скоплении фрагментов керамики обнаружены два тигля (рис. 2, *4, 5*), а также ошлакованный фрагмент бронзы. У одного из тиглей отсутствует дно, в качестве которого использовался фрагмент сосуда, соединенный с ним при помощи расплющенного глиняного жгутика. Аналогичное изделие найдено на кротовском поселении Преображенка-3 [Молодин, 1977].

Каменный инвентарь представлен отходами производства (отщепы случайной и пластинчатой форм) и немногочисленными орудиями (ножевидные пластины со следами вторичной обработки и утилитарной ретуши, скребки округлой, подквадратной и концевой форм, фрагмент бифаса, абразив). Среди каменных изделий присутствует бусина цилиндрической формы.

Таким образом, работы этого года не только подтвердили хронологическую и культурную атрибуцию памятника, но и позволили выявить ряд новых конструктивных особенностей в устройстве котлованов жилищ:

1. Иная ориентация сооружения.

2. Наличие двухкамерных построек (подобные конструкции изучены на однокультурном поселении Преображенка-3 [Молодин, 1974]).

3. Укрепление стен со всех сторон мощной «завалинкой» из утрамбованной материковой супеси.

4. Наличие хозяйственных ям-погребов, устроенных вплотную к стенкам жилища.

5. Организация пристройки-навеса у северной стенки жилища.

Выявление новых особенностей жилищных конструкций, пополнение коллекции инвентаря, обнаружение новых категорий орудий позволят полнее охарактеризовать систему хозяйственно-производственной деятельности древнего населения поселка кротовской культуры.

В ходе поиска нижней границы слоя, связанного с функционированием кротовского поселения, в южном углу раскопа, ближе к краю террасы, обнаружены два погребения, включающие человеческие кости, как минимум, 4 индивидов. Погребение № 1 изучено полностью, а погребение № 2 законсервировано. Памятнику присвоено наименование Венгерово-2А. Поскольку наиболее вероятно, что могильник относится к эпохе неолита, уместно дать подробную характеристику исследованного объекта.

Погребения приурочены к слою черно-серой супеси, стратиграфически залегающему ниже культуросодержащего слоя, связанного с кротовским поселением. Именно с этим слоем связано заполнение двух ям (2 и 2а), расположенных севернее захоронений. Последнее обстоятельство позволяет трактовать ямы как сегменты разомкнутого рва, являющегося одним из элементов погребального комплекса.

По уровню залегания костей в погребении № 1 выделено несколько условных горизонтов.

Горизонт 1. Зафиксировано компактное скопление длинных костей рук и ног человека, ориентированных по оси СВ–ЮЗ. К юго-западу отмечена область распространения жженых костей, принадлежность которых не определена. Немногим выше уровня залегания скопления костей обнаружен первичный скол с сохранившейся галечной коркой (рис. 3, *3*).

Горизонт 2. Под областью жженых костей зафиксированы кости левой руки в анатомическом порядке, а также локтевая кость правой руки.

Горизонт 3. Под скоплением длинных костей из первого горизонта, с небольшим смещением к западу, обнаружена верхняя часть скелета человека в анатомическом порядке, ориентированная по линии СВ–ЮЗ (череп, лопатки, ключицы, часть позвонков и фрагменты ребер). Череп сильно сдвинут вперед, основанием практически встав на грудной отдел позвоночника, но без нарушения анатомического сочленения с шейными позвонками. По определению антропологов, скелет принадлежал мужчине 35 лет. На уровне данного горизонта обнаружено несколько отщепов (рис. 3, *2*), фрагмент ножевидной пластины (рис. 3, *1*). В области груди погребенного найдена крупная ножевидная пластина, с обеих сторон подработанная мелкой краевой ретушью (рис. 3, *4*).

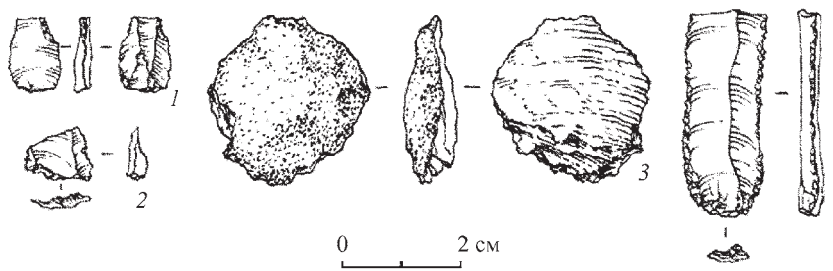

Рис. 3. Каменный инвентарь. Венгерово-2А.

Таким образом, несмотря на крайне фрагментарную информацию, следует констатировать, что перед нами захоронения, выполненные по обряду вторичных. Весьма вероятно, что они были окружены рвом, конструкцию и параметры которого еще предстоит выяснить. Характер надмогильного сооружения, как и конструкций могильных ям, пока не определен. Однако сопроводительный инвентарь, степень сохранности костей, своеобразный цвет костяков говорят о достаточно древнем возрасте захоронений, что делает крайне актуальным последующее изучение памятника.

Наибольшее сходство с рассматриваемым комплексом демонстрируют материалы неолитического могильника Протока, расположенного в северо-западной Барабе [Полосьмак и др., 1989]. Именно на Протоке зафиксировано самое раннее из известных на сегодняшний день для Западной Сибири земляное сооружение, выявлено ограничение погребального пространства рвом, разомкнутым по оси С–Ю. Полностью совпадает и вторичный характер погребений, а также расположение останков умерших на материке при невыраженном характере могильных ям.

Косвенно в пользу неолитической даты обнаруженного могильника говорят немногочисленные фрагменты керамической посуды с упрощенной горизонтально-волнистой орнаментацией, обнаруженные в слое черно-серой супеси (в т. ч. в заполнении рвов), вероятно, имеющие прямое отношение к могильнику. По мнению В.В. Боброва, данную посуду следует относить к артынской культуре эпохи позднего неолита [2008]. Ближайшим к могильнику Венгерово-2А памятником со сходным материалом является поселение Автодром-2, расположенное в 300 м западнее от рассматриваемого комплекса [Бобров, Марочкин, 2009].

Список литературы

Бобров В.В. К проблеме культурной принадлежности позднеолитического комплекса поселения Автодром-2 // Окно в неведомый мир. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 110–113.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Новые материалы позднего неолита в лесостепной Барабе (по материалам раскопок поселения Автодром-2 в 2009 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 44–49.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М.. Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской лесостепи. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – Т. 1. – 288 с.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. – Новосибирск: Наука, 2008. – 240 с.

Молодин В.И. Преображенка-3 – памятник эпохи ранней бронзы // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1974. – Вып. 15. – С. 101–104.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Венгерово-2 – поселение кротовской культуры // Этнокультурные явления в Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1978. – С. 17–29.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 104 с.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 183 с.

Korean-Mongolian Joint expedition in Mongolia 1997–2001. – Мон – Сол төслийн 5 жил, 2002. – 120 с.

В.И. Молодин, С. Хансен, Л.Н. Мыльникова, А. Наглер, Л.С. Кобелева, И.А. Дураков, Н.С. Ефремова, О.И. Новикова, М.С. Нестерова, Д.А. Ненахов, Ю.Н. Ковыршина, Н.Н. Мосечкина, Ю.А. Васильева

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА ТАРТАС-1 В 2011 ГОДУ: ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ*

В полевой сезон 2011 г. Западносибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН совместно со специалистами Германского археологического института (г. Берлин) продолжили многолетние исследования памятника Тартас-1, расположенного в Венгеровском р-не Новосибирской области, в устьевой зоне реки Тартас.

Уникальность памятника определяется целым рядом обстоятельств. Во-первых, уже сегодня можно уверенно констатировать, что это один из крупнейших некрополей, содержащий захоронения практически всех культур эпохи бронзы, которые известны на сегодняшний день в Обь-Иртышской лесостепи. Геофизические исследования памятника, продолженные в 2011 г., свидетельствуют о том, что раскопками изучена едва ли его третья часть.

Во-вторых, на памятнике выявлены погребения и ритуальные комплексы практически всех известных в регионе культур от раннего бронзового века до позднего средневековья включительно.

В-третьих, памятник привлекает наличием значительного количества не потревоженных захоронений.

В-четвертых, исследованная часть некрополя предоставила в распоряжение ученых уникальные сюжеты, позволяющие судить, например, о динамике миграционных процессов в период развитой бронзы в регионе [Молодин, Мыльникова, Новикова и др., 2009] или реконструировать стратиграфическую колонку залегания погребальных комплексов различных культур эпохи бронзы [Молодин, Мыльникова, Новикова и др., 2011].

Раскопки памятника ведутся сплошной площадью, с удалением перекрывающего комплекс грунта и складированием его для последующей рекультивации. За основу методики исследования взят мультидисциплинарный подход к изучению источника на всех уровнях исследовательской процедуры.

В 2011 г. раскопы закладывались по всей поверхности террасы, по линии с северо-востока на юго-запад. Сплошной площадью вскрыто 1 575 м^2. Изучено 67 погребальных комплексов различных эпох и культур, а также

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 11-0118067е, 10-01-00193а) и интеграционного проекта СО РАН № 16.

57 ям, значительная часть которых имела ритуальное значение. Приведем некоторые новейшие результаты.

Наиболее древними захоронениями, обнаруженными в 2011 г., являются 6 погребений одиновской культуры. Очевидно, комплекс территориально приурочен к юго-западной части террасы. Особо следует отметить захоронение № 487. Умерший был положен на спину с подогнутыми вверх коленями, с несколько приподнятой верхней частью туловища. В погребении обнаружен бронзовый кельт (рис. 1, *2*), более всего напоминающий сейминско-турбинские образцы и сопоставимый с разрядом К-4 по периодизации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989], костяное шило-проколка (рис. 2, *3*), а также выполненный из третьей пястной левой фаланги медведя стилизованный фаллос (рис. 2, *2*). Важно отметить, что аналогичный предмет обнаружен в погребальном комплексе кротовской культуры памятника Камыши-1 [Молодин, Гаркуша и др., 1999], хронологически и территориально близкий рассматриваемому нами.

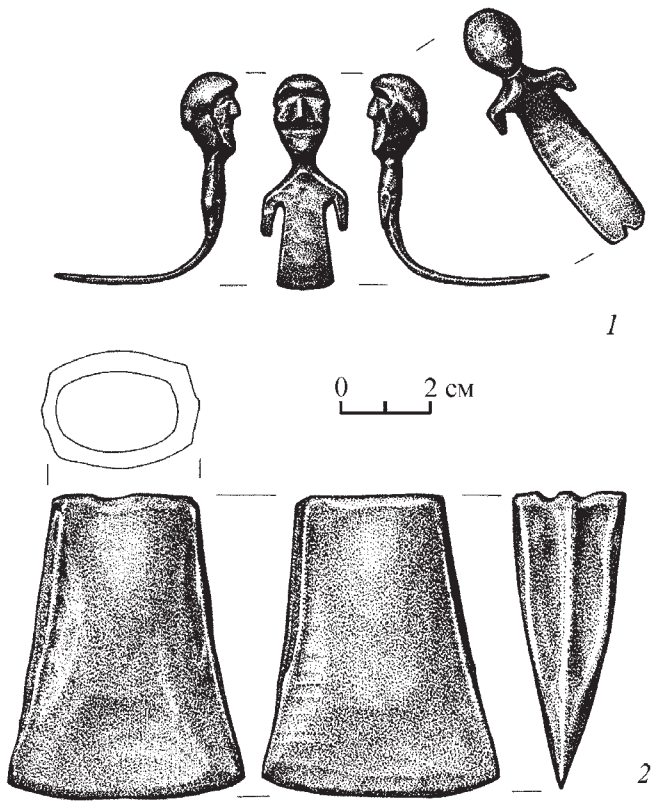

Рис. 1. Находки из погребений могильника Тартас-1.
1 – бронзовая фигурка (идол); *2* – бронзовый кельт.

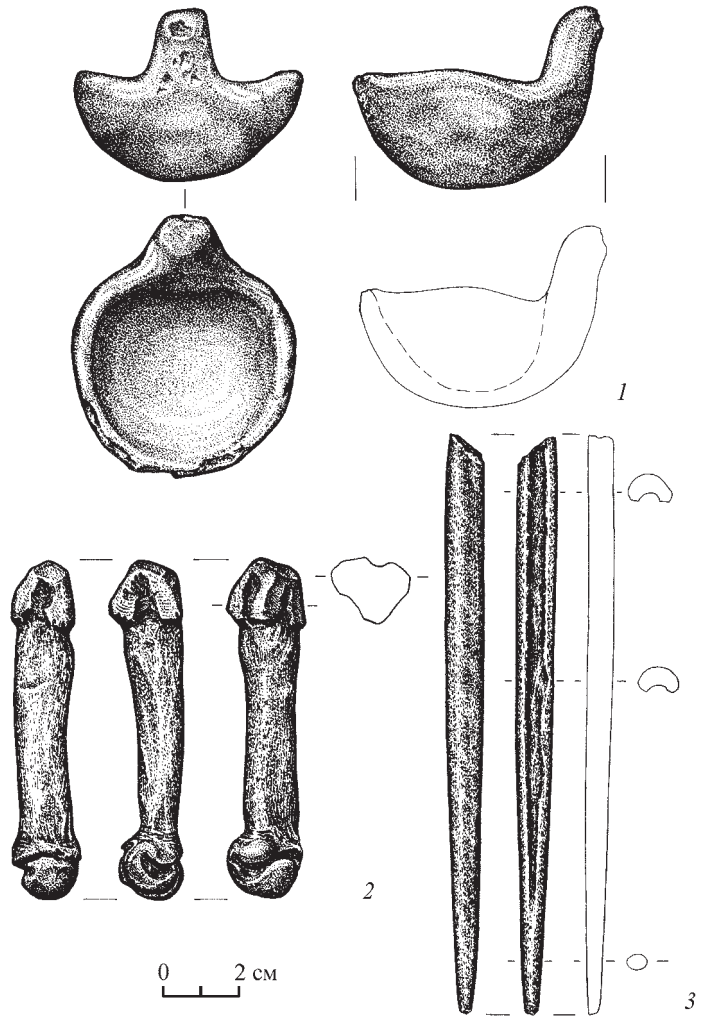

Рис. 2. Находки из погребений могильника Тартас-1.
1 – керамический сосудик; *2* – стилизованный фаллос; *3* – костяное шило-проколка.

Находка сейминско-турбинского кельта in situ позволяет надежно атрибутировать два аналогичных изделия, найденных на памятнике Преображенка-6 [Молодин, Чемякина и др., 2004] и происходящих из явно разрушенных погребений одиновской культуры. Полученные данные свидетельствуют о несомненной концентрации на могильнике Тартас-1 захоронений данной культуры в ЮЗ части террасы. Вероятно, это вообще особый могильник одиновской культуры, в отличие от исследованного ранее на памятнике [Молодин, Хансен и др., 2010]. Крайне любопытно, что пла-

ниграфически шесть изученных захоронений оконтурены системой глубоких ям, содержащих в т.ч. фрагменты одиновской посуды.

Продолжено изучение некрополя, относящегося к позднекротовской культуре. В 2011 г. выявлено 7 захоронений. Еще одно погребение является смешанным (позднекротовским – андроновским). Несмотря на сильную степень разрушенности некрополя, связанную с активным антропогенным воздействием, получены интересные научные данные. Замечательна находка бронзового идола (рис. 1, *1*), обнаруженного in situ в непотревоженной части почти разрушенного захоронения № 445. Семантически схожие изображения, выполненные из камня, известны в виде случайных находок, относящихся в западносибирском регионе к эпохе ранней (доандроновской) бронзы [Кирюшин, Грушин, 2009]. Вместе с тем, обнаруженный предмет во многом оригинален. Туловище человека (мужчины?) передано в условной, плоскостной манере, а голова выполнена объемно. При этом реалистичны черты лица и головной убор в виде плотно прилегающей шапочки (типа войлочной «сванки»). По-видимому, аналогичный головной убор показан на антропоморфной фигурке лыжника, управляющего лошадью, на знаменитом навершии бронзового ножа из могильника Ростовка [Матющенко, 1970], который хронологически, культурно, да и территориально близок тартасскому. Кроме того, аналогичный головной убор изображен на каменных скульптурках из Саввушки [Кирюшин, 1991] и с р. Туй [Мошинская, 1952].

Означенная находка ставит целый комплекс проблем (в т.ч. семантического толка), поэтому нуждается в специальном анализе.

Еще одну группу захоронений, исследованных на памятнике в 2011 г., составляют андроновские (федоровские) комплексы (45 шт.). Как и в предыдущие годы, это – грунтовые могилы взрослых и детей, представленные трупоположением и трупосожжением. Уже такое сочетание, как и другие специфические черты погребальной практики, отмеченные ранее [Молодин, 2011], делают андроновские погребения на могильнике Тартас-1 весьма существенным источником для понимания миграционных и адаптационных процессов.

Еще одной новацией 2011 г. является дополнительное выделение отдельных погребений земляным ровиком или системой крупных ям с остатками мясной и рыбной пищи, керамики и следов огня. Вся эта информация существенно дополняет наши представления как о погребальной практике адаптировавшегося в Обь-Иртышье пришлого населения андроновской историко-культурной общности, так и об истоках миграций и процессах адаптаций в этнически чужеродной среде.

В этом плане обращает на себя особое внимание уникальная находка, сделанная в андроновском (федоровском) захоронении № 478, – небольшой глиняный сосудик в виде уточки (рис. 2, *1*). Подобные емкости абсолютно нехарактерны для культур андроновской культурно-исторической общности. Вместе с тем, подобные деревянные емкости в виде фигурок водопла-

вающих птиц (прежде всего, уточки) обнаружены в торфяниках Урала и относятся в т.ч. к периоду раннего металла [Чаиркина, 2005]. Отмеченные обстоятельства позволяют оценивать характеризуемую находку как местную, попавшую в андроновскую (федоровскую) могилу от аборигенного населения, еще сохранившего автохтонные культурные традиции.

Кроме обозначенных погребальных памятников эпохи бронзы, на могильнике обнаружены: древнетюркское захоронение с чучелом коня, относящееся к концу I – началу II тыс. н. э., а также два захоронения периода позднего средневековья, одно из которых сопровождал скелет лошади. Фрагменты керамики, обнаруженные в захоронении № 488, позволяют отнести данный комплекс к кыштовской культуре, выделенной одним из авторов [Молодин, 1987].

Таким образом, из 67 погребальных комплексов, исследованных в 2011 г., 62 оказались надежно культурно или хотя бы хронологически диагностируемыми. Особого анализа требует система сопровождаемых захоронения ям, относящихся к хронологическим периодам и несущих разную семантическую нагрузку.

Список литературы

Кирюшин Ю.Ф. Каменная скульптура эпохи бронзы с Алтая // Изв. СО АН СССР. Сер. Ист., филол. и философ. – Новосибирск: Наука, 1991. – Вып. 2. – С. 66–70.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Предметы мобильного искусства раннего и среднего бронзового века лесостепного Обь-Иртышья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 4 (40). – С. 67–75.

Матющенко В.И. Нож из могильника у деревни Ростовка // КСИА. – 1970. – Вып. 123. – С. 103–105.

Молодин В.И. Угорские памятники эпохи позднего средневековья в Обь-Иртышской лесостепи: Кыштовская культура // XVII Всесоюз. фин.-угор. конф.: Тез. докл. – Устинов, 1987. – С. 54–56.

Молодин В.И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии: К 70-летию Д.Г. Савинова: Тр. Сиб. ассоц. исследователей первобыт. искусства. – Кемерово, 2011. – Вып. VII. – С. 58–69.

Молодин В.И., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Шатов А. Г. Новый могильник кротовской культуры в Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 433–438.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И. К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: Стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 3 (47). – С. 40–56.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьев А.И., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А. Этнокуль-

турные процессы у населения Центральной Барабы в эпоху развитой бронзы (по материалам исследования могильника Тартас-1 в 2009 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 337–342.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Нестерова М.С. Тартас – 1: Открытия 2010 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 262–267.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Михеев О.А. Археолого-геофизические исследования могильника Тартас-1 в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. I. – С. 372–377.

Мошинская В.И. О некоторых каменных скульптурах из Прииртышья // КСИИМК. – 1952. – Вып. 43. – С. 55–65.

Чаиркина Н.М. Энеолит среднего Зауралья. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. – 312 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

А. Наглер, Л.С. Кобелева, И.А. Дураков,
В.И. Молодин, С. Хансен

АНДРОНОВСКИЙ (ФЕДОРОВСКИЙ) КУРГАН НА МОГИЛЬНИКЕ ПОГОРЕЛКА-2 (ЦЕНТРАЛЬНАЯ БАРАБА)*

Российско-германская экспедиция Института археологии и этнографии СО РАН и Евразийского отделения Германского археологического института продолжила совместные исследования курганного могильника Погорелка-2 в Чановском районе Новосибирской области, начатые в 2009 г. [Молодин, Наглер и др., 2009]. В качестве объекта исследования выбран курган № 13, расположенный на пашне, к северо-западу от одноименного села. Выбор объекта был продиктован геофизическими исследованиями, проведенными совместными усилиями в 2010 г. (руководитель работ профессор Фассбиндер). Магнитограмма изначально показала под насыпью подквадратную структуру с двумя аномалиями в центральной части. Выявленная особенность отличала данный объект от остальных сооружений памятника, подвергшегося мониторингу.

После снятия насыпи обнаружились конструктивные особенности сакрального пространства в виде четырех вытянутых рвов и жертвенной ямы с прокалом, которую один из рвов перерезает (рис. 1).

Размеры огороженной рвами площадки составили 15×15 м. В ее центральной части обнаружены два погребения подпрямоугольной формы, ориентированные по линии СВ–ЮЗ, расположенные параллельно друг другу.

Погребение № 1. Могильная яма подпрямоугольной формы размером 290×166 см. Стенки неровные. В западной части прослежены следы вероятного проникновения. Заполнение погребения было неоднородным, сильно потревожено ходами грызунов. На уровне дна зафиксирована линза красной охры с углем и слой черной, сажистой почвы. Стенки могильной ямы оказались неровными; у западной стенки обнаружена ступенька округлой формы. В заполнении погребения найдены кости рыбы и кости четырех (судя по килевым костям) крупных птиц (гуся или лебедя).

На дне могилы, в восточном углу, обнаружен керамический сосуд – горшок, орнаментированный по горловине косыми заштрихованными треугольниками, а по тулову – меандрами (рис. 2, *1*). В северном углу найдены дно и придонная часть другого сосуда. Еще два его фрагмента обнаружены у северо-западной стенки. Горловина и плечики сосуда орнаментированы «елочкой», выполненной мелкозубым гребенчатым штампом (рис. 2, *4*).

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 10-01-00193а).

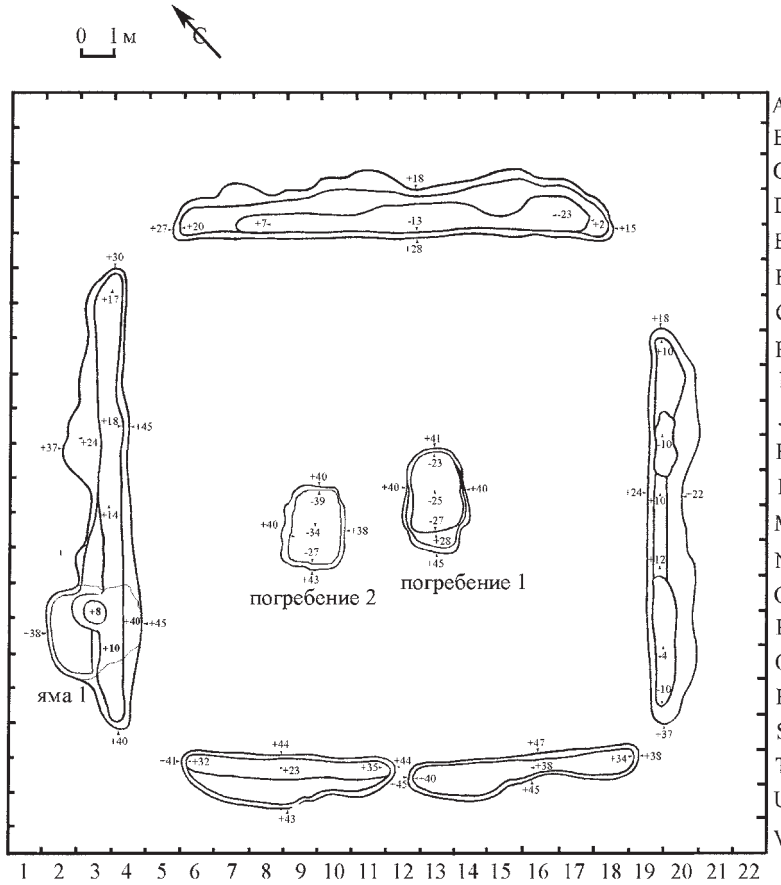

Рис. 1. План по материку, курган № 13. Могильник Погорелка-2.

У юго-западной стенки зафиксирован большой фрагмент третьего сосуда, орнаментированного рядами валиков по горловине (рис. 2, *б*). Фрагменты четвертого сосуда с подобной орнаментацией обнаружены в южном углу (рис. 2, *3*).

Кроме керамики, в центральной части погребения на дне могилы присутствовали фрагменты горелого дерева в виде скопления углей, а также участки, покрытые красной охрой.

Погребение № 2. Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 231×166 см. Заполнение могильной ямы сильно потревожено норами грызунов. На уровне дна зафиксирован слой красной охры с угольками. В северо-западном углу захоронения обнаружено скопление жженых костей взрослого человека. Антропологически определимы две фаланги пальцев и фрагменты черепа. В юго-западном углу могильной ямы стоял керамичес-

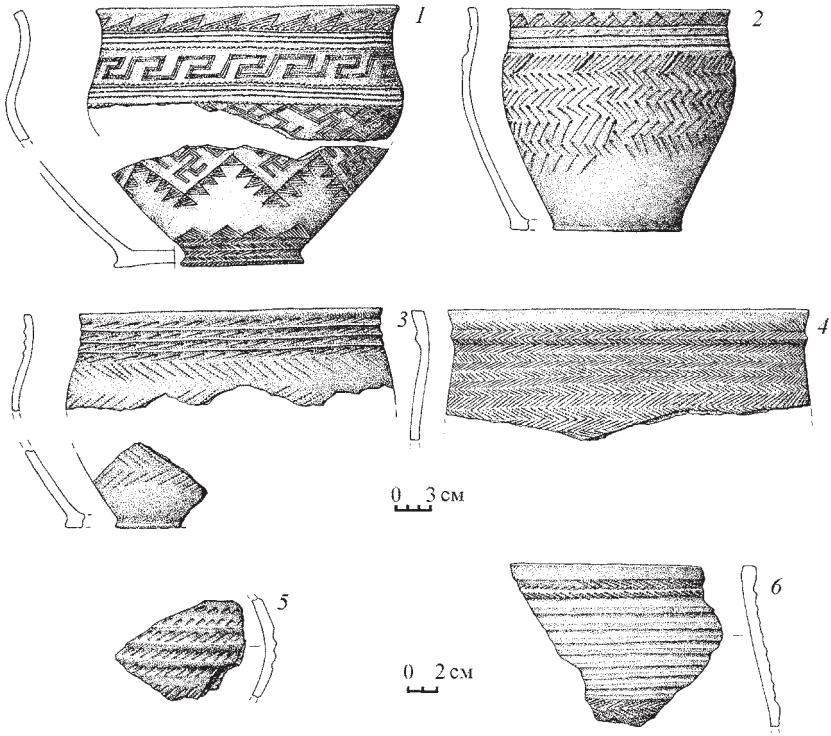

Рис. 2. Керамические сосуды из кургана № 13. Могильник Погорелка-2.

кий сосуд, орнаментированный по горловине тремя рядами линий и рядом заштрихованных равнобедренных треугольников (рис. 2, *2*). Интересной особенностью является наличие ряда свисающих коротких косых налепов на горловине. В северо-восточном углу зафиксированы фрагменты от еще одного керамического сосуда – дно, придонная часть и части горловины. Сосуд орнаментирован рядами валиков и овальных вдавлений (рис. 2, *5*). По всему дну погребения прослеживаются пятна красной охры.

Ориентируясь на погребальную практику и керамический комплекс, можно уверенно отнести исследованный объект к андроновской (федоровской) культуре, памятники которой хорошо известны в Барабинской лесостепи [Молодин, 1985].

Аналогичные по структуре сооружения на означенной территории были найдены при раскопках могильника Старый Тартас-4, находящегося также на р. Оми вниз по течению от с. Погорелка [Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 53, рис. 3, *2*].

Вообще, следует отметить, что акты обособления погребального пространства встречаются в андроновских памятниках Минусинской котловины и на территории Казахстана. Так, в могильнике Лисаковский I, расположенном на правом берегу р. Табол в Костанайской области Республики

Казахстан, обнаружены погребения, огороженные квадратными или прямоугольными каменными оградками [Усманова, 2005, рис. 32, *1*; 34, *3*]. Подобные захоронения раскопаны в могильниках Центрального Казахстана [Маргулан и др., 1966]. На берегах Енисея, в могильниках Сухое Озеро I и Орак, в нескольких курганах также присутствовали подобные архитектурные конструкции [Максименков, 1978, табл. I, XVIII, XXI]. При этом из-за отсутствия выходов камня на территории Барабы вполне объяснима замена оградки на ров.

Похожие конструкции, как и сходные в плане сооружения, зафиксированы на более поздних памятниках ирменской культуры, что указывает на хронологическую близость сопоставляемых комплексов данных культур [Молодин, 1985, с. 131–136; Молодин, Чикишева, 1988, с. 132, 135, 146, 148; Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002, с. 53]. Отмеченное обстоятельство может свидетельствовать о принадлежности раскопанного сооружения к завершающей стадии андроновской (федоровской) культуры в Барабе, т.е. к середине II тыс. до н.э.

Керамические материалы, полученные в ходе раскопок, имеют своеобразие, но, тем не менее, типичны для андроновских (федоровских) памятников. Из шести сосудов два являются археологически целыми, остальные представлены фрагментарно. Необычен лишь сосуд № 1 баночной формы из погребения № 2, имеющий свисающие косые налепы по горловине.

Классический вариант андроновской (федоровской) керамики представляет нарядный горшок, украшенный меандрами и композицией из свисающих треугольников. Аналогии ему можно найти на всей территории бытования носителей андроновской (федоровской) культуры [Кузьмина, 2008; Маргулан и др., 1966; Матвеев, 1998].

Пятна красной охры на дне могилы в некоторых андроновских (федоровских) погребениях зафиксированы на территории Притоболья [Матвеев, 1998, с. 200]. Это минеральное вещество обнаружено также в гробницах могильников Алакульского [Сальников, 1952, с. 53] и Субботино [Потемкина, 1985, табл. 24]. Вместе с тем, данная традиция для андроновских (федоровских) памятников Барабы не является типичной.

Свидетельства совершения ритуалов захоронения с использованием огня зафиксированы на многих андроновских могильниках. Например, ямы со следами огня присутствуют в Хрипуновском могильнике на территории Притоболья [Матвеев, 1998, с. 194].

Исследованный в 2011 г. комплекс, без сомнения, принадлежит к восточному ареалу андроновской культурно-исторической общности, хотя и демонстрирует известное своеобразие.

Список литературы

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников Андроновской культурной общности. – Актобе: ПринтА, 2008. – 358 с.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 192 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, 1998. – 417 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Наглер А., Соловьев А.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Чемякина М.А., Дядьков П.Г. Новый этап сотрудничества Института археологии и этнографии СО РАН и Германского археологического института. Раскопки могильника саргатской культуры Погорелка-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итог. сес. ИАЭТ СО РАН 2009 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 343–349.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – № 3 (11). – С. 48–62.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культуры эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 125–206.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА. – 1952. – № 24. – С. 51–71.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский-I: Факты и параллели. – Караганда; Лисаковск, 2005. – 232 с.

С.П. Нестеров, Н.Н. Зайцев,
Д.П. Волков, М.А. Миронов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА НА ГОРЕ ШАПКЕ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 2009–2011 ГОДАХ

Городище на горе Шапке (останец второй амурской террасы), расположенное в среднем течении р. Амур (Михайловский район Амурской области, территория Зейско-Буреинской равнины), является крупнейшим многослойным археологическим объектом Западного Приамурья.

Проводимые на памятнике археологические исследования можно разделить на два вида: разведывательные работы (И.А. Лопатин – конец XIX в., П. Кафаров – 1870 г., А.Я. Гуров, Г.Ф. Белоусов – 1902 г., А.П. Окладников – 1960 г., Г.С. Новиков-Даурский – 1961 г., В.И. Болдин – 1970-е гг. [Гуров, 1902; Новиков-Даурский, 1961; Деревянко А.П., 1973; Деревянко Е.И., 1987; Болдин, 1999]) и стационарные раскопки (Е.И. Деревянко – 1981, 1983 гг., Н.Н. Зайцев, Д.П. Волков – 2009–2011 гг. [Деревянко Е.И., 1987; Зайцев, Волков, Щербинский, 2011]).

Проведенные исследования позволили установить общую площадь памятника, определить его как многослойный объект, несущий в себе слои от эпохи неолита (III–II тыс. до н.э.) до развитого средневековья (XI–XIII вв.), а также охарактеризовать фортификационные сооружения (рис. 1).

Основываясь на планиграфии объектов на горе Шапке и археологических раскопках части памятника (в 1981, 1983, 2009–2011 гг.), выделены два типа фортификационных сооружений: внешние – вал и ров периметра городища; внутренние – две вершины на территории городища, центральная дополнительная система валов и рвов с зигзагообразными переходами, обособленный вал и ров «редута» на восточной вершине [Зайцев, Волков, Щербинский, 2011, с 282].

Однако проведенные археологические раскопки в полевом сезоне 2011 г. позволяют поставить вопрос о некоторых особенностях фортификационных сооружений городища.

Определение объекта на восточной вершине городища как «редута» основано на его географическом положении в комплексе всех фортификационных сооружений памятника и наличии в этой части наземной конструкции подквадратной в плане формы, имеющей деревянные стены, обмазанные глиной, и Г-образный, необычный для такого рода построек деревянно-саманный кан [Зайцев, Волков, Щербинский, 2011, с. 284].

Постройка располагалась на возвышении относительно всей окружающей площади, имела размеры 8×8 м и была ориентирована углами по сторо-

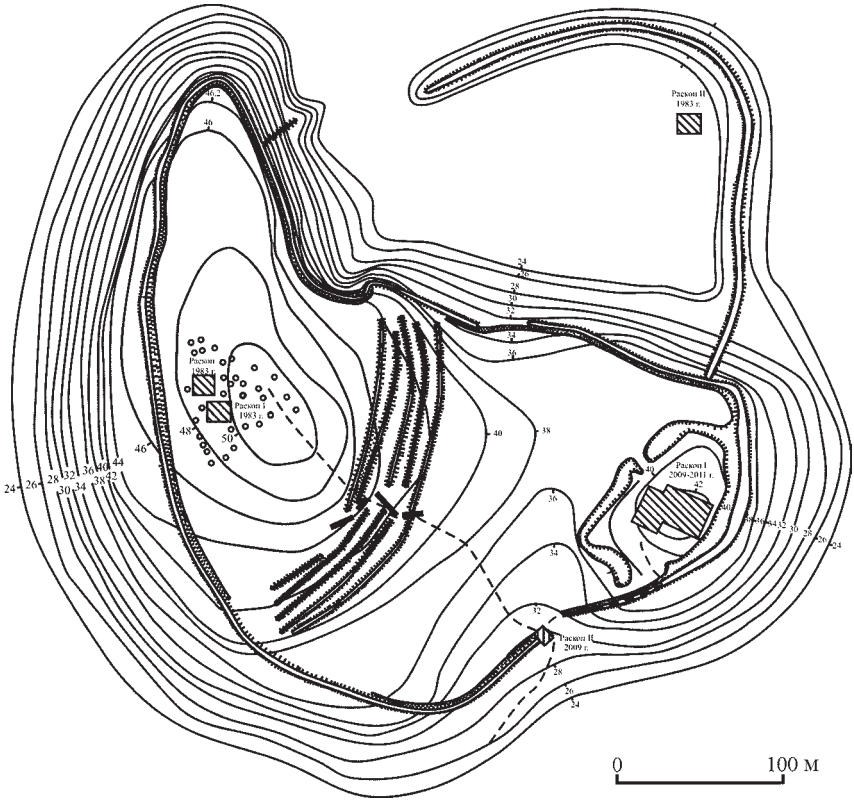

Рис. 1. План памятника городища на горе Шапке.

нам света. Ее стены частично сохранились в основании в виде деревянных плах, обмазанных глиной и подпертых крупными камнями. Внутри строения, в 50 см от северо-западной стенки, прослежены остатки Г-образного кана, сооруженного из дерева, обмазанного глиной и выгоревшего в процессе эксплуатации. О наличии деревянной основы в дымоходных каналах говорят следы структуры дерева, четко фиксируемые на внутренней стороне стенки канала, состоящей из обожженной спекшейся глины (местами вплоть до остекления). Расположение очага зафиксировать не удалось.

Основной материал, встречаемый при раскопках, – фрагменты керамической посуды (станковой чжурчжэньской и лепной найфельдской группы мохэ). Они находились за пределами постройки. Внутри постройки находки единичны: между каном и стенами, а также в центральной утрамбованной части. Среди них две северосунские монеты – «чжэнхэ тунбао» (1111–1118 гг.) и «цзяю юаньбао» (1056–1063 гг.) (определение выполнено канд. ист. наук С.В. Алкиным, ИАЭТ СО РАН) [Зайцев, Волков, Щербинский, 2011, с. 285].

Помимо этого, в полевом сезоне 2010 г. под полом рассматриваемой конструкции, на глубине 40 см от ее дна, в овальном углублении на плоском камне обнаружены 6 крупных железных рыболовных крюка, железный костыль с отверстием (петлей) в верхней части и небольшой фрагмент станковой керамики. Все крюки однотипные, с незначительными различиями в размерах. Цевье крюков слегка искривленное, но не отогнутое, имеет сглаженные грани, постепенно сужается и заострено на конце [Щербинский, 2011, с. 260–261]. Фрагмент станковой керамики позволяет предварительно датировать данную группу артефактов временем не ранее XII в. и отнести к чжурчжэньской эпохе [Воробьев, 1975].

В 2011 г. к северу от рассмотренной наземной постройки с деревянно-саманным каном тоже были встречены глубокие ямы (до 80 см). В одной из них обнаружены части чугунного лемеха, железный костыль, бронебойный наконечник стрелы, неопределимые обломки железных предметов, что позволяет рассматривать данное скопление артефактов как своеобразный схрон металлолома.

К северо-западу от постройки с деревянно-саманным каном выявлена еще одна наземная постройка – с П-образным (?) двухканальным каном из каменных плит.

Под наземными конструкциями располагаются более древние жилища с котлованом, содержащие артефакты, относящиеся к найфельдской группе мохэской археологической культуры, которые можно датировать не ранее VII в. н.э. При этом стратиграфические разрезы говорят о том, что их остатки на рассматриваемой площади были засыпаны, а сверху на подготовленной таким образом площадке возведены наземные конструкции с каном (деревянно-саманным и каменным).

Артефакты, обнаруженные в 2011 г. на площади в 115 м^2, позволяют сделать некоторые выводы по заселению горы в разные исторические эпохи.

Наличие в восточной части горы аллювиальных речных отложений предполагает их формирование в очень далекие времена, когда скалистый останец (гора Шапка), омывался водами пра-Амура со всех сторон. В результате на восточном мысу образовался высокий холм.

Отсутствие в культурных отложениях артефактов старше поздненеолитической осиноозёрской культуры свидетельствует о том, что примерно 4 тыс. л.н. гора была непригодна для проживания. Видимо, местность вокруг представляла собой систему проток и заболоченных пространств.

Первым на гору пришло население осиноозёрской культуры. Находки этого периода обнаружены как переотложенными, так и в остатках слоя коричневого суглинка. Это – отщепы из халцедона, вкладыши, каменные ножи, нуклеусы.

Следующее население появилось только в эпоху финала раннего железного века (единичные находки керамики талаканской культуры) и раннего средневековья (редкие находки керамики михайловской культуры). Для населения михайловской культуры, которая соотносится с летописными *бэй*

шивэй, эта гора была сакральной. Сохранилось ее название – Тугэшань. Пришедшие в VII в. в Западное Приамурье из Маньчжурии и Восточного Приамурья *хэйшуй мохэ* (найфельдская группа) не только захватили священную гору бэй шивэй, но и осквернили её, основав здесь свое поселение. Наличие сосуда троицкой группы *мохэ*, а также немногочисленных фрагментов такой посуды (материалы раскопок 1981 и 1983 гг.) свидетельствует о незначительном их присутствии на горе, скорее, о случайных её посещениях. В XI в. на горе Шапке было построено чжурчжэньское городище.

Анализ артефактов, полученных с данной точки городища, показал, что раскопанное в 2009–2010 гг. здание чжурчжэней, возможно, было связано с горячим производством. Об этом свидетельствует деревянно-саманная конструкция кана, стенки которого несут следы высокотемпературного воздействия (спекание глины до стекловидной массы – «вспучивание»). Среди артефактов встречены сломанные чугунные, железные и бронзовые вещи, которые шли на переплавку, а также готовые изделия (большие крюки на крупную рыбу). Обнаружены также бронзовые капли и шлаки. Вероятно, здесь же изготавливали стекло: найден стеклянный шарик (диаметр 1 см) и ножка рюмки (?). Наконец, вся площадка располагалась далеко от основно-

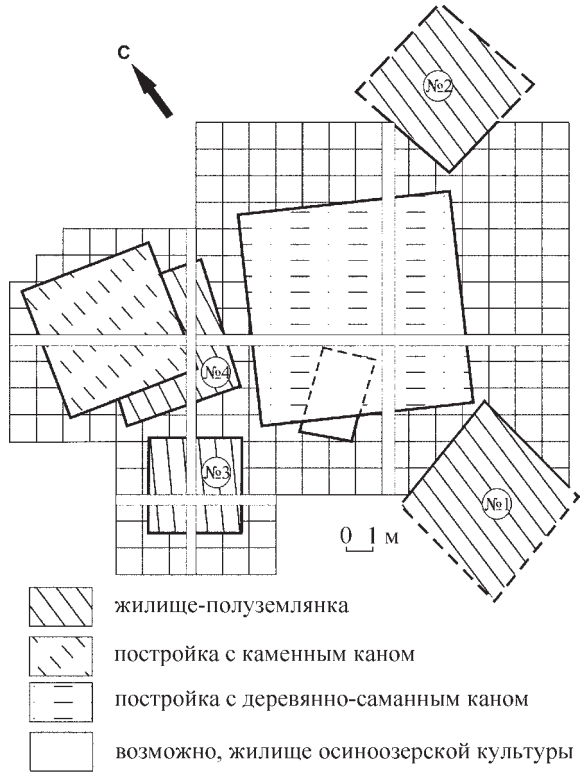

Рис. 2. План раскопа на горе Шапке в 2009–2011 гг.

го чжурчжэньского поселка (рис. 2) и была дополнительно обнесена валом и рвом в целях пожарной безопасности, а также как сакральное пространство людей, работающих с огнем. Однако здесь пока не обнаружены крупные очаги, специализированные плавильные печи, хотя найден небольшой тигель. Из кузнечных инструментов встречено только зубило.

Имеющиеся в настоящее время материалы в комплексе дают возможность сравнения городища на горе Шапке с некоторыми приморскими городищами (Горнохуторским, Ананьевским, Шайгинским, Краснояровским), которые являлись чжурчжэньскими торгово-ремесленными, административными и военными центрами, контролировавшими определенную территорию [Артемьева, 1998, с. 14]. Видимо, городище на горе Шапке играло аналогичную роль в Западном Приамурье, в долине Амура [Зайцев, Шумкова, Волков, 2000, с. 199–223].

Полученные в ходе исследований 2009–2011 гг. на городище Шапка в Западном Приамурье материалы значительно расширяют имеющиеся данные по археологии региона в период раннего и развитого средневековья. Взгляд на функциональное назначение исследуемой в восточной части памятника площадки требует дальнейших археологических раскопок и детальной проработки данных.

Список литературы

Артемьева Н.Г. Домостроительство чжурчжэней Приморья (**XII–XIII вв.). –** Владивосток: Дальпресс, 1998. – 302 с.

Болдин В.И. Результаты разведки ранних средневековых памятников Амурской области // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1999. – Вып. 2. – С. 177–184.

Воробьев М.В Чжурчжэни и государство Цзинь. – М.: Наука, 1975. – 447 с.

Гуров А.Я. Археологические находки // Амурская газета. – 1902. – № 89.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. — Новосибирск: Наука, 1973. – 356 с.

Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 224 с.

Зайцев Н.Н., Волков Д.П., Щербинский Е.В. Городище на горе Шапка: Особенности фортификации // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. – С. 281–287.

Зайцев Н.Н., Шумкова А.Л., Волков Д.П. Городища Амурской области // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2000. – Вып. 5. – С. 199–223.

Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки. – Благовещенск, 1961. – 190 с.

Щербинский Е.В. Тайник с г. Шапка // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: Проблемы, поиск, открытия: Материалы LI регион. (VII всерос.) археолого-этнограф. конф. студентов и молодых ученых, посвящ. 30-летию открытия палеолит. искусства Сев. Приангарья и 55-летию организации Краснояр. археолог. экспедиции. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2011. – С. 260–261.

А.С. Пилипенко, Н.В. Полосьмак,
П.Б. Коновалов, А.А. Журавлев

ГЕНОФОНД МИТОХОНДРИАЛЬНОЙ ДНК ХУННУ ЗАБАЙКАЛЬЯ*

Начиная с III в. до н.э., на протяжении нескольких веков кочевые племена хунну, создавшие масштабный племенной союз (часто называемый «первой империей кочевников»), играли ключевую роль в исторических и этногенетических процессах Центральной Азии и сопредельных территорий. Благодаря наличию значительного числа письменных китайских источников, упоминающих хунну, создано достаточно полное представление об отдельных моментах истории этих племен и их взаимоотношениях с населением Китая. Эти данные были существенно дополнены результатами исследования погребальных памятников хунну, относящихся к различным слоям хуннского общества (от рядовых воинов до высшего сословия) [Коновалов, 1976, 2008; Миняев, 1998; Миняев, Сахаровская, 2010; Полосьмак, Богданов и др., 2008]. Полученные результаты демонстрируют сложную картину разновекторных связей (военных, культурных, торговых и др.) хуннских племен с населением соседних территорий.

Более слабым направлением исследования хунну до настоящего времени остается биологическая характеристика представителей этой группы из разных частей ее ареала, как стандартными методами физической антропологии, так и методами палеогенетики, получившими распространение сравнительно недавно.

В данной работе мы приводим предварительные результаты исследования серии из 13 образцов митохондриальной ДНК (мтДНК) представителей хунну Забайкалья и их интерпретацию в терминах генетических взаимоотношений хунну с населением других регионов Евразии.

Материалы для исследования предоставлены сотрудниками Бурятского научного центра (г. Улан-Удэ) П.Б. Коноваловым и Б.Б. Дашибаловым. Экспериментальная часть работы выполнена на базе Межинститутского сектора палеогенетики Института археологии и этнографии СО РАН и Института цитологии и генетики СО РАН. (Предварительная подготовка, деконтаминация палеоантропологического материала и получение образцов тотальной ДНК выполнены методами, описанными в работе [Pilipenko et al., 2010].) Структуру образцов мтДНК и ее филогенетическое положение определяли по последовательности первого гипервариабельного сегмента

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 10-06-00406-а).

Структура гаплотипов ГВСI и филогенетическое положение
исследованных образцов митохондриальной ДНК
от представителей населения хунну Забайкалья

№	Описание образца	Гаплотип ГВС I мтДНК	Гаплогруппа
1	Дэристуйсикй култук, м. 36	182AC-183AC-189-217-261-266-299	B4
2	Енхор, м. 17	223-298-327	C
3	Енхор, м. 3	223-290-292CA-319-362	A4
4	Енхор, м. 64	183AC-189-243-274-	B5b
5	Ильмовая Падь, м. 70	167-318AT	U7
6	Ильмовая Падь, м. 71	154-206AC-230-311	U2a
7	Ильмовая Падь, м. 72	223-287-362	D
8	Ильмовая Падь, м. 73	223-297-362	D
9	Ильмовая Падь, м. 76	129-223-298-327	C
10	Ильмовая Падь, м. 77	223-290-319-362	A4
11	Ильмовая Падь, м. 78	223-297-362	D
12	Нижневолгинский могильник, м. 1	148-164-223-288-298-327	C5b1b

контрольного района мтДНК (ГВСI мтДНК). Часть публикуемых данных носит предварительный характер, поскольку для ряда образцов требуется дальнейшее уточнение структуры гаплотипа мтДНК и их филогенетического положения.

Всего к настоящему моменту исследовано 12 образцов мтДНК. Образцы получены из четырех могильников: Ильмовая Падь, Енхор, Дэрестуйский Култук, Нижнеиволгинский. В серии выявлено 11 структурных вариантов ГВСI мтДНК (гаплотипов), относящихся к семи гаплогруппам: восточно-евразийским – A, B, C, D, западно-евразийским – U2a, U7. Выявлено лишь одно совпадение структуры гаплотипа мтДНК – у индивидов из погребений 73 и 78 могильника Ильмовая Падь. Учитывая факт погребения этих индивидов в близкорасположенных курганах одного могильника, а также редкость обнаруженного у них варианта мтДНК, можно предположить, что они связаны родством по материнской линии (предположение будет проверено с помощью маркеров аутосом). Очевидно, исследованная серия характеризуется очень высоким разнообразием состава линий мтДНК, свидетельствующим о сложной истории формирования генетического состава исследуемой группы древнего населения.

С целью выявления возможных направлений генетических контактов хунну Забайкалья проведен филогеографический анализ исследованных вариантов мтДНК (анализ распространения вариантов мтДНК в генофондах современных коренных популяций различных регионов Евразии). По результатам анализа серия была разбита на три группы.

Самая большая группа включала образцы № 2, 3, 7–12, т.е. 2/3 всех образцов серии. Вариант мтДНК из этой группы относятся к гаплогруппам A4, D, C. Эти гаплогруппы и конкретные их варианты, выявленные среди проанализированных образцов, типичны для генофондов аборигенных популяций Южной Сибири (включая Забайкалье) и Центральной Азии. Вероятно, именно эти варианты являлись собственно хуннскими. Кроме того, некоторые варианты (в частности, вариант гаплогруппы C5b1b, образец № 12) могли быть заимствованы у популяций более северных районов Сибири. Исследуемая группа населения локализовалась на северо-восточной периферии обширного ареала хунну и для нее в наибольшей степени могло быть характерно присутствие «сибирских» элементов в генофонде.

Вторая группа вариантов представлена образцами № 1 и 4. Варианты гаплогрупп B4 и B5, выявленные в этих образцах, в наибольшей степени присущи генофондам современного коренного населения южных областей Китая и другим группам населения Юго-Восточной Азии. По-видимому, этот компонент генофонда отражает генетические связи хунну с древними популяциями Китая, что нашло отражение в письменных китайских источниках.

Большой интерес представляет третья группа образцов (№ 5 и 6), представленная вариантами мтДНК, относящимися к гаплогруппам U2a и U7. Эти гаплогруппы в наибольшей степени характерны для популяций Западной Индии, Передней Азии и Ближнего Востока. Таким образом, их присутствие отражает генетические связи с населением территорий, расположенных далеко на юго-западе по отношению к основной области распространения хунну. Существование связей с этими регионами хорошо фиксировалось на уровне элементов материальной культуры. Особенно отчетливо это выражено в материалах раскопок могильника представителей элитного слоя хуннского общества Ноин-Ула в Монголии [Полосьмак и др., 2008; Полосьмак, 2009, 2010. 2011]. Помимо элементов материальной культуры данное направление связей элиты хунну подтверждается результатами анализа одонтологических материалов из кургана 20 могильника Ноин-Ула [Чикишева, Полосьмак, Волков, 2009]. Полученные нами результаты свидетельствуют о существовании у населения хунну Забайкалья не только культурных, но и генетических связей с населением Передней и Южной Азии. Следует подчеркнуть, что исследованные материалы происходят с территории, максимально удаленной от обозначенных регионов по сравнению с другими районами распространения групп хунну. По-видимому, генетические контакты населения хунну в данном направлении были достаточно интенсивными, чтобы отразиться даже на географически удаленных группах населения.

Нужно отметить, что зафиксированный нами генетический контакт хунну с переднеазиатскими группами не является уникальным для центральноазиатского населения. Ранее, на материалах пазырыкской культуры из Северо-Западной Монголии, мы показали наличие генетических компо-

нентов переднеазиатского происхождения [Pilipenko et al., 2010]. По-видимому, переднеазиатское влияние сыграло существенную роль в формировании генетического состава населения Центральной Азии в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э.

Таким образом, исследования серии образцов мтДНК населения хунну Забайкалья в составе генофонда мтДНК позволили предварительно выделить три основных компонента: собственно центральноазиатский (он же южносибирский); связанный с Юго-Восточной Азией; переднеазиатский. Многокомпонентность генофонда отражает чрезвычайно сложные механизмы формирования этой группы кочевников Центральной Азии. Увеличение численности серии за счет вовлечения всех возможных доступных материалов, проведение тщательного филогеографического анализа и получение данных по другим типам генетических маркеров, помимо мтДНК, позволит более детально реконструировать данные процессы.

Список литературы

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 248 с.

Коновалов П.Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2008. – 49 с.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник. – СПб.: Фонд «Азиатика», 1998. – 233 с.

Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Элитный гуннский курган в пади Царам // Вест. истории, литературы, искусства. – М.: Собрание; Наука, 2010. – Т. 7. – С. 7–17.

Полосьмак Н.В. Курган для луноликой // Наука из первых рук. – Новосибирск, 2009. – № 4 (28). – С. 118–128.

Полосьмак Н.В. «Мы выпили Сому, мы стали бессмертными» // Наука из первых рук. – Новосибирск, 2010. – № 3 (33). – С. 50–57.

Полосьмак Н.В. История, вышитая шерстью // Наука из первых рук. – Новосибирск, 2011. – № 2 (38). – С. 112–133.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдэнэ-Очир Н. Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 77–87.

Чикишева Т.А., Полосьмак Н.В., Волков П.В. Одонтологический материал из кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 145–151.

Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Molodin V.I., Parzinger H., Kobzev V.F. Mitochondrial DNA studies of the Pazyryk people (4th to 3rd centuries BC) from northwestern Mongolia // Archaeological and Anthropological Sciences – 2010. – Vol. 2, № 4. – P. 231–236.

Н.В. Полосьмак, Е.С. Богданов, Д. Цэвээндорж

РАСКОПКИ КУРГАНА № 11 В ПАДИ СУЦЗУКТЭ (НОИН-УЛА, СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ)*

Начиная с 2005 г., Южно-Алтайский отряд ИАЭТ СО РАН проводил археологические исследования в Северной Монголии, в горах Ноин-Ула [Полосьмак и др., 2006, 2008, 2009]. В 2011 г. объектом исследования выбран курган № 11. Он был самым крупным среди оставшихся неисследованных погребений в восточной группе памятников в пади Суцзуктэ. Именно в этой группе раскопаны всемирно известные 6-й (Верхний) и 1-й (Мокрый) ноинулинские курганы, материалы из которых выставлены в настоящее время в Эрмитаже и Национальном музее г. Улан-Батора [Руденко, 1962].

Курган № 11, как и все большие курганы хунну, был ограблен в древности. В центре осталась воронка глубиной 2,5 м. Курган оказался своеобразным погребальным сооружением, не имеющим аналогов среди хуннских памятников Монголии. Внешне он выглядел как типичное хуннское погребение: прямоугольная земляная платформа, окруженная оградой, сложенной из мелких камней и крупных плит (размеры сооружения 15,5×13,5 м). Дромос (длина 5 м), ведущий в могилу с южной стороны, был так же, как и в других больших хуннских курганах, обозначен крупными камнями по контуру. Но еще до раскопок было видно, что с трех сторон насыпь окружали рвы (ширина 0,7–1,5 м, глубина 0,3–1 м). Эта конструктивная особенность впервые отмечена для памятников хунну Монголии. Как выяснилось в ходе раскопок, желтая глина, которую доставали из рвов, использовалась для возведения насыпи: грунта, который был вынут при сооружении могильной ямы, не хватило для того, чтобы возвести над ней необходимую, в соответствии с обрядом, земляную платформу. Обычно в больших курганах вынутой из могильной ямы земли с избытком хватало на возведение наземной части погребального сооружения. Для заполнения могилы она использовалась лишь частично, поскольку на дне могильной ямы сооружался двойной деревянный сруб, занимавший ее значительную часть, а само заполнение могилы состояло не только из плотно утрамбованного грунта, но и нескольких каменных или деревянных перекрытий. В кургане № 11 все было не так.

Обычно границы каменной ограды земляной платформы являлись и границами самой могильной ямы, т.е. границы ограды почти полностью сов-

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 11-06-12001офи-м) и РГНФ (№ 11-21-03559 е/Mon), а также совместного проекта СО РАН № 24.

падали с границами верхней части могилы. В отличие от ранее известных хуннских курганов, могильная яма кургана № 11 занимала, судя по каменной ограде, только половину отведенной ей площади. Она располагалась в её северной части, а в южной находился дромос. Он то и был настоящим коридором, ведущим в могилу, а уложенные на древней поверхности камни, отходящие от южной стенки ограды, – только его имитацией. Яма с пятью узкими ступенями была вырыта на 1,5 м в глубину, а затем, достигнув слоя плотного материкового песка, строители вырубили четырехметровую шахту с отвесными стенами. Размеры ямы: в верхней части – 5,0×6,5 м, в нижней – 2,5×3,5 м, что не соответствует размерам каменной ограды кургана. На уровне обрыва дромоса в могильной яме зафиксирована имитация каменного перекрытия: камни не были уложены в один слой плотно друг к другу, как это было в других ноин-улинских курганах, а хаотично набросаны.

Погребение основательно ограблено. На дне могильной ямы, покрытом тленом от досок пола, остались три разбитых глиняных сосуда, глиняная светильня, фрагмент изделия из белого нефрита, обломки бронзовых изделий и 14 маленьких бронзовых лошадок (одинаковых односторонних отливок). Несколько фигурок найдено с кусочками кожи и меха, на которые они были пришиты. Подобные бронзовые лошадки, «бегущие рысистым шагом», известны по раскопкам П.Б. Коновалова в Ильмовой пади (Забайкалье) [Коновалов, 1976, табл. XIX, *18*]. Шесть подобных фигурок найдены в ноин-улинских курганах еще при раскопках 1924–1926 гг. [Руденко, 1962, табл. XXXV, 1], 9 (с позолотой) – в курганах Дуурлиг Нарс (Северная Монголия) [Xiongnu tombs.., 2009, p. 45]; несколько экземпляров (случайные находки из различных аймаков Северной Монголии) хранится в частных коллекциях [The sword…, 2011, cat. 33, 42]. Эти лошадки (см. *рисунок*), являвшиеся украшением шуб, вероятно, можно считать одними из немногих образцов изделий самих хунну.

Поскольку могильная яма, вырытая в песчаном грунте, была очень неглубокой, это обусловило практически полное отсутствие предметов из органики (в т.ч. древесины) для датирования кургана методами дендрохронологии. Однако на дне погребальной камеры обнаружены отдельные кости и фрагменты черепа погребенного человека. И это большая удача. Полноценный антропологический материал – чрезвычайная редкость для

Бронзовая лошадка из кургана № 11. Падь Суцзуктэ, Ноин-Ула.

хуннских захоронений. Так, например, в ноин-улинском кургане № 20 нами обнаружены только зубы погребенной [Чикишева, Полосьмак, Волков, 2009], в кургане 31 – лишь несколько фрагментов костей ног [Полосьмак и др., 2009]. Чаще всего грабители вытаскивали останки людей на поверхность, и их следы терялись. Мы до сих пор не знаем, кто же был похоронен в каждом конкретном ноин-улинском кургане. Пожалуй, курган № 11 оказался одним из первых, про который мы точно можем сказать, кому он принадлежал. Это была молодая девушка 16–18 лет (определение д-ра ист. наук Т.А. Чикишевой). Возможно, именно этим объясняются «странности» кургана: небольшая для знатного хунну могила и имитация большого погребального сооружения на поверхности. Девушка не успела достигнуть высокого социального статуса, но происходила из знатного влиятельного рода, члены которого решили не отступать от стандартов обряда на своем кладбище.

Таким образом, в 2011 г. при раскопках кургана хунну впервые выявлена наземная конструкция со рвами, а также получен уникальный антропологический материал. Кроме того, фрагменты металлических изделий, керамика, содержимое керамических сосудов взяты на анализ, что позволит в дальнейшем получить новую информацию о внутренней структуре археологических образцов и выявить особенности древних технологий.

Список литературы

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 220 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Раскопки кургана хунну в горах Ноин-Ула, Северная Монголия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы год. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. 1. – С. 460–462.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдене-Очир Н. Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – № 2 (34). – С. 77–87.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдене-Очир Н. Исследование ноин-улинского кургана № 31 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы год. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 372–376.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.

Чикишева Т.А., Полосьмак Н.В., Волков П.В. Одонтологический материал из кургана 20 в Ноин-уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3 (39). – С. 145–151.

The sword of heaven. Culture of bronze artifacts of the bronze age and hunnu empire. – Ulaanbaatar City, 2011. – 495 с. (на монг. и англ. яз.).

Xiongnu tombs of Duurlig Nars. Catalog of the special exhibition. – Seoul, 2009. – 100 p. (на монг. яз.).

Е.А. Соловьева, А.В. Табарев,
А.С. Кравцова, Д.А. Иванова

РИТУАЛЬНО-ОБРЯДОВАЯ ПОСУДА В ДРЕВНИХ КУЛЬТУРАХ ТИХООКЕАНСКОГО БАССЕЙНА*

Ритуально-обрядовая посуда (контейнеры, емкости) – важный атрибут праздника в древних и традиционных культурах, поскольку праздник практически всегда связан с заготовкой, приготовлением и потреблением особой (праздничной) пищи или напитков [Табарев, 2008; Feasts…, 2001]. В качестве исходного сырья для ритуальной посуды уже с верхнего палеолита повсеместно использовались самые разные органические и неорганические материалы. Появление керамики существенно расширяет возможности моделирования форм, размеров, количества и декора ритуальной посуды. Керамическая посуда (наряду с фигурной пластикой, украшениями и др. из обожженной глины) не вытесняет другие материалы из ритуально-обрядовой сферы. Она позволяет усложнить саму практику и ее масштабы.

В рамках тихоокеанского бассейна выявлено несколько очагов возникновения ранней керамики. Два из них – дальневосточный и южноамериканский – представляют исключительный интерес для сравнительных исследований. В дальневосточном очаге (бассейн Амура, Японский архипелаг) керамика датируется финальнопалеолитическим временем (14–13 тыс. л.н.), а в южноамериканском (Эквадор, Колумбия) – минимум 6–5,5 тыс. л.н. [Табарев, 2006; Handbook…, 2008; Meggers, 2010].

К этой проблематике авторы уже обращались во время работы над проектом, посвященным возникновению, распространению и назначению антропоморфной пластики в тихоокеанском бассейне [Соловьева, Табарев, Иванова, 2009; Соловьева, Табарев, Табарева, 2010а, б]. Анализ стилистики и функциональной интерпретации дземонских догу, вальдивийских Венер, а также образцов антропоморфной пластики тихоокеанского побережья Перу, Мексики и Калифорнии позволяет по-новому подойти ко многим проблемам изучения и реконструкции социальных структур и ритуально-обрядовых практик древних обществ тихоокеанского бассейна [Соловьева, Табарев, Табарева, 2010а].

Новый проект, начатый в 2011 г. при поддержке РГНФ, продолжает и расширяет данную проблематику. В фокусе исследования различные стороны ритуальной практики (праздничной, погребальной, поминальной и т.д.),

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 11-01-00092).

связанные с использованием специальной посуды, емкостей и контейнеров. Особое внимание уделяется керамической посуде.

Ранняя керамика Южной Америки известна отечественным специалистам эскизно, тогда как обращение к ней может быть весьма полезно, как в общетеоретическом аспекте изучения гончарства, так и в сравнительном. К таковым комплексам относятся ранние стоянки культуры вальдивия (прибрежный Эквадор) и стоянки группы Сан-Хасинто (1, 2 и др.) в северной Колумбии [Handbook…, 2008; Marcos, 1988; Oyuela-Caycedo, Bonzani, 2005]. Особенно интересны колумбийские материалы, т.к. речь идет о весьма архаичной по технологии (с большим количеством органического отощителя), но артистичной по исполнению (антропоморфные и зооморфные налепные комбинации, сложный декор) керамике, возникающей в обществе охотников-собирателей [Stahl, Oyuela-Caycedo, 2007].

К функциям ранней керамики специалисты относят три сферы: хранение продуктов, приготовление пищи и сервировка (публичное экспонирование и потребление) пищи и напитков во время церемоний [Pratt, 1999]. Часть исследователей не без основания считает, что керамическая посуда с органикой (как на Дальнем Востоке, так и в Южной Америке) изначально предназначалась для ритуально-обрядовой сферы (как вариант новой, престижной технологии) и лишь спустя некоторое время начала активно использоваться в быту [Hayden, 1998; Tabarev, 2009].

Применительно к колумбийским материалам аргументация исследователей выглядит следующим образом. Во-первых, насыщенная органикой керамика непригодна для длительного хранения продуктов (абсорбирует внешнюю влагу, поэтому пища или напиток быстро портятся), а нужна для непосредственного использования в ходе трапезы или праздника (церемонии, ритуала). Во-вторых, керамика с органическим наполнителем является очень хрупкой и чувствительной к механическому воздействию, трению, ударам и пр., что снижает вероятность ее использования в качестве контейнеров для хранения или переноски. И, наконец, в-третьих, если бы керамика Сан-Хасинто-1 использовалась для приготовления пищи на огне, то ее эволюция, по логике, шла бы по линии расширения верхней части (для удобства помешивания, последовательной закладки продуктов и т.д.), а также утолщения стенок. Однако спустя почти тысячу лет (комплекс Сан-Хасинто-2), керамика осталась практически без изменений [Pratt, 1999; Stahl, Oyuela-Caycedo, 2007].

Для тропической зоны Америки наиболее ранними признаками перехода к полуоседлому образу жизни, по мнению специалистов [Stahl, Oyuela-Caycedo, 2007], являются поселенческие комплексы, начало доместикации растений и появление керамической посуды. Изменения в природной обстановке включают механизмы т.н. социальной и экономической интенсификации.

Экономическая интенсификация в данном случае напрямую связана с инновациями в эксплуатации ресурсной базы, расширением диапазона по-

требляемых видов растений и животных, усложнениями в процессах изготовления пищи, разделением труда по возрастным и половым признакам и т.д. Социальная интенсификация, в свою очередь, направлена на решение проблемы взаимоотношений с соседними группами (племенами), претендующих на право пользования этой же экологической нишей или ее частью. Для сглаживания возможных конфликтов разрабатывается механизм регулярных праздников и обмена дарами. Кроме того, одним из путей повышения своей значимости (статусности) в рамках группы или рода является реализация способностей к производству или изготовлению красивых, полезных и социально значимых артефактов. Как уже указывалось выше, в первом, втором и третьем случаях керамическая посуда оказывается востребованной, а ее появление логично сопровождает как экономическую, так и социальную интенсификацию. Именно в этом контексте большинство исследователей и рассматривают саму проблему появления нового материала (керамики) и новых видов контейнеров (керамической посуды) в Южной Америке, а затем в Центральной Америке и Мезоамерике [Hayden, 1998; Stahl, Oyuela-Caycedo, 2007 и др.].

Список литературы

Соловьева Е.А., Табарев А.В., Иванова Д.А. Антропоморфная пластика тихоокеанского бассейна: География и культурная принадлежность // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итог. сес. ИАЭТ СО РАН 2009 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 387–390.

Соловьева Е.А., Табарев А.В., Табарева Ю.В. Диалоги с догу: К проблеме интерпретации антропоморфной пластики тихоокеанского бассейна // Мустье Забайкалья, загадочные догу и другие древности тихоокеанских стран. Тихоокеанская археология. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2010а. – Вып. 18. – С. 50–96.

Соловьева Е.А., Табарев А.В., Табарева Ю.В. Догу: Страницы энциклопедии дземона // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итог. сес. ИАЭТ СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010б. – Т. XVI. – С. 303–306.

Табарев А.В. Введение в археологию Южной Америки. Анды и тихоокеанское побережье: Учеб. пособ. – Новосибирск: Сибирская научная книга, 2006. – 244 с.

Табарев А.В. Престижные технологии, промысловые ритуалы и комплексные общества эпохи камня, Дальний Восток России // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: Человек и исторический ландшафт. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. – С. 218–224.

Feasts: Archaeological and Ethnographic Perspectives on Food, Politics, and Power. – London; Washington: Smithsonian Institution Press, 2001. – 432 p.

Handbook of South American Archaeology. – NY: Springer, 2008. – 1191 p.

Hayden B. Practical and Prestige Technologies: The Evolution of Material Systems // Journal of Archaeological Method and Theory. – 1998. – Vol. 5, № 1. – P. 1–55.

Marcos J.G. Real Alto: La Historia de un centro ceremonial Valdivia. – Quito: ESPOL, Corporación Editora Nacional, 1988. – 243 p.

Meggers B.J. Review: Handbook of South American Archaeology edited by Helaine Silverman and William H, Isbel. Springer 2008 // International Journal of South American Archaeology. – 2010. – Vol. 7. – P. 72–82.

Oyuela-Caycedo A., Bonzani R.M. San Jacinto 1. A Historical Ecological Approach to an Archaic Site in Colombia. – Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 2005. – 222 p.

Pratt J.A.F. Determining the Function of One of the New World's Earliest Pottery Assemblages: The Case of San Jacinto, Colombia // Latin American Antiquity. – 1999. – Vol. 10 (1). – P. 71–85.

Stahl P.W., Oyuela-Caycedo A. Early Prehistoric Sedentism and Seasonal Animal Exploitation in the Caribbean Lowlands of Colombia // Journal of Anthropological Archaeology. – 2007. – Vol. 26. – P. 329–349.

Tabarev A.V. First Pottery and Prestige Technologies in the Early Neolithic in the Russian Far East // Paper presented at 19th Indo-Pacific Prehistory Association Congress. 29th November – 5th December, 2009. – Hanoi, Vietnam.

Н.Ф. Степанова

АФАНАСЬЕВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ МАЛЫЙ ДУГАН: МАТЕРИАЛЫ К СВОДУ ПАМЯТНИКОВ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ*

Поселение Малый Дуган находится на правом берегу р. Куюм (правый приток р. Катунь), в 0,4–0,5 км от устья, в 0,2–0,3 км от афанасьевского могильника Усть-Куюмский (рис. 1, *1*). Памятник расположен на надпойменной террасе, с ЮВ и ЮЗ ограниченной р. Куюм, а с севера – горой. Терраса с ЮЗ стороны имеет пологий спуск к реке, а к северу переходит в подножие горы. Исследования проводилась в восточной части террасы с 1987 по 1990 гг. Вскрыто 934 м^2. В южной части раскопа, неподалеку от кромки берега, культурный слой составлял 15–20 см, а в северной – около 100 см. В северной части, под дерном, имеется переотложенный слой почвы без находок, мощность которого возрастает при удалении от реки. Поселение многослойное, датируется от эпохи неолита до средневековья [Степанова, 1990, 1997; Кирюшин, Степанова, 1998; Степанова, Соенов, 2009]. Культурный слой неолита в северной части раскопа перекрыт стерильной прослойкой. Остальные слои нарушены, что объясняется разными причинами: топографией памятника; обильными осадками в этом районе, которые привели к вымыванию почвы; деятельностью человека (перекопы, траншеи и т.д.). Участки памятника пострадали в различной степени. В нижней части культурного слоя, как правило, следы антропогенного воздействия слабее.

На поселении выявлено более десятка очагов, прокалов и ям. Лишь в одной яме (диаметр около 1 м) обнаружены фрагменты афанасьевских сосудов (в т.ч. курильницы), кости животных. В остальных ямах артефакты, как правило, не найдены. Прокалы (диаметр от 20 до 80 см) расположены на разных уровнях. Не все их можно соотнести с афанасьевской культурой. Округлые очаги (диаметр 1,05–1,2 м) оконтурены небольшими плитками или камнями и располагаются в направлении с СЗ на ЮВ. Расстояние между некоторыми очагами составляет 2–4 м. Они находятся в нижней части культурного слоя, связанного с эпохой металла, и по конструкции аналогичны афанасьевским очагам поселений Балыктыюль, Узнезя-1 и Кара-Тенеш. На Малом Дугане, в отличие от Узнези-1 и Балыктыюля, возле очагов нет вкопанных в материк остродонных горшков [Абдулганеев, Кирюшин и др., 1982; Степанова, 1994; Кунгуров, 2005; Погожева и др., 2006].

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 11-01-00191а).

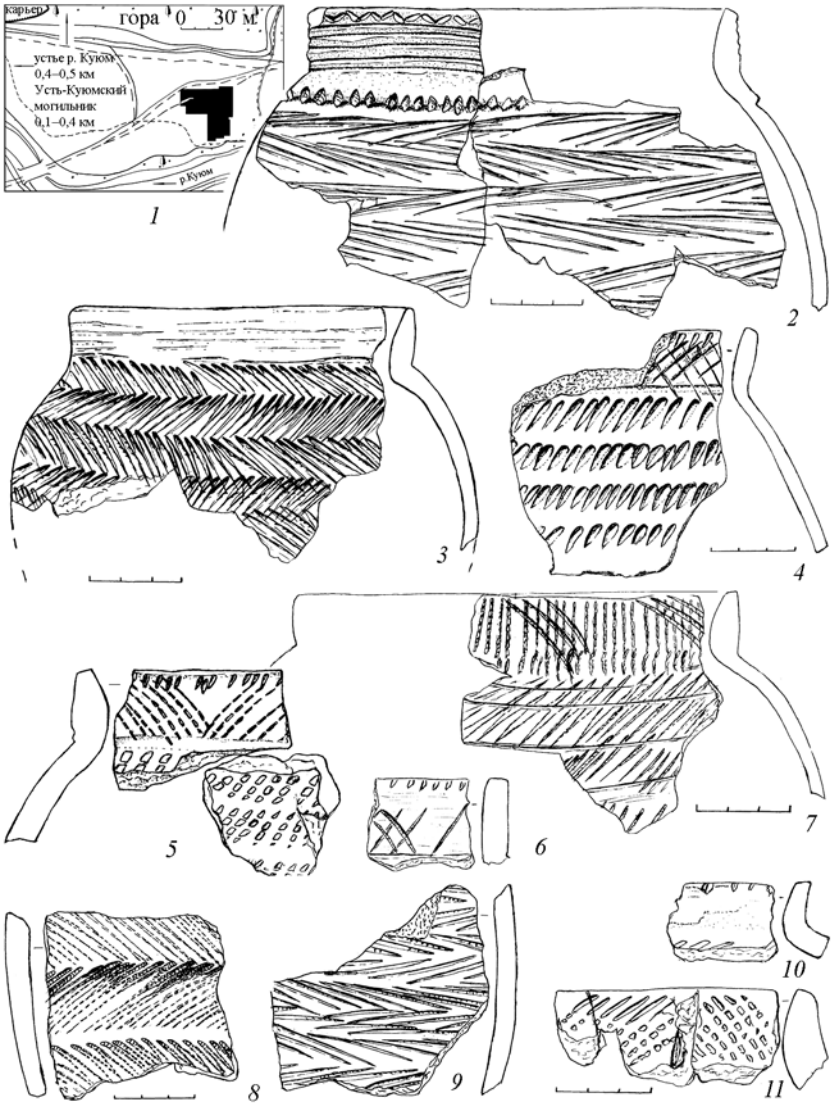

Рис. 1. План поселения Малый Дуган (*1*)
и керамика афанасьевской культуры (*2–22*).

На поселениях Малый Дуган и Узнезя-1, расположенных в похожих географических и климатических условиях, отмечено наличие мелких и среднего размера рваных камней, которые не составляют никаких конструкций и вряд ли были принесены человеком. Под скоплениями этих камней и непосредственно на них обнаружены фрагменты только афанасьевской кера-

мики. Создается впечатление, что имело место стихийное бедствие, в результате которого часть камней оказалась на поселениях или была смещена со своего первоначального местоположения. Предположение, что во время проживания афанасьевцев на Средней Катуни произошло землетрясение, высказано М.Т. Абдулганеевым и О.В. Лариным по результатам исследования могильника Бойтыгем-2 [1994, с. 26].

Находки представлены керамикой, изделиями из камня, костями животных, реже – предметами из металла. Сосуды эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья немногочисленны, отличаются от афанасьевских формой, орнаментом, обработкой поверхности и другими признаками. Кроме них обнаружены фрагменты керамики, украшенные гребенчатым штампом. Датировать находки сложно, т.к. они отличаются от афанасьевских и елунинских, но имеют близких аналогий среди керамики эпохи бронзы (рис. 2, *3*). Поскольку стратиграфия на памятнике нарушена, проведен анализ рассеивания фрагментов керамики разных эпох. Удалось выявить, что находки большемысской культуры эпохи бронзы привязаны к конкретным квадратам, эпохи раннего железа и средневековья – к верхним слоям. Керамика афанасьевской культуры найдена на всей площади раскопа, но под дерном и в верхних слоях ее меньше, чем в нижних.

Керамический комплекс афанасьевской культуры самый многочисленный и превышает все остальные в несколько раз. По предварительным подсчетам, венчики найдены примерно от 150 сосудов. Реконструировать изделия удалось частично: как правило, верхнюю часть. Между собой они различаются по форме, высоте венчиков, размерам и орнаменту. Объем некоторых сосудов равнялся примерно 7 л. Небольшую часть коллекции составляют шаровидные изделия (корчаги), а основную – яйцевидные. Придонные части и днища почти не сохранились. Обнаружены фрагменты только одного плоскодонного горшка. Некоторые изделия имеют толщину стенок более 1 см, что нехарактерно для афанасьевской керамики. Выделяется серия сосудов с тонкими стенками (толщина менее 0,5 см). По орнаменту и форме некоторые из них полностью повторяют изделия с обычной толщиной стенок.

Поскольку сосуды реконструированы лишь частично, то по многим показателям невозможно привести статистические данные. В целом, как и для погребальных комплексов, зафиксировано, что изделия украшались полностью, частично или не орнаментировались совсем. Тулово декорировали иначе, чем венчики. Для венчиков характерен узор в виде треугольных зон или с наклоном оттисков в одну сторону, выполненный гребенчатым штампом (рис. 1, *5, 6, 11*; 2, *6*). Отмечена и более сложная орнаментация, а также ее отсутствие (рис. 1, *1, 3*; 2, *1, 5, 9*). Тулово декорировали параллельными горизонтальными рядами отпечатков гребенчатых штампов, наклоненных в одну сторону или составляющих «елочку», а в некоторых случаях – прочерченными линиями или оттисками размером до 0,5–0,7 см (рис. 1, *2–5, 7*; 2, *1*).

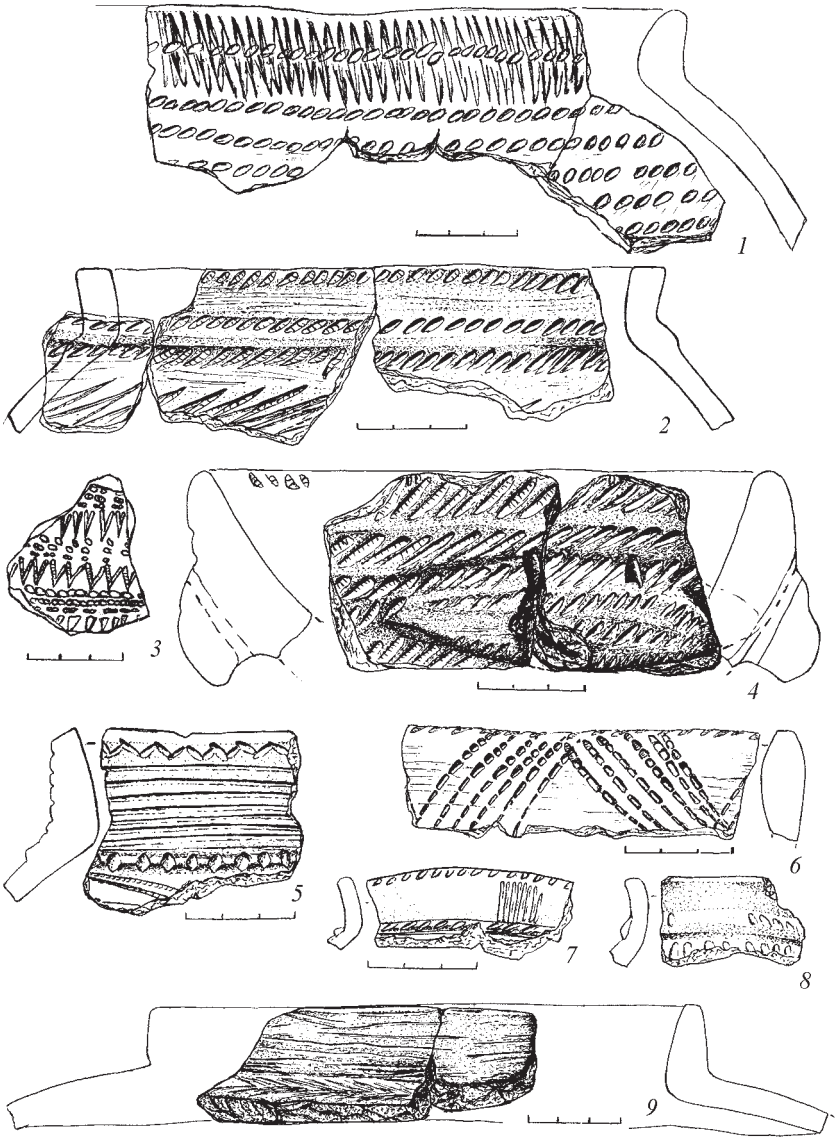

Рис. 2. Керамика с поселения Малый Дуган.

Один сосуд нередко украшали разными инструментами и способами, что в целом характерно для афанасьевской керамики. Для нанесения орнамента использовались зубчатые штампы разной длины, ширины и, по-видимому, формы рабочего края и зубцов. На афанасьевской керамике с Ма-

лого Дугана реже, чем в погребальных комплексах, встречаются отпечатки орнаментиров с тонким рабочим краем и сравнительно много – с подпрямоугольными зубцами размером 1,5×1,5 мм (рис. 1, *5, 11*; 2, *6*). В целом набор инструментов с этого памятника достаточно разнообразен и не всегда имеет аналогии в погребальных комплексах.

Орнамент наносился шаганием с прокатыванием (качалка), накалыванием, прокатыванием, протаскиванием, штампованием. Некоторые изделия имеют необычные для афанасьевской культуры элементы декора, например, налепной валик или жемчужины на шейке. Однако принадлежность этих сосудов к афанасьевской культуре не вызывает сомнений (рис. 2, *2, 5, 7, 8*). Наличие подобного декора сближает их с керамикой поселения Узнезя-1 и Кара-Тенеш. В погребальных комплексах подобный орнамент пока не выявлен. Не характерен он и для афанасьевской керамики с Енисея.

Итак, коллекция керамики с поселения Малый Дуган имеет сходство по всем основным признакам (форма сосудов, способы нанесения и композиционное построение орнамента и т.д.) с керамикой из погребальных и поселенческих комплексов. Одним из отличий от керамики из могильников является более разнообразный набор инструментов для нанесения орнамента, некоторые элементы декора (налепной валик, жемчужины), высокий процент орнаментации венчиков треугольными зонами. Наряду с обычными, применялись инструменты с крупными прямоугольными редко поставленными зубцами и, по-видимому, изогнутым рабочим краем. Разнообразие инструментов свидетельствует о том, что посуду делали несколько гончаров, а особенности в технологии изготовления керамики и орнаментации – о разных культурных и этнографических традициях. Судя по количеству сосудов (раскопана незначительная часть террасы, и есть основания считать, что их было, как минимум, в 2 раза больше), поселение функционировало в течение длительного времени.

Анализ керамических материалов с поселений Малый Дуган, Узнезя-1 и Кара-Тенеш позволяет утверждать, что их население контактировало друг с другом, и памятники функционировали в один промежуток времени. Выявленные различия в орнаментации керамики, по-видимому, отражают сложные этнокультурные процессы в данный период. Орнамент «качалка», выполненный, как традиционными, так и необычными способами и инструментами, имеет полные аналогии в погребальных комплексах Горного Алтая и Енисея. Навыки изготовления инструментов и орнаментации посуды не могли сохраняться без изменений в течение тысячи и более лет. Это позволяет поставить вопрос о синхронности большинства афанасьевских памятников, а, следовательно, о более коротком хронологическом промежутке проживания афанасьевцев в Горном Алтае, который, вероятнее всего, составлял всего несколько столетий.

Список литературы

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Барнаул, 1982. – С. 52–77.

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С. 24–36.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Керамика эпоха ранней бронзы с поселений Средней Катуни // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 245–249.

Кунгуров А.Л. Неолитический комплекс поселения Малый Дуган на р. Куюм (Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI. – С. 126–130.

Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. – Барнаул, 2006. – Ч. 1. – 234 с.

Степанова Н.Ф. Поселение Малый Дуган – памятник эпохи бронзы Горного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул, 1990. – С. 73–86.

Степанова Н.Ф. Поселение Узнезя-1 // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 19–26, 198–201.

Степанова Н.Ф. Керамика большемысской культуры поселения Малый Дуган // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы конф. – Барнаул, 1997. – С. 32–36.

Степанова Н.Ф., Соенов В.И. Археологические памятники и объекты Чемальского района. – Горно-Алтайск, 2009. – 212 с.

С.Ф. Татауров

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДА ТАРЫ В 2011 ГОДУ

В 2011 г. Южнотаежной экспедицией Омского филиала ИАЭТ СО РАН были продолжены исследования г. Тары в Омской области. По сравнению с предыдущими полевыми сезонами, целью которых было определение состояние культурного слоя в культурно-историческом центре и выявление отдельных археологических комплексов на всей территории города, в текущем году мы перешли к целенаправленным раскопкам конкретных объектов тарской крепости и острога.

Были выбраны три площадки для археологических исследований. Первая (140 м^2) примыкала к раскопу 2010 г. на месте укреплений тарской крепости. Основной задачей в 2011 г. было изучение крепостной стены, прилегающей к Княжьей башне, раскопанной в предыдущем году [Татауров, 2010]. Вторая площадка (100 м^2) выбрана на месте расположения воеводской усадьбы. Современная планиграфия города не затронула эту часть крепости, поэтому у нас есть возможность полностью исследовать данный комплекс. Третьим объектом исследований (120 м^2) стала первая тарская церковь – Бориса и Глеба, срубленная в 1594–1595 гг.

Для выполнения работ были объединены силы трех университетов: практика исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (руководитель практики – канд. ист. наук, доцент С.Ф. Татауров), практика исторического факультета Томского государственного университета (руководитель практики – д-р ист. наук, профессор М.П. Черная), практика Омского государственного педагогического университета (Тарский филиал) (руководитель практики – канд. ист. наук, профессор Б.А. Коников). Финансирование исследований осуществлялось из средств Президиума СО РАН, указанных университетов, бюджетов Тарского района и г. Тары, общественных организаций и спонсоров.

Проведенные работы дали следующие результаты.

Исследования в районе, прилегающем к Княжьей башне, показали, что верхняя часть культурного слоя в данном месте сильно повреждена захоронениями русского кладбища. Расчищены три детские могилы и две могилы взрослых. Все умершие похоронены в деревянных колодах. В трех могилах найдены нательные крестики, по которым могильник предварительно датирован концом XVII – началом XVIII в. Возможно, при расчистке этой местности под кладбище остатки оборонительных сооружений были уничтожены.

Из зафиксированных объектов интерес представляет деревянный водоотводный желоб, пролегавший перпендикулярно коренной террасе и выходивший на ее склон. Вероятно, по нему отводили воду из находившегося неподалеку Успенского собора (время постройки 1774–1792 гг.). Он находился на глубине 0,8–1 м и состоял из собственно желоба и крышки. Ширина желоба 0,3 м, толщина стенок около 0,02–03 м; сечение желоба подквадратное, высота стенок около 0,2 см. Желоб уходил за границы раскопа (зафиксированная длина 8 м). Поиск крепостных сооружений будет продолжен в следующих сезонах в направлении Пятницкой башни, в районе которой из-за близости воеводской усадьбы могильника не было.

Исследования на месте расположения воеводской усадьбы нам не удалось выполнить в полном объеме. В XIX и первой половине XX в. на этом месте располагалась базарная площадь, поэтому культурный слой в верхних слоях имеет чрезвычайную плотность. Строительство памятника В.И. Ленину (к 100-летию со дня рождения), который находится рядом с раскопом, еще более осложнило выборку верхних горизонтов: строительный мусор был распланирован и утрамбован по всей площади. Нам удалось снять культурный слой на глубину 1,5 м и выйти на горизонт конца XVIII – начала XIX в. На этом уровне нами зафиксированы два сруба, которые, возможно, относятся к воеводской усадьбе. Сложность соотношения заключается в том, что усадьба, как и весь город, неоднократно горела и отстраивалась заново. Вот и в данном случае верхние венцы срубов носят следы сильного пожара. Учитывая то, что мощность культурного слоя в данном месте превышает три метра, культурный слой XVII–XVIII вв. нам предстоит вскрыть в следующем году. В ходе раскопок получена обширная коллекция керамики, различных металлических предметов, изделий из дерева и кожи.

Выбор места раскопа на предполагаемом месте расположения церкви Бориса и Глеба был сильно осложнен в силу того, что она только по известным письменным источникам трижды сгорала (в 1607, 1639, 1663 гг.) и вновь отстраивалась. Церковь не стали восстанавливать после пожара 1667 г. Учитывая то, что мы не имеем планов города для XVII в. точное место расположения церкви по более поздним схемам установить невозможно. Нами выбрано место на изгибе коренной террасы левого берега р. Иртыш, примерно в 20 м от его гребня, на свободной от строений площадке. К сожалению, в ходе проведенных исследований выяснилось, что церковь находилась ближе к краю террасы. Она оказалась за пределами раскопа, поэтому работы будут осуществлены в следующем году. Однако полученные материалы с успехом компенсировали наш просчет в определении места расположения церкви.

В ходе исследований зафиксированы четыре строительных горизонта.

Первый горизонт находился на глубине 1 м от дневной поверхности и представлял собой остатки сгоревшей жилой постройки начала XX в. Найденные на этом горизонте монеты имеют даты от 1901 по 1907 гг. В данном

слое зафиксировано значительное количество керамики и металлических предметов – гвоздей, скоб и т.д.

Второй строительный горизонт зафиксирован на глубине 1,5 м от дневной поверхности и представлял собой избу размерами 3,2×4,2 м. Изба сгорела в середине XIX в. Слой датирован по находкам монет. На этом горизонте обнаружено значительное количество керамики и металлического инвентаря – ножи, святцы, гвозди и т.д.

Третий строительный горизонт (1,8 м от дневной поверхности) датируется второй половиной XVIII в. и представлен остатками сгоревшей избы 3×4 м с большой глинобитной печью в северо-западной части. В результате пожара печь частично разрушилась и создала воздушный «карман», в результате которого в запечье уцелела хранившаяся там посуда. Эта находка позволяет восстановить ассортимент кухонной и столовой посуды, использовавшейся в XVIII в.

Четвертый строительный горизонт зафиксирован на глубине 2,2 м от дневной поверхности. На этом уровне нами открыт вход в усадьбу середины – второй половины XVII в. Он представлял собой три огромных (диаметр около 0,8 м) столба из лиственницы для ворот и калитки (см. *рисунок*). На этом горизонте нами найдено огромное количество кожаной обуви (около 500 экз.), среди которой много целых изделий. Тем самым подтвердилась наша версия 2009 г. о наличии здесь мастерской по пошиву обуви. Внутри усадьбы зафиксированы основания двух построек, которые уходят за гра-

Вход в усадьбу середины – второй половины XVII в.
Справа от ворот – корыто для воды.

ницы раскопа, поэтому их пришлось законсервировать до следующего года. На этом же горизонте найдено значительное количество предметов из дерева – детали бочек и шаек, сельскохозяйственного инвентаря и т.д.

Для нас важным в расположении срубов является то, что они находятся один над другим. Планиграфия застройки в данном районе города оставалась неизменной практически с момента основания Тары до начала XX в., что означает возможность поиска объектов конца XVI–XVII вв. по более поздним планам города.

Полученные в ходе раскопок материалы требуют большого объема кабинетной работы. Во-первых, мы надеемся, что дендрохронологические исследования позволят более точно датировать зафиксированные строительные горизонты. Во-вторых, изделий из кожи позволяют реконструировать практически весь комплекс обуви, которую носили тарчане в допетровское время [Богомолов, Татауров, 2010]. В-третьих, коллекции керамики, железного инвентаря, деревянных изделий позволяют воссоздать материальную культуру жителей города, выявить изменения, происходивших в ней с конца XVI до серединой XX вв.

Особую значимость эти исследования имеют в том плане, что они проводятся на свободных площадках, где есть возможность воссоздания исторических комплексов.

Список литературы

Богомолов В.Б., Татауров С.Ф. Коллекция обуви из раскопок города Тары в 2009 году // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Изд. дом «Наука», 2010. – С. 91–96.

Татауров С.Ф. Археологические исследования г. Тары в 2010 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итог. сес. ИАЭТ СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 312–315.

А.А. Тишкин, К.Ю. Кирюшин, В.П. Семибратов

ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС ИЗ ПАМЯТНИКА СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ НИЖНЯЯ КАЯНЧА НА АЛТАЕ

В мае 2009 г. в деревне Нижняя Каянча Алтайского района Алтайского края, в зоне строительства автодороги Ая – Бирюзовая Катунь, был выявлен памятник скифо-сакского времени, который был назван аналогично населенному пункту. На могильнике визуально фиксировалось семь курганных насыпей, расположенных микроцепочками по 2–3 объекта.

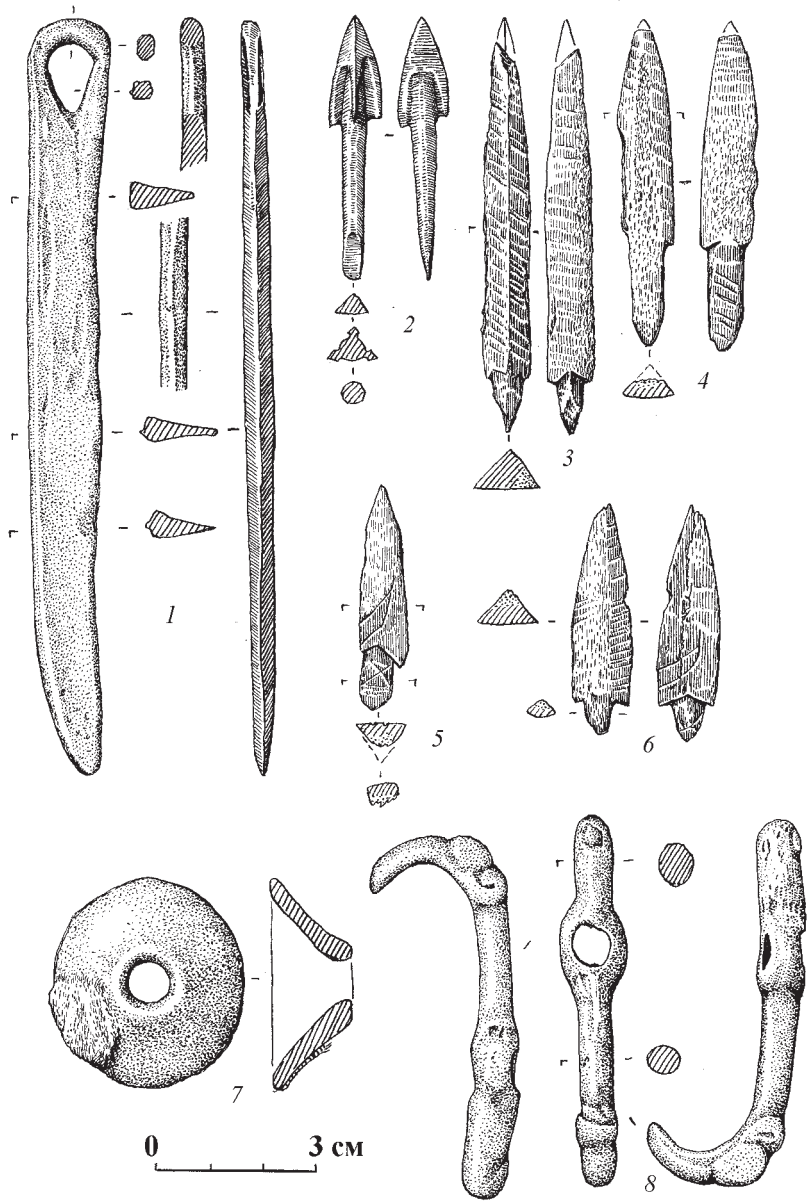
В сентябре 2009 г. исследован южный курган в первой группе. Его географические координаты такие: 51°52,331` северной широты и 85°45,383` восточной долготы. Насыпь кургана № 1 сооружена из рваного камня, взятого из ближайшего скального выхода. Она имеет диаметр 5 м и высоту 0,4 м. Погребение совершено в подпрямоугольной яме, ориентированной в длину по линии З–В. На глубине 1,3 м зафиксированы части скелета человека, по которым можно предположить, что здесь совершен обряд вторичного захоронения. Останки умершего положили на спину, головой на запад. На тазовых костях обнаружен бронзовый колчанный крюк [Кирюшин, Семибратов, 2009].

Летом 2011 г. исследован второй курган в той же микроцепочке. Размеры его каменной насыпи составили 6,0×5,5 м, а высота – 0,45 м. Наброска сделана из рваного камня. Контуры могильного пятна фиксировались на уровне древней поверхности. Погребальная яма смещена от центра к северу. Погребение совершено в неглубокой (1,25 м от древней поверхности) яме, ориентированной продольной осью по линии З–В. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на запад. Его руки располагались вдоль туловища. Слева от черепа обнаружен цельнометаллический нож. Он располагался вместе с костями мелкого рогатого скота.

С левой стороны погребенного зафиксировано *in* ***situ*** скопление находок, связанных с колчаном. У крыла левой тазовой кости лежал колчанный крюк. Рядом (через кость левой руки) выделялась крупная ворворка, скорее всего, игравшая роль застежки колчана. Пять наконечников стрел лежали остриями вниз у места соединения бедренной и большеберцовой костей. Примерная длина колчана определяется расположением указанных изделий и составляет примерно 0,7 м.

В ногах погребенного обнаружена бронзовая булавка.

Остановимся на более подробной характеристике полученных находок (см. *рисунок*). Следует отметить, что для установления химического соста-

Предметный **комплекс из кургана № 2. Нижняя Каянча.**
1–2, 7–9 – цветной металл; *3–6* – кость.

ва вещей из цветного металла (см. *рисунок, 1–2, 7–9*) использовался портативный рентгенофлюоресцентный спектрометр ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), которым располагает кафедра археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета. Результаты полученных анализов будут даны ниже при описании изделия.

Медный *нож* сделан в двухстворчатой литейной форме, о чем свидетельствуют литейный шов по обушку и внутри петли навершия (см. *рисунок, 1*). Слегка выгнутый обушок имеет ширину до 0,5 см. Длина ножа 14,25 см, а ширина – до 1,35 см. Рукоять практически не выражена и фиксируется за счет сточенности лезвия клинка. Заточка двухсторонняя. Навершие ножа оформлено в виде прорези каплевидной формы длиной 1,7 см и шириной до 0,9 см. Часть ее оказалась залита металлом и не доработана. Только с одной стороны просматриваются полные очертания намеченного отверстия. Найденный коротко-клинковый нож предназначался для бытового использования. Он сильно покрыт окислами, которые пришлось механически удалить с небольшого участка поверхности для рентгенофлюоресцентного тестирования. Полученные результаты свидетельствуют о том, что изделие отлито из медной руды с характерным набором примесей: Cu (медь) – 98,54 %; As (мышьяк) – 0,94 %; Pb (свинец) – 0,26 %; Ni (никель) – 0,17 %; Fe (железо) – 0,08 %.

Трехлопастной *наконечник стрелы* (см. *рисунок, 2*) имеет трехгранную боеголовку и черешковый насад. Длина изделия 4,8 см, а ширина пера почти 1 см. Размеры черешка от слегка скошенных оснований лопастей составили 3 см. Изделие сильно покрыто окислами. Для определения состава сплава изучен металл на краю насада. Получены следующие результаты: Cu – 97,4 %; As – 1,96 %; Sn (олово) – 0,21 %; Ni – 0,28 %; Pb – 0,1 %; Fe – 0,05 %. Они схожи с показателями тестирования предыдущего изделия. Исключение составляет символическое присутствие олова.

Следующая группа находок изготовлена из трубчатой кости копытного животного (см. *рисунок, 3–6*). Об этом свидетельствует то, что одна сторона кости плотная и заполированная, а другая – пористая и плохой сохранности.

Самый крупный костяной *наконечник стрелы* (длина 7,35 см) – трехгранный и черешковый (см. *рисунок, 3*). Часть пера покрыта медными окислами от предыдущего изделия. На сохранившейся поверхности видны поперечные следы строгания. Форма грани пера – вытянуто-подтреугольная (длина 6,35 см, ширина в центре 0,8 см). Острие пера разрушено; основания граней выделены как небольшие свисающие шипы. Черешок частично сломан. Он имел небольшие размеры и округлую форму (наибольшая толщина 0,5 см).

Следующий костяной *наконечник стрелы* (см. *рисунок, 4*) сохранился хуже. Он тоже трехгранный и черешковый, но отличается формой граней. Местами видны следы от строгания при изготовлении изделия. Острие обломано. Черешок сделан в виде клина. На хорошо сохранившейся стороне черешка имеются косые насечки для лучшего крепления с древком. Размеры

находки следующие: общая длина – 6,15 см (перо длиной 4,2 см, шириной до 1 см), ширина черешка – 0,65 см, толщина у основания – 0,5 см.

Третий костяной *наконечник* (см. *рисунок, 6*) был трехгранным, а его черешок сохранился лишь частично. Длина пера с гранями подтреугольной формы и обломанным острием составляла 3,8 см. На одной грани пера имеется процарапанная тамга в виде вытянутой «галочки» или «уха». Общая длина находки 4,45 см.

Четвертый костяной *наконечник* (см. *рисунок, 5*) похож на предыдущее изделие, но сохранился лишь наполовину. Он был трехгранным. Клиновидный черешок представлен частично. Более четко фиксируется аналогичная тамга. Общая длина находки составляет 4,25 см.

Обнаруженная ворворка в форме усеченного конуса – одна из самых крупных на Алтае. Внешний размер ее овального основания 4,0×3,7 см. Высота изделия 1,5 см, толщина – до 0,35 см. Диаметр отверстия верхней площадки составляет 0,85 см. Ворворка внутри сильно покрыта окислами. Сверху же преобладает патина, а также есть фрагмент прикипевшей органики (кожа?) размерами 2,0×1,5 см. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа необычного бронзового сплава следующие: Cu – 93,96 %; As – 3,36 %; Sb (сурьма) – 1,44 %; Ni – 1,13 %; Pb – 0,06 %; Fe – 0,05 %. Подобные показатели уже фиксировались одним из автором статьи при изучении находок, происходивших из Монгольского Алтая [Тишкин, Мунхбаяр, 2011]. Кроме того, следует отметить схожие результаты тестирования металлического зеркала из пазырыкского кургана № 28 памятника Кастахта на Алтае [Тишкин, Серегин, 2011, с. 71–72].

Самой замечательной находкой рассматриваемого комплекса является бронзовый *колчанный крюк* (см. *рисунок, 8*). Его длина 6,9 см. Изделие отлито в двухсторонней форме, о чем свидетельствуют заметные литейные швы. Конец крюка оформлен в виде головы хищной птицы. Имеющееся отверстие диаметром около 0,8 см предназначалось для продевания кожаного ремешка. Края отверстия неровные. Наплывы, получившиеся в ходе литья, не убраны. Имеются и другие изъяны плавки (недоливы, щербинки, пористость и т.д.). Поверхность крюка покрыта окислами, лишь местами просматривается «благородная» патина. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа металла следующие: Cu – 94,38 %; As – 2,68 %; Sb – 1,13 %; Sn – 0,52 %; Ni – 0,96 %; Pb – 0,18 %; Fe – 0,15 %. Эти показатели сходны с предыдущими. Исключение составляет наличие символической добавки олова.

Еще один найденный в могиле предмет – бронзовая *булавка* – представлен двумя сильно окисленными фрагментами длиной 2,15 и 1,6 см. Диаметр изделия – около 0,15 см. Один конец булавки был острым, а другой расплющен до ширины в 0,2 см. Рентгенофлюоресцентный спектрометр зафиксировал следующие показатели сплава: Cu – 91,71 %; As – 4,38 %; Sn – 2,67 %; Ni – 0,76 %; Pb – 0,22 %; Fe – 0,26 %.

Находки из представленного комплекса имеют аналоги в материалах памятников Алтая и сопредельных территорий, датируемых в пределах

VI в. до н.э. [Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010; Кирюшин, Степанова, 2004; и др.], т.е. конца аржано-майэмирского периода и начала раннепазырыкского времени. С учетом всех показателей курган № 2, раскопанный на памятнике Нижняя Каянча, вероятнее всего, нужно отнести к башадарскому этапу пазырыкской культуры (вторая половина VI – первая половина V в. до н.э.).

Список литературы

Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Археологические исследования на «Бирюзовой Катуни» в 2009 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2009 г.: Археология, этнография, устная история. – Барнаул, 2009. – Вып. 6. – С. 34–40.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – Ч. III. – 292 с.

Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч. Находки из Монгольского Алтая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. – Вып. 2. – С. 265–271.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая АГУ). – Барнаул: Азбука, 2011. – 144 с..

Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fьrstenkurgan Arћan 2 in Tuva. – Mainz, 2010. – 330 S. mit 289 Abb., 153 Taf. und 7 Beilagen. – (Archäologie in Eurasien; Bd. 26; Steppenvölker Eurasiens; Bd. 3).

В.А. Трунова, В.В. Зверева, Н.В. Полосьмак

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЛОС ИЗ ЗАХОРОНЕНИЙ ХУННУ (НОИН-УЛА, МОНГОЛИЯ) МЕТОДОМ РЕНТГЕНОФЛУОРЕСЦЕНТНОГО АНАЛИЗА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИНХРОТРОННОГО ИЗЛУЧЕНИЯ*

Образцы волос и другие органические находки из двух курганов хунну (датируемых последними годами до н.э. – первыми годами н.э.) могильника Ноин-Ула (Монголия) были исследованы методом рентгенофлуоресцентного анализа с использованием синхротронного излучения (РФА-СИ). Работа выполнена на оборудовании ЦКП СЦСТИ в рамках **ГК №**16.552.11.7044. Во всех образцах волос, найденных в исследуемых захоронениях, обнаружено высокое содержание меди. Рассмотрены возможные экзогенные и эндогенные влияния, которые могли бы объяснить высокую концентрацию меди в волосах людей.

Волосы – редкая находка в древних погребениях. Наиболее представительные коллекции волос найдены в пазырыкских захоронениях Алтая, а также в погребениях хунну могильника Ноин-Ула. Образцы волос из этих коллекций проанализированы методом РФА-СИ [Полосьмак, Трунова, 2004]. В статье будут рассмотрены только материалы из погребений в могильника Ноин-Ула. Волосы в данном случае являются практически единственным источником информации о погребенных людях, т.к. захоронения разграблены, остались лишь незначительные обломки костей погребенных.

Были исследованы следующие образцы: 1) из кургана № 20 (глубина 18 м) – 9 прядей волос и образец местной глины; 2) из кургана № 31 (глубина 13 м) – 2 пряди волос, фрагмент шерстяной ткани, фрагмент лучевой кости человека, а также образцы местной и озёрной голубой глины, которая принесена на место захоронения для заполнения пространства между внешней и внутренней погребальными камерами. Образцы промывали, высушивали, перетирали в агатовой ступке (за исключением фрагмента кости) и спрессовывали в таблетки для РФА-СИ анализа. Масса таблеток составляла около 20 мг. Все измерения проводились на станции элементного рентгенофлуоресцентного анализа (накопительное кольцо ВЭПП-3) в Институте ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН.

Определены концентрации химических элементов от S до Sr, а также содержание Hg и Pb. Для расчёта концентраций химических элементов в образцах использовали метод внешнего стандарта. Для определения содер-

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 10-06-00406 а).

жания элементов в образцах волос и фрагменте шерстяной ткани использовались международные стандартные образцы волос Human hair NIES No.5 (Япония), Human hair NCS ZC 81002b (Китай) и Human hair DC 73347 (Китай). Для расчета концентраций в образцах глины взяли стандартный образец Pond sediment NIES No.2. Для образца кости в качестве внешнего стандарта использовали фосфорит IRMM BCR 032. Все полученные данные представлены в таблице 1.

Для оценки степени экзогенного влияния на состав исследуемых волос (главным образом, содержания Cu и Fe) проведена процедура промывки образцов в неионогенном детергенте Triton X-100, с последующим выдерживанием в растворе 0.1 М ЭДТА [McKenzie, 1978]. Существуют различные мнения об эффективности различных способов элиминации экзогенных веществ из волос [Razagui, 2008; Assarian, Oberleas, 1977; Ryabukin, 1978, 1980; Buckley, Dreosti, 1984]. В нашем случае концентрация Cu (а также Fe) в образцах очень высока. Как сообщают авторы [Buckley, Dreosti, 1984; McKenzie, 1978], процедура промывания с использованием неионогенного детергента и ЭДТА наиболее эффективно удаляет адсорбированные Cu и Zn с поверхности волоса.

Курган № 20. В данном захоронении обнаружено множество медных, железных и серебряных предметов, а также 9 прядей волос, значительно отличающихся друг от друга по толщине волоса. Во всех образцах волос из данного погребения высокое содержание Cu – от 1000 до 16000 мкг/г (см. табл. 1). В образцах глины, заполнявшей погребальную камеру, содержание этого элемента тоже было повышенным. Вероятно, это связано с присутствием в кургане большого количества медных предметов. В некоторых образцах волос обнаружены высокие концентрации Pb – до 540 мкг/г (табл. 2).

Курган № 31. Разграблен. В нем не обнаружены металлические предметы. В погребении найдены две пряди волос человека: длинная темная и небольшая светлая. Судя по толщине волоса, обе пряди принадлежат представителям европеоидной расы. В этих образцах волос обнаружено высокое содержание Cu – 5600 и 4200 мкг/г. В образцах глины, заполнявшей погребальную камеру, содержание Cu очень низкое – 28 и 75 мкг/г (см. табл. 1). Концентрация Cu в других образцах органического происхождения (шерстяной ткани, фрагменте лучевой кости) намного ниже, чем в волосах. В образце волос (3) обнаружено также высокое содержание Hg (4600 мкг/г), As (700), Pb (110) и Ni (90 мкг/г) (см. табл. 2). В других исследованных образцах органического происхождения из этого погребения такие высокие концентрации Hg, As и Ni обнаружены не были. Одним из возможных объяснений высокого содержания Hg может быть применение лекарств (или средств для достижения бессмертия) на основе ртути, которые изготавливались китайскими целителями [Торчинов, 1997]. Другое объяснение – использование киновари для бальзамирования умерших [Крюков и др., 1983]. Во всех исследуемых образцах повышенное содержание Fe. Это, по-видимому, обусловлено присутствием глины внутри погребальной

Таблица 1. Содержание химических элементов от S до Zn в образцах органического происхождения из курганов № 20 и 31 Ноин-Ула*

Образцы	S	K	Ca	V	Cr	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn
Курган №31										
Волосы 3	42000	350	1600	*<ПО*	*<ПО*	180	5500	90	5600	70
Волосы 13	36000	400	3000	*<ПО*	14	140	3000	5.7	4200	40
Лучевая кость	4400	670	346000	*<ПО*	86	5800	54000	*<ПО*	3.2	110
Шерст. ткань 14	33000	*н/о*	2500	*<ПО*	6	70	6900	28	390	66
Местная глина	*н/о*	*н/о*	4100	100	*<ПО*	330	33000	*<ПО*	28	100
Озерная глина 31	*н/о*	*н/о*	2000	95	*<ПО*	350	43000	*<ПО*	75	220
Курган №20										
Волосы 11	33000	330	2400	*<ПО*	*<ПО*	9.4	2100	29	5800	40
Волосы 10	33000	480	2700	*<ПО*	*<ПО*	15	3100	35	16000	85
Волосы 5	33000	580	2700	*<ПО*	*<ПО*	16	2500	32	4300	46
Волосы 8	36000	370	2100	*<ПО*	*<ПО*	9.2	2000	33	12000	61
Волосы 12	32000	140	2100	*<ПО*	3.3	15	780	5.3	1000	15
Волосы 9	70000	720	4100	*<ПО*	4.9	17	2000	20	9400	84
Волосы 7	38000	320	2500	*<ПО*	7.3	22	1600	16	5800	47
Волосы 6	41000	410	2000	*<ПО*	5.1	19	1400	16	1000	34
Волосы 4	39000	220	4300	*<ПО*	1.6	6.4	1200	11	6800	44
Местная глина 20	*н/о*	19000	14000	95	60	350	33000	22	1600	100
S_r %	30%	18%	16%	28%	24%	20%	14%	21%	16%	10%

н/о – не определено, <ПО – ниже предела обнаружения, S_r% - относительное стандартное отклонение

*Концентрации химических элементов приведены в мкг/г. Величины пределов обнаружения для V, Cr и Ni составляли 1.3, 0.70 и 0.4 мкг/г, соответственно.

Таблица 2. Содержание химических элементов от As до Pb в образцах органического происхождения из курганов № 20 и 31 Ноин-Ула*

Образцы	As	Se	Br	Rb	Sr	Hg	Pb
			Курган №31				
Волосы 3	700	0.50	7.8	<*ПО*	37	4600	110
Волосы 13	<*ПО*	0.39	3.6	<*ПО*	14	4.2	15
Лучевая кость	<*ПО*	12	2.6	3.4	810	<*ПО*	7.8
Шерст. ткань 14	57	0.49	1.4	0.11	14	34	16
Местная глина	8.8	<*ПО*	<*ПО*	90	140	0.57	28
Озерная глина 31	32	<*ПО*	<*ПО*	110	120	<*ПО*	32
			Курган №20				
Волосы 11	<*ПО*	0.20	4.0	2.1	8.6	20	270
Волосы 10	<*ПО*	<*ПО*	4.3	4.3	10.1	<*ПО*	32
Волосы 5	<*ПО*	0.20	3.2	4.1	9.6	9.0	110
Волосы 8	<*ПО*	<*ПО*	4.4	1.5	6.8	18	540
Волосы 12	2.4	<*ПО*	3.2	<*ПО*	10	56	33
Волосы 9	<*ПО*	0.26	4.3	2.5	10	6.0	8.0
Волосы 7	<*ПО*	0.28	2.5	2.9	11	9.0	7.0
Волосы 6	<*ПО*	0.38	2.2	3.5	9.7	4.0	13
Волосы 4	<*ПО*	0.30	2.6	1.5	15	<*ПО*	13
Местная глина 20	60	<*ПО*	10	110	220	*н/о*	300
S_r %	33%	16%	12%	19%	22%	27%	27%

*Концентрации химических элементов приведены в мкг/г. Величины пределов обнаружения для As, Se, Br, Rb, Hg и Pb составляли 0.24, 0.20, 0.12, 0.09, 0.40 и 0.22 мкг/г соответственно.

камеры, содержание Fe в которой составляет порядка 3,3–4,3 %. Содержание Ti в образцах озерной глины, а также местной глины из курганов № 31 и 20 составило 4400, 4700 и 3900 мкг/г соответственно.

В данном погребении обнаружен фрагмент лучевой кости человека. Анализ этого образца показал низкие уровни содержания таких элементов, как Cu, Hg и Pb. Содержание Ti и Cl в образце костной ткани составило180 и 200 мкг/г. Известно, что у людей, при жизни тесно контактировавших с медью – кузнецов и литейщиков бронзового века, повышенная концентрация меди обнаруживается в костной ткани [Добровольская, Медникова, 2011]. В данном случае, судя по анализу костного образца, погребенный в кургане 31 человек не имел отношения к бронзолитейному производству. Если какой-то из двух проанализированных образцов волос с высоким содержанием меди принадлежит ему, то причина аномалии связана с другими факторами.

Однако основной вопрос: каков источник высокого содержания Cu в образцах волос из древних погребений? Концентрации этого элемента чрезвычайно высоки на фоне низкого содержания Zn, по сравнению с нормальными уровнями содержания этих элементов в волосах современного человека.

Потенциально существуют как эндогенный, так и экзогенный источники высокого содержания Cu в образцах исследуемых волос. Но результаты процедуры промывания волос детергентом и ЭДТА, низкие содержания Zn в волосах, а также этнографические данные позволяют предположить, что этот источник, вероятнее всего, эндогенного происхождения. Кроме того, некоторые авторы [Kempson et al., 2007] полагают, что экзогенные факторы не могут значительно повлиять на концентрации Cu и Zn в волосах.

По-видимому, в данной ситуации высокое содержание Cu указывает на т.н. «прижизненную адаптацию к меди» у хунну. Постоянное использование медной и бронзовой утвари для приготовления молочнокислых напитков могло быть причиной того, что человек адаптировался к высоким «дозам» Cu в течение жизни. Отсюда и аномально высокие уровни содержания Cu в волосах.

Список литературы

Добровольская М.В., Медникова М.Б. «Медные люди» эпохи бронзы: Реконструкция состояния здоровья и социального статуса // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 2. – С. 143–157.

Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М.: Наука, 1983. – 415 с.

Полосьмак Н.В., Трунова В.А. Волосы из пазырыкских могил (рентгенофлуоресцентный анализ с использованием синхротронного излучения) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 73–80.

Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. – 384 с.

Assarian G.S., Oberleas D. Effect of washing procedures on trace-element content of hair // Clinical Chemistry. – 1977. – Vol. 23. – P. 1771–1772.

Buckley R.A., Dreosti I.E. Radioisotopic studies concerning the efficacy of standard washing procedures for the cleansing of hair before zinc analysis // The American Journal of Clinical Nutrition. – 1984. – Vol. 40. – P. 840–846.

Kempson I.M., Skinner W.M., Kirkbride K.P. The occurrence and incorporation of Cu and Zn in hair and their potential role as bio-indicators: a review // Journal of Toxicology and Environmental Health B. – 2007. – Vol. 10. – P. 611–622.

McKenzie J.M. Alteration of the zinc and copper concentration of hair // The American Journal of Clinical Nutrition. – 1978. – Vol. 31. – P. 470–476.

Razagui I.B.A. A Comparative Evoluation of Three Washing Procedures for Minimizing Exogenous Trace Element Contamination in Fetal Scalp Hair of Various Obstetric Outcomes // Biological Trace Element Research. – 2008. – Vol. 123. – P. 47–57.

Ryabukin Y.S. Activation analysis of hair as an indicator of contamination of man by Environmental Trace Element Pollutants. IAEA Report IAEA/RL/50. – Vienna: International Atomic Energy Agency, 1978.

Ryabukin, Y. S. Nuclear based methods for the analysis of trace element pollutants in human hair // Journal of Radioanalitical Chemistry. – 1980. – Vol. 60. – P. 7–30.

Ю.С. Худяков

ПРИМЕНЕНИЕ АРТИЛЛЕРИИ ОТРЯДАМИ РУССКИХ КАЗАКОВ И СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ НОМАДОВ В ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА (ПО ПИСЬМЕННЫМ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ)*

Одним из значимых факторов для достижения побед отрядов русских казаков и служилых в ходе военных столкновений с войсками сибирских татар, енисейских кыргызов и джунгар в период присоединения лесостепных и степных районов Западной и Южной Сибири к Российскому государству в конце XVI–XVII вв. было эффективное использование огнестрельного оружия, в т. ч. артиллерии. Российские и европейские исследователи, обращавшиеся к изучению данной темы в XVIII–XIX вв., считали, что превосходство российских воинов над сибирскими аборигенами в средствах ведения «огненного боя» имело решающее значение в деле овладения Сибирью.

При организации и подготовке первого похода отряда под предводительством атамана Ермака в Сибирь купцы Строгановы снабдили казаков судами, необходимым оружием, снаряжением и боеприпасами. В источниках говорится, что они выдали казакам три пушки, а тем, кто не имел своего оружия, дали каждому по ружью, всем 5 000 воинов по «три фунта пороха и по три фунта свинца», снабдили продовольствием [Миллер, 1999, с. 212]. В ходе военных действий против войск Сибирского ханства казаки очень умело использовали огнестрельное оружие. Они старались психологически воздействовать на местное татарское население, демонстрируя огневую мощь оружия, с действием которого сибирские татары были мало знакомы. В начале похода, когда в плен к казакам попал один из наместников хана Кучума – тархан Кутугай, по приказу Ермака е продемонстрировали «огненный бой». Стрельба из пищалей произвела большое впечатление и должна была, по замыслу казачьего атамана, устрашить остальных татар [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, с. 54]. В одном из первых военных столкновений с сибирскими татарами атаман Ермак приказал «зарядить ружья одними пыжами, дабы придать врагам больше смелости». Эта военная хитрость вполне удалась, и в бою при устье Тобола татары атаковали казаков без опаски, бросив против них большое количество войска. Однако на этот раз казаки использовали для поражения противника наиболее мощные средства, зарядив оружие «четырехугольными кусками железа и пулями». Татарскому

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 10-01-00258а).

войску был нанесен большой урон. Татарские полководцы тоже имели в своем распоряжении две «большие литые железные пушки», которые стреляли сорокафунтовыми ядрами. Однако у них не оказалось умелых артиллеристов. Не сумев использовать эти орудия в решающем сражении на Чувашском мысу (из них ни разу не смогли выстрелить), татарские воины по приказу хана Кучума сбросили их в реку Иртыш. По некоторым сведениям, одну из пушек казаки смогли вытащить [Миллер, 1999, с. 225].

В сибирских летописных источниках содержится упоминание об использовании двух пушек мурзой Бегишем при обороне городка на берегу Бегишева озера от казачьего отряда под командованием Ермака. В достоверности этого сообщения выразил сомнение Г.Ф. Миллер [1999, с. 254]. Умелое использование артиллерии и ручного огнестрельного оружия позволило казачьему отряду превзойти войска сибирских татар в полевых сражениях и при штурме фортификационных сооружений. Однако некоторые хорошо укрепленные татарские городки оказались неприступны для казаков. Когда атаман Ермак попытался взять штурмом хорошо укрепленную татарскую крепость Куллары, расположенную на западном берегу Иртыша близ озера Аускалу, его постигла неудача. В течение пяти дней «он прилагал все усилия, но взять его не смог» [Миллер, 1999, с. 255]. Ермак вынужден был отступить, надеясь захватить этот городок в будущем.

Во время похода в 1585 г. русского военного отряда под командованием воеводы И. Мансурова использование артиллерии способствовало успешной обороне Русского городка – первого построенного в Сибири временного российского военного укрепления в устье Иртыша. Это укрепление было окружено «множеством остяков», возглавляемых своими князьями, которые привезли знаменитого белогорского шайтана, особо почитаемого хантами языческого идола, которого водрузили на дерево и приносили ему жертвы, прося помощи для победы над русскими. Воевода И. Мансуров «велел навести на шайтана пушку, и когда он был разбит на мелкие куски, этого было достаточно, чтобы рассеять толпы остяков, которые теперь ни на кого уже больше не могли надеяться» [Миллер, 1999, с. 261–262]. Одного меткого выстрела из пушки оказалась достаточно, чтобы обратить в бегство все хантыйское воинство.

После утраты сибирскими татарами хорошо укрепленных городков преимущество российских войск над военными отрядами, подвластными хану Кучуму, стало подавляющим. В боях с русскими татары терпели поражения. Военные успехи татарских войск носили эпизодический характер и были обусловлены хорошим знанием местности, дезинформацией врага и внезапностью нападения на противника. Эффективное применение артиллерии российскими войсками против «кучумлян» наглядно проиллюстрировано в «Истории Сибирской» С.У. Ремизова. Там описаны различные эпизоды известного похода 1591 г. отряда казаков под командованием тарского воеводы И. Кольцова-Масальского на ставку хана Кучума на р. Ишим у оз. Чиликуль [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, ил. 216]. Рисунки конца XVII в. нагляд-

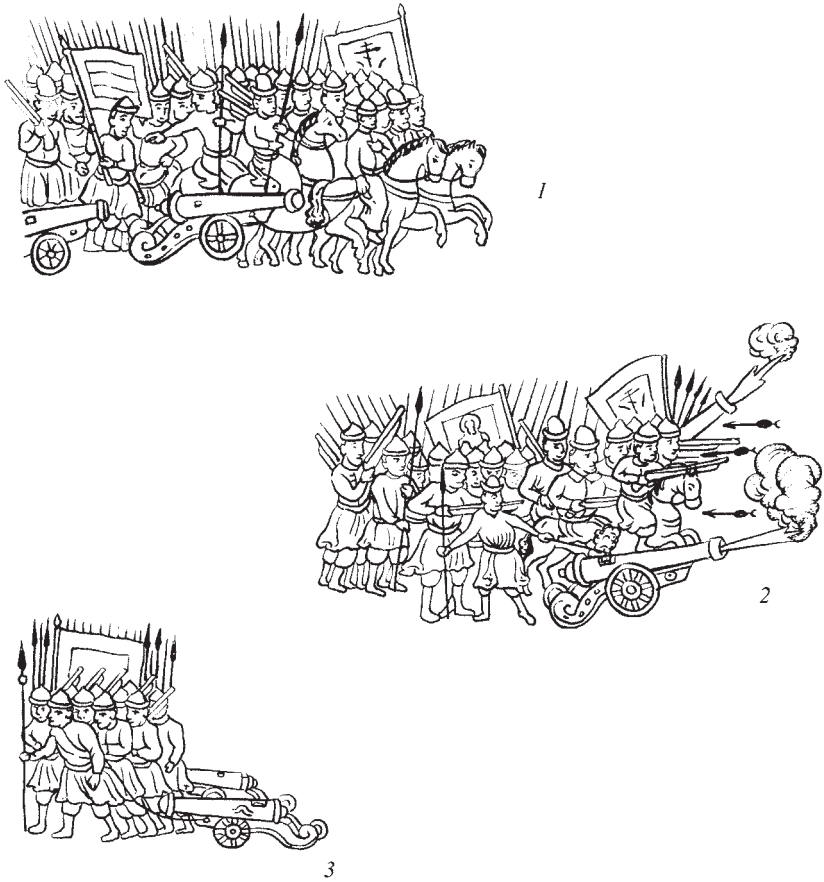
но демонстрируют особенности вооружения и экипировки русских воинов эпохи присоединения Сибири к Российскому государству. Казачий отряд совершил успешный поход и сумел внезапно напасть на ханскую ставку в момент, когда «кучумляне» не ожидали нападения. После завязавшегося «короткого сражения многие бывшие с ханом были убиты, а оставшиеся в живых бежали» [Миллер, 1999, с. 273].

На иллюстрации в «Истории Сибирской» показаны различные эпизоды похода русского войска, состоявшего из конных и пеших воинов с двумя пушками на двухколесных лафетах. В первом эпизоде воспроизведен сам поход. В авангарде отряда движутся всадники с копьями и знаменами. За ними идут пехотинцы с пищалями на плечах. На переднем плане показаны пушки. У них выделены длинные стволы, расширяющиеся к казенной части, отверстия для запала, лафеты со спирально свернутым окончанием и колеса с восемью спицами. При передвижении пушки передвигали вперед с помощью конной тяги. В отверстие, расположенное на передней части лафета, под стволом пушки, закреплена длинная веревка или шнур, который едущий впереди всадник держит правой рукой. Вторая пушка изображена не полностью (см. *рисунок, 1*).

В следующем эпизоде изображен кульминационный момент боя, в ходе которого казаки палят из обеих пушек в противников, стреляющих в них стрелами из луков. На переднем плане пушкарь левой рукой подносит запал к запальному отверстию в орудийном стволе. Второй рукой он опирается на копье. Орудийный огонь дополняет ружейная стрельба. Все русские воины из первых рядов построения войска, всадники и пехотинцы, стреляют в противника из пищалей. Этой огневой мощи противостоят редкие татарские стрелы. Значительная часть татарских воинов уничтожена в результате этой стрельбы. Они показаны лежащими на земле с луками и саблями в руках (см. *рисунок, 2*). Какая-то часть татарских воинов, среди которых был хан Кучум, сумела бежать.

В третьем эпизоде показаны результаты похода. После победы русское войско направилось в обратный путь, уводя с собой пленных. Впереди движется отряд вооруженных копьями и пищалями всадников со знаменем. За ними идет группа пленных татар со связанными руками. Замыкают шествие пешие русские воины, вооруженные копьями и пищалями, которые тащат за собой пушки на длинных веревках, закрепленных в отверстие на передней части лафета. Противоположный конец веревки воин, изображенный на переднем плане (вероятно, пушкарь), закрепил на своем поясе, за спиной. Правой рукой он опирается на копье (см. *рисунок, 3*). Несколько необычно, что во время передвижения отряда к месту сражения и возвращения обратно конные и пешие русские воины тянут пушки дулом вперед, а не лафетом [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, ил. 216].

Судя по картине боя, применение артиллерии имело важное значение для поражения противника и достижения победы. При строительстве в 1594 г. города Тары, возведенного как оборонительный форпост от набегов ко-

Поход казаков против «кучумлян». Рисунки из «Истории Сибирской».

чевников, его гарнизон набирали из разных городов Урала и Сибири. В состав отряда были включены казаки, служилые татары, стрельцы и пушкари. Гарнизон снабдили артиллерией, воинской амуницией и другими «необходимыми вещами» для успешного выполнения порученного дела [Миллер, 1999, с. 284, 348].

После гибели хана Кучума в начале XVII в. борьбу за восстановление Сибирского ханства продолжили его наследники. В ходе военных действий против военных отрядов сибирских татар активно использовалась полевая артиллерия. Во время похода в 1631 г. на Чингисов городок против чатского мурзы Тарлава, при передвижении ранней весной по заснеженной степи, русские воины отряда под командованием Я. Тухачевского не только сами шли на лыжах, но и тянули небольшие пушки, закрепленные на нартах. Воины передвигались с большой скоростью, чтобы обеспечить внезапность

нападения. Шли днем и ночью. Пушки, «порох и свинец, и пули железные и пушечные, и запасишко свое волокли на себе да на собаках» [Уманский, 1995, с. 34–35]. В результате развернувшегося сражения городок был взят, а подоспевшие на помощь чатским татарам войска сибирских татар, телеутов и ойратов разбиты.

Изучение исторических свидетельств и изобразительных материалов позволило уточнить особенности транспортировки и применения артиллерии в полевых условиях, при штурме и обороне фортификационных сооружений русскими воинами в ходе военных действий против сибирских татар и их союзников в Западной Сибири в XVI–XVII вв.

Список литературы

Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Ремизовская летопись. История Сибирская. Летопись Сибирская краткая кунгурская. Исследование. Текст и перевод. – Тобольск: «Возрождение Тобольска», 2006. – 270 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Вост. лит., 1999. – Т. I. – 630 с.

Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. – Барнаул, 1995. – Ч. 2. – 221 с.

Т.А. Чикишева, А.В. Зубова, Д.В. Поздняков

ХАРАКТЕРИСТИКА ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ ВЕНГЕРОВО-2*

К этапу неолита уходят генетические истоки населения основных автохтонных археологических культур. В связи с этим палеоантропологические материалы неолитической древности представляют большой интерес. В коллекциях ИАЭТ СО РАН сконцентрирован небольшой по объему палеоантропологический материал из погребений неолитической эпохи, локализованных в Барабинской лесостепи. Пополнение этой коллекции находками из новых погребений позволяет расширять спектр задач по изучению структуры антропологического состава Барабы как особого геоэкологического района. В настоящее время мы располагаем неолитическим палеоантропологическим материалом, представляющим три популяции, различающиеся в хронологическом отношении и заселявшие два микрорайона – Центральную (Сопка-2, Корчуган) и Северную (Протока) Барабу. В перспективе возможен выход на углубленный анализ внутрипопуляционных трансформаций комплексов антропологических особенностей (краниологических, остеологических, одонтологических, патологических, демографических) и их факторов. Неизменной задачей антропологического исследования является также изучение межпопуляционных взаимодействий локального и межрегионального уровня.

Настоящая статья посвящена результатам исследования нового палеоантропологического материала, происходящего из неолитического погребения, обнаруженного на поселении кротовской культуры Венгерово-2 в конце экспедиционного сезона 2011 г. Памятник законсервирован до следующего года. Интересующие нас находки включают череп хорошей сохранности и фрагменты посткраниальных скелетов нескольких человек. Судя по фрагментам костей рук и плечевого пояса, останки принадлежат, как минимум, шести индивидам. При визуальном осмотре выявлена дифференциация костей по массивности, что свидетельствует о явном половом диморфизме морфологических признаков, позволяющем определить возможный пол погребенных.

Все кости относятся к правой стороне тела. Лучше всего сохранились диафизы лучевых костей, по которым мы установили, что фрагменты можно отнести к двум взрослым женщинам (возраст обеих находится в интер-

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 11-06-12002-офи-м-2011).

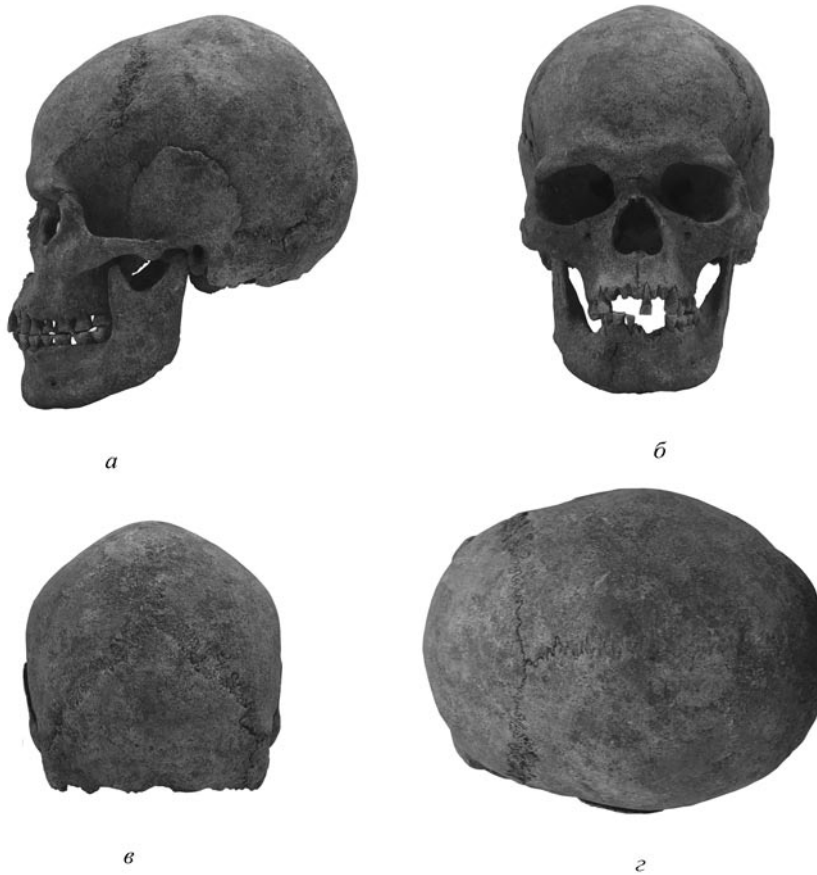
вале 30–40 лет), трем взрослым мужчинам (их возраст попадает в тот же интервал) и мальчику-подростку (14–15 лет).

Среди фрагментов есть кости таза и кости ног (бедренные, большие и малые берцовые) женщины 30–40 лет. Благодаря хорошей сохранности правых большой и малой берцовых костей, нам удалось вычислить длину тела погребенной, составившую приблизительно 152,6 см. Мы располагаем также данными по длине тел из трех неолитических некрополей Барабинской лесостепи. Женщина из погребения Венгерово-2 имела такую же длину тела, что и женщина из Корчугана. Среди женщин некрополя Протока тоже есть индивиды с малой длиной тела. Что касается женщин из некрополя Сопка-2/1, то длина их тела отличалась значительно большей величиной, варьируя от 161 до 173 см.

Относительно половой принадлежности черепа (см. *рисунок*) однозначный ответ дать трудно, т.к. некоторые его особенности противоречивы. Аргументом за отнесение индивида к женскому полу может быть факт присутствия в погребении наиболее полного скелета женщины (кости нижнего пояса конечностей относительно хорошо сохранились). От других погребенных обнаружены лишь небольшие фрагменты. Возраст найденного индивида около 35 лет.

Визуально череп производит впечатление массивного за счет усиленного рельефа надпереносья и мест прикрепления лицевых мышц. А вот надбровье умеренно-протяженное и умеренно выступающее (между баллами 1 и 2), рельеф затылка слабый (почти не заметны выйные линии и не развит затылочный бугор – балл 1). Развитие сосцевидных отростков умеренное (балл 2). Нижняя челюсть имеет очень массивную переднюю часть (высота 35 мм, толщина 14,5 мм, ширина между подбородочными отверстиями 50 мм), но грацильную заднюю и слабо выраженный рельеф жевательных мышц. От других черепов из Барабинских неолитических погребений (не только мужских, но и женских) нижняя челюсть индивида из Венгерово-2 отличается малой шириной (между мыщелками она составляет 110 мм, между углами – 93 мм), удлиненной параболоидной формой, большой длиной (112 мм от мыщелков, 81 мм от углов), средневысокой (61,5мм), широкой (36 мм) и наклонной ветвью (123°). Характерной особенностью черепа является угловатость общих контуров мозговой капсулы: крышевидная и трапециевидная форма в окципитальной норме, которая может быть подчеркнута также большой базило-постериорной шириной (138 мм), пентагоноидная форма – в вертикальной норме, высокая куполообразная – в сагиттальной.

Черепная коробка имеет большой продольный диаметр (180 мм), средний поперечный диаметр (141 мм), мезокранную форму, большую высоту, измеренную от порионов (119,5 мм), и среднюю (132 мм) – от базиона. Лобная кость средней длины (112,5 мм), средне наклонная (угол наклона лба от назиона 80°, от глабеллы – 72°), узкая в месте наибольшего сужения (91,5 мм), широкая в коронарной части (121мм), слабо изогнутая сагитталь-

Череп из погребения Венгерово-2.
а – латеральная норма; *б* – фронтальная норма; *в* – окципитальная норма; *г* – вертикальная норма.

но (указатель изгиба лба 85,2), средневыпуклая (высота изгиба лба 25,5 мм, указатель выпуклости лба 22,7). Угол поперечного изгиба лба (142,6°) попадает в пределы признаков, характерных для монголоидных комплексов. Как и у других барабинских черепов эпохи неолита, наибольшим отрезком сагиттальной дуги является теменной (значение теменно-сагиттального индекса 36,9), существенно превышающий по размерам лобный (лобно-сагиттальный индекс – 33,8). Соотношение затылочного и теменного компонентов сагиттальной дуги имеет очень низкую величину (затылочно-теменной индекс 79,2, а затылочно-сагиттальный – 29,2). Все эти индексы в расово-диагностическом отношении характерны для европеоидных серий. Затылочная кость – широкая (113 мм).

Высота лица очень малая (верхняя 64 мм, полная 110 мм). Верхняя ширина лица большая (108,5 мм), а скуловая – средняя (134 мм). Горизонтальный фацио-церебральный указатель (95) имеет значение, характерное для неолитических серий Восточной и Южной Сибири. Вертикальный фацио-церебральный указатель (48,5) ближе к значениям признака у восточноевропейских серий, существенно отличаясь от характеристик других барабинских групп (Протока – 52,1; Сопка-2/1 – 51,2; Корчуган – 57,5). Орбиты мезоконхные по указателю, средних размеров (ширина от mf – 40мм, высота – 31 мм). Эти размеры значительно меньше, чем наблюдаемые на других барабинских черепах. Носовое отверстие широкое (27 мм). В неолите Барабы аналогичные варианты встречаются у индивидов из могильника Протока. На черепах из Сопки-2/1 и Корчугана грушевидное отверстие значительно уже. Спинка носа вогнутая и среднеуплощенная (ss – 3,2 мм, sc – 8,5 мм). Переносье в целом высокое (ds – 13,6 мм, dc – 24,5мм). Носовые кости слабо выступают над линией профиля лица (как и на других барабинских черепах). Поскольку нижние концы носовых косточек обломаны, мы реконструировали их, использовав для характеристики черепа среднее арифметическое между размерами, полученными до реконструкции и после (7,5°). Нижний край грушевидного отверстия имеет форму предносовых ямок. Передненосовая ость развита слабо (балл 1 или 2).

Специфической особенностью черепа является резкое выступание вперед альвеолярного отростка верхней челюсти, что выразилось в чрезвычайно низких значениях углов вертикальной профилировки лица – общего (70°), среднего (73°) и альвеолярного (60°). Горизонтальный профиль лица характеризуется гетеропрозопией: сочетанием гиперплатиопного угла уплощенности назомалярного отдела (153,6°) и мезогнатного зигомаксиллярного (132,4°). Клыковая ямка очень глубокая (6,3 мм).

В отличие от других барабинских черепов, характеризующихся массивным строением верхнечелюстного отдела, череп из Венгерово-2 имеет узкую (59 мм) и протяженную (57,5 мм) альвеолярную дугу, узкое (36 мм) и короткое (46 мм) нёбо.

В целом краниологические особенности индивида из Венгерово-2 вписываются в пределы их изменчивости у людей эпохи неолита, погребенных в некрополях Барабинской лесостепи. Хотя, безусловно, данный череп имеет ряд индивидуальных особенностей, расширяющих эти пределы. К ним относятся малая высота лица, очень большой назомалярный угол горизонтальной уплощенности и очень малые углы вертикальной профилировки лица. Даже в случае отнесения черепа к индивиду женского пола, высотные диаметры его лицевого отдела и углы вертикальной профилировки имеют малые величины, не встреченные в Барабе на других женских черепах эпохи неолита. Однако весь комплекс краниологических признаков весьма характерен для людей этого времени Барабинской лесостепи. Маркирующими сочетаниями признаков являются сочетания сагиттальных хордо-дуговых размеров основных отделов мозговой коробки, характерное сочетание углов

гетеропрозопного горизонтального профиля лица, его вертикальный прогнатизм, низкий симотический указатель переносья, малый угол выступания носовых костей над общей линией профиля лица.

Наибольшее сходство по комплексу признаков череп из Венгерово-2 проявляет с женским черепом из погребения № 8 некрополя Протока [Полосьмак, Чикишева и др., 1989, табл. 1, с. 38–43].

Одонтологический материал погребения фрагментарен. Несмотря на то, что у индивида представлены все классы зубов верхней и нижней челюстей, их значительная стертость не позволила сделать вывод о наличии или отсутствии большинства типологически значимых одонтологических признаков. Здесь отсутствует диастема между верхними медиальными резцами, краудинги, эктопии, гипо- и гипердонтия. Интересной особенностью верхних первых премоляров является двухкорневое их строение, свойственное европеоидным группам [Зубов, 2006, с. 38]. Первые моляры верхней челюсти не редуцированы (балл 4), вторые редуцированы относительно слабо (балл 4–), на третьих гипоконус практически отсутствует (балл 3+). Средний балл редукции метаконуса верхних моляров – 2. Наличие или отсутствие бугорка Карабелли на первых верхних молярах установить не удалось; на вторых и третьих он не представлен. Дополнительные бугорки в строении верхних моляров не отмечены. На вторых верхних молярах резко выражен затек эмали (балл 4–5). На первых и третьих молярах он обозначен значительно слабее и не превышает балла 2. Нижний второй правый премоляр имеет сильно дифференцированную коронку (балл 4–5). Характер строения первых нижних моляров установить не удалось. Нижний второй левый моляр имеет форму «+4». Аналогично строение третьего левого моляра, на котором отмечена ямка протостилида. Затек эмали на втором и третьем левых нижних молярах 4 балла, на первом его характер установить не удалось. Дополнительные бугорки в строении нижних моляров не отмечены, наличие или отсутствие дистального гребня тригонида и коленчатой складки метаконида установить не удалось.

Измерительные характеристики коронок зубов получить не удалось из-за сильной их стертости. Однако определенный интерес представляют метрические параметры корневой системы погребенного. Длина корня (HR) верхнего первого и второго моляра справа, определенная по методу Сельмера-Ольсена [Зубов, 1968, с. 7], составила 11,6 мм; третьего слева – 9,3 мм; третьего справа – 11,5 мм. Эти размеры значительно меньше, чем наблюдаемые в современных сериях, даже относящихся к монголоидной расе (хакасы, киргизы; см.: [Зубов, 1968, табл. 2, 8, 10]), представители которой характеризуются меньшей длиной корней, чем европеоидные группы. Определяющее значение здесь имеет соотношение длины корня и высоты коронки, определить которое у индивида из Венгерово-2 оказалось невозможно. Тем не менее, сочетание малой длины корней с раздвоенностью корня первых верхних премоляров, на наш взгляд, можно рассматривать как одно из свидетельств возможной несбалансированности комплекса

одонтологических характеристик по соотношению «восточных» и «западных» маркеров.

У индивида имеются зубо-челюстные патологии. Правые нижние моляры утрачены при жизни в результате системного заболевания тканей пародонта. Альвеолы облитерированы не полностью: видимо, утрата зубов произошла незадолго до смерти. Прижизненно утрачен также нижний медиальный резец. Отсутствие признаков воспалительного процесса и наличие значительных отложений зубного камня, особенно на молярах верхней челюсти, позволяет предположить, что заболевание связано с нарушением питания околозубных тканей. Возможной компенсацией процессу разрушения тканей пародонта можно считать разрастание корневых тканей, наблюдаемое практически на всех зубах верхней челюсти, и незначительные торусы, отмечаемые в районе клыков и первых премоляров нижней челюсти. На нижнем левом третьем моляре наблюдается фиссурный кариес. На клыке и премолярах левого квадранта нижней челюсти есть незначительные прижизненные сколы эмали, видимо, связанные с характером питания погребенного. Нижние клыки и правый латеральный резец поражены гипоплазией эмали. На резце основное поражение локализовано на высоте 3,2 мм от эмалево-цементной границы, на клыках – приблизительно на том же расстоянии, но на резце поражение имеет четкую линейную локализацию, а на клыках патологическим изменениям подверглась вся эмаль нижней трети коронки. Такая картина не соответствует «стандартной», наблюдаемой при эпизодических стрессах, вызванных внешними причинами, и позволяет предполагать наличие у погребенного наследственной предрасположенности к нарушению формирования матрикса эмали.

Список литературы

Зубов А.А. Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас. – М.: Наука, 1968. – С. 5–123.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: ЭТНО-ОНЛАЙН, 2006. – 72 с.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 104 с.

П.И. Шульга

О ТОПОГРАФИИ ПОСЕЛЕНИЙ ДРЕВНИХ СКОТОВОДОВ В ГОРНО-СТЕПНЫХ ЛАНДШАФТАХ

Поселения раннего железного века в горно-степных ландшафтах Монголии, Тувы, Минусинской котловины, Восточного Казахстана и Синьцзяна почти не известны, что существенно затрудняет изучение культуры проживавших там народов. Думается, проблема может быть решена посредством применения методики, разработанной в Центральном Алтае. Она основывалась на анализе особенностей природных условий и этнографических данных, согласно которым центральные, восточные и юго-восточные районы Горного Алтая представляют собой засушливую остепнённую зону с малоснежными зимами, пригодную для круглогодичного выпаса скота [Шульга, 1994; Молодин, Ефремова, 2010].

В этой зоне оптимальным способом использования пастбищ является вертикальное кочевание. Зимники скотоводов находились в долинах, где с эпохи энеолита (афанасьевская культура) до XIX в. маркировались подкурганными захоронениями. Для отработки методики поиска выбраны две обширные, относительно замкнутые долины по Урсулу и Караколу (Центральный Алтай). Здесь располагаются наиболее крупные могильники – Туэкта и Башадар. В ходе осмотра обнажений и шурфовки были тщательно обследованы как берега рек, так и окаймляющие долины крутые склоны.

Все выявленные поселения располагались по логам у склонов, в т.ч. неподалёку от чабанских стоянок. Всего за период с 1983 по 1990 гг. автором обнаружены 92 поселения эпохи энеолита, бронзы, раннего железного века и средневековья. Большинство из них многослойные: в основном с тремя (афанасьевский, раннего железного века и средневековья) или двумя (раннего железного века и афанасьевский; раннего железного века и средневековья) слоями.

Керамика эпохи энеолита присутствовала на 21 поселении, раннего железного века – на 89, средневековья – на 28. Однослойных поселений раннего железного века отмечено 37. Встречены лишь три достоверно однослойных памятника иных эпох: афанасьевское поселение и два средневековых городища Чепош-3 и -4.

Очевидно, в I тыс. до н.э. в Горном Алтае были наиболее благоприятные условия, что привело к увеличению населения и заселе-

нию периферии. Привязанность древних скотоводов к одним и тем же удобным местам хорошо демонстрируется раскопками на поселении Партизанская Катушка у с. Узнезя Шебалинского района, где вдоль склона, по линии запад-восток, с интервалом 3 и 6 м зачищены три очага афанасьевского, скифского и средневекового времени. Очаги раннего железа и средневековья находились в жилищах. В афанасьевском очаге зафиксирован мощный зольный слой [Шульга, 1998]. В остепненных скотоводческих районах Горного Алтая поселения располагались в логах, иногда – в расширениях долин у подошвы горы. При этом расстояние до ближайшего водного источника могло превышать 1 км, т.к. зимой скот утолял жажду снегом. В этих местах афанасьевцы и более поздние скотоводы укрывали от непогоды свои жилища и окот. В вершинах многих заселявшихся логов имеются седловинки, позволявшие в случае опасности незаметно отойти в соседний водораздел или долину. Поселения на террасах в некотором удалении от склона обычно встречаются ближе к предгорьям, в т.ч. на Нижней Катуни. По-видимому, они оставлены проникавшим в горы населением с равнины.

На большинстве поселений в остепнённой скотоводческой зоне Горного Алтая культурные слои сравнительно тонки и бедны керамическим материалом. Едва ли на этом основании их следует определять как кратковременные летние стоянки, т.к. известные поселения расположены на зимних пастбищах, недалеко от могильников и, на наш взгляд, являются зимниками. Думается, летники скотоводов, практикующих вертикальные перекочёвки, традиционными методами (шурфовка и пр.) вообще не могут быть выявлены.

Кроме скотоводческих выделена группа поселений, условно названная «земледельческой» [Шульга, 1990]. Такие поселения располагаются на склонах южной экспозиции. В Усть-Коксинском районе это – Кастахта-3, в Онгудайском – Текпенек-Боочи-2 и -3, в Чемальском – Чепош-2, Узнезя-4 и Куюм (Средняя Катунь). Подобные поселения найдены и на Нижней Катуни – Майма-1, Черемшанка. Очевидно, их оставили племена, занимавшиеся комплексным хозяйством: скотоводством, земледелием и охотой. Они заселяли районы с наиболее мягким климатом и плодородными почвами (долина р. Катунь ниже р. Чемал, Усть-Коксинский, возможно, часть Онгудайского района). Исследованные скотоводческие и «земледельческие» поселения дали значимый материал по хозяйству, видовому составу стада, значению охоты, а также ареалам афанасьевской и пазырыкской культур, что планируется изложить в готовящейся к печати книге.

Поиски поселений производились и в увлажнённом северо-западном предгорном поясе, разделяющем степи Алтайского края и степные долины Горного Алтая (Краснощёковский, Чарышский, Солонешенский и Алтайский районы Алтайского края). Из-за большого количества осадков в зим-

нее время здесь затруднен или вообще невозможен круглогодичный выпас скота без заготовки кормов. В древности, как и в этнографическое время, эти районы не привлекали внимания скотоводов, что подтверждается редкой встречаемостью курганов, сооружаемых в значительном количестве лишь в отдельных долинах с особым микроклиматом (Сентелек, Усть-Тёплая, Сибирка и др.). В ходе разведок 1991–1997 гг. в этой зоне, даже в обширных долинах с большим количеством захоронений от энеолита до средневековья (например, Сентелек), автором найдено всего лишь несколько поселений с бедными слоями эпохи бронзы и раннего железного века. Объяснить этом можно слабой заселённостью и особенностями ландшафта (без крутых склонов), позволявшего располагать поселения в самых различных местах.

Не удалось найти поселений с выраженным культурным слоем и на юго-востоке Горного Алтая – в верховьях Чуи, в долинах Юстыд и Уландрык (разведки автора в 1980–1990-х гг.). В отличие от увлажнённых предгорий, высокогорная Чуйская степь всегда страдала от недостатка влаги и ненадолго заселялась пазырыкцами лишь в IV–III вв., т.е. в период максимальной увлажнённости. В качестве примера приведём хорошо исследованную местность по р. Уландрык.

Судя по количеству могильников (Уландрык-1 и -2) и площади, в верховьях р. Уландрык в течение полувека проживали всего две группы родственников [Кубарев, 1987]. В этой местности гумус почти не образуется. После ухода людей остались только установленные на щебнистой поверхности рубленые дома без хозяйственных ям. В настоящее время на Уландрыке встречаются среди щебня лишь мелкие фрагменты керамики и костей.

Разработанная методика поиска поселений в Горном Алтае может быть применена и на соседних территориях с горно-степными ландшафтами. Так, в сентябре 2011 г. в Туве автор произвел разведку в районе элитного кургана Чинге-Тэй-1, расположенного в «Долине царей» у деревни Чкаловка, примерно в 8 км к ЮЗ от посёлка Аржан. Перспективное и пока единственное в данной местности поселение удалось обнаружить в течение четырёх часов. Как и в Горном Алтае, оно находилось в одном из логов, окружающих долину гор, примерно в 1,5–2 км от могильников и в 2 км от ближайшей речушки Тарлаг. Судя по мощности культурного слоя (более 80 см) и керамике, поселение функционировало в раннем железном веке и, возможно, в гунно-сарматское время. Нельзя полностью исключить и наличие более ранних слоёв III–II тыс. до н.э. Культурный слой насыщен хорошо сохранившимися колотыми костями животных, керамикой (сосуды с валиками, один – с поддоном) и углями. Зафиксированы и фрагменты жилищных (?) конструкций из камня. Изучение данного поселения, несомненно, позволит ответить на многие вопросы археологии в Аржано-Уюкской долине.

Список литературы

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 299 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 264 с.

Шульга П.И. Поселения раннего железного века в Горном Алтае: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – 16 с.

Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛ, 1994. – С. 48–60.

Шульга П.И. Поселение Партизанская Катушка на Катуни // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 146–164.

ЭТНОГРАФИЯ

Ю.Ю. Афанасьева

ЭВОЛЮЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ЖЕНСКОГО КОСТЮМА СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Семейские Забайкалья – этнографическая группа русского старообрядческого населения, компактно проживающего в пределах Бичурского, Мухоршибирского и Тарбагатайского районов Республики Бурятия, а также в Красночикойском районе Забайкальского края. Значительная удаленность большинства семейских селений от городских промышленных центров, замкнутый образ жизни и тесные семейно-родственные связи, диктовавшиеся религиозными устоями, способствовали сохранению жизненного уклада и культуры данной этнокультурной группы.

Большой устойчивостью отличался комплекс женской одежды семейских Забайкалья. Традиционные виды и комплексы одежды складывалась на протяжении многовековой истории народа и передавались из поколения в поколение, обеспечивая преемственность этнокультурной информации [Фурсова, 1997, с. 5]. Однако традиционный костюм, являясь неотъемлемой частью традиционной культуры, не был статичным. Он претерпевал изменения в связи с влиянием таких факторов, как социально-исторические и политические условия, уровень социально-экономического развития, этнокультурные контакты и др. [Арутюнов, 1989, с. 161].

Основная структура традиционного женского костюма семейских сохранилась, но на протяжении XX в. произошли изменения в цветовой гамме, способах декорирования, а частично и в покрое базовых элементов.

Сарафан был основой женского костюма с момента водворения старообрядцев в Сибири. У богатых невест могло быть 7–10 кашемировых сарафанов. Информатор Г.И. Иванова из с. Бичура вспоминает: «Моя свекровка шибко богатая была, кулацкая дочка. Ой, у нее много кашемировых было…» (Полевые материалы автора, 2009 г.). Сарафан носили поверх рубахи таким образом, чтобы спереди он немного приподнимался, а сзади несколько опускался. Рубаха состояла из верхней части чехлика, рукавов, поликов, нижней станушки и ворота. Костюм всегда подпоясывали. Концы пояса затыкали или же, сложив вдвое, скалывали спереди булавкой.

Поверх подпоясанного сарафана надевали *запан* – передник с грудкой (в с. Кочен грудку называли *передняя*). Подол запана шили из двух кусков ткани. На шее и талии он крепился с помощью тесемок. Этот вид одежды надевали в будни и праздники.

На голову женщины надевали *кичку*, а девушки ходили «при бумажке», т.е. покрывая головы хлопчатобумажными платками.

Традиционной при покрое рубах семейских женщин была общеславянская поликовая конструкция. Такой крой в прошлом был характерен для всех групп старообрядцев Забайкалья. Однако в 1940–1950 гг. у семейских стали появляться рубахи на кокетке (пелеринке) и с рукавами-*брызжами*, что можно рассматривать как заимствование элементов культуры у русских сибиряков. Последние такие нововведения приняли гораздо раньше – в конце XIX – начале XX в. Подобные рубахи шили в основном молодые девушки, пытаясь подражать городской моде. Женщины старшего возраста предпочитали традиционный крой. Для изготовления смертной одежды использовалась поликовая конструкция.

Некоторые изменения коснулись и сарафана, который в 1940–1950-е гг. стали шить лишь немного длиннее колена. Современные информаторы считают такую длину традиционной, однако более старые сарафаны, хранящиеся в музеях Забайкальского края, Республики Бурятия и в личной коллекции автора, почти касались земли. Это можно заметить при просмотре фотографий первой половины XX в. из семейных архивов информаторов. Обычно на них запечатлены несколько поколений. На старших женщинах обычно сарафаны в пол, а на молодых – лишь немного ниже колен. Укорачивание сарафанов, на наш взгляд, произошло в 1930–1940 гг., когда возникла необходимость женщинам осваивать сельскохозяйственную технику и выполнять мужскую работу.

К концу XX в. традиционный костюм постепенно вышел из постоянного обихода. Сейчас комплекс с сарафаном надевают лишь в церковь: те, кто постарше носят его на все службы, а помоложе – только по большим праздникам (Пасха, Рождество, престольный праздник). Еще в 1950-е гг. исследователи отмечали нежелание замужних женщин носить кичку. Особенно это касалось жительниц Бичурского района Бурятии. Кичку заменяли платком.

На современном этапе можно говорить о дальнейшей трансформации традиционного костюма семейских. Заметна тенденция еще большего укорачивания сарафана. В связи с масштабным развитием творческой самодеятельности в селах с семейским населением создается большое количество детских фольклорных ансамблей, что само по себе хорошо. Но в связи с адаптацией костюма к особенностям детской художественной самодеятельности формируются модификации сарафана, длина которого уже едва прикрывает колени. Руководители фольклорных ансамблей заказывают пошив костюмов у не всегда знающих мастериц. Отсюда нарушения канона: например, на девочках и девушках от 5 до 20 лет зачастую можно увидеть сарафан с темным полем и без лент, что в традиционной культуре характерно только для женщин преклонного возраста. Участницам фольклорных коллективов повязывают атласные ленты вокруг головы. Этот факт можно объяснить требованиями сценического искусства.

Подобные нововведения играют отрицательную роль в бытовании традиционного костюма, деформируют культурное наследие, нивелируют этнокультурную специфику семейских Забайкалья, постепенно приводят к стиранию грани между локальными вариантами традиционного костюма, низводя его до единого псевдонародного сценического образца.

На сходные тенденции обратила внимание Р.П. Матвеева при анализе современных форм бытования фольклора семейских Забайкалья. Она отмечает следующее: «…исчезает прежде всего подлинный этнографизм, он заменяется стилизованной подделкой, замещается отдельными знаково-символическими элементами. Особенно наглядно это проявляется в одежде» [Матвеева, 2001].

В эпоху глобализации в обществе набирает силу движение неотрадиционализма: реконструируются этнические костюмы, жилище, культовые сооружения, предметы декоративно-прикладного искусства. В них вкладываются знания и представления о традиционности, этнические ценности и стереотипы, получившие распространение в творческой среде современного общества. Проблема в том, как традиционализм преподносится и переосмысливается в наши дни, в условиях, когда еще в начале XX в. была прервана эволюционная цепочка развития традиционной культуры.

Список литературы

Арутюнов А.С. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 247 с.

Матвеева Р.П. Современные формы бытования фольклора семейских // Старообрядчество: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – С. 210–215.

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX века). – Новосибирск, 1997. – 150 с.

А.А. Бадмаев

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОСЕЛЕНИЯХ И ЖИЛИЩАХ АЛАРСКИХ БУРЯТ

В ходе работы с фондом «Аларская степная дума» Национального архива Республики Бурятия обнаружены ранее не введенные в научный оборот документы 1850-х гг., которые проливают дополнительный свет на историю жилищно-поселенческого комплекса аларских бурят. Заметим, что специальное изучение жилищ и поселений у данной этнотерриториальной группы второй половины XIX – начала XX в. было осуществлено К.Д. Басаевой на основе полевых и литературных источников [1993], но архивные материалы ею не привлекались.

Источники конца 1840–1850-х гг. отражают динамику развития поселений у аларских полуоседлых и полукочевых бурят. В 1847 г. они располагали 32 зимними и 21 летним улусами, а в 1859 г. у них было 57 зимних и 45 летних поселений. Отсюда можно заключить, что в указанный период в их среде ускорился переход к полуоседлому образу жизни, что могло быть следствием возросшего значения земледельческого производства.

По сравнению с концом 1840-х гг. несколько выросла доля оседлых и в общей структуре населения – с 3,7 % (в 1847 г.) до 4,1 % (в 1854 г.). При этом заметного прироста числа поселений не наблюдалось. По документам Аларской степной думы, оседлые буряты компактно проживали в одном селе и четырех деревнях – Аларской, Грязнухе, Красный Брод, Верхнеиретской, Федяевке. Кроме села Грязнуха, число жителей которого достигало 363 чел., поселения не отличались многочисленностью.

Основная часть зимних улусов представляла собой небольшие поселения. Улусов с числом жителей до 100 чел. насчитывалось 13 (27 % от общего числа улусов), от 101 до 200 чел. – 16 (33 %), от 201 до 300 чел. – 8 (16 %), от 301 до 400 чел. – 3 (6 %), свыше 400 чел. – 9 (18 %). На 1859 г. наиболее крупными были селения Хыгинское (601 чел.), Куйтинское (579 чел.) и Ныгдинское (564 чел.).

Ко второй половине XIX в. относят появление первых заимок у аларских бурят. Это было вызвано желанием освоить земли на лесных делянах под пашни и сенокосы [Басаева, 1993, с. 62]. В документах начала 1850-х гг. никаких упоминаний о заимках не обнаружено, а вот в источниках 1859 г. их отмечено 4: Ненская заимка (2 дома, 9 чел. из трех и пяти хонгодорских родов), Нижне-Иретская (2 дома, 9 чел. из пяти и семи родов), Забитуевская / Забитуевские вершины (7 домов, 44 чел. из восьми и девяти родов), Ен-

донская (20 домов и 11 юрт, 112 чел. из двух, пяти, шести и девяти родов). Заимки создавали полуоседлые буряты поблизости от зимних улусов. Со временем они превращались в небольшие стационарные поселения и, вероятно, теряли первоначальное назначение.

Для каких хозяйственных целей предназначались заимки? Это можно понять из следующего отрывка: «Кроме этого инородцы (аларские буряты. – *А.Б.*), в зимнее время кочуют на заимку для прокорма скота и молотьбы хлеба, а по окончании работы на заимках возвращаются в зимники» [НАРБ, д. 275, л. 221]. Данное описание несколько противоречит мнению К.Д. Басаевой, что заимки представляли осенники *намаржаан*, земли вокруг которых использовали под пашни и сенокосы, под выпас скота по жнивью [1993, с. 62]. Для бурят традиционным был зимний выпас скота на подножном корму и в середине XIX в. они знали зимний способ молотьбы зерна на льду, но вероятность их зимнего пребывания на заимке вызывает сомнения.

Согласно архивным документам, к середине XIX в. в большинстве улусов население стало смешанным и включало представителей двух и более родовых подразделений. Так, в 1859 г. у аларских бурят было 17 улусов, имевших однородное население (25,4 % всех улусов): из представителей двух родов – 22 (32,8 %), трех родов – 11 (16,4 %), четырех родов – 8 (11,9 %), пяти родов – 4 (6 %), шести родов – 3 (4,5 %), семи родов – 2 (3 %). Стоит также отметить, что в одном улусе вместе могли проживать семьи с разным хозяйственным укладом – полукочевники, полуоседлые и оседлые.

Наше внимание привлек один из документов Аларской степной думы, посвященный сравнению поселений 1858 и 1859 гг. Судя по нему, у аларских бурят были частые и весьма ощутимые колебания в численности населения, отмечаемые почти в каждом поселении. О причинах этого явления сообщается следующее: «Разности числа душ и дворов <…> произошли вследствие переходов инородцев из одного улуса в другой» [НАРБ, д. 275, л. 108]. Смущает в этих переходах их повсеместный характер и то, что наряду с более мобильными полукочевниками и полуоседлыми в миграции оказались втянуты оседлые буряты.

Если посмотреть на состав населения летних поселений, то он тоже не был однородным. Так, на летнике Саган-нур собирались представители первого, второго, третьего и шестого хонгодорских родов, зимовавшие в Средне-Иматском и Верхне-Иматском улусах. Часть представителей третьего рода из Верхне-Иматского улуса на лето перекочевывала в Куркатский улус [НАРБ, д. 275, л. 49].

Надо сказать, что изменения, связанные с перераспределением населения, прослеживаются и в соотношении разных типов жилья у аларских бурят. По нашим исследованиям, в первой половине XIX в. основным типом жилища на зимних и летних поселениях полуоседлых бурят были 6–8-стенные бревенчатые юрты. Оседлые буряты жили в избах, полукочевые летом пользовались войлочными юртами, зимой – бревенчатыми. В 1850-е гг.,

вследствие упомянутого процесса перехода полукочевников в полуоседлое состояние, прекратилось использование войлочных юрт.

Следует принять во внимание следующую информацию из ежегодного отчета Аларской степной думы: аларские буряты «для летних жилищ строют восьмиугольные и четвероугольные юрты без окон и печей» [НАРБ, д. 275, л. 224]. Отсюда можно заключить: во-первых, 6-стенные юрты перестали быть востребованными и окончательно уступили место 8-стенным юртам; во-вторых, упоминание только 4-стенных и 8-стенных юрт указывает на углубление социальной дифференциации в бурятском обществе (состоятельные люди стремились обзаводиться более вместительным жильем, а бедняки – меньшим по площади).

В рассматриваемое время имела место тенденция увеличения жилищного фонда и количества жилищ каждого типа. Если в 1854 г. в ведомстве было 2 009 деревянных домов (35,6 % всех жилищ) и 3 630 юрт (64,4 %), то к 1860 г. – соответственно 2 266 домов (37,1 %) и 3 836 юрт (62,9 %) [НАРБ, д. 182, л. 24об.]. Очевидно, буряты заметно больше стали строить домов, чем юрт.

Для зимних улусов аларских бурят было характерно наличие в каждом дворе по 1 дому и 1–2 бревенчатым юртам. Исключение составляли 5 селений, в которых указанное соотношение не выдерживалось: Иретское (18 домов, 14 юрт), Верхне-Иретское (13 домов, 13 юрт), Саган-Нугайское (31 дом, 32 юрты), Кодун-Нугайское (3 дома, 3 юрты) и Кундулунское (102 дома и 118 юрт). По сути, юрты, расположенные на зимниках, эксплуатировались бурятами как амбары, а иногда – как теплый хлев и не являлись жилым помещением.

Полезные сведения об обеспеченности жильем и комфортности жилищных условий разных категорий аларских бурят можно почерпнуть из донесения старшины 1 хонгодорского рода Модак Ноехоноева [НАРБ, д. 275, л. 49]. На основе его данных складывается такая картина: полукочевые буряты, зимовавшие в Верхне-Иматском улусе, жили в бревенчатых юртах в среднем примерно по 5 чел.; полуоседлые буряты, имевшие избы в Средне-Иматском и Верхне-Иматском улусах, – по 3–5 чел.; оседлые буряты из Средне-Иматского улуса обитали в крайне стесненных условиях – до 9 чел. в избе. Безусловно, наилучшие условия проживания были у полуоседлых бурят.

В границы зимних усадеб входили, кроме жилых построек, еще и сараи, скотные дворы, амбары и другие хозяйственные постройки.

Изучение документов Аларской степной думы показывает, что в 1860 г. 44 зимних улуса и деревни (68 % от общего числа поселений) решали проблему водоснабжения посредством строительства колодцев. При этом для некоторых поселений источниками воды служили как колодцы, так и природные водные ресурсы. Жители остальных поселений получали воду из естественных водоемов (озера Аляат, рек, речек и ключей). Можно констатировать, что аларские буряты с успехом освоили технологию рытья ко-

лодцев, благодаря чему отошли от традиции размещения поселений только у естественных водоемов. О том, как выглядело на деле колодезное строительство, узнаем из следующего текста: «Колодцы в Аларском ведомстве обыкновенно имеют там, где нет протечных вод, они вырываются от 2-х до 8 сажен глубины обыкновенно до водного слоя, потом спускается бревенчатый деревянный сруб, и приделываются Очепа – так называются журавцы, посредством которых достается вода, которая годна к употреблению как для человека и скота» [НАРБ, д. 182, л. 43об. – 44].

Как следует из документов, в ряде зимних улусов общественные строения дополняли жилые усадьбы: магазины (в 11 улусах), кузницы (по ведомству их было 35). Вблизи некоторых улусов построили плотинные мукомольные мельницы (всего 8).

Больше всего был застроен общественными зданиями Хыгинский улус, являвшийся административным центром ведомства. Здесь были возведены юрты, где заседала Аларская степная дума, флигель и амбар для хранения дел Думы, экономический магазин, изба Хыгинской почтовой станции. Рядом с улусом лежал Аларский дацан – духовный центр местных буддистов, где располагались деревянное здание главного храма, каменная и деревянная часовни, жилые дома лам и их учеников. Центром православия у аларских бурят был Иретский улус, в котором выстроили деревянную церковь.

В завершении хотелось бы отметить, что трансформация жилищно-поселенческого комплекса аларских бурят в 1850-е гг. протекала в русле тех процессов, которые были присущи другим предбайкальским бурятам.

Список литературы и источников

Басаева К.Д. Поселения и жилища аларских бурят (вторая половина XIX – начало XX в.) // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. – Новосибирск, 1993. – С. 52–89.

НАРБ. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 182, 275.

Н.А. Березиков

ОБРАЗ ДОРОГИ-РЕКИ В ДОНЕСЕНИЯХ КАЗАКОВ-ЗЕМЛЕПРОХОДЦЕВ СИБИРИ XVII ВЕКА

В ходе освоения Сибири и активного межэтнического взаимодействия в конце XVI – начале XVIII в. происходило формирование особой группы казачества [Зуев, Люцидарская, 2010, с. 55]. В основе ее этнокультурного конституирования лежали военная, конфессиональная и культурная стратегии идентификации.

В концентрированном виде процессы этнокультурной идентификации сибирского казачества отражали географические образы, складывавшиеся в его мировоззрении в процессе первых контактов на новых территориях [Митин, 2006, с. 46; Замятин, 2006, с. 9–10; Криничная, 2004, с. 105–109; Schama, 1996, с. 56–63].

Выявление специфики картины мира казачества и ее важнейших констант определило задачи данной работы. Базовым материалом для исследования послужили донесения – отписки и сказки казаков-землепроходцев, созданные в ходе экспедиций по Сибири. Они представляют собой богатейший источник для выявления географических образов, которые сложились в русской казачьей культуре XVII в.

Особенности описания новых земель определялись специфическими установками самих казаков-землепроходцев. Ориентированность на поиск «новых землиц», новых ясачных плательщиков и привидение обитающих народов «под высокую государеву руку» обуславливали формирование динамического образа территории со значительной ценностной составляющей [Слезкин, 2008, с. 63].

Текстуальное картирование «новой землицы» в сказках и отписках казаков выстраивалось по водным артериям Сибири. Речная сеть была основным географическим маркером, обозначавшим основные пути сообщения и места поселений, а значит, и коммуникаций. Если протяженность пространства измерялась в днях пути (т.е. через время), то ареальная наполняемость – в реках: «И мы холопи твои пришед на Усть Илима реки по твоему государеву указу поставили зимовье, учали твой государев ясак збирати с Ылима реки да с Евирма реки и с Куты реки и по иным сторонним рекам, которые выпали в Лену реку» (из челобитной 1662 г. атамана И. Галкина) [РГАДА, ед. хр. 31, л. 384].

Безграничность «новых землиц» также маркировалась широтой речных сетей Сибири: «А впредь, государь, с тех земель будет тебе великому госу-

дарю прибыль великая и земли многие под твою государеву высокую руку приводить есть где, потому что пали в Лену реку многие сторонние большие реки» (из челобитной 1662 г. атамана И. Галкина) [РГАДА, ед. хр. 31, л. 387].

Реки определяли богатство «новой землицы» – обилие ясачных людей и промысловых животных. «А по тем, государь, по большим рекам живут люди многие. А мочно их под твою государеву высокую руку привести и тебе государю с Лены реки и иных сторонник рек выгода и прибыль велика с них» (из челобитной 1662 г. атамана И. Галкина) [РГАДА, ед. хр. 31, л. 388].

Реки были основными путями, по которым казаки проникали в «новые землицы» в поисках неясачных «иноземцев». К примеру, Иван Похабов писал в своей отписке 1646 г. из Братской «землицы»: «И на Ангаре, и на Байкале озере, и на Селенге и по иным тем рекам находил многих неясачных людей» [РГАДА, ед. хр. 227, л. 84].

По «новым землицам» перемещались преимущественно сплавом: «И по тем, государь, по большим рекам живут многие люди вниз пловучи от нового острогу по Лене реке большая река пала в правую сторону… в Лену реку…» (из челобитной 1662 г. атамана И. Галкина) [РГАДА, ед. хр. 31, л. 387].

Реки были задействованы в течение круглого года. По летним (водным) и зимним (ледяным) дорогам перевозилось огромное количество важных грузов, прежде всего – продукты питания (масло, хлеб, крупа, толокно), одежда, домашняя утварь, железные и медные изделия. Русь в ее материальном облике переезжала на «новые землицы» вместе с землепроходцами. Вернее, землепроходцы перевозили ее собственными силами и средствами. Для перевозки устраивались судостроительные верфи. Якутские казаки в 1649 г. писали: «Стольник и воевода Петр Петрович Головин с товарищи на Ленском волоку велели нам холопем твоим под твои государевы хлебные запасы на твои государевы обиходы и на воеводские отпуски делать суды дощаники и лоды и кочи» [РГАДА, ед. хр. 274, л. 23].

Реки определяли не только схему движения, но и его временные рамки. Так, Я. Тухачевский писал в послужном списке 1631 г., что пришлось ждать ледостава, прежде чем выдвинуться с захваченными в плен татарскими мурзами обратно из степи в Томск: «И я холоп твой после их уходу стоял в городке десять дней, дожидася тово, как пройдет Обь река и как прошла Обь река и я побрав служилых людей тех у твоих государевых изменников чацких мурз и татар, которые взяты в городке Чингизком и жен их и детей изменничьих всех привел служилыми людьми к твоим государевым воеводам в Томской город» [РГАДА, ед. хр. 368, л. 207].

Откочевка «инородцев» от рек обесценивала «новые землицы» для землепроходцев. «А под твою, государь, высокую руку тех людей привести и чтоб они тебе государю ясаку с себя давали нашие мочи столько не стало, потому что люди многие и конны, а живут в поле и от рек откочевали».

Уход «в поле» ясачных аборигенов оборачивался их недосягаемостью для царской власти в лице воевод и казаков-землепроходцев. Уход от главных сибирских артерий «в поле» трактовался как уход из освоенного политического пространства. Это было инвертированным славянским архетипом ухода в «дикое поле», которое превращало человека в свободного – в казака.

«Дикое поле» принимало, а назад уже не отдавало. Эта этногеографическая модель, связанная с образованием казачества на вольном Дону, в конце XVI – начале XVIII в. была перенесена на сибирские реалии. «А под твою, государь, высокую руку тех людей привести и чтоб они тебе государю ясаку с себя давали нашие мочи столько не стало, потому что люди многие и конны, а живут в поле и от рек откочевали» (из послужного списка 1649 г. И. Похабова) [РГАДА, ед. хр. 227, л. 85].

Таким образом, в «землепроходческом» русском казачьем образе территории нашел отражение сложный комплекс базовых архетипических, этнокультурных и актуальных социально-политических представлений конца XVI – начале XVIII в. И, что очень важно, это стало источником, запустившим механизмы этнокультурной идентификации казаков-землепроходцев.

Список литературы и источников

Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. – М.: Знак, 2006. – 488 с.

Зуев А.С., Люцидарская А.А. Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI – начале XVIII века // Вест. НГУ. Сер. История, филология. – 2010. – Т. 9, вып. 1. – С. 52–69.

Криничная Н.А. Русская мифология. Мир образов фольклора. – М.: Академический проект, 2004. – 1005 с.

Митин И.И. Мифогеография Европейского Севера: Семиотико-мифологическая модель культурного ландшафта // Поморские чтения по семиотике культуры / Отв. ред. Н.М. Теребихин. – Архангельск: Изд-во Поморского университета, 2006. – Вып. 2: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России. – С. 46–53.

РГАДА. – Ф. 214. – Оп. 3. – Ед. хр. 31, 227, 274, 368.

Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. – М.: Нов. лит. обозрение, 2008. – 508 с.

Schama S. Landscape and Memory. – New York: Vintage Books, 1996. – 652 с.

Ф.Ф. Болонев

АЛБАЗИНЦЫ В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

К середине XVII в. в Забайкалье находились значительные партии русских промышленников. Были построены Баргузинский, Иргенский, Нерчинский, Селенгинский, Удинский и др. остроги, которые образовали сеть укреплений и содействовали хозяйственному освоению края.

В начале 1680-х гг. на берегах Амура, ниже устья Аргуни, было свыше 20 русских поселений. В бассейне Амура, от устья Аргуни до Зеи, проживало до 800 русских (крестьян, казаков, промышленников) и насчитывалось более 300 членов их семей [Александров, 1984].

С появлением русских поселений в Забайкалье пришли первые опыты земледелия. В исторических исследованиях принято считать, что первые пашни в Западном Забайкалье возникли около Баргузинского и Кабанского острогов, в Ильинской слободе, на Селенге и в Кударинской степи [История Сибири, 1968, с. 54]. Мне удалось найти документы, свидетельствующие, что первый хлеб в Западном Забайкалье был получен в районе деревни Брянской, в низовьях Селенги, в 1670 г. казачьим десятником, а затем пятидесятником Любимом Федоровым [Болонев, 2003, с. 9].

Наиболее крупный сельскохозяйственный район возник вокруг Албазинского острога, основанного в 1665 г. русскими, пришедшими туда во главе с Никифором Черниговским после восстания в Илимском уезде [История Сибири, 1968, с. 54].

О Никифоре Черниговском, его подвигах и жизни в Сибири существует несколько версий. С.В. Максимов считал Н. Черниговского первым ссыльным поляком в Сибири [Максимов, 1900, с. 326]. П.А. Словцов и В.К. Андриевич принимали его то за поляка, то за украинского казака, которому было доверено руководство Усть-Кутской солеварней.

В 1665 г. из-за личного оскорбления, нанесенного ему илимским воеводой Лаврентием Обуховым, который слыл насильником и хотел или даже украл сестру (по другим данным – жену) Никифора, «великой красоты польку», он со своими людьми убивает воеводу. Правительство царя Алексея Михайловича за убийство Л.А. Обухова заочно приговорило Н.Р. Черниговского к смертной казни. Опасаясь наказания, он во главе вооруженного отряда, состоящего из 84 чел., уходит на Амур, где возводит новый острог Албазин. Там он собирает ясак с местных жителей и расширяет земли для сельскохозяйственного освоения. В 1672 г. добивается не только прощения, но и награды.

В 1673 г. на место Н. Черниговского в Албазин нерчинский воевода П.Я. Шульгин посылает нерчинского служилого человека Семена Вешняка. Но Черниговский остался во главе албазинских казаков и в 1674 г. ходил в поход на табунутов в Еравнинскую степь [Александров, 1984, с. 42]. В ряде случаев в 1674–1677 гг. он выступал против воеводы П.Я. Шульгина, а дальнейшая его судьба неизвестна.

В польской печати имеются иные сведения о Никифоре Черниговском. Бронислав Пилсудский в статье «Поляки в Сибири» писал: «Никифор Черниговский в 1665 году находился на каторжных работах в Нерчинске. Местный воевода насильно увел к себе его красавицу-жену. Никифор убил его и, собрав ватагу таких же друзей по несчастью, отправился к китайской границе, где захватил крепость Албазин, собрал хорошую дань и отправил московскому царю. Царь за расширение границ государства помиловал Н. Черниговского и назначил его комендантом крепости, послал ему в подарок 1000 рублей» [2002, с. 12–14].

Зигмунт Любемич в книге «Поляки в Сибири» создал романтический образ Никифора Черниговского. Он поставил его в один ряд с известными героями-первопроходцами – Ермаком, Хабаровым, Поярковым, Атласовым, благодаря которым Россия расширила свои территории в Северной Азии. Сведения З. Любемича отличаются от версии Б. Пилсудского. Согласно данным З. Любемича, в 1665 г. в Киренск (на р. Лене) на ярмарку прибыл Илимский воевода Л. Обухов, ненавидимый за жесткость при сборе дани. Ему понравилась сестра Никифора Черниговского. Кипя негодованием за посягательство на честь сестры, Черниговский собрал вооруженный отряд, напал на Л. Обухова и его солдат, убил его, а сестру отобрал. Опасаясь наказания, он с отрядом из 84 чел., решил уйти на Амур. В районе Албазина заложил новый острог Яксу. Название острог получил в честь отца Никифора Романа – Якса. Юрий Черниговский, один из потомков Н. Черниговского, составил хронологию своей родословной [Черниговский, 2003].

В 1680 г. русским Албазина пришлось вынести тяжелую борьбу с маньчжурскими войсками. В 1689 г. был заключен Нерчинский мирный договор, по условиям которого русским поселенцам на Амуре пришлось покинуть часть освоенной ими территории.

Именно тогда, вероятно, какая-то группа русских албазинского сельскохозяйственного района была вынуждена переселиться в Западное Забайкалье. Об этом свидетельствует ряд фактов. Например, распространение на территории Тарбагатайской и Мухоршибирской волостей, в районах Саянтуя, Тарбагатая, Десятниково, Куйтуна и Никольского, известных по истории Албазина фамилий Бейтонов, Черниговский и др., а также названия мест, характерных для Приамурья.

В с. Никольском Мухоршибирской волости одна из улиц носит название Албазин. В селе Десятниково ручей и местность называются Аргунь. Вспомним, что границы с Китаем по Нерчинскому мирному договору пролегала по рекам Аргуни и Горбицы. Не является случайным и совпадение фамилий.

Известно, что 84 албазинца, уцелевшие после осады Албазинского острога, влились в Забайкальское казачество [Васильев, 2007, с. 264]. Имеются сведения, что «при взятии Албазина китайцами жившие в этом городе казаки выселились и образовали несколько населенных пунктов в Забайкалье. Так поселок Размахнинский станицы того же имени Читинского округа образован казаками, присланными в Сибирь для защиты Албазина» [Комиссия…, 1898, с. 16].

Нам неизвестно, какими источниками пользовался И.М. Калашников, сообщая о поселениях албазинцев в с. Никольском Мухоршибирской волости, основателем которого автор считает казака Николая: «В конце сороковых годов XVIII века подселились к семье Николая семь семей, называвших себя *албазинцами*. О том, кто это такие, история такова. На левом берегу среднего течения реки Амур в 1665 году отряд русских беглых казаков основал албазинский острог. В его предместьях вскоре выросло поселение пашенных крестьян, переселившихся сюда из европейской части России» [Калашников, 2007].

Изучая архивные материалы и исторические труды, удалось установить, что в семье казака, а затем у казачьего пятидесятника И.И. Надеина в 1746 г. со своей семьей проживал дворовый человек Иван Давыдов сын Бейтонов, 25 лет. Любопытно, что он носил фамилию очень известного в Забайкалье военачальника, доблестного защитника Албазина А.И. Бейтона, который доблестно защищал этот городок на Амуре от манчжуров.

Вероятно, А. Бейтон был из пленных шотландцев, но, судя по его челобитной, он приехал в Россию из Пруссии после окончания Тридцатилетней войны, поступил в «полки иноземного строя». В 1654–1667 гг. в чине капитана и поручика участвовал в боях с польско-литовскими войсками (под Смоленском, Могилевом, Слуцком, Быховым и Мстиславлем). Затем его отправили в Томск, где он охранял границу от набегов джунгар и отрядов Ереняка. Там он перешел в православие и женился. К 1686 г. ему было, по всей вероятности, около 60 лет [Александров, 1984, с. 253].

Трудно предположить, что Иван Давыдов Бейтонов является потомком известного военачальника. Скорее всего, кто-то из Бейтонов окрестил ясашного человека и дал ему свою фамилию. Вот почему он является дворовым в семье И.И. Надеина, фактически полностью зависимым от хозяина. Кстати, в «Ведомости Селенгинского дистрикта» 1740 г. упоминается деревня в 1 двор иркутского дворянина Федора Бейтона. Она находилась на Саянтуе [Залкинд, 1958, с. 119; 1962].

В Тарбагатае укоренился и род Черниговских. По найденным мною документам, в селе Тарбагатае в 1746 г. проживало 6 семейств Черниговских. Они числились в категории ясачных. В 1829 г. их насчитывалось 8 семей. Это семьи Елизара, Василия, Матвея, Михайла, Григория, Савелия, Бориса и Никифора. В селе Бурнашево проживал Дормидонт Черниговский [Болонев, 2011, с. 192].

Таковы некоторые новые данные о заселении Западного Забайкалья русскими и об истории появления на этих землях албазинцев.

Список литературы

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). – Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. – 270 с.

Болонев Ф.Ф. Земледельческий опыт русских крестьян в Забайкалье (конец XVII – начало XX в). // Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири. XVII–XX вв. – Новосибирск: Изд. центр «Агро-Сибирь», 2003. – С. 4–47.

Болонев Ф.Ф. Сокровища земли Тарбагатайской. – Улан-Удэ; Иркутск, 2011. – 222 с.

Васильев А.П. Забайкальские казаки: Ист. очерк в 3-х т. – Благовещенск, 2007. – 264 с.

Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 318 с.

Залкинд Е.М. Ведомость Селенгинского дистрикта о земельных делах. // Труды БКНИИ СО АН СССР. – Улан-Удэ, 1962. – Вып. 10.

История Сибири. – Л.: Наука, 1968. – Т. II.

Калашников И.М. Повествование из жизни рода Калашниковых. – Б.м., 2006. – 104 с.

Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области: Материалы. – СПб., 1898. – Вып. 6.

Максимов С.В. Сибирь и каторга. – СПб., 1900. – Ч. III.

Пилсудский Б. Поляки в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа. – М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 2002.

Черниговский Ю.Д. История рода Черниговских // Поляки в Бурятии. – Улан-Удэ, 2003. – Т. IV. – С. 5–13.

В.А. Бурнаков

ЛАСТОЧКА В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ХАКАСОВ*

В традиционной духовной культуре хакасов образ птицы один из наиболее распространенных и почитаемых. В мифологии этого народа среди множества пернатых особенно ярко выделяется образ ласточки (хак. *харлығас*, *харачхай*). Хакасы относили ее к категории *ызых-хус* – '*священных птиц*' [Катанов, 1897, с. 76].

Собирая материалы по мировоззрению хакасов во второй половине XIX в., Н. Попов отмечал почтительное отношение к ласточке. Он подчеркивал, что «ласточка заслуживает особенного внимания и уважения, как спасительница человеческого рода» [Архив РГО, л. 14]. Необходимо заметить, что в хакасском фольклоре сюжет о ласточке – спасительнице людей широко распространен.

В настоящее время в литературе представлено несколько вариантов данного мифа [Катанов, 1907, с. 525; Коре Сарыг, 1974, с. 119; Мифы и легенды…, 2006, с. 10; Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 133]. Приведем один из них, обнаруженный в архиве Русского географического общества: «*Был прежде комар с конскую голову. Однажды Айна** послал его полетать по земле и разведать: "Чья кровь слаще?". Комар разведал и полетел к Айне. Навстречу ему летела ласточка и спросила: "Откуда, где был, и что делал?". Комар рассказал ей о поручении от Айны и о том, что ему более всего понравилась человеческая кровь и что он на языке несет ее к Айне. Ласточка опросила комара показать ей язык и оторвала его, сама тотчас же полетела дальше; комар только и успел ухватиться за хвост ласточки и разорвать его, отчего теперь у ласточки хвост на конце раздвоенный. Когда комар прилетел к Айне, то стал его спрашивать, а комар без языка только жужжит, ничего не мог ответить. Айна рассердился, взял палку и разбил большого комара на мелкие части; вот и полетели во все стороны мелкие комары, которые жужжат летом по сие время*» [Архив РГО, л. 18].

Восприятие ласточки в качестве спасительницы нашло отражение и в мифологическом сюжете о вызволении людей из Нижнего мира – цар-

*Работа выполнена в рамках проекта «Шаман и традиционная картина мира хакасов в XIX – середине XX в.» Лаврентьевского конкурса молодежных проектов СО РАН 2010–2011 гг., а также ГК № 14.740.11.0766 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

**В других вариантах мифа приводится имя Эрлик-хана, Ирлик-хана, Ильхана.

ства грозного Эрлик-хана. Выполнение этой акции произошло опять-таки при помощи ласточки [Золотая чаша, 1975, с. 84–85]. В традиционном сознании ласточка, как правило, воспринималась как божья посланница и наделялась эпитетом «золотая вестница степная» [Сарыг-Чанывар, 1991, с. 100]. Столь высокий сакральный статус в немалой степени определяла ее мифологическая характеристика: «самая честная и быстрокрылая птица» [Золотая чаша, 1975, с. 85], способная на длительный полет в потустороннее пространство.

Образ ласточки соотносился с образом культурного героя. Хакасы верили, что благодаря стараниям этой птицы люди смогли овладеть огнем [Золотая чаша, 1975, с. 85–86; Катанов, 1894, с. 187]. Как повествует фольклор, «за то, что доставила людям огонь, она стала любимой птицей» [Золотая чаша, 1975, с. 86]. Кроме того, считалось, что именно ласточка сумела вынести из потустороннего пространства на землю *мӧңе суғ* – ‘*живую воду*’ [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 133].

В традиционном сознании ласточка воспринималась в качестве существа, находящегося в постоянном движении и занимающего пограничное положение в пространстве. Полагали, что эта птица имела отношение к небесной и земной, сакральной и профанной сферам. Ее полет был осуществлением сакральной связи между земным и потусторонним мирами.

Среди хакасов существовало убеждение, что образ птицы имеет отношение к душе человека. Подобные суждения в полной мере распространялись и на ласточку. Согласно хакасским мифам, Худай (Бог) удостоил ласточку чести доставить душу для сотворенного им человека [Катанов, 1894, с. 185–186; Дыренкова, 1929, с. 123]. В верованиях хакасов эта птица воплощала собой душу младенца [Бутанаев, Верник, Ултургашев, 1999, с. 15; Бутанаев, 2003, с. 85].

Ласточка – одна из немногих перелетных птиц, которая устраивает свое гнездо и выводит потомство в непосредственной близости с человеком. Интересны наблюдения орнитологов за этой птицей: «Гнезда свои ласточка устраивает в селениях обычно под защитой крыши, то у конька строения, иногда же настолько низко, что гнездо свободно можно достать рукой, стоя на земле. Случалось видеть гнезда, устроенные как раз над входом в дом, под навесом крыльца, почти над дверным косяком, и птичка безбоязненно сидела в гнезде, не обращая внимания на постоянно проходивших людей» [Тугаринов, Бутурлин, 1911, с. 84].

На мирное сосуществование хакасов и ласточек обращали внимание исследователи XIX в. Так, Н. Попов, писал: «Ласточка в юртах лепит гнезда около дымового отверстия. Гнезда эти не разоряются, а бережливо охраняются татарами (хакасами. – *В.Б.*)» [Архив РГО, л. 14об.].

Трепетное отношение хакасов к ласточке сохраняется поныне. В сельской местности в летнее время во многих жилищах и хозяйственных постройках можно встретить обитаемые гнезда ласточек. Любовь местного населения к этой птице во многом связана с верой в ее сакральные силы. Широко распро-

странено убеждение, что ласточка является носительницей *талан* – ‘*счастья, благополучия, удачи, богатства и др.*’. Подобные воззрения присущи и другим тюрко-монгольским народам [Потанин, 2005, с. 895].

В этой связи уместно привести высказывания наших информантов о ласточке: «*У хакасов ласточка является священной птицей – посланницей богов. Она приносит людям счастье. Благодаря ей скот хорошо растет. Если разрушишь гнездо ласточки, то тебе счастья не будет. Одна женщина по незнанию разрушила их гнездо, погубила птенцов. После этого у женщины перестал держаться скот – все время болеет и умирает*» (ПМА, 2000, Кичеева Р. М., с. Аскиз, Республика Хакасия). «*Ласточек не убивают. С ними – такая интересная примета. Они поселяются в юртах. Чем выше поселится ласточка, тем у тебя жизнь будет выше и лучше. Уровень жизни обязательно поднимется. Если ласточка селится низко, то жизнь будет не очень. Ласточки в юрте свободно живут, но никогда со стола, да и в юрте вообще не подбирают. А воробьи или синички, как только у них появится возможность, сразу же начнут воровать. Ласточка очень умная птица. Работу начинает с восхода солнца и заканчивает с заходом. Вообще птицы ночью не работают. А ласточки и в воскресенье не работают. Вот откуда они знают, что это выходной?! Видишь, какая умная ласточка!*» (ПМА, 2010, Бурнакова А. А., с. Отты, Республика Хакасия).

С образом ласточки неразрывно связано представление о домашнем уюте и благополучии домочадцев. Домашний быт традиционно входит в сферу деятельности женщины. Стоит обратить внимание на то, что с хакасского языка слово ‘женщина’ (*ипчі*) буквально переводится ‘домашняя’ [Бутанаев, 1999, с. 34]. Данная семантическая тождественность этих образов и их функций отобразились в хакасской мифопоэтике, где женщина ассоциируется с ласточкой.

«У синих шатров девицы-служанки снуют –
Подолами длинными твердую землю метут,
В двери заходят, вновь из дверей выбегают,
Будто над гнездами ласточки с криком витают…
Юрты поставлены в несколько тесных рядов,
Сизый дымок поднимается из тюнюков,
И суетится, хлопочет народ у домов.
Люди то входят-выходят, то мимо идут –
Ласточками над родимым гнездовьем снуют»
[Баинов, 2007, с. 118, 157].

В фольклоре ласточка, как правило, воплощает женское начало. Так, белая грудь ласточки соотносится с женским символом [Унгвицкая, Майнагашева, 1972, с. 271]. В героическом сказании «Ай Хуучин» дева Ай-Чарых превращается в ласточку [Хакасский героический…, 1997, с. 373]. Именем Ласточка называли только представительниц прекрасного пола. Подобные имена носили положительные эпические героини *Алтын Харачхай* – ‘*Золотая ласточка*’, *Харачхай Арыг* – ‘*Чистая Ласточка*’ и др. [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 44].

Таким образом, в мировоззрении хакасов ласточка наделялась высоким сакральным статусом. Она соотносилась с женским началом. Выступая в роли божественной вестницы и посредницы между мирами, она воплощала собой идею целостности и гармонии. С ласточкой неразрывно связывается круг традиционных представлений о жизни и судьбе человека, о благостных сакральных силах.

Список литературы и источников

Архив РГО. – Р. 64. – Оп. 1. – Д. 29.

Баинов М.Р. Хан-Тонис на темно-сивом коне. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2007. – 384 с.

Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан: УПП «Хакасия», 1999. – 240 с.

Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во ХакГУ, 2003. – 260 с.

Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. – Абакан: Изд-во ХакГУ, 2008. – 376 с.

Бутанаев В.Я., Верник А.А., Ултургашев А.А. Народные праздники Хакасии. – Абакан: Изд-во ХакГУ, 1999. – 76 с.

Дыренкова Н.П. Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири // Культура и письменность Востока. – Баку: Изд-во ВЦК НТА, 1929. – Кн. 4. – С. 119–126.

Золотая чаша: Хакасские народные сказки и предания. – Абакан: Хак отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1975. – 87 с.

Катанов Н.Ф. Качинская легенда о сотворении мира // Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казан. ун-те. – 1894. – Т. XII, вып. 5. – С. 185–188.

Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. – Казань: Типо-Литография Имп. Казан. ун-та, 1897. – 104 с.

Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. – СПб., 1907. – 640 с. – (Сер. «Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым»; т. IX).

Коре Сарыг на Буланном коне. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1974. – 191 с.

Кузнецова А. Четыре сказки минусинских инородцев // Живая старина. – 1899. – Ч. 1. – С. 140–150.

Мифы и легенды хакасов. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. – 208 с.

Потанин Н.Г. Очерки Северо-Западной Монголии. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. – 1026 с.

Сарыг-Чаныбар // Сибирские сказания. – М.: Современник, 1991. – С. 36–124.

Тугаринов А.Я., Бутурлин С.А. Материалы по птицам Енисейской губернии // Зап. Краснояр. подотд. Вост.-Сиб. отд. Имп. РГО по физ. геогр. – 1911. – Т. I, вып. 24. – 440 с.

Унгвицкая М.А., Майнагашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан: Хак. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1972. – 311 с.

Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин. – Новосибирск: Наука, 1997. – 479 с.

Е.И. Глухих

ТРАДИЦИИ ДОМОСТРОЕНИЯ РУССКОГО СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИАНГАРЬЯ НА ПРИМЕРЕ ДЕРЕВЕНЬ ЧАДОБЕЦ И КЛИМИНО КЕЖЕМСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ*

Изучение домостроения русского старожильческого населения необходимо для анализа опыта адаптации исторических переселенцев в Сибири. Особую актуальность приобретают исследования, связанные с фиксацией элементов культурного наследия, которые могут быть утрачены. Например, в результате строительства Богучанской ГЭС подлежат затоплению некоторые старожильческие поселения, поэтому требуется экстренный сбор материалов.

Данная статья основана на полевых материалах автора, собранных в июле 2011 г. в ходе работы Сибирского этнографического отряда под руководством д-ра ист. наук А.Ю. Майничевой в деревнях Чадобец и Климино Кежемского р-на Красноярского края. Для проведения обследования использован разработанный А.Ю. Майничевой вопросник «Этнокультурная адаптация в Сибири».

Деревня Чадобец Кежемского р-на Красноярского края в настоящее время насчитывает около двадцати дворов. Название деревни восходит к эвенкийскому языку и переводится как «Белый камень». Местные жители объясняют его наличием большого количества известняка в этих местах. Рядом с деревней находится соленый источник, а также «Поп-гора». Название последней связано с легендой о священнике, который не перенес разрушения церкви, стоявшей в поселении, и бросился с горы.

В деревне Климино более 300 дворов. Ее название связано с именем Климентия, который якобы первым поселился в этих местах. На выезде из деревни располагается небольшой источник.

Для обеих деревень характерна уличная застройка. В прежние времена улицы были широкими, но из-за устройства палисадников значительно сузились. Дома строили из сосны и лиственницы. Древесину для этого выбирали ровную. Заготовка бревен на постройку дома проходила на делянках в лесу, а потом «лесину» (местн.) сплавляли по реке. Лес рубили обычно весной, пока не начинались сельскохозяйственные работы. При возведении дома хозяева созывали помощь («подмогу») в лице родственников и соседей.

Основание дома располагалось на стояках – «чурках» (местн.): толстые метровые лиственничные отрезки бревен вкапывали в землю вертикально,

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 10-01-00470а).

затем на них укладывали окладные венцы. При закладке дома существовала традиция: класть монетки в углы «на счастье» – для обеспечения богатой жизни. Большое количество таких монет находят в настоящее время, когда разбирают старые дома.

Количество венцов в стене зависело от толщины леса. Между бревен укладывали мох, который брали на болотах. Дома строили как одноэтажные, так и двухэтажные. Самые старые дома имеют только двускатную крышу, крытую драньем, настилавшимся в два слоя. Для пола и потолка выбирали прямой лес с мелкими кольцами. Бревна раскалывали по длине на две половины: одну «улаживали» (местн.) на пол, а другую – на потолок. Стены в домах обстругивали, белили; пазы замазывали глиной. На окнах дома всегда были ставни. Устанавливали также наличники с резьбой. Хозяин мог обратиться для этого к мастеру – резчику по дереву, но чаще делал самостоятельно.

Первоначально в деревне строили дома рубленые «на связи»: две избы соединяли сенями. Так обычно ставили дома родные братья. Внутреннее пространство построек было разделено на горницу, где принимали гостей, кухню – «куть» и «спаленки» (местн.).

Самым почитаемым местом в доме считался красный угол (иногда говорили «подцветка»). Печь в доме располагали в кухне устьем «цалом» / «чалом» (местн.) к окну. При возведении печи устанавливали опалубку, куда набивали глину, которую утрамбовывали деревянными болтами сами хозяева. Иногда созывали помощь: «Соберутся пять-шесть мужиков вместе, хозяин приготовит глину» (Кулаков И.Д., ПМА, 2011 г.). Повсеместно бытует поверье, что за печью живет домовой, дух дома «дедушка-соседушка» (местн.). Старожилы знают особые наговоры, в том числе связанные с новосельем: «Дедушка-соседушка, пусти нас ночевать, ночку ночевать, да век вековать! Дедушка-соседушка! Ангелы-хранители, охраните таких-то (по именам), чтобы колдунов отправляли в ад, чтобы грызли осину – снизу до вершины». Другой вариант: «Дедушка-соседушка! Пусти нас не ночевать, а всю жизнь коротать» (Рукосуева Н.Г., ПМА, 2011 г.).

Старожилы считали опасным построить дом на неудачном месте: «Одному хозяину говорили отнести дом повыше или пониже с того места, где он был расположен, но тот не послушал, и его вскоре раскулачили, увезли. Те, кто позднее заселялись в этот дом, – у всех беда: у одних хозяев сынишку корова забодала, очередной новый хозяин умер от какой-то болезни» (Страшникова Е.В., ПМА, 2011 г.)

Все постройки в усадьбе ставились почти вплотную друг к другу. Усадьба включала несколько хозяйственных сооружений: хлева («клевы), дворы, завозни и сараи. Жилыми считались изба и «зимовьюшка» (летняя кухня). Бани были на связи с «зимовьюшкой» или стояли отдельно. Раньше бани располагались на берегу реки, топились по-черному и были небольшого размера. Пользовались каждой баней несколько семей.

В лесу для охотников строили небольшие временные жилища – «зимовье», «избушки» (местн.). Каждую осень после уборки урожая промысловики отправлялись на охоту и жили в лесу иногда до нового года. Вдоль берега реки ставили крохотные деревянные постройки – «самоловники» (местн.) для хранения рыбацких снастей.

В целом усадебные комплексы русского старожильческого населения Приангарья, описанные по материалам обследования в деревнях Чадобец и Климино Кежемского р-на Красноярского края, представляют собой традиционные устойчивые модели архитектурного освоения среды обитания, возникшие в условиях многовековой адаптации.

О.В. Голубкова

ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ – ЛЮДИ СНЕЖНЫЕ? (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ У ОБСКИХ КОМИ)

У северных (ижемских) коми распространены рассказы о лешаках, которые существенно отличаются от представлений о духах – хозяевах леса (*ворса*) [Налимов, 1903, с. 77–79]. Обычно *лешаков* характеризуют как демонических персонажей, враждебных человеку. Представления о злобных лешаках, которые пугают людей, проникают в дома и похищают детей, широко известны северным коми Печоры, Ижмы (Республика Коми) и Нижнего Приобья (ХМАО и ЯНАО Тюменской обл.).

В последние годы на Сибирском Севере большую популярность приобрели рассказы о *снежном человеке*. По ряду признаков эти истории сопоставимы с быличками о лешаках, а их внешность и свойства (по рассказам информантов) представляются идентичными.

1. Обнаруживается сходство по внешним признакам, отличающим *лешака* или *снежного человека* от иных представителей нежити или от людей. Главным образом, выделяются высокий рост, отсутствие одежды и «волосатость».

Снежный человек высокий, два с лишним метра, темно-красные глаза, покрыт рыжей шерстью (ПМА, ЯНАО, с. Шурышкары, 2011 г.).

В прошлом году видели в Азовах. Вышел из леса человек двухметрового роста, весь лохматый. Увидел людей и опять в лес убежал. Потом еще следы большие видели. Говорили, из Монголии приходил. Наверное, назад ушел (ПМА, ЯНАО, пос. Овгорт, 2004 г.).

Упоминаются также специфические свойства внешности *снежного человека*: грубые черты лица, отсутствие ресниц, красный цвет (или свечение) глаз, прозрачность костей.

Снежного человека видели. Здоровый, тело все в шерсти, похож на обезьяну. Лицо страшное, глаза маленькие и красные, как угольки горят (ПМА, ХМАО, пос. Саранпауль, 2011 г.).

Если встретить в лесу снежного человека, то можно узнать по глазам. Глаза у него без ресниц, круглые, как будто навыкате, горят красноватым светом. Смотрит, не моргает. От его взгляда можно сойти с ума (ПМА, ХМАО, пос. Сосьва, 2011 г.).

Нашли кости снежного человека. Огромные и светятся в темноте. В них содержится много фосфора (ПМА, ХМАО, пос. Саранпауль, 2011 г.).

У нас на Белой горе раньше жили снежные люди. Целую семью видели. Потом их спугнули, они ушли в лес, подальше от людей. После них могилы остались. Находили кости. Они прозрачные, как стекло. Брали в руки, а они (кости) тут же рассыпались в пыль (ПМА, ЯНАО, с. Шурышкары, 2011 г.).

Еще одной особенностью снежного человека считаются вывернутые пятки, как у лешего, либо косолапость.

Снежного человека никто не видел, его узнают по следам. Правый след оставляет слева, а левый – справа. У него ноги не как у человека, а вывернутые (ПМА, ХМАО, пос. Саранпауль, 2011 г.).

В прошлом году мужики в тайге видели лешего. Пошли охотники в лес. Кто-то стоит вдалеке – лохматый, здоровенный. На двух ногах стоит – человек, не зверь. Потом побежал, заковылял – косолапый. А кто-то говорит, что не леший это был, а снежный человек (ПМА, ХМАО, пос. Сосьва, 2011 г.).

Следует заметить, что вывернутые пятки – черта, которая объединяет *снежного человека* не только с *лешаком*, но и с хозяином леса – *ворса* [Налимов, 1903, с. 77].

2. *Лешакам* и *снежным* людям присущи качества инфернальных персонажей. Считается, что те и другие наделены магическими способностями: становятся невидимыми, не отбрасывают тень. Они способны читать чужие мысли, предугадывая действия людей.

Лешаки людей видят, а их не видать (ПМА, ЯНАО, пос. Ямгорт, 2004 г.).

Снежный человек отводит глаза охотнику. Вот чувствую, что рядом стоит, а никого не видно. И собаки лают, как на дичь (ПМА, ХМАО, пос. Саранпауль, 2011 г.).

Снежные люди могут загипнотизировать. Стоят рядом с человеком, а их не видно, только воняет тухлятиной (ПМА, ЯНАО, с. Шурышкары, 2011 г.).

Снежный человек – это дух, у него нет тени. Всегда по тени можно узнать живого человека (ПМА, ХМАО, пос. Саранпауль, 2011 г.).

У лешака не бывает тени, ему Бог не дал. К нечистой силе относится (ПМА, ЯНАО, с. Мужи, 2006 г.).

Бывает на охоте, что собаки лают, а зверя не видно. Тогда нужно встать задом в ту сторону, куда собаки лают, нагнуться и посмотреть между ног. Тогда увидишь снежного человека. А так он невидимый, людей морочит (ПМА, ЯНАО, с. Шурышкары, 2011 г.).

Снежные люди угадывают мысли, поэтому их никто поймать не может (ПМА, ХМАО, пос. Саранпауль, 2011 г.).

3. Для защиты от злобных *лесных духов* и *снежных людей* используются одинаковые обереги: крест, святая вода, молитва, острые металлические предметы (нож, топор, ножницы), нецензурные выражения. Считается опасным после заката солнца выносить мусор, набирать воду, т.к. этими действиями можно привлечь к дому *нечистую силу* или *снежного человека*.

Снежный человек – это то же, что леший. Есть лесной остров, Пугор называется. Там снежные люди водятся. Они людей крутят. Надо материться, когда по лесу идешь, тогда лесной черт отстанет (ПМА, ЯНАО, с. Мужи, 2004 г.).

Под порог надо положить топор, хотя бы нож или ножницы, чтобы лесные люди не пришли, потому что духи боятся металла (ПМА, ХМАО, с. Восяхово, 2006 г.).

Когда стемнеет, ничего нельзя делать. Ни воду носить, ни сор вытаскивать. Мама говорила, что можно с водой принести нечистую силу в дом, если воду после солнечного заката принести. Он из воды в ведро как прыгнет! Ты их и не заметишь, принесешь. Оттого нечисть в доме заводится (ПМА, ЯНАО, пос. Овгорт, 2004 г.).

Если сор после заката солнца вынесешь, лешаки по запаху могут след найти и в дом залезть. Особенно, если двери и окна не закрещены. Будет вокруг дома ходить, рыскать, искать: где какая щель есть. Если хоть маленькую щелочку найдет, на которую крест не наложили, в дом проникнет (ПМА, ЯНАО, пос. Овгорт, 2004 г.).

Как стемнеет, то из леса выходят лесные духи. Сейчас у нас в лесу снежный человек появился, это та же нечисть. Одна женщина вечером мусор понесла. Вернулась домой, а потом смотрит: кто-то в окно заглядывает. Лицо страшное, белое, глаза горят. Всю ночь ходил вокруг дома, в окна лез. Она еле открестилась, молитвы читала (ПМА, ХМАО, пос. Саранпауль, 2011 г.).

Чтобы в дом лешаки и всякая нечисть не попали, каждый вечер кладу у порога нож или топор, а под подушку – ножницы. Снежные люди тоже нечистая сила, в дом лезут, от них надо спасаться (ПМА, ЯНАО, пос. Овгорт, 2004 г.).

Всегда надо с собой иметь крестик и молитву читать. Это от любой нечисти защищает и чтоб в лесу снежный человек не встретился (ПМА, ЯНАО, с. Шурышкары, 2011 г.).

4. Считается, что *снежные люди* и *лешаки* живут семьями в глухих лесных чащах, строят дома и ведут хозяйство. Они прокладывают тропы, по которым людям не следует ходить. Особенно опасным считается построить дом или останавливаться на ночлег на такой дороге.

Видели целую семью снежных людей. Мужчина, женщина и ребятишки – пять или шесть штук (ПМА, ЯНАО, с. Шурышкары, 2011 г.).

С людьми они (лесные духи) не общаются. Приходят в дом, брякают посудой, а кто их знает, куда они идут? Может, к семье. Семья, дети ведь у них тоже есть. Людей они видят, а их не видать (ПМА, ЯНАО, пос. Овгорт, 2004 г.).

За поселком чертова дорога. По ней они (лесные духи) из леса к реке идут, и потом дорога обратно в лес поворачивает (ПМА, ЯНАО, пос. Овгорт, 2004 г.).

У снежного человека свои тропы проложены, по человеческим дорогам они не ходят. Они не любят, когда на их дорогу кто-нибудь зай-

дет. Они тогда пугают, чтобы прогнать (ПМА, ЯНАО, с. Шурышкары, 2011 г.).

В лесу живет куль, его ханты почитают. Люди не должны по их владениям ходить, а то беда будет. Дорога – это судьба ихняя. У кулей тоже своя судьба, своя дорога (ПМА, ЯНАО, пос. Овгорт, 2004 г.).

Снежный человек пугает, чтобы его не тревожили, у них дорога своя, отдельная от людей (ПМА, ХМАО, пос. Саранпауль, 2011 г.).

У лешаков дороги проложены, люди их не видят. По ним нельзя ходить. Чертова дорога называется. Если на чертовой дороге построить дом, они не дадут спокойно жить. У нас раньше в старом доме всё посуда по ночам гремела, чашки, ложки стучали, житья не было. Мама учила: нужно вечером перекрестить все двери и обойти дом с молитвой "Отче наш", читать "Богородицу". У порога положить топор острием к улице, под перину – ножницы. И ничего, перестали беспокоить (ПМА, ЯНАО, пос. Овгорт, 2004 г.).

5. С *лешаками* и *снежными людьми* связывают распространенный сюжет о подмене детей.

Нужно в люльке оставлять ножницы, чтобы ребенка не утащили лесные духи (ПМА, ЯНАО, с. Мужи, 2004 г.).

Маленьких детей нельзя оставлять без присмотра – снежный человек к себе в лес утащит, а вместо него подсунет полено или чурку (ПМА, ХМАО, пос. Саранпауль, 2011 г.).

Детей одних в лес не пускаем. Могут снежные люди схватить, в тайгу уволокут (ПМА, ХМАО, пос. Сосьва, 2011 г.).

В Восяхово был случай. Женщина (зырянка) косила и оставила ребеночка под стогом. Снежный человек его подменил. Сначала все думали, что ребенка сглазили. А через несколько лет ей сказали, что это не человеческий ребенок. Его сдали в психушку. Он как зверь на всех бросался, ел только сырое мясо. Был как обезьянка: тело покрыто волосами, длинные руки, личико сморщенное (ПМА, ЯНАО, с. Шурышкары, 2011 г.).

Итак, при сопоставлении представлений обских коми о злобных *лесных духах* (*лешаках*) и о *снежном человеке* становится очевидным, что это идентичные персонажи. Они обладают одинаковым набором характерных качеств, имеют схожие черты «внешности». Для защиты от них применяются одни и те же обереги.

Примечательно, что большинство информантов выказывало отношение к *снежному человеку* как к представителю *нечистой силы*. Таким образом, напрашивается вывод, что в последние годы демонологический персонаж лешака стал вытесняться тождественным ему образом *снежного человека*. Обращая внимание на пол и возраст информантов, мы может сделать следующее заключение. Упомянутых персонажей *лешаками* чаще всего называют люди старшего поколения – преимущественно 70–80-летние старушки. Мужчины, а также женщины моложе 65 лет, рассказывая истории с аналогичными сюжетами, говорят о *снежных людях*. Скорее всего,

поводом для подобного замещения мифологического образа стало желание придать определенный авторитет передаваемым сведениям: ведь *леший/лешак* – представители мифического, практически сказочного, мира, а о *снежном человеке* можно услышать или прочитать в СМИ как об особом биологическом виде и т.п. Другое дело, что его образ в народном понимании наделяется такими же свойствами, как у его мифического «собрата» и предшественника лешака.

Список литературы

Налимов В.П. Некоторые черты из языческого миросозерцания зырян // Этнографическое обозрение. – 1903. – № 2. – С. 76–86.

М.А. Жигунова

ДИНАМИКА ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (СЕРЕДИНА XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)*

В структуре традиционной обрядности русских Западной Сибири именно похоронно-поминальные обряды отличаются особым консерватизмом (по сравнению с другими обрядами жизненно-календарного цикла), что способствует актуальности их изучения. Отдельные аспекты интересующей нас проблематики представлены в работах П.Е. Бардиной, М.Л. Бережновой, Ф.Ф. Болонева, О.В. Голубковой, М.А. Жигуновой, Е.Ф. Фурсовой и др. Похоронно-поминальные обряды относят к переходным ритуалам, т.к. считается, что во время их проведения совершается символический переход человека из одного статуса в другой и установление его новой идентичности [Геннеп, 2002; Седакова, 2004]. В конце XX в. заметно возрос интерес к различным вопросам, связанным со смертью и похоронно-поминальными обрядами. Предлагалось даже ввести новый термин – «тафология» (от греческого *тафос* – похороны) [Смирнов, 1990].

Данная статья базируется на материалах историко-этнографических экспедиций и этносоциологических исследований, проведенных под руководством автора в 1985–2011 гг. в различных районах Западной Сибири. Важным источником послужили материалы опросов студентов в 2000-е гг. при чтении лекционных курсов («История мировых религий», «Обряды жизненного цикла восточных славян», «Современные этнические процессы у русских Сибири», «Русские сибиряки: проблемы самосознания и культуры»). Значительная численность русских Сибири, неоднородность их социального, этнокультурного и конфессионального состава, большая территориальная разбросанность и недостаточная изученность вызывают определенные трудности в исследовании заявленной темы. В одной работе практически невозможно охарактеризовать все элементы похоронно-поминальной сферы в их динамике, поэтому основное внимание мы уделим наиболее общим моментам.

Наибольшим изменениям подверглись материальные компоненты похоронного обряда: изготовление, оформление и наполнение гробов, одежда умерших, средства доставки покойника на кладбище, надмогильные сооружения. Вместо долбленых домовин уже к середине XX в. получили распространение гробы, сколоченные из досок и обтянутые однотонной красной

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 11-01-00213а).

или черной тканью. Вплоть до конца XX в. их украшали еловыми (пихтовыми) венками и ветками, а затем – искусственными венками и цветами.

Резкая дифференциация современного российского населения по уровню доходов отразилась не только на количестве присутствующих людей на похоронах и составе поминальных трапез, но и в ассортименте гробов. Так, если в ритуальных салонах г. Омска в 2000 г. продавалось до 6 видов гробов, то в 2011 г. ассортимент и «разбег» цен увеличился: можно купить гроб от 1 500 до 114 000 руб.

Все чаще нарушается запрет на использование при погребении одежды и обуви из материалов животного происхождения. Как правило, в качестве смертной выступает обычная современная одежда, а не изготовленная особым способом. Нами зафиксированы захоронения молодых девушек и женщин в брюках или джинсах (т.е. «в том, в чем любили ходить при жизни»). В гроб вместо традиционной подушки с опилками, березовыми листьями или чабрецом зачастую кладут обычную пуховую или перьевую подушку, а с начала XXI в. – с искусственными наполнителями. В качестве надмогильного сооружения используется не только деревянный крест, но и различные надгробия из камня, мраморной крошки, железа, цемента, кирпича.

Поминальная еда существенно различается в зависимости от времени года, региона проживания, личных вкусов и материальных возможностей. Так, в северных районах Западной Сибири на поминальных столах обычны: уха из стерляди (горбуши, муксуна, нельмы), щи, рыбные пироги и клюквенный кисель; в южных районах – борщ, компот. Последнее упоминание о приготовлении овсяного киселя в качестве поминального блюда встретилось нам в 1996 г. в Муромцевском р-не Омской области. В целом, угощения на поминках становятся все более разнообразными и обильными. Появились различные бутерброды, салаты, консервы, фрукты, сладости, а также заимствованные блюда – плов, манты, баурсаки и др.

Во многих семьях стараются приготовить на поминки не только традиционные блюда, но и те, которые любил умерший при жизни. Все чаще поминки проводят в кафе или столовой, где предлагается типовое меню. Не всегда (особенно в городе) сохраняется запрет на использование за поминальным столом ножей и вилок. По сведениям информаторов, «раньше водкой и вином не поминали, выпивку подносили только тем, кто копал могилу». В настоящее время эта традиция встречается довольно редко.

Заметны изменения и в символической сфере. При проведении погребальных церемоний уходят в прошлое политические ценности. В настоящее время у многих могут вызвать недоумение факты, когда ради забытого в кармане пиджака партбилета приходилось делать эксгумацию трупа, или когда в гроб с покойным клали сборник произведений В.И. Ленина [Жигунова, 2010].

В конце 1980-х гг. произошел всплеск этнического самосознания, усилилась активность религиозных организаций, начался массовый переход от «воинствующего атеизма» к «повсеместной религиозности» [Жигуно-

ва, 2006]. Согласно опросам 2000-х гг., в существование души и загробного мира верят от 50 до 92 % респондентов (чаще всего это представительницы женского пола 18–35 лет), а наиболее критически относятся к этому мужчины среднего возраста. В действующих церквях можно купить все необходимое для погребения, пригласить священника на отпевание, поставить свечку «за упокой души», заказать Сорокоуст и т.д. Повсеместно функционируют многочисленные похоронные бюро и ритуальные салоны, которые занимаются организацией похорон и предоставлением всех необходимых для этого услуг и атрибутов.

Хотя ночные сидения у гроба практикуются повсеместно, бывают случаи (чаще в городе), когда лицо умершего накрывают покрывалом или простыней и ложатся спать. Не всегда останавливают часы в доме умершего. Зеркала завешивают, но не все (в серванте трудно закрыть, например). Это занавешивание часто сохраняется всего 9 дней, а не 40, как прежде.

Не всегда удается похоронить рядом умерших родственников, особенно в городской местности. Но в начале XXI в. у горожан появилась возможность еще при жизни приобрести «Ценный сертификат о резервировании земельного участка на кладбище».

Исчезает представление о делении на «чистых» и «нечистых покойников». Встречается постройка новых зданий на местах бывших погостов, а также кладбища, не отделенные рвом и общим забором. Исчезает традиция поминок на 20-й день после смерти. Менее строго соблюдаются отдельные формы траура. Если раньше (в соответствии с народными этическими нормами) члены семьи умершего должны были до года носить траурную одежду, им запрещалось выходить замуж (или жениться) и участвовать в различных развлечениях, то сейчас эти запреты соблюдаются не всеми, или срок их исполнения сокращается до 9–40 дней. Появилась тенденция индивидуализации (поминки в дни рождения умерших, учет личных предпочтений при одевании, приготовлении поминальных блюд, распространение отдельных оградок у могил).

Среди новшеств следует отметить и появление на территории Западной Сибири первых крематориев: в Новокузнецке – в 2002 г., в Новосибирске – в 2003 г., в Сургуте – в 2008 г. В Новосибирском крематории, созданном по инициативе частного лица, возможна организация торжественных ритуалов по индивидуальному сценарию, а также отправление праха умерших в космос. В 2010 г. на территории крематория открылся первый в России «Музей Смерти» – Музей мировой погребальной культуры, в коллекцию которого вошли артефакты африканской, европейской, азиатской, американской и славянской погребальных культур.

Таким образом, вслед за наиболее распространенным обрядом трупоположения распространяется обряд трупосожжения (кремации). Однако отношение к этому явлению в современном обществе неоднозначно. Так, в 2008 г. автор явилась свидетелем безутешных причитаний пожилой женщины, которая ехала из Новосибирска после похорон сестры:

«За что? За что дети так над нею поглумились? За что она горела в огне как в аду?»

В целом, подводя итоги анализа изменений погребально-поминальной обрядности русских сибиряков, можно заключить, что на протяжении второй половины XX в. происходило упрощение и размывание традиций. Исчезли архаичные элементы и появились новые, унифицированы отдельные ритуальные действия. Основные перемены обусловлены трансформацией социально-экономических, политических и идеологических составляющих российского общества.

Список литературы

Геннеп А., ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. – М.: Вост. лит., 2002. – 198 с.

Жигунова М.А. Религиозная идентичность в современной культуре русских Западной Сибири и Северного Казахстана (к постановке проблемы) // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 59–70.

Жигунова М.А. Обряды похоронно-поминального цикла у русских Сибири (вторая половина XX – начало XXI века) // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. – Омск: Изд-во ОмГПУ; Изд. дом «Наука», 2010. – С. 123–126.

Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. – М.: Индрик, 2004. – 320 с.

Смирнов Ю.А. Морфология погребения (опыт создания базовой модели) // Исследования в области балто-славянской культуры: Погребальный обряд. – М.: Наука, 1990. – С. 216–224.

М.А. Литвинчук, И.В. Октябрьская

ФЕСТИВАЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР «СОЦВЕТИЕ» В СУРГУТЕ (ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Город Сургут является крупнейшим населенным пунктом ХМАО–Югры. По данным переписи 2010 г., население округа составляло более 1,5 млн. чел., более 308 тыс. из которых проживало в Сургуте. Округ отличается полиэтничным составом: 24 этноса имеют численность больше 1 тыс. чел.; 66 % населения составляют русские, 8,6 % – украинцы, 7,5 % – татары, 2,5 % – башкиры; общины азербайджанцев, белорусов, хантов и чувашей каждая не превышают 1 %. Этническая структура г. Сургута характеризуется тем же соотношением: 63 % русских, 11 % украинцев, 5,3 % татар, 1,7 % башкир, 1,6 % белорусов, 1,6 % азербайджанцев, 0,9 % чувашей, 0,3 % хантов и манси. По данным администрации Сургута, в городе проживают представители более 100 этносов.

Интересы населения Сургута в этнокультурной сфере выражают 30 общественных организаций, в которых состоит более 11 тыс. чел. – представителей 22 этносов. Вв рамках ряда этносов создано по несколько центров: 2 немецких, 2 азербайджанских, 2 татарских, 2 белорусских и 5 украинских. Сургутское городское отделение общественной организации «Спасение Югры» объединяет представителей всех коренных малочисленных народов Севера, проживающих в городе. Городская общественная организация «Национально-культурный центр “Вайнах”» декларирует представительство всех этносов Чеченской республики.

Крупнейшими среди этнических объединений являются: Региональная общественная организация «Общество русской культуры» (около 5 тыс. чел.), Общественная организация Сургута «Армянский национально-культурный центр “Арарат”» (около 3 тыс. чел.), Общественное объединение «Национально-культурная автономия азербайджанцев Сургута “Бирлик”» (500 чел.) и Общественное объединение «Национально-культурная автономия татар города Сургута» (500 чел.). Среди этнических объединений Сургута 8 имеют региональный статус, 6 не имеют официального статуса, 4 находятся в процессе регистрации.

Из 25 религиозных объединений Сургута 4 являются православными, 2 мусульманскими, 10 протестантскими (в основном евангелисты и баптисты), 1 католическим, 1 греко-католическим, 1 армянской апостольской церкви.

Кроме того, в городе действуют организация Свидетелей Иеговы, «Саентологическая группа города Сургута», группа медитативной практики пос-

ледователей Сант Мат, религиозная группа буддистов Карма Кагью Тибетского буддизма, индуистская группа «Хейракханди лав центр». Среди религиозных объединений 16 имеют государственную регистрацию, а 9 уведомили администрацию о своей деятельности. Общественное объединение «Национально-культурная автономия немцев Сургутского района» и местная религиозная организация «Сургутская община Урало-Западносибирского регионального управленческого центра Новоапостольской церкви» полностью совпадают по своему составу.

При таком обилии этнических и конфессиональных объединений возникает проблема их взаимодействии в рамках городского сообщества. Площадкой развивающегося диалога является Фестиваль национальных культур «Соцветие», действующий с 1998 г.

История Фестиваля связана с созданием в Сургуте координационного совета по вопросам этнических сообществ при главе города. Это произошло в 1989 г. Тогда же было подписано соглашение о совместной деятельности администрации и общественных объединений по формированию атмосферы взаимоуважения и согласия на территории города.

В развитии соглашения в ноябре 1998 г. проведен первый фестиваль «Соцветие». Изначально это мероприятие задумывалось как разовая акция, направленная на ознакомление горожан с традициями народов, проживающих в Сургуте, с целью укрепление атмосферы мира и согласия. В программе первого фестиваля были концерт художественных коллективов города и выставка, посвященная традициям этнических объединений Сургута.

В 2000 г. Фестивалю был придан окружной статус. Губернатором ХМАО–Югры А.В. Филиппенко 21 ноября 2000 г. было дано распоряжение «О проведении фестиваля “Соцветие Югры”». Он был приурочен к празднованию 70-летия образования ХМАО. К участию в нем привлекли многие творческие коллективы Югры. Концерт открывали выступления коллективов коренных малочисленных народов. Закончился он выступлением этнографического фольклорного хора «Славяне». В сообщении информационного агентства «Новый регион» о фестивале было сказано, что он уже является традиционным, хотя проводится только третий раз [Ханты-Мансийский АО, 2011].

Фестиваль 2001 г. прошел незамеченным, поскольку совпал с первым международным Форумом городов 60-й параллели. Именно поэтому подготовке фестиваля 2002 г. уделили особое внимание. Большое место в нем отводилось проблеме популяризации культурного многообразия региона. В официальном сообщении подчеркивалось, что фестиваль займет важное место в жизни городского сообщества. «Все предпосылки к этому уже есть – в городе сегодня ведется целенаправленная национальная политика, основанная, в первую очередь, на взаимном сотрудничестве и понимании»[08.11.2002…, 2011].

В фестивале 2002 г. приняли участие 14 этнических объединений Сургута. Его программа состояла из концертного отделения и выставки, где

были впервые представлены национальные костюмы, ремесла, блюда национальных кухонь.

Начиная с 2003 г., фестиваль обрел постоянное место проведения – историко-культурный центр «Старый Сургут» и постоянную дату – День города (отмечается 12 июня). В программе обновленного фестиваля, как и в предыдущие годы, центральными были концерт творческих коллективов и выставка национальных культур и кухонь (в т.ч. выставка-ярмарка национального хлеба), к которым добавилась программа игр народов мира.

В юбилейный для Сургута 2004 г. (год 410-летия) к участию в фестивале было привлечено уже 19 этнических объединений города, а также гости из Венгрии, Украины, Беларуси, Татарстана, Дагестана, Азербайджана, Казахстана. Уже сложившуюся программу дополнили ярмарка сувениров и национальная дискотека.

С 2005 г. фестиваль приобрел отчетливую фольклорную направленность. На центральной площадке музейного комплекса «Старый Сургут» действовал «Город мастеров», где работали мастер-классы по традиционным ремеслам – гончарству, плетению, валянию валенок. Фестиваль завершился «Хороводом дружбы» и фейерверком «Цветная радуга».

В 2006 г. организаторы «Соцветия» впервые предложили целостную концепция праздника. «К своему девятому году жизни фестиваль национальных культур “Соцветие”, призванный объединять людей различных национальностей, достиг многого: он вышел на улицы Сургута, обрёл новую площадку, оброс своими традициями и друзьями» [Концепция…, 2011].

Подробно были прописаны задачи фестиваля: «…содействие укреплению атмосферы мира и согласия, содействие расширению сотрудничества национально-культурных объединений города, содействие возрождению национальных культурных традиций, популяризация культурного наследия всех национальностей, проживающих в городе, знакомство горожан и гостей Форума с деятельностью общественных организаций, знакомство участников с историей города и региона, привлечение новых партнеров для решения общегородских социокультурных задач» [Концепция…, 2011].

Фестиваль «Соцветие» 2007 г. включал все элементы предыдущих мероприятий: ярмарки национального хлеба и кухни, сувениров и музыкальных инструментов, мастер-классы традиционных ремесел, выступления творческих коллективов. Расширился состав его участников. Однако проблема, на решение которой была направлена эта масштабная акция, оставалась. Полиэтничное сообщество Сургута с высокой долей мигрантов, выходцев из Средней Азии и Кавказа, отличалось низким уровнем интеграции. Автономность этнических общин и центров, представляющих интересы нескольких десятков диаспор, неоднократно отмечали эксперты и горожане, задействованные в опросах общественного мнения.

Фестивали 2008–2011 гг. проходили по устоявшейся схеме: концерты творческих коллективов, деятельность этнокультурных площадок (в основном для членов диаспор), ярмарки-выставки. При этом каждый праздник

имел основную тему. В 2008 г. фестиваль был посвящен Году семьи (демонстрировались этнические свадебные обряды и обычаи). В 2009 г. концепцию праздника определила 415-летняя история Сургута и Год молодежи. В ходе его проведения особое место занимали акции, подчеркивающие преемственность традиций: выступления этнических семейных коллективов.

В 2010 г. объединяющей темой фестиваля стала смеховая культура народов Сургута, а в 2011 г. – мифология. В фестивале 2011 г. приняли участие 23 национально-культурных объединения, в том числе из других городов ХМАО–Югры и России.

В целом, оценивая историю и современное состояние фестиваля «Соцветие» следует констатировать, что он занял определенное место в социокультурной инфраструктуре современного Сургута. Отвечая актуальной задаче стабилизации локального сообщества, имеющего миграционную, динамичную структуру, он осознается как важный элемент социальной и культурной политики. Фестиваль направлен на популяризацию культур народов, представленных в городе. Единая тема, определяющая его ежегодную программу, подчеркивает общность городского комьюнити, ориентированного на общечеловеческие ценности. Однако опросы сургутян показывают, что говорить о налаживании полноценного межэтнического взаимодействия пока не приходится.

Многими горожанами «Соцветие» воспринимается лишь как формальная акция. Из нескольких сот опрошенных только 1,5 % назвали его праздником. Респонденты подчеркивали замкнутость национально-культурных объединений, предпочитающих работать только для членов своей диаспоры. Безусловно, фестиваль способствует поликультурной компетенции горожан, но развитие диалоговых отношений в полиэтничном сообществе остается перспективой развития Сургута.

Список источников

Ханты-Мансийский АО. 25–26 ноября в Сургуте пройдет фестиваль национальных культур «Соцветие». URL: http://top1.nr2.ru/16_16272.html (дата обращения 29.10.2011).

08.11.2002 состоится фестиваль национальных культур «Соцветие». URL: http://www.admsurgut.ru/archive.php?id=200932&top=100010 (дата обращения 29.10.2011).

Концепция фестиваля национальных культур «Соцветие – 2006». URL: http://www.admsurgut.ru/doc_download.php?id=101828 (дата обращения 29.10.2011).

Г.В. Любимова

НОВЫЕ ФОРМЫ ФЕСТИВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ (ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ «СОЛНЦЕСТОЯНИЕ» В МУРОМЦЕВСКОМ РАЙОНЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Зародившись в городской среде, фестивальное движение, как показывают полевые материалы последних лет, все шире охватывает и сельскую местность. Помимо традиционных районных фестивалей национальных культур (татарской, немецкой, украинской и пр.), появляются новые формы, активную роль в которых играют не только фольклорно-этнографические коллективы, но и разного рода неорелигиозные объединения (преимущественной неоязыческой направленности), а также примыкающие к ним адепты нетрадиционных учений и культов.

Будучи своеобразной формой общественного протеста против насаждаемых сверху официальных стереотипов восприятия русской традиционной культуры, «новая фольклорная волна», как считает Н.И. Жуланова, представляет собой явление, тесно связанное не только с поисками исторических корней, но и с пробуждением национального самосознания. В попытках уйти от сконструированного под давлением тоталитарного государства упрощенного и фальсифицированного образа народного искусства, представленного творчеством народных хоров и ансамблей песни и пляски, участники фольклорного движения, подъем которого пришелся на середину 1980-х гг., ориентировались не столько на сценическую деятельность, сколько на собирательскую работу и непосредственное общение с народными исполнителями. Отличительной чертой фольклорных ансамблей нового направления стало стремление к этнографической точности, «аутентичности» и комплексному освоению народной культуры. «Хорошим тоном» в фольклорной среде считается умение шить традиционную одежду, играть на народных инструментах, а также освоение русских народных игр, боевых искусств, различных видов декоративно-прикладного творчества, традиций народной медицины и кулинарии [Жуланова, 2011].

Особенность современного этапа, по мнению экспертов, заключается в расширении социальной базы движения за счет размыкания его «молодежных» и «городских» рамок. Наряду с появлением разнопоколенных (в т.ч. семейных и фольклорных) групп, в последнее время отмечено повсеместное возникновение сельских ансамблей, близких по духу, целям и способам работы к городским коллективам, ставшим образцом. Новая парадигма фольклорного движения во многом формируется благодаря гуманитарной науке (прежде всего, фольклористике и этнографии), которая не просто от-

кликается на запросы современной действительности, но принимает активное участие в становлении актуальных форм городской и сельской культуры [Жуланова, 2011; Ключникова, 2011].

Вместе с тем, с 1990-х гг. (практически параллельно фольклорному движению) наблюдается активный поиск новой русской идентичности, основанный на принципиально иных способах освоения национальной традиции. Становление русского этнического национализма, по мнению А.П. Митрофанова, явилось своеобразной реакцией определенных кругов российского общества на обвинения в шовинизме и эксплуатации, которые посыпались на русских в постсоветский период. Наиболее радикальные националисты, называющие себя *родноверами*, выступают за полную отмену христианства и замену его истинно русской языческой религией – родной верой. По словам лидеров движения, «пострадавшая» за тысячелетний период христианского господства русская национальная вера нуждается в реконструкции, источником которой объявляется «проснувшаяся память предков-волхвов». Ориентация на национальные традиции сочетается при этом с тяготением к т.н. *ведизму* – особой религиозной идеологии, объединявшей, как считается, древнее арийское население евразийских степей [Митрофанова, 2011, с. 228–229]. Конструирование традиций становится, таким образом, основным способом постижения национальной идентичности, что коренным образом отличает родноверов от представителей фольклорного движения.

Анализ дискуссий, постоянно ведущихся в социальных сетях и на специализированных фольклорных форумах, показывает, что родноверие подвергается серьезной критике, с одной стороны, за «фальшь и несоответствие в реконструируемых обрядах», с другой – за выраженную националистическую риторику. Нередко подобная риторика приписывается всему неоязыческому движению (ср. характерные высказывания о том, что «очевидный посыл к разжиганию антисемитизма присутствует во всем неоязычестве», «неоязычество и нацизм – это две стороны одной медали» и т.п.). Однако националистические суждения относятся, скорее, к наиболее радикальной и политизированной части неоязычества, поэтому распространение их на все уровни неоязыческого сознания представляется неоправданным.

Перечисленные тенденции находят яркое отражение в новых формах фестивальной культуры, которые становятся все более популярными среди городского и сельского населения. Показательным примером в данном отношении может служить фольклорно-этнографический фестиваль «Солнцестояние», в очередной раз проходивший в д. Окунево Муромцевского р-на Омской области в июне 2011 г. Программа фестиваля, продолжавшегося четыре дня, включала многочисленные ярмарки-продажи, «вечерки», мастер-классы, выступления фольклорных коллективов (в т.ч. авангардных – «фолк рок с волынками», «славянский аутентичный фолк» и даже «шоу этнических барабанов»), а также собственно «купальский праздник», который отмечался в ночь с субботы на воскресенье 25–26 «червня». Сценарий

ритуального действа заранее был прописан в «листовках» с изображением «незаменимого элемента купальского праздничного обряда – обрядовой куклы Купавки». Гостям и участникам праздника предлагалось уединиться («Дабы никто не мешал!») с куклой в укромном месте и обратиться «к кукле-проводнику за помощью»: «…перебирая тесемки, выговорите свои обиды и неприятности… Затем сплавьте куклу по воде». После этого, как было обещано, «тесемки, привязанные к ее рукам, заберут с собой (все Ваши) болезни и невзгоды» (ПМА, 2011 г.).

По обеим сторонам «этносцены», где проходили выступления музыкальных групп, располагались постеры. Один из них анонсировал программу праздника, насыщенную славянской языческой символикой, другой – рекламировал выставленные в краеведческом музее р.п. Муромцево «уникальные находки омских археологов», обозначенные как «тайные знаки древних цивилизаций Омского Прииртышья». Благодаря подобной расстановке акцентов, в массовом сознании гостей и участников праздника происходила своеобразная контаминация «славянской языческой древности» и «тайных древних цивилизаций», в результате которой обе культурные доминанты порождали причудливый образ Омского Прииртышья как древней прародины славян.

Следует отметить, что подобное восприятие западносибирской территории подкрепляется новейшей мифологией, которую активно пропагандируют обосновавшиеся в Окунево последователи нетрадиционных религиозных движений и культов. Убежденный сторонник язычества, один из организаторов фестиваля и хозяин «Ладного подворья» – Станислав Репин считает, что «ведическое православие» – это особая национальная вера, существовавшая на Руси «многие сотни тысяч лет» до принятия христианства. Его старший «коллега» по языческому «цеху» – Александр Хиневич, глава Древнерусской Церкви Православных староверов-инглингов (фигурирующий в известных фильмах Сергея Стрижака «Игры Богов» как Патер Дий Александр), утверждает, что древняя прародина славян располагалась на территории, омываемой великими сибирскими реками, к числу которых он относит Иртыш, Тобол, Ишим, Обь, Енисей, Ангару и Лену. Название одной из них (Иртыш) позволяет, по его мнению, соотнести данную территорию (Семиречье) со славянским Ирием-раем («мощным духовным центром народов Белой Расы») [Яшин, 2001, с. 56].

Еще дальше идут сторонники одного из неоиндуистских учений (бабаджиты). Они полагают, что в эпоху «золотого века» в Окунево находился духовный полюс Земли (величественный храм бога Ханумана), и именно там происходили события, описанные в древнеиндийском эпосе «Рамаяна». Подобно расположенному на Южном Урале Аркаиму, территория Муромцевского района объявляется прародиной древних ариев, а само Окунево как «энергетический центр Земли» выдвигается на роль «духовной столицы обновленного человечества» в грядущую эру нового «золотого века» [Шнирельман, 2004, с. 168]. Сакральный статус населенного пункта

поддерживается регулярными религиозными церемониями («ведическими ритуалами»), которые совершают проживающие в деревне последователи учения Бабаджи. Расширение хронологических рамок, относящихся к истории прилегающих к поселению мест, сопровождается также сакрализацией расположенных на территории района природных объектов (прежде всего, пяти озер, давших название известному водочному бренду). Экскурсии на Данилово, Щучье, Шайтан озеро и к другим «местам силы» являются важным источником средств существования для местного населения. Активные меры к развитию сельского («рурального», «этнографического») туризма с посещением мероприятий, подобных Окуневскому фестивалю «Солнцестояние», предпринимаются в последнее время и областной администрацией [Ощепков, Демешко, 2011, с. 196–199].

Список литературы

Жуланова Н.И. Молодежное фольклорное движение // Российский фольклорный союз. – URL: http://www.folklore.ru/article/126-molodegfolk.html (дата обращения 01.10.2011).

Ключникова О.А. О новой парадигме фольклорного движения // Российский фольклорный союз. – URL: http://www.folklore.ru/article/119-folklornoedvigenie.html (дата обращения 01.10.2011).

Митрофанова А.П. Неоязычество и русский национализм: Современное состояние // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы V Межрегион. науч.-практ. конф. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2011. – С. 228–230.

Ощепков А.А., Демешко В.Н. Этнографические предпосылки развития туризма в сельских населенных пунктах Омской области (методологический аспект) // Сибирская деревня: История, современное состояние, перспективы развития. – Омск: Омскбланкиздат, 2010. – Ч. 2. – С. 196–199.

Шнирельман В.А. Интеллектуальные лабиринты: Очерки идеологий в современной России. – М.: Academia, 2004. – 480 с.

Яшин В.Б. «Церковь православных староверов-инглингов» как пример неоязыческого культа // Неоязычество на просторах Евразии. – М.: Библейско-Богословский ин-т, 2001. – С. 56–67.

А.А. Люцидарская

ВДОВЫ СИБИРСКИХ СЛУЖИЛЫХ КАЗАКОВ В XVII ВЕКЕ

В христианском мировоззрении вдовы издавна пользовались почитанием и уважением. Подобных примеров немало в фольклоре, литературе и исторических источниках. Это не могло не сказываться на государственной политике по отношению к овдовевшим женщинам. Начиная со статей «Русской Правды», имущественному положению вдов уделялось большое внимание. При Иване IV из владений умершего мужа вдове давались поместья «на прожиток». Вопросы, связанные с обеспечением вдов, поднимались в Уложении 1649 г. Главным образом это касалось вдов представителей служилого сословия.

С начала освоения Сибири служилые казаки оказались в сложных условиях адаптации. Тем не менее, очень скоро, уже в первые десятилетия XVII в., они начали обзаводиться хозяйством и устраивать свою семейную жизнь. Отстраивались города и остроги, увеличивалось население зауральской территории, росла численность сибирских гарнизонов.

Жизнь служилых людей была сопряжена со многими опасностями. Перманентно возникающие военные конфликты с аборигенным населением неизбежно приводили к потерям в их среде. Эти потери не стоит преувеличивать, но, тем не менее, они случались. Нельзя сбрасывать со счета и неуемный образ жизни казаков – пьянство, драки и т.п. ситуации, нередко имевшие трагический исход. Смертность в среде казачества оборачивалась ростом числа вдов.

В г. Томске к 1705 г. количество вдовьих дворовладений превышало 7 % от общего числа дворов городских жителей. Примерно такое же соотношение сохранялось в уезде (более 6 %). Однако этот показатель весьма условен, поскольку оставшаяся без кормильца женщина могла жить совместно с взрослыми детьми или вторично выйти замуж, наконец, доживать свой век в монастыре.

К концу XVII в. в Сибири насчитывалось более 30 мужских и женских монастырей. В Томске, например, помимо мужского монастыря, существовал и женский Девичий монастырь.

Вторичное замужество вдов можно выявить следующим образом. В некоторых семьях служилых казаков воспитывались пасынки. Конечно, нет абсолютной уверенности, что бобыли-казаки брали в жены исключительно овдовевших жен служилых людей, но и таковых, видимо, в том числе. Так, в

1667 г. в семье пешего казака Н. Постникова рос пасынок – пятнадцатилетний Афанасий Иванов, а в семье пешего же казака П. Васильчина – пасынок Кирилл Кондратьев пятнадцати лет [РГАДА, оп. 5, ед. хр. 154, л. 18, 20 об.]. Перечень подобных примеров можно продолжить.

Источники XVII в. скупо, но освещают вопрос, связанный с функционированием вдовьих хозяйств. Вдовы служилых людей, располагавшие земельными (иногда значительными) угодьями в уезде, успешно справлялись с организацией сельскохозяйственных работ и реализацией излишков производства. Естественно, это было предопределено имущественным положением семьи.

Известно, что вдова конного казака Данилы Антипина – Ирина Ивановна имела замку в деревне Саламатовой, где распахивала 1,5 десятин и заготавливала по 50 копен сена, а значит держала в своем хозяйстве домашний скот. Земля принадлежала ей на паях с родственником, видимо, братом покойного мужа – С. Антипиным. На заимке работал купленный вдовой дворовый работник со своим семейством [РГАДА, кн. 1371, л. 282 об.].

Вдова конного казака Григория Замятнина проживала на своей заимке в деревне Трубачевой. Естественно, она одна не могла справляться с хозяйственными работами. Помогали ей в этом два купленных дворовых *калмака*. Обрабатывалась на заимке под пашню всего 1 десятина и заготавливалось лишь 20 копен сена. Угодья по крепости принадлежали ей совместно с конным казаком Степном Замятниным «с товарищи». Скорее всего, все они были родственниками по умершему мужу [Там же, л. 359].

Приведенные примеры являются наиболее типичными. Существуют и иные свидетельства использования вдовами служилых людей угодий Томского уезда. Так, вдова конного казака Леонтия Воронина владела пашенной заимкой в деревне Ворониной, названной, скорее всего, по имени основателя. Известно, что земля была зачтена покойному мужу вдовы за хлебный оклад. Заимка была обширной: «…от устья речки Кутата 3 версты, в от речки Яи в поле до буерака Яман Узеня 4 версты, а сенные покосы за речкой Яею в лугах». Обрабатывались под пашню 2 десятины, сена заготавливали 150 копен. На заимке у вдовы работали наемные работники. Источник не указывает их имен, что позволяет предположить сезонный наем рабочей силы. Анализируя сведения, можно сделать вывод, что ранее это хозяйство можно было причислить к разряду зажиточных, но со смертью хозяина оно приходило в упадок. Спасти угодья могло бы только второе замужество вдовы, либо наличие дочерей и зятьев, способных вести хозяйство [Там же, л. 328–329].

В деревне Середининой проживала «своим двором» вдова Феврония Иванова. Ее умерший муж числился казачьим сыном и не имел земельного надела. Возможно, он занимался ремеслом, что было привычно для детей казаков, не попавших в состав гарнизона. У вдовы Февронии был купленный дворовый работник – одиннадцатилетний Иван. Судя по возрасту, он более являлся приемный воспитанником, помогавшим по хозяйству. Никаких налогов в казну вдова не платила [Там же, л. 288].

Особняком среди казачьих вдов, обосновавшихся в Томском уезде, стояла Домна Серединина. Семейство Середининых выделялось предпринимательством и было одним из самых зажиточных в Томской округе. Кроме того, оно насчитывало много родственников. Домна Ивановна рано овдовела; ее осиротевшему сыну было всего 9 лет. Она отчаянно оспаривала права сына на отцовское наследство, на которое претендовали братья покойного Терентия Серединина. Видимо, семейство пришло к некому компромиссу, потому что большинством угодий вдова владела на паях с родственниками. Первая ее пашенная заимка располагалась поблизости от реки Томи. На заимке был двор со всеми хозяйственными строениями. Там жили дворовые работники. На этой заимке распахивали 2 десятины и заготовляли 200 копен сена. Другие ее угодья (2×2 версты) были вблизи реки Оби. Эти земли не использовались, «лежали в пусте». На реке Чулыме была еще одна заимка с построенным двором, где обитали работники. Распахивали на этой земле также 2 десятины и заготавливали 100 копен сена. Невдалеке на речке Бирле стояла колесная мельница.

Числились за Домной Ивановной и обширные угодья на речках Кие и Киндерепе. Кроме того, Домна Серединина владела с братьями мужа лугами и покосами, рассчитанными на 700 копен сена. Еще одна колесная мельница была построена Тояновой на речке Князь. Вдове принадлежали еще рыбные угодья и «луговые места». Из источников неясно, смогла ли вдова оспорить притязания деверя на часть собственности, но то, что она защищала свои права перед воеводской администрацией, не вызывает сомнений [Там же, л. 289-290].

Эпизоды, связанные с вдовами, имеющими собственность в уезде, лишний раз показывают, что оставшиеся без кормильца казачьи семьи в большинстве случаев могли самостоятельно продолжать свое существование. Это утверждение справедливо и для «городских» вдов.

В целом, удельный вес вдовьих дворовладений в общей массе был невелик. В Томске, как уже отмечалось выше, в 1705 г. их насчитывалось немногим более 7 %. Надо полагать, подобное соотношение сохранялась и в иных западносибирских городах. Овдовевшие горожанки искали возможность приспособиться к новым для них обстоятельствам. Так, вдова кожевника Ивана Шурока продавала кожи на рынке, занималась сбытом готовой продукции [Люцидарская, 1992, с. 108]. Есть основания полагать, что подобным образом поступали и иные вдовы промышленных людей и ремесленников, разница состояла лишь в масштабах их деятельности.

Вдовы принимали участие в рыночных сделках: продавали и покупали дворы, различную недвижимость, крепостных холопов и всевозможные товары. Эти факты зафиксированы в приходных документах Томска начала XVIII в. [Там же, л. 296об., 328 и др.]).

Прерогативой вдов была выпечка просвир для церковных нужд. За год такой работы вдова получала 1 рубль. Существуют многочисленные записи в расходных книгах: «…просвирке вдове Маланье Яковлевой за работу,

что она печет просвиры к Соборной церкви, за год рубль». Однако, судя по материалам XVII в., подобным делом занимались малообеспеченные вдовы, лишенные поддержки со стороны родственников [Там же, л. 128–133].

Издавна женщины, лишившиеся кормильца, составляли наиболее уязвимую часть населения. На помощь приходила власть и монастыри, предоставлявшие кров и пищу вдовам. Надо заметить, что с самого начала освоения территории к просьбам вдов сибирская администрация относилась достаточно внимательно. Так, уже в 1599 г. вдова служилого человека И. Тыркова, погибшего «при расчистке» дорог, получила разрешение переехать из Верхотурья в Москву при обеспечении ее «подводкой» (транспортировкой). В это же время по челобитной казачьей вдовы Анисьи из Верхотурья она была отправлена в Москву с сыном, также служилым человеком [Верхотурские…, 1982, с. 42, 50].

Таким образом, можно сделать вывод, что лишившиеся кормильца жены служилых людей, как правило, получали поддержку со стороны царской администрации и духовных структур Сибири. Казачьи вдовы, обладавшие хозяйством и имевшие взрослых детей, находили способы оставаться в пределах активного сообщества.

Список литературы и источников

Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1982. – 296 с.

Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. – Новосибирск: Наука, 1992. – 196 с.

РГАДА. – Ф. 214. – Оп. 5. – Ед. хр. 154.

РГАДА. – Ф. 214. – Кн. 1371.

А.Ю. Майничева

КАЗЫМСКИЙ (ЮИЛЬСКИЙ) ОСТРОГ В ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОМ МУЗЕЕ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

Историко-архитектурный музей под открытым небом (ИАМ) создан в 1970-е гг. по замыслу академика А.П. Окладникова как подразделение Института истории, философии и филологии СО АН СССР (ИИФФ). В настоящее время музей вошел в состав Института археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ). Целью его деятельности является сохранение, изучение и популяризация культурно-исторического наследия (памятников истории и культуры) народов Сибири и Дальнего Востока. Две башни Казымского (Юильского) острога, наряду с памятниками федерального значения Спасской церковью из Зашиверска и звонницей, закономерно входят в ядро экспозиции ИАМ как недвижимые объекты культурного наследия регионального значения, что согласуется с новой концепцией музея, разработанной на основе ряда современных нормативных документов и научно-проектной документации.

В 1972 г. под руководством сотрудницы ИИФФ А.А. Люцидарской были проведены натурные архитектурные и дендрохронологические исследования. В состав отряда входили архитекторы Баландин и Крадин, дендрохронолог Комин. Летом 1973 г. северная и южная башня острога были разобраны. Руководство Геологического управления организовало два рейса вертолета МИ-6 по перевозке бревен до поселка газовиков Белый Яр. Благодаря администрации Обь-Иртышского пароходства баржи с ценным историческим грузом были отправлены по Оби до Новосибирска. В течение ряда лет бревна башен обрабатывались консервирующими растворами в специальных ваннах. В 1980-х гг. институт «Роспроектреставрация» (г. Москва) предоставил чертежи для восстановления башен на территории музея (автор проекта – архитектор М.А. Бенсман). Бригадой плотников (А.К. Баранов, Н.Ф. Стрельченко, Н.А. Дроздецкий) под руководством заведующего лабораторией И.В. Асеева и участии архитекторов Н.М. Антоновой, А.Ю. Майничевой и А.Ю. Сидоровой северная и южная башни, а также часть тына были воссозданы на определенной генпланом территории недалеко от Зашиверской церкви.

В настоящее время комплекс Казымского острога входит в зону памятников освоения Сибири русскими XVII–XIX вв. Сам комплекс включает постройки исторически сложившихся типов – церковные сооружения, башни и тын острога, крестьянская усадьба. Они расположены на значитель-

ном удалении друг от друга, но в визуальной связи, формируя на местности своеобразный треугольник. Имеющиеся дорожки обеспечивают подход к сооружениям, создавая новизну восприятия за счет естественной среды.

В течение первых пяти лет существования Казымского острога на территории ИАМ М.А. Бенсман дважды осуществлял авторский надзор и подтвердил, что башни сложены в полном соответствии с проектом реставрации. За прошедшие двадцать лет несколько раз осуществлялся текущий ремонт взвозов обеих башен (при поддержке РГНФ – проекты № 06-01-18079е, 07-01-18087е, 09-01-18085е). Состояние стен и кровли удовлетворительное, замена не требуется, но необходима обработка новоделов консервирующими материалами и обеспечение огне- и биозащиты. Все это выполняется в рамках проекта РГНФ № 09-01-18085е.

Бревенчатые конструкции башен не являются однородными. Наряду с оригинальными бревнами, сохранившимися со времени первоначальной постройки, для целей реконструкции в срубы введены части новых бревен – «протезы». Оригинальные бревна полностью обработаны после разборки зданий фенолфенолятами, согласно рекомендованной в тот период методике (19701980-е гг.). Их сохранность и устойчивость к огне- и биоугрозе превышают показатели новых конструкций. После необходимых согласований с учреждениями по охране историко-культурного наследия для обеспечения сохранности новых конструкций башен острога (включая антисептирование и повышение атмосферостойкости) выработан комплекс мероприятий, включающий механическую очистку, обработку составами по огне- и биозащите древесины серии «Оберег», которые гарантируют сохранность деревянных конструкций в течение 10–15 лет. В настоящее время все новые конструктивные детали башен острога обработаны без нарушения их цветовой характеристики. Кроме того, для дезинфекции и укрепления древесины рекомендованы природные смолы (канифоль, даммару, шеллак, мастикс на органических растворителях), антисептики «Пентабос», «Древотокс», «Супромит, «Супрозоль» и «Ксиламон», 3–5 % растворы тимола на спирте, 1–2 % спиртовые растворы катамина АБ, растворы n-дихлорбензола.

Постройки Казымского (Юильского) острога являются прекрасным образцом русской оборонной архитектуры периода первоначального освоения сибирских территорий. В них прослеживаются приемы, характерные для русского оборонного зодчества XVI–XVIII вв.: двухэтажные башни с четырехскатными кровлями, обламом и бойницами, а также тыновое ограждение. Тыновое ограждение воссоздано в новом материале по найденным образцам. Восстановленные башни имеют часть оригинальных конструктивных элементов и могут служить предметом архитектурных и дендрохронологических исследований, не потерявшим научной и историко-культурной ценности. Например, в 2007–2008 гг. проводились работы по дендрохронологическому анализу оригинальных бревен башен (В.С. Мыглан, И.Ю. Слюсаренко), которые позволили уточнить даты существования острога. Таким образом, идея, заложенная в создание музея под открытым

небом как одного из действенных способов сохранения объектов культурного наследия, получила свое реальное воплощение.

Современное и дальнейшее существование Казымского острога в первую очередь связано с основными принципами экспозиции памятников на территории ИАМ в соответствии с современными тенденциями развития музеев под открытым небом и нормативными документами. Эти тенденции следующие: 1) территориально-тематический подход к формированию архитектурных комплексов; 2) сохранение экспонируемых объектов, их реставрация и эксплуатация без существенных изменений формы конструкций и облика сооружения; 3) воссоздание элементов природной среды, свойственной местам первоначального расположения объектов культурного наследия; 4) обеспечение доступности объектов; 5) создание визуальных акцентов, подчеркивающих архитектурный облик; 6) использование средств ландшафтного дизайна для воссоздания утраченных элементов архитектурных комплексов; 7) сочетание элементов естественного природного окружения с современными средствами благоустройства.

Поскольку вся территория музея относится к категории особо охраняемых территорий и объектов, а комплекс Казымского острога расположен в зоне регулируемой застройки, возможно его дальнейшее развитие. В Постановлении от 11.08.2008 № 236-па Администрации Новосибирской области определен общий режим использования земель, комплексное сохранение объекта культурного наследия; обеспечение пожарной безопасности и защита от динамических воздействий, обеспечение благоприятного зрительского восприятия и оптимального гидрологического режима для данного объекта культурного наследия. Градостроительный регламент включает научно-исследовательские, проектно-изыскательные, ремонтно-строительные и реставрационные работы, дорожные и другие виды землеустроительных работ, благоустройство территории и установку рекламы. Все это осуществляется по согласованию с соответствующим органом охраны объектов культурного наследия. Существует запрет на строительные и ремонтные работы, опасные для физической сохранности объектов культурного наследия и объектов, обладающих признаками такового.

Согласно проекту реконструкции, в башнях необходимо устройство лаза на второй этаж, а также ворот оригинальной конструкции – безгвоздевой «на пятах», без металлических деталей. Создание целостного образа крепости требует завершения тынового ограждения. Для воссоздания культурно-исторической среды будет уместна реконструкция полуземлянки и чума – жилищ хантыйского населения Казыма, а также хозяйственных построек – лабазов. Неподалеку от крепости, в леске, выполнена реконструкция культовых амбарчиков манси, что дает представление о религиозной сфере аборигенов Казыма. Все это показывает большой экспозиционный потенциал комплекса Казымского острога. Он может стать композиционным центром для экспозиций и выставок по этнографии народов севера Западной Сибири – хантов, манси, ненцев и др., а также по культуре русских

XVI–XVIII вв., по тематике военного дела, утвари, предметов быта населения острогов и городов. Так, в фондах музея есть коллекция каменных и чугунных ядер, чернильница, нательные кресты, привезенные с раскопок Албазинского острога.

Уже сейчас комплекс Казымского острога привлекает внимание не только туристов, но и музейных работников, историков архитектуры, археологов, этнографов. История развития острога стала предметом исследования нескольких статей и монографии [Майничева и др., 2008; Курилов, Майничева, 1996, 2001, 2003]. В настоящее время в Новосибирске и области функционируют разнообразные музеи, историко-культурные и национальные организации. Однако равного ИАМ по наличию уникальных экспонатов, в т.ч. комплексу Казымского острога, нет. Именно поэтому ИАМ может стать центром культурного развития и образовательной деятельности.

Список литературы

Курилов В., Майничева А. Крепость и храм // Наука в Сибири. – 1996. – № 17–18.

Курилов В.Н., Майничева А.Ю. Первые русские остроги в Сибири: Особенности построения пространства // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Зап.-Сиб. археол.-этнограф. конф. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 45–47.

Курилов В.Н., Майничева А.Ю. Крепость и храм: Тенденции движения русской культуры в архитектурном творчестве. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 96 с.

Майничева А.Ю., Мыглан В.С., Курилов В.Н., Абдулина Ю.А. О перемещении памятников деревянного зодчества (на примере башен Казымского острога) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы межунар. науч. конф. – Барнаул: Изд-во БГПИ, 2008. – Вып. 7. – С. 185–186.

О.В. Мальцева

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ НА НИЖНЕМ АМУРЕ В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)*

Одна из задач полевых исследований 2011 г., проводимых в Хабаровском и Нанайском районах Хабаровского края, заключалась в реконструкции этносоциальных процессов в среде нанайцев. Материалы воспоминаний и личных историй старшего поколения жителей моноэтничных сел Сикачи-Алян, Дада, Найхин (Даерга), Джари, а также селений со смешанным составом – Синда, Лидога и Троицкое, позволили воссоздать картину середины XX в.

Следует отметить, что большинство из указанных сел размещаются вдоль основного русла Амура – главной водной магистрали, в прошлом игравшей особую роль в сближении крупных нанайских родов Донкан, Оненко, Актанко, Бельды, Пассар, Киле (род с тунгусскими корнями).

Села Сикачи-Алян, Дада, Найхин (Даерга) являются своеобразными родовыми гнездами амурских нанайцев. Сеть речных островов, протоки и озера, прилегающие к ним, до середины XX в. были включены в родовые промысловые территории.

В современных нанайских селениях неуклонно сокращается численность старшего поколения, передающего традиционные знания молодым. На каждое село в среднем приходится 8–10 человек 70–80-летнего возраста. Из них мужчин, способных поведать историю своей жизни, в каждом селе насчитывается не более трех. Со слов информатора М.З. Бельды (1930 г.р.) из с. Джари, это связано с ранней смертью мужчин из-за тяжелых условий труда и жизни в 1940–1950-х гг.

Дети 13–14 лет считались взрослыми. Все, кто работал с 12 лет, до 40–45 лет не дожили. Рыбачили в ледяной воде, были всякие простуды, ревматизмы. А кто взрослый, крепкий, все отцы, деды погибли на фронте, он – хозяин, глава семьи, пьет и пьет. До пенсии мало кто дожил (ПМА, 2011 г.).

На момент опроса самому старому информатору было 86 лет, а самому «молодому» из старшей возрастной группы – 65 лет. Критерием выделения группы старшего поколения из общего списка интервьюируемых послужило знание родного языка, традиционного быта и культуры, полученное в процессе семейного воспитания. Характерной особенностью опрашиваемых является нанайско-русское двуязычие. При опросе выявлено сокра-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 11-01-18034е).

щение запаса традиционных терминов, характеризующих: окружающий ландшафт, растительность, части при разделке рыбы, детали лодки и т.д. Обиходные глаголы (к примеру, «шел», «был», «стал») заменяются русскими эквивалентами. По мнению информаторов, язык исчезает из практики общения с ростом русскоязычного окружения. В домашней обстановке дети на 50 % еще знают нанайские слова и выражения, а внуки зачастую уже не владеют языком. Со слов М.Г. Кимонко (с. Дада, 80 лет), в 1980-е гг. в автобусе можно было услышать нанайскую речь, а спустя 30 лет – *заходишь в автобус и слышишь только русскую речь.*

Многие представители старшего поколения сходятся в оценке прошлого, приведшего к настоящей языковой ситуации. У рожденных в конце 1920–1930-х гг. молодость пришлась на военное и послевоенное время. Период с 1920 по 1940-е гг. – переломный этап не только в отечественной истории, но и в судьбах коренного населения Приамурья. Утверждение советской власти на Дальнем Востоке с масштабными мероприятиями коллективизации, промышленного строительства, укрупнения сел сопровождалось разрушением местного традиционного быта и системы воспитания.

В беседе с представителями старшего поколения появилась возможность взглянуть на исторические процессы, обусловившие изменения социальной и культурной жизни, через призму их личностного восприятия. Базой послужили воспоминания детства, семейные легенды, рассказы родителей. У многих годы детства и юности прошли в селениях и стойбищах, расположенных вблизи современных населенных пунктов. Раньше село Сикачи-Алян состояло из трех селений – Сикачи, Алян и Гасян. Напротив сел Найхин, Синда, Дада и Лидога существовали селения Дондон, Торгон, Муха, Курун и Ламами. До 1930-х гг. нанайские семьи жили в основном в стойбищах, располагавшихся на островах, закрепленных за определенными родами. С наступлением заморозков семьи перебирались на берег, в зимние глинобитные жилища. Однако многие продолжали жить на островах в землянках. По рассказу Р.А. Бельды (с. Найхин, 1946 г.р.), у людей существовал суеверный страх перед «большим берегом», *сильно заросшим, с многочисленными ходами в виде просек, «оставленных Драконом».*

Плановое переселение на амурский берег началось с административных реформ, проводимых в рамках коллективизации. Михаил Зарасович Бельды (с. Джари) помнит, как начиналось колхозное движение.

Когда колхозы начали организовываться в 1936–1937 гг., со всех сел людей возили. Зимой все вместе живут. Весной, летом все уходят на левый берег, на островах живут. Имеют там свои огороды. Осенью все вместе собираются на кетовую рыбалку… Их всех собрали в колхоз на Джари. Со всех сел людей возили, возили. У деда были лошади – 8 штук, он раздал всем сыновьям. Возили дрова, рыбу, на рыбалку ездили. Из круглого леса дом делают, в нем надо 2–3 года пожить, потом переезжают на Джари… Колхоз организовали, провели собрание. У кого-то коровы были, ферму организовали. Открыли школу, магазины. Нанайцам это понравилось.

Большую роль в коллективизации Нижнего Приамурья сыграли спецпереселенцы, с которыми с 1930-х гг. вступали в контакт аборигены. Они располагались небольшими поселениями на островах, в таежных дебрях, на значительном расстоянии от русла Амура. Некоторые семьи, перебравшись в селения на Амуре, стояли у основания организации поселковых советов, рыббаз и других форм административного управления.

По рассказам пожилых людей, первоначально села Синда, Троицкое, Найхин и Курун состояли из отдельных жилых участков, разделенных лесными полосами. В с. Синда, на значительном расстоянии от поселения нанайцев, находилось поселение выходцев из Белоруссии. Троицкое включало три населенных пункта – с. Джари (*Дяриктa* – нанайск. «ягоды боярышника») с расположенными по береговой кромке нанайскими домами, само Троицкое (первоначальное название *Доли* – «половинка»), ставшее административным центром, район Городок с русскими поселенцами. В послевоенное время, с исчезновением «лесных» границ, зоны поселения нанайцев и русских слились.

В 1930–1950-х гг. интенсивно шел процесс культурной, социальной и трудовой интеграции амурских нанайцев с русскими. В береговых селениях строительство рыббаз, цехов по засолке и консервации рыбы сопровождалось строительством магазинов и медпунктов, что вызвало большую волну переселений из стойбищ. Возводились новые дома для рыбаков.

Нанайцы переселялись в поселки большими семьями, с пожилыми людьми. Привязанность к традиционному быту еще какое-то время сохранялось на новом месте. Об этом свидетельствует характеристика построек того времени.

С.С. Бельды (с. Найхин, 1933 г.р.), Р.А. Бельды (с. Найхин, 1946 г.р.) рассказали, что их дедушки с бабушкой не могли привыкнуть к бревенчатым домам. На новом месте возводили дома смешанной конструкции, состоящие из деревянной половины, где жила молодая семья, и глинобитной половины для стариков. В деревянной части находилась печка, а в глинобитной (чаще всего это была пристройка) – кановая система отопления (по периметру дома от центрального очага протягивался дымоход, обогревающий расположенные над ним нары). Встречались также бревенчатые дома с *канами*.

После войны глиняный пол с протянутым под ним дымоходом в жилищах заменили холодным подполом, где хранили картофель и другую огородную продукцию. В те годы сами нанайцы, как уверяет Р.А. Бельды, к занятию огородничеством относились сдержанно. Раньше для возделывания огородных культур обычно приглашали китайцев. Дед Р.А. Бельды был единственным нанайцем в с. Дада, выращивавшим картофель, бахчевые и сливы. Сельчане над ним посмеивались. Но русское окружение повышало престиж земледелия.

На первом этапе колхозного строительства между русскими поселенцами и аборигенами возникали своеобразные формы взаимопомощи и об-

мена, базирующиеся на натуральном хозяйстве. А.К. Бельды (с. Даерга, 1941 г.р.) считает, что русские внесли большой вклад в ознакомлении нанайцев с новыми видами деятельности и продуктами.

Раньше коров не держали. Приехала семья русских. Владимир Семенович Щука был председателем от бога. Его мама, старая женщина, учила наших женщин как коров доить. Как сажать огурцы, овощи.

М.Г. Кимонко (с. Дада) вспоминает, что в Гасях жили ссыльные русские.

Отношения с ними были дружественными. Они держали коров. Они нам молока, а мы им – рыбу, ягоды.

Безвозмездная помощь ссыльным русским оказывалась нанайцами и в рамках колхозного обеспечения. В.Ч. Гейкер (с. Лидога, 86 лет) рассказал, как жили на Куруне русские и нанайцы.

Разницы не было: что русские, что нанайцы. Жили дружно. На рыбалке распоряжались деды. Рыбу наловим и по мешкам ее раскладываем. В лодке везем в эти самые семьи (русским). Они знают и выходят из дома, нас встречают. Им отдаем рыбу в мешках.

Обучение нанайцев русскому языку в школах являлось главным пунктом строительства социализма на селе. Система обязательного обучения распространялась как на взрослую, так и детскую аудиторию.

Все учились – дети и взрослые, мужчины и женщины (М.З. Бельды, с. Джари).

Как правило, в начальных классах ознакомление с предметами велось на нанайском языке, а с 5 класса переходили на русский. Был большой отсев учащихся, неготовых понять новую речь. Некоторым приходилось сидеть по 2–4 года в одном классе. Преподавание в школе не довлело над семейным воспитанием. После уроков дети возвращались в привычную атмосферу Одновременно существовали школы-интернаты, где дети вынуждены были находиться, когда родители длительно отсутствовали на промысле. Отлучение от дома приводило к потере знания родного языка как средства общения.

В рамках новой идеологии ставка делалась на успешных людей, которые своим личным примером воплощали идеал строителя социализма. К примеру, в нанайской среде председатели первых объединенных колхозов демонстративным отказом от ношения традиционной одежды (с заменой ее на рубашку и брюки) воплощали новые нормы жизни. Развернувшееся строительство сельских клубов, школ, магазинов, больниц, почтамтов и библиотек; проведение субботников и воскресников, участие в художественной самодеятельности способствовали сближению русских и нанайцев в статусе граждан социалистического государства. Этносоциальные процессы середины XX в. предопределили современную ситуацию среди нанайцев Нижнего Амура.

М.В. Москвина, Е.Ю. Павлова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ ХАКАСИИ В XIX–XXI ВЕКАХ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В течение столетий тюркоязычные народы Южной Сибири накопили огромный опыт художественного ремесла, воплощавшего устойчивые эстетические каноны и имевшего мифо-ритуальное содержание. Традиционно тюркам Саяно-Алтая были известны такие виды ремесел, как изготовление одежды, упряжи, посуды. Высокого уровня среди кочевников достигала обработка кожи, производство конского снаряжения (тисненых чепраков, тебенеков и переметных сум), а также изготовление орнаментированных фляг [Вайнштейн, 1972, с. 276].

Особое положение в культуре тюрков конца XIX – начала XX в. занимал кузнечный промысел. Из него повсеместно на юге Сибири (в т.ч. у хакасов) рано выделилось ювелирное ремесло – производство женских украшений, поясных пряжек, игольников и т.д. [Потапов, 1953, с. 236, 244].

В комплекс хакасских женских украшений входили накосные *поос*, височные подвески, серьги *ызырга*, а также кольца *пурба*, перстни *чустук*, браслеты *кумус пилектос* [Бутанаев, 1998, с. 127]. Нагрудным украшением замужней женщины было *пого*. С распространением христианства в XIX в. комплекс украшений дополнили массивные кресты *падырбас* на широких цепочках.

На рубеже XIX–XX вв. развитие художественных промыслов Сибири стало предметом забот административных и общественных структур. В начале XX в. активно обсуждались перспективы организации мелкой кустарной промышленности, в т.ч. художественных ремесел в Хакасии.

В 1931 г. Сибирский союз промышленных кооператоров командировал в Хакасию новосибирскую художницу, ученицу В.А. Фаворского – Н.Н. Нагорскую, чтобы организовать производства традиционных художественных изделий [Октябрьская и др., 2008]. Экспедиции Н.Н. Нагорской в Хакасию летом 1928 и 1930 гг., а также в Горный Алтай летом 1930 г. были включены в региональную программу по возрождению и развитию местных кустарных промыслов [Лисиенко, 2008]. Создание артели «Улуч Быт», работавшей под руководством Н.Н. Нагорской в г. Абакане в 1931–1932 гг., стало частью кооперативного движения в крае. К сожалению, артель не получала регулярной государственной поддержки и в 1932 г. прекратила свое существование.

Лишь спустя несколько десятилетий эксперимент был повторен. В 1960-е гг. в Абакане открыли сувенирный цех для изготовления предме-

тов, отражающих своеобразие Хакасии, колорит культуры ее коренного населения [Барабаш, 2003, с. 81]. В 1970-е гг. работа с мастерами и подготовка выставок декоративно-прикладного искусства в Хакасии были переданы в ведение Областного дома народного творчества г. Абакана. В 1973 г. при хакасском областном отделе культуры был создан совет по прикладному искусству [Чебодаева, 2004, с. 12]. На предприятиях местной промышленности начали изготавливать сувениры с этнической спецификой. В 1983 г. в аналитическом отчете ОДНТ Хакасии «О состоянии и дальнейшем развитии хакасского декоративно-прикладного творчества» были подведены итоги 10-летней работы и обозначены наиболее значительные результаты.

Перспективы народных промыслов в Хакасии связывались с дальнейшим выявлением мастеров, гибкой организацией их труда и эффективным сбытом продукции, а также с пропагандой творчества и формированием многоуровневой системы обучения специалистов в области народного декоративно-прикладного искусства [ЦГАРХ, с. 70–72].

В 1990-е гг., с началом преобразований постсоветского периода, одним из инициаторов возрождения национальных традиций стало Хакасское отделение Российского фонда культуры. В рамках работы фонда была разработана программа «Сохранения, развития и возрождения хакасских традиционных художественных промыслов и ремесел». Программа включала следующие задачи: ускорение процесса восстановления исчезнувших и развитие современных художественных промыслов; усиление их роли в социально-экономической и культурной жизни; создание системы подготовки мастеров прикладного художественного творчества [ОДНИ ГАРХ, с. 36].

В настоящее время деятельность по сохранению и развитию национальных культур Хакасии сосредоточена в Республиканском центре культуры и народного творчества им. С.П. Кадышева (РЦКНТ, г. Абакан), имеющим в структуре отдел декоративно-прикладного и изобразительного искусства. Сотрудники отдела ведут работу по проведению выставок, конкурсов, оказанию методической помощи и созданию банка данных о мастерах и видах декоративно-прикладного искусства по районам республики.

Однако в современном сообществе, уже утратившем связь с традиционной культурой в ее целостности, средством и формой популяризации традиций становятся сувениры (ПМА, 2008. г., материалы творческого союза «Теплые краски»). Большой ассортимент амулетов и оберегов, демонстрирующий популярность пантеистических представлений, является типичным явлением современного этнокультурного и художественного пространства Хакасии и других регионов Южной Сибири. Мастера создают современные версии *тёсей* – духов-хранителей дома, чтобы те помогали человеку в жизни.

В последние годы все более высокий статус приобретает хакасский национальный костюм. Причем, из атрибута преимущественно праздничных практик, он превращается в элемент повседневной жизни. В Республике Хакасия официально признан высокий авторитет мастериц, хранящих сек-

реты изготовления национальных костюмов. Но и в этой сфере происходят существенные изменения: стираются различия девичьего и женского костюма; нивелируются субэтнические различия и возникают общеэтнические формы.

Среди комплекса хакасских украшений в современном прикладном искусстве Хакасии продолжает доминировать нагрудник *пого*, получивший широкие интерпретации в культуре. На хакасских свадьбах им одаривают молодоженов как семейным оберегом. Пого является также национальным символом и служит значимым дополнением к праздничному национальному костюму (не только женскому, но и мужскому). По итогам анкетирования учащихся и студентов ХакГУ им. Н.Ф. Катанова и Национальной гимназии, сделаны следующие выводы: традиционное женское нагрудное украшение *пого* является значимыми для самоидентификации молодых хакасов элементом традиционной культуры. В рамках современных символьных практик данная вещь (изображение которой есть на гербе республики) приобрела особый семиотический статус [Самушкина, 2009, с. 169].

Среди остальных украшений у жителей Хакасии популярны перстни и серьги с коралловыми инкрустациями. К настоящему времени в республике сложилась своеобразная школа ювелиров. Мастера стараются, сохраняя традиционные формы и орнаменты, создавать изделия понятные и удобные в применении современному человеку. При этом в их творчестве заметно стремление ориентироваться на эстетику традиционных украшений (ПМА, 2008 г., интервью с мастером-ювелиром М.Л. Вальковым). Однако стилизация является особенностью современного ювелирного производства и декоративно-прикладного искусства Хакасии. Знаковые и дифференцирующие функции украшений постепенно стираются.

Эклектика, переплетение новаций и традиций, вариативность художественных практик в условиях отсутствия оформившейся системы промыслов как единой организационной или производственной структуры определяют современные тенденции в развитии декоративно-прикладного искусства Хакасии.

Список литературы и источников

Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. – М.: Наука, 1972. – 314 с.

Барабаш В.П. Развитие самодеятельного искусства в Красноярском крае в 1966–1985 гг.: Автореф. дис… канд. ист. наук. – Абакан, 2003. – 27 с.

Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов. – Абакан: Изд-во ХакГУ, 1998. – 352 с.

Лисиенко Т.И. Экспедиции Н.Н. Нагорской на Алтай в 1926, 1927, 1930 гг. // Этнографические материалы Н.Н. Нагорской в коллекциях Новосибирского государственного краеведческого музея: Каталог. – Новосибирск, 2008. – С. 5–9.

ОДНИ ГАРХ. – Ф. 920. – Оп. 1. – Д. 3.

Октябрьская И.В., Павлова Е.Ю., Шаповалов А.В. Нагорская Н.Н. в истории изучения и возрождения народных художественных промыслов // Этнографические материалы Н.Н. Нагорской в коллекциях Новосибирского государственного краеведческого музея: Каталог. – Новосибирск, 2008. – С. 10–25.

Потапов Л.П. Народы Южной Сибири. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1953. – 296 с.

Самушкина Е.В. Символические и социо-нормативные аспекты современного этнополитического движения республик Алтай, Тыва, Хакасия. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 274 с.

Чебодаева М.П. Становление и развитие изобразительного искусства в Хакасии (1920–2000-е годы): Автореф. дис… канд. искусствоведения. – СПб: Б.и., 2004. – 21 с.

ЦГАРХ. – Ф. 168. – Д. 142. – Оп. 1.

В.В. Николаев

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И ФОРМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

На начало 1990-х годов приходится активизация в России этнонациональных процессов, затронувших и коренное население предгорий Северного Алтая. Это было вызвано изменениями в административно-территориальном устройстве ряда региона (в т.ч. образование в 1991 г. Горно-Алтайской ССР, а в 1993 г. – Республики Алтай).

Показателем роста самосознания является интерес к этнонимике. Современные уровни идентичности представляют собой сложное переплетение архаичных и инкорпорированных этнонимов. Низовой уровень – *патронимический* – практически полностью нивелирован. Наименования родов *сеоков* хоть и сохраняются в этнической памяти, но неактуальны для современного аборигенного населения предгорий Северного Алтая. В результате двухвековой русификации *сеоки* не несут никакой функциональной нагрузки и сохраняют только символическое значение, оставаясь в памяти старшего поколения.

Наиболее актуален на сегодняшний день для коренного населения предгорий Северного Алтая уровень самоназвания: «кумандинцы», «тубалары», «челканцы». Причина распространения данных этнонимов в 1990–2000-е гг. кроется не только в росте национального самосознания, но и в административных мерах, выразившихся в принятии «Официального единого перечня коренных малочисленных народов России» и предоставлении государственных дотаций. Вытесненные на второй план этнонимы «алтаец» и «татарин» продолжают бытовать в их среде. При этом этноним «татарин» в настоящее время приобретает ярко выраженный негативный характер. Этноним «алтаец» сохраняет свою устойчивость среди старшего поколения автохтонного населения Республики Алтай (ПМА, 2008 г.).

Формы самоопределения коренного населения предгорий Северного Алтая корректируют под воздействием внешних факторов в контексте этносоциальных и этнополитических процессов в Республике Алтай. Вслед за обретением независимости развернулось движение национального возрождения, частью которого стал дискурс о единстве алтайского этноса. Произошло возрождение *зайсаната* и архаичных форм самоорганизации на уровне родов *сеоков* и *совета старшин сеоков*. Алтайская элита настаивала на единстве алтайского этноса. В академическом и общественно-публицистическом дискурсе сохранялась тема противопоставления Севера и Юга.

По мнению одного из ведущих этнографов Алтая Н.А. Тадиной [2006], можно говорить о внутреннем делении алтайского этноса по степени влияния русского фактора. Она выделяет два этностереотипа – «алтай-кижи» (южные алтайцы) и «туба» (северные алтайцы). Первый стереотип обозначает «истинных, настоящих» алтайцев – «су-алтай», «не подвергшихся русскому влиянию и живущих на территории распространения бурханизма» [Тадина, 2006]. Второй стереотип «туба», по мнению Н.А. Тадиной [2006], охватывает тех, кто подвергся «ассимиляции в той или иной степени», «неправильных алтайцев, т.е. маргиналов». Исследовательница отмечает, что для «туба» характерна трансформация общества и быта, утрата родового управления и этнического самосознания.

Актуализация межэтнического противостояния определяет современную ситуацию в Республике Алтай. Противопоставление «мы – они» на уровне алтайской общности является важным фактором самоопределения коренного населения предгорий Северного Алтая.

В настоящее время для кумандинцев, тубаларов и челканцев характерны административные и общественные формы самоорганизации [Тадина, 2009]. В 1992 г. создана «Ассоциация северных алтайцев», в 1993 г. – «Общество возрождения кумандинского народа», в 1997 г. – региональная группа «Кумания» во главе с А. Пелековым, а также общественно-политическое объединение коренных малочисленных народов Республики Алтай и др. [Нечипоренко, Октябрьская, 2003; Кумандинцы…, 2007]. В д. Шатобал была организована Кумандинская национальная сельская администрация. В конце 1990-х гг. появляются самостоятельные организации тубаларов и челканцев – «Союз общин коренных народов Турачакского района Республики Алтай», «Возрождение тубаларского народа», общины тубаларов Чойского и челканцев Турачакского районов и т.д. Процесс образования и структурирования общественных организаций продолжается до сих пор. В настоящее время в с. Красногорское Красногорского р-на Алтайского края предполагается учредить самостоятельное кумандинское общество (ПМА, 2010 г.).

Таким образом, у кумандинцев сложились три основных центра возрождения: г. Бийск (пос. Нагорный), с. Красногорское и Кумандинская национальная сельская администрация в Солтонском р-не Алтайского края. Среди тубаларов и челканцев значительную роль играют республиканские организации, от которых зависят районные общины.

Наиболее активны в процессе общественно-политического строительства кумандинцы. Несмотря на отмеченное разнообразие этнонациональных объединений, для них характерна общность программных задач: «Возврат к ценностям и нормам традиционной культуры, сохранение языка коренного тюркоязычного населения региона, отстаивание его интересов в экономической сфере, приоритет коренного населения в решении экологических проблем» [Самушкина, 2009].

При всем своеобразии современных этнических процессов в среде североалтайских этносов, наблюдается заимствование ими основных методов

самоутверждения у южных алтайцев. И на Севере, и на Юге особое значение придается возрождению традиций проведения праздников (Јилгаяк и др.) или их конструирование на квазиэтнической основе («Шолак-колак» – «Журчание и гудение рек во время Великого Потопа) [Богатырь, 2007; Официальный…, 2010]. По аналогии с Эл-Ойыном, кумандинцы проводят в разных районах (с. Егона Красногорского р-на Алтайского края – в 2001 и 2003 гг., с. Шатобал Солтонского р-на Алтайского края – в 2002 г., с. Шунорак Турачакского р-на Республики Алтайв – в 2007 г. и др.) ежегодный фестиваль «Байрам», приуроченный к всемирному дню коренных малочисленных народов, а тубалары и челканцы – один раз в два года «Тюрюк Байрам» («Праздник кедра») (ПМА, 2010 г.).

Одной из форм этнического самоопределения является конструирование этнической истории. В частности, можно отметить работу Л.М. Тукмачева-Соболекова [2001], где изложена легенда о прибытии на Алтай кумандинцев во времена Всемирного потопа. В схожем ключе, но с опорой на научную гипотезу о генетической связи современных южносибирских этносов и динлинов, изложена этническая история кумандинцев в рукописи М.В. Кастаракова «Белые кони духов» [Происхождение…, 2010]. Поиском ответа на вопрос «Кто мы – тубалары?» пронизана книга В.Г. Кушнаренко-Суртаевой [2000], в которой этнографические сведения переплетены с квазинаучными.

При изучении современных социокультурных практик коренного населения Алтая Е.В. Самушкина отметила, что «обращение к архаике в реинтерпретации этногенеза современных алтайцев отражает стремление этнической элиты подчеркнуть преемственность в развитии современного этнополитического сообщества Республики Алтай с кочевыми сообществами средневековья» [2009]. «Конструируя» прошлое, североалтайская элита преследует аналогичные цели, выводя кумандинцев из среды динлинов (М.В. Кастараков) или провозглашая, что «тубалары – родичи почти всему миру» [Кушнаренко-Суртаева, 2000].

Таким образом, к началу XXI в. произошла существенная трансформация самосознания автохтонного населения предгорий Северного Алтая. Актуализация этнического самосознания в 1990-е гг. и официальное признание статуса коренных малочисленных народов Сибири за кумандинцами, тубаларами и челканцами в 2000 г. обострило проблему межэтнических отношений в рассматриваемом регионе. Консолидация северных и южных алтайцев в рамках алтайской государственности остается доминирующей тенденцией этносоциального развития региона. Однако элементы конфронтации по языковому, религиозному и проч. признакам остаются актуальными, задавая параметры самоопределения.

Основной детерминантой динамики самосознания выступает государство, а также этнокультурные контакты с иноэтничным окружением. В условиях нивелирования архаичной традиционной основы самоидентификации североалтайские этносы избрали путь административного возрождения

своей культуры и этничности. Создаваемые в настоящее время общественные организации и этнонациональные общины, в будущем могут заменить в функциональном отношении утраченные социальные институты и стать основой возрождения этносов предгорий Северного Алтая.

Список литературы и источников

Богатырь А. Jилгаяк – праздник весеннего равноденствия // Истоки. – 2007. – № 12. – С. 3.

Кумандинцы: В таежном углу степного края // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://geo.1september.ru/2007/09/11.htm (22.05.2010).

Кушнаренко-Суртаева В.Г. Тубалары: Сборник. – Горно-Алтайск, 2000. – 64 с.

Нечипоренко О.В., Октябрьская И.В. Современные этнополитические процессы в Республике Алтай: Элита и электорат // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 2003. – Вып. 5. – С. 242–243.

Официальный сайт органов власти Алтайского края // Обряд «Шолак-колак» провели накануне представители общины кумандинцев в Бийске. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.altairegion22.ru/ rus/region_news (22.05.2010).

Происхождение кумандинцев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bigpi.biysk.ru/altay/viewpage.php (22.05.2010).

Самушкина Е.В. Символические и соционормативные аспекты современного этнополитического движения республик Алтай, Тыва, Хакасия (конец XX – начало XXI в.). – Новосибирск, 2009. – С. 47.

Тадина Н.А. О русском факторе этнических процессов у алтайцев // Алтай – Россия через века в будущее. – Горно-Алтайск, 2006. – Т. II. – С. 152–154.

Тадина Н.А. Возрождение зайсаната в Республике Алтай: Взгляд сквозь собственную этническую идентичность // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 3. – С. 79.

Тукмачев-Соболеков Л.М. У истоков древнего Алтая. – Бийск, 2001. – 195 с.

И.В.Октябрьская, З.К. Сураганова

ПОМИНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КАЗАХОВ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Поминальная практика остается одной из самых устойчивых традиций в культуре современных казахов. При наличии локальных вариантов, она отличается высокой степенью однородности. В ее структуре выделяются поминовения на семидневье – *жетісі*, сорокадневье – *қырқы*, стодневье – *жүзі*, годовщину – *жылы*. За подобной практикой стоят представления о том, что душа покойника возвращается домой на седьмой и сороковой день, на годовщину, через три года, через 10 лет и, наконец, в последний раз – через 30 лет [Фиельструп, 2002, с. 136].

В городах современного Казахстана поминовение умерших принимает форму масштабных ритуальных застолий, которые приурочиваются к круглым датам – 15-летию, 20-летию, 30-летию, 40-летию со дня смерти. При опросе информаторов по поводу целесообразности таких мероприятий, растянутых во времени, они ссылаются на взаимосвязь живых и мертвых. Это иллюстрируют казахские пословицы: «Если не будут удовлетворены (жертвоприношениями) духи предков, живые не разбогатеют», «Пока упокоившиеся не будут удовлетворены (жертвоприношениями), живые не разбогатеют».

Поминальные практики, согласно актуальным воззрениям казахов, являются итогом человеческой жизни. В ходе подготовки к поминкам почти вся социальная сеть, в которую был включен покойный при жизни, оповещается родственниками. Сегодня в Казахстане и Сибири казахи составляют списки, куда включают все возрастные и социальные страты, к которым мог принадлежать умерший: одноклассников, сокурсников, коллег, соседей и т.д. Практика традиционных оповещений – *хабар* – собирает большое количество участников поминальных церемоний.

Многолюдность казахских похорон и поминок основывается на представлении об их общественной значимости и социальном престиже. В казахской среде существует устойчивое мнение, что «похороны или свадьба – это не личное дело уже, а народное достояние» [Ларина, Наумова, 2008, с. 92]. На похороны и поминки собирают даже дальних и давно не видевшихся родственников.

Каждый пришедший считает своим долгом принести соболезнование – *бата беру*, которое включает выражение сострадания и материальное вспомоществование. Общепринятыми являются следующие речевые формулы:

иманы саламат болсын (букв. «да будет невредимой (его/ее) вера, чистота/непорочность»), *иманды болсын* (букв. «да будет (он/она) чист/непорочен»), *иманы жолдас болсын* («да будет (его/ее) спутником – вера/непорочность»). При этом *иман* осознается как одна из пяти заповедей ислама и представляет собой моральный кодекс, подразумевающий веру, честность и справедливость. Высказанные соболезнования понимают как *тилек* – пожелание умершему.

В целом обычай *бата беру* имеет более широкий смысл. Сама эта формула включает арабское *бата* – первую суру Корана, доброе пожелание, благодарение [Қазақ тілінің…, 2008, с. 114] и тюркское *беру* – «давать». *Бата беру* означает молитву, посвященную покойнику, а также материальное вспомоществования семье покойного: деньги, вещи или скот.

Участники поминальных мероприятий, после положенных слов соболезнования семье и принятия доли с поминального стола и из вещей покойного, отдают приготовленные по этому случаю деньги или просят внести в список запись о приношении скотом. Такие записи остаются в семье и служат основанием для ответных подношений по печальным поводам.

Необходимо отметить, что в XIX в. приношение семье покойного обозначалось формулой *аза салу*. «Аза» в переводе с арабского означает «траур, утешение» [Рустемов, 1989, с. 18]. В материалах по обычному праву казахов XIX в. выражение *бата-оку-аза-салу* означало приношение в поминальной обрядности [Материалы…, 1948, с. 207]. При поднесении *аза* была принята следующая фраза: *Азаға салғаным, қосканым, аруағына атағаным* («Мой вклад, добавка, подарок/названное аруаху умершего»).

Преподнесение *аза* (*аза берді, аза салды, азалап барды*), специально предназначенного для покойного имущества, выражало не только участие, но и долю (*үлес-сыбаға*) для поминальной тризны – *ас*. В *аза салу* делали приношение семье покойного скотом, деньгами (в зависимости от его значимости для дающего).

Делая вспомоществование *бата* семье умершего, участники поминовений получали от этой же семьи вещи покойного, одежду, лоскутки ткани – *табарик* (в зависимости от суммы вспомоществования, родственной близости, возраста). Согласно нормам обычного права казахов XIX в., приношения *бата-оку-аза-салу* имели обменный характер [Материалы…, 1948, с. 207]. Обменный характер приношений в погребально-поминальном цикле казахов, несмотря на смену номинации, и сегодня сохраняет свое значение. На сороковины и годовщину раздается практически все съестное с поминального стола, много вещей и ткани.

В рамках поминальных торжеств у казахов также бытует традиция, связанная с понятием *хатым*. Выражение *қатым Қоран* означает: долг, выражающийся в посвящении умершему прочтения всего коранического текста; время прочтения Корана полностью в преддверии какого-либо события; поминальное угощение, устраиваемое в честь завершения чтения Корана [Қазақ тілінің…, 2008, с. 495]. Эта традиция, отвечающая канонам ислама,

носит у казахов и другое название – *Құранды аудару/шығыру/түсіру* (букв. «переводить/выводить/снимать Коран») [Қазақ тілінің…, 2008, с. 886].

В Центральном Казахстане *хатым Құран* предполагает чтение Корана с момента кончины в ночное время вплоть до сороковин: в доме покойного по вечерам зажигают свечу или керосиновую лампу, приглашают стариков для чтения Корана и молитв – *дуға* по четвергам и пятницам. Считается, что душа умершего до сороковин еще находится рядом с живыми.

Олген адам тіріден	Умерший человек от живых
Дұға үміт етеді.	Ожидает молитву.
Әрбір жұма күндерде	В каждый пятничный день
Үйіне келеп кетеді.	Он приходит в свой дом.

Эти строки из завещания – *тағзия*, написанного в стихотворной форме и оставленного детям Аубакиром Шаловым (1881–1965 гг.), иллюстрируют высокий смысл поминальных практик в казахской культуре (ПМА). Старики считают, что в четверг и пятницу *аруахи* посещают дома своих потомков: *үрім-бұтағын аралайды* (букв. «ходит среди своей поросли») в надежде получить молитву от них (ПМА, 2006 г.).

В Восточном Казахстане (Павлодарская обл.) *катым* и ныне включает комплекс поминальных мероприятий: заклание жертвы (не всегда обязательное); ритуальное угощение; посвящение молитвы покойному (ПМА, 2011 г.). О степени распространенности обычая *хатым* в Восточном Казахстане свидетельствует наличие специальных мест общественного питания под названием *Хатымхана*.

Об устойчивости традиции *катым/хатым* свидетельствует её распространение в этнолокальных группах казахов Сибири. Так, полевые исследования в Карасукском районе Новосибирской области (граничит с Павлодарской областью Республики Казахстан) летом 2011 г. подтвердили распространение этого обычая (ПМА, 2011 г.). При опросе выяснилось, что *қатым* в среде местных казахов означает поминальные ритуалы, продолжающиеся в течение первых трех лет после кончины. Ритуал *катым* может быть проведен скромно или торжественно в память об умершем родственнике, с закланием жертвенного животного и ритуальной трапезой. *Қатым* устраивают в первый день разговения после поста *Ораза байрама – шек*. Угощение сопровождается молитвами, которые читают приглашенные муллы или знающие коранический текст старики, что одновременно посвящается всем ушедшим предкам. Сегодня обычай *катым* – это синтез ислама и древних верований.

При очень высокой степени устойчивости поминальной традиции в казахской среде отступление от традиционного канона наблюдается в смене номинаций, в составе, структуре и содержании ритуалов. В настоящее время *жылы* и *ас* порою трактуются как синонимы. Только старики отличают *жылын беру* (годовые поминки) от *ас*.

Исследователи полагают, что обычай *ас беру*, восходящий к древнетюркской эпохе, определяется культом предков. Семантическим стержнем всех

производных от слова *aš* является его традиционное центральное значение «еда, пища», при наличие старинных смыслов «жертвенная пища», «поминки» [Севортян, 1974, с. 211, 212].

У древних тюрков поминки и обрядовое угощение после похорон назывались *basan* [Севортян, 1974, с. 85] или *joγbasan* [Древнетюркский словарь, 1969, с. 269]. У Баласагуни по этому поводу сказано: «…угощение на поминках бывает в честь умершего / или же угощают чужих для приобретения доброго имени» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 269]. Поминальное угощение *joγ ašï* у древних тюрков отличалось от *aš* – угощения вообще. По всей видимости, *aš* позднее вобрал в себя смысл *joγ ašï*. В XIX в. термин *ас* у казахов уже означал поминальное угощение с комплексом мероприятий в память об умершем. Эта традиция остается устойчивой и в Казахстане, и в Сибири. В 1990-е гг. в Казахстане произошел возврат к ее изначальным смыслам. В различных районах Казахстана организуются *ас* – поминальные тризны, посвященные 190-летию со дня рождения хана Кенесары (уроч. Бурабай, Акмолинская обл. Республики Казахстан), 300-летию бия Кабылиса (Кабана) (уроч. Актекше Коксуского р-на Талдыкурганской обл. РК), 230-летию со дня рождения Асау батыра и 250-летия его отца – Барак батыра (Байганинский р-н Актюбинской обл. РК) и др. Эти торжества воссоздают традиции XIX в., когда *ас* в честь знатных правителей и воинов объединял родоплеменные кланы и служил формой степной дипломатии. Переплетение традиций и новаций, тенденций архаизации и рационализации погребально-поминальных практик вплоть до наших дней определяют состояние актуальной соционормативной культуры казахов основного этнического массива и диаспоры.

Список литературы

Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – 696 с.

Қазақ тілінің түсіндерме сөздігі / Жалпы редакциясын басқарған Т. Жанұзақов. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008. – 968 б.

Ларина И.Е., Наумова О.Б. Современное религиозное сознание российских казахов и ислам имамов // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 1. – С. 83–96.

Материалы по казахскому обычному праву. – Алма-Ата, 1948. – 347 с.

Рустемов Л.З. Казахско-русский толковый словарь арабско-иранских заимствованных слов. – Алма-Ата, 1989. – 320 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М., 1974. – 767 с.

Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века / Отв. ред. Б.Х. Кармышева, С.С. Губаева. – М., 2002. – 300 с.

Е.Ю. Павлова

СОВРЕМЕННЫЕ НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ УСТЬ-КАНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Проблема сохранения и популяризации культурного наследия была актуализирована в Республике Алтай (РА) в конце 1980-х гг. В процессе формирования этнонациональной идеологии и мобилизации этничности творческая элита республики, создавая символы и концепты, ориентированные на историческую и этническую самобытность, стремилась вписать региональное культурное наследие в мировой контекст [Самушкина, 2009, с. 144].

Фольклор и народное искусство в это время превратились в чрезвычайно значимые символы и были включены в процесс этнической мобилизации. Способы эстетического осмысления действительности, характерные для национальных художественных традиций, стали оцениваться как очень эффективные инструменты для выражения ценностей этнического самосознания.

Освоение традиционного художественного наследия народов Сибири привело к развитию центров народных художественных промыслов в Горном Алтае. В настоящее время среди них выделяются и аутентичные промыслы, инновационные, развивающееся на почве местных художественных практик. Пути и формы освоения традиционного художественного наследия оказываются различными по масштабу и глубине.

Материалы полевых исследований 2011 г. в Усть-Канском районе РА позволяют сделать вывод об активном развитии художественных промыслов здесь с конца 1990-х гг. С этого времени фиксируется возрождение промыслов, которые были редкостью в советский период (лишь шорничество и ковроткачество).

Отчеты районного Дома культуры и записки методистов за 2000–2002 гг. содержат обширную информацию о народных мастерах (на 2002 г. картотека мастеров насчитывала 145 чел., большинство проживало в с. Экинур), материалы по организации выставок, чаще всего приуроченных к праздникам – День матери (1 октября), Эл-Ойын (июнь), День защиты детей (1 июня), День семьи (16 мая), Чага-Байрам (февраль) и др. [Архивная служба…, д. 74–76].

Целью конкурсов, фестивалей и выставок, которые регулярно проводятся в Усть-Канском и других районах РА, помимо прочего, является укрепление межпоколенных связей мастеров и организация передачи опыта от старшего поколения младшему. Например, сопровождающие Чага-Байрам

конкурсы, в которых участвуют команды, представляющие алтайские роды, предполагают знание родовых символов. В номинации «красота одежды» и «коса – девичья краса» участники должны представить национальную одежду традиционного и стилизованного характера. В номинации «конская упряжь» оценивается мастерство в изготовлении упряжи.

Символично название районного конкурса, который проводился в 2002 г.: «Моя семья – моя опора». Он был призван способствовать сохранению национальных традиций и обычаев, выявлению лучшей семьи. Программа конкурса включала номинацию «мастерство художественных промыслов и ремесел» [Архивная служба…, д. 76, л. 222–223].

Организуемые выставки в селах и районном центре стимулируют мастеров. Большой спрос имеют изделия из дерева – сундуки и мебель, войлочные ковры *сырмаки*, а также кухонная утварь. Отчеты методистов района содержат размышления о том, что «со временем традиционное перестает восприниматься на веру безоговорочно. Постепенно отделяется все ценное и налет времени. И тогда это ценное становиться фундаментом культурного возрождения» [Архивная служба…, д. 76, л. 226].

Веянием времени становятся различные формы кооперации мастеров РА. Так, в с. Мендур-Соккон в 2001 г. создано ООО «Чарас» по пошиву национальной одежды. Появились специалисты, изготавливающие традиционные алтайские музыкальные инструменты. Среди них есть и молодежь. Большинство научились ремеслу в семье, у старых родственников.

Привязанность к семейным традициям характеризует развитие прикладного ремесла в Усть-Канском р-не РА в настоящее время. В связи с программами поддержки малого предпринимательства за последние два года в районном центре возникли три ателье по пошиву национальной одежды. Интервью с мастерами показали, что основные заказы направлены на изготовление свадебной одежды.

Изделия этих мастерских представляют собой вариацию на тему традиционного костюма, но со значительной долей стилизации. Мастерицы сами признаются, что пока только учатся, советуются с бабушками, знакомятся с научной и популярной литературой. Большое значение для них имеет выпущенная республиканским центром «Энчи» в 2010 г. книга «Национальный алтайский костюм» с выкройками и подробными схемами вышивок.

В 2010 г. в Усть-Кане было образовано АОУ «Центр развития народных художественных промыслов “Сувенир”». Инициатива принадлежала его нынешнему директору А.А. Кысовой. Она собирает по району изделия самодеятельных мастеров и выставляет их в небольшом зале. По словам А.А. Кысовой, особой популярностью у местных жителей и туристов пользуются национальные украшения и детская одежда, плетение из бисера, резьба по дереву, обереги. Устойчивый спрос имеют национальные головные уборы, изготавливают которые в районе несколько признанных мастериц. Поступают заказы на стилизованные народные костюмы. Возрастает интерес к эксклюзивным изделиям ручной работы.

Деятельность созданного Центра включает также экскурсии для ознакомления с культурой и бытом населения, проживающего в Усть-Канском р-не. Много лет работая методистом народных промыслов, А.А. Кысова накопила большой опыт в популяризации народных традиций. Ее предприятие ориентировано на всестороннюю поддержку традиционного искусства в исполнении современных мастеров. Главная перспектива, на которую они ориентируются, – это туризм. Расширение туристической инфраструктуры, развитие республиканских фестивальных практик и появление сети музейных центров характеризует ситуацию в Усть-Канском р-не РА последнего десятилетия.

Ассортимент изделий, собранный А.А. Кысовой, позволяет заключить, что практикующие мастера, во многом утратившие связь с традицией, восстанавливают ее заново, ориентируясь на туристический поток, на потребительский рынок, исходя из возможностей сырья и наличия времени. Именно поэтому многие изделия являются в большей степени сувенирами или вещами, необходимыми в быту, но сочетающими в себе традицию и новацию.

Таким образом, развитие современных художественных промыслов в Усть-Канском р-не РА связано с актуализацией культурного наследия и этнической архаики. Но определяющей его тенденцией является стилизация на основе синтеза художественных традиций. Становление промыслов совпадает и во многом формирует уникальный феномен регионального самосознания, опирающийся на идеи полиэтничности и поликультурности.

Список литературы и источников

Архивная служба администрации МО «Усть-Канский район». – Ф. отд. к-ры Усть-Канского р-на. – Д. 74–76.

Самушкина Е.В. Символические и социо-нормативные аспекты современного этнополитического движения республик Алтай, Хакасия, Тува (конец XIX – начало XXI в.). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. – 274 с.

Е.В. Самушкина

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНЫХ ПРАКТИКАХ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ: НА МАТЕРИАЛАХ АСКИЗСКОГО РАЙОНА

Для многих коренных народов Сибири объекты историко-культурного и археологического наследия и традиционная духовная культура, которая рассматривается как нематериальное наследие, в настоящее время становятся символами этнической и региональной идентичности. В Республике Хакасия (РХ) данная проблема в последние годы является центральной.

На уровне Министерства культуры здесь разрабатываются программы и законодательные акты, посвященные сохранению и развитию культурного наследия. Среди них Закон Республики Хакасия от 21 октября 1994 г. «О культуре», целевая программа «Развитие культуры и сохранение культурного наследия Республики Хакасия на 2008–2010 годы», Закон Республики Хакасия «О Республиканской целевой программе "Популяризация культурного наследия и развитие культурного туризма в Республике Хакасия на 2009–2013 годы"» [Закон…, 2008].

Последняя программа в РХ была принята в 2008 г. В рамках документа декларируется главная цель мероприятий – популяризация объектов культурного наследия народов России, расположенных на территории РХ, путем развития культурно-познавательного туризма. Для их реализации составители выделяют следующие задачи: музеефикация объектов культурного наследия; создание инфраструктуры культурного туризма; информационное обеспечение популяризации объектов культурного наследия; стимулирование развития культурного туризма [Закон…, 2008].

По замыслу авторов документа, одной из главных достопримечательностей республики является ее историко-культурное наследие, прежде всего – археологические памятники. Министр культуры РХ отметил, что вся территория субъекта федерации состоит из археологических ландшафтов [Окольникова, 2009]. Каменные стелы сравниваются с изваяниями острова Пасхи. При этом отмечается их большая ценность в художественном отношении.

В программе проводится идея о том, что археологические памятники «*позволяют значительно расширить горизонты исторического знания, тем самым влияя на общественное самосознание и культуру в целом… Приобщение общества к историко-культурному наследию приводит не только к росту уровня исторических знаний, но и повышает толерантность, что крайне важно в нашем многонациональном и поликонфессиональном*

обществе» [Закон…, 2008]. Министерством культуры выдвинут девиз: «Культура Хакасии – начало перемен». При этом культурное многообразие рассматривается как ресурс социально-экономического и культурного развития региона [Окольникова, 2009].

Особый акцент сделан на традиционной культуре коренного населения Хакасии. Национальное наследие популяризируют различные институты – музеи, архивы, этнонациональные организации. Используя средства массовой информации, они актуализируют образы, тексты, символы традиционной культуры хакасов.

Важное место в этой деятельности занимают музеи под открытым небом. По мнению главного специалиста инспекции по охране культурного наследия РХ, именно этот вид музеев станет стартовой площадкой для развития культурно-познавательного туризма [Тараканов, 2010].

Впервые идея о развитии научного туризма была высказана известными хакасскими учеными Л.Р. Кызласовым и Я.И. Сунчугашевым. В 1986 г. исполкомом Красноярского крайсовета утвердил перспективный план музеефикации памятников археологии края до 1995 г. Согласно этому документу, на территории тогда еще Хакасской автономной области было решено музеефицировать 12 археологических объектов, в т.ч. памятники Большой Салбыкский курган, Боярская и Сулекская писаницы, комплекс памятников на горе Сундуки [Тараканов, 2010].

Первый этноархеологический музей появился в 1996 г. в Аскизском р-не РХ. Им стал Хакасский республиканский национальный музей-заповедник в с. Казановка. Позже в этом же районе создали Анхаковский муниципальный музей под открытым небом «Улуг Хуртуях Тас» (2003 г.) и Полтаковский музей наскального искусства (2003 г.) [Тараканов, 2010].

Особое место в современной социокультурной инфраструктуре РХ занимает музей «Улуг хуртуях тас». Главным экспонатом здесь является окуневское изваяние (II–III тыс. до н.э.), помещенное в шестигранную стеклянную юрту. В выставочный комплекс входят три кургана тагарской культуры и хакасская деревянная юрта с традиционным убранством, лавка сувениров и кафе, предлагающее блюда национальной кухни.

«Улуг хуртуях тас» в переводе на русский язык означает «Большая каменная старуха» [В Хакасии…, 2006]. В свое время изваяние стояло на левом берегу Абакана, вблизи улуса Анхаков, на территории современного Аскизского р-на РХ. Коренное население почитало эту каменную стелу за магическое «умение» избавлять женщин от бесплодия. В 1952 г. археологи, пытаясь спасти древний памятник от разрушения, перевезли его в краеведческий музей. Но женщины продолжали и в музее поклоняться изваянию. Несмотря на запреты, они пытались «кормить» его, прося исцеления от бесплодия и защиты от бед.

Вопрос о возвращении «Улуг хуртуях тас» на прежнее место возник в постсоветский период. Он обсуждался на съездах хакасского народа, собраниях родов и других форумах республики. В сентябре 2003 г., по иници-

ативе жителей Хакасии, изваяние перенесли в степь, на его исконное место. Близь с. Анхаков был создан музей под открытым небом.

В средствах массовой информации знаменитое изваяние представлено как значимый символ этнической идентификации коренного населения Хакасии. Свое благополучие местные жители видели именно в возвращении стелы «на родную землю». Согласно расхожему мнению, данная стела существует на хакасской земле около шести тысяч лет, что сопоставимо со временем существования пирамиды Хеопса и изваяний острова Пасха.

«Улуг хуртуях тас» издревле была окружена легендами. Она, якобы, была самой почитаемой среди божеств [Добро пожаловать…, 2006]. Ее изображение появилась в хакасских степях благодаря богине Ымай [Угольников, 2004]. По другой версии, «Улуг хуртуях Тас» – это жена Сартакпая, легендарного героя алтайских эпических сказаний. Богатырь возводил мосты через реки, объединяя народы. Однажды по дороге, которую построил Сартакпай, пришли враги. Герой с женой и детьми вынужден был бежать. В результате погони семью «Улуг Хуртуях Тас» убили. От горя женщина села в степи и запела. Хайрахан-творец, услышав песню, пожалел ее и сделал каменной богиней. С тех пор она дарит людям то, что им больше всего не хватает: женщинам – детей, мужчинам – светлый разум (ПМА).

Изваяние «Улуг Хуртуях Тас» активно используется в современных фестивальных и праздничных практиках РХ. Примером может служить праздник родов хакасского народа, разработанный сотрудниками Республиканского центра культуры и народного творчества им. С.П. Кадышева. Праздник проводился 12 сентября 2003 г. в с. Анхаков Аскизского р-на РХ. Началось мероприятие с представления истории «Хуртуях тас» и поздравления всех присутствующих *«с возвращением Богини Материнства и Детства домой, на родную землю».* Затем прошли открытие главных ворот дома «Хуртуях тас» председателем правительства РХ А.И. Лебедем и председателем Совета старейшин родов хакасского народа В.М. Торосовым, обряд встречи гостей, ритуальное кормление огня. Совершив необходимые обряды, участники получили разрешение на начало праздника, который продолжился выступлением почетных гостей и народным гулянием (ПМА).

В настоящее время предпринимаются попытки вписать памятник в культурную жизнь региона. К «Хуртуях тас» организуются экскурсии. Рядом с изваянием проводятся шаманские действа и обряды благословления молодоженов. Посетителям музея (вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности) предлагается совершить обряд кормления каменной стелы, в ходе которого женщины могут попросить изваяние о даровании детей, а мужчины – о мудрости.

Таким образом, музей под открытым небом выполняет важную идеологическую функцию популяризации традиционной культуры коренного населения РХ. Одновременно он осуществляет консолидацию сообщества по региональному признаку. Концепт культурного наследия современной РХ выходит за пределы этничности. Объекты археологического прошлого

используются как атрибут исторической памяти полиэтничного регионального сообщества.

Список литературы и источников

В Хакасии для культового памятника – «Степной богини» построили юрту // РИА Сибирь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ria-sibir.ru. (24.04.2006).

Добро пожаловать домой! // Сайт Верховного совета Республики Хакасия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.vskhakasia.ru. (01.06.2006).

Закон Республики Хакасия «О Республиканской целевой программе "Популяризация культурного наследия и развитие культурного туризма в Республике Хакасия на 2009–2013 годы"». Нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zakon.scli.ru/ru/legal_texts/legislation_RF/?do4=document&id4=0199e105-222f-4de0-9fc3-24df4294cfb1 (29.10.2010).

Окольникова С.А. Культурное наследие Хакасии как объект региональных программ и проектов // Вопросы культурологии. – 2009. – № 3. – С. 51–58.

Тараканов В. Хакасия – музей под открытым небом // [Электронный ресурс] http://www.gazeta19.ru/node/841. (20.06.2010)

Угольников Ю. Каменная бабушка справила новоселье // Красноярский рабочий. – 2004. – № 86. – С. 3.

Е.Д. Федотова, Ф.Ф. Болонев

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РОСТА ЧИСЛЕННОСТИ СЕМЕЙСКИХ БУРЯТИИ В XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

За период почти 250-летнего проживания на территории современной Бурятии этнокультурная группа старообрядцев – семейские – характеризовались удивительными количественными и качественными демографическими изменениями. Несмотря на широкий научный и общественный интерес к группе, на сегодня нет работ, посвященных анализу демографических процессов внутри нее. В ряде трудов есть лишь отдельные статистические сведения, которые ценны для данного исследования.

Население Забайкалья к приходу семейских было в целом немногочисленно. Степные участки по Селенге занимали буряты, а часть территорий – бродячие тунгусы. Небольшую долю населения с XVII в. составляли русские, появление которых было связано с государственной политикой по охране территорий, со строительством Сибирского тракта, развитием русско-китайской торговли, а также ссылкой и бегством крепостных крестьян. С середины XVIII в. в Забайкалье стали прибывать старообрядцы. П.А. Ровинский указывал о времени их прихода следующее: «Вся область по Селенге и ее притокам в конце прошлого [XVIII] столетия представляла пустыню. Только в низовьях, да в местности Верхнеудинского округа население группировалось, их можно было назвать селением, остальное пространство было пустое, или занято кочевниками, и только кое-где появились заимки и хутора. В это время приходят семейские в значительном числе, с их приходом тотчас Чикой становится тесен, в конце же прошлого столетия уже нашли поселения по Хилку и окрестностям... они пришли большой массой и с самого же начала брали верх над старожилами численностью» [ГАИО, д. 511; Известия…, л. 34]. Русские староверы, выведенные из Польши, в Верхнеудинском уезде составили 92,7 % от общего числа переселенцев [Болонев, 2011, с. 39]. По IV ревизии (1782 г.) староверов-мужчин, ссыльных и вывезенных из Польши было 2 328 чел., а душ обоего пола примерно 4 400 чел. [Болонев, 2009, с. 131]. Они селились компактно. Крупные реки с их притоками и речными долинами – Селенга с Удой и Хилком – стали местом их проживания. В результате к концу XVIII в. на юге современной Бурятии возник анклав поселений крестьян-старообрядцев по трем волостям – Тарбагатайской, Урлуцкой, Мухоршибирской (табл. 1).

Таблица 1. Количество старообрядцев в 1795 году (чел.)

Поселение	Количество домов	Мужчины	Женщины	Всего
Тарбагатайская волость				
Тарбагатайская слобода	27	96	90	186
Бурнашево	12	41	35	76
Десятниково	20	72	68	140
Куналей	72	219	265	484
Сундуринская дер.	13	49	52	101
Куйтун	75	213	241	454
Новобрянская дер.	34	96	116	212
Жиримская дер.	3	15	12	27
Узколугско и Урлукского ведомства				
Бичура	31	186	185	271
Окинская дер.	19	65	83	151
Мухоршибирская волость				
Мухорш. слобода	28	86	99	185
Заганская дер.	22	64	74	138
Шаралдайская дер.	40	135	119	257
Хонхолойская дер.	46	149	164	313
Нильская дер.	41	134	149	283
Хараузская дер.	35	115	118	233

Старообрядцы пришли в Забайкалье и жили семьями. В отличие от первых поселенцев, семейный образ жизни всячески культивировали. У них быстро сложилась нормальная половозрастная структура. Они восстановили свой быт, хозяйство, общественные отношения, порушенные изгнанием из Польши и насильственным переселением в Сибирь [Болонев, 2011, с. 39]. Уже к концу XVIII в. население и его благосостояние заметно выросло.

Прямым свидетельством интенсивного роста населения стал земельный вопрос. Норма наделения старообрядцев землей в момент поселения была вполне достаточной. Со временем уменьшалась степень обеспеченности различными угодьями. Раньше всего уравнительным переделам стали подвергаться покосы, затем пашни, в особенности расположенные вблизи селений, на открытых местах. В 1803 г. сельский староста Тарбагатайской слободы писал Мухоршибирскому волостному правлению: «У нас в селении озимовых совсем нету, а равно и яровых вновь к разрабатыванию не имеется, и прежние жители вновь разрабатывают старые залежи, а покосов, на состоящих по нынешней пятой ревизии число душ, имеется большой недостаток». В связи с малоземельем появилось стремление к переселению на другие территории. В 1813 г. в Верхнеудинский земский суд

поступило прошение от четырех крестьян с. Десятниково. Они указывали, что «год от году они от размножения семейств претерпевают ощутительный недостаток по крестьянскому званию в землях. По разделу общества от умеренных участков, достающихся на семейства, и от малой поставки сена, бывает в скоте их каждого одно ущерб и через то самое несут совершенно невозвратные убытки». Поэтому просители, «дабы не довести им свои семейства до крайнего разорения и не быть несостоятельными в платеже государственных податей, изыскивая себе способы к общественной пользе», ходатайствовали о разрешении им переселиться «на изысканное ими место, выгодное для крестьянских угодий, лежащее от г. Селенгинска выше, близ Поворотной станции». О проблеме малоземелья говорит огромное количество архивных документов XIX в. по земельным спорам между отдельными селениями. Как статистические сведения, так и факты из жизни подтверждают интенсивный рост старообрядческого населения в крае. По данным М.М. Шмулевича, к 1850 гг. старообрядцев в Верхнеудинском округе было 17 880 чел. [1985, с. 26]. Число жителей по селам в среднем выросло в 4–5 раз (табл. 2).

Малоземелье привело к миграциям. Они совершались «истыми хлеборобами» с крупной семьей, содержавшей немало действительных или потенциальных «земельных» душ. Так преодолевалось «состояние несоответствия данной площади хозяйства рабочим силам его при данном уровне сельскохозяйственной техники и экономической конъюнктуре» [Зверев, 1998, с. 24]. Тогда было переселение семейских на Читинский тракт, в верховья р. Хилок. Началось активное освоение Приамурья и Дальнего Восто-

Таблица 2. Количество старообрядцев в 1850 году (чел.)

Поселение	Мужчины	Женщины	Всего
Тарбагатайская волость			
Нижнежиримское	183	195	378
Бурнашево	140	118	258
Десятниково	291	333	624
Куналейское	1003	1008	2011
Новобрянское	377	357	734
Куйтунское	776	793	1569
Мухоршибирская волость			
Мухоршибирское	181	174	355
Хонхолойское	404	345	749
Никольское	416	520	936
Харузское	316	321	637
Новозаганское	279	284	563
Шералдайское	454	451	905
Куналейская волость			
Окиноключевское	296	310	606

ка. Часть семейских с Чикоя в 1880-е гг. переселилась в Монголию. До сих пор они живут там в деревне Корнаковке [Болонев, 1985, с. 52]. Недостаток земли привел к необходимости отхожего промысла (извоз, работа на золотых приисках, строительство железной дороги и пр.).

При начавшихся миграциях население продолжало расти. П.А. Ровинский о численности семейских на 1871 г. приводит следующие данные: «… в числе русских семейских в Забайкалье считается 23 370… большинство из них живет в Верхнеудинском округе, где они составляют уже более ⅕… все население округа 105 506 и в том числе русских: православных и старообрядцев 70 292, инородцев 37 447, евреев 1 046, магометан 144, католиков и протестантов 95. Здесь семейских 22 761 или немного меньше ⅓ всего русского населения… Надобно заметить, что численность показывается на основании сведений несовершенных… число их показывается меньше тысячи на две по крайней мере.. но и в таком случае для бедной населением Сибири они составляют довольно крупную единицу… Такого быстрого заселения такого огромного пространства и обращения его из пустыни в пашни и луга, мы не находим никогда в Забайкалье, да, кажется не найдем и в целой Восточной Сибири. Быстрый рост этого населения совершался естественным путем».

Любопытные сведения приводит П.А. Ровинский о разнице рождаемости и смертности между православным и старообрядческим населением. Так, на 1862 г. у православных родилось 292 ребенка обоего пола, а умерло – 186. У семейских родилось 90, а умерло – 24. Случаев смерти новорожденных у православных гораздо больше, чем рождений. У семейских же смертность составляет лишь ¼ часть от всех рождений. У православных в 1,5 раза больше рождений, но втрое больше умерли. По расчетам выходит, что население у семейских должно расти быстрее, но этого не видно, потому что количество православных пополнялось и путем доселения. Так, к ним относили всех ссыльных или посельщиков. «Эти посельщики большей частью люди безсемейные, не привыкшие к труду, или отвыкшие от него, часто устарелые и увечные, разрушенные физически и нравственно… берут себе в учителя семейских» [ГАИО, д. 511; Известия…, л. 36об.].

Более удивителен другой факт: «…нельзя не обратить здесь внимания на такой интересный для общей этнологии факт, что более смешанное православное население имеет большее число рождений; всячески избегающее смешения, в этом отношении отстают и вознаграждают этот недостаток сбережением жизни, что конечно указывает на более крепкое здоровье родителей, на большее благосостояние и, может быть, на более разумный уход за детьми и вообще более рациональный образ жизни семейских» [ГАИО, д. 511; Известия…, л. 34об., 38–39об.].

В основе интенсивного роста была высокая рождаемость, большая продолжительность жизни, меньший уровень смертности. Все это следствие традиционных норм культуры, религиозно-этических установок семейно-

брачных отношений, веками пестовавшихся старообрядческой церковью, здоровый образ жизни, трудолюбие, неприятие спиртного и табака и прочее. Отсюда проистекало положительное влияние на формирование духовно и физически здорового типа населения, на его быстрое увеличение. Высокий уровень воспроизводства и интенсивный рост семейского населения стал важным фактором развития группы в регионе.

Список литературы и источников

Болонев Ф.Ф. Семейские: Историко-этнографические очерки. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. – 144 с.

Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 340 с.

Болонев Ф.Ф. Сокровища земли Тарбагатайской (очерки истории и культуры). – Иркутск: Изд-тво ООО «Медиаинформ», 2011. – 224 с.

ГАИО. – Ф. 293. – Оп. 1. – Д. 511.

Зверев В.А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 1998. – С. 24.

Известия ВСОРГО. – 1872. – Т. 3, № 3. – Л. 34.

Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья (XVII – середина XIX в.). – Новосибирск: Наука, 1985. – 286с.

Е.Ф. Фурсова

РУССКИЙ СЕВЕР И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ: АНАЛИЗ ТРАДИЦИОННОЙ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ XX ВЕКА*

В последние годы много спорят о цивилизационной миссии русского народа, его культуры и языка [Тишков, 2010, с. 163, 169]. Однако этнокультурный аспект распространения русской культуры и языка на большей части Евразии все еще не осмыслен в полной мере.

Русский Север – особый регион. Здесь наиболее полно сохранились ценности традиционной культуры русского, карельского, вепсского и пр. этносов. Именно северные русские осуществили прорыв за Урал. Осмыслить особенности развития северорусской культуры в Сибири – значит достичь понимания этнической и региональной идентичности.

Архивные источники и исследования [Власова, 1973, с. 249; Колесников, 1973, с. 247; 1976, с. 65], авторские полевые материалы свидетельствуют о включенности северорусского населения в состав таких групп, как «коренные сибиряки», «чалдоны» и «кержаки», а также российские переселенцы (из Вологодской, Вятской, Пермской и пр. губ.) второй половины XIX – начала XX в.

В ходе работ 2010–2011 гг. мною проведены сравнительные исследования в Сибири и на Русском Севере (в Череповецком р-не Вологодской обл.). Они опирались на концепты «переселенческой модели», включающей базисные и трансформированные ценности культуры переселенцев, а также «исходной модели» – культурного базиса русских территорий исхода.

В данной статье, среди множества компонентов анализируемых моделей, в качестве объекта выделены материалы по календарной обрядности.

Полевые материалы автора свидетельствуют о большой значимости обходных обрядов с участием ряженых как на Русском Севере, так и в Сибири. Часть персонажей святочных ритуалов в Сибири оказалась устойчивой, а другая часть утрачена и старожилами, и позднейшими северорусскими переселенцами. Исследования в Череповецком р-не показали, что во время святок здесь еще в 1950–1960-х гг. наряжались «цыганами», «в коня», «в журавля», «в медведя», «в барыню», «в бесошника», «в деда и бабу» и пр. Для ряженья «в коня» северные русские, как и сибиряки, в качестве «головы» использовали швейку с намотанной одеждой. Для моделирования крупа прилаживали на спину плетёную корзину и покрывали ее пологом. Рядом с «конём» ходил человек, ряженый цыганом.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 10-01-00470а).

Для ряженья «журавлём» брали веретено, которое служило клювом. Веретено прикрепляли ко лбу человека, покрытого пологом. Для ряженья «медведем» выворачивали мехом наружу две шубы: одну надевали на плечи, а другую – на ноги и привязывали поясом к талии. На голову надевали вывернутую шапку, лицо закрывали марлей, руки – мохнатыми рукавицами. Детей, готовя к приходу ряженого, пугали: «*Мишка, вот медведь придёт, он тебя валянёт*».

В компании ряженых была «барыня», которая рядилась в «баские» одежды. «Барыня» покрывалась красивыми платками, румянила щёки. Поверх шубы надевала нарядные кофты, широкие юбки. Ещё один персонаж – это «бесошник», костюм которого состоял из рваной, грязной одежды. На голову он надевал шапку, а лицо закрывал марлей.

Рядились также «дедом и бабой»: «*Деду бороду сделают из льняной кудели, раньше же лён был. А тут шапка, и горб приделывали. Лицо закроют. Ходил в валенках*».

Накануне Рождества хозяйки Череповецкого р-на вместе с ребятишками лепили «коровушек» (козликов и пр.) из плотного пресного теста и ставили их на ночь на поветь, а утром выпекали в русской печи и подавали на стол. В Сибири этот обычай фиксируется только у поздних переселенцев из Вологодской, Архангельской и Санкт-Петербургской губерний конца XIX – начала XX в.

Полевые материалы позволяют утверждать, что на Русском Севере, в отличие от Сибири, не фиксируются новогодние посевальные обряды, а также обычай купания в крещенской проруби.

В северорусских деревнях ещё в 1960–1970-е гг. сохранялась традиция разжигания масленичных костров за околицей. Подростки собирали дрова со всех односельчан и разжигали костры. Вечером загадывали и смотрели, в какой деревне костёр выше. Было принято выпекать большое количество пирогов, «олашек» (оладьев), «рагулек», блинов (рис. 1). В последний день Масленицы, в воскресенье, родственники и соседи ходили друг к другу в гости просить прощения. В Череповецом р-не не строили и не брали снежных крепостей ни на Новый год, ни на Масленицу, как это было в сибирских селах [Фурсова, 2002, с. 112, 178].

В деревнях Череповецкого р-на не зафиксированы обряды закликания весны и выпечки «жаворонков», хотя в границах Вологодчины эта традиция существовала [Воронина, 2001, с. 397].

Во время Великого поста, в Середокрестие, в северорусских деревнях делали из плотного пресного теста кресты, в которые закладывали символические предметы. «*В середину креста клали и уголька, и земельку, и денежек, соли, и пустое, кому что попадёт*» (д. Шепелево Череповецкого р-на). Если попадалась монетка, то это означало богатую жизнь, а соль – «что солоно проживёшь». «Печина» (глина) считалась плохим знаком. В Сибири предпасхальные гадания известны мало. В основном здесь были распространены предсказаниях с привлечением кур – «уроки курам». Уп-

Рис. 1. Рагульки, шаньга и рыбник (русские Вологодской обл.).
Фото автора.

рощенными выглядят на Русском Севере обычаи Вербного воскресенья (ветки «вербочек» ставили как букет в избе): большого значения им не придавали.

Весь советский период отмечали Пасху крашением яиц, но куличей, по словам информаторов, не выпекали. К празднику пекли большие пироги с творогом – «налитушки», а также смазанные сметаной булки – «помазеники» (рис. 2). Обязательно готовили домашнее пиво. Начинали пасхальную трапезу с яйца, которое резали по числу членов семьи. Для изучаемого периода не фиксируются обходные обряды с участием христославов.

Первый выгон скота северяне старались приурочить к «Егорию», что в Сибири не всегда было выполнимо. В Череповецком р-не не зафиксирован распространенный в сибирских селах обычай хлестать скот вербочкой в целях обеспечения его возвращения домой. Строго соблюдались два Николиных дня: зимний – 19 декабря и весенний – 22 мая.

С сибиряками северных русских объединял обычай устанавливать на Троицу берёзки в усадьбах, но пол свежей травой не посыпали. В воскресенье ходили на кладбище с поминальным угощением; посыпали могилы пшенной крупой. Во второй день праздника, который назывался «Духовым днем», как и в Сибири, старались избегать любой работы с землёй. Однако здесь не называли по-сибирски понедельник «Днём земли», а вторник – «Днём воды».

Северяне длительное время сохраняли праздник «Яичное заговенье», следовавший за «Духовым днём», в воскресенье. К этому дню красили яйца и играли с ними. Перед игрой участники складывали все яйца старой

Рис. 2. Пироги печет Л.П. Кувылева (д. Шепелево Череповецкого р-на). *Фото автора.*

бабушке в передник. Присутствие старушки, которая наблюдала за происходящим, подчеркивало важность игры. Для ее проведения готовили деревянные «чурочки», которые расставляли вдоль дороги. Деревянным шаром старались сбить чурочки, а в качестве приза получали яичко. Не выбивший чурочку, лишался яйца.

Отрицание купания до Ивана Купалы на Русском Севере фиксируют далеко не везде. Однако, как и в Сибири, существовал категорический запрет на купание после Ильина дня, когда, как говорили, «олень рога в воду опустил». В северорусских деревнях в большей степени почиталась Ильинская пятница, которая считалась грозовой.

Иванов день (Усекновение главы Иоанна Предтечи, 11 сентября) был престольным праздником в д. Шепелёво Череповецкого р-на. В давние времена (первая треть XX в.) к Иванову дню старались намолотить немного ячменя или пшеницы нового урожая на ручных жерновах. На праздник съезжалась молодежь из окрестных деревень. За околицей устраивали танцы. Играли в «чайники» («чайник повесила» – отказала парню в симпатии), «в плеточку». В этих забавах нетрудно увидеть аналоги с сибирскими играми «пеньки», «Сосед соседку любит?». Общий смысл игр заключался в том, что девушки должны были прилюдно выражать свои симпатии.

Проведенный анализ календарной обрядности Русского Севера свидетельствует, что структура базисной модели крестьянского календаря сохра-

нилась в Сибири в полной мере. Акцент праздничной обрядности делался на зимний период. Наблюдалось расхождение лишь в некоторых аспектах: например, «журавль» не был актуален в Сибири. Тот факт, что в Сибири на Масленицу брали снежные крепости, видимо, объясняется влиянием казачества. Значительные аналогии обнаруживаются в летне-осенней обрядности. Таковы предварительные итоги историко-сравнительного анализа полевых материалов по календарной обрядности северных русских Череповецкого р-на Вологодчины и сибиряков Приобья.

Список литературы

Власова И.В. Миграции устюжских крестьян в XVIII – первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 249–260.

Воронина Т.А. Пища и утварь // Русский Север: Этническая история и народная культура. XII–XX века. – М.: Наука, 2001. – С. 367–424.

Колесников А.Д. Миграции русского населения в Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. // Русское население Поморья и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 229–248.

Колесников А.Д. Переселения крестьян в Западную Сибирь в середине XIX в. // Вопросы истории Сибири. – 1976. – Вып. 9. – С. 63–72.

Тишков В.А. Российский народ. – М.: Просвещение, 2010. – 191 с.

Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (к. XIX–XX в.). – Новосибирск: АГРО, 2002. – Ч. I. Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. – 285 с.

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИАЭТ СО РАН НА ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ

А.А. Адамов, П.Г. Данилов, Н.П. Турова

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ РАБОТ НА СТОЯНКЕ ОКУНЕВКА (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)

Стоянка Окуневка находится в Кежемском районе Красноярского края, в 17 км к северо-востоку от с. Недокура, на 10-метровой террасе левого берега р. Ангары. Изучение данного археологического памятника, попадающего в зону затопления Богучанской ГЭС, имеет длительную историю. Стоянка была открыта в 1937 г. А.П. Окладниковым, с 1978 г. исследовалась Н.И. Дроздовым, И.В. Асеевым, а в 1986–1989, 1992–1994 гг. Д.Ю. Березиным, которым было заложено на стоянке 9 раскопов и вскрыто около 500 кв. м [Березин, 2004, с. 40], в 2008–2009 – Е.П. Рыбиным, в 2010 г. – И.А. Грачевым.

В 2011 г. исследование этого разновременного памятника было продолжено Окуневским отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством А.А. Адамова. Работы проводились на северной периферии памятника. Всего в ходе археологических спасательных работ тремя раскопами (№№ 12–14) была исследована площадь 1470 кв. м. Коллекция артефактов включает в себя более тысячи индивидуальных находок из камня, кости, бронзы, железа и около 12 тыс. единиц массовых находок.

Как и в предыдущие годы, характер напластований позволил выделить три основных слоя: слой 1 представляет собой супесь темно-серого цвета, мощностью до 0,45 м. Слой частично пострадал от техногенного воздействия во время распашки, а также, судя по всему, от существовавших здесь огородов. Слой 2 представляет собой супесь темно-желтого цвета, мощностью до 0,70 м. Слой 3 представляет собой светло-серую супесь. Возможно, генезис третьего слоя связан с пойменными отложениями. Археологический материал содержат два верхних слоя.

Каких-либо стационарных объектов, связанных с жилыми сооружениями, в раскопе выявлено не было. В целом керамическая коллекция, полученная в ходе работ, совсем небольшая. Найдено всего несколько развалов сосудов (рис. 1) и немногочисленные фрагменты керамики, относящиеся в основном к бронзовому и раннему железному веку. В небольшом количестве представлена также неолитическая и средневековая керамика. Каменный инвентарь включает разнообразные наконечники стрел, нуклеусы, пластины, немногочисленные рубящие орудия, великолепный наконечник копья. Достаточно много в раскопе и орудий из кости: кочедыки, наконечники стрел, несколько мотыг или клиньев. Среди находок выделяется скопление

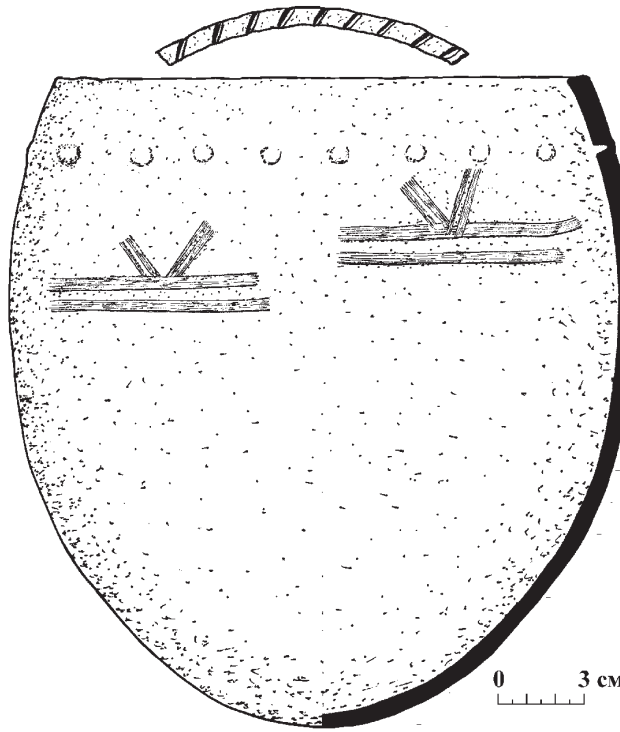

Рис. 1. Керамический сосуд с Окуневской стоянки.

вещей, помещенных когда-то в ямку: среди колотых трубчатых костей обнаружено пять незаконченных топоров, на которых отсутствует шлифовка (рис. 2, *1*), три обломанных костяных гарпуна (рис. 2, *2*), каменная рыбка-приманка и клык медведя.

В северной части раскопа № 12 и в раскопе № 13 было обнаружено четыре погребения, которые демонстрируют разнообразный погребальный обряд. Первое из выявленных погребений – кремация. Сожженные остатки, среди которых были достаточно крупные фрагменты человеческих костей, были захоронены в небольшую округлую ямку. Инвентаря в погребении нет. Еще два погребения являются вторичными. Кости в этих погребениях основательно перемешаны, при этом часть костей в одном из погребений имеет следы обожжения. Еще одно погребение совершено по обряду трупоположения. Умерший был уложен вытянуто, на спине, руки вдоль туловища, головой на запад. Кости скелета находятся в анатомическом порядке, лишь кости верхней части туловища несколько смещены из-за естественного оползания края береговой террасы.

Инвентарь, обнаруженный в трех погребениях, представлен двухлезвийным бронзовым кинжалом, четырьмя бронзовыми бусинами, каменным и

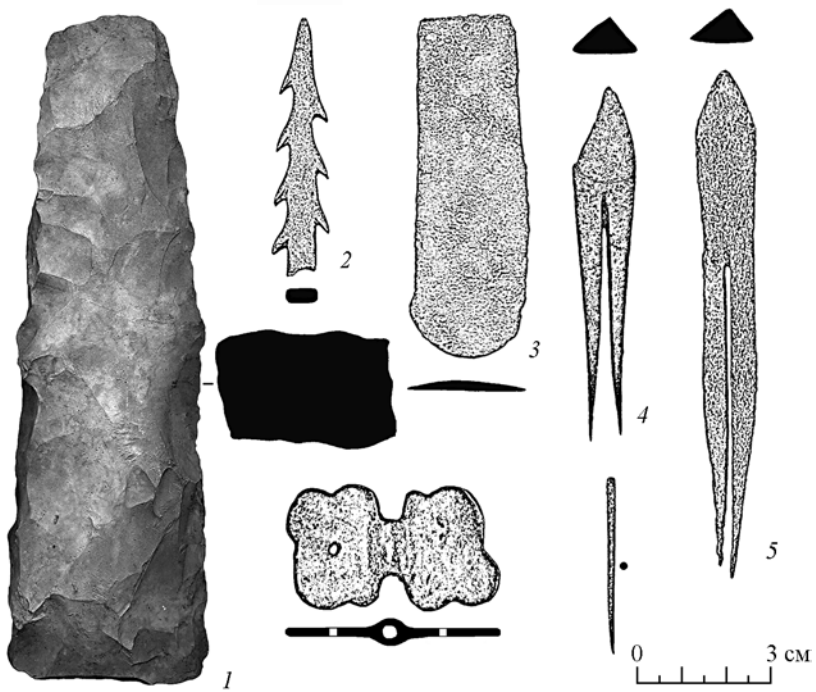

Рис. 2. Находки с Окуневской стоянки.
1 – топор; *2* – гарпун; *3* – кинжал; *4, 5* – наконечники стрел; *6* – бляха; *7* – игла.
1 – камень; *2, 4, 5* – кость; *3, 6, 7* – бронза.

костяными наконечниками стрел, часть из которых с расщепленными насадами, бронзовой бабочковидной бляшкой, костяным игольником с медной иглой (рис. 2, *7*).

Инвентарь погребений находит аналогии среди материалов раннего железного века Северного Приангарья. Бронзовый двухлезвийный кинжал без черешка (рис. 2, *3*) близок кинжалам цэпаньской культуры [Привалихин, 2011, рис. 2, *28, 29*]. Костяные наконечники стрел с расщепленными насадами (рис. 2, *4, 5*) также известны среди древностей цэпаньской культуры [Там же, рис. 2, *49, 50*].

Бабочковидная бляшка (рис. 2, *6*) из третьего погребения, обнаруженная в области таза погребенного, находит аналогии в материалах стоянки Сергушкин-3 в Нижнем Приангарье [Макаров, Баташев, 2007, с. 36] и в древностях цэпаньской культуры [Привалихин, 2011, рис. 2, *24–26*]. Подобные бляхи известны на Верхней Оби в могильнике Крохалевка-5 [Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXII, *15*], в материалах грунтовых могильников V–IV вв. до н.э. Обские Плесы-2 [Ведянин, Кунгуров, 1996, рис. 14, *7*; 15, *11*] и Староалейка-2 [Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 6, *5*]. Исследовате-

ли интерпретируют бабочковидные бляшки в качестве элемента поясных наборов.

Следует обратить внимание и на обнаруженную в слое бронзовую бляшку с изображением четырех стилизованных голов грифонов и выпуклой сферой в центре. С обратной стороны изделия находится петелька для крепления. Три бронзовые бляшки с грифонами были найдены на стоянке Окуневка еще в 1979 г. в погребении, совершенном по обряду трупосожжения [Привалихин, Дроздов, Леонтьев, 1984, с. 56]. Наша бляшка наиболее близка к изделию, представленному на табл. 1,3. Стилизованные изображения четырех голов грифонов имеются в материалах тагарской культуры у с. Быстрая [Членова, 1967, с. 276], в Арчекасских курганах в Кузнецком Алатау [Кулемзин, 1979, с. 91].

Аналогии погребальному обряду и инвентарю позволяют отнести исследованные погребения к цэпаньской культуре, выделенной В.И. Привалихиным и датируемой VIII–II вв. до н. э. [Привалихин, 2011, с. 170].

Список литературы

Березин Д.Ю. Неолитическая керамика стоянки «Окуневки» // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 40–46.

Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая: сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. – С. 88–114.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая: сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. – С. 115–134.

Кулемзин А.М. Арчекасские курганы // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1979. – С. 87–99.

Макаров Н.П., Баташев М.С. История и культура народов Севера Приенисейского края: Учеб. пособие. – Красноярск: ООО ИПЦ «КаСС», 2007. – 240 с.

Привалихин В.И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества: сб. науч. ст. – Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2011. – С. 163–185.

Привалихин В.И., Дроздов Н.И., Леонтьев В.П. Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве таежных племен нижней Ангары во второй половине I тысячелетия до нашей эры // Скифо-сибирский мир: Тез. докл. – Кемерово, 1984. – С. 55–58.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

Е.В. Акимова, И.В. Стасюк, О.А. Горельченкова,
Е.Н. Кукса, Ю.М. Махлаева, А.Н. Мотузко,
Д.С. Пазилов, Е.А. Томилова, В.М. Харевич

НОВЫЕ ДАНЫЕ ПО ПАЛЕОЛИТУ СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА (2011 ГОД)

На протяжении многих десятилетий единственным позднепалеолитическим памятником Северной Ангары считалась Усть-Кова в Кежемском районе, открытая А.П. Окладниковым в 1937 г. и изучавшаяся Н.И. Дроздовым в 1970–1990-е гг. [Береговая, 1960; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; Дроздов, 1981; Дроздов, Лаухин, 1979; Дроздов, Чеха, 1990; 2002; Лаухин и др., 1980]. Памятник получил мировую известность после открытия в 1981 г. двух зооморфных изображений из бивня мамонта [Акимова, Метляев, 2003; Васильевский, Дроздов, 1983].

В 1980-е гг. Н.И. Дроздовым на Усть-Кове было выделено три палеолитических комплекса: поздний (в пределах 15–11 тыс. л.н. – в коричневом суглинке), средний (около 24 тыс. л.н. – в карбонатизированном суглинке), ранний (около 33–28 тыс. л.н. – в солифлюированной погребенной почве) [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; Дроздов, 1981]. Ранний комплекс был достоверно зафиксирован только в раскопах 1976–1977 гг., в последующие годы материал, за исключением единичных обломков костей, в погребенной почве обнаружен не был. Выделение двух верхних разновременных горизонтов было недостаточно обосновано и не нашло подтверждения [Акимова, Блейнис, 1986]. Можно утверждать, что материал, полученный выше уровня раннесартанского солифлюксия, относится к одному палеолитическому культурному слою.

В 2011 г. палеолитический горизонт был зафиксирован в юго-восточной части раскопа № 1, на площади около 200 кв. м (секторы 3, 4, 6, 7). Обобщенный стратиграфический разрез здесь имеет следующее строение:

1. Почвенно-растительный горизонт. Граница ровная, четкая. Средняя мощность 0,3 м;

1А. Супесь коричневато-темно-серая, буровато-коричневая, до черной, тонкая, пористая, бескарбонатная, пятнистая по текстуре. Пятнистая окраска связана с различным содержанием гумуса. Степень гумусированности уменьшается, а однородность текстуры увеличивается сверху вниз. Средняя мощность 0,4 м;

2. Супесь серая, серо-коричневая, однородная, бескарбонатная, легкая. Горизонт заполняет два мерзлотных клина (псевдоморфозы по жильным льдам). В основании клина супесь переходит в хорошо промытый серый песок. Граница слоя неровная, прерывистая, фиксируется по изменению

механического состава. Средняя мощность 0,2 м, в заполнении клиньев – до 1,5 м;

3. Коричневый суглинок, к низу карбонатизированный, залегающий на ископаемом почвенном горизонте, представленном сложным переслаиванием песков, гумусированных супесей и суглинков. Горизонт сильно деформирован, разлинзован, перемыт, местами уничтожен. Средняя мощность 0,5 м.

Археологический материал рассредоточен в диапазоне 30–50 см, в коричневом легком суглинке, переходящем книзу в карбонатизированный суглинок, непосредственно выше солифлюированной погребенной почвы. Обломки одних и тех же изделий залегают в разных литологических условиях (рис. 1, *9, 11*).

Позднеплейстоценовая толща разбита мощными криогенными трещинами с шириной в устье до 1–1,5 м и глубиной до 1,5–2 м, образующими полигоны. По мнению В.П. Чехи формирование клиньев датируется гыданской стадией [Дроздов, Чеха, 1990]. Раскопки 1980-х гг. отчетливо демонстрировали ситуацию сноса палеолитического материала по мере вытаивания трещин и отложение его по их бортам и дну. Время вытаивания и заполнения трещин достоверно не установлено. Фактом является фиксация пятен плотного красновато-коричневого суглинка с мезолитическим материалом, перекрывающих в ряде случаев устье трещин (наблюдения 1980-х гг.).

Как и в прежние годы, в 2011 г. наибольшая плотность археологического материала прослеживается вдоль бровки террасы. Основой археологического комплекса является скопление костей молодого и взрослого мамонтов в частичном анатомическом порядке, со следами расчленения и погрызов. Скопление занимает участок более 15 кв. м и простирается от центра полигона по борту клина в северном направлении. Верхняя часть скопления отмечена на контакте с культурным слоем 2, нижняя – на контакте с солифлюированной погребенной почвой. В составе скопления присутствуют целые и расколотые бедренные и берцовые кости, фрагмент позвоночного столба в анатомическом порядке, зубы с фрагментами челюстей, многочисленные неопределимые обломки. Среди костей мамонта найдены единичные кости северного оленя.

Кости мелких млекопитающих были получены из коричневого суглинка на уровне средней/верхней части скопления и из нижней части карбонатизированного суглинка.

Фауна из нижней части содержит следующие виды: *Microtus* ***(Stenocranius)*** *gregalis* Pall. – 8 экземпляров, *Lemmus* ***sibiricus*** Kerr – 7 экземпляров. Животные обитали в открытых безлесных ландшафтах холодных переувлажненных тундростепей. Подобные ландшафты с отмеченным составом фауны характерны для начальных стадий сартанского оледенения (ок. 22–20 тыс.л.н.).

Структура ископаемой фауны из верхней части имеет следующий вид – *Sorex* ***caecutiens*** Laxm. – 1, *Clethrionomys* ***rutilus*** Pallas – 3, *Clethrionomys* ***rufocanus*** Sundervall – 6, *Lemmus* ***sp.*** – 1, *Microtus* ***(Stenocranius) gregalis*** Pallas – 16. Фауна отражает лесостепной облик ландшафтов с небольшими

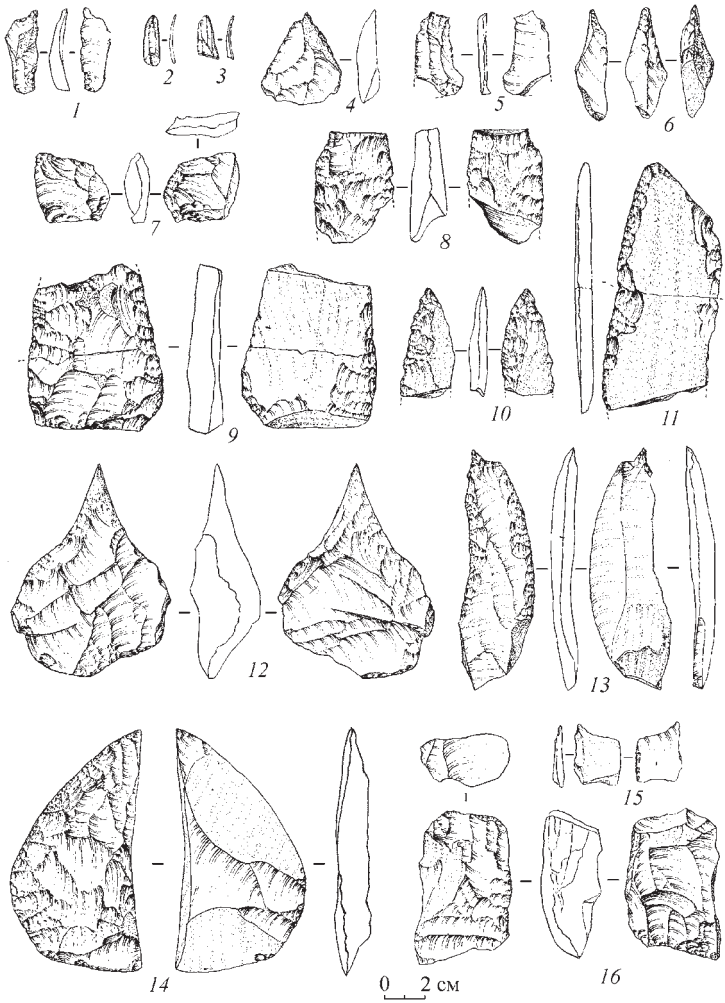

Рис. 1. Каменный инвентарь.
Многослойная стоянка Усть-Кова. Культурный слой 3.
1, 4–6, 12, 13, 15 – проколки, провертки; *2, 3* – микропластинки с ретушью; *7* – долотовидное орудие; *8, 10* – обломки заготовок бифасов; *9* – обломок скребловидного орудия; *14* – бифас-улу; *16* – нуклеус.

участками заболоченных тундр. Схожие условия были свойственны для позднеледниковья в периоды кратковременных потеплений, или для начала развития голоцена. Время существования фауны около 11–10 тыс. л.н.

Таким образом, вопрос о возрасте «основного» палеолитического культурного слоя Усть-Ковы остается открытым. Пока наиболее предпочтительным является вариант середины сартанского похолодания:

от времени формирования трещин и полигональных грунтов до времени их вытаивания.

Каменная индустрия палеолита Усть-Ковы основана на использовании кремней и кремнистых пород (полосчато-рисунчатые кремни, в том числе окремнённая древесина, окремненные аргиллиты, яшма и прочие силициты, халцедон). Сырьем худшего качества являлись неокатанные обломки глинистых аргиллитов и алевролитов, пепловые туфы.

Общее количество каменных артефактов, полученных при расчистке и промывке слоя, превышает 600 экз.

Каменный инвентарь включает призматические двуплощадочные бифронтальные нуклеусы (рис. 1, *16*), сегментовидный бифас типа «улу» (рис. 1, *14*) и обломки заготовок листовидных бифасов (рис. 1, *8, 10*), скребловидные и ножевидные орудия на крупных пластинах (рис. 1, *9, 11*), долотовидное орудие на отщепе (рис. 1, *7*), резцы, небольшие чопперы-струги на гальках, проколки и провертки на небольших пластинчатых сколах и отщепах (рис. 1, *1, 3–6, 15*), крупных пластинах (рис. 1, *13*) и массивных ретушированных сколах с коническим шлифованным жальцем (рис. 1, *12*). Индустрия Усть-Ковы имеет явно пластинчатый характер.

Помимо каменных изделий в раскопе найдена шлифованная поделка эллипсоидной формы из бивня мамонта размером 23 х 8 мм (рис. 2, *1*). Промывка наиболее насыщенных участков слоя выявила бусины из бивня мамонта (рис. 2, *2–5*), многочисленные мелкие отщепы и микропластинки.

Горизонт, содержащий позднеплейстоценовые остатки, прослеживается от приустьевого участка Ковы вдоль Ангары на протяжении не менее 800 м на различных гипсометрических уровнях, соответствующих различным геоморфологическим единицам: участку II ковинской (I ангарской?) террасы на стрелке Ковы (9 м) и II ангарской террасы выше ее по течению Ангары (14–16 м). Теоретически, нет препятствий для обнаружения стоянок палеолитического возраста как в покровных отложениях, так и в аллювии террас самой Ковы. Работы прошлого, 2010 г. выявили перспективы изучения палеолита вдоль р. Ковы, где в отложениях I ковинской террасы найде-

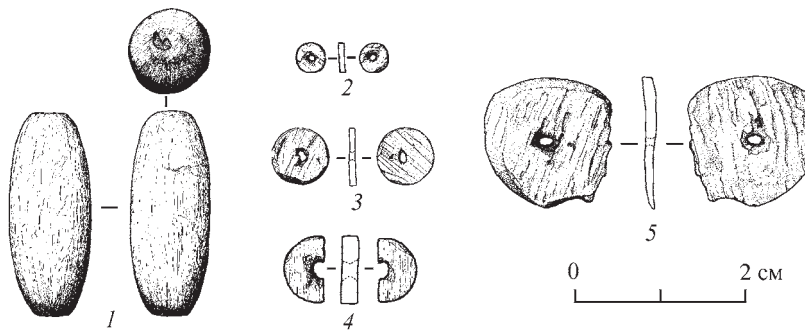

Рис. 2. Изделия из бивня. Многослойная стоянка Усть-Кова. Культурный слой 3.

ны предметы вероятно доголоценового (раннеголоценового?) возраста (стоянка Усть-Кова I, пункт II) [Акимова, Горельченкова, Кукса и др., 2010].

Работы последних лет показывают, что ресурсы Усть-Ковы как уникального позднепалеолитического объекта еще не исчерпаны. Более того, продолжение работ позволит надеяться не только на пополнение археологической коллекции, не имеющей пока аналогов в палеолите Сибири и Ангары, но и на решение вопросов, связанных с процессом заселения Северной Ангары.

Список литературы

Акимова Е.В., Блейнис Л.Ю. Палеолитическая стоянка Усть-Кова (по материалам 1982 г.) // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1986. – С. 63–65.

Акимова Е.В., Горельченкова О.А., Кукса Е.Н., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Харевич В.М. Результаты полевых исследований стоянки Усть-Кова I в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 474–478.

Акимова Е.В., Метляев С.В. Интерпретация скульптурного изображения с палеолитической стоянки Усть-Кова // Древности Приенисейского края. – Вып. 2. – Красноярск, 2003. – С. 18–19.

Береговая Н.П. Палеолитические местонахождения СССР. – М; Л., 1960. – С. 81. – (МИА; № 81).

Васильевский Р.С., Дроздов Н.И. Палеолитические скульптурные изображения из Восточной Сибири // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 59–65.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 244 с.

Дроздов Н.И. Каменный век Северного Приангарья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1981. – 16 с.

Дроздов Н.И., Лаухин С.А. Палеолитическое местонахождение в устье р. Кова (среднее течение Ангары) // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 38–41.

Дроздов Н.И., Чеха В.П. Палеомерзлотные явления на палеолитической стоянке Усть-Кова и проблемы сохранности культурных слоев // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 174–180.

Дроздов Н.И., Чеха В.П. Палеокриогенез, палеогеохимия и вопросы реконструкции климатов четвертичного периода (бассейны Енисея и Ангары) // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. – Вып. 1. –Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 163–177.

Лаухин С.А., Дроздов Н.И., Панычев В.А., Орлова Л.А. Усть-Кова на Ангаре – самая древняя датированная радиоуглеродным методом палеолитическая стоянка между Уралом и Леной // Докл. АН СССР, – 1980. – Т. 254, № 2. – С. 182–185.

Е.В. Акимова, Е.А. Томилова, О.А. Горельченкова,
Е.Н. Кукса, Ю.М. Махлаева, И.В. Стасюк, В.М. Харевич

РАСКОПКИ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ УСТЬ-КОВА В 2011 ГОДУ (НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ)

Многослойное поселение Усть-Кова является основным элементом комплекса геоархеологических объектов в устье р. Кова (Красноярский край, Кежемский район) и расположено в широтном течении р. Ангары, непосредственно выше устья р. Ковы, левого ангарского притока.

Как палеолитический памятник Усть-Кова была упомянута впервые в справочной статье Н.П. Береговой и П.П. Ефименко (1941 г.) на основе устного сообщения А.П. Окладникова об итогах разведки по Средней и Нижней Ангаре в 1937 г. [Береговая, 1960]. Многослойное строение стоянки было установлено только в 1969–1972 гг. отрядом ИГУ под руководством Г.И. Медведева [Дроздов, Дементьев, 1974]. Стационарные раскопки Усть-Ковы велись в 1976–1991 гг. Северо-Ангарской археологической экспедицией Красноярского государственного педагогического института под руководством Н.И. Дроздова [Дроздов, 1981; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988 и др.].

Изучение неолитического горизонта Усть-Ковы позволило Н.И. Дроздову выделить три уровня, различающиеся по керамике и набору каменного инвентаря. По материалам североангарских неолитических стоянок, в том числе Усть-Ковы, была сформулирована периодизация северо-ангарского неолита: ранний этап – 7–6 тыс. до н.э., средний – 4–сер. 3 тыс. до н.э., поздний – конец 3 – нач. 2 тыс. до н.э. [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1983; Дроздов, 1981].

В 1990-е – начале 2000-х гг. небольшие по объему работы велись под руководством В.П. Леонтьева. С началом работ по подготовке к затоплению ложа водохранилища Богучанской ГЭС раскопками Усть-Ковы руководили Г.И. Медведев, Е.А. Липнина и Е.О. Роговской (2008 г.), Е.В. Артемьев и В.П. Леонтьев (2009 г.), В.П. Леонтьев и А.С. Вдовин (2010 г.).

В 2011 г. Усть-Ковинскими отрядами были выполнены два раскопа. Раскоп 1 (340 кв.м) продолжал линию раскопов 1980-х гг., раскоп 2 (150 кв.м) располагался в 100 м северо-восточнее, непосредственно напротив Ковинской шиверы, на участке понижения террасы.

Раскоп 1. Неолитический материал приурочен к двум культурным горизонтам (стратиграфию раскопа 1 см. в статье Акимовой, Стасюка, Горельченковой и др. в данном сборнике).

Культурный слой 1 залегает в современном почвенном горизонте, на отдельных участках, потревоженных пахотой. Традиционно он связан с ма-

териалами эпохи палеометалла. В 2011 г. ситуация была другая: культурный слой содержит материалы неолита с отдельными включениями более поздних предметов (фрагментов керамики, кованых гвоздей). Непосредственно под дерновым слоем, в темно-серой супеси, были найдены наконечник копья (рис 1, *9*), теслецо (рис. 1, *11*), наконечники стрел (рис. 1, *5, 10*), призматические и клиновидные микронуклеусы (рис. 1, *7, 8*), скребки (рис. 1, *4, 6*), фрагменты керамики с наклонным гребенчатым штампом (рис. 1, *1, 2*). Формирование слоя, вероятно, связано со смывом археологических и фаунистических остатков культурного слоя 2 к борту террасы. Плотность материала неоднородна: от единичных предметов до массовых многоуровневых скоплений.

Культурный слой 2 залегает в желтовато-серой супеси и содержит материалы неолита как разрозненные, так и объединенные в одно- и многоярусные скопления отщепов, сколов, обломков и заготовок изделий с редкими включениями фрагментов керамики, нуклеусов и орудий. Коллекция каменного инвентаря содержит многочисленные призматические нуклеусы и их заготовки, ретушированные и подшлифованные тесла и топоры с «ушками» (рис. 1, *14-16*), наконечники стрел и копий, абразивы из мелкозернистого кварцевого песчаника, обломок ретушированного вкладыша (рис. 1, *13*). Керамика относительно немногочисленна, присутствуют фрагменты с горизонтальными рядами оттисков наклонного зубчатого штампа, отступающей выпуклой лопатки, наклонных овальных вдавлений. Найдено миниатюрное скульптурное изображение рыбки (стерженек составного рыболовного крючка), изготовленное из красновато-коричневого аргиллита (?) (рис. 1, *12*). В Северном Приангарье подобные изделия, традиционно относимые к китойскому времени, крайне редки [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988]. Ковинский экземпляр отличается изяществом и уникальной точностью изготовления.

Судя по используемому каменному сырью и морфологии изделий, оба культурных слоя представляют собой один археологический комплекс, частично разрушенный и смытый вниз по склону, в результате чего произошло наложение переотложенного материала на одновременный материал, но залегающий in situ. На разных уровнях присутствуют фрагменты керамики одного типа и сколы с одного нуклеуса. Возможно, что формирование неолитического горизонта происходило длительный период времени, но раскоп 1 не дает информации для реконструкции динамики этого процесса.

Раскоп 2. Раскопом вскрыта толща отложений со следующей стратиграфической ситуацией:

1. Почвенно-растительный горизонт. Средняя мощность 0,3 м;

1А. Супесь буровато-коричневая до черной, гумусированная, пористая, комковатая, к основанию более тонкая, мучнистая. Нижняя граница неровная, размытая, фиксируется за счет ослабления гумусового прокрашивания. Средняя мощность 0,5 м;

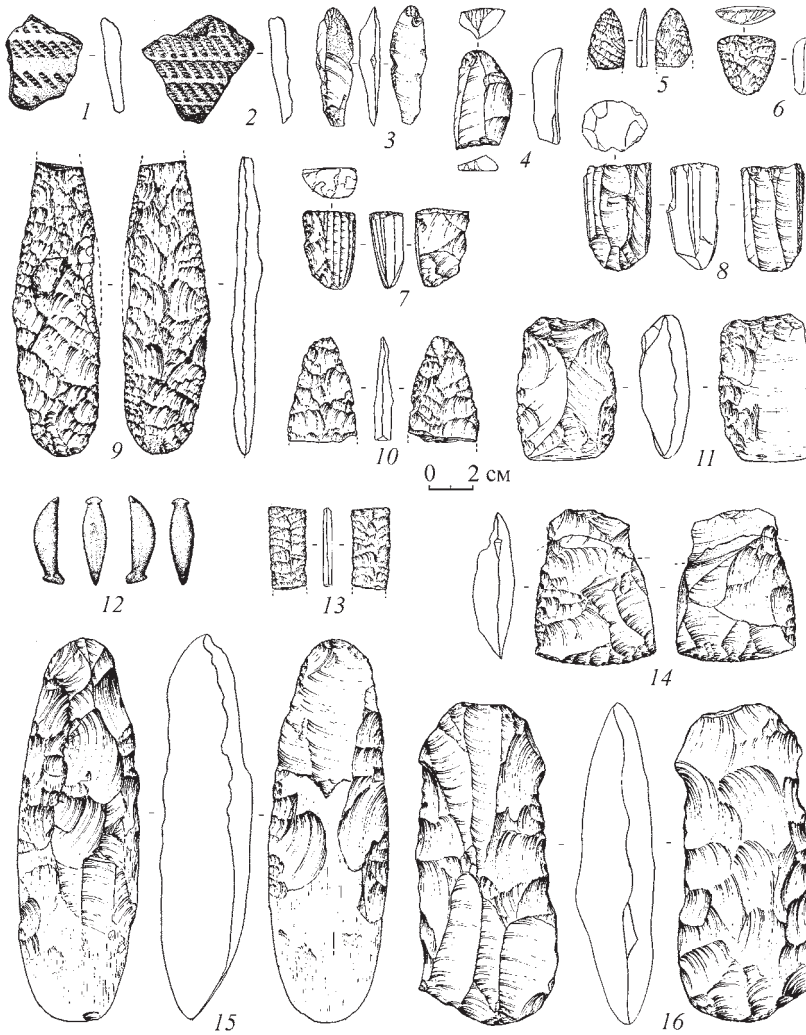

Рис. 1. Находки. Многослойная стоянка Усть-Кова. Раскоп 1.
1, 2 – орнаментированные фрагменты керамических сосудов; *3, 4, 6* – каменные скребки; *5, 9, 10* – обломки каменных наконечников; *7, 8* – нуклеусы; *11* – каменное тесло; *12* – стерженек рыболовного крючка; *13* – каменный вкладыш; *14, 15* – каменные тесла, *16* – каменный топор.
1–11 – культурный слой 1; *12–16* – культрурный слой 2.

2. Супесь желтовато-коричневая, коричневато-серая, пористая, тонкая, бескарбонатная, неоднородная. Нижняя граница слоя неровная, нечеткая. Средняя мощность 0,4 м;

3. Супесь серо-коричневая, желто-коричневая, серо-желтая, тонкая, карбонатная (в виде полос и пятен), с включением линз и прослоев рыжей супеси. Граница ровная, четкая. Средняя мощность 0,15 м.

Культурный слой 1 залегает в толще пахотного горизонта и содержит разнородный археологический материал, датируемый в диапазоне от русского времени до раннего железного века включительно, а на отдельных участках содержит и неолитический компонент. Плотность залегания материала неоднородная: от единичных находок до скоплений археологического материала с несколькими уровнями расчисток (до 900 предметов на 1 кв. м). Найдены остатки металлургического производства в виде фрагментов сопла плавильной печи, глиняной обмазки домницы, шлаков и кричного железа. В значительном количестве зафиксированы обломки гладкостенной керамики: от единичных фрагментов до развалов сосудов, а также развалы орнаментированной керамики с горизонтальными и наклонными рядами оттисков отступающего зубчатого штампа, отступающей лопаточки, рубчатой колотушки. Найдены фрагменты сосудов с налепными горизонтальными валиками, выполненными ногтевыми защипами (рис. 2, *1–3, 5–6*)

Среди наиболее ярких находок первого культурного слоя можно выделить заготовку крупного каменного топора (рис. 2, *11*), тесло с «ушками» миниатюрных размеров, наконечник стрелы, микронуклеусы (рис. 2, *8*), железный наконечник стрелы, обломок костяного пазового орудия (рис. 2, *7*). Найден некрупный отщеп с системой продольных, поперечных и диагональных прочерченных линий по галечной корке (рис. 2, *4*).

Культурный слой 2 залегает в буровато-коричневатой супеси и содержит значительное (до нескольких тысяч находок) количество археологического материала. В коллекции присутствуют наконечники стрел, каменные топоры с «ушками» «илимского типа», тесла (в т.ч. «ангарского» типа) и их заготовки, скребки концевые на пластинах, каменные ножи, в т.ч. шлифованные, точильные камни, абразивы со следами пиления. Уникальной находкой является каменный резной челнок для плетения рыболовных сетей (рис. 2, *10*). Повсеместно встречены фрагменты керамических сосудов, включая практически полные развалы, к которым относится крупный сосуд с профилированным венчиком с утолщением в виде лепного валика, с орнаментом в виде горизонтальных рядов оттисков остроконечной отступающей лопатки. Помимо каменных изделий найден шлифованный топор, выполненный из рога (рис. 2, *9*).

Культурный слой 2Б выделяется литологически, по залеганию в желтовато-коричневой супеси. Орудийный набор по морфологическим показателям практически идентичен материалу культурного слоя 2. Здесь найдены топор с «ушками», крупное нуклевидное изделие, шлифованный нож, пластины и отщепы.

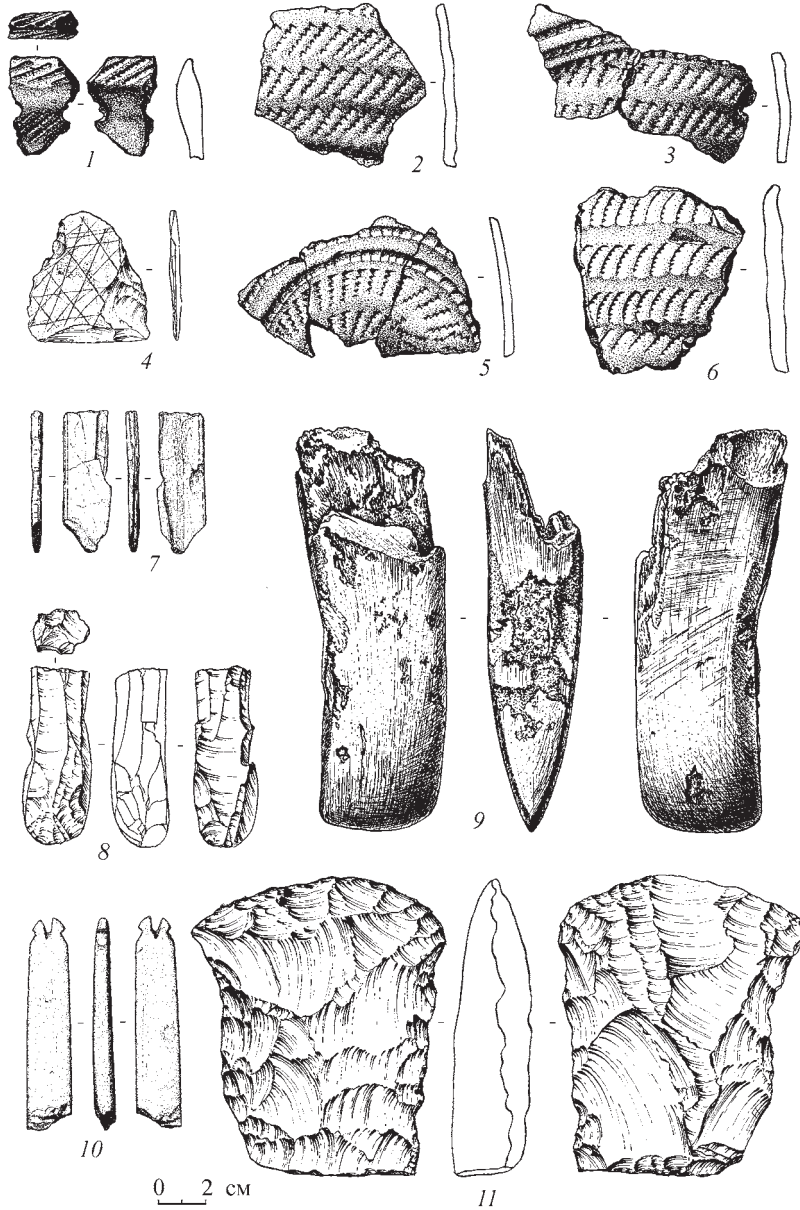

Рис. 2. Находки. Многослойная стоянка Усть-Кова. Раскоп 2.
1, 2, 3, 5, 6 – орнаментированные фрагменты керамических сосудов; *4* – отщеп с гравировкой; *7* – обломок каменного пазового орудия, *8* – нуклеус; *9* – топор из рога; *10* – каменный челнок; *11* – каменный топор.
1–8, 11 – культурный слой 1; *9, 10* – культрурный слой 2.

В неолитических горизонтах обоих раскопов преобладают изделия, изготовленные из аргиллитов и алевролитов. Часто для орудий мелкого размера использовались буро-серый кремень и халцедон. Источником большей части аргиллитов и алевролитов являлись неустановленные пока коренные выходы или развалы (исходные обломки породы не окатаны). Гальки кремня и халцедона могут как происходить из современного комплекса аллювия, так и быть частью более древних рыхлых осадков и конгломератов. Культурный слой 2Б отличается большей долей и разнообразием кремней и силицитов в составе каменного сырья.

Участок раскопа 2, исходя из характера распространения культуросодержащих отложений, является перспективным для продолжения исследований в напольную сторону на площади не менее 125 кв.м. Стратиграфическая ситуация раскопа 2 позволяет более аргументировано рассматривать вопрос о хронологии и периодизации неолита Усть-Ковы.

Список литературы

Береговая Н.П. Палеолитические местонахождения СССР. – М; Л., 1960. – С. 81. – (МИА; № 81).

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 244 с.

Дроздов Н.И. Каменный век Северного Приангарья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1981. – 16 с.

Дроздов Н.И., Дементьев Д.И. Археологические исследования на Средней и Нижней Ангаре // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1974. – Вып. 1. – С. 204–228.

Дроздов Н.И., Лаухин С.А., Сейфулин Н.Х. Раскопки Усть-Ковинской стоянки // АО 1976 года. – М.: Наука, 1977. – С. 227.

Дроздов Н.И., Лаухин С.А., Сейфулин Н.И., Колмаков В.Ю. Раскопки Усть-Ковинской стоянки // АО 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 227.

Тарасов А.Ю., Тарасова Е.И. Неолитические погребения с трупосожжением в Северном Приангарье (по материалам раскопок стоянки Усть-Кова) // Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения). – Уссурийск, 1989. – С. 61–62.

Н.В. Басова

РАСКОПКИ ПАМЯТНИКА СЕНЬКИНА ШИВЕРА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

В полевой сезон 2011 г. Ангарским отрядом БАЭ ИАЭТ СО РАН (начальник отряда А.В. Постнов) проведены спасательные археологические исследования памятника Сенькина Шивера. Памятник, состоящий на государственной охране, расположен на территории Кежемского района Красноярского края в 16 км от д. Верхняя Недокура. Стоянка находится на левом берегу р. Ангары, ниже Сенькиной шиверы, напротив с. Заимка, расположенного на верхней оконечности острова Тургенев, и приурочена к 15–20-метровой ангарской террасе. Географические координаты памятника: 58°42’18” с.ш., 100°44’27” в.д., 175 м над ур. м.

Поверхность памятника представлена высокой террасовидной плоскостью, ограниченной с одной стороны террасовидным береговым уступом. С северо-восточной границы территории памятника геоморфологический уровень изменяется в сторону повышения поверхности с остальных сторон наблюдается плавное понижение рельефа местности. Поверхность террасы залесена. Культурный слой памятника частью снивелирован землеройной техникой под сплавной участок, также на поверхности читаются следы относительно недавнего лесного пожара. Культурный слой памятника в значительной степени уничтожен. На площади объекта присутствуют техногенные нарушения (ямы, бульдозерные отвалы). По территории памятника, вдоль его восточной границы, проходит действующая в настоящее время проселочная дорога. Кроме того, в результате эрозии почвы на месте стоянки образовались многочисленные овраги, которые так же, как и техногенные нарушения, пагубно влияют на культурный слой стоянки.

Объект открыт в 1971 г., на государственную охрану поставлен Законом Красноярского края № 14-526 от 24 июня 1997 г. В 2008 г. стоянка была обследована разведочным отрядом ИАЭТ СО РАН. В 2010 г. Кодинский отряд БАЭ ИАЭТ СО РАН под руководством автора провел исследования памятника рекогносцировочными раскопами (160 кв. м) и раскопом сплошной площадью в 510 кв. м [Басова, 2010]. В ходе работ была вскрыта почти вся площадь памятника, не затронутая техногенными нарушениями. Остался не вскрытым раскопом участок, содержащий западину, по форме которой можно бы было предположить наличие древней жилищной конструкции.

Задачей работ 2011 г. явилось продолжение исследований сплошным раскопом территории памятника (100 кв. м) и уточнение современных границ распространения культурного слоя (11 кв. м).

Выбор места закладки сплошного раскопа 2011 г. был сделан с учетом включения округлой западины, размером 7,5 х 6 м и площадью 45 кв. м, которая ассоциировалась, как западина от жилища. Раскоп был разбит на четыре части (5 х 5 м) по 25 кв. м, ориентирован в соответствии с предшествующими раскопами 2008 и 2010 гг. и вписан в систему координат 2010 г. Кроме раскопа сплошной площадью было заложено несколько рекогносцировочных раскопов, привязанных к единой дирекционной линии памятника. Всего было заложено 3 рекогносцировочных раскопа. Один из них разбит на северной периферии стоянки, другой размечен на краю террасы среди раскопов 2010 г., последний – за проселочной дорогой в 85 м от края террасовидного берегового уступа. Общее число рекогносцировочных раскопов 2008–2011 гг. – 51 и на этом основании можно утверждать, что площадь памятника протестирована полностью.

Стратиграфия включает пять литологических слоев. Археологический материал зафиксирован во втором геологическом слое [Там же].

Археологическая коллекция 2011 г. стоянки Сенькина Шивера представлена 556 артефактами (302 экз. изделий из камня, 246 обломков керамических сосудов, 2 фрагмента шлака, 5 зубов крупных животных и один обломок неопределимой кости). Технико-типологический облик артефактов указывает на эпоху неолита.

Керамическая коллекция включает орнаментированные и неорнаментированные фрагменты лепных сосудов. Археологически целых форм не обнаружено. Фрагменты керамической посуды представлены шестью развалами сосудов и единичными находками керамических обломков.

Один развал включал 70 фрагментов орнаментированного тонкостенного (0,04–0,05 см) сосуда. Судя по фрагментам, внешняя сторона изделия была покрыта глинистой обмазкой, из которой формировались и наносились на стенки сосуда ряды тонких ровных параллельных валиков, расположенных друг от друга на расстоянии 1 см. В тесто изделия добавлена дресва, следы которой хорошо читаются на поверхности сосуда. С внешней стороны стенки сосуда серого цвета, с внутренней стороны сохранились толстые пласты нагара (до 0,07 см), из-за которого цвет стенок приобрел темный оттенок. Отсутствие венчиковых и донных частей в развале сосуда не позволяет определить форму изделия. Недалеко от него (1,5–2 м) зафиксировано 63 фрагмента орнаментированной керамики от другого сосуда. Толщина стенок фрагментов варьирует от 0,04 до 0,06 см. Все фрагменты имеют зубчатый орнамент, представленный рядами параллельных коротких (вертикальных) и длинных (горизонтальных) линий. Один из фрагментов сосуда представлял венчиковую часть изделия. Венчик округлый, прямой, украшен как с внешней, так и с внутренней стороны рядами косых коротких вертикальных линий, выполненных зубчатым штампом. С внешней стороны

стенки, ниже косых коротких линий, располагались параллельные длинные линии, на верхней из которых имелась ямка.

Другие керамические обломки, найденные в раскопе, были украшены зубчатым штампом, представленным в одном случае рядами косых вертикальных линий, над которыми нанесены две горизонтальные линии подовальных вдавлений, в другом – горизонтальными параллельными рядами. Широко представлен орнамент «сетка-плетенка» (32 экз.). Присутствует один фрагмент венчика (3 х 1,5 см), срез которого усечен и имеет слабовыраженные вдавления, а внешняя и внутренняя сторона покрыта рядом коротких вертикальных линий (1 см), оттиснутых под углом палочкой с плоским рабочим концом.

Из всех изделий из камня (302 экз.) выразительные орудия немногочисленны и насчитывают 17 экземпляров. Они представлены бифасами (2 экз.), наконечником стрелы и его фрагментом, боковыми скребками (2 экз.), угловым резцом, острием, скреблом, ножем с обушком-гранью, изделием с выемкой, теслом, отщепами с ретушью (4 экз.) и абразивом.

Один овальный бифас на прямоугольном отщепе из халцедона выполнен крутой и полукрутой разнофасеточной крупной и мелкой покрывающей протяженной чешуйчатой многорядной ретушью. Другой бифас сделан подтеской, обивкой и ретушью по периметру отщепа-заготовки из алевролита.

Один боковой скребок изготовлен на отщепе из халцедона с прямой ударной площадкой без подработки карниза, с вентральным утончением в дистальной части. Полукруглый рабочий элемент расположен на правой латерали с заходом на дистальную часть отщепа-заготовки и образован дорсальной плоской покрывающей чешуйчатой разнофасеточной модифицирующей многорядной разноразмерной ретушью. Другой скребок выполнен дорсальной плоской субпараллельной захватывающей протяженной средней многорядной ретушью по левой латерали отщепа продольно-проксимальной фрагментацией из алевролита. Сегмент заготовки фрагментирован намеренно рассечением. Заготовка несет следы вентральной подтески и краевой ретуши в дистальной части.

Скребло прямое продольное бифасиальное, выполнено полкрутой разнофасеточной приостряющей ретушью по двум латералям пластины-заготовки. Ретушь слабомодифицирующая средняя разнофасеточная захватывающая.

Фрагмент наконечника стрелы выполнен бифасиальной чешуйчатой разнофасеточной ретушью на пластине из алевролита. Целый наконечник стрелы образован бифасиальной разнофасеточной чешуйчатой ретушью на сколе из халцедона.

Выемчатое простое ординарное образовано на правой латерали дистальной части фрагментированной пластины из алевролита. Рабочий элемент выполнен дорсальной полукрутой разнофасеточной многорядной чешуйчатой мелкой ретушью. Заготовка имеет прямую ударную площадку, подго-

товленную одним сколом, где дорсал несет следы субпараллельных снятий. Пластина фрагментирована обломом.

Резец угловой выполнен в дистальной части технического скола поправки фронта из алевролита. Рабочий элемент образован двумя трансверсальными резцовыми сколами, выполненными с правой латерали бывшей площадки нуклеуса.

Острие образовано мелкой альтернативной полукрутой и крутой разнофасеточной чешуйчатой модифицирующей ретушью в проксимальной части мелкого отщепа из алевролита.

Нож с обушком и гранью изготовлен на пластине из кварцевого песчаника. Ретушь утилизации бифасиальная мелкая краевая разнофасеточная.

Тесло подготовлено обивкой, подтеской и шлифованием. Сырьем выступил мелкозернистый алевролит.

При всей тщательности разбора культурных отложений в процессе раскопок жилищных или других археологических объектов, в западине были обнаружены лишь единичные артефакты. Отсутствие прокалов, ям и других признаков наземных конструкций позволяет считать происхождение западины естественным. Все прокалы, зафиксированные в раскопах, носят техногенный или естественный характер. Невысокая концентрация находок в культурном слое, отсутствие жилищных или хозяйственных комплексов свидетельствуют о кратковременном и эпизодическом посещении древними людьми этой территории.

Таким образом, на основании комплекса археологических работ 2010–2011 гг. выяснено, что основная часть памятника, на которой вероятно существовали комплексы хозяйственно-бытового назначения, уничтожена техногенным вмешательством. В результате работ последних лет обнаружен ряд скоплений изделий и индивидуально залегающих артефактов, которые показывают, что оставшаяся от техногенных разрушений часть памятника является периферией, и, к сожалению, находки в этой периферийной части стоянки не могут дать достаточно аргументов для культурно-хозяйственных реконструкций жизнедеятельности древних обитателей стоянки Сенькина Шивера.

Список литературы

Басова Н.В. Результаты работ на стоянке Сенькина Шивера в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 492–495.

А.П. Бородовский, С.В. Горохов

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ ПО ТРАССЕ МАГИСТРАЛЬНОГО ГАЗОПРОВОДА «АЛТАЙ» В 2010 ГОДУ (НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ)

В октябре – ноябре 2010 г. Новосибирской археологической экспедицией ИАЭТ СО РАН проведены археологические разведки на территории Колыванского, Мошковского, Тогучинского, Новосибирского, Искитимского, Маслянинского и Черепановского районов Новосибирской области.

Объектом исследований стала территория, испрашиваемая под строительство магистрального газопровода «Алтай» в границах указанных районов Новосибирской области. Общая протяженность магистрали газопровода на территории Новосибирской области составляет 241 км. Обследованные территории включают ось трассы магистрального газопровода «Алтай», земельные отводы с шириной полосы 50 м (по 25 м слева и справа от оси трассы) и перспективные для расположения объектов археологического наследия участки, расположенные в непосредственной близости от притрассовых отводов с шириной полосы обследования 2000 м (по 1000 м слева и справа от оси трассы).

Археологические разведки проводили четыре отряда Новосибирской археологической экспедиции общей численностью 40 человек: Колыванский (начальник – вед. науч. сотр. ИАЭТ СО РАН, д-р ист. наук А.П. Бородовский), Инской (начальник – науч. сотр. ИАЭТ СО РАН, канд. ист. наук Л.С. Кобелева), Бердский (начальник – науч. сотр. ИАЭТ СО РАН, канд. ист. наук А.Л. Субботина и Лесостепной (начальник – науч. сотр. ИАЭТ СО РАН, Ю.Н. Гаркуша). Начальник Новосибирской археологической экспедиции – А.П. Бородовский.

В соответствии с поставленной целью и задачами были проведены следующие виды работ: 1) выполнены архивно-библиографические изыскания по сбору данных об объектах археологического наследия, расположенных на указанной территории; 2) изучен картографический материал; 3) выполнены текстовая и графическая часть, включающая: историю исследований, географическое описание территории, описание шурфов и разрезов, альбом иллюстраций; 4) проведена полномасштабная археологическая разведка на территории, испрашиваемой под строительство магистрального газопровода «Алтай» в Колыванском, Мошковском, Тогучинском, Новосибирском, Искитимском, Маслянинском и Черепановском районах Новосибирской области. Археологическая разведка включала три основных вида работ: визуальный осмотр территории, поиск подъемного археологического

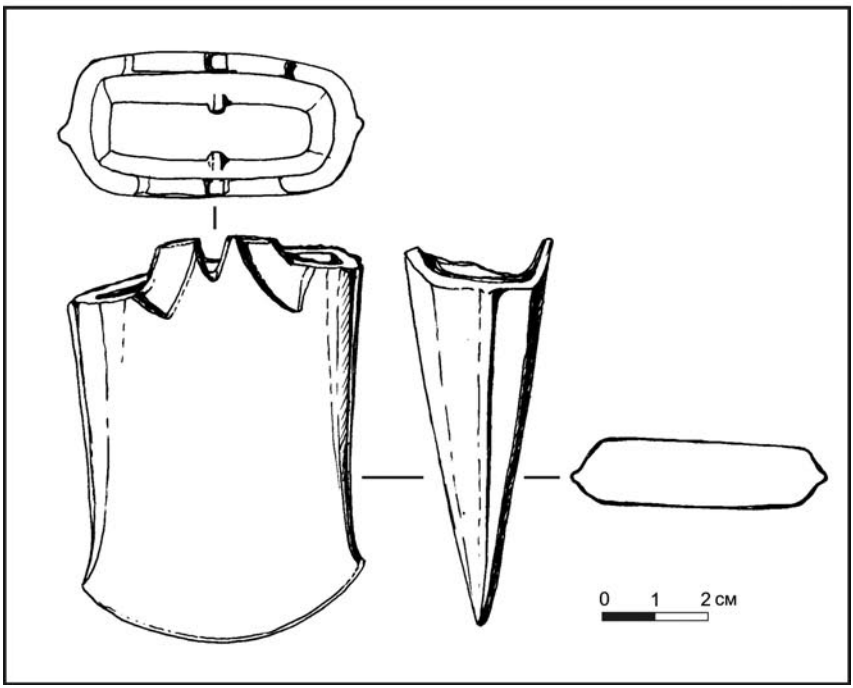

Рис. 1. Поселение Чучка-12. Бронзовый кельт.

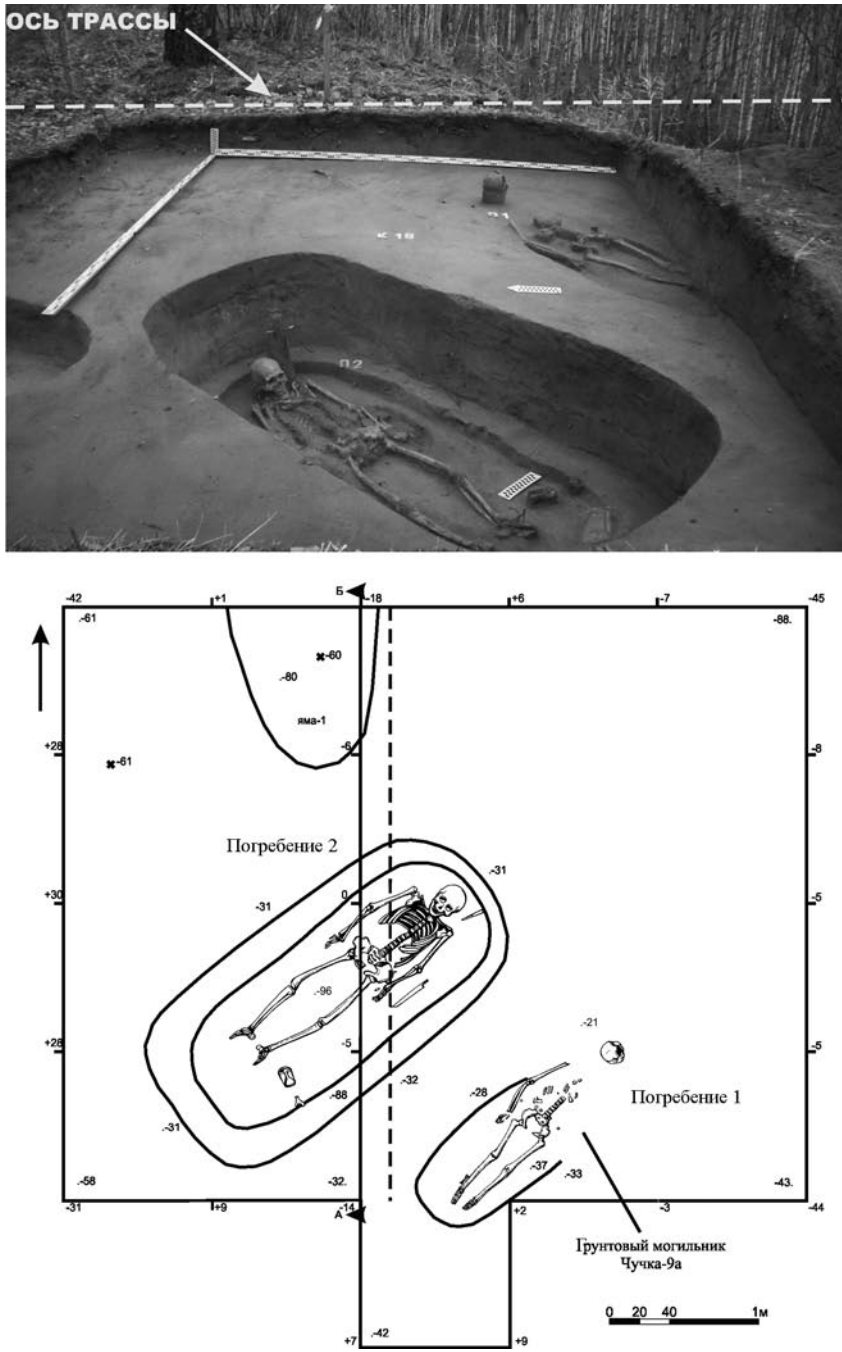

Рис. 2. Чучка-9 (курган 18, погребение 2) и Чучка-9а (погребение 1).

материала, закладку разведочных шурфов (размерами от 1 х 2 м до 1 х 5 м) и выполнение зачисток естественных и техногенных обнажений. Выбор мест для закладки шурфов определялся следующими параметрами: особенности микрорельефа (наличие видимых изменений высоты – повышений или понижений); характер нарушений целостности литологических отложений (техногенные нарушения незначительны или отсутствуют); закономерности расположения объектов археологического наследия на данной территории (приуроченность к определенным особенностям микрорельефа). Всего было заложено 145 разведочных шурфов. Вскрытая шурфами площадь составила 581 кв. м. Также было выполнено 3 зачистки техногенных и естественных обнажений площадью 18 кв. м и заложен рекогносцировочный раскоп на оси трассы размером 5 х 4 м с прирезкой 1 кв. м площадью 21 кв. м. В 11 шурфах и в рекогносцировочном раскопе выявлен разновременный археологический материал. Суммарная вскрытая площадь составила 620 кв. м; 5) проведена топографическая съемка местности, на которой локализуются объекты археологического наследия, созданы топографические и ситуационные планы с привязкой к ним всех археологических вскрытий; 6) на основе проведенных полевых исследований и камеральных работ выполнена итоговая текстовая и графическая часть научно-технического отчета.

В результате проведенной археологической разведки в полосе отвода земель под строительство магистрального газопровода «Алтай» и на прилегающих к ней участках было обследовано 25 объектов археологического наследия – поселений (рис. 1), городищ, курганных групп и одиночных курганов.

Шесть объектов археологического наследия (курганные могильники Чучка 9 (рис. 2), Чучка-9а, поселения Бедь-12, Бердь-13, курганные могильники Белово-1 и Белово-2) расположены непосредственно в 50-метровой полосе отвода, испрашиваемой под строительство магистрального газопровода «Алтай». В том случае, если проект строительства газопровода остается без изменений, они требуют проведения научно-исследовательских спасательных археологических раскопок на части территории археологических объектов, попадающей в полосу отвода под строительство, на площади, определенной разведкой 2010 г.

По результатам археологического обследования трассы магистрального газопровода «Алтай» выявлены новые объекты археологического наследия Чучка-8а, Чучка-9а (Колыванский р-н), Инской Ключ-1, Инской Ключ-2 (Тогучинский р-н), Бердь-12, Бердь-13, Белово-1, Белово-2, Гусельниково-2 (Искитимский р-н).

Вновь выявленные объекты археологического наследия поселение Бердь-9 и курганная группа Гусельниково-1 (Искитимский р-н) не попадают в 2-километровый створ трассы магистрального газопровода «Алтай».

Коллекции после обработки были переданы в Музей истории культуры народов Сибири и Дальнего Востока при Институте археологии и этнографии СО РАН.

А.П. Бородовский, С.В. Горохов

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ ПО ТРАССЕ МАГИСТРАЛЬНОГО ГАЗОПРОВОДА «АЛТАЙ» В 2011 ГОДУ (АЛТАЙСКИЙ КРАЙ И РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ)

В августе-сентябре 2011 г. в рамках исполнения договора о выявлении археологических объектов (памятников) в полосе землеотвода под строительство магистрального газопровода «Алтай» сотрудниками ИАЭТ СО РАН была проведена археологическая разведка соответствующих территорий в Бийском, Советском, Смоленском, Алтайском районах Алтайского края и Шебалинском, Онгудайском, Улаганском, Кош-Агачском районах Республики Алтай (рис. 1).

Археологические изыскательские работы по трассе газопровода на территории плато Укок были выделены в отдельный договор, ответственным исполнителем по которому является Е.С. Богданов.

Протяженность исследованного участка газопровода составляет 650 км, ширина 200 м. В случае, когда границы памятника выходят за пределы землеотвода, фиксируется весь памятник целиком. Так же фиксируются археологические объекты, расположенные в непосредственной близости от трассы газопровода, так как в итоговом отчете должны быть указаны возможные варианты обхода газопроводом археологических объектов.

Для реализации задач исследования использованы результаты ранее проведенных фондовых и полевых разведочных работ (изучение фондов архива Отдела полевых исследований Института археологии РАН, Института археологии и этнографии СО РАН, Министерства культуры Республики Алтай, материалов из личных архивов исполнителей проекта и широкого круга публикаций). На основе проведенных археологических изысканий (археологических разведок) обследована трасса магистрального газопровода «Алтай», обследованы ранее известные памятники археологии, расположенные по трассе газопровода, выявлены неизвестные ранее объекты археологического наследия, расположенные в створе трассы, на которых необходимо проведение спасательных мероприятий. По результатам исследований определены перспективные и малоперспективные зоны проведения охранно-спасательных археологических работ.

Для выполнения работ была сформирована Алтайская археологическая экспедиция (начальник А.П. Бородовский) в составе пяти отрядов (Северо-Алтайский – начальник Д.В. Папин, Центрально-Алтайский – начальник А.П. Бородовский, Чуйский – начальник Г.В. Кубарев, Южно-Алтайский – начальник Е.С. Богданов, Палеолитический – начальник В.С. Славинский),

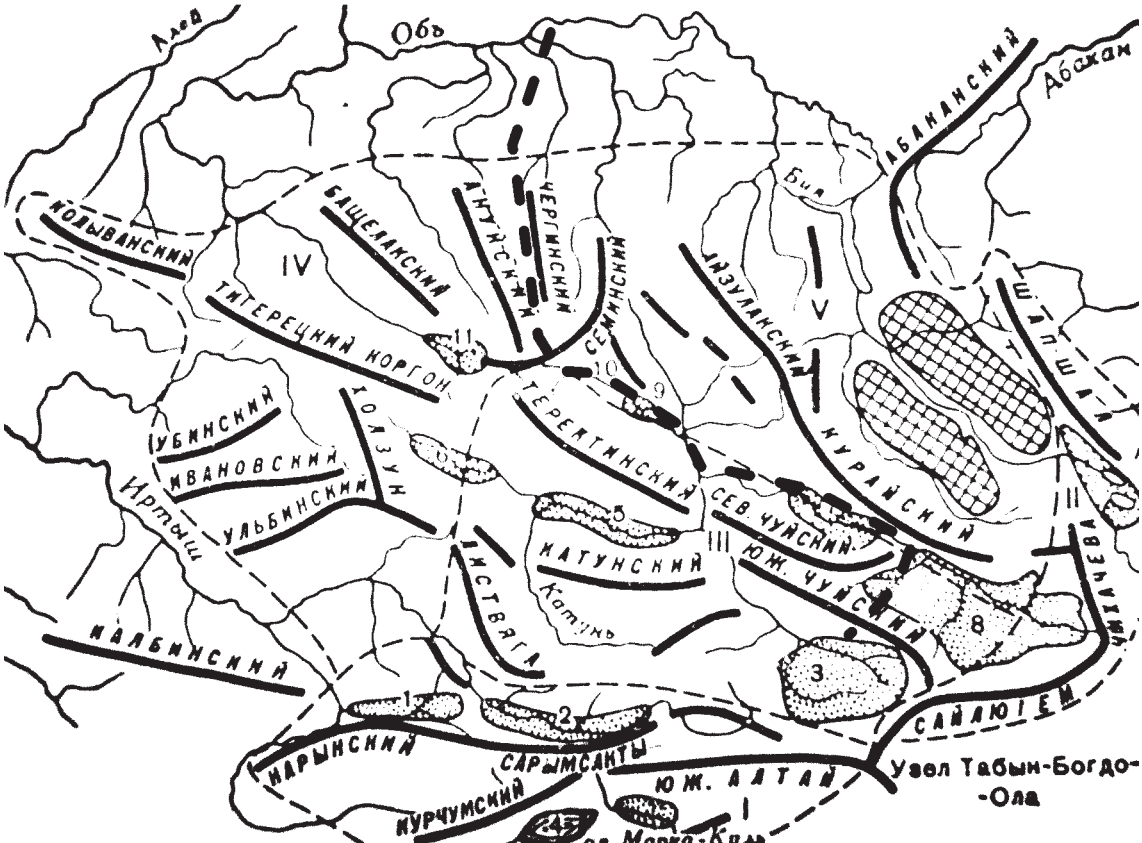

Рис. 1. Схема трассы магистрального газопровода «Алтай».

а также отдельная петроглифическая группа (Д.В. Черемисин, Е.А. Миклашевич).

В ходе обследования трассы магистрального газопровода «Алтай» установлено, что значительная часть разновременных и разнотипных археологических памятников (объектов археологического наследия) расположена в горных долинах рек Песчаная, Урсул, Катунь, Чуя. Наиболее перспективными районами исследований оказались участки перехода трассы газопровода через эти реки. Археологические памятники на указанных участках располагались особенно плотно в рамках нескольких археологических микрорайонов. В предгорной части (Бийский, Смоленский, Советский, Алтайский районы Алтайского края) археологические памятники, вследствие интенсивного хозяйственного воздействия и характера структуры памятника (грунтовые конструкции), не имеют явно выраженных рельефных признаков. На горном участке трассы (Алтайский район Алтайского края, Шебалинский, Онгудайский, Улаганский, Кош-Агачский районы Республики Алтай) большинство археологических памятников (курганы, городища, поселения, стелы, менгиры, суваки, петроглифы) имеют четко выраженные рельефные признаки. Факты случайных находок так же являются надежным признаком идентификации археологического памятника.

Неукрепленные места постоянной и сезонной жизнедеятельности – поселения – располагаются в горной местности на берегах магистральной реки около устьев малых притоков либо в предустьевых долинах на расстоянии 1,5–2 км от их слияния с основной водной магистралью. Вследствие этого, большинство поселенческих комплексов Горного Алтая расположены вне трассы газопровода.

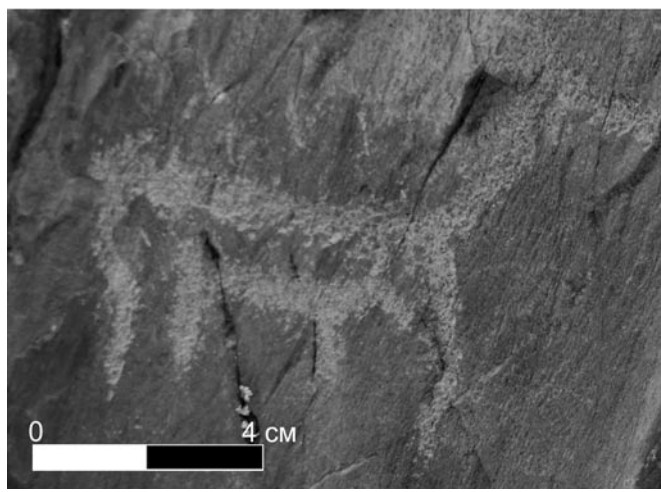

Рис. 2. Верх-Барбок-6 – вновь выявленный археологический памятник (петроглифы) в долине р. Теньга.

Курганы располагаются на наиболее удобных участках речных террас. Насыпи вытянуты в цепочки поперек горной долины. Поэтому трасса газопровода на территории Горного Алтая часто пересекает курганные группы, состоящие от десятка до сотни курганов.

Петроглифы – один из самых распространенных памятников древнего искусства на территории Горного Алтая. Одной из особенностей алтайских петроглифических памятников является неравномерность их распространения. Юго-восток Горного Алтая является наиболее насыщенным наскальными рисунками районом. Чаще всего участки расположения петроглифов совпадают с наиболее яркими и заметными местами. В целом ряде случаев на территории Горного Алтая магистральные трассы пересекают крупные скопления петроглифов.

Оросительные сооружения (суваки) находятся на речных террасах и расположены параллельно и перпендикулярно руслу основной реки. Вследствие этого, трасса газопровода идет либо параллельно суваку, либо пересекает его.

Важным научным итогом проведенных работ стало составление археологической карты с подробными планами памятников в долине р. Теньга (с примыкающими долинами) и на южном склоне Семинского хребта от с. Теньга до с. Туекта (рис. 2).

Всего по трассе магистрального газопровода «Алтай» в ходе полевых археологических изысканий выявлено 330 объектов археологического наследия (археологических памятников), расположенных в различных административных районах Алтайского края (АК) и Республики Алтай (РА). По количеству археологические памятники распределены следующим образом: Бийский р-н АК – 1; Советский р-н АК – 4; Алтайский р-н АК – 14; Шебалинский р-н РА – 23; Онгудайский р-н РА – 205; Улаганский р-н АК – 9; Кош-Агачский р-н АК – 84.

А.В. Выборнов, Ю.А. Васильева,
Д.В. Корытина, Ю.С. Михайлова

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНКИ ГОРА КУТАРЕЙ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

В 2011 г. Кутарейским отрядом Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН были проведены полевые исследования памятников Гора Кутарей и Ручей Поварный. Раскопки широкой площадью на стоянке Гора Кутарей позволили составить представление о характере культурных отложений, формировавшихся в благоприятной ландшафтной ситуации в период неолита – позднего бронзового века.

Стоянка Гора Кутарей расположена в Кежемском районе Красноярского края, на левом берегу р. Ангара, в 617 км от ее устья, у подножия горы Кутарей, в 1,2 км ниже устья р. Кутарей, в 15 км ниже по течению от бывшего с. Кежма. Памятник располагается у западного подножия горы Кутарей (на первой надпойменной террасе), а также у юго-восточного склона, на левобережной ровной площадке сухого лога, пересекающего южное подножье горы. Территория памятника не имеет следов масштабных техногенных нарушений, характерных для большинства археологических объектов в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС.

Памятник условно разбивается на три части, привязанных к отдельным элементам местности. Особый интерес, обусловивший приоритет раскопок, представляет третий участок распространения культурного слоя, расположенный на относительно ровной площадке, совпадающей с подножием безымянной горы, отделенной от горы Кутарей сухим логом. Здесь был разбит Раскоп 1 площадью 975 кв. м. Исследование доведено до уровня 1–1,7 м (как правило, связанный с толщей эоловых песков, на отдельных участках – глина, серовато-буроватые суглинки, зеленоватая супесь, белесый суглинок), глубже которого археологические находки и объекты отсутствовали. Стратиграфия включает три основных комплекса слоев.

Первый комплекс – верхний субаэральный. Включает три выделяемых в стратиграфии слоя – с первого по третий. Второй и третий слои разделяются условно, однако вместе они составляют единый культурный горизонт, сохранивший следы антропогенной деятельности эпохи неолита – поздней бронзы. Вместе они составляют верхний (позднейший) культурный слой. Стратиграфически он связан со вторым комплексом – слоем песка эолового происхождения. Третий комплекс – слои глины, суглинков и красноватого песка, предварительно определяемого как связанного с гляциальными процессами и последующим почвообра-

зованием. Возможен раннеголоценновый, либо позднеплейстоценовый возраст отложений.

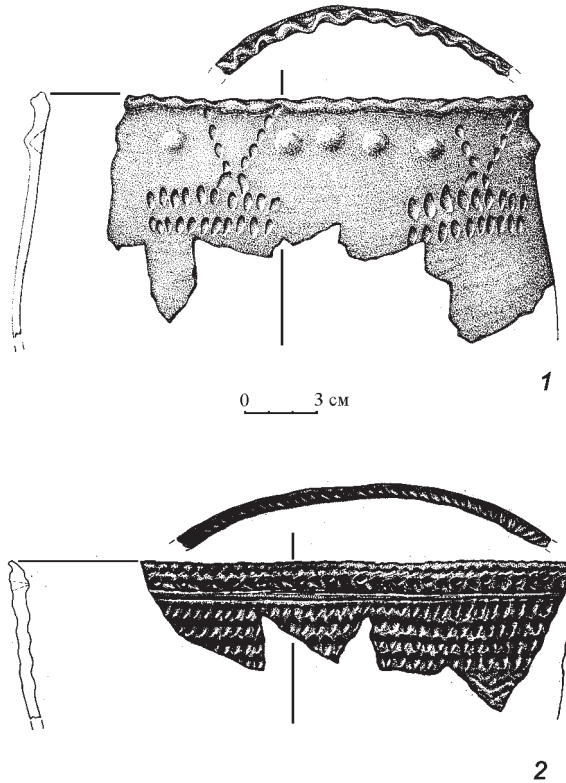
Общее количество и расположение находок позволяет выделять скопления, связываемые с производственными площадками, намеренным сохранением отдельных артефактов. Распространение предметов, как правило равномерное, монотонное, что позволяет достаточно точно определять концентрацию находок как места сосредоточения хозяйственной или бытовой деятельности людей.

На площади раскопа фиксируется ряд объектов связанных с местами долговременного горения, открытые очаги – кострища. Остатков жилищ, каких-либо следов построек зафиксировать не удалось. При этом выделяется примечательный тип объектов, представленный семью примерами. Планиграфически и стратиграфически в раскопе объекты определяются как ямы с камнями. При вскрытии верхней части заполнения ямы, она определяется по уходящим вглубь камням средних и крупных размеров на втором или третьем уровне снятия. При углублении и выборке третьего слоя, в толще слоя серовато-коричневого песка выделяется более темное, содержащее угли пятно, сопряженное с обнаруженными выше камнями. На этом уровне пятно в плане имеет округлую форму с выделяющимися короткими «языками». Разбор пятна демонстрирует переслаивание песка, гумусированной и углистой супеси, плотной светло-коричневой супеси, скоплений угля и прокаленной супеси. В заполнении встречаются ломанные камни (размеры 3-40 см), кости животных (в том числе со следами обожжения), каменный дебитаж, а также каменные орудия и фрагменты керамических сосудов. Генезис, как и предназначение этих объектов неясен, и в настоящее время можно лишь предполагать его хозяйственную, в частности утилизационную или сохранительную, функцию.

В одной из таких ям обнаружены фрагменты двух керамических сосудов (восстановлены приустьевые части). Это редкие для памятника относительно хорошо сконцентрированные развалы, в отличие от большинства предметов посуды, реконструируемых из фрагментов, разнесенных по всей территории раскопа.

Верхний сосуд залегал в кровле ямы. Профиль практически прямой, с небольшим уклоном внутрь (см. *рисунок, 1*). Венчик налепной, украшен волнообразным защипыванием. Орнамент верхней четверти сосуда представлен рядом «жемчужин» неравномерно выдавленными между перекрещивающимися под острым углом линиями овальных вдавлений палочкой. Такой же оттиск составляет группы двойной линии из 9–10 элементов под рядом «жемчужин». Сосуд имел баночную форму. Характерен для эпохи позднего бронзового века.

Второй сосуд залегал в заполнении ямы на 0,5 м глубже первого (см. *рисунок, 2*). Открытый, тонкостенный, с расширяющимся горлом. Венчик слегка отогнут наружу, по краю горлышка нанесены косые овальные вдавления. В верхней части орнамент разделяется неглубокой двойной про-

Фрагменты керамических сосудов из ямы
на стоянке Гора Кутарей (раскоп 1).
1 – сосуд эпохи бронзы; *2* – сосуд эпохи неолита.

черченной линией. Верхняя часть украшена «елочной» линией округлых вдавлений, протянутых вдоль края венчика. Через одну пару вдавлений, на нижней половине – ямочка, выполненная острой палочкой. Нижняя часть орнаментальной композиции – сплошные ряды овальных вдавлений, параллельные краю венчика. На одном из фрагментов зафиксировано четыре таких ряда, под которыми видна часть волнообразной прочерченной линии. Сосуд ассоциируется с керамикой позднего ангарского неолита, может быть определен как посольский тип.

Разделенные прослойкой прокаленной супеси и скоплением каменных артефактов, сосуды относятся формально к разным хронологическим периодам, но представляют содержание ямы. Заполнение закрытого комплекса позволяет доказательно разделять их хронологически и соотносить два основных периода активности жизнедеятельности у подошвы горы Кутарей.

Раскоп представил многочисленный и разнообразный предметный комплекс: различные формы каменных сколов – продуктов первичного рас-

щепления камня, обработки заготовок, ретуширования орудий. В коллекции имеется представительный набор призматических ядрищ и аморфных нуклеусов, пластин от вкладышевых орудий. Среди орудий большую часть составляют наконечники дротиков и стрел (в том числе намеренно сломанные). Прочие типы орудий представлены топорами (в том числе с «ушками»), ножами (в том числе из нефрита), теслами (как правило, с большой площадью шлифованной поверхности). Выделяется находка редкого в закрытых комплексах Приангарья, но принципиально важного для периодизации региональной археологии, каменного стержня – основы составного рыболовного крючка. Находки керамики позволяют соотносить культурные отложения верхнего почвенного комплекса с широким хронологическим периодом от неолита до перехода от бронзовой эпохи к раннему железному веку. При обилии находок каменных и керамических артефактов не обнаружено ни одного изделия из металла либо следов металлургического производства.

Нижние, суглинистые слои раскопа содержали скопления камней, залегавших на одном горизонте вне определяемого порядка. Однако их нахождение не случайно и вряд ли может быть объяснимо естественными причинами. Сопутствующие находки – каменные сколы и орудийные формы – могут быть морфологически соотнесены с палеолитическими артефактами. Здесь же встречаются кости животных с резанными краями.

Таким образом, в первом раскопе на стоянке Гора Кутарей получены следы жизнедеятельности местного населения эпохи неолита-бронзы. Люди осваивали локальные минеральные и биологические ресурсы, не создавая долговременных жилищ, ограничиваясь частым, но сезонным присутствием. Эффективность этой модели демонстрируется разнообразным каменным инвентарем, а керамический комплекс и выделяемые объекты свидетельствуют о потенциале развития культурно-хронологических построений.

П.В. Герман, С.Н. Леонтьев

РАБОТЫ НА ОСТРОВЕ СЕРГУШКИН В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

В июле – сентябре 2011 года Первым Сергушкинским отрядом ИАЭТ СО РАН проводились спасательные археологические работы на памятниках Сергушкин-1, Сергушкин-3 и Взвоз (Кежемский район Красноярского края), входящих в состав ансамбля археологических памятников остров Сергушкин.

Стоянка и могильник эпохи неолита – средневековья **Сергушкин-1** находится в 64 км выше по течению от с. Кежма и локализуется на левом берегу острова Сергушкин в верхней его оконечности. Местонахождение археологического материала на стоянке Сергушкин-1 приурочено к двум высотным уровням: 5-метровой пойме (стоянка, могильник Сергушкин-1, пункт «А) и надпойменной 12-метровой аллювиальной террасе (стоянка Сергушкин-1, пункт «Б»).

Памятник открыт в 1974 году В.И. Привалихиным, им же неоднократно проводились стационарные археологические работы (1981, 1987, 1989, 1991, 1995, 2008 гг.). На относительно небольшой части памятника (вскрыто 170 кв. м.) В.И. Привалихиным, помимо прочих находок, обнаружено три погребения и клад каменных изделий серовского времени [Привалихин, 2011]. В 2010 г. охранно-спасательные археологические исследования в пункте «Б» проводил С.И. Рудковский.

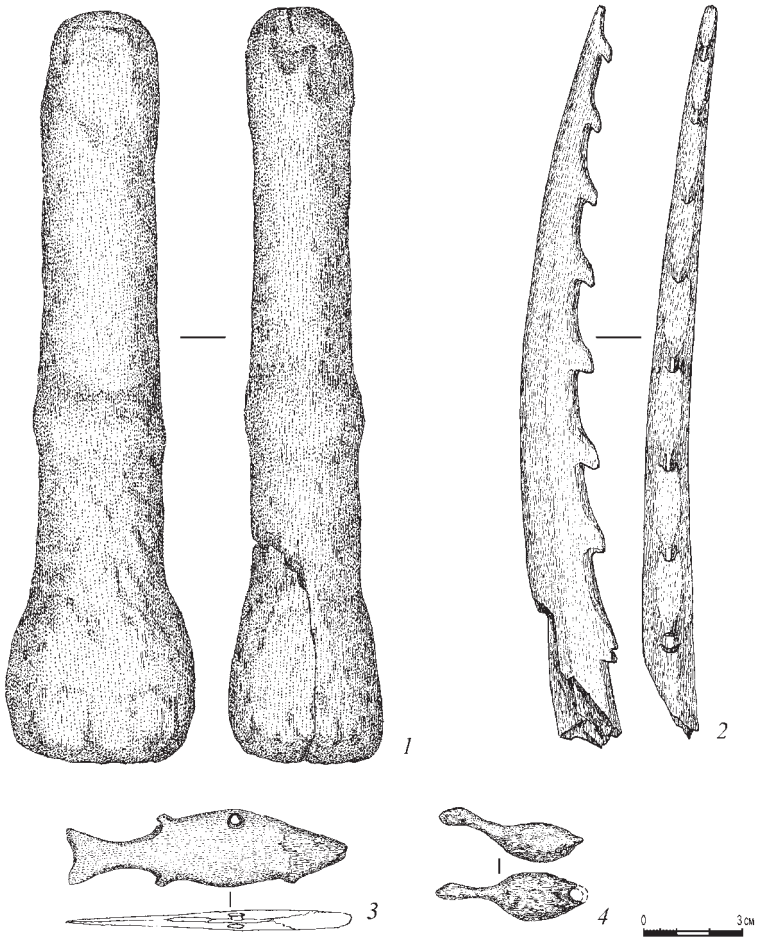
В текущем году на памятнике Сергушкин-1 была вскрыта площадь 312 кв. м, из которых 270 кв. м – сплошная площадь исследования (раскоп № 1) и 42 кв. м – рекогносцировочные раскопы (№ 1–9).

Основным объектом исследования являлась часть памятника, расположенная в пойме (пункт «А»). Стратиграфическая ситуация на данном участке усложнена наличием микрорельефа, связанного с деятельностью ледохода. В частности, это нахождение на поверхности массивных валунов, которые встречены на всех горизонтах основного раскопа и некоторых рекогносцировочных. На стенках хорошо читается переслаивание почвы, связанное с затоплением и наносом стерильных прослоек.

Археологический материал встречается уже в ходе снятия дерна. Этот (1-й) и последующий (2-й) горизонты по нахождению керамической посуды с обмазочными и формованными валиками следует датировать ранним железным веком и средневековьем (5 в. до н.э. – 12 в. н.э.). Во 2-м горизонте обнаружено 5 разрушенных печек для получения железа (?), одно скоп-

ление фрагментов керамической посуды с обмазочно-валиковым декором, большое количество шлака и кусков обмазки печей, крупные фрагменты костей животных, молоты для дробления руды, песты. Из наиболее примечательных находок – каменный фаллический жезл (см. *рисунок, 1*), костяная фигурка головы лося, костяной изделие с орнаментом.

Условные горизонты 2А и 3 являются компрессионными. Здесь встречено незначительное количество материала эпохи железа, эпохи бронзы (керамика с отпечатками рубчатой лопаточки) и большое количество материала эпохи неолита (усть-бельский тип керамики). На горизонтах 3А, 4 и 4А усть-бельский керамический комплекс встречается повсеместно в больших

Материал стоянки и могильника Сергушкин-1. Рисунок Д.А. Хмелевцевой.
1 – фаллический жезл; *2* – гарпун; *3, 4* – подвески.
1 – камень; *2–4* – кость.

количествах, изредка совместно с фрагментами с сеткой-плетенкой. Среди огромного количества фрагментов керамических сосудов и отходов производства орудий из камня, были обнаружены несколько костяных гарпунов разной сохранности (см. *рисунок, 2*), прочие изделия из кости и рога, серия шлифованных тесел, каменный стерженек рыболовного крючка, керамический диск с отверстием. В ходе разборки бровки и зачистки материка обнаружены две костяные подвески – скульптура рыбы (см. *рисунок, 3*) и водоплавающей птицы (утка) (см. *рисунок, 4*). Отдельно зафиксировано несколько развалов и производственная площадка (плотное скопление отходов каменной индустрии).

Таким образом, на памятнике изучены четыре почвенных слоя, которые являются культуросодержащими. Они содержат в себе археологический материал раннего железного века (условный горизонт 1–3) и эпохи неолита (горизонт 3–4а), а так же объекты хозяйственно-бытового плана *in situ*. Ранние культурные отложения маркируют собой часть долговременной стоянки древних рыбаков и охотников, более поздние представляют собой металлургическую площадку.

В результате проведенных рекогносцировочных работ установлено, что в пункте «А» археологический материал распространен повсеместно, с наибольшей концентрацией у борта пойменной террасы. В пункте «Б» археологический материал встречен на всем протяжении памятника, но не дальше чем в 20 м от края коренной террасы. Концентрация археологического материала в пункте «Б» гораздо ниже, чем в пункте «А».

С 2009 года силами Первого Сергушкинского отряда проводятся раскопки на памятнике **Сергушкин-3** [Герман, Леонтьев, 2010]. Памятник расположен на 12-метровой аллювиальной террасе левого берега о. Сергушкин, в 2,5 км выше его нижней оконечности. В настоящее время поверхность террасы покрыта молодым подлеском сосны, лиственными деревьями (береза, осина) и кустарниками. Вдоль края первой коренной террасы, пролегала грунтовая дорога, которая незначительно нарушила культуросодержащий слой в северо-западной оконечности памятника. Стоянка и могильник эпохи неолита–средневековья Сергушкин 3 открыты в 1974 году В.И. Привалихиным и позднее неоднократно им исследовались [Привалихин, 1987].

В результате полевых исследований 2011 года на памятнике Сергушкин-3 была вскрыта площадь 630 кв. м, из которых 610 кв. м – сплошная площадь исследования (раскопы № 1 и 2) и 20 кв. м – рекогносцировочный раскоп (№ 1).

Помимо находок в слое было обнаружено 7 погребений. Шесть из них (№ 18–23) относятся к эпохе средневековья (X–XIV вв. н.э.). Захоронения совершены по обряду трупосожжения на стороне. Жженые кости располагались в небольшой грунтовой ямке. Погребальный инвентарь: лом железных предметов, бляшки и подвески из бронзы, железные ножи и тесла.

Датировка погребения № 24 затруднена в связи с отсутствием диагностирующего инвентаря и потревоженности могилы корнями дерева. Судя по

характеру трупоположения (скорчено на боку), погребение предварительно следует отнести к бронзовому веку.

К настоящему моменту на территории памятника Сергушкин-3 исследована площадь 2374 кв. м. Сплошными раскопами была исследована кромка террасы на ширину до 13 м от бровки на всем протяжении памятника.

В августе 2011 г. были продолжены работы на памятнике **Взвоз** – стоянке эпохи неолита–средневековья, открытой в 1988 г. В.И. Привалихиным. Памятник находится на 4–5-метровой пойменной террасе правого берега о. Сергушкин, в 1 км ниже его северной оконечности. В 2011 г. на памятнике была вскрыта площадь 229 кв. м, из которых 194 кв. м – сплошная площадь исследования (раскоп № 1) и 35 кв. м – рекогносцировочные раскопы (№ 1–4).

Вся площадь памятника покрыта слоем дерна, сформированным тленом лесной подстилки и подстилаемым слоем тощих светло-серых супесей мощностью до 1 м, образованным речными наносами. Ниже шел слой комковатой жирной супеси коричневато-бурого цвета мощностью до 0,5 м. В этом слое (1-й горизонт) встречен археологический материал эпохи раннего железа – средневековья, представленный многочисленными фрагментами керамики цэпаньского типа и посуды с обмазочно-валиковой орнаментацией, а также дисками, выточенными из обломков горшков (атрибутируемые как керамические скребки или как игральные фишки). Здесь же выявлено семь объектов, представлявших собою остатки развалов медеплавильных горнов. Последнее обстоятельство позволило интерпретировать данный участок памятника как рабочую площадку. Есть основание полагать, что почти все встреченные сосуды утратили свою целостность за пределами обследованного участка – на пока не выявленной территории поселения. На рабочую площадку доставлялись лишь обломки горшков, а также выточенные из них диски. Здесь они дополнительно измельчались и, смешиваясь с тощим суглинком и жженной костью, становились сырьем для изготовления стенок шахт металлургических горнов. Более крупные керамические обломки использовались для внешней обкладки наземных частей с целью их дополнительной термоизоляции. Следует отметить, что медеплавильные горны после их однократного использования преднамеренно уничтожались полностью, включая их подземные части. Судя по ничтожному количеству отходов металлургического производства, все горны носили одноразовый характер, а особенности вертикальной и горизонтальной стратиграфии выявленных объектов позволяют утверждать, что создавались и функционировали они лишь очень короткий хронологический период.

Следующий слой, состоящий из плотной слоистой супеси темного желтовато-коричневого цвета мощностью до 10 см, содержал незначительное число находок. Его подстилал слой жирной супеси буровато-серого цвета мощностью до 0,3 м (2-й горизонт). Встреченный в нем материал образовывал семь скоплений (объектов), представлявших собой компактные развалы керамических сосудов или их частей. В пространстве между объектами,

помимо одиночных обломков посуды, были встречены многочисленные отходы камнеобработки в виде сколов и отщепов, а также каменные орудия – скребки, ножи, наконечники стрел, наконечник копья или дротика, «выпрямитель древка», скребло, долото, тесла, лощила, абразивные камни и др. Также на этом горизонте были найдены заготовка каменной скульптурной фигуры двуглавой рыбы и фрагменты рога лося без следов обработки.

Подавляющее большинство керамического материала этого горизонта относится к серовскому типу неолитической посуды, обломки горшков иного облика единичны. К тому же хронологическому периоду относится, видимо, и основная часть каменного инвентаря. Это обстоятельство позволяет интерпретировать данный участок памятника как стоянку древних рыболовов и охотников, сопровождавшую культовое место, выявленное здесь в 2010 г [Герман, Леонтьев, 2010].

Список литературы

Герман П.В., Леонтьев С.Н. Результаты полевых исследований на памятниках Сергушкин-3 и Взвоз в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 500–505.

Привалихин В.И. Комплекс материалов скифского времени стоянки Сергушкин-3 // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1987. – С. 90–95.

Привалихин В.И. Клад каменных артефактов эпохи неолита стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» // Второй век подвижничества: Сб. науч. ст. – Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2011. – С. 152–162.

Ю.А. Гревцов, Л.Л. Галухин, С.П. Журавков

КОМПЛЕКС УГЛУБЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ СТОЯНКИ ЧИРИДА

В 2011 г. первый Берямбинский отряд Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН проводил спасательные работы на стоянке Чирида. В ходе работ отряда в 2010 г. было изучено жилище полуземляночного типа, отнесенное авторами раскопок к эпохе бронзы [Гревцов, Лысенко, Галухин, 2010]. Объект фиксировался как западение на уровне современной поверхности. В 2011 г., перед началом вскрышных работ, был составлен план всех аналогичных западений на площади исследуемого археологического памятника.

На второй надпойменной террасе р. Ангары, от устья ручья Чирида по всей площади памятника зафиксировано 51 аналогичное западение. Объекты представляют собой углубления в дневной поверхности круглой и овальной в плане формы, глубиной до 0,3 м. Западения в плане образуют разорванную цепочку вдоль борта речной террасы длинной 700 м, с углублением в нее до 50–70 м. В цепочке углубленные объекты зафиксированы группами по 2–4. Для уточнения природы данных объектов два из них в периферийной юго-западной части были вскрыты раскопами № 2 и № 3.

В обоих случаях западения оказались искусственными углубленными объектами. В раскопе № 2 на уровне верхней границы третьего условного горизонта, непосредственно под западением дневной поверхности, зафиксирован котлован неправильной прямоугольной формы, сориентированный по сторонам света с небольшим разворотом по линии ЗСЗ-ВЮВ. Размеры котлована по линии СЮ – 6 м, по линии ВЗ – 5,2 м. Глубина котлована от 0,12 до 0,40 м с увеличением вглубь террасы. Вдоль западного и восточного бортов зафиксированы фрагменты деревянной конструкции сооружения. Элементы конструкции представляют собой четко читаемые на уровне плечей котлована фрагменты двух горелых бревен, положенных параллельно бортам земляной выработки с внешней стороны на уровень, с которого котлован впущен. Бревна имеют круглое сечение диаметром до 0,3 м. Размеры бревен по длине превышают размеры прилегающих бортов ямы на метр в южной части сооружения.

В северо-восточном углу котлована зафиксированы три углубления дна неправильной овальной формы расположенных параллельно друг другу, глубиной до 0,15 м. В заполнении этих углублений зафиксированы фрагменты древесного угля мелкой фракции и фрагменты лепных керамических со-

судов. По итогам реставрации сосуды оказались двумя мелкими плошками с диаметром до 10–12 см по урезам венчиков. В этой же части котлована, на дне зафиксировано скопление фрагментов расколотых трубчатых костей и костей черепа медведя со следами высокого температурного воздействия.

По всему периметру котлована зафиксированы следы выброса, представленного карбонатизированным суглинком, стерильный слой которого подстилает коричневую супесь третьего условного горизонта. В заполнении котлована встречены разрозненные находки, относящиеся к третьему условному горизонту памятника, расположенные бессистемно. Предметы, по-видимому, перемещены из слоя в процессе копки котлована. Находки представлены продуктами каменной индустрии, фрагментами наконечников стрел, мелкими фрагментами лепных керамических сосудов. Никаких элементов, которые могли бы рассматриваться как очажное сооружение, в котловане не найдено. Исключение составляет скопление фрагментов скальной породы со следами высокого температурного воздействия за границами земляной выработки в юго-западной части раскопа. Отсутствие такого маркирующего элемента конструкции как очаг, ставит под сомнение интерпретацию данного углубленного объекта как жилища.

В северо-западном углу раскопа № 2, в трех метрах от описываемой конструкции, в процессе зачистки стенок раскопа зафиксирован еще один углубленный объект. Данный объект не имел выраженного западения с уровня дневной поверхности. Периферийная часть объекта зафиксирована в стенке раскопа, сам объект законсервирован.

В раскопе № 3 на уровне второго условного горизонта непосредственно под местом западения дневной поверхности, зафиксирован котлован прямоугольной формы. Котлован сориентирован по сторонам света со смещением по линии ЗЮЗ–ВСВ. Размеры котлована по линии СЮ – 6,4 м, по линии ВЗ – 6,8 м. Глубина выработки до 0,19 м у северного борта, с уменьшением до 0,1 м к южному борту по естественному склону террасовидного уступа. В юго-восточном и юго-западном углах углубленного объекта зафиксированы элементы деревянных конструкций сооружения. Элементы конструкции представляли собой фрагменты горелых круглых в сечении лаг с диаметром до 10 см. Лаги были размещены внутри котлована, вдоль его бортов и наиболее сохранились в углах.

В центральной части углубленного объекта зафиксировано скопление обломочной скальной породы со следами высокого температурного воздействия, с заполнением между камнями зольной супесью. Скопление имело неправильную трапециевидную форму размерами по линии СВ 1,3 м, по линии ЗВ 1,4 м. Данная находка была интерпретирована как очажное сооружение. Восточный борт котлована в центральной части имел минимальную глубину и размытый контур, что позволило предположить наличие в данной части входа в сооружение. На площади котлована, на уровне дна, зафиксированы два скопления мелких отщепов. Скопления имели высокую концентрацию находок – более 100 экз. на 30 кв. см, что позволило

интерпретировать их как площадки для изготовления каменного инвентаря. Площадки были расположены вплотную возле очага, к северо-востоку и юго-западу от него. Наиболее интересной представляется юго-западная площадка. Данный объект смещен к углу сооружения. В 30 см к югу от скопления отщепов, вдоль борта котлована найдено скопление заготовок и изломанных орудий из камня со следами ремонта. В наборе представлены наконечники стрел, ножи, скребки (рис. 1, *4, 6, 8, 9, 10*), призматические нуклеусы и абразивы. Наиболее любопытны заготовки наконечников стрел на призматических пластинах (рис. 1, *1–3, 5, 7*).

В северо-западном секторе углубленного объекта, на дне зафиксированы два развала лепных круглодонных орнаментированных керамических сосудов (рис. 2). Хронологически данные находки могут быть отнесены к эпохе бронзы.

В двух метрах от центральной части западного борта котлована в раскопе зафиксирована яма правильной круглой формы, глубиной до 0,5 м. На дне ямы найден развал лепного керамического круглодонного сосуда. Сосуд имел крупные размеры – 50 см в диаметре по венчику. Часть крупных фрагментов тулова сосуда была зафиксирована в вертикальном положении между бортами ямы крупными фрагментами скальной породы. В ходе реставрации сосуд восстановлен полностью. Высота восстановленного сосуда соответствует глубине ямы. Очевидно, яма и сосуд имели назначение хозяйственного хранилища и непосредственно относятся к описываемому объекту.

Описываемый углубленный объект интерпретируется авторами как жилище полуземляночного типа. Наличие очагов и площадок «мастерских» для изготовления и ремонта каменного инвентаря внутри закрытых объектов, свидетельствует об использовании данных строений в осенне-зимний период – время активной промысловой деятельности населения таежной зоны Северного Приангарья. Конструктивные особенности сооружения, орнаментальные мотивы керамических сосудов, стратиграфическая ситуация раскопа, коллекции находок свидетельствуют об условной синхронности существования жилищ из раскопов 2010 и 2011 гг. Оба жилища могут быть отнесены к эпохе бронзового века. Более точные датировки могут быть получены в результате проведения радиоуглеродного анализа деревянных элементов конструкций, пробы которых были отобраны.

Таким образом, двухлетний опыт раскопок углубленных объектов памятника стоянка Чирида позволяет сделать следующие выводы. Данный памятник содержит материалы, интерпретируемые как комплекс жилищных сооружений эпохи бронзового века. Такая категория памятников на территории Северного Приангарья до 2010 г. известна не была. Все исследованные объекты памятника, имеющие визуально читаемые западения от уровня дневной поверхности, являются археологическими. Целесообразно рассматривать комплекс жилищных сооружений эпохи бронзового века Чирида, как отдельно взятый от стоянки эпохи неолита, могильника и поселения эпохи раннего средневековья памятник археологии. В условиях

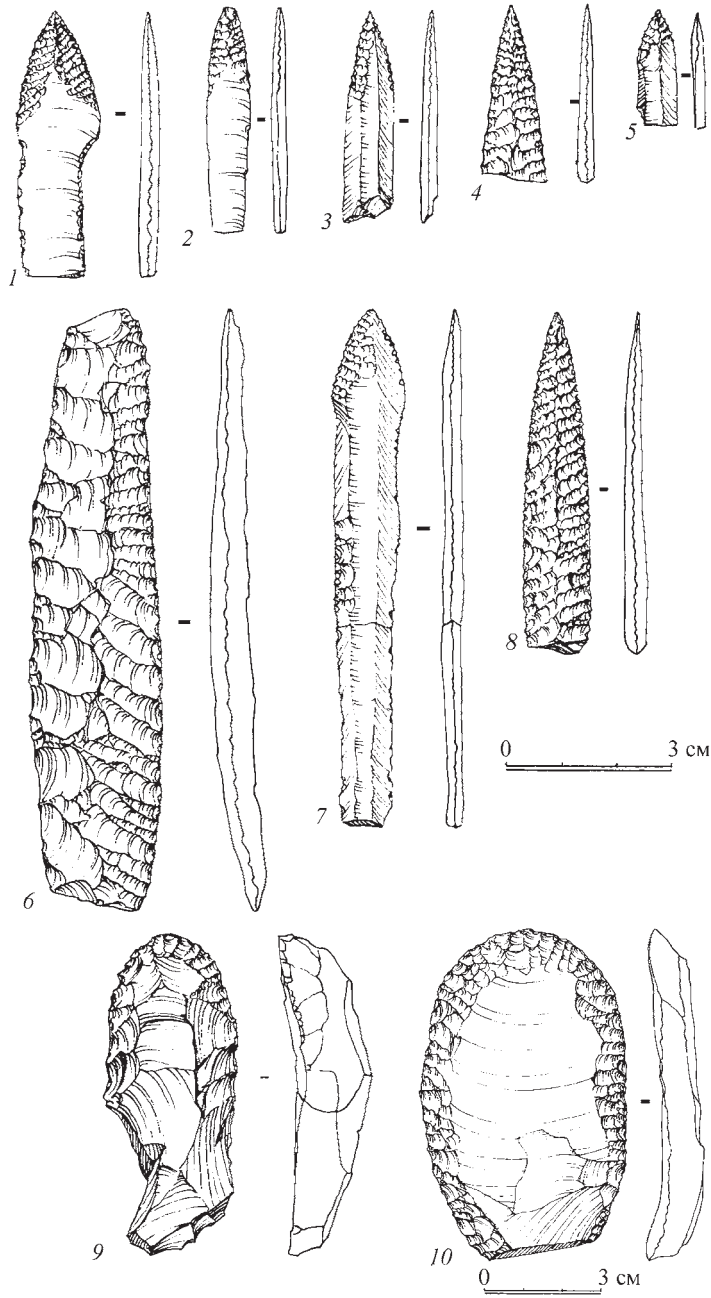

Рис. 1. Находки из жилища № 2. Чирида.
1–3, 5, 7 – заготовки наконечников; *4*, *8* – фрагменты наконечников;
6 – нож; *9, 10* – скребки.

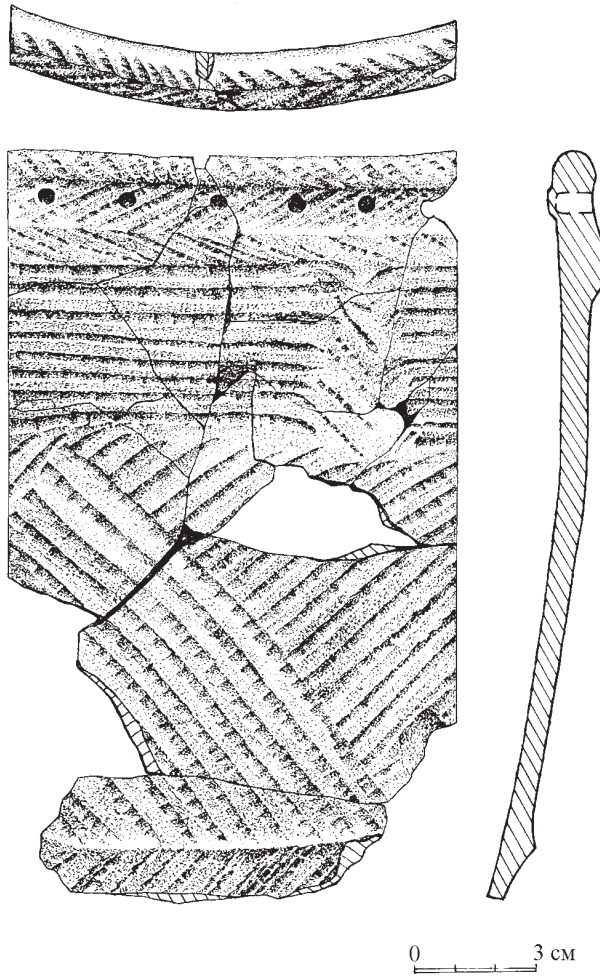

Рис. 2. Фрагмент сосуда из жилища № 2. Чирида.

подготовки ложа водохранилища Богучанской ГЭС, необходимо провести комплекс спасательных работ по сохранению и исследованию данного памятника, как опорного в изучении эпохи бронзового века на территории среднего течения реки Ангары.

Список литературы

Гревцов Ю.А., Лысенко Д.Н., Галухин Л.Л. Спасательные работы Берямбинского отряда Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. – С. 509–514.

Ю.А. Гревцов, М.Н. Мещерин,
Л.Л. Галухин, С.П. Журавков

СТОЯНКА БЕРЯМБА – НОВЫЙ ОБЪЕКТ ПАЛЕОЛИТА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

В 2011 г. I Берямбинским отрядом Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН проводились спасательные археологические раскопки на памятнике поселение Берямба. В учетной документации объектов культурного наследия памятник был датирован эпохами неолита – раннего средневековья. В ходе исследований отряда 2010 г. [Гревцов, Лысенко, Галухин, 2010] в рекогносцировочных раскопах при определении площади объекта были получены материалы, позволяющие удревнить возраст исследуемого памятника. В 2011 г. раскопами общей площадью 300 кв.м. была вскрыта часть памятника с зафиксированными культурными горизонтами эпохи палеолита. Полученные материалы позволили выделить местонахождение палеолитических материалов в самостоятельный археологический объект – стоянка эпохи верхнего палеолита Берямба.

Объект расположен на правом берегу р. Ангары, на второй надпойменной террасе, в 500 м ниже устья р. Берямбы. Памятник связан с отложениями террасовидной формы высотой 9–10 м над уровнем Ангары. Площадка, на которой заложены раскопы, представлена субгоризонтальной поверхностью с углами наклона 0–3 градуса. С юга площадь ограничена фронтальным уступом, обращенным к Ангаре. К западу, эта площадка тянется на 1,5 км, где латерально расчленяется долиной Сухого ручья. По ее поверхности просматривается полигональный рельеф, сложенный оплывшими блоками овальной формы по 6–8 м. В прибровочной части, местами проявляется прирусловой вал с максимальной шириной 5 м и высотой по гриве – до 1 м.

Раскопами вскрыты следующие отложения:

I – пахотный слой – гумусированный черно-коричневый суглинок, имеющий стабильно задернованную поверхность. Нижняя граница резкая прямая на протяжении всего разреза субгоризонтальна по простиранию. Литослой содержит металлические и каменные артефакты, фрагменты керамической посуды, относимые к эпохе палеометалла вплоть до исторической этнографии. Мощность литологического слоя – 0,24 м;

II – серо-желтая супесь, пылеватая с незначительным включением мелкозернистой фракции. Структура массивная. По профилям раскопа прослеживается не систематически. Подошва слоя ровная, субгоризонтальная, постепенная (не четкая). Мощность – в среднем 0,09–0,11 м;

III – желто-коричневая тяжелая лессовидная супесь, однородная по механическому составу, пылеватая, насыщенная влагой. На различных участках раскопа в верхней части маркируется гумусированным прослоем погребенной палеопочвы. Палеопочва имеет интенсивно черный цвет, размытый по верхней и нижней границе. Местами в почве встречены концентрированные прослои древесного угля. Мощность прослоя – до 0, 1 м. К верхней части литологического слоя относятся систематически встречаемые клиновидные западины с размерами в устьях 0,5–1,0 м и глубиной не менее 1 м, которые в свою очередь, преобразованы линейным размывом. Борта промоин выполнены описанной выше палеопочвой. Поверхность слоя в профиле повторяет элементы полигонального рельефа с линейными размерами полигонов до 4–6 м. Подошва слоя выполняет рельеф мелкокочковатой поверхности. На контакте с подстилающим слоем наблюдается горизонт заложения псевдоморфоз по криогенным трещинным деформациям шириной до 0,2 м. Археологические материалы – остеологические остатки плейстоценовой фауны, каменные артефакты палеолитического облика – приурочены к низовой части слоя на контакте с подстилающим слоем. Отдельные находки фауны встречены в заполнении промоины на глубине подстилающего слоя и литослоя V. Преимущественная мощность литослоя III составила – 0,32 м;

IV – суглинок светло-серого цвета с обильным содержанием осадка карбонатов. Структура плитчатая (чешуйчатая). Верхняя и нижняя границы отчетливы, часто и несистематично прерываются внедрениями сверху. В верхней части, на контакте с вышележащим слоем местами отмечаются тонкие (до 0,05–0,03 м) гумусированные черновато-коричневого цвета линзы горизонтального простирания. В верхней – средней части фиксируется уровень заложения криогенных вертикально-трещинных структур. Клинья тонкие (до 1–1,5 см) протяженностью 0,45–0,7 м, в устьевых частях имеют ширину до 0,07 м. В нижней части слоя отмечаются разрозненные включения мелкой (1–3,5 см) галки второго класса окатанности, которые относительно концентрируются по границе с подстилающим слоем. Археологических материалов литологический слой IV не содержит. Мощность слоя от 0,10 до 0,30 м;

V – глинисто-сугинистые пестроцветные отложения, преимущественно серо-коричневого цвета, с частыми линзовидными включениями, отдельными рассеянными галечками, аналогичными обнаруженным выше, гальками и щебнем худшей окатанности, отдельным крупным валуном (30 см по длинной оси) и мелкой несистематичной слойчатостью. Включения представлены конкрециями глины черного, зеленого и оранжевого цветов. Местные тонкие переслаивания разноцветных глинисто-суглинистых отложений залегают под различными углами от субгоризонтального до вертикального простирания. Мощность (видимая) – 0,3–0,6 м.

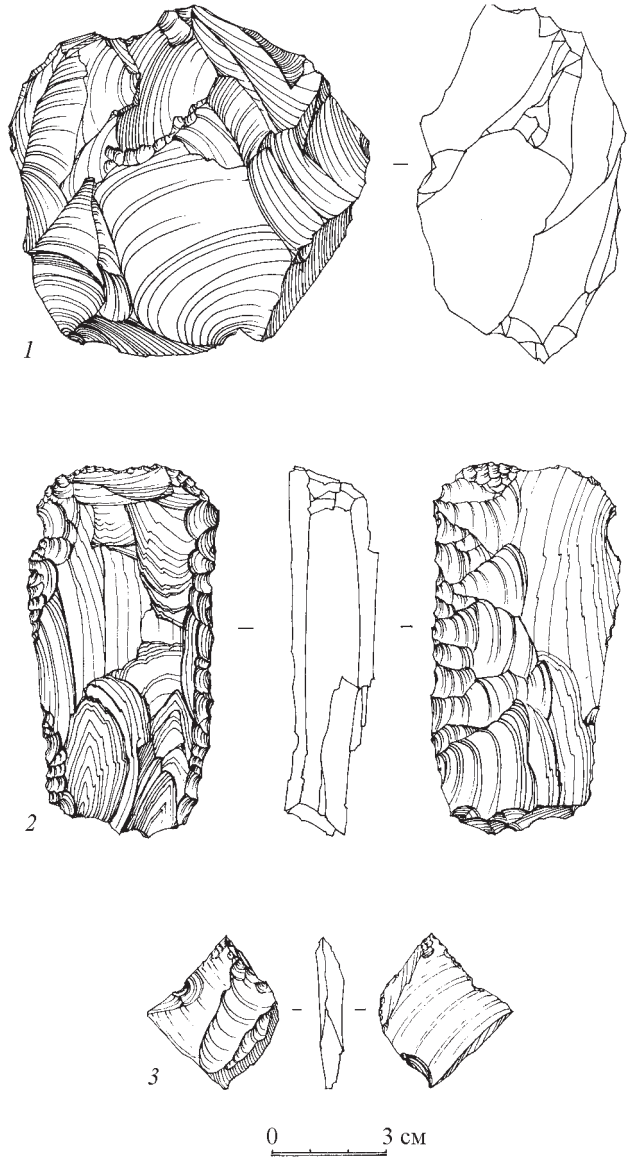
Анализ полученных данных по составному разрезу раскопа позволяет составить предварительное представление об особенностях седиментации,

палеогеографии и геохронологии культуровмещающих отложений. Местные особенности рельефа с большой вероятностью указывают на то, что раскоп расположен в периферийной зоне конуса выноса (континентальной дельты) в устье р. Берямбы. В пользу этого свидетельствуют наличие перпендикулярного бруствера – возвышения, фронтально отсекающего площадку от берега Ангары, слабовыраженные в рельефе оплывшие, блуждающие мелкие русла, устремленные в радиальных направлениях относительно современной долины притока. На отдельных участках эти брошенные водотоки образовывали, вероятно, замкнутые бессточные бассейны крупных пересыхающих луж и мелких озер, заболоченных площадок, которые обнаруживаются в разрезах также в погребенном состоянии в виде горизонта мелкой кочки на уровне литологического слоя IV.

Вскрытая и разведанная часть разреза представлена пятью литологическими слоями со схожим механическим составом. Литологический слой I, пахотный, выделен условно. Он объединяет толщу неопределенной мощности, деформированную техногенными процессами. Литологический слой II соответствует основанию толщи покровных отложений. Литологические слои III–IV могут характеризоваться как различные фации генетического типа речного пролювия с веерами, простирающимися преимущественно в крест долине Ангары. Слабая сортировка материала, глинисто-алевритистый состав «замутненного» мелкозема по линейным размывам, заложенным с уровня литологического слоя II, рассеянная галька высокого класса окатанности, окатанный щебень и чешуйчатая структура сложения суглинистого осадка литологического слоя IV характерны для отложений застойноводных фаций пролювиальных конусов. Литологический слой V определяется как солифлюкция относительно вяло текущая, развивающаяся в условиях незначительных уклонов субгоризонтальной поверхности.

Горизонтами, маркирующими важнейшие палеоклиматические события следует признать верхнюю палеопочву, залегающую в верхней части литологического слоя III, нижнюю палеопочву, зафиксированную эпизодически в кровле литологического слоя IV, верхний горизонт псевдоморфоз, заложенных из кровли третьего литологического слоя, клиновидные псевдоморфозы выраженные в подошве литослоя III и мелкотрещинные текстуры, обнаруженные в литологическом слое IV в совокупности с соликфлюксием подстилающего слоя V.

Представленные литофациальные последовательности позволяют синхронизировать разрез с региональной геохронологической схемой следующим образом. Литологические слои I–II – относятся ко второй половине голоцена. Палеопочва литологического слоя III должна соответствовать атлантическому – бореальному оптимумам или, по крайней мере, быть не древнее белинга-аллереда. Псевдоморфозы по клиньям из кровли литослоя III, формирующие крупный полигональный рельеф могут соответствовать норильской стадии сартанского криохрона. Нижняя палеопочва,

Каменные предметы из палеолитического слоя стоянки Берямба.
1 – нуклеус; *2* – концевой скребок; *3* – резчик.

фиксируемая по кровле литологического слоя IV, должна соответствовать хронологическому отделу раннего сартана – финалу каргинского оледенения, которое подстилается характерными отложениями солифлюксия представленного в литологическом слое V.

Предлагаемая геохронологическая схема корректно согласуется с составом находок, обнаруженных в культурных слоях 1 и 2. Артефакты 1-го культурного слоя, безусловно, соответствуют индустриям культур голоцена. Второй культурный слой представлен палеолитом, технологически близким комплексу известной палеолитической стоянки Усть-Кова. Дополнительным аргументом древности слоя является обнаружение останков фауны верхнего неоплейстоцена.

В ходе разбора культурного слоя, были сделаны следующие находки (см. *рисунок*): нуклеусы (5 экз.), концевой скребок, резчики (2 экз.), отбойники и ретушеры (3 экз.), призматическая пластина с ретушью, отщепы и сколы с ретушью (2 экз.), отщепы и сколы (21 экз.), фрагменты колотой кости особей крупных травоядных животных (более 50 экз.).

В плане все находки располагались скоплениями, что позволило выделить две площадки первичного расщепления камня – так называемые «мастерские» – и четыре площадки разделки туш животных.

Находки в слое располагались по линии палеорельефа. Есть основания полагать, что материалы в основной своей массе находятся в непереотложенном состоянии. Памятник, безусловно, является перспективным для изучения эпохи верхнего палеолита в данном регионе.

По предварительным оценкам, раскопками 2011 г. вскрыта периферийная часть археологического объекта. По-видимому, центральная часть памятника находится на участке углубленном в террасу в северо-западном направлении от раскопа № 2 2011 г.

На сегодняшний день памятник не разрушается естественными природными процессами и хозяйственной деятельностью человека. Угрозу сохранности археологического памятника представляет исключительно затопление в ходе формирования ложа водохранилища Богучанской ГЭС.

Список литературы

Гревцов Ю.А., Лысенко Д.Н., Галухин Л.Л. Спасательные работы Берямбинского отряда Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2010 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – С. 509–514.

В.А. Долганов

СТОЯНКА-МОГИЛЬНИК ОТИКО I (ОБЗОР РЕЗУЛЬТАТОВ СПАСАТЕЛЬНЫХ РАБОТ В 2011 ГОДУ)

Летом 2011 г. в рамках спасательных археологических работ в зоне затопления Богучанской ГЭС проведены площадные охранные раскопки островного местонахождения Отико I. Объект расположен на верхней оконечности одноименного острова, в долине р. Ангары, в 21 км (к СЗ) ниже по течению от с. Кеуль и в 28 км (к ЮВ) выше по течению от д. Ёдорма (отметка 753 км по фарватеру реки). Памятник находится на территории Усть-Илимского района Иркутской области.

Открытие могильника Отико I в 1980 г. и его дальнейшее полевое изучение в 1981–1983 гг. проведены Археолого-этнографической экспедицией Красноярского краевого музея (В.И. Привалихин). В результате раскопочных работ на могильнике выявлено и исследовано 8 разновременных захоронений с богатым погребальным инвентарем [Привалихин, 1993].

Дальнейшее изучение могильника Отико I проходило в рамках процедур выявления, картирования, мониторинга и инвентаризации объектов археологического наследия в зоне затопления Богучанской ГЭС Нижне-Ангарским отрядом археологической экспедиции ИГУ в 1998, 2007, 2008, 2010 гг. [Роговской, 2008, 2009]. Многолетние изыскания отряда позволили определить наличие на объекте богатого стояночного комплекса.

Таким образом, в связи с несомненным научным интересом, вызванным погребально-стояночным характером памятника и его высокой насыщенностью яркими археологическими материалами, в 2011 г. 3-м Усть-Илимским отрядом Богучанской экспедиции ИАЭТ СО РАН (В.А. Долганов) были предприняты рекогносцировочные работы и площадные спасательные раскопки памятника Отико I.

Стоянка, могильник Отико I представляет собой протяженный, кромочный археологический памятник, расположенный вдоль абразионного уступа высокого (13–15 м от уреза воды), обрывистого верхнего берега острова Отико. Практически вся площадь памятника покрыта хвойным лесом.

Совокупная вскрытая площадь на Отико I в 2011 г. составила 585 кв. м. Мощность исследованных рыхлых отложений 1 метр. Рыхлые отложения представлены супесями субэрального характера накопления. По окраске в стратиграфических разрезах памятника визуально выделяется 5 литологических слоев: 1) дерн – мощностью 0,03–0,05 м; 2) черная (темно-серая) гумусированная супесь (I культурный слой) – мощностью 0,2–0,25 м;

3) желтая (цвет светлой охры) супесь (II культурный слой) – мощностью 0,35–0,4 м; 4) светлая желтая (иного оттенка) супесь – мощность 0,4–0,45 м; карбонатизированная (белесая) супесь – фиксируется языками – мощностью до 0,3 м. Пачка слоев характеризуется практически однородным литологическим составом.

Все культурные остатки на памятнике обнаружены в первых трех литологических слоях общей мощностью 0,5–0,6 м. В целом в результате раскопок 2011 г. на памятнике обнаружено 4 захоронения и богатый стояночный комплекс в рамках двух стратиграфических слоев.

Погребальный комплекс. Исследованные погребения по культурно-хронологической принадлежности разделяются на две группы. К первой группе относятся 3 захоронения с единой погребальной традицией и сходным набором археологического инвентаря. Они представляют собой захоронения остатков костяка после полного трупосожжения (кремации) погребенного, в небольшой яме размерами 0,4–0,5 х 0,5–0,6 м. Таким образом, погребения представлены небольшими скоплениями жженых, часто деформированных высокой температурой, обломков человеческих костей, которые сопровождаются богатым набором изделий из металла.

Все погребения сближает наличие следующих предметов: крестообразных бляшек с округлыми лучами и поперечными вогнутыми полосками на них; цилиндрических предметов разной длины с поперечными контрельефными полосками (что возможно является обломками игольников скользящего типа), а так же остатков ножей. Среди последних отмечены: рукоять с кольцевым навершием и фрагменты лезвия в погребении №1; остатки двух кинжалов (крупных двулезвийных ножей) с костяными рукоятями и в железных ножнах из погребения №2 и остатки лезвия в погребении № 3.

Из уникальных изделий выделяются: бронзовая крестообразная подвеска с замкнутыми лучами; оплавленные обломки ажурного украшения; кольцевые серьги с частичной оплеткой и ушками-защелками в погребении № 1; антропоморфная подвеска в виде изображения двух людей, держащих сосуд, два широких (височных) кольца разного размера в погребении № 2; подвески в виде двух полукружий; дисков с широким отверстием в центре; полый шарик с отверстием; две пряжки, одна из которых возможно с антропоморфным изображением; обломок височного кольца в погребении № 3. В данном захоронении найден также небольшой жженый обломок кости с просверленным в нем отверстием. В целом же общая коллекция погребального инвентаря насчитывает 57 предметов.

Вторая группа выделена условно – по одному погребению (№ 4) выявленному на уровне слоя II. Надмогильное сооружение захоронения представляло собой ряд крупных камней с небольшим интервалом уложенных по линии СЗ–ЮВ. Погребение испытало на себе направленное антропогенное воздействие в прошлом – камни с верхней части могилы были отброшены в сторону, при этом останки черепа обнаружены в районе таза и выше захоронения, а так же природное влияние в связи с разрушением берега –

захоронение имеет значительный уклон к абразионному уступу, рядом с которым оно расположено. Под камнями располагался костяк (сохранилась лишь нижняя его часть) взрослого человека, уложенного на спину по линии СЗ–ЮВ, головой на ЮВ, т.е. против течения реки. Могильную яму зафиксировать не удалось. Сопроводительный инвентарь не обнаружен.

Стояночный комплекс представлен двумя компрессионными культурными слоями, содержащими обширный археологический и зооархеологический материал, а так же различные хозяйственно-бытовые объекты, в т.ч. и жилищный комплекс.

I культурный слой. Культурные остатки слоя представлены изделиями из металла, кости, камня, многочисленными фрагментами керамических сосудов. Слой отличается высокой концентрацией останков фауны и ихтиофауны.

Среди наиболее ярких металлических изделий выделяется «пальма» – однолезвийное удлиненное оружие (орудие) треугольного сечения, с односторонней заточкой лезвия и навершием в виде крючка. Интересен факт обнаружения под «пальмой» ножа идентичной морфологии. Основная же коллекция ножей представлена однолезвийными орудиями с односторонней заточкой лезвия, треугольным сечением и прямым насадом. Помимо этого найдены: узкий удлиненный четырехгранный наконечник стрелы с прямым уплощенным черешком, узкие полосы металла неясного назначения, а так же оригинальные поясные бляшки, составлявшие видимо единый пояс.

Керамика слоя представлена многочисленными фрагментами в основном гладкостенных сосудов, реже встречаются фрагменты с оттисками рубчатой лопаточки и грубого шнура. В основном на памятнике применялись сосуды закрытой профилированной формы, орнаментированные горизонтальными рядами наклонных оттисков гребенчатого либо гладкого штампа. Отмечены фрагменты сосудов, ремонтированных металлическими скобами, либо клеящим составом.

Каменные изделия слоя немногочисленны и представлены в основном ножевидными орудиями, наконечниками стрел, в основном подтреугольной формы с вогнутой базой и симметричными шипами, скребками и различными сколами. Многочисленны обломки абразивных камней.

Высок процент костяных изделий, среди которых отмечены шилообразные орудия из обломков эпифизов трубчатых костей, наконечники стрел и различные заготовки орудий – в числе которых заготовка скульптурки головы лося из рога животного.

Интересно скопление таранных костей копытных животных разного размера. Судя по положению, они были оставлены в мешке-сумке. На части из костей процарапаны линии, одна кость имеет отверстие, другая – ямку.

II культурный слой. Отличается резким уменьшением количества останков фауны и изделий из металла. Основным археологическим материалом становятся керамика и каменные артефакты.

По техническому декору выделяются сосуды с гладкой поверхностью, с оттисками шнура, рубчатой лопаточки и «сетки-плетенки». Орнаментация сосудов слоя II более разнообразна, представлена оттисками различных штампов, жемчуженных вдавлений, налепными и примазочными валиками. Широко использовалась во время формирования слоя прочерченная и отступающая техники нанесения орнамента. Зафиксировано присутствие посуды посольского типа.

Наиболее разнообразен набор каменного инвентаря, представленного ножами, скребками, проколками, резцами, наконечниками стрел различных видов, массивными прокалывающими и рубящими орудиями. Сравнительно с первым слоем высок процент разнообразных сколов и отщепов, в т.ч. призматических пластинок.

В рамках стояночного комплекса, как в первом, так и во втором слоях обнаружены многочисленные каменные выкладки – кольцевые очажные и сплошные подовальные неясного назначения. Однако наиболее ярким хозяйственным объектом на памятнике является жилищный комплекс, представленный четырьмя западинами – прямоугольными ямами, расположенными в ряд с равной дистанцией (3–4 м) по линии СВВ–ЮЗЗ. Все жилищные западины близки по размеру (около 2,0 х 1,6 м), были заложены на уровне культурного слоя I и имели глубину 0,4–0,45 м. Ориентация стенок жилищных западин – С–Ю. У северной стенки каждого углубления с внутренней стороны зафиксирован мощный костровой прокал овальной формы, представленный запеченной прессованной почвой.

В заключении необходимо отметить, что стоянка, могильник Отико I является многокомпонентным археологическим комплексом, требующим проведения тщательного междисциплинарного изучения полученных материалов. Однако предварительный анализ типологического состава археологической коллекции позволяет говорить, что стоянка, могильник Отико I отражает развитие древних культур Северного Приангарья от эпохи неолита (IV–III тыс. до н.э.) до позднего железного века (V–X вв. н.э.) и, возможно, раннемонгольского времени – XI–XVI вв. н.э.

Список литературы

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 24 с.

Роговской Е.О. Отчет об археологических разведовочных исследованиях в 2007 г. в долине Ангары, на участке от г. Усть-Илимска до границ с Красноярским краем, в зоне затопления Богучанского водохранилища (Иркутская часть). Т. 1, 2008 // Архив ЦСН Иркутской области. № 853/И. 103 с.

Роговской Е.О. Отчет о рекогносцировочных научно-изыскательских работах в Северном Приангарье. Зона затопления ложа Богучанской ГЭС. Т. 1, 2009 // Архив ЦСН Иркутской области. № 974 И. 73. 63 с.

А.Л. Заика

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ АПЛИНСКИЙ ПОРОГ В 2011 ГОДУ

В течение июля-августа Аплинским отрядом Богучанской археологической экспедиции были продолжены охранно-спасательные работы в зоне затопления Богучанской ГЭС на стоянке Аплинский порог. Памятник расположен на левом берегу р. Ангары в 66 км к ЮЗ от с. Кежма Кежемского района Красноярского края, в 555 км от устья р. Ангары, на уплощенной вершине скальных обнажений (скалы Аплинские), напротив Аплинского порога. Высота над уровнем моря составляет – 206 м (максимальная), 178 м (минимальная). Высота над урезом воды в р. Ангаре составляет 13–41 м.

Стоянка открыта в 2001 г. разведочным отрядом КГПУ им. В.П. Астафьева под руководством В.И. Макулова [Леонтьев и др., 2001]. В 2010 г. на территории стоянки Аплинский порог была вскрыта спасательными археологическими и рекогносцировочными раскопами площадь 600 кв. м на глубину 0,7 м. В результате работ на территории раскопов № 1, 2 выявлено 6999 артефактов. В т.ч. нуклеусы, каменные и металлические орудия, отходы каменной индустрии (отщепы, сколы, пластины) и железоплавильного производства (шлаки, остатки домниц), фрагменты керамики. Условия их нахождения позволили датировать памятник в широком хронологическом диапазоне; неолит (культурный слой 2), железный век – средневековье (культурный слой 1). Интерес представили произведения древнего искусства, в частности, фаллические изделия из камня [Заика, 2010].

В 2011 г. были исследованы сплошной площадью 500 кв. м памятника в рамках раскопа № 2 на глубину 0,7 м. Выделенные в раскопе №2 слои показали следующую стратиграфию, характерную для памятника:

1. Почвенно-растительный слой мощностью 0,05–0,15 м;

2. Слой серо-коричневой гумусированной супеси мощностью 0,05–0,45 м (культуросодержащий слой). В ряде случаев имеет гипертрофированные формы за счет высокой концентрации корней дерева;

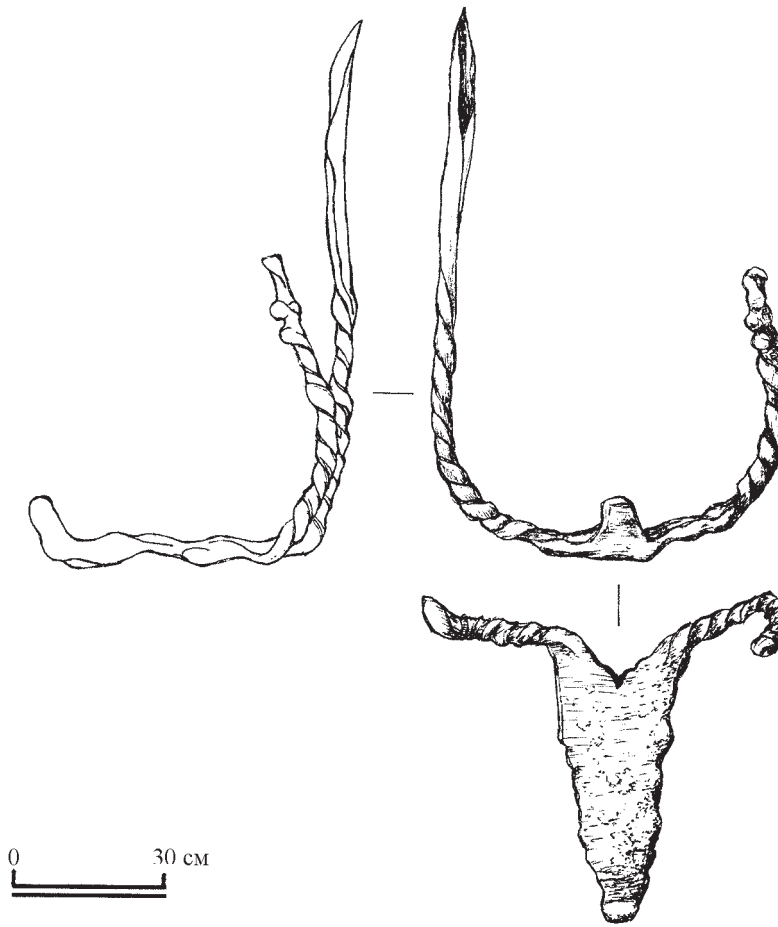
3. Слой супеси темно-коричневого цвета мощностью 0,02–0,45 м. Культуро-содержащий слой;

4. Слой серой супеси видимой мощностью 0,02–0,20 м (подстилающий слой).

Практически, все литологические слои нарушены корневой системой деревьев. Многие корневища пострадали от лесных пожаров, оставив скопления углей и линзы прокаленной супеси.

Зафиксировано 2 культурных слоя (средневековье – железный век, неолит). Получено более 7300 артефактов в виде металлических (нож, фрагмент предмета искусства) и каменных изделий: нуклеусы, скребловидные и долотовидные орудия, наконечники стрел, скребки, провёртки, терочники, абразивы и др., отходы каменной индустрии (отщепы, сколы, пластины), фрагменты керамики, конкреции красной охры.

Интерес представляет железный предмет – фрагмент художественного изделия, по всей видимости, культового характера. Он имеет вид пластины подтреугольной формы с вильчатым окончанием с одной стороны и узкой обломанной «шейкой» – с другой. Концы «вилки» перпендикулярны, «шейка» находится под углом к плоскости изделия (см. *рисунок*). По данному

Фрагмент железного изделия со стоянки Аплинский порог
(раскоп 2, сектор 18, культурный слой 1).

фрагменту можно определить следующую последовательность действий древнего мастера. Первоначально металлический прут (от которого сохранилась «шейка») путем проковки был уплощен, затем разделен повдоль на две половины, каждая из которых впоследствии была разведена в стороны и скручена до трубчатого состояния на концах. На заключительном этапе стержни «вилки» были загнуты. Учитывая, что изделие было обнаружено практически под дерном, оно может соотноситься с этнографическим временем. Функциональное назначение его по причине фрагментарности определить трудно, но, беря во внимание присутствие на объекте железных изделий культового характера (декорированные фигурные нож, наконечник стрелы, миниатюра ножа), нельзя отрицать, что данное изделие является элементом шаманской атрибутики.

Был зафиксирован также один «объект» антропогенного происхождения, который представлял собой каменную кладку из местных скальных пород. После разбора скопления камней выявился подпрямоугольный контур очага, обставленный вертикальными каменными плитами. Внутреннее заполнение очага – прокаленная супесь (мощность 0,4 м), которую подстилал слой углей (мощность – 0,05 м). Археологический материал, который был зафиксирован среди камней кладки и во внутреннем заполнении очага представлен фрагментами русской керамики, оселком из песчаника, астрагалом копытного животного (косуля, кабарга?). На прилегающей к очагу территории под слоем дерна был обнаружен крупный железный кованый гвоздь/костыль. Судя по стратиграфической ситуации, характеру артефактов и конструктивным аналогиям летних очагов, зафиксированных у современных промысловых избушек, данный объект может относиться к новому-новейшему времени (XIX – середина XX в.).

Рекогносцировочными раскопами (общая площадь 14 кв. м) на территории памятника выявлен новый участок распространения культурного слоя (пункт «Ручей»). Общая стратиграфическая ситуация:

Слой 1 – дерново-почвенный горизонт. Мощность – 0,02–0,04 м;

Слой 2 – серая гумусированная супесь. Встречаются древесные корни. Мощность – 0,09–0,15 м;

Слой 3 – однородная светло-коричневая супесь. Встречаются древесные корни. Общая мощность слоя – 0,09–0,37 м;

Слой 4 – крупнозернистый песок рыжего цвета. Включения – мелкая окатанная галька. Исследованная мощность – 0,18–0,22 м.

Находки дифференцированы по двум литологическим напластованиям и соответствуют двум культурным горизонтам.

Первый культурный слой зафиксирован в пачке серой гумусированной супеси. Находки – каменные отщепы, сколы, пластины, колотая галька, отщеп и пластина с ретушью, нуклевидное изделие, фрагменты керамики с оттисками «сетки-плетенки».

Второй культурный слой зафиксирован в пачке однородной светло-коричневой супеси. Находки – каменные отщепы, сколы, обломок орудия,

отщеп и пластина с ретушью, абразив из песчаника, фрагменты керамики с оттисками «сетки-плетенки».

Перспективной для дальнейшей разработки является территория памятника, примыкающая с юга к раскопу № 2 площадью 300 кв. м, где наблюдается наибольшая концентрация археологического материала и новая площадь работ (пункт «Ручей» – раскоп № 3), содержащая 2 культурных слоя (средневековье – железный век, неолит), которая составит порядка 1200 кв. м. Таким образом, памятник «стоянка Аплинский порог» является перспективным для дальнейшего археологического исследования и требует продолжения проведения на его территории спасательных раскопочных работ.

Список литературы

Заика А.Л. Результаты исследования стоянки Аплинский порог в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд- во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 515–517.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И., Заика А.Л., Макулов В.И. Археологические исследования в зоне водохранилища Богучанской ГЭС // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 350–353.

Е.А. Зайцева, А.В. Кениг, Т.Н. Собольникова

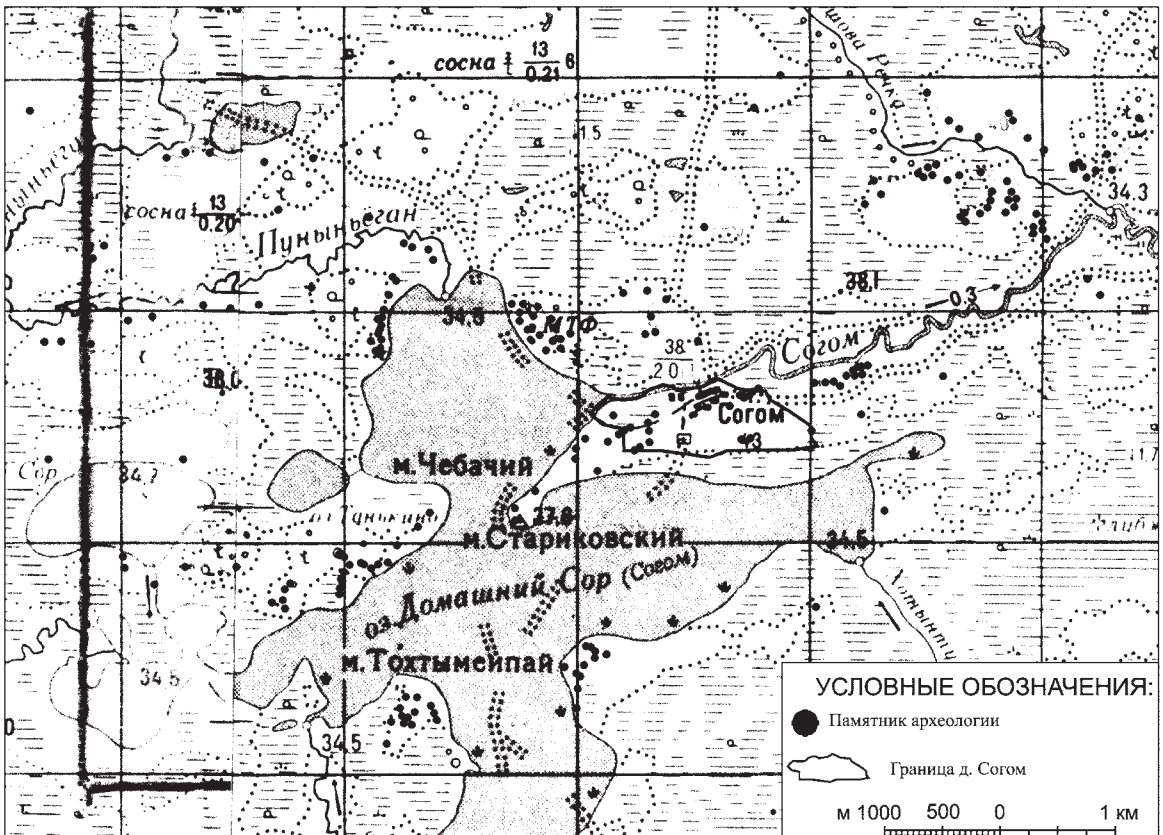
РЕЗУЛЬТАТЫ МОНИТОРИНГА ПАМЯТНИКОВ СОГОМСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА

Ежегодно в нашей стране в результате негативного антропогенного и природного воздействия происходит уничтожение сотен археологических памятников. В этих условиях систематический мониторинг состояния объектов культурного наследия, является одним из важнейших условий их сохранения и охраны.

В течение двух полевых сезонов 2010–2011 гг. авторы настоящей статьи проводили работы по мониторингу археологических памятников Согомского археологического микрорайона, который характеризуется высокой концентрацией разновременных археологических объектов на достаточно ограниченном пространстве (см. *рисунок*).

Согомский археологический микрорайон расположен в бассейне нижнего течения р. Иртыш по берегам акватории оз. Домашний Сор, из которого берет свое начало р. Согом (левый приток р. Иртыш). В административном отношении район работ располагается в границах сельского поселения Согом, Ханты-Мансийского района, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В настоящее время данная территория является местом проживания коренного населения – усть-иртышские ханты, которые сохранили некоторые традиционные навыки запорного рыболовства и добычи боровой дичи при помощи давящих ловушек-слопцов. Определенная преемственность наблюдается в почитании святых мест. Одним из таких мест является святилище «Старик», расположенное на археологическом памятнике, содержащем слой от неолита до средневековья [Морозов, 1998].

Первые археологические памятники в районе д. Согом были открыты в 1965 г. в ходе совместной экспедиции Института этнографии АН СССР и Уральского госуниверситета под руководством З.П. Соколовой и Л.Г. Шориковой. Всего было выявлено 9 памятников археологии (городища Стариков мыс, Танце-Мига, Согомское, могильник Тухтенин-бай, поселения и др.), на некоторых из них осуществлены рекогносцировочные раскопки [Соколова, 1965; Шорикова, 1965]. Последующие изыскания здесь были проведены уже в конце 1980-х – начале 1990-х гг. археологическими экспедициями Тобольского государственного педагогического института (под руководством Н.Ю. Поршуковой) и Уральской археологической экспедиции УрГУ (под руководством В.М. Морозова). В результате было выявлено более 70 археологических памятников, датированных различными эпоха-

Карта-схема расположения археологических памятников Согомского археологического микрорайона.

ми, начиная с неолита и заканчивая поздним средневековьем [Поршукова, 1991; Морозов, 1993].

Начало промышленного освоения территории в 2007 г. послужило основанием для проведения археологического мониторинга выявленных ранее памятников, а так же составление учетной документации, соответствующей требованиям современного законодательства в области охраны объектов культурного наследия. В ходе мониторинга были выявлены новые памятники археологии, количество которых на сегодняшний день составляет более 200.

В задачи мониторинга входило:

– изучение литературных и архивных источников, материалов предыдущих экспедиций;

– идентификация памятников на местности;

– визуальное обследование территории памятников и определение их технического состояния;

– инструментальная топографическая съемка памятников с использованием геодезического оборудования;

– закладка стратиграфических разрезов и зачистка обнажений для определения границ памятников и их культурно-хронологической атрибуции;

– привязка характерных точек границ памятников на местности при помощи систем глобального позиционирования;

– фотофиксация.

В настоящей статье представлены результаты мониторинга памятников Согомского микрорайона, проводимого в 2010–2011 гг., а также обозначены основные проблемы, с которыми авторам пришлось столкнуться в ходе данного вида работ, намечены возможные пути их решения.

Археологические памятники Согомского микрорайона расположены достаточно компактно по берегам акватории оз. Домашний Сор и таких рек, как Согом, Чебачья, Понум-Яха, Ершовая. По типологической принадлежности памятники делятся на селища (поселения) – 132 объекта, городища – 63 объекта и могильники – 8 объектов. К топографическим особенностям данных памятников можно отнести преимущественное их расположение на невысоких террасах, мысовидных и приустьевых участках.

Техническое состояние объектов Согомского микрорайона, установленное на момент проведения мониторинга, можно охарактеризовать следующим образом. В настоящее время большинство из них находится в хорошем состоянии, что составляет 66 % от общего объема. Доля разрушающихся памятников ниже. В частности, в «плохом» состоянии обнаружено 14 % памятников, в «аварийном» состоянии находятся 20 % объектов.

Основным фактором разрушения культурного слоя данных объектов является антропогенное воздействие. Больше всего «пострадали» памятники, которые попали в зону жилой или хозяйственной застройки д. Согом. Приведем ряд наиболее типичных примеров. Так, на трех поселениях (Согомское-23–25) культурный слой был нарушен в ходе эксплуатации автодороги и

строительства склада ГСМ. Пять памятников (городища Согомское-2, -30–32 и поселение Согомское-1) оказались в зоне строительства и эксплуатации аэродромного поля. Полностью разрушены в результате хозяйственной деятельности 2 памятника: поселения Согомское-22 и местонахождения Согомское-33, выявленные в 1992 г. В.М. Морозовым.

К естественным факторам разрушения можно отнести размыв культурного слоя водами оз. Домашний Сор (городище Стариков Мыс-1, стоянки Стариков Мыс-2 и -3) и лесные пожары, последствия которых приводят к эрозии почвенного слоя и обнажению артефактов (городище Ершовое-1, поселения Согом-94, Согом-133).

В процессе работы были выявлены проблемные моменты, связанные, главным образом, с нормативным и методическим обеспечением такого рода мероприятий. В частности, следует отметить, что на сегодняшний день, отсутствуют (в практике и теории) четкие критерии в определении границ археологических памятников и как следствие его территории.

Основными критериями для установления границ памятников, расположенных в таежной зоне являются: 1) рельефные особенности археологизированных сооружений; 2) распространение культурного слоя, которое устанавливалось посредством шурфовки и зачисток обнажений.

В процессе практической деятельности выяснилось, что зачастую использование данных критериев было затруднительно по нескольким причинам.

Во-первых, природно-географические изменения, происходившие в период голоцена на данной территории, существенно повлияли на процессы археологизации объектов человеческой деятельности в прошлом, и определили специфику памятников археологии в настоящем. Кроме этого, данный процесс нельзя считать законченным, поэтому многие рельефные особенности, фиксируемые еще в конце 80 – начале 90-х не прослеживаются на поверхности сегодня. К примеру, на городище Согомское 4 в 1992 г. В.М. Морозовым было зафиксировано 17 впадин различных форм и размеров, расположенных на территории площадки городища [Морозов, 1993]. На момент проведения мониторинга в 2010–2011 гг. было зафиксировано только 4 объекта.

Во-вторых, высокая концентрация памятников в пределах так называемых «урочищ». В связи с этим, расстояние между памятниками, в ряде случаев, не превышает 1 м. В такой ситуации границы между объектами проводились собственно по археологизированным сооружениям (рвам, валам), поскольку, будучи территориально одним объектом, в учетных документах они значатся как отдельные памятники и соответственно должны иметь отдельные границы (устанавливаемые по координатам характерных поворотных точек).

Таким образом, в связи с отсутствием нормативных, методических и инструктивных документов, определяющих порядок проведения мониторинга и требования к составу и оформлению итоговой документации,

работы зачастую выполнялись интуитивно, исходя из опыта проводимых ранее археологических работ. Тем не менее, полученный опыт позволяет не только выработать определенные стратегии и методики в проведении мероприятий по охране объектов археологического наследия, но, что самое главное, перевести памятники археологии на качественно новый уровень учета и охраны. Для совершенствования данного вида работ, как залога обеспечения сохранности памятников археологии в дальнейшем, на наш взгляд необходимо следующее:

1) разработка нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок проведения мониторинга состояния и установления границ памятников археологии;

2) разработка документов методического и инструктивного характера, определяющих терминологическую основу данного вида работ и основные критерии определения границ памятников археологии с учетом их региональной специфики (топографии, геоморфологии и микрорельефа).

Кроме того, на примере опыта работ на территории Согомского микрорайона, можно констатировать, что на сегодняшний день, в практике охраны объектов археологического наследия возникла настоятельная необходимость в более широком использовании такого юридического понятия, как «достопримечательное место». На наш взгляд, это позволит снять противоречия в установлении границ памятников, а также более оперативно решать вопросы охраны историко-культурных территорий, характеризуемых высокой концентрацией археологических памятников разных эпох, сохранением элементов традиционной культуры в неразрывной связи природного и культурного ландшафтов.

Список литературы

Морозов В.М. Отчет о разведочных исследованиях в Октябрьском и Ханты-Мансийском районах Тюменской области летом 1992 г. 1993 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 17541.

Морозов В.М. Отчет об исследовании городища Стариков мыс I в окрестностях деревни Согом Ханты-Мансийского района Тюменской области: в 2-х ч., 1998 // Архив АУ ЦОКН. Инв. № 1285: Д. 51.

Поршукова Н.Ю. Отчет о разведочных работах в Ханты-Мансийском районе Тюменской области в 1989 г. 1991 // Архив АУ ЦОКН. Инв. № 1261. Д. 21.

Соколова З.П. Отчет о раскопках и разведках Соколовой З.П. летом 1965 г. в Ханты-Мансийском национальном округе. 1965 // Архив АУ ЦОКН. Инв. №1266. Д. 23.

Шорикова Л.Г. Отчет о разведке в Ханты-Мансийском национальном округе. 1965 // Архив АУ ЦОКН. Инв. № 4785. Д. 22.

Г.В. Кубарев, И.Ю. Слюсаренко

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В ДОЛИНЕ РЕКИ ЧУИ НА АЛТАЕ

В августе-октябре 2011 года Чуйский отряд Североазиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН проводил археологические разведочные работы в долине р. Чуи и в Чуйской степи на территории Онгудайского, Улаганского и Кош-Агачского районов Республики Алтай. Чуйским отрядом был обследован участок полосы отчуждения под проектируемый газопровод «Алтай» общей протяженностью 180 км. Исследованный участок начинается близ слияния рек Чуи и Катуни и заканчивается в Чуйской степи, в окрестностях с. Мухор-Тархата. На всем этом протяжении проектируемый газопровод трижды пересекает р. Чуя и местами проходит по труднодоступным скальным, либо поросшим тайгой участкам. Дополнительную сложность представлял собой отрезок проектируемого газопровода длиной около 60 км, проходящий в нижнем течении р. Чуи по ее левому берегу – противоположному от правого берега, на котором проложен Чуйский тракт. Несмотря на наличие нескольких мостов через Чую, этот участок зачастую приходилось обследовать, пересекая реку на лодке и совершая в основном пешие переходы.

Створ проектируемого газопровода «Алтай» на указанном участке частично проходил по археологическим памятникам, которые уже были открыты ранее и в той или иной степени исследованы. Так, в 1991 году Восточноалтайский отряд ИАЭТ СО РАН под руководством В.Д. Кубарева скопировал петроглифы местонахождения Калбак-Таш II, в число которых входил и отдельный крупный скальный останец – т.н. Игнатов камень [Кубарев, 1992, с. 8–9, рис. 18–20; Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 31]. Он находится приблизительно в 300 метрах к востоку от туристического комплекса Чуй-Оозы. Сюжеты и персонажи на «Игнатовом камне» относятся в основном к эпохе бронзы, но есть и петроглифы, нанесенные в раннем железном веке.

Участок левого берега р. Чуя от с. Иодро до самого ее устья довольно сильно насыщен наскальными рисунками. Они встречаются на отдельных выходах, скальных останцах и огромных камнях. Местонахождения петроглифов в данном районе были впервые выявлены в ходе разведок в конце 1980-х гг. [Черемисин, 1990, 1993, 1997]. Условно они разделены на четыре пункта: Чуя I–IV [Кубарев, Маточкин, 1992, с. 50]. В разной степени эти памятники попадают в створ газопровода и были обследованы заново.

В число известных и исследованных памятников входит и могильник Белый Бом II, который расположен на второй надпойменной террасе левого берега р. Чуи, в 2,5–3 км к юго-востоку от с. Белый Бом. В 1980 году экспедиция АГУ исследовала здесь 8 курганов и 6 поминальников [Глоба, 1983, с. 116]. Из них 4 кургана принадлежали гунно-сарматской эпохе. Автор раскопок датировала могильник в пределах II в. до н.э. – III–V вв. н.э. [Глоба, 1983, с. 121]. Отсутствие нумерации объектов на опубликованном плане могильника Белый Бом II [Глоба, 1983, табл. I] затрудняло их идентификацию на местности. Это в полной мере относится и к могильнику Белый Бом I, о составе, размере и местоположении которого остается только догадываться.

Палеолитическое местонахождение Куяхтанар также пересекается трассой будущего газопровода. Это местонахождение находится на правом берегу р. Чуи близ впадения в нее р. Куяхтанар. Первые сборы подъемного материала здесь были сделаны еще в конце 1970-х годов [Кубарев и др., 1978, с. 245]. Немногочисленный подъемный материал сконцентрирован в основном в районе песчаных выдувов [Деревянко, Маркин, 1987, с. 11].

Включая вышеперечисленные и уже известные памятники, нами на всем протяжении 180-километрового участка газопровода было зафиксировано 95 памятников. Часть из них представляет собой одиночные или немногочисленные объекты (курганы, выкладки, оградки, стелы), другие – большие погребальные и погребально-поминальные комплексы, насчитывающие от 20 до 60 объектов. В процессе работы снимались глазомерные планы памятников с использованием GPS-приемников. Все объекты были описаны, сфотографированы и отмечены те из них, которые непосредственно попадают в полосу отчуждения для строительства газопровода. Обследованы возможные варианты обхода археологических памятников трассой газопровода. Для большинства археологических объектов еще до проведения раскопочных работ можно было с большой степенью уверенности предположить их культурную и хронологическую принадлежность. Четко определяются цепочки пазырыкских курганов, ориентированные по линии С–Ю, либо поперек долины реки, расположенные в «сотовом» порядке объекты гунно-сарматского времени, древнетюркские оградки и курганы, пристроенные к более ранним памятникам. Наконец, выявлены крупные, одиночные курганы и керексуры эпохи бронзы, тяготеющие к подножию гор и склонов.

Среди зафиксированных и обработанных нами памятников особенно хотелось отметить два новых местонахождения петроглифов на левом берегу р. Чуи, а также уникальное древнетюркское изваяние, на лицевой плоскости которого выбиты две личины: в верхней части – мужская, а под ней – женская в трехрогом головном уборе. Приведем описание одного из неизвестных ранее местонахождений петроглифов в местности Сырнах-Гозы. Оно расположено на левом берегу р Чуи, в 2–3 км от с. Белый Бом вниз по течению реки.

Петроглифы Сырнах-Гозы выполнены на хорошо заметном издали скальном выходе высотой около 8–10 м (рис. 1). Его общая длина по ли-

Рис. 1. Общий вид на скальный выход с петроглифами в местности Сырнах-Гозы. Левый берег р. Чуи. Алтай.

нии С–Ю составляет около 20 м. Вертикальные скальные поверхности с рисунками обращены на восток. Местонахождение петроглифов насчитывает порядка 11 композиций, выполненных на вертикальных поверхностях, 5 композиций на горизонтальных поверхностях, а также многочисленные отдельные изображения животных. Рисунки концентрируются на нижнем ярусе скального выхода. Скальная поверхность серого, серо-зеленого цвета, слабо патинизирована, мох и лишайники практически отсутствуют. Значительная часть изображений утеряна вследствие естественного разрушения и отслаивания камня.

Композиции представляют собой изображения сцен охоты, групп животных (козлов, оленей, быков), воинов-охотников в характерных серповидных головных уборах с луками и «хвостами». На центральной композиции, размеры которой составляют 2 х 0,6 м, воспроизведена большая фигура горного барана, окруженного более мелкими фигурами козлов (рис. 2). Чуть ниже изображена сцена охоты лучника в серповидном головном уборе на оленя. Следует отметить также отдельные изображения человеческих фигур, воспроизведение колеса (незаконченное изображение колесницы?), параллельные выбитые линии, два вырезанных и глубоко прошлифованных тамгаобразных знака. У самого подножия скалы имеется несколько плоскостей с тонкими и изящными гравировками животных. Таким образом, на скале Сырнах-Гозы петроглифы выполнены практически во всех возможных техниках: выбивка, гравировка, шлифование. Часть наскальных композиций скопирована нами, и эту работу в дальнейшем предполагается продолжить.

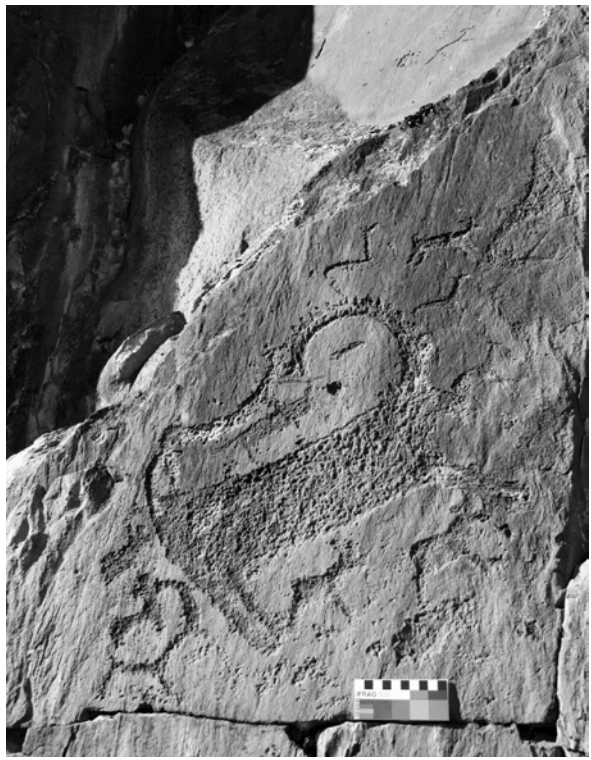

Рис. 2. Петроглифы Сырнах-Гозы.
Фрагмент композиции.

Под скалой фиксируются основания стен, сложенных из огромных плит. Вероятно это остатки загонов для скота, подобные тем, которые неоднократно встречались у других наскальных комплексов на территории Российского и Монгольского Алтая. Почва под скалой Сырнах-Гозы сильно гумусирована и поросла высокой травой.

Основной массив петроглифов Сырнах-Гозы, представляющий собой выбитые изображения оленей, быков, охотников в серповидных головных уборах, относится к эпохе ранней и развитой бронзы (начало и середина II тыс. до н.э.). Среди многочисленных аналогий в петроглифах Алтая наиболее близкой и яркой можно считать основную и самую многочисленную группу наскальных изображений в Калбак-Таше I [Кубарев, 2011, с. 61]. Гравированные изображения, а также прошлифованные тамгообразные знаки, по-видимому, должны быть датированы эпохой раннего средневековья (VI–X вв.), либо предшествующим гунно-сарматским периодом (III–V вв.).

Вне зависимости от дальнейших планов по строительству газопровода на территории Республики Алтай, проведенные разведочные работы позволили получить ценные и многочисленные данные по археологическим

памятникам долины р. Чуи. Большинство из них были впервые открыты и предварительно обследованы.

Список литературы

Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый-Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 116–126.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит Чуйской степи. Горный Алтай. – Новосибирск: Наука, 1987. – 113 с.

Кубарев В.Д. Отчет об археологических исследованиях на территории Республики Горный Алтай в 1991 году. – Новосибирск, 1992. – 56 с.

Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 444 с.

Кубарев В.Д., Зяблицкий С.С., Чевалков Л.М., Гребенщиков А.В. Разведка в Горном Алтае // АО 1977 года. – Москва: Наука, 1978. – С. 244–245.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 123 с.

Черемисин Д.В. Петроглифы в устье р. Чуи (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: ИА АН СССР, 1990. – С. 162–165.

Черемисин Д.В. К изучению поздних петроглифов Горного Алтая // Современные проблемы изучения петроглифов. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1993. – С. 122–132.

Черемисин Д.В. Петроглифы левого берега реки Чуи (Горный Алтай) // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – Вып. 2. – С. 78–88.

Л.В. Лбова, Н.А. Кулик

НОВЫЕ ОБЪЕКТЫ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА В ДОЛИНЕ РЕКИ ЭЭРБЕК (ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТУВА): ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

В процессе работ в зоне строительства железной дороги Кызыл-Курагино в 2011 г. нами было выявлено два новых палеолитических объекта, расширяющих представления о древнейших этапах заселения Тувы. Территория исследования – долина р. Ээрбек, являющейся левым притоком р. Верхний Енисей (Улуг-Хем), имеет довольно значительную протяженность, до 45–50 км. Верхнее течение представлено зоной слияния Левого и Правого Ээрбеков, среднее течение на протяжении 18–20 км ограничено массивом Суглуг Хем, нижнее течение приурочено к расширению долины. Местонахождения палеолитического возраста обнаружены на нижнем субмеридиональном участке реки протяженностью около 15 км. Долина имеет корытообразную форму, с относительно симметричным оформлением бортов. В этой части долины (абсолютные высоты ложа реки до 785 м) борта представляют собой субширотные среднегорные возвышенности (от 50 до 100 м относительных высот над уровнем современной реки) со скальными гребнями и выходами каледонского песчаника на поверхность. Межгорные понижения – широкие распадки с открытыми, хорошо инсолируемыми склонами, в которых наблюдается вторично опустыненные степи с преобладанием степных ассоциаций травяной растительности. В составе доминируют полынные и ксерофитовые группировки, занимающие значительные площади; отдельными островками представлены кустарниковые с преобладанием караганы карликовой. Пойменные участки долины заняты луговой и степной растительностью с доминированием осоковых; непосредственно на участках старого русла произрастают тополь и ива.

В почвенном покрове территории отмечены лугово-степные солонцеватые почвы в долинах и депрессиях; маломощные темно-каштановые почвы на пологих предгорных шлейфах. Большую часть почв на территории исследования можно отнести к степному криоаридному типу, который характеризуется сильным иссушением и глубоким промерзанием почвенного профиля, замедленностью почвообразовательных процессов и, как следствие, малой мощностью гумусового горизонта. Непосредственно на склонах возвышенностей почвенные горизонты практически разрушены. Рыхлые отложения маломощны и, в основном, представляют собой результаты денудационных процессов.

Местонахождение Бай-Даг. Пункт 1 местонахождения отмечен справа от дороги в д. Ээрбек, в зоне выполаживания среднегорных повышений, на склонах юго-восточной экспозиции, напротив курганов (№ 6, 7) могильника Бай-Даг-1. Подъемные сборы осуществлены на площади около 500 м^2. Материалы экспонированы на поверхность, сконцентрированы в зонах выхода песчаниковых плит. Сборы характеризуют наличие разновременных комплексов, различаясь по степени дефляции, характеру сырья и технологии расщепления.

Артефакты с высокой степенью дефляции (группа 1) представляют собой вариант раннепалеолитической галечной индустрии и долечной техники расщепления. В коллекции представлены оббитая галька, чопперы, чоппинги, крупные скребла на гальках, отщепы с ретушью. В сырьевом отношении комплекс гомогенный и представлен местным сырьем – желтовато-серым, мелкозернистым песчаником. Гальки, на которых выполнены орудия, подвергались длительной инсоляции: отмечается сильное ячеистое выветривание и ветровое заглаживание (заполировка).

Артефакты средней степени дефляции (группа 2) характеризуют расщепление протопризматическое и ортогональное. В коллекции присутствуют пренуклеусы, ортогональный нуклеус, скребковые инструменты, скребла на гальках.

Слабодефлированные артефакты (группа 3) характеризуются иными петрографическими характеристиками и демонстрируют призматическое расщепление. В коллекции представлены фрагменты и целые сколы, реберчатая пластина, скребковые инструменты на отщепах, фрагменты сколов и отщепы с ретушью, подтеской.

Пункт 2 отмечен слева от дороги на Ээрбек, в районе курганной группы могильника Бай-Даг-1 (курганы 1–5), на склоне южной экспозиции небольшой возвышенности. Однородная по сырью, технике обработки камня и морфологическим характеристикам коллекция артефактов образует определенное единство с вышеописанной группой 1 пункта 1. Находки с сильной и средней степенью дефляции поверхности представлены чоппингом, орудием типа pick, скребловидным изделием с двусторонней обивкой, первичным отщепом. В целом коллекцию пункта 2 можно определить в рамках раннепалеолитического времени.

На всех артефактах групп 1 и 2 обнаруживаются остатки галечной поверхности. Наличие на галечных и сколовых поверхностях следов эолового воздействия – точечно-ямчатый и ячеистый характер изменения поверхности, сглаживание и заполировка не только ребрышек между скалываниями, но и самих поверхностей негативов сколов, различная степень выветривания разных сторон одного и того же предмета – указывает на то, что уже в качестве артефактов материал длительно экспонировался на дневной поверхности. Подтверждением тому является и характер образования гидроксидов марганца, количество которых обычно значительно больше на экспонированной стороне образца, поскольку именно на нагретой стороне

происходит быстрое испарение капиллярных растворов. Группа 3 представлена большим разнообразием сырья, отмечается отсутствие следов длительного ветрового и солнечного воздействия.

В рамках хронологического определения группа 1 может быть квалифицирована ранним палеолитом, группа 2 и 3 – более поздним временем, но, как представляется, в пределах палеолитической эпохи.

В местности Ак-Даг сборы производились в 50 м от кургана 4, который расположен около дороги в п. Ээрбек, в 9,6 км к северу от села на правобережье одноименной реки. Местонахождение палеолитических материалов, рассеянных на площади около 300 м^2, представляет собой экспонированный вариант культурного слоя, типичного для подобных ситуаций в Туве и Монголии. Материалы в целом одновременные и характеризуются средней степенью дефляции поверхности. Среди находок отщепы с зубчатым оформлением рабочих элементов, галечные орудия (чоппинги и чопперы), концевые и боковые скребки, пластины с ретушью. В петрографическом отношении коллекция неоднородна. Предварительно возраст сборов определен средним – верхним палеолитом, хотя не исключен и более поздний возраст, с доминированием галечной индустрии.

Наиболее близкими аналогами обнаруженных древнейших комплексов на р. Ээрбек (в территориальном и культурно-хронологическом аспектах) (группа 1 и 2) определены ряд палеолитических местонахождений, открытых и описанных С. Н. Астаховым (Ирбитей 1, Пестуновка 1, Пункты Е 13 и Е14) [Астахов, 2008]. Позднепалеолитический компонент имеет широкие культурно-хронологические корреляции в стандарте технологий пластинчатых индустрий Северной и Центральной Азии.

Список литературы

Астахов С.Н. Палеолитические памятники Тувы. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 180 с.

В.П. Леонтьев, А.С. Вдовин

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ОСТРОВЕ КАМЕННОМ В УСТЬ-ИЛИМСКОМ РАЙОНЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

В июле-августе 2011 г. на Острове Каменном в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС, двумя отрядами экспедиции ИАЭТ СО РАН проведены археологические исследования. Задачей отрядов были рекогносцировочные работы и раскопки на местонахождениях Остров Каменный – I, II и III.

Археологический объект Остров Каменный I выявлен в 1974 г. Северо-Ангарской археологической экспедицией Красноярского краеведческого музея под руководством Н.И. Дроздова [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988].

В 1998 г. в рамках межведомственной программы выявления и мониторинга археологических объектов на территории Иркутской области проведен визуальный осмотр береговых обнажений в нижней части острова. Работы проводились отрядом археологической экспедиции ИГУ под руководством Е.О. Роговского [Роговской, Белоненко, 1999].

В 2007 г. в связи с выполнением мероприятий по инвентаризации объектов археологического наследия Усть-Илимского района, расположенных в акватории будущего водохранилища, на территории Иркутской области отрядом под руководством Е.О. Роговского проведен визуальный осмотр береговых обнажений в нижней части острова и сделаны зачистки. Археологический материал представлен отщепом, 11 фрагментами керамики и железной крицей.

Местонахождения Остров Каменный II и III были открыты в 2007 г. сотрудниками ИрГУ Д.Н. Лоховым и А.А. Тютриным.

Изучение местонахождений Остров Каменный II и III, рекогносцировочными раскопами, проведенное в 2011 г., археологических материалов не дало, поэтому основные работы были перенесены на первое местонахождение, расположенное в нижней части острова.

Местонахождение Остров Каменный I находится в нижней – левобережной части острова Каменный, в 74 км от бьефа плотины Усть-Илимской ГЭС. Поверхность острова покрыта сетью грунтовых дорог, лесосеками, штабелями старой, заготовленной древесины, кроме этого на острове есть временные строения, в виде заимок, принадлежащие местным рыбакам.

На Острове Каменный I, в разведочных раскопах, общая площадь которых 50 кв. м., заложенных по краю нижней островной части террасы, был

зафиксирован археологический материал, относящийся к эпохе неолита – железного века (VI–VII – I вв. до н.э.).

Материал железного века разведочных раскопов представлен фрагментами керамики, орнаментированными волнистыми налепными валиками, неолитический материал представлен каменными пластинками, отщепами и фрагментами керамики.

Стратиграфическая ситуация. Выделенные в раскопе № 1, пикет-1Б слои, в общем, показали следующую стратиграфию, характерную для всего памятника:

1. Почвенно-растительный слой мощностью 0,05–0,10 м;

2. Слой светло-серой гумусированной супеси мощностью 0,25–0,30 м;

3. Слой супеси коричневого цвета мощностью 0,35–0,40 м. Культуросодержащий слой;

4. Слой темно-коричневой супеси с подстилающим карбонатом 0,10–0,20 м.

Практически, все выделенные слои нарушены корневой системой деревьев. Многие корневища пострадали от лесных пожаров, оставив скопления углей и линзы прокаленной супеси.

Раскоп № 1. Пикеты 1-31 и пикеты 1А-1Г. были размечены на левобережной островной террасе и нижней оконечности Острова Каменный I.

Первоначально на Острове Каменном I была размечена и отнивелирована площадь 500 кв. м, затем после проведения разведочных работ на Острове Каменном II и III, где не было обнаружено археологического материала, она была увеличена до 1650 кв. м.

Обнаруженные находки дифференцируются по двум культурным слоям. Условия их нахождения позволили датировать стоянку Остров Каменный I в широком хронологическом диапазоне: железный век-средневековье (культурный слой 1) и эпоха ранней бронзы-неолита (культурный слой 2).

В раскопах обнаружен многочисленный археологический материал: погребение эпохи средневековья, фрагменты керамических изделий эпохи железного века.

В пикете № 16, кв. 2–4 АБВ было обнаружено погребение, совершенное по обряду трупоположения. В ходе проведения раскопок, определено, что погребение является парным. Анатомический порядок костяков сохранился фрагментарно, отсутствует часть костей нижних конечностей и ребер. Один из обнаруженных костяков – детский, шейные позвонки со следами увечий. Погребенные были ориентированы головами на юг, вверх по течению реки Ангары.

Среди погребального инвентаря обнаружены железные изделия: нож-«пальма», 21 наконечник стрел различных типов, кресало, острога, крючки самолова, тесло-пазник. Кроме того, найдены две бронзовые подвески, трехгранный костяной наконечник стрелы, мелкие бусинки из бирюзы (?). Один из найденных погребальных предметов возможно имеет культовый характер. В ногах погребенных обнаружены фрагменты изделий из берес-

ты, со следами сшивания, которые возможно являлись берестяными сумками. После снятия костяков стало очевидно, что погребенные лежат на берестяной подстилке, вероятно берестой были укрыты и тела умерших людей. Предварительно датировать обнаруженное погребение следует XIV–XV вв. н.э.

Основным являлся слой эпохи ранней бронзы-неолита, давший многочисленный каменный и представительный керамический материал.

Материал второго культурного слоя представлен изделиями из камня: плоские топоры с «ушками», нуклеусы, наконечники копий и стрел, нефритовый наконечник стрелы, скребки, провёртки, выпрямители древков стрел, абразивы и др. Отходы каменной индустрии представлены пластинами, отщепами, сколами.

Основная часть керамики второго культурного слоя представлена крупными фрагментами плоскосрезанных венчиков орнаментированных с внешней стороны рядами жемчужных вдавлений, иногда в орнаментальный мотив добавлены прочерченные линии или наклонные оттиски отступающей лопатки, расположенные ниже жемчужных вдавлений.

Общее количество археологического материала Острова Каменный I составило 6351 ед. хранения.

Для памятника характерна высокая степень разрушения верхних слоев, в глубине острова, сравнительно небольшая концентрация находок на отдельных участках, немногочисленность закрытых археологических комплексов. Дальнейшее изучение памятника возможно на площади около 3500 кв. м.

Список литературы

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988.

Роговской Е.О., Белоненко В.В. Отчет о проведении рекогносцировочных археологических исследований в долине р. Ангары на участке от г. Усть-Илимска до административной границы Иркутской области и Красноярского края. – Иркутск, 1999.

Е.А. Липнина, Д.Н. Лохов, С.А. Когай

РЕЗУЛЬТАТЫ СПАСАТЕЛЬНЫХ РАБОТ НА ОБЪЕКТАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ УСТЬ-ЁДАРМА II И ДЕРЕВНЯ ЁДАРМА В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ БОГУЧАНСКОЙ ГЭС (2011 ГОД)

В июле-сентябре 2011 г. в зоне затопления ложа Богучанского водохранилища на территории Усть-Илимского района Иркутской области были продолжены спасательные археологические работы на многослойном геоархеологическом объекте Усть-Ёдарма II и начаты на поселении деревня Ёдарма, входящих в состав ансамбля из шести местонахождений (Усть-Ёдарма I–III, Ёдарма I–II, Деревня Ёдарма) на Ёдарминской геоархеологической площади.

Работы выполнялись четырьмя отрядами Лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН. Начальниками отрядов являлись Е.А. Липнина (6-й Усть-Илимский отряд), Д.Н. Лохов (7-й Усть-Илимский отряд), С.А. Когай (8-й Усть-Илимский отряд), В.В. Белоненко (9-й Усть-Илимский отряд). Общее научное руководство осуществлял зам. начальника Богучанской археологической экспедиции по Иркутской области д-р. ист. наук, профессор Г.И. Медведев. Раскопки на местонахождении Усть-Ёдарма II явились продолжением спасательных работ 2009 и 2010 гг., на поселении Деревня Ёдарма проводились впервые.

Река Ёдарма является левым притоком р. Ангары. На правом приустьевом участке и в глубине мыса расположены два археологических объекта – Усть-Ёдарма II и Деревня Ёдарма. Отдельные участки территории памятников в границах контуров своих площадей перекрывались с содержанием наземных современных и погребенных исторических архитектурных деревенских построек с высокой концентрацией вещественного наполнения «деревенского» слоя.

Деревня Ёдарма находится на территории Усть-Илимского административного района Иркутской области в 100 км ниже г. Усть-Илимска, по левому берегу р. Ангары на правобережном приустьевом мысу левого ее притока – р. Ёдармы. Деревня Ёдарма вытянута вдоль по ангарскому берегу от острия мыса на расстоянии более 500 м. По правому берегу р. Ёдармы от оконечности мыса современные строения отдельными домами уходят вверх на 300 м. Деревня динамично существует и живет уже более 200 лет. В основании своем она – археологическая. Здесь сформировался ископаемый деревенский слой, давший основание предполагать в 2007 г. и выделить в 2009 г. самостоятельный объект археологического наследия (ОАН) «Деревня Ёдарма».

В 2011 г. спасательные археологические работы на поселении исполнялись четырьмя раскопами. Вся территория объекта вскрывалась четырьмя раскопами в контурах границ перспективных раскопочных площадей **А**, **В**, **D, E** по 400 пикетов каждая (10 000 кв. м). Закладка раскопов производилась на площади **А** – раскоп № 2 – 1000 кв. м; в 100 м на юго-запад от данного раскопа на территории площади **В** раскоп № 1 – 1135 кв.м и раскопа № 2 на площади **А** – раскоп № 3 – 1000 м^2. В контур границ вскрытия раскопа № 3 вошла одна пикетная линия раскопочной перспективной площади **Е**. Рекогносцировочный раскоп № 2 – 250 кв.м трассирован на площади **D** в 120 м на юго-восток от пикета № 337 раскопа № 1 площади **В.**

В настоящее время, в большинстве случаев произвести внутреннюю детальную относительную хронологическую стратификацию толщи деревенских отложений составляет определенную сложность, поскольку техногенные седименты со времени своего формирования постоянно подвергались интенсивной переработке динамичной хозяйственной деятельностью современной деревни. В процессе раскопок были зафиксированы многочисленные проявления пожаров на территории деревни, один из которых оставил самые мощные следы по всей площади раскопок.

Верхний отдел культурного горизонта представляет собой современный срез бытования деревни (дерн и поддерновый слой, середина – конец XX века). Далее ситуация усложняется взаимным наложением разновременных построек, их перестройками и переделами. Ниже выделен горизонт, лишенный следов сооружений, но насыщенный индивидуальными находками – «грязевой» слой с утраченными (потерянными) нательными крестиками, монетами, мелкими бытовыми предметами (иглы, кресала, ружейные кремни и т.д.).

Отдельно следует отметить ямы – бытовые, мусорные, погребы и подполья. Погребы (погреба) располагались вне остатков жилых срубов и представляли собой укрепленные различными способами (сруб, простена, дощаник) разноразмерные прямоугольные ямы. Подполья были устроены в пределах остатков жилых изб, по классическому сибирскому принципу – влаз у печи, у входа в избу. Часть сооружений, по-видимому, наиболее древняя, выполнялась поставлением сруба в ряж (т.е., в яму ставился готовый сруб из 7-9 венцов). Стратиграфически такие конструкции уходили нижним венцом далеко в нижележащие (неолитические) горизонты.

Кроме того, в раскопе № 1 найдены артефакты, позволяющие восстановить комплекс вооружения служилых малых гарнизонов допетровского времени – были найдены бронебойные наконечники стрел, срезни и 2 замка от кремневых пищалей разного типа. Это позволяет предположить наличие в устье р. Ёдармы небольшого гарнизона, «держащего» переправу через р. Ангару и выход в р. Ката, по которой шла прямая дорога до Нижней Тунгуски.

Многослойное местонахождение Усть-Ёдарма II расположено на правом мысу р. Ёдарма. Практически весь мыс подвергался на протяжении послед-

них 300 лет постоянному антропогенному воздействию. Наиболее свободной территорией от деревенского воздействия является самая оконечность мыса и прибрежный участок вверх по р. Ангаре, протяженностью 1000 м. Отложения ископаемой культуры, зафиксированные на местонахождении ОАН Усть-Ёдарма II, принадлежат протяженному временному отрезку – от позднего мезолита до эпохи средневековья (VII тыс. до н.э. – XVII–XVIII вв. н.э.).

В настоящем полевом сезоне раскапывалось два участка площадей – **А** и **В**. На территории площади **А** был трассирован новый раскоп № 2. Его северный угол вплотную прилегает к южному углу раскопа № 1 (2009–2010 гг.) вскрываемой площади, поверхность вскрытия составила – 1000 кв.м.

Следующий раскоп (№ 1) был заложен на выположенном участке территории перспективной площади вскрытия **В,** примерно в 100 м на юго-запад от раскопа № 2 площади **А,** поверхность вскрытия составила – 1135 кв.м. Были продолжены изыскательские научно-исследовательские работы и в границах раскопа № 1 площади **А**, на участке в 438 кв.м.

Общая вскрытая площадь на объекте составила 2573 кв.м, из них: 400 кв.м (площадь **А**, раскоп № 1) были пройдены на полную глубину залегания культуросодержащих отложений (2,5–3,00 м), 1135 кв.м (площадь **В**, раскоп № 1) на глубину 0,7–1,5 м, 1038 кв.м (площадь **А**, раскопы № 1 и № 2) на глубину 0,7 м.

В раскопе № 1 (площадь **А**) были вскрыты две толщи геологических образований: 1) позднего голоцена (Hl_2) – 1,10–1,30 м; и 2) раннего голоцена (Hl_1) – 1,90–1,70 м. В толщах зафиксированы 9 уровней отложения ископаемой культуры, сгруппированных в две пачки: гумусные образования Hl_2 содержат 1–5 уровни, кровля светлых супесей Hl_1 – 7–9 уровни; пограничным является уровень 6. В толще бурого суглинка (глубина залегания 2,20–2,40 м), подстилающего 9 уровень культуры, были зафиксированы остатки костей млекопитающих, позволившие выделить десятый уровень. По предварительным данным суглинок маркирует границу плейстоцена-голоцена. Археологические предметы здесь пока не зафиксированы. В раскопе № 2 (площадь **А**) также были вскрыты две толщи геологических образований голоценового времени, в которых по результатам работ 2011 г. были зафиксированы, как минимум, 3 уровня отложения ископаемой культуры в хронологических рамках от бронзового века до раннего неолита. В раскопе № 1 (площадь **В**) отдельными пятнами фиксированы сохранившаяся подошва палеопедологических образований Hl_2 и суглинки Hl_1, содержащие один из нижних уровней отложения ископаемой археологической культуры. Самый верхний уровень в обоих раскопах представлен отложениями деревни Ёдарма с различными деревянными конструкциями разной сохранности и артефактами деревенского быта старожильческого населения.

Археологический материал зачищался в плане по уровням отложения и фиксировался как единичными находками, так и отдельными пятнами

скоплений; комплексами концентраций вокруг «конструктивных единиц» – кострищ с обкладками и каменных выкладок. Общее количество учтенных артефактов из трех раскопов составило более 17000 находок. Коллекция археологического материала в орудийном наборе из всех трех раскопов очень выразительна и представительна. В большом количестве встречены рубящие изделия – топоры и их фрагменты с «ушками» – разноразмерные в своем исполнении, тесла, скребки, скребла, ножи, разнообразные наконечники стрел, фрагменты костяных обойм, фрагменты гарпунов, заготовки из рога и кости, фрагменты изделий из кости, нуклеусы, вкладыши, пластины и микропластины, их фрагменты.

Коллекция керамики представлена как единичными фрагментами сосудов, так и целыми скоплениями – «развалами» – с различным техническим декором и орнаментацией. На некоторых керамических фрагментах зафиксированы следы древней реставрации. В составе коллекции имеются три налепных ушка, которые использовались для крепления керамических сосудов-дымокуров в висячем положении.

Также в раскопе № 1 на площади **В** было зафиксировано единичное погребение с надмогильной кладкой, по ряду характеристик относящееся к глазковскому этапу бронзового века. Сопроводительный инвентарь в погребении зафиксирован не был за исключением пастовых/пирофиллитовых бисерин, которые находились в районе грудной клетки, плечевого пояса и черепа.

По результатам спасательных археологических работ 2011 года материал из многослойного геоархеологического местонахождения Усть-Ёдарма II в очередной раз подтвердил статус памятника как опорного объекта для территории Северного Приангарья. Зафиксированный набор вещественных свидетельств о человеческой палеодеятельности с местонахождения, их палеотопография, их геостратиграфия уже сейчас составляют ядро генерального опорного фонда данных для характеристик различных конструкций древних культур времени мезолит-неолита и до раннего средневековья. И в будущем материалы из раскопок любых других объектов этой территории будут являться «периферийными» приращениями к этому уникальному блоку. Уже в нынешнем состоянии материалы и данные Усть-Ёдармы II – центральная перспектива мозаичного сюжета истории древних культур Северного Приангарья. Таким образом, полученные материалы являются опорными в построении сравнительно-корреляционных схем по археологии территории Байкальской Сибири и сопредельных регионов.

Наблюдения, сделанные в ходе работ на поселении Ёдарма, носят предварительный характер и требуют детальной доработки для окончательности выводов о времени, характере и особенностях функционирования и развития первого русского старожильческого поселения, вскрываемого масштабно.

Д.Н. Лысенко, В.Е. Матвеев, А.В. Веженко

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНКИ ТОЛСТЫЙ МЫС (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ) В 2011 ГОДУ

В полевой сезон 2011 г. 2-м Берямбинским археологическим отрядом Богучанской археологической экспедиции проведены спасательные исследования на стоянке Толстый мыс. Памятник расположен в Кежемском районе Красноярского края, на правом берегу р. Ангара, в 22,5 км западнее бывшей деревни Паново.

Стоянка открыта разведкой, проведенной А.П. Окладниковым в 1937 г. по среднему и нижнему течению р. Ангара. С 1976 по 1978 гг. Кежемский отряд Северо-Ангарской археологической экспедиции по руководством Н.И. Дроздова проводит стационарные археологические работы, в результате которых тремя раскопами изучено 64 кв. м и получена выразительная коллекция материала. датирующаяся эпохой неолита – бронзы [Макаров, 1977, с. 12]. В 1985 г. отрядом по паспортизации КГПИ на стоянку составлена первичная учетная документация, по материалам которой она была принята на государственную охрану. В связи с подготовкой ложа водохранилища Богучанской ГЭС, в 2008 г. памятник обследуется разведочным отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством А.Н. Зенина. Пятью шурфами обследована вторая надпойменная терраса р. Ангара и зафиксирован культурный слой эпохи неолита. В 2010 г. Берямбинским археологическим отрядом на памятнике были проведены спасательные археологические работы общей площадью 300 кв. м, из которых 200 кв. м – сплошной раскоп и 100 кв. м рекогносцировочные раскопы. В результате этих работ на памятнике было установлено, что археологический материал концентрируется на двух участках.

Участок № 1 расположен на узкой (до 30 м) первой надпойменной 6-метровой аллювиальной террасе, имеющей юго-восточную экспозицию. В результате работ на данном участке были обнаружены интересные хозяйственные и погребальные комплексы различных эпох. При визуальном осмотре стоянки обнаружен ряд углубленных объектов размерами до 5 х 5 м. Котлованы, интерпретированные как оплывшие жилищные конструкции, в плане имеют подпрямоугольные очертания и вытянуты в цепочку вдоль р. Ангара [Гревцов, Лысенко, Галухин, 2010, с. 513].

Участок № 2 расположен на второй надпойменной террасе высотой до 25 м.

В 2011 г. общая площадь археологических раскрытий на памятнике составила 520 кв. м, включающая в себя 3 сплошных раскопа и 5 рекогносцировочных.

Раскоп № 2 прирезан к северо-западной стороне раскопа 2010 г. В раскопе зафиксированы хорошо стратифицированные археологические материалы раннего бронзового века-эпохи неолита и ряд хозяйственных ям, заполненных остеологическим материалом и артефактами.

Раскоп № 4 заложен над одним из углубленных объектов, обнаруженных в 2010 г. В раскопе на уровне материка (карбонатизированная супесь) зафиксирован котлован подквадратной формы размером 4 х 4 м ориентированный вдоль реки. Заполнение котлована – плотная бурая супесь, приобретающая более темный гумусированный оттенок ближе к его краям. Глубина котлована от уровня его фиксации составляет 0,05–0,3 м. Дно относительно ровное плавно выполаживается к юго-восточному углу конструкции. Вход/выход, размером 0,5 х 0,7 м, расположен в центральной части юго-восточной стенки. На дне, в центре котлована зафиксирован очаг подовальной в плане формы с разрушенной обкладкой.

Северо-восточнее очага компактным скоплением обнаружены остатки рыболовной крючковой снасти. Она представляет собой составной крючок, из роговой обоймы с закрепленным в ней клыком кабарги и тремя костяными скульптурными изображениями рыбок-приманок, по телу которых прорезаны насечки, имитирующие природный окрас. В этом же скоплении обнаружен обломок каменного скульптурного изображения «рыбы-приманки», возможно, использовавшегося как грузило (см. *рисунок*). Вся снасть крепилась к костяному моталу (?).

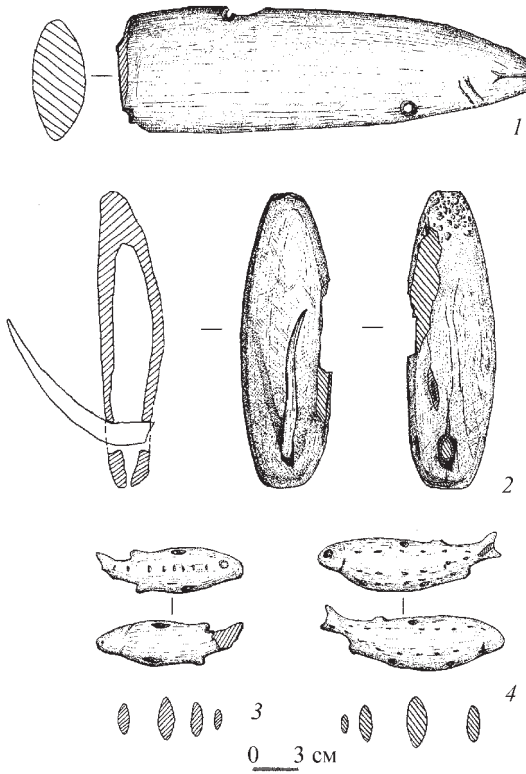
Из каменных орудий, зафиксированных в заполнении изученной конструкции, выделяются своеобразный угловой каменный нож с выделенной рукоятью и массивный торцовый нуклеус. Кроме этого обнаружены наконечники стрел, вкладыши, концевые скребки на пластинах, ножевидные пластины с ретушью.

Керамика представлена обломками параболоидных сосудов, украшенных под урезом венчика парными рядами ямочных вдавлений и зональной орнаментацией накольчатыми штампами и отступающими оттисками.

Подобного типа полуземляночные конструкции с аналогичной керамикой были обнаружены А.П. Окладниковым в 1937 г. на правом берегу р. Ангара в местности «Монастырский камень» напротив Братска [Окладников, 1939, с. 182]. Предварительно, изученное жилище может датироваться концом неолита началом бронзового века.

Для уточнения количества культуросодержащих слоев и границ распространения материала в плане, на участке № 2 был заложен раскоп № 3 и три рекогносцировочных раскопа различной площади. Проведенные работы дали хорошо стратифицированный археологический материал, относящийся к эпохе неолита и имеющий большие перспективы для дальнейшего исследования.

В связи с высоким качеством археологического материала и расположением его «in situ», благодаря выраженной стратиграфии и большим количеством закрытых и условно закрытых археологических комплексов

Стоянка Толстый Мыс.
1 – фрагмент каменной «рыбы-приманки»; *2* – составной костяной крючок; *3, 4* – костяная «рыба-приманка».

(жилищные котлованы, хозяйственные ямы и т.д.) необходимо проведение дальнейших исследований на стоянке Толстый мыс.

Список литературы

Гревцов Ю.А., Лысенко Д.Н., Галухин Л.Л. Спасательные работы Берямбинского археологического отряда Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 509–514.

Макаров Н.П. Новая неолитическая стоянка Толстый мыс в Кежемском районе // Научно-теоретическая конференция: тез. докл. – Иркутск, 1977. – С. 12–14.

Окладников А.П. Неолитические находки в низовьях Ангары (к итогам работ 1937 г.) // ВДИ. – 1939. – № 4. – С. 181–186.

Д.Н. Лысенко, В.Е. Матвеев, Е.С. Рейс

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЛЕНЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ХЕДУГИН РУЧЕЙ В 2011 ГОДУ

Стоянка Хедугин ручей расположена в Кежемском районе Красноярского края, на 648 км р. Ангара, в 16,4 км восточнее бывшего с. Кежма, на правобережной 9–12-метровой аллювиальной террасе. Имеющая юго-западную экспозицию терраса сложена песчаными и супесчаными породами. Лесозаготовительных работ и работ по лесоочистке будущего ложа водохранилища на данном участке не проводилось в связи с отсутствием удобных подходов с реки. Отсутствие техногенного воздействия на микрорельеф памятника сохранило культоросодержащие слои «in situ».

Стоянка открыта в 1937 году А.П.Окладниковым в ходе разведки по среднему и нижнему течению р. Ангара. Вторично памятник был осмотрен в 1978 и 1989 гг. Н.П. Макаровым и В.И. Привалихиным. В 2008 г. разведочный отряд ИАЭТ СО РАН под руководством А.Н. Зенина проводит корректировку границ стоянки, уточненная площадь которой составила 43910 кв. м. Первые стационарные археологические работы проведены в 2010 г. Берямбинским археологическим отрядом. Был изучен жилищный котлован эпохи позднего неолита-бронзы с выразительным инвентарем внутри. Рекогносцировочными работами на различных участках памятника зафиксировано несколько стратиграфических горизонтов, относящихся к широкому хронологическому периоду неолита – раннего средневековья [Гревцов, Лысенко, Галухин, 2010, с. 513].

В 2011 г. работы на памятнике продолжены вторым Берямбинским отрядом Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН. Разбиты раскопы № 2 и 3 (продолжена нумерация 2010 г) площадью 716 и 56 м^2 соответственно.

В раскопе № 2 зафиксировано 2 культурных слоя с четким вертикальным и горизонтальным разграничением.

Культурный слой 1 приурочен к гумусоаккумулятивному супесчаному горизонту, располагавшемуся на глубине 10–15 см от дневной поверхности. На площади раскопа археологические материалы данного слоя располагались в виде двух овальных скоплений артефактов размером 5 х 4 м, в центре которых находились очаги с каменной обкладкой. Возможно, эти скопления являются остатками наземных жилищ. Маркирующим материалом слоя является керамика. Сосуды представляют собой банки закрытой формы, украшенные в верхней трети либо рассеченными налепными жгу-

тиковыми валиками с дополнительным использованием отступающих оттисков, либо тонким треугольными в сечении обмазочными валиками. Керамика данного типа на Ангаре и сопредельных территориях датируется ранним железным веком [Мандрыка и др, 2003, с. 166].

Культурный слой 2 располагается в супесчаном горизонте бурого цвета на глубине 30–40 см и отделен от слоя 1 стерильной прослойкой мощностью 0,1–0,15 м. В данном слое исследовано 6 жилищно-хозяйственных конструкций вытянутых по линии ЮЗ-СВ вдоль левого борта лога и выраженных на дневной поверхности западениями подпрямоугольной в плане формы. Изученные объекты делятся на жилищные и примыкающие к ним хозяйственные помещения.

Зафиксированные жилищные конструкции в количестве 4 штук представляют собой подквадратные в плане котлованы, группирующиеся по парам, размером 5 х 5 м и глубиной 0,15–0,4 м от уровня фиксации. Заполнение конструкций – гумусированная супесь, четко контрастирующая на фоне белесой карбонатизированной супеси. По периметру котлованов фиксируются столбовые ямы диаметром 0,2–0,3 м. Вход/выход прямоугольной формы на всех жилищах направлен в сторону устья лога и р. Ангара. В центре зафиксированы очаги (от 2 до 5), представляющие собой овальные и подквадратные в плане прокаленные пятна без обкладки, в заполнении которых встречены кальцинированные кости, фрагменты керамики, каменные орудия. Все артефакты в жилищах обнаружены на его дне и пристеночных участках.

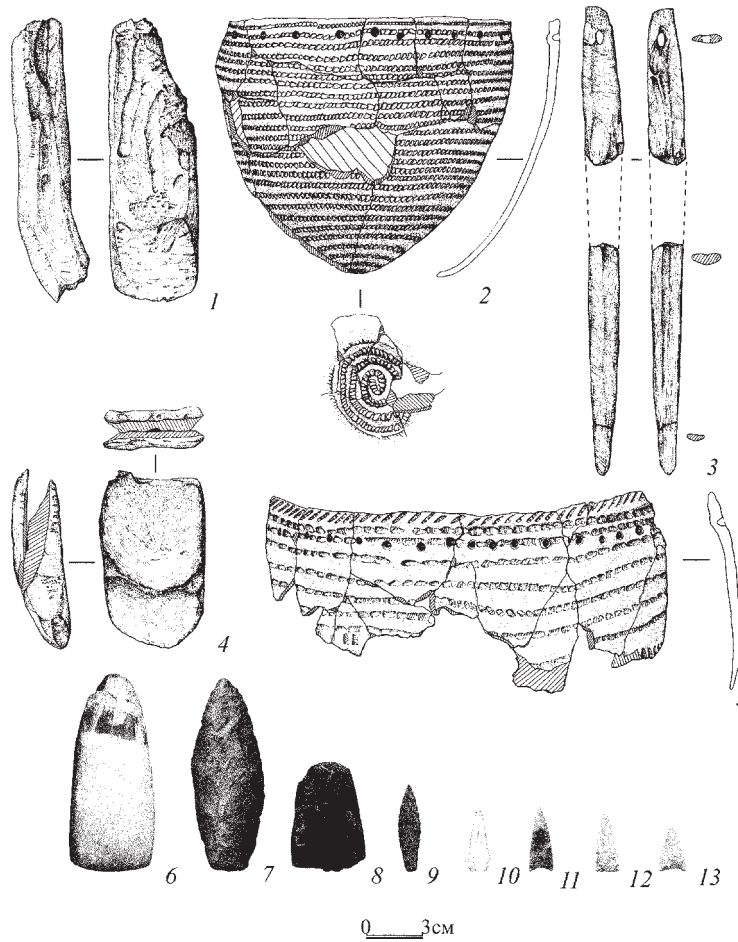
Хозяйственные помещения представлены двумя углубленными конструкциями, подпрямоугольными в плане. Котлованы размером 3 х 2,5 м и 2,5 х 2 м с входом/выходом, ориентированным на ЮЗ, впущены в материк на глубину до 0,2 м. Данные конструкции расположены по краям центральной части цепочки жилищных котлованов. В хозяйственном помещении (№ 1), располагавшемся южнее котлована № 4, зафиксировано несколько археологически целых сосудов параболоидной формы, орнаментированных косопоставленными отпечатками овального в плане зубчатого штампа. Все сосуды располагались вдоль стен котлована. Вероятно, данное помещение выполняло роль кладовой.

На восточной окраине изученного жилищного комплекса зафиксирована мастерская по обработке камня. Она представляет собой площадку, изобилующую большим скоплением отходов первичной и вторичной обработки камня с целыми и фрагментированными заготовками каменных орудий различных стадий изготовления. Мощность скопления (до 0,15 м) и его значительные размеры (изучен сектор размером 5 х 3 м) свидетельствуют о длительном использовании данного участка под мастерскую.

Основная масса археологического материала, зафиксированная на площади раскопа, обнаружена в жилищных котлованах, хозяйственных ямах, скоплениях. Материалы, не привязанные к закрытым и условно закрытым комплексам, встречены в незначительном объеме.

Каменные орудия представлены ножами листовидной формы, проколками, наконечниками стрел с вогнутой и прямой базой, теслами различных размеров, концевыми скребками с округлым рабочим краем, клиновидными и коническими нуклеусами (см. *рисунок*). Выделяется группа орудий из темно-зеленого нефрита представленная теслами, топорами, ножами с выпуклым лезвием. На всех изделиях зафиксированы значительные следы изношенности рабочего края.

Изделия из кости представлены роговыми мотыгами с характерными пазами для крепления, проколками из грифельных костей косули, кинжалом,

Стоянка Хедугин Ручей.
1, 4 – роговая мотыга; *2, 5* – керамический сосуд; *3* – костяной остроконечник; *6, 8* – нефритовый топор; *7* – каменный наконечник копья; *9–13* – каменный наконечник стрелы.

различными остриями, обломками гарпуна, тонкими (2–3 мм) в диаметре иглами, игольниками из трубчатых костей птиц (см. *рисунок*). Также следует отметить выразительный палеонтологический набор, что является достаточно редким случаем для памятников Приангарья.

Керамическая коллекция представлена сосудами параболоидной и округлой формы орнаментированных овальными и прямоугольными в плане отпечатками зубчатого штампа, мелкой гребенкой, отступающей лопаточкой (см. *рисунок*). Из сосудов обнаруженный во втором культурном слое выбивается круглодонный горшок украшенный вертикальными отпечатками витого шнура на поверхности, с рядами косых отступов образующие в верхней трети крупные кресты. Заоваленный урез венчика сформирован после обжига сосуда режущим орудием.

Среди находок описываемого комплекса, выделяется предмет мелкой пластики – костяная лопаточка размером 8,8 х 5 см и толщиной 0,4 см. По краям изделия древний мастер симметрично расположил скульптурно вырезанные орнитоморфные (?) фигуры обращенные клювом к рабочему краю лопатки. Гравировкой обозначены крылья, лапы, рот и глаза. Из индивидуальных украшений обнаружены расщепленные резцы бобра, использовавшиеся в качестве подвесок. Возможно, для ритуальных целей использовались небольшие сточенные куски охры и графита.

Археологические материалы, полученные со второго культурного слоя, находят широкие аналогии в памятниках Прибайкалья и среднего Енисея. Так, аналогичный жилищный комплекс, в котором зафиксирован параболоидный сосуд со сплошной орнаментацией, выполненной отступающей лопаточкой, обнаружен в местности «Монастырский камень» А.П. Окладниковым в 1937 г. [Окладников, 1939, с. 182]. Сосуды, полностью орнаментированные овальным в плане зубчатым штампом, находят аналогии в датируемых бронзовым веком нижних слоях Ермолаевского городища на Енисее [Карцов, 1929, с. 38]. На основании существующих материалов и широкого круга аналогий из Прибайкалья и среднего Енисея культурный слой может быть датирован бронзовым веком.

Кроме непосредственно раскопочных работ, для уточнения количества и взаимного расположения визуально читаемых жилищных котлованов и сопутствующих им хозяйственных ям, была проведена тахеометрическая съемка восточного сектора памятника. В результате проведенных геодезических работ, зафиксировано не менее 200 жилищных котлованов/хозяйственных ям различных размеров группирующихся меж собой в цепочки из 3–5 объектов.

Таким образом, хозяйственно-жилищный комплекс стоянки Хедугин ручей, датирующийся слабо изученным на территории Северного Приангарья бронзовым веком, представляет большой интерес и имеет большие перспективы дальнейшего исследования.

Список литературы

Гревцов Ю.А., Лысенко Д.Н., Галухин Л.Л. Спасательные работы Берямбинского археологического отряда Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 509–514.

Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. – Красноярск: Гос. Музей Приенисейского Края, 1929. – 58 с.

Мандрыка П.В., Ямских А.А., Орлова Л.А., Ямских Г.Ю., Гольев А.А. Археология и палеоэкология многослойного поседения Бобровка на среднем Енисее. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2003. – 221 с.

Окладников А.П. Неолитические находки в низовьях Ангары (к итогам работ 1937 г.) // ВАИ. – 1939. – № 4. – С. 181–186.

П.В. Мандрыка, П.О. Сенотрусова, К.В. Бирюлева

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ НА АНСАМБЛЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ШИВЕРА ПРОСПИХИНО НА АНГАРЕ

В 2011 году Проспихинским отрядом Богучанской археологической экспедиции, представляющим Сибирский Федеральный Университет, были проведены спасательные работы на территории, выделенной как ансамбль Шивера Проспихино. Все памятники расположены в 20–25 км выше плотины строящейся Богучанской ГЭС на правом берегу Ангары в Кежемском районе Красноярского края. В итоге на разных участках ансамбля спасательными раскопами была вскрыта площадь 3475 кв. м. и рекогносцировочными раскопами 55 кв.м.

Основным объектом для проведения спасательных работ на ансамбле был выбран многослойный памятник Проспихинская Шивера IV, расположенный в 1 км выше устья р. Коды. Двумя раскопами, общая площадь которых составляет 3125 кв. м., были изучены три культурных слоя, в которых было найдено более 40 тысяч предметов.

Первый культурный слой относится к могильнику, оставленному автохтонным населением в интервале между XI–XIV вв. и посещаемому вплоть до XVIII в. В отчетном году спасательными археологическими раскопками полностью была изучена площадь могильника. За три года работ на могильнике было вскрыто 88 средневековых погребений, из которых 47 были изучены в 2011 году. Могилы распределяются по площади без системы, но концентрируются группами. В отдельных случаях читаются ряды могил. Максимальная глубина ям погребений от современной поверхности составляет 30 см, в некоторых случаях сопроводительный инвентарь залегает непосредственно под дерном, т. е. на уровне древней поверхности. Все погребения грунтовые, выполненные по обряду кремации на стороне, и сопровождались инвентарем, состоящим из оружия, орудий труда, предметов конского снаряжения, украшений, керамической посуды. Погребения по набору вещей близки между собой, но отличаются деталями и хронологией внутри некрополя, что фиксируется по планиграфии могильника. Культурный слой частично нарушен в ходе лесосводных работ прошлого столетия, что привело к разрушению перекрытий некоторых могильных ям и перемещению части могил. Несмотря на это большая часть погребений не повреждена. В составе погребального инвентаря преобладают железные и бронзовые изделия, также встречаются предметы из рога и стекла (бисер). В одном случае была зафиксирована органика (нити, шерсть, волос).

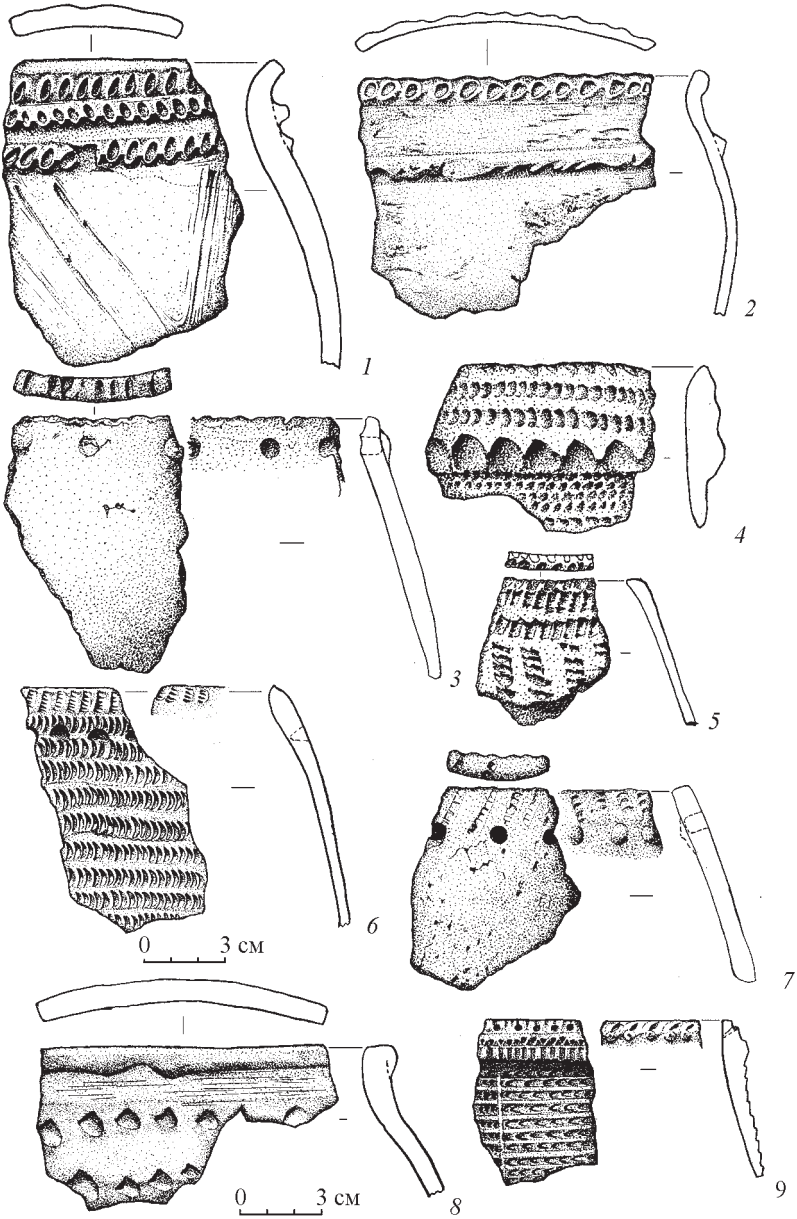
В 2011 году на могильнике найдено 1405 предметов. Решение вопроса о хронологической и культурной принадлежности могильника требует детального анализа, но уже сейчас очевидно, что материалы Проспихинско-шиверского некрополя вместе с другими средневековыми погребениями Северного Приангарья и сопредельных территорий близки между собой и представляют одну средневековую культурную общность южнотаежных районов Средней Сибири.

Во втором культурном слое памятника содержатся материалы средневекового поселения, а также материалы раннего железного века. К слою относятся 4 железоплавильных горна, углубленного типа – устроенных в яме с обмазанными глиной стенками. Такие горны появляются эпоху раннего железного века и продолжают существовать в эпоху средневековья. В нижней части слоя было изучено два погребения, относящиеся к раннему железному веку. Помимо костей человека в погребениях были найдены бронзовый черешковый нож, бусины, каменные наконечники, а также фрагмент венчика сосуда с налепной лентой, орнаментированной округлыми оттисками. Кроме того, в слое был найден разнообразный археологический материал: фрагменты керамических сосудов, отходы металлургического производства, железные и бронзовые изделия, а также каменный инвентарь.

Керамика слоя нескольких типов. К периоду средневековья относятся горшки, орнаментированные как тонкими обмазочными валиками (ковинского типа) (см. *рисунок, 1*), так и оттисками гребенки (лесосибирского типа) (см. *рисунок, 5*). «Валиковая» керамика известна на памятниках середины конца I тыс. н.э. Так, например, на могильнике Усть-Кова, поселении Проспихинская Шивера I, во втором культурном слое поселения Стрелковское I и многих других средневековых памятниках. Керамика же лесосибирского типа отмечается в таежных районах Восточной Сибири с начала II тыс. н.э. и известна в материалах городища Лесосибирского I, в первом слое поселения Шилка-9, втором слое поселения Бобровка и других памятниках.

К раннему железному веку относятся сосуды с широкой налепной лентой, расположенной по краю веничка и орнаментированной оттисками гребенки и глубокими овальными наколами (карабульский тип) (см. *рисунок, 4*), а также горшки со жгутиковыми валиками, расположенными в зоне шейки, и следами затирки на тулове (шилкинский тип) (см. *рисунок, 2*). Такая посуда распространена по всей южнотоаежной зоне Средней Сибири. Кроме того найдены кусочки бронзового лома, пластин. Уникальна бронзовая личина. Из каменных изделий отмечены, песты, наковальни, точила, молоты, грузила и др.

Материал третьего культурного слоя памятника включает не разделяющиеся стратиграфически разнотипные и разновременные материалы бронзового века и неолита. Керамика с орнаментом из пальцевых оттисков (см. *рисунок, 8*) находит аналоги в материалах шепилевской культуры бронзового века. Керамика с оттисками рубчатой колотушки, поясом «жемчужин» под краем венчика (см. *рисунок, 3*) и прочерченными линиями близ-

Керамика из комплекса Проспихинская Шивера IV.
1 – ковинского типа; *2* – шилкинской культуры; *3* – ымыяхтахской культуры; *4* – карабульского типа; *5* – лесосибирского типа; *6* – усть-бельского типа; *7* – серовской культуры; *8* – шепилевской культуры; *9* – посольского тип.

ка посуде ымыяхтахской культуры Якутии. К неолитическому времени относится керамика западноангарского, усть-бельского (см. *рисунок, 6*), посольского типов (см. *рисунок, 9*), а также посуда серовской культуры (см. *рисунок, 7*) и фрагменты с отпечатками «сетки-плетенки». Присутствие разнообразных каменных орудий в виде шлифованных тесел, вкладышевых ножей, концевых и боковых скребков, наконечников копий и стрел, проколок и других изделий, а также разнообразных продуктов первичного расщепления камня не противоречит предложенной датировке слоя. Каменные изделия могут сопровождать любой из отмеченных культурно-хронологических комплексов.

Продолжались работы и на других археологических памятниках ансамбля. В пункте Проспихинская Шивера I, который находится на правом берегу реки Ангары, в 1,7 км к юго-востоку от устья р. Коды, был заложен раскоп общей площадью 75 кв. м. В результате раскопок в слое средневекового поселения найдены многочисленные фрагменты веничков и стенок сосудов с тонкими обмазочными валиками, отходы металлургического производства, керамические изделия колбовидной формы, а также массивные точильные камни. Во втором культурном слое, который датирован бронзовым веком, отмечены фрагмент венчика сосуда с рядами пальцевых защипов, выпрямитель древков стрел и призматический нуклеус.

На многослойном памятнике Проспихинская Шивера II, расположенном на 20-метровой террасе правого берега р. Ангары, в 800 м выше (юго-восточнее) устья р. Кода, был заложен раскоп площадью 50 кв. м. В раскопе выделено два культурных слоя. В первом найдено погребение по обряду кремации на стороне. В состав инвентаря входили многочисленные бронзовые нашивки, железный и бронзовый пластинчатые браслеты, цепеобразные и пластинчатые подвески, железные черешковый нож, кресало и другие изделия. Кроме того, к подошве первого слоя были приурочены находки, относящиеся к средневековому поселению. Среди них фрагменты сосудов с тонкими обмазочными валиками и оттисками гребенчатого орнаментира, а также отходы металлургического производства и остеологический материал. Ко второму культурному слою, датированному неолитом, относятся каменный призматический нуклеус, пластины с краевой ретушью, а также многочисленные каменные отщепы.

На поселении Проспихинская Шивера VI, расположенном в 1,5 км выше устья р. Коды был заложен спасательный раскоп площадью 100 кв.м. В нем изучен один культурный слой, содержащий разновременные материалы от бронзового века до средневековья. На памятнике найдены сосуды с широкой налепной лентой, украшенной оттисками гребенчатого штампа и глубокими наколами, а также керамика с рядами пальцевых защипов. Кроме того, были найдены два обломка каменных наконечников стрел, каменные сколы и немногочисленный остеологический материал.

На территории многослойного поселения Проспихинская Шивера IX, расположенного в 1,3 км выше устья р. Кода, был заложен раскоп площадью

25 кв.м. В нем выявлены два культурных слоя. Первый датирован эпохой средневековья. В нем были найдены железный черешковый нож, железная нашивка, а также фрагменты керамических сосудов со следами затирки. Второй культурный слой содержит смешанные материалы раннего железного века и неолита. К ним относятся фрагменты сосуда с налепной лентой, орнаментированной оттисками гребенчатого штампа, а также каменный концевой скребок, выполненный на отщепе.

На поселении Проспихинская Шивера XI, находящимся севернее пункта Проспихинская Шивера IX, двумя рекогносцировочными раскопами была вскрыта площадь 55 кв. м. В результате был выделен один мешаный культурный слой. К материалам средневековья относятся железная рогатина, а также клад из бронзовых четырехлепестковых нашивок. Керамическая коллекция представляет собой несколько разнотипных сосудов. Также на территории поселения были найдены каменные призматический нуклеус и наконечник стрелы с вогнутым насадом.

На стоянке Проспихино-2, расположенной на правом берегу р. Ангары в 4,7 км севернее д. Проспихино, раскопками площадью 50 кв. м изучены два культуровмещающих слоя. Первый культурный слой, залегающий под дерном, практически полностью уничтожен лесосводными работами. Второй культурный слой, залегающий на глубине 30-50 см, сохранился хорошо и в нем найдены каменные тесла, разнотипные концевые скребки, бифасы, призматические нуклеусы, наконечники стрел, отщепы и пластины. Отмеченная здесь керамика с оттисками «сетки-плетенки» датирует слой ранним неолитом.

Полученные материалы с ансамбля Шивера Проспихино и стоянки Проспихино-2 дополняют наши представления о древних и средневековых культурах Северного Приангарья. Говоря в целом об итогах работ, нужно отметить хорошую насыщенность каждого слоя артефактами и, следовательно, возможность расширения вскрываемых площадей вдоль края ангарской террасы. Стоит сожалеть, что такой возможности больше не представится в связи с затоплением памятников на следующий год.

Г.И. Марковский, А.А. Дудко

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНОК РУЧЕЙ СМОЛОКУРНЫЙ И МЫС СТОЛБЫ В 2011 ГОДУ

Летом 2011 г. Смолокуринским отрядом Богучанской археологической экспедиции СО РАН проводились спасательные археологические работы в ложе затопления Богучанской ГЭС на памятниках Ручей Смолокурный и Мыс Столбы. Объекты расположены на правом берегу р. Ангара, между утесом Толстый Мыс и Мысом Столбы в 10 км к западу от села Паново, разделены участком высокой поймы протяженностью 1,5 км. Задачей Смолокуринского отряда в полевом сезоне 2011 г. было проведение раскопок сплошной площадью и уточняющих рекогносцировочных работ.

На стоянке Ручей Смолокурный были выявлены две зоны высокой концентрации археологического материала – восточная и западная. В отличие от западной части памятника восточная часть не исследовалась сплошным раскопом, и в связи с этим работы 2011 г. были направлены на изучение именно этой территории.

Закладка рекогносцировочных раскопов в 2011 г. производилась перед началом раскопок сплошной площадью, чтобы выявить территорию с высокой концентрацией находок и непотревоженным культурным слоем, т. е. наиболее оптимальный участок для основного раскопа. Для этой цели были заложены 4 рекогносцировочных раскопа общей площадью 21 м^2. Количество находок из рекогносцировочных раскопов составило 645 экз. Для уточнения границ археологического объекта Ручей Смолокурный рекогносцировочные раскопы не использовались, т. к. все работы по корректировки границ памятника были проведены в 2010 г.

Раскоп 2011 г. был заложен в восточной части памятника с целью исследования второй зоны высокой концентрации находок. Раскопочные спасательные работы производились сплошной площадью в рамках единого раскопа и составили 970 м^2. Глубина раскопа варьирует от 0,4 до 0,7 м. Характер и мощность осадконакопления едины для всей восточной части стоянки Ручей Смолокурный. В стратиграфическом профиле раскопа четко прослеживаются три литологических подразделения.

Слой 1. Гумусный горизонт А современной почвы, представлен супесью темной, гумусированной. Не содержит археологических находок. Мощность – от 0,05 до 0,15 м.

Слой 2. Представлен средним суглинком, серого цвета с коричневатым или рыжеватым оттенком. Во включениях встречаются мелкий щебень,

дресва и галька, концентрация которых увеличивается к подошве слоя и особенно высока на границе с нижележащим литологическим подразделением. Слой содержит археологический материал. Мощность варьируется в пределах 0,2–0,45 м.

Слой 3. Представлен супесью серого цвета с большой примесью песка, дресвы, гравия, гальки. В верхней части слоя часто встречается сильно коррадированный обломочный материал (фрагменты гальки, плитки песчаника, сланца). Археологический материал не обнаружен. Прокапан на глубину не более до 0,15 м.

Выявлены два культурных горизонта. Первый приурочен к кровле и средней части литологического слоя 2. Содержит фрагменты керамических сосудов и многочисленные каменные артефакты. Горизонт предварительно датирован периодом неолита. Второй культурный горизонт прослеживается в подошве слоя 2 и на границе с литологическим слоем 3. Содержит коррадированные каменные артефакты. По условиям залегания, морфологическому облику и состоянию поверхности находки из второго культурного горизонта, предварительно, можно отнести к периоду палеолита. Глубина залегания находок первого культурного горизонта составляет 0,1–0,3 м, второго – 0,4–0,5 м.

Общее количество находок с территории, вскрытой сплошным раскопом, составило 14516 экз., из которых 242 экз. относятся ко второму культурному горизонту.

Керамическая коллекция памятника представлена 1547 фрагментами, среди них неорнаментированных – 924 экз., орнаментированных 623 экз. В большинстве случаев поверхность сосудов орнаментирована «сеткой-плетенкой». Встречается также следующие орнаментальные мотивы: ряд «жемчужин» и сквозных отверстий, косые оттиски гребенки, горизонтальные ряды протащенной гребенки или лопаточки с прямоугольным, овальным или треугольным рабочим краем. Археологически целых сосудов не обнаружено. По фрагментам венчиков реконструируются две основные формы сосудов: закрытая баночная и горшковидная с отогнутым венчиком.

Каменные артефакты из первого культурного горизонта разнообразны и многочисленны, их общее количество превышает 12 тыс. экз. Нуклеусы представлены призматическими конусовидными (рис. 1, *5, 6, 8*), призматическими двуплощадочными, коническими, клиновидными (рис. 1, *7*), плоскими и простыми нуклеусами для отщепов. Основное количество ядрищ служило для получения пластин и микропластин в качестве заготовок. В категорию орудий входят скребки (рис. 1, *11*), скребла (рис. 1, *4*), ножи на пластинах и отщепах, резцы, проколки, шиповидные орудия, тесла, наконечники стрел (рис. 1, *1–3*), топоры (рис. 1, *13, 14*), долотовидные орудия, комбинированные орудия (рис. 1, *12*), вкладыши, разнообразные изделия с бифасиальной обработкой (рис. 1, *9, 10*), ретушированные пластины и отщепы.

Более подробно стоит остановиться на описании археологических артефактов из второго культурного горизонта слоя 2, т.к. находки периода па-

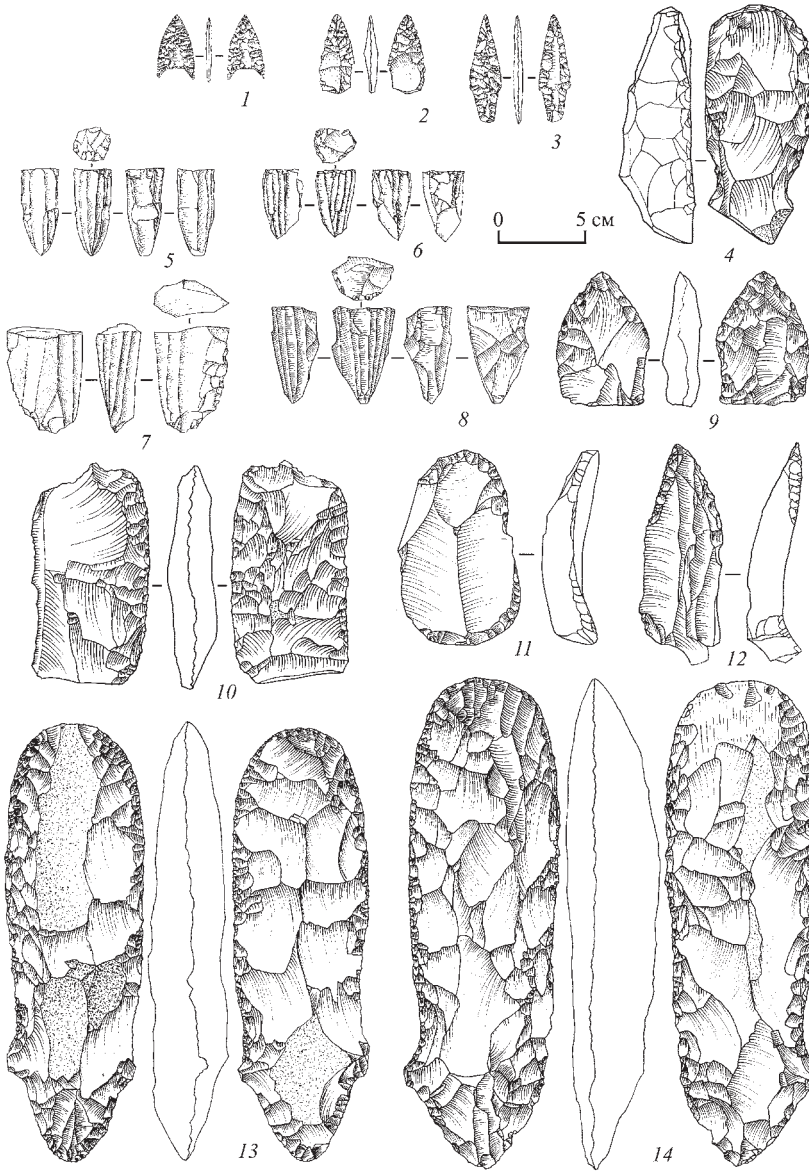

Рис. 1. Орудия и нуклеусы из первого культурного горизонта слоя 2 стоянки Ручей Смолокурный.
1–3 – наконечники; *4* – скребло; *5–8* – нуклеусы; *9, 10* – бифасиальные орудия; *11* – скребок двойной; *12* – комбинированное орудие; *13, 14* – топоры с «ушками».

леолита, залегающие на небольшой глубине, чрезвычайно редки для территории Северного Приангарья.

Ядрища по характеру получаемых сколов делятся на нуклеусы для отщепов и для пластин. Нуклеусы для отщепов представлены следующими категориями.

Плоские нуклеусы (5 экз.; рис. 2, *5*). Одноплощадочные, монофронтальные. Скалывание проводились не только с подготовленной ударной площадки, но и с латералей. Ударная площадка нуклеуса оформлялась мелкими и средними снятиями, таким образом, что остаточная ударная площадка получаемых сколов была двугранной, реже – выпуклой фасетированной.

Многоплощадочные, полифронтальные, многогранные (6 экз.). Скалывание производилось с любой из подходящих граней, либо с места их пересечения. Ударная площадка оформлялась сколами разных размеров и с разной тщательностью, либо вообще не подготавливалась. С одной площадки производилось не более двух снятий, после чего избиралась другая грань и другое направление.

Безплощадочные, бифронтальные (4 экз.). Снятие производилось по двум фронтам в противоположных направлениях. Место для нанесения удара выбиралось на одном из двух противолежащих ребер, и, зачастую, не подготавливалось. На одном экземпляре зафиксированы признаки торцевого пластинчатого скалывания (рис. 2, *7*). Возможно, в качестве заготовки нуклеусов использовались крупные сколы.

Нуклеусы одноплощадочные, полифронтальные (3 экз.). Площадки подготавливались мелкими и средними сколами. Снятия проходили по двум или трем противолежащим фронтам.

К нуклеусам, предназначенным для получения пластин, относятся 3 экз.

Торцевой нуклеус (рис. 2, *9*). Одноплощадочный, монофронтальный, латерали оформлены крупными сколами. Снятие заготовок производилось по фронту в одном направлении.

Нуклеус двуплощадочный, бифронтальный. Площадка подготовлена мелкими и средними сколами. В процессе расщепления использовалась край ударной площадки – естественная грань, проходящая перпендикулярно фронту скалывания. Присутствует подправка фронта с нижней части нуклеуса. С этого места также производились самостоятельные снятия пластин и отщепов по второму, противолежащему, фронту.

Нуклеус на гальке. Одноплощадочный, монофронтальный. Ударная площадка широкая, плоская, тщательно подготовлена мелкими, средними и крупными сколами, по размерам близка к фронту скалывания. Угол между площадкой и фронтом 35–45°. На контрфронте сохранилась галечная поверхность.

Орудия представлены следующими категориями – скребки (2 экз.), скребла (4 экз.), фрагмент орудия с односторонней обработкой и отщепы с ретушью (21 экз.).

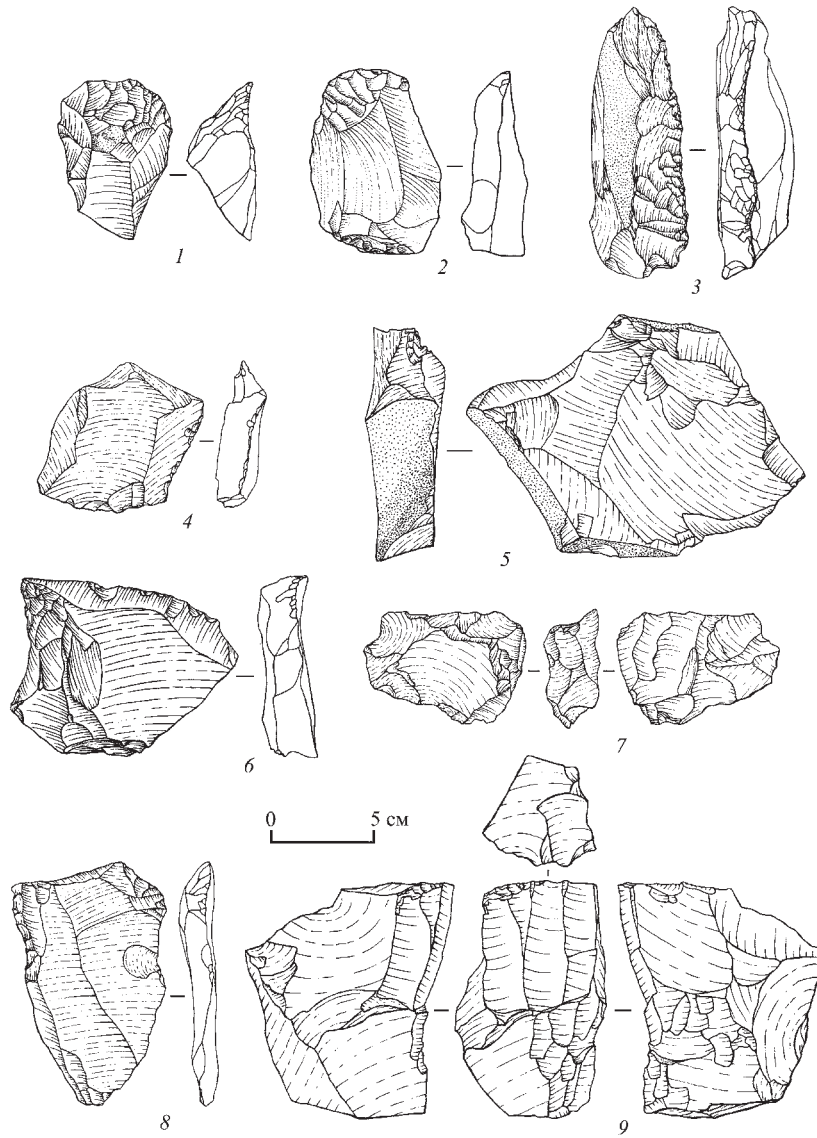

Рис. 2. Орудия и нуклеусы из второго культурного горизонта слоя 2 стоянки Ручей Смолокурный.
1, 2 – скребки; *3* – скребло; *4, 6, 8* – отщепы с ретушью; *5, 7, 9* – нуклеусы.

Скребки являются концевыми и выполнены на отщепах. Первый экземпляр (рис. 2, *1*) изготовлен на фрагменте скола, имеет тщательную обработку в дистальной части параллельной и субпараллельной, полукрутой ретушью. Морфологически схож со скребками высокой формы. Второй эк-

земпляр (рис. 2, *2*) выполнен на целом отщепе с сохранившейся ударной площадкой. Рабочий край слегка выпуклый, оформлен крутой и полукрутой, субпараллельной ретушью.

Скребла представлены продольными (2 экз.), поперечным скреблами и фрагментом скребла на обломке. Продольные скребла изготовлены на обломках, либо на фрагментах крупных сколов. Рабочий край прямой (рис. 2, *3*), либо немного выпуклый, оформлен крутой и полукрутой ретушью. Поперечное скребло выполнено на отщепе. Рабочий край оформлен в дистальной части заготовки с плавным переходом на продольный край. В обработке сочетается крупная формообразующая ретушь, и мелкая ретушь, идущая по кромке рабочего края. Последний экземпляр является фрагментом скребла на обломке. Рабочий край высокий, выпуклый, немного округлый, оформлен вертикальной субпараллельной ретушью разного размера. Орудие не является целым, т.к. утрачена часть, противолежащая рабочему краю.

В категории орудий также присутствует неопределимый медиальный фрагмент с односторонней обработкой, которая сочетает в себе крупные сколы, возможно утоньшающие, и мелкую краевую ретушь.

Самая многочисленная группа в категории орудий – отщепы с ретушью (21 экз., рис. 2, *4, 6, 8*). В основном это целые сколы, имеющие эпизодическую, прерывистую краевую ретушь, о характере которой тяжело судить в связи с сильной коррадированностью материала.

В 2011 г. Смолокуринский отряд продолжил исследование стоянки Мыс Столбы. Были заложены 9 рекогносцировочных раскопов (36 м^2), с целью определения наиболее подходящей территории для раскопок сплошной площадью. Два раскопа (общей площадью 600 м^2) были заложены западной части памятника с целью исследования зоны наиболее высокой концентрации археологического материала. Общее количество находок с территории, вскрытой сплошным раскопом, составило 546 экз. из которых подавляющее количество – мелкие отщепы, осколки и обломки. Артефакты распространены по площади раскопов неравномерно, и сгруппированы в редкие пятна площадью 1–3 м^2. Археологические находки 2011 г. со стоянки Мыс Столбы предварительно датированы периодом неолита.

В результате работ на территории археологических объектов Ручей Смолокурный и Мыс Столбы вскрыты культурные напластования, содержащие останки разных периодов, получена коллекция находок, включающая фрагменты керамических сосудов и многочисленные каменные артефакты. Итоги раскопок прошедшего полевого сезона указывают на необходимость дальнейших спасательных работ. В первую очередь спасательные работы следует проводить на стоянке Ручей Смолокурный, где обнаружена высокая концентрация находок, равномерно распространенных в пределах культурного слоя.

Ж.В. Марченко, А.Е. Гришин, Ю.Н. Гаркуша

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПОСЕЛЕНЧЕСКИМ ПАМЯТНИКАМ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ ДЕРЕВНЯ ПАШИНО И КАМЕШОК (РАБОТЫ ПАШИНСКИХ ОТРЯДОВ БОГУЧАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 2011 ГОДУ)

После начала в 2008 г. масштабных археологических работ в зоне затопления Богучанской ГЭС резко выросла источниковая база по всем периодам древней истории Северного Приангарья [Охранно-спасательные исследования …, 2010]. Принципиальное значение имеют закрытые комплексы, которые способны вывести на качественно новый уровень формирование культурно-хронологической шкалы региона. К таковым относятся исследованные авторами в 2011 г. на памятниках Деревня Пашино и Камешок остатки котлованов древних сооружений.

Работы на памятнике **Деревня Пашино** (устье р. Верхняя Кежма – левый приток р. Ангара) ведутся авторами с 2009 г. [Гришин, Гаркуша, Марченко, 2009; Марченко, Гришин, Гаркуша, 2010]. За это время были выявлены два котлована – остатки стационарных конструкций. Радиоуглеродный анализ угля из конструкции 1 указывает на первую треть IV тыс. до н.э. Керамический комплекс из этого сооружения было предложено связать с керамикой «усть-бельского керамического пласта (общности)» [Бердников, Бердникова, 2007; Гришин, Гаркуша, Марченко, 2011]. В 2011 г. были исследованы остатки еще двух котлованов (конструкции 4 и 5), фрагменты посуды из которых близки керамике из конструкции 1.

Конструкция 4. Контуры котлована читались с глубины 0,9–1,1 м от современной поверхности. Прямоугольный контур, вертикальные стенки котлована наиболее отчетливо фиксировались в западной части конструкции. Восстанавливаются только некоторые размеры: длина западной стенки – 4,3–4,6 м, максимальная глубина от уровня фиксации достигает 0,2 м. Вход не выявлен. На дне, ближе к западной стенке обнаружен овальный прокал (очаг) размерами 0,72 х 0,6 м и мощностью – 0,04–0,1 м, окруженный тремя небольшими камнями. В заполнении очага отмечены многочисленные мелкие фрагменты кальцинированных костей.

В заполнении западной и южной периферии котлована были найдены крупные фрагменты керамики и обугленного дерева, крупные отщепы (сколы-заготовки). В северной части котлована находок меньше. Скопления крупных обломков сосудов тяготеют ко дну котлована.

Конструкция 5 (рис. 1). Контур котлована был зафиксирован в 5 м к юго-западу от конструкции 4, на той же глубине. Сооружение в плане прямоугольное, углы скруглены, ориентировано по сторонам света. Котлован

Рис. 1. Деревня Пашино. Котлован конструкции 5 после выборки заполнения. Вид с севера.

имел размеры 4,8 х 4,3 м и глубину 0,4 м относительно уровня фиксации. У юго-западного угла внутренней части котлована оставлен выступ. В центральной части зафиксированы остатки очага прямоугольной формы, вытянутого по линии восток-запад. Его размеры 0,5 х 0,65 м и мощность до 0,1 м. На дне восточной части конструкции достоверно зафиксирована одна столбовая ямка. В центральной части западной стенки сохранились остатки входа. Южная стенка входа имела ступенчатый выступ. Длина сохранившейся части входа – 0,35 м, ширина по дну – 1 м, по верхней части – 1,96 м, глубина – 0,4 м.

Находок на уровне пола конструкции мало: фрагменты керамики, тесло, отщепы с ретушью, нож, каменный наконечник. Другие поломанные тесловидные орудия, фрагменты сосудов обнаружены в непосредственной близости от котлована, на уровне древней поверхности (рис. 2, *1*). В нижних горизонтах заполнения всего котлована, особенно по центру, фиксировались разрозненные остатки сгоревших деревянных предметов.

Все исследованные на Деревне Пашино конструкции эпохи неолита располагались на разном расстоянии друг от друга, практически на одной линии вдоль края пойменной ангарской террасы.

На **стоянке Камешок** (левый берег о-ва Тургенев) полномасштабные полевые были начаты в 2010 г. А.В. Постновым [2010]. Исследователь, характеризуя современный микрорельеф на памятнике, предположил, что

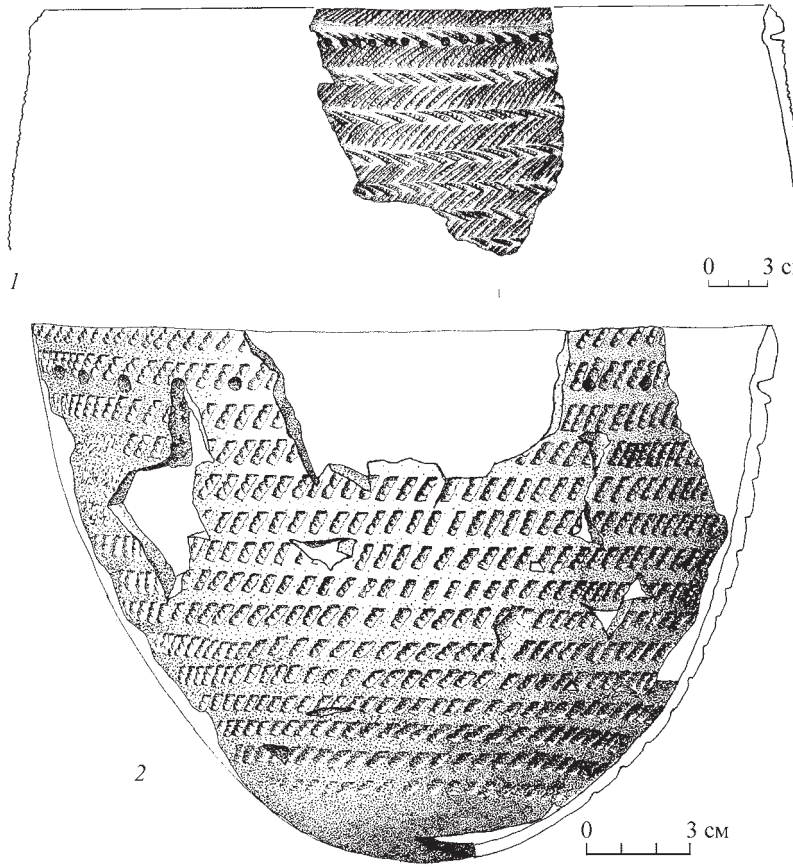

Рис. 2. Керамика с памятников Деревня Пашино (*1*) и Камешок (*2*).

выявленные им многочисленные западины соответствуют остаткам жилищ [Там же, с. 572]. В процессе раскопок 2010 г. были изучены 6 таких западин, интерпретированных А.В. Постновым как жилища эпохи неолита различной конструкции. Пять сооружений располагались в западной части памятника (участок 1) и одно в восточной (участок 2 – расположен в 450 м к северо-востоку). В результате этих работ культурный слой на участке 1 был изучен полностью, на участке 2 – частично.

В 2011 г. авторами было продолжено исследование участка 2 сплошной площадью (2398,6 кв. м). Западины раскапывались согласно методике работы с котлованами жилищ. Всего на площади раскопа было отмечено 22 западины. В итоге, нами были достоверно зафиксированы остатки только одного сооружения (конструкция 2) полуземляночного типа.

Конструкция 2. Котлован располагался в 9 м к северу от конструкции 1 2010 г. Размеры – 3,56 х 3,36 м, контур в плане подчетырехугольный, ори-

ентирован по сторонам света. Глубина котлована от уровня первоначальной фиксации составила в разных местах 0,15-0,25 м. Дно конструкции относительно ровное, имело уклон согласно направлению склона террасы в сторону реки. В средней части северо-западной стены котлована зафиксирован «выступ-перемычка» (ступенька для входа). Он имел подпрямоугольную форму, размер – 0,6 х 0,5 м. Следы очага, а также столбовые ямки не отмечены.

В заполнении котлована были найдены единичные отходы и продукты каменной индустрии, в т.ч. сильно истощенный нуклеус, скол со шлифованного орудия, отщеп с ретушью, каменный наконечник. Вдоль северной стенки конструкции обнаружены фрагменты костей животных плохой сохранности, вдоль южной – отдельные фрагменты керамики и полный развал сосуда.

С керамическим комплексом конструкции 2 мы связываем фрагменты от крупных частей сосудов и развалы целых форм, расположенных в непосредственной близости от сооружения, на уровне древней поверхности (рис. 2, *2*). Ко времени функционирования котлована мы относим также две хозяйственные ямы, одна из которых, очевидно, предназначалась для пищевых отходов. Другая яма имела в заполнении отходы дебитажа, мелкие фрагменты керамики, а также индивидуальные находки – обломки шлифованного орудия, отщеп с ретушью, нуклеусы. Весь этот, по всей видимости, единый с котлованом хозяйственно-бытовой комплекс ям и развалов сосудов расположен на расстоянии 3-4 м от границ сооружения.

Таким образом, в 2011 году обнаружены остатки второй, для участка 2, конструкции неолитического времени. Но подчеркнем, что в результате исследования нами серии западин, определенных изначально, как остатки жилищ [Постнов, 2010, с. 572], в полной мере мы не можем говорить об их искусственном происхождении. На наш взгляд, данные элементы микрорельефа памятника в подавляющем большинстве случаев имели естественное происхождение, связанное с геологическими особенностями строения острова и процессами проседания рыхлых аллювиальных отложений на неровной наклонной поверхности коренных пород. Ряд фактов указывает на время появления западин как до, так и после формирования культурного слоя. Безусловно, древнее население активно использовало эту специфику местности, о чем свидетельствуют участки насыщенного культурного слоя с находками, следы врезок в стенки западин, ямы. Лишь гипотетически еще три подобных объекта можно рассматривать как остатки лёгких сооружений, которые могли быть вписаны в уже существующий рельеф. Неполный комплекс достоверных признаков стационарной постройки (небольшое рельефное понижение на поверхности, оформление котлована, специфическая концентрация находок, детали интерьера) отмечен в одном случае – конструкция 2.

Таким образом, в ходе работ 2011 г. получена ценная информация для формирования культурно-хронологической шкалы региона. А именно пред-

ставительные предметные комплексы и остатки сооружений. Получен материал для радиоуглеродного датирования обнаруженных конструкций. Отметим перспективность сопоставления керамических комплексов из исследованных неолитических жилищ. По предварительной оценке, они отражают широкий «усть-бельский керамический пласт (общность)», потенциально содержащий в себе несколько вариантов [Археология …, 1996, с. 292; Бердников, Бердникова, 2007; Гришин, Гаркуша, Марченко, 2011].

Список литературы

Археология. Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – 376 с.

Бердников И.М., Бердникова Н.Е. Усть-бельская керамика: проблемы, характеристика, хронология // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: Оттиск, 2007. – Т. 1. – С. 51–58.

Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В. Результаты полевых работ 2009 года на памятниках в устье р. Верхняя Кежма (Северное Приангарье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 15 – С. 262–266.

Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В. К проблеме выделения культур эпохи неолита в Северном Приангарье // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда в Старой Руссе. – СПб.: ИИМК РАН, 2011 (в печати).

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н. Работы 1-го и 2-го Пашинских отрядов в 2010 году (Кежемский район Красноярского края) бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 559–564.

Охранно-спасательные исследования ИАЭТ СО РАН на объектах культурного наследия Азиатской России // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 466–604.

Постнов А.В. Спасательные раскопки древних поселенческих комплексов Северного Приангарья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 569–572.

А.В. Постнов

РАСКОПКИ ПАМЯТНИКА БОЛЬШАЯ ПЕЛЕНДА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

В полевой сезон 2011 г. Ангарским отрядом БАЭ ИАЭТ СО РАН проведены спасательные археологические исследования памятников, расположенных на территории Кежемского района Красноярского края в будущем ложе водохранилища БоГЭС Большая Пеленда, Сенькина Шивера и Утес Медвежий.

Стоянка Большая Пеленда находится на левом берегу р. Ангара, на берегах р. Большая Пеленда, в 7,5 км к востоку от пос. Болтурино. Координаты памятника 58°19’15” с.ш.; 100°8’20” в.д. Площадь стоянки охватывает оба берега р. Большая Пеленда, которая прорезает надпойменную террасу левого берега р. Ангара. Археологический материал локализуется на трех участках. Первый участок дислоцируется на надпойменной террасе р. Ангара на левом берегу р. Ангара и на левом берегу р. Большая Пеленда. Второй участок расположен на 15–20 м. первой террасе р. Ангара на левом берегу р. Ангара и на правом берегу р. Большая Пеленда и разделен от третьего участка крутым склоном. Третий участок находится гипсометрически ниже второго на надпойменной террасе р. Ангара. Работы отчетного периода были продолжением многолетних исследований этого объекта [Постнов, 2011]. Раскопы были заложены на первом и третьем участках.

В 2011 г. на участке № 1 был заложен раскоп, состоящий из двух частей по 25 кв. м, вписанный в систему координат, размеченную на памятнике в 2010 г. На участке № 2 был заложен раскоп, состоящий из 20 частей по 25 кв. м.

Раскоп № 1 вскрыл восемь литологических горизонтов. Разрез по мощности составил 3,5 м. Стратиграфия разреза сверху вниз включает следующие отложения:

Слой 1. Легкая супесь, серая гумуссированная, структура мелкокомковатая, текстура однородная. Включает окатанный обломочный материал: гравий, мелкую гальку 3–4 класса окатанности, корни растений. Новообразования отсутствуют. Нижняя граница неточная неясная, обусловлена цветовым переходом и сменой текстуры. Мощность – до 0,3 м. Слой содержит археологический горизонт 1;

Слой 2.1. Легкая супесь темно-серого цвета, структура мелкокомковатая, текстура пятнистая. Включает обломочный материал: гравий, мелкую и среднюю гальку, крупные валуны разной степени окатанности, угли, дресву. Новообразования отсутствуют. Нижняя граница неточная неясная,

обусловлена цветовым переходом. Мощность – 0,2–0,6 м. Слой содержит археологический горизонт 2;

Слой 2.2. Легкая супесь темно-серого цвета, более темная плотная и влажная, чем вышележащий слой. Структура мелкокомковатая, текстура пятнистая. Включает обломочный материал: гравий, мелкую и среднюю гальку, угли, дресву, глыбы размером до 0.7 м. Нижняя граница неточная неясная, обусловлена цветовым переходом, сменой мехсостава. Мощность – до 0,45 м. Слой содержит археологический горизонт 3;

Слой 2.3. Средняя супесь темно-серого цвета, более темная, чем вышележащий слой. Структура мелкокомковатая, текстура пятнистая. Слой незначительно нарушен ходами землероев. Включает обломочный материал (гравий, мелкую и среднюю гальку, угли, дресву, валуны, глыбы). Нижняя граница неточная ясная, обусловлена цветовым переходом и сменой мехсостава и текстуры. Мощность – до 0,45 м. Слой содержит археологический горизонт 4;

Слой 3.1. Легкая супесь, серо-коричневая, структура мелкокомковатая, текстура пятнистая субгоризонтально-слоистая с линзами щебня и гравия. Включает гумусированные линзы до 0,03 м, залегающие субгоризонтально, обломочный материал от гравия до глыб. Новообразования отсутствуют. Слой нарушен ходами землероев до 5% проектной мощности. Нижняя граница неточная неясная, обусловлена цветовым переходом. Мощность слоя – 0,1–0,3 м. Слой содержит археологический горизонт 5;

Слой 3.2. Супесь легкая желтовато-коричневая, структура мелкокомковатая, текстура пятнистая. Включает обломочный материал: гальку разных фракций от мелкой до крупной, валуны. Нижняя граница неточная неясная, обусловлена цветовым переходом и сменой текстуры. Мощность слоя – 0,12–0,6 м. Слой содержит археологический горизонт 6;

Слой 3.3. Супесь легкая коричневая, структура пятнистая, текстура однородная. Включает окатанные и неокатанные разноразмерные обломки пестрого петрографического состава. Мощность слоя – 0,15–0,4 м. Слой содержит археологический горизонт 7;

Слой 4. Супесь легкая желтовато-коричневая, структура пористая, текстура косослоистая, слоистая с прослоями средней супеси, более желтой. Содержит обломочный материал: гальку, валуны, линзы щебня и средней гальки, гравий. Видимая мощность до 0,3 м.

Археологический материал первого культурного слоя включил 65 находок: фрагментов керамических сосудов 30 экз., изделий из камня 5 экз.), а также остатки шлака и остатки фауны крупных млекопитающих (30 экз.). Каменный инвентарь содержал два орудия (выямчатое и рубящее), отщепы и обломки. Предварительная датировка – позднее средневековье – этнографическое время.

Находки слоя 2.1 составили коллекцию из 134 предметов. Керамические фрагменты сосудов составили коллекцию из 114 экз. Среди находок из камня (18 экз.) отмечены обломок нуклеуса, скребок, проколка, два рубящих

орудия и два отщепа с ретушью, а так же сколы без вторичной обработки, обломки и осколки. Коллекция фрагментов остатков фауны крупных млекопитающих насчитывает 2 экземпляра.

Слой 2.2 содержал 119 находок. Среди них фрагменты керамических сосудов (53 экз.) и изделия из камня (66 экз.). Каменный инвентарь составили 10 нуклевидных изделий, 11 орудий (скребок, два ножа, острие, бифас и шесть отщепов с ретушью), а также сколы без вторичной обработки, обломки и осколки.

Слой 2.3 включал 298 находок. Фрагменты керамических сосудов составили 86 экз. Изделия из камня (210 экз.) представлены нуклеусами и их обломками (7 экз.), орудиями (40 экз.), сколами, включая микропластины (91 экз.) и неклассифицируемой частью каменного инвентаря. Орудийный состав включает наконечник стрелы, скребки, ножи, проколки, острия, ретушированные пластины, тесла, выемчатые и зубчатые, скребла и неопределимые фрагменты орудий. Предварительная хронологическая интерпретация слоев 2.2 и 2.3 может относиться к эпохе бронзы.

Слой 3.1 содержал 98 находок. Фрагменты керамических сосудов – 83 экз. Артефакты из камня представлены 5 орудиями (скребок, резец, проколки), сколами без вторичной обработки (16 экз.), и неклассифицируемой частью каменного инвентаря.

Слой 3.2 включал 4 находки: нуклеус простой площадочный, отщеп, осколок и обломок. Предварительная культурно-хронологическая интерпретация слоев 3.1 и 3.2, учитывая данные раскопок 2010 г. – эпоха неолита.

Слой 3.3 содержал 30 находок из них артефактов из камня – 10 экз. и находок фрагментов фауны крупных млекопитающих – 20 экз. Отобранные образцы угля из кострища несомненно способствуют уточнению возраста этих артефактов.

На участке № 3 был заложен раскоп в 500 кв. м. В процессе вскрытия выделено 2 литологических горизонта:

Слой 1. Легкая супесь темно-серого цвета, структура мелкокомковатая, текстура слоистая. Включает обломочный материал различного размера и окатанности. Новообразования отсутствуют, нижняя граница субгоризональная точная неясная, обусловлена цветовым переходом и сменой текстуры. Мощность – 0,2–0,4 м;

Слой 2. Средняя супесь ярко-коричневого цвета. Структура мелкокомковатая, текстура однородная. Включает валуны, песчаные линзы. Новообразования представлены линиями ожелезнения. Видимая мощность – 0,2–0,7 м. Археологический материал в слое не обнаружен.

В раскопе зафиксировано 1247 находок. Фрагменты керамических сосудов составили 360 экз. Изделия из камня (858 экз.) представлены нуклеусами и их обломками (31 экз.), орудиями (119 экз.), сколами и неклассифицируемой частью каменного инвентаря.

Археологический материал стоянки Большая Пеленда представлен 1995 артефактами. Среди простых нуклеусов преобладают ядрища одно-

площадочные монофронтальные и бифронтальные, а так же многоплощадочных полифронтальных или ортогональных форм. В качестве заготовки ряда клиновидных нуклеусов использовалась бифасиальные, возможно, листовидной формы преформы. Орудия представлены следующими категориями: скребла, скребки, резцы, шиповидные, проколки, ножи, долотовидные, отщепы с ретушью, пластины с ретушью, обломок с ретушью, выемчатые, зубчатые, изделия с бифасиальной обработкой, наконечники стрел копий или дротиков, шлифованные изделия.

Керамическая коллекция памятника представлена 726 фрагментами, из них орнаментирован 309 фрагментов. По морфологической характеристике выделяются венчики (125), стенки (524), придонные части (77) и «ушки» для крепления сосудов (1).

Керамика очень разнообразна, целые формы реконструируются в редких случаях, что существенно затрудняет выделение ее типов. Однако визуально выделяются три основные группы. Одна представлена относительно крупными закрытыми формами с преобладанием гребенчатого орнамента. Венчики плоские, прямые, орнаментированы косыми оттисками гребенки, вдавлениями палочкой. Другую составляют тонкостенные формы с отогнутым наружу венчиком. Волнистый срез венчика сформован вдавлениями пальцем. Фрагменты орнаментированы горизонтальными и зигзагообразными «обмазочными» валиками. Третья группа представлена закрытыми сосудами с венчиками-«воротничками», орнаментированными тремя рядами насечек, образующих зигзаг, протащенной гребенкой или несколькими рядами ямок. Тулово орнаментировано диагональными или вертикальными прочерченными линиями.

Также встречаются следующие орнаментальные мотивы: горизонтальная «елочка» по горловине, сформированная из прочерченных линий, горизонтальные ряды ногтевых вдавлений, насечки по внешнему срезу венчика, оттиски лопаточки с заостренным рабочим краем, спиралеобразные оттиски шнура в придонной части сосуда.

Изделия из металла представлены единичными экземплярами. Украшение из железа (шпилька) – 1 экз. Ножи – 3 экз., крючок – 2 экз., фрагмент железной четырехгранной иглы – 2 экз.

Таким образом, в результате работ получен стратифицированный археологический материал всего периода голоцена. Разрез по мощности составил 3,5 м. Высокая насыщенность артефактами и понятный стратиграфический контекст делает этот памятник важным для дальнейшего проведения на нем археологических работ.

Список литературы

Постнов А.В. Результаты исследований стоянки Большая Пеленда // Проблемы археологии, этнографии, антропологии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 565–568.

Е.О. Роговской, А.А. Попов

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ОСТРОВ ЛИСТВЕНИЧНЫЙ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ «НИЗКИХ» ОСТРОВОВ НА СЕВЕРНОЙ АНГАРЕ)

Местонахождение Остров Лиственничный открыто в 2007 г. Усть-Илимским отрядом ИГУ в процессе выполнения мероприятий по инвентаризации объектов археологического наследия Усть-Илимского района, расположенных в границах затопления ложа Богучанской ГЭС на территории Иркутской области. Работы проводил Усть-Илимский отряд археологической экспедиции ИГУ под руководством Е.О. Роговского. Предварительно местонахождение было определено в широком культурно-хронологическом диапазоне: неолит – палеометалл. В 2010 году на острове проводились рекогносцировочные работы [Роговской, 2008; 2009]. Результатом последних стало выявление многослойной ситуации археологического материала в хронодиапазоне 8–9 – 1,5–2 тыс. л. н.

Остров Лиственичный, в сравнении с другими островами Ангары, относительно небольшой. Площадь его составляет около 1200000 кв. м, протяженность – 2250 м и ширина в самой широкой части 630 м. Остров пологий, с незначительными линейными понижениями и поднятиями. В структурно-геоморфологическом отношении остров тяготеет к Ёдарминской площади опускания. Абсолютные гипсометрические отметки верхней кромки береговых обнажений 189–194 м от УМО и сопоставимы с отметками местонахождения Усть-Ёдарма 1, расположенном на левом приустьевом участке р. Ёдармы. Относительные отметки – 3–4 м от уреза воды. Территория острова представлена полого холмистым рельефом. Растительность на острове – поля с высоким травостоем и отдельными массивами леса. Верхняя часть острова оконтурена валом, повсеместно наблюдаемым по кромкам материковых и островных береговых линий. О-в Лиственичный относится к т. н. «низким» ангарским островам. Их аллювиальный генезис и возраст, определяемый поздним голоценом, считается вопросом среди исследователей решённым [Золотарев, Угланов 1952; Равский 1959; Геологическая карта..., 1980; Государственная геологическая карта..., 2010]. Археологические исследования показали, что происхождение острова и генезис отложений выглядят не столь однозначно.

Спасательные раскопочные работы проходили на правой стороне контура острова, и приурочены к территории исследований прошлых лет и местам сбора экспонированного материала.

В 2010 и 2011 гг. на острове проводились рекогносцировочные работы. Заложено 9 шурфов. Шурфы пройдены на глубину от 2 до 4,5 м. В 2010 г. археологический материал зафиксирован в 5 стратиграфических позициях, в шурфах 1, 3, 5 на протяжении 1,1 км.

Сводный стратиграфический разрез вскрытых отложений о-ва Лиственичный представлен отложениями голоценового и, вероятно, неоплейстоценового возраста. Голоценовые образования представлены слоистыми, гумусированными и слабо гумусированными горизонтами супесей почти черного, серого, сизовато-серого, светло-серого, темно-серого, буровато-палевого цвета. Мощность горизонтов от 0,05 до 0,5 м. В 2010 г. в шурфе №1 бескерамическая коллекция археологического материала обнаружена в раннеголоценовых (?) отложениях и приурочена к верхам белесоватого прослоя, залегающего ниже гумусированной пачки отложений, и предварительно, определенный в качестве границы неоплейстоцен-голоцена. Глубина залегания археологического материала в шурфе № 1 1,3 м. Ниже прослоя следует негумусированная толща горизонтально слоистых переслаивающихся лёгких серовато-бурых, коричневато-бурых, белесовато-бурых, супесей. В том же году, в шурфе № 3 залегание археологического материала отмечено в 4 культуросдержащих горизонтах. В нижнем, 4 горизонте зафиксировано отсутствие керамики. Стратиграфическая позиция четвертого горизонта сопоставима с положением артефактов в шурфе № 1. В шурфе № 5, расположенном в километре ниже по течению от приверха, в поздненеоплейстоценовых отложениях зафиксирован археологический материал – широкая призматическая в сечении пластина, с корковым скошенным талоном, снятым с полюсного нуклеуса. Разрез шурфа № 5 характеризуется мощной (более чем 2,5 м), горизонтально слоистой, гумусированной пачкой голоценовых отложений. Граница между голоценом и неоплейстоценом резкая. Отчетливо фиксируется перерыв в осадконакоплении. Артефакт обнаружен в шурфе на глубине 2,9 м в слое солифлюцированных ожелезненных оглеенных суглинков, внутри которых наблюдаются редуцированные гумусированные слойки. Предварительно, (солифлюксий, наличие фрагментов палеопочвы), культуросодержащие отложения могут быть сопоставимы с отложениями позднекаргинских–раннесартанских образований на юге Средней Сибири. В 2011 г. шурф № 5 с 4 кв. м развернут в 16 кв. м и пройден на глубину 4,5 м. Вокруг раскопа на расстоянии 15–20 м заложено еще три раскопа. Однако, больше археологический материал зафиксирован не был.

В ходе работ 2011 г., в слоистой гумусированной пачке выявлен еще один уровень залегания археологического материала. Таким образом, с учетом находки в шурфе № 5 2010 г. на острове зафиксировано 6 стратиграфических уровней залегания археологического материала. Четыре горизонта в гумусированных отложениях предварительно определены в культурно-хронологическом диапазоне поздний неолит – ранний железный век. Однако, для комплексов, приуроченных к позднеголоценовым отложениям, архео-

логический материал верхних четырех культуросодержащих горизонтов немногочисленный. Встречаются редкие фрагменты гладкостенной керамики и отдельные отщепы.

На базе шурфов 1 и 3 2010 г. были развернуты два раскопа. Первый раскоп площадью 250 кв. м заложен на базе шурфа № 1 на приверхе, по правой его стороне. В раскопе 1 основной массив находок (2283 артефактов) обнаружен в 5 бескерамическом культурном горизонте. Археологический материал представлен большим количеством пластин, отщепов, чешуек. Готовые изделия – единичны. В их составе нуклеусы, остроконечники, бифасы. Представительная коллекция изделий из кости – шило, гарпун, фрагменты вкладышевых орудий, другие фрагменты со следами обработки. Культурный слой залегал на глубине от 1 м до 1, 5 м, на разных участках. В слое зафиксировано три кострища, скопления отщепов и сколов. Второй раскоп развернут на базе шурфа №3. Площадь раскопа составила 750 кв. м. Стратиграфия раскопа 2 идентична ситуации в раскопе 1. Раскоп трассирован в верхней части острова, в полукилометре от приверха, вдоль береговой кромки. Как и в первом раскопе, археологический материал эпохи бронзы, раннего железа представлен единичными находками. Наиболее интересная находка происходит из третьего слоя – игольник, орнаментированный параллельными рядами горизонтальных насечек. Как и в первом раскопе, основное количество материала обнаружено в 5 бескерамическом культуросодержащем горизонте. Коллекция 5 горизонта во 2 раскопе насчитывает 2456 находок. В том числе призматические нуклеусы и их фрагменты; орудийная группа, состоящая из скребков, скребел, остроконечников, бифасов. Отдельной группой выступает представительная коллекция изделий из кости – проколки, иглы, острия, гарпуны, основания вкладышевых орудий, фрагменты других костяных изделий (рис. 1). Также как и в раскопе 1 отмечено большое количество отходов производства. В 5 бескерамическом горизонте обнаружено компактное скопление крупных сколов, залегающих друг на друге, интерпретируемое как «клад». Кроме того, в пикете 4 зафиксировано обширное скопление колотой кости. Внутри скопления – изделия из кости (гарпун, шило), призматический нуклеус. Рядом со скоплением отмечено кострище. Глубина залегания 5 культуросодержащего горизонта различная и зависит от мощности перекрывающей его пачки гумусированных отложений. Наиболее глубоко слой залегает в пикетах близких к береговой бровке – 2,1 м. По мере удаления от берега, компрессия гумусированной пачки увеличивается и, соответственно, мощность ее уменьшается. Здесь бескерамический горизонт залегает на глубине 1 м.

Отмечено, что скопления археологического материала 5 культурного бескерамического горизонта уходят в стенку дальних от береговой кромки пикетов. Из этого следует, что археологический материал распространяется вглубь острова и необходимость продолжения спасательных работ на стоянке не вызывает сомнений.

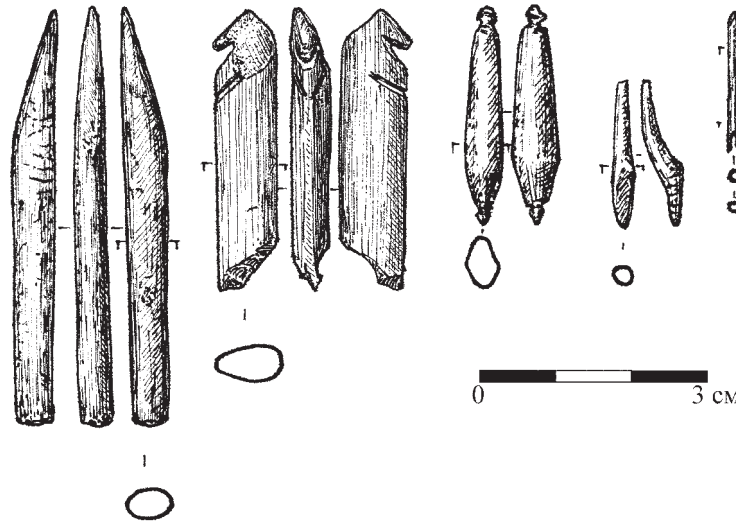

Рис. 1. Остров Лиственичный. Костяной инвентарь
5-го культуросодержащего горизонта.

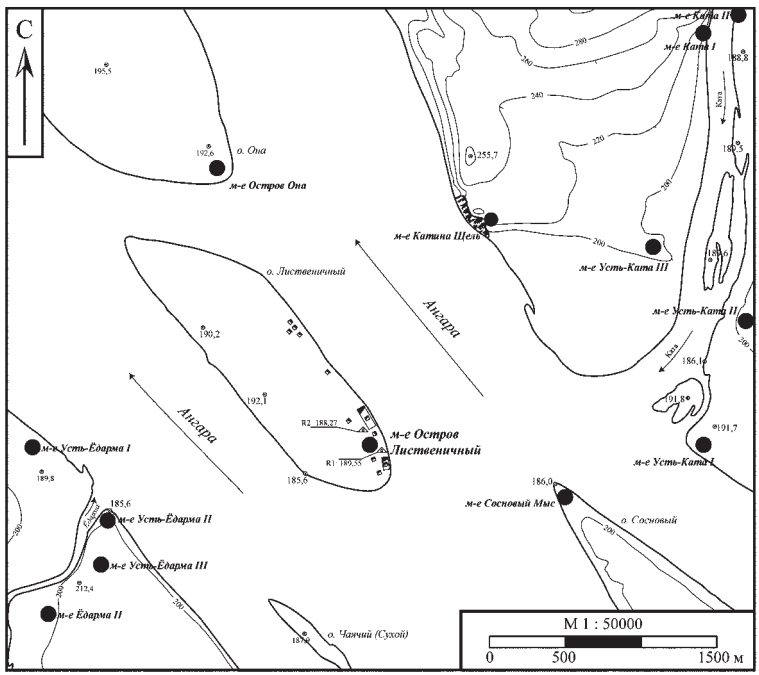

Рис. 2. Карта-схема археологических местонахождений
в Като-Ёдарминском расширении.

Таким образом, на Острове Лиственичный, по предварительной оценке, вскрыта ситуация многослойного залегания культурных остатков. И, если материальные остатки позднеголоценового времени ожидаемы и предсказуемы, то само существование раннеголоценовых и, возможно, позднеплейстоценовых культур на так называемых «низких» ангарских островах и террасовидных поверхностях в рамках относительных высот – 1–2 метра от современного уреза Ангары ранее не рассматривалось. Соответственно, необходимо более детальное и тщательное обследование данных поверхностей, что послужит решению проблем, касаемых формирования Ангары и накоплению информации по докерамическим комплексам Северного Приангарья. Кроме Острова Лиственичного, с сопоставимыми геоморфологическими характеристиками и строением рыхлых толщ, в Като-Ёдарминскую тектоническую крестовину вписаны такие местонахождения, как Усть-Ёдарма I, Усть-Ката I, и Остров Она (рис. 2).

Наличие докерамических комплексов на «высоких» [Бердникова, 1997] и «низких» ангарских островах в субаэральных отложениях верхнего неоплейстоцена свидетельствуют о сложном генезисе долины Ангары и её геологической молодости, открывая, таким образом, новый сюжет в докерамической археологии Ангары.

Список литературы

Бердникова Н.Е. Палеолит на ангарских островах // Дуловские чтения 1997 года (Секция археологии и этнографии): М-лы докл. и сообщ., октябрь 1997 г. – Иркутск, 1997. – С. 42–44.

Геологическая карта СССР 1:200000 / В.Н. Котков. – 1959. – М.: [б.и.], 1980. – Лист 0–48 – VII.

Государственная геологическая карта Российской Федерации 1:1000000 / С.А. Пермяков, Е.П. Денисенко, А.И. Волков, Т.Д. Попова. – СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2010. – Лист 0–48 (Усть-Илимск).

Золотарев А.Г., Угланов И.Н. Геологическое строение бассейнов рек Ангары, Катанги и Н. Тунгуски в пределах северной части листа 0–48. Основной отчет по контрольным маршрутам составительской партии 1952 г., Немской партии 1950 г., Катангской партии 1950 г.

Равский Э.И. Геология мезозойских и кайнозойских отложений и алмазоносность юга Тунгусского Бассейна // Тр. ГИН АН СССР. – 1959. – Вып. 22.

Роговской Е.О. Отчет об археологических разведочных исследованиях в 2007 году в долине Ангары, на участке от г. Усть-Илимска до границ с Красноярским краем, в зоне затопления Богучанским водохранилищем (Иркутская часть). Т. 1, 2008 // Архив ЦСН Иркутской области. № 853/И. 62. 103 с.

Роговской Е.О. Отчет о рекогносцировочных научно-изыскательских археологических работах в Северном Приангарье. Зона затопления ложа Богучанской ГЭС. Т. 1, 2009 // Архив ЦСН Иркутской области. № 974/И. 63 с.

Н.А. Савельев, А.А. Тимощенко, Д.А. Бадмаев

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ ПЯТОГО УСТЬ-ИЛИМСКОГО ОТРЯДА НА ПАМЯТНИКЕ СОСНОВЫЙ МЫС В 2011 ГОДУ

В июле-августе 2011 г. в зоне затопления Богучанского водохранилища на территории Усть-Илимского района Иркутской области начаты спасательные археологические раскопки на памятнике Сосновый Мыс.

Работы проводились на двух участках острова: на нижней оконечности (начальник отряда Н.А. Савельев) – площадь 1 040 м^2; на отрезке левого берега, в 125 м юго-восточнее первого участка (начальник отряда И.А. Грачев) – площадь 2 100 м^2.

Изучаемый памятник находится в Северном Приангарье, на острове Сосновом, на нижней его оконечности, в створе устьев рек Ката и Ёдарма. Абсолютные отметки местонахождения 188–208 м. Относительные отметки от уреза воды 8–20 м.

В административном отношении памятник располагается в Усть-Илимском районе Иркутской области, в 40 км ниже по течению от д. Кеуль.

Объект открыт и исследовался Северо-Ангарской экспедицией Красноярского краеведческого музея и ИрГУ под руководством Н.И. Дроздова в 1974–1975 гг. Результатом работ стало выявление стояночного и могильного комплексов неолита и раннего средневековья [Дроздов, Привалихин, 1975; Дроздов, 1976; Петрова и др., 1976].

В 1982 г. археолого-этнографической экспедицией Красноярского краевого музея под руководством В.И. Привалихина частично раскопан могильник эпохи ранней бронзы [Привалихин, 1998].

В 1998, 2007 и 2008 гг. Нижне-Ангарским отрядом Ангаро-Байкальской комплексной археологической экспедиции ИГУ под руководством Е.О. Роговского проводились работы по определению границ памятника, GPS-привязка, шурфовочные работы, сбор подъёмного материала.

Стояночные комплексы. В соответствии со стратиграфической ситуацией в раскопе № 1 выделено 4 культуровмещающих горизонта (к.г.). Все горизонты связаны с уровнями зачаточных погребенных почв голоценового возраста (рис. 1, *1*). По геологическим данным они датируются: к.г. I – субатлантическим периодом голоцена (0,8–2,7 тыс. л.н.); к.г. II – суббариалльным периодом (2,7–4,5 тыс. л.н.); к.г. III – атлантическим временем (4,5–8 тыс. л.н.); к.г. IV – предбореальным периодом (9–11 тыс. л.н.) [Воробьева, 2010]. По археологической периодизации эти горизонты соответствуют: I – средневековью – раннему железному веку; II – эпохе бронзы; III – неолиту; IV – мезолиту.

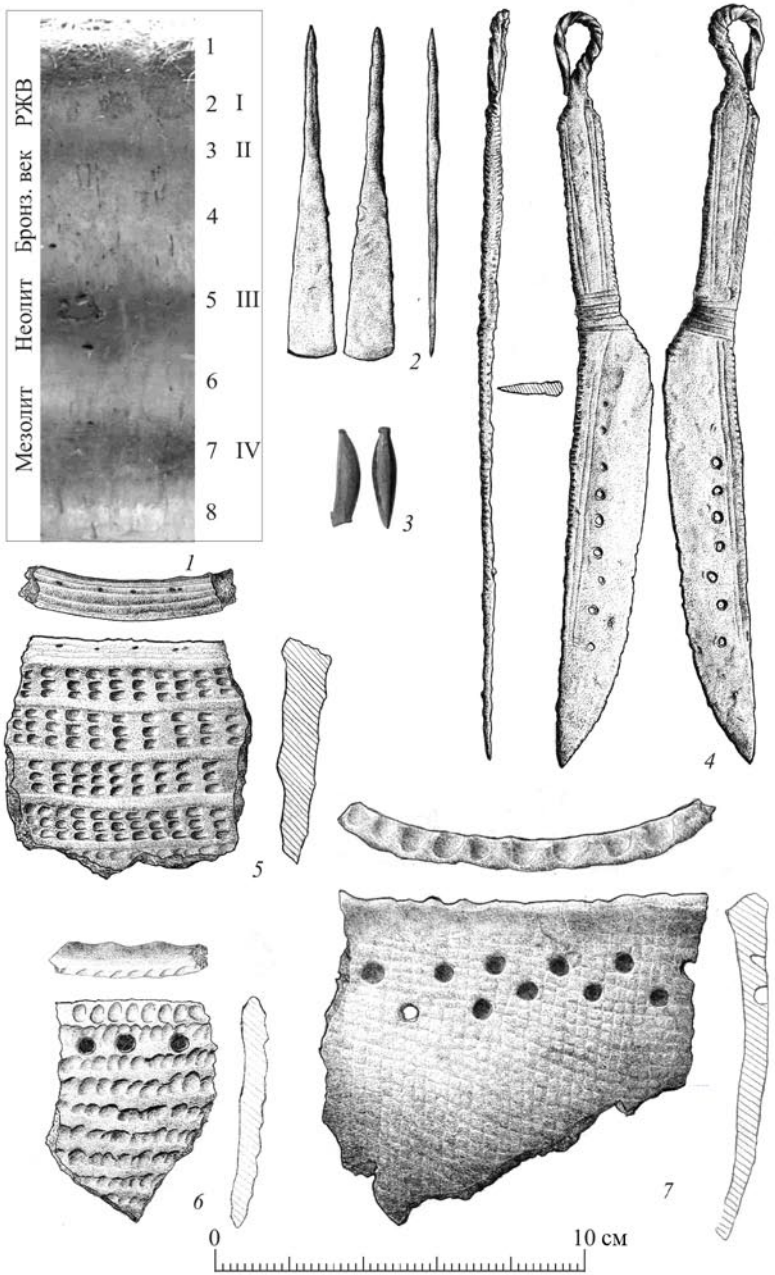

Рис. 1. Материалы стояночного комплекса местонахождения Сосновый Мыс. *1* – стратиграфический разрез; *2* – железный наконечник стрелы (**I к.г.**); *3* – база рыболовного крючка; *4* – железный нож (**I к.г.**); *5–7* – керамика эпохи неолита (**III к.г.**).

Культуросодержащий горизонт I залегает в слое серой супеси. Археологический материал распределен по горизонту рассеянно, в виде единичных находок фрагментов керамики, кости, каменных артефактов и изделий из металла. При разборке слоя обнаружены два кострища.

Коллекция к.г. I насчитывает 700 находок. Наиболее интересны железные и костяные наконечники стрел (рис. 1, *2*), тесло с «ушками», уникальный для Северного Приангарья железный нож.

Нож однолезвийный, с двусторонней заточкой лезвия. Клинок ножа плавно переходит в рукоять, навершием которой служит крученая петля. Рукоять по отношению к лезвию имеет небольшой положительный угол. По центру клинка просверлены 7 отверстий, расположенных в ряд, который продолжают 2 выемки-ямочки (с одного борта); выше отверстий с обеих сторон клинка проходят 2 горизонтальных линии. Рукоять украшена парными горизонтальными линиями. Переход от клинка к рукояти орнаментирован вертикальными парными линиями. По кромкам рукояти, а также по обушку лезвия, нанесены косые насечки. Длинна ножа 20,7 см; ширина клинка 2 см; ширина рукояти 1,2 см; толщина 0,3 см (рис. 1, *4*).

Керамика горизонта представлена сосудами с различными видами композиции и техники нанесения орнамента.

Культуросодержащий горизонт II залегает в слое темно-серого суглинка. Археологический материал распределен по горизонту достаточно равномерно, с некоторым увеличением концентрации в юго-западной части раскопа. При разборке слоя зафиксировано 31 кострище. Вокруг кострищ зафиксированы скопления керамики, битой кости.

Коллекция к.г. II насчитывает 4 046 находок. *Орудия* представлены костяными наконечниками стрел, каменными наконечниками с черешковым насадом и наконечниками подтреугольной формы, обломком тесла, скребками на отщепах, призматическими нуклеусами.

Керамика включает гладкостенные сосуды и сосуды с оттисками «шнура» на внешней поверхности тулова. По внешней поверхности сосуды орнаментированы горизонтальными линиями оттисков гребенчатого штампа, либо прочерченными линиями. В качестве дополнительного орнамента встречается горизонтальный поясок «жемчужин» под венчиком.

Культуросодержащий горизонт III залегает в слое темно-серого суглинка, от выше- и нижележащих горизонтов отделен стерильной песчаной прослойкой. Археологический материал распределен по горизонту неравномерно. Наибольшая концентрация зафиксирована в юго-западной части раскопа. При разборке слоя зафиксированы следующие комплексы:

1. *24 кострища* выделены по пятнам прокаленного грунта и линзам зольника. Вокруг них встречаются развалы сосудов, скопления костных остатков. В заполнении зольника обнаружены фрагменты жженой кости;

2. *6 каменных кладок.* Кладка № 1 зафиксирована в пикете № 15. Она имеет округлую форму. Размер по линии С-Ю – 1,4 м, по линии З-В – 1,45 м. В заполнении кладки обнаружен фрагмент гладкостенной керамики и зуб

человека. Кладки № 2–6 компактно расположены в пикете № 109. Их размеры: 0,9×1,0 м; 2,0×1,2 м; 1,2×1,4 м; 0,8×0,6 м; 0,95×0,85 м. Этот комплекс можно отнести к очажным конструкциям раннего неолита. Однако отсутствие прокала и зольника (или его незначительное количество) может свидетельствовать о ритуальном назначении кладок. Подтверждением служит их близкое расположение кладок № 2–6 к могильному комплексу и наличие человеческого зуба в кладке № 1;

3. *«Производственная площадка»* обнаружена в пикете № 78. Она представлена компактным скоплением (0,7×0,8 м) каменных и костяных артефактов. Здесь обнаружены костяные и каменные отбойники, точильные бруски, нуклеусы разной степени сработанности, обломки каменных ножей, заготовки орудий, отщепы и пластины.

В слое зафиксирована *керамика* – развалы сосудов, многочисленные скопления отщепов и битой кости.

Коллекция к.г. III насчитывает 10 877 находок. *Каменный инвентарь* представлен рыболовным крючком китойского типа, топорами с «ушками», топором с перехватом, теслами подтреугольной и подпрямоугольной форм, призматическими нуклеусами, концевыми и боковыми скребками, наконечниками дротиков, отщепами и пластинами. Самой многочисленной категорией орудий являются наконечники стрел: черешковые, ромбовидные, треугольные с прямой и вогнутой базой.

Керамика относится к «посольскому», «усть-бельскому», «хайтинскому» и «казачинскому» типам. Самыми многочисленными являются фрагменты сосудов с оттисками «сетки-плетенки», дополненные пояском ямочных вдавлений под венчиком (рис. 1, *5–7*).

Культуросодержащий горизонт IV залегает в слое бурого суглинка. Коллекция к.г. IV насчитывает 336 единиц. Находки представлены массивным концевым скребком на отщепе, призматическим и аморфным нуклеусами, единичными отщепами и остатками костей крупных млекопитающих.

Могильник. Дислоцируется в восточной части раскопа. Всего обнаружено 1 парное и 7 одиночных погребений.

Общая особенность погребений – отсутствие четко выраженных могильных ям, поэтому костяки чаще всего фиксировались в плейстоценовых лессовых отложениях (лит. слой 8). В трех случаях погребения обозначены кладками, сооруженными из крупных камней. Пять погребений (№ 2, 4, 5, 7, 8) расположены в один ряд, имеют одну ориентацию и ритмично располагаются на однинаковом расстоянии друг от друга. Скорее всего, этот единый ряд представлен родственными захоронениями. Погребенные покоились в вытянутом положении, на спине, головой на восток. Анатомический порядок большинства костяков нарушен. Лишь в одном случае он сохранен полностью. Разрушения носят как искусственный (по-видимому, погребения вторичные), так и природный характер (нарушены корневой системой деревьев). Семь погребений имеют следы засыпки охрой.

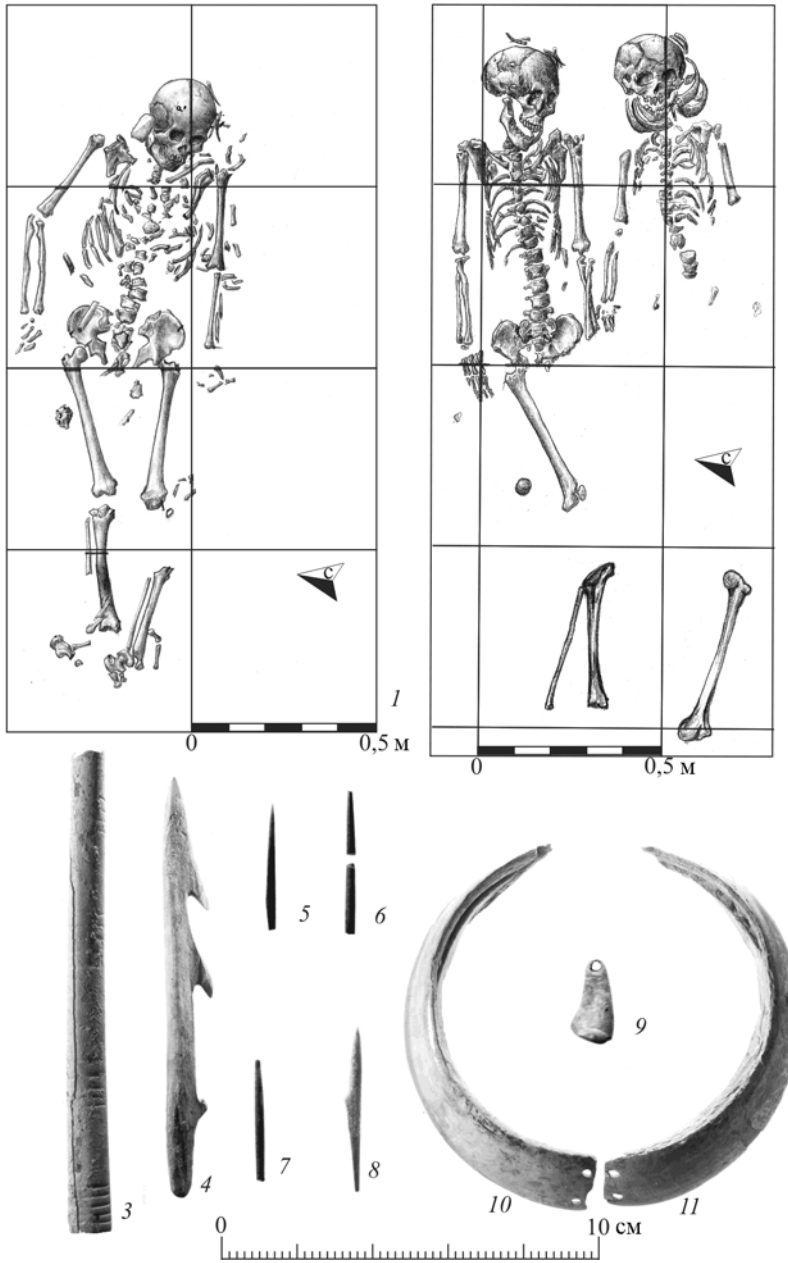

Рис. 2. Материалы погребального комплекса местонахождения Сосновый Мыс. *1* – погребение № 2; *2* – погребение № 7; *3* – игольник; *4* – гарпун; *5–7* – обломки костяных игл; *8* – жальце рыболовного крючка; *9* – подвеска из зуба марала; *10–11* – подвески из расщеплённых клыков кабана.

Сопроводительный инвентарь: костяной игольник (рис. 2, *3*), гарпун из трубчатой кости (рис. 2, *4*), нож на отщепе, обломок тесла, наконечники стрел подтреугольной формы, обломки костяных игл (рис. 2, *5–7*), жальце рыболовного крючка (рис. 2, *8*), клыки кабарги, подвеска из зуба марала (рис. 2, *9*), подвески из расщепленных вдоль клыков кабана (рис. 2, *10, 11*), костяное лощило.

Таким образом, спасательные раскопки на нижнем мысовом участке острова Сосновый, проведенные в 2011 г., позволили выявить уникальную для островной археологии Северного Приангарья стратиграфическую ситуацию стояночных комплексов и впервые исследовать новый неолитический могильник. Многочисленная коллекция артефактов представляет несомненный интерес для уточнения хронологии и периодизации голоценовых культур Северного Приангарья.

Уникально обнаружение неолитического могильника. Уже сейчас, в соответствии с корреляцией погребальных обрядов и сопровождающего инвентаря с широко известными могильниками Южного Прибайкалья, могильник можно датировать 7–5 тысячелетием. Его особенность – в сочетании элементов китойской и серовской погребальных культур.

Список литературы

Воробьева Г.А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья: Проблемы эволюции и классификации почв. – Иркутск: Изд-во ИрГУ, 2010. – 205 с.

Дроздов Н.И. Северо-Ангарская экспедиция // АО 1975 года. – М.: Наука, 1976. – С. 237.

Дроздов Н.И., Привалихин В.И. Разведки на Средней Ангаре // АО 1974 года. – М.: Наука, 1975. – С. 203–204.

Петрова Н.А., Смотрова В.И., Смотрова Г.И., Дроздов Н.И., Ларченко С.И. Раскопки древнего могильника на Средней Ангаре // АО 1975 года. – М.: Наука, 1976. – С. 272–273.

Привалихин В.И. Сосновый Мыс-2 – новый разновременной могильник Северного Приангарья // Сибирский межмузейный сборник. – Красноярск: Изд-во Краснояр. краев. Музея, 1998. – С. 72–87.

А.Н. Савин, О.В. Солодская, В.Е. Ольшанецкая

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ РУЧЕЙ КОННЫЙ-3 В 2011 ГОДУ

В 2011 г. в рамках Богучанской археологической экспедиции проводились работы на памятнике Ручей Конный-3. Это поселение располагается в Усть-Илимском районе Иркутской области, на правом берегу р. Ангары, в 80 км к северу от г. Усть-Илимск. Памятник находится на высокой береговой террасе, рассеченной крупными ложбинами. Одна из ложбин разделяет поселение на две неравные части.

Всего на сегодняшний день зафиксировано 65 отчетливо выраженных жилищных западин глубиной до 0,5 м. Выявленным западинам присвоена нумерация. Все западины имеют округлую форму (диаметр от 6 до 10 м). Располагаются они бессистемно в глубине террасы, на расстоянии 46–145 м от береговой линии реки. В северо-западной и юго-восточной частях памятника заложены два раскопа общей площадью 1 087 м^2. Полностью исследованы 8 жилищных западин: № 2–6 и 43–45.

Они имеют практически однотипные планиграфию и стратиграфию. Планиграфически первые признаки наличия жилищных конструкций фиксировались на уровне второго стратиграфического горизонта, где в центральной части западины отчетливо прослеживался слой темно-красной супеси, маркирующий кровлю (рис. 1, *Б, В*). Слой темно-красной супеси утолщался в центре жилищной западины, достигая мощности 0,14 м и практически полностью перекрывая котлован жилища. При исследовании жилищных западин № 43 и 44 слой буровато-красной супеси к границам плавно переходил в темно-гумусированный слой, что указывает на утепление стен жилищной конструкции пластами дерна. Радиально от него располагалась полоса мешанной светло-серой супеси с включениями пятен супеси белого цвета. Выявленный по контуру жилищной западины слой светло-серой супеси (ширина до 1,42 м, мощность до 0,43 м) частично перекрывает слой буроватой супеси, оставшийся от кровли жилища. Наиболее вероятно, что слой светло-серой супеси является отсыпкой стен, наклоненных к центру жилищной конструкции. Грунт для отсыпки стен жилища частично забирался из котлована жилищной конструкции, а частично – из крупных ям, выявленных поблизости от всех жилищ. Часть этих ям впоследствии заполнялась мусором, фрагментами керамики и отходами каменной индустрии.

После вскрытия слоя отсыпки выявлены границы котлована жилищной конструкции. Заполнение котлована жилища представлено слабо-

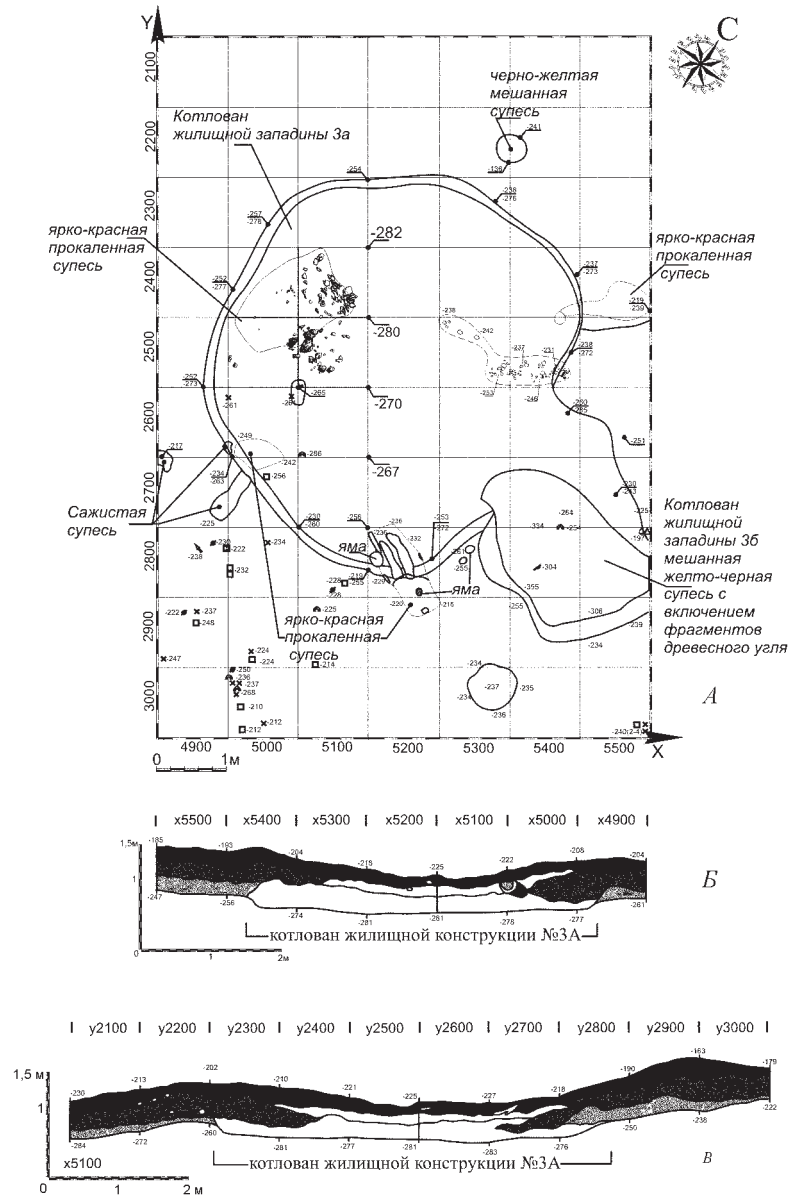

Рис. 1. Поселение Ручей Конный-3.
А – схема котлована жилища № 3; *Б–В* – стратиграфический разрез котлована жилища № 3.

гумусированной желтой супесью, отличающейся от материка более темной мелкопятнистой текстурой и более рыхлой пылеватой структурой. Вероятно, контуры котлованов жилищ имели подквадратную форму, что удалось проследить при исследовании жилищной западины № 43. Однако в большинстве случаев котлованы жилищных конструкций имели неправильные округлые очертания, что связано с «оползанием» легких супесей и разрушениями стратиграфических напластований корнями деревьев. Глубина котлована достигала 0,3 м. Как правило, котлован жилища углублен в центральной части, плавно повышаясь к краю. Стенки котлована покатые. По контуру котлована, а в некоторых случаях и в его стенках, зафиксированы небольшие пятна (диаметр до 0,11 м) с темным гумусированным заполнением (глубина до 0,13 м). В ряде случаев выявлен наклон ям до 40º к центру жилищной западины. Иногда фиксировались комплексы пятен с черным гумусированным заполнением и мелкими включениями углей, вероятно, связанные с остатками каркасной конструкции жилища. Так, при исследовании жилищной западины № 3 в юго-восточной части котлована жилища выявлена линия пятен, вытянутая с юга на север на 0,75 м. Диаметр пятен достигал 0,08 м, а расстояние между пятнами – 0,11 м. Здесь же, на уровне заполнения котлована жилища, обнаружены фрагменты деревянной конструкции, вероятно, обожженной над очагом. Это остатки располагались параллельно деревянными плахам (диаметр до 0,1 м), ориентированным от края котлована жилища к его центру.

Очажно-отопительные конструкции представлены прокалами очагов открытого типа. В жилище найдены от одного до трех прокалов, как правило, располагавшихся у стенки жилища (рис. 1, *А*). Все прокалы имеют неправильную округлую форму и отчетливые границы (диаметр до 1,5 м, мощность до 0,51 м). Как правило, они вытянуты от центра котлована жилища к его стенке. Практически все прокалы, выявленные при исследовании котлованов жилищ, были полностью перекрыты слоем светло-серой супеси (отсыпкой стен). Вероятно, жилищные конструкции были снабжены системой дымохода, расположенной практически у подовой части котлована, а стена жилища, расположенная над очагом, засыпалась. В заполнении очажных прокалов обнаружены мелкие фрагменты углей, развалы керамических сосудов и фрагменты керамики. При исследовании заполнения прокала жилища № 3 обнаружены изделия и следы бронзолитейного производства (капли, сплески, обломки тигля).

В четырех из восьми исследованных жилищ удалось обнаружить вход. Вход жилищ № 2 и 5 ориентирован на северо-запад, жилища № 4 – на юго-запад, а жилища № 6 – на юго-восток. Во всех случаях вход жилища представляет собой плавно понижающийся коридор (длина до 1,6 м, ширина до 0,7 м, глубина до 0,38 м). Следы наземной конструкций в районе входа не выявлены.

На основании материалов восьми полностью исследованных жилищных западин можно реконструировать конструкцию жилищ. Это были неболь-

шие каркасные конструкции, углубленные в материк до 0,3 м (рис. 2, *А*). Каркас жилищной конструкции с внешней стороны утеплялся отсыпкой, покрывая большую часть жилища на высоту до 2 м (рис. 2, *Б*). В процессе естественного обрушения пирамидальной конструкции стены жилища вваливались внутрь, а отсыпка частично оплывала в котлован жилища.

Археологические материалы в основном обнаружены за пределами котлованов жилищ и представлены отходами каменной индустрии и фрагментами керамики. Всего найдено 8 338 предметов, из которых 5 700 – фрагменты керамики. В заполнении котлованов пяти жилищ выявлены развалы восьми керамических сосудов.

Керамика, обнаруженная при исследовании заполнения котлованов жилищ, представлена крупными круглодонными слабопрофилированными сосудами закрытой формы (высота 29 см, диаметр по краю венчика 27 см). Обнаружен также сосуд-дымокур (диаметр 12 см, высота 15 см). Орнаментация, как правило, покрывала верхнюю треть сосуда, реже опускалась на плечики и тулово (рис. 2, *Г–Е*). Срез венчика был прямым и мог орнаментироваться параллельными насечками, вдавлениями округлой, либо овальной палочки. Все сосуды, обнаруженные при исследовании заполнения котлованов жилищ поселения Ручей Конный-3, орнаментированы горизонтальной полосой «жемчужин», расположенной на лицевой поверхности сразу под венчиком. Остальные элементы орнаментации могли варьироваться, располагаясь зонально в верхней трети сосуда. Наиболее часто встречается орнамент в виде вертикально расположенных геометрических фигур стрельчатой формы, выполненных круглыми вдавлениями оттисков палочки или прочерченными линиями. Также довольно часто встречается орнамент в виде горизонтально расположенной прочерченной полосы зигзага или выполненной оттисками отступающего двузубчатого штампа. Лицевая поверхность всех сосудов имеет следы затирания протащенной крупнозубчатой гребенкой либо щепой с последующим лощением.

Керамика однотипна и представляет единый комплекс. Аналогичная керамика довольно широко представлена в материалах памятников Приангарья. Прямые аналогии керамике поселения Ручей Конный-3 есть в материалах памятников Чадобец [Василевский и др., 1988, таб. LXXVI, *1*], Парта [Васильевский и др., таб. XXXV, *1–2, 11*; XXXVI, *3–4*; Савин, 2010, рис. 6–10], Тушама [Василевский и др., 1988, XXXI, *1, 3, 7*; XXXIII, *1, 3*], Капонир [Марченко и др., 2010, рис. 1, *1–3*] и Колпаков Ручей [Рыбин и др., 2010, рис. 2, *Г*]. В настоящее время нет единого мнения по поводу датировки керамики, аналогичной комплексу поселения Ручей Конный-3. Некоторые аналогии можно найти в XIV типе керамики усть-мильской культуры [Эртюков, 1990, с. 91–92]. Наиболее вероятно, что керамика поселения Ручей Конный-3 относится к временному промежутку поздний бронзовый век – переходный к раннему железному веку период.

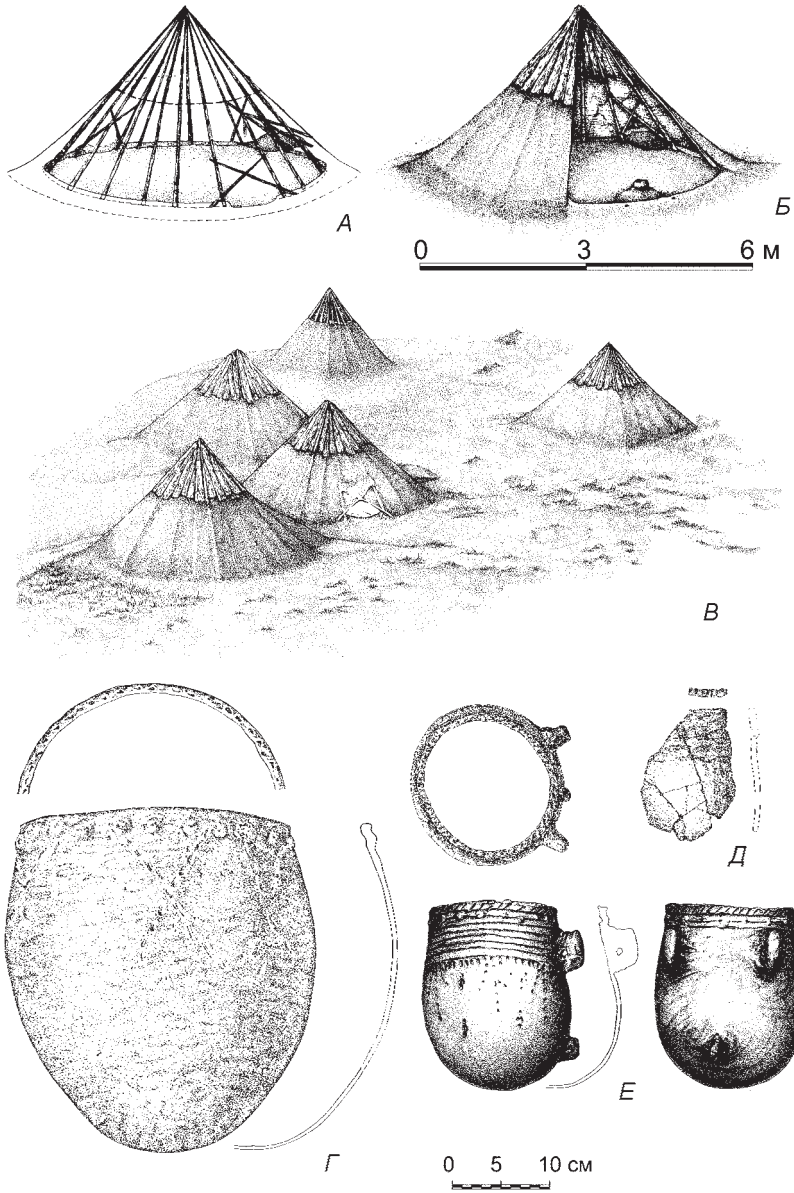

Рис. 2. Поселение Ручей Конный-3.
А – реконструкция каркаса жилища (в масштабе); *Б* – реконструкция жилища (условный разрез, в масштабе); *В* – реконструкция внешнего облика исследованной части поселения (юго-западный участок); *Г* – развал керамического сосуда из котлована жилища № 3; *Д* – фрагмент стенки керамического сосуда из котлована жилища № 4; *Е* – развал сосуда-дымокура из котлована жилища № 5.

Список литературы

Василевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья – Новосибирск: Наука, 1988. – 224 с.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н. Работы 1-го и 2-го Пашинских отрядов в 2010 году (Кежемский район Красноярского края) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 559–564.

Рыбин Е.П., Кубан А.А., Мещерин М.Н., Фролов Я.В. Археологические работы на стоянках Игренькина Шивера и Колпаков Ручей в зоне затопления Богучанской ГЭС// Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 575–581.

Савин А.Н. Керамика многослойной стоянки Парта // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 582–586.

Эртюков В.И. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. – М.: Наука, 1990. – 151 с.

В.С. Славинский, А.В. Постнов, Г.И. Марковский,
Н.В. Басова, И.Д. Зольников, Е.П. Рыбин

РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДКИ ПАМЯТНИКОВ ПАЛЕОЛИТА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ И РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ В 2011 ГОДУ

Осенью 2011 г. в рамках Алтайской археологической экспедиции (начальник – доктор ист. наук А.П. Бородовский) в зоне проектирования газопровода «Алтай» для поиска палеолитических памятников был создан Песчаный отряд. В течение октября 2011 г. сотрудниками отряда – В.С. Славинским, А.В. Постновым, Г.И. Марковским, Н.В. Басовой, И.Д. Зольниковым, Е.П. Рыбиным, К.В. Замараевым, А.М. Егоровым и водителем Н.С. Ивлевым – обнаружены 27 новых памятников, большая часть которых относится к различным периодам палеолита. Памятники располагаются в границах Кош-Агачского, Онгудайского, Шебалинского районов Республики Алтай и Алтайского района Алтайского края. Большинство объектов находятся в створе планируемого газопровода или в непосредственной близости от него.

В Кош-Агачском районе обнаружены две стоянки – Тыдтуярык и Куяхтанар-2.

Стоянка *Тыдтуярык* расположена на левом берегу р. Тыдтуярык, в 20 м выше от уреза воды. Артефакты обнаружены на поверхности, сложенной валунами и гальками, ледогранниками (поверхность среднечетвертичной морены, переработанной позднечетвертичным ледниковым озером возраста предположительно МИС-4). Всего найдено 6 артефактов: 4 отщепа, проксимальный фрагмент пластины, угловой резец. Предварительная датировка памятника – верхний палеолит.

Стоянка *Куяхтанар-2* находится на правом берегу р. Чуя и левом берегу р. Куяхтанар, недалеко от памятника Куяхтанар, на песчаных дюнах двадцатиметровой террасы реки. Подъемные сборы представлены нуклеусом начальной стадии для получения отщепов, техническим сколом, пластиной и двумя отщепами. Предварительная датировка – верхний палеолит.

В Онгудайском районе зафиксированы стоянки Малый Яломан, Булан-Кобы-1 и -3, скальный навес Булан-Кобы-2.

Стоянка *Малый Яломан* расположена на левом берегу р. Катунь, на площадке средней террасы (высота 40 м над урезом воды). Собрана коллекция из восьми находок: одноплощадочного монофронтального нуклеуса, отщепов (4 экз.), технических сколов (2 экз.), обломка. Материалы стоянки связаны с рыхлым грунтом покровных отложений террасы. Предварительная датировка памятника – верхний палеолит.

Стоянки Булан-Кобы-1 и -3, скальный навес Булан-Кобы-2 расположены на левом берегу р. Катунь, в 78 м над урезом воды. Коллекция сборов с памятника *Булан-Кобы-1* включает 6 артефактов: 3 отщепа, технический скол, отщеп с ретушью, фрагмент ретушированной пластины. Предварительная датировка памятника – верхний палеолит.

Скальный навес *Булан-Кобы-2* находится у тылового шва средней террасы, под вертикальной стенкой, сложенной гранодиоритами. Находки из шурфа (размеры 1,0×2,0×1,75 м) представлены 32 артефактами: отщепами (5 экз.), неорнаментированным фрагментом керамики, фаунистическими костными остатками (26 экз.). Предварительная датировка памятника – голоцен – финал верхнего палеолита.

Стоянка *Булан-Кобы-3* дислоцируется на периферии пологого пролювиального конуса у тылового шва средней террасы. Находки представлены техническим сколом, фрагментом пластины и неорнаментированным фрагментом керамики. Предварительная датировка памятника – голоцен – верхний палеолит.

В Шебалинском районе зафиксировано 6 местонахождений – Перевал Мариинский, Урала-3 и -4, Лог Широкий, Лог Шадрин-2 и Нижний Аскат, 11 стоянок – Усть-Куйла, Арбайтушка, Толдушка, Урала-1 и -2, Лог Шадрин-1, Усть-Арбайта, Большой Улуш, Усть-Карасу, Усть-Верхний Этагол, Усть-Булухта.

Местонахождение *Перевал Мариинский* находится на перевале Мариинский, в 10 км восточнее с. Черный Ануй, на границе Шебалинского и Усть-Канского районов. Сборы с поверхности представлены скребком на отщепе и фрагментом орудия с бифасиальной обработкой. Предварительная датировка – верхний палеолит.

Стоянка *Усть-Карасу* находится на стрелке рек Карасу и Верхний Этагол, в 200 м от места их слияния, на правом берегу р. Карасу, на мысовидной возвышенности пятнадцатиметрового выположенного террасоувала. Артефакты (4 экз.) собраны в обнажениях склона и представлены одноплощадочным монофронтальным нуклеусом для отщепов, ретушированной пластиной каракольского типа и отщепами. Предварительная датировка – ранний верхний палеолит.

Памятники Большой Улуш, Урала-1–4, Толдушка, Арбайтушка, Усть-Куйла, Усть-Арбайта расположены в окрестностях п. Ильинка, на правых притоках р. Песчаная, на участке протяженностью в 10 км. Они обнаружены на склонах выположенных площадок террасоувалов, соответствующих 20, 40 и 60 м над современным урезом воды р. Песчаная.

На стоянке *Большой Улуш* собрано 8 артефактов: фрагмент микропластины, отщепы (6 экз.), фрагмент неопределимого орудия. Предварительная датировка – верхний палеолит.

На стоянке *Урала-1* зафиксированы следующие находки: технический скол, скребок на отщепе, неорнаментированный фрагмент керамики. Предварительная датировка памятника – голоцен – верхний палеолит.

Находки стоянки *Урала-2* включают технические сколы (2 экз.) и отщеп. Предварительная датировка памятника – верхний палеолит.

Коллекция местонахождения *Урала-3* включает 9 артефактов: фрагменты керамических сосудов без орнамента (8 экз.) и отщеп. Предварительная датировка памятника – голоцен – верхний палеолит.

На местонахождении *Урала-4* обнаружен фрагмент крупной пластины карабомовского типа. Предварительная датировка памятника – ранний верхний палеолит.

Артефакты стоянки *Толдушка* представлены отщепами (2 экз.) и неорнаментированным фрагментом толстостенного керамического сосуда. Предварительная датировка – верхний палеолит.

На стоянке *Арбайтушка* найден нуклеус начальной стадии расщепления, скребок высокой формы на пластине и отщеп. Предварительная датировка – ранний верхний палеолит.

Находки стоянки *Усть-Куйла* представлены отщепами (3 экз.). Предварительная датировка – верхний палеолит.

Памятник *Усть-Арбайта* находится на стрелке рек Песчаная и Арбайта, по правым берегам водотоков. Подъемный материал собран в обнажениях от строительства автодороги. Всего обнаружено 7 артефактов: нуклевидный обломок, крупные пластины карабомовского типа (3 экз. – 1 целая, остальные представлены проксимальными фрагментами; 1 фрагмент с ретушью), отщепы (2 экз.), фрагмент толстостенного керамического сосуда с прочерченным орнаментом. Материалы стоянки связаны с покровными отложениями террасы. Поскольку обнаруженные пластины относятся к карабомовскому типу, предварительная датировка каменных артефактов – ранний верхний палеолит.

Стоянка *Усть-Верхний Этагол* находится на стрелке рек Верхний Этагол и Песчаная, на мысовидной оконечности пологого террасоувала. Артефакты (8 экз.) собраны в обнажениях склона и представлены нуклевидным обломком, крупными пластинами карабомовского типа (2 экз.), техническим сколом, отщепами (4 экз.). Предварительная датировка – ранний – верхний палеолит.

Стоянки Лог Шадрин-1 и -2 расположены на левых суходольных склонах р. Песчаная, в 25–30 м выше современного уреза воды. Подъемный материал собран на выположенных площадках конусов выноса.

Находки стоянки *Лог Шадрин-1* (6 экз.), представлены техническим сколом, фрагментом крупной пластины, отщепами (3 экз.), обломком. На стоянке *Лог Шадрин-2* обнаружен отщеп. Предварительная датировка памятников – верхний палеолит.

Местонахождение *Лог Широкий* обнаружено на правом берегу р. Песчаная, по левому борту лога Широкий. Подъемный материал найден на выположенной площадке терассоувала, в 30–35 м выше современного уреза воды. Находки (3 экз.) представлены фрагментами керамических сосудов без орнамента. Предварительная датировка памятника – верхний период голоцена.

Местонахождение *Нижний Аскат* находится на правых берегах р. Песчаная и Нижний Аскат, в 400 м от их слияния. Стоянка расположена на выположенной поверхности террасоувала, на уровне 18–20 м от современного уреза воды р. Песчаная. Находка – скребок на отщепе с обработкой по периметру. Предварительная датировка памятника – верхний палеолит.

Стоянка *Усть-Булухта* располагалась на стрелке рек Булухта и Улусчерга, где они, сливаясь, образуют р. Черга. Памятник частично разрушен автодорогой «Алтайское – Черга». Артефакты собраны в обнажениях склона, возникшего в процессе строительства автодороги. Находки (22 экз.) представлены: двойным продольным скреблом на крупной пластине; концевым скребком «каплевидной» формы на пластине, с обработкой по периметру; отщепом с ретушью; фрагментом неопределимого орудия; отщепами (11 экз.); обломками и осколками (7 экз.). Предварительная датировка – ранний верхний палеолит каракольского облика.

В Алтайском районе обнаружены стоянки Усть-Казанда, Верхний Тоуражек и местонахождения Тоурак-1 и -2.

Стоянка *Усть-Казанда* располагалась на стрелке рек Песчаная и Казанда, по правым берегам водотоков. Подъемный материал зафиксирован на южной экспозиции террасоувала с выположенной площадкой, на уровне 15–20 м от современного уреза воды р. Песчаная. Находки (5 экз.) представлены крупными нуклеусами начальной стадии оформления для отщепов (3 экз.), отщепом и пластиной. Материалы стоянки связаны с рыхлым грунтом покровных отложений террасы. Предварительная датировка памятника – верхний палеолит.

Стоянка *Верхний Тоуражек* находится на левом берегу р. Верхний Тоуражек, на выположенной двадцатиметровой мысовидной оконечности площадки террасоувала, на стрелке рек Верхний Тоуражек и Песчаная. Обнаружены 4 отщепа. Предварительная датировка – верхний палеолит.

Местонахождения Тоурак-1 и -2 находятся на левом берегу безымянного ручья, являющегося левым притоком р. Верхний Тоурачек, в 2-х км от слияния рек Верхний Тоурачек и Песчаная, на выположенной сорокаметровой площадке террасоувала. Две находки с памятника Тоурак-1 представлены отщепами. На местонахождении Тоурак-2 обнаружен фрагмент пластины. Предварительная датировка – верхний палеолит.

Все памятники, кроме стоянки Тыдтуярык, стратифицированы. Археологический материал залегает в покровных толщах. Некоторые памятники многослойные. Технико-типологический анализ каменных изделий со стоянок уже на предварительном этапе указывает на обилие артефактов, которые относятся к карабомовскому и каракольскому вариантам индустрий раннего верхнего палеолита. Дальнейшее изучение гипсометрически более высоких террасовых уровней в данных районах исследования, равно как и изучение обнаруженных объектов путем шурфовки, могут дать материалы и более древнего времени.

А.Л. Субботина

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНОК НИЖНЯЯ ИЗГОЛОВЬ, КРЕСТОВКА И РУЧЕЙ МЕЛЬНИЧНЫЙ В 2011 ГОДУ

В 2011 г. Толокнянским отрядом Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН были проведены археологические исследования на территории ложа проектируемого водохранилища Богучанской ГЭС в Кежемском районе Красноярского края.

Объектами работ 2011 г. стали стоянки Нижняя Изголовь, Крестовка и Ручей Мельничный, расположенные в Кежемском районе Красноярского края, на границе с Усть-Илимским районом Иркутской области.

В ходе разведки 2010 г. принадлежность данных объектов к категории памятников историко-культурного наследия подтвердилась. В связи с этим возникла необходимость в проведении на них стационарных археологических раскопок с целью уточнения характера распространения и культурно-хронологической принадлежности культурного слоя.

Стоянки Нижняя Изголовь, Крестовка и Ручей Мельничный открыты сотрудником Археолого-этнографической экспедиции Красноярского краевого музея В.И. Привалихиным в 1970–1980-е гг. [Научно-технический..., 2007, 2008].

Стоянка *Нижняя Изголовь* находится на ангарском острове Сосновик. Она приурочен к 4–6-метровому террасовидному останцу на нижней (северо-западной) оконечности острова, в 1,4 км к северу от устья р. Чиркова и 8,2 км к северо-западу от устья р. Ёдарма. Поверхность террасы покрыта луговой и кустарниковой растительностью, а также редким смешанным лесом. На поверхности читаются следы относительно недавнего лесного пожара, который, вероятно, и уничтожил древесный покров. Объект ограничен с северо-западной стороны краем террасы, со всех остальных сторон – естественными понижениями рельефа, пойменными или периодически затапливаемыми.

Стоянка *Крестовка* расположена на правом берегу приустьевого участка эпонимного ручья и приурочена к высокой (12–16 м) террасе правого берега р. Ангары, против верхней оконечности о-ва Петухов и бывшей д. Привалихиной. Объект локализуется по краю террасы, поросшей хвойным лесом с преобладанием лиственницы. Границы памятника по данным разведочных работ 2010 г. определялись с юго-востока – юго-запада краем террасы, с северо-запада – наличием археологического материала в шурфах, с остальных сторон – резким подъемом площадки.

Стоянка *Ручей Мельничный* также находится на правом берегу р. Ангары. Памятник приурочен к мысовидному останцу рассеченной 16–18-метровой цокольной террасы реки в устье ручья Мельничный. Поверхность террасы покрыта густым смешанным лесом. Объект ограничен с юго-западной стороны краем террасы р. Ангары, с юго-восточной стороны – краем террасы ручья Мельничный, с остальных сторон – шурфами, не содержащими археологического материала.

Таким образом, стоянки Нижняя Изголовь, Крестовка и Ручей Мельничный сходны по своему геоморфологическому расположению. Они вытянуты вдоль края террасовидных останцов, поросших древесной растительностью.

До настоящего времени стационарные археологические исследования на данных стоянках не проводились. Археологические работы ограничивались визуальным осмотром территории объектов, фиксацией немногочисленных техногенных нарушений, выполнением зачисток береговых обнажений и закладкой разведочных шурфов. Исключением является стоянка Нижняя Изголовь, где в 2010 г. был заложен сплошной раскоп № 1 площадью 150 м^2.

Археологические работы 2011 г. на стоянках Нижняя Изголовь, Крестовка и Ручей Мельничный предусматривали закладку небольших раскопов сплошной площадью 100–400 м^2, а также рекогносцировочных раскопов.

Работы 2011 г. на стоянке Нижняя Изголовь являются продолжением раскопок 2010 г. Раскоп № 1, состоящий из трех частей (№ 1–3) площадью 150 м^2, в 2010 г. был разбит между шурфами № 4, 8 и 11, содержавшими артефакты эпохи средневековья и неолита. В 2011 г. исследования продолжились в южном и восточном направлениях. Раскоп № 2 2011 г. состоит из 8 частей, расположенных между шурфами № 11, 8, 15 и 4 с археологическим материалом 2010 г. Разбит раскоп с учетом возможности дальнейших стационарных работ.

С целью уточнения северо-восточной, восточной и южной границ объекта было заложены 5 рекогносцировочных раскопов (№ 26–30) размерами 2×2 м (суммарная площадь 20 м^2).

На стоянке Крестовка в 2011 г. исследования проведены на наиболее перспективном юго-восточном участке. Раскоп № 1 2011 г. состоит из 2 частей, расположенных между шурфами № 6 и 11 с археологическим материалом 2010 г. Шурфы включены в площадь сплошного раскопа 2011 г.

На стоянке Ручей Мельничный в 2011 г. заложен раскоп № 1, состоящий из 4 частей (№ 1–4) общей площадью 200 м^2, расположенных между шурфами № 1 и 2 (2010 г.) с археологическим материалом эпохи неолита. Шурфы включены в площадь сплошного раскопа 2011 г. Раскоп разбит вдоль края террасы с учетом возможности дальнейших стационарных работ.

Стратиграфическая колонка всех трех стоянок включает супеси и суглинки серых, коричневых и желтых оттенков. Верхний слой стоянок представлен современным почвенно-растительным горизонтом. Ниже него

залегают горизонты, содержащие археологический материал, – супеси и суглинки серо-коричневых и коричневых оттенков. Их, в свою очередь, подстилают слои супесей и суглинков светло-коричневых и желто-коричневых оттенков, не содержавшие археологических материалов.

На стоянке Нижняя Изголовь большая часть археологического материала была приурочена к слою 3 (супеси средне коричневые) и относится к раннему железному веку (культурный горизонт № 1). Залегавший ниже этого слоя неолитический культурный горизонт, по-видимому, разрушен в результате жизнедеятельности населения раннего железного века. Археологические находки эпохи средневековья, приуроченные к самому верхнему слою, единичны.

Выявленный в раскопе № 1 на стоянке Крестовка археологический материал был приурочен к слою 2 (суглинки средне коричневые) и относится к эпохе неолита (культурный горизонт № 1). Данный слой также содержит отдельные предметы, относящиеся к развитому средневековью.

Большая часть археологического материала со стоянки Ручей Мельничный была приурочена к слою 2 (суглинки легкие серо-коричневые) и относится к эпохе неолита. Археологический материал эпохи позднего средневековья представлен скоплением железных изделий (№ 54). Скопление № 54 (по общей описи находок) выявлено в части № 1 раскопа (кв. 011/108, глубина 149 см; слой легких серо-коричневых суглинков). Артефакты включают 16 кованных железных наконечников стрел (срезней), 3 кованных железных ножа и 1 железное изделие (удлиненная, согнутая пополам пластина), функциональная принадлежность которого пока не определена. Найденные предметы, возможно, были оставлены в колчане (мешочке), остатки которого не обнаружены. Скопление представляло собой множество плотно прилегающих друг к другу металлических изделий, располагавшихся вертикально на площади 0,04 м^2.

В целом для всех трех стоянок характерна слабая насыщенность культурного слоя находками (3–7 экз. на 1 м^2) и неравномерность концентрации археологического материала на вскрытых площадях. На всех стоянках основная часть находок была сосредоточена по краю террасы. Концентрация материала резко снижалась по мере продвижения вглубь террасы.

Поскольку в результате археологической разведки 2010 г. характер культурного слоя стоянок был известен по материалам разведочных шурфов, то в результате стационарных археологических раскопок 2011 г. исследовались наиболее перспективные участки: северо-западный – на стоянке Нижняя Изголовь, юго-восточные – на стоянках Крестовка и Ручей Мельничный.

По итогам работ 2011 г. можно заключить, что дальнейшие стационарные археологические раскопки стоянок Нижняя Изголовь, Крестовка и Ручей Мельничный неперспективны, в первую очередь, в связи с низкой концентрацией археологического материала. Дополнительными факторами, определяющими нецелесообразность проведения стационарных археологических работ на данных объектах, являются невозможность изучения объ-

екта сплошным раскопом (сильно пересеченная местность) и затрудненный доступ к нему даже при высоком уровне воды.

Список литературы

Научно-технический отчет о выполненных работах по 1-му периоду выполнения работ по договору № 27/09/07/ИАЭТ. Проект «Водохранилище Богучанской ГЭС». Раздел «Обеспечение сохранности объектов археологического наследия, расположенных в границах затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС на р. Ангара». – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 626 с.

Научно-технический отчет по итогам выполнения работ по договору № 27/09/07/ИАЭТ. Проект «Водохранилище Богучанской ГЭС». Раздел «Обеспечение сохранности объектов археологического наследия, расположенных в границах затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС на р. Ангара». – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 989 с.

Е.А. Томилова, И.В. Стасюк, О.А. Горельченкова,
Е.Н. Кукса, Ю.М. Махлаева, Е.В. Акимова, В.М. Харевич

ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА I В 2011 ГОДУ

В 2011 г. продолжены исследования стоянки Усть-Кова I, расположенной в Кежемском районе Красноярского края, в 17,4 км выше п. Болтурино, на правом приустьевом участке р. Ковы – левого притока Ангары. Стоянка находится в 500–900 м выше устья р. Ковы, на её II надпойменной террасе с гипсометрическими отметками 10–12 м от меженного уреза воды (165–168 м по МБС). Памятник известен с 1977 г. [Сейфулин, 1978] и изучался в 1977–1985 гг. Северо-Ангарской археологической экспедицией КГПИ под руководством Н.И. Дроздова [Дроздов, 1981; Васильевский и др., 1988; Дроздов, Чеха и др., 1990].

Исследование памятника в рамках охранно-спасательных работ в зоне затопления Богучанской ГЭС ведётся авторами с 2008 г. В период 2008–2010 гг. вскрыто 2 110 м^2. Выявлено до трех культурных горизонтов в хронологическом промежутке от русского времени до эпохи мезолита включительно.

В 2011 г. на памятнике заложены два раскопа общей площадью 634 м^2 (раскоп 1 – 234 м^2, раскоп 2 – 425 м^2). Раскоп 2 являлся прирезкой к южной линии раскопа 2010 г., раскоп 1 – прирезкой по северо-восточной линии к раскопу 2008–2009 гг.

На всех участках памятника, изучавшихся в 1970–1980-е гг. и в течение последних четырёх лет, наблюдается практически идентичная стратиграфическая ситуация. Незначительные различия связаны с локальными особенностями залегания и распространения покровных отложений II ковинской террасы [Акимова, Горельченкова и др., 2010].

Общая мощность культуросодержащих отложений памятника составляет 45–60 см от современной дневной поверхности. Культурные остатки в не потревоженном залегании локализованы в виде отдельных «пятен» площадью 10–25 м^2, что, по всей видимости, отражает неоднократность заселения данного участка. На всей площади раскопов выявлены два культурных слоя и лишь на некоторых участках – третий, промежуточный культурный слой, получивший обозначение 1А.

Репрезентативная коллекция археологического материала (4 628 экз.) демонстрирует основные черты развития археологических культур Северного Приангарья в эпоху мезолита – раннего железного века.

Культурный слой 1 залегал непосредственно под почвенно-растительным слоем, на глубине 0,1–0,3 м от дневной поверхности, в пахотном горизонте

современной почвы. В результате многолетней вспашки стратиграфическое положение археологических предметов нарушено. Слой содержит разнородные материалы, датируемые в широком хронологическом диапазоне от неолита до русского времени. Концентрация археологического материала невелика, устойчивые скопления и локальные объекты выделить невозможно.

В раскопах найдено 1 304 предмета, в числе которых фрагменты керамических сосудов (с орнаментом в виде оттисков зубчатого штампа и неорнаментированные), фрагмент обмазки домницы, остатки металлургического производства в виде шлаков и фрагментов кричного железа, каменные изделия – отщепы, сколы, пластинчатые сколы, скребки, полиэдрические резцы (рис. 2, *1, 2*), микронуклеусы (рис. 2, *3–6*). Среди каменных изделий наиболее выразительны призматический карандашевидный микронуклеус, молот, наконечник дротика, галечный топор-унифас, наконечник стрелы иволистной формы, шлифованные лощила. Среди ярких находок выделяются бронзовые изделия — составная часть накосного украшения (рис. 1, *1*), аналогичного предметам, зафиксированным на могильнике Усть-Кова, расположенном в 600 м к северу [Леонтьев, Дроздов, 1996], и деталь бронзовой поясной нашивки (рис. 1, *4*). Найден фрагмент русского нательного креста (рис. 1, *3*), пастовая бусина (рис. 1, *2*) и обломок кованого металлического наконечника стрелы.

Культурный слой 1А, залегающий в виде отдельных скоплений в линзовидном слое серых песков, на большей части исследованной площади, уничтоженной вспашкой, содержит остатки каменной индустрии. Они датируются, судя по результатам предшествующих работ, ранним неолитом. В двух раскопах в этом слое зафиксировано 192 предмета. Среди каменных изделий наиболее выразительны обломки абразивного инструмента, торцовые микронуклеусы, скребки, поперечное скребло.

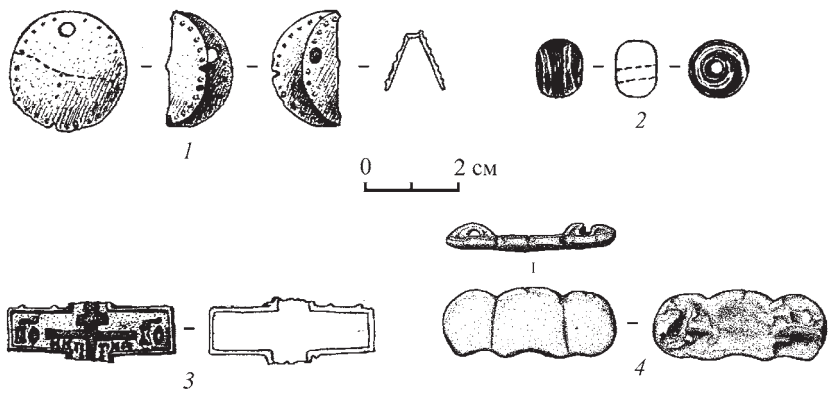

Рис. 1. Стоянка Усть-Кова I. Находки из культурного слоя 1.
1 – бронзовое накосное украшение; *2* – пастовая бусина; *3* – обломок металлического нательного креста; *4* – деталь бронзовой поясной нашивки.

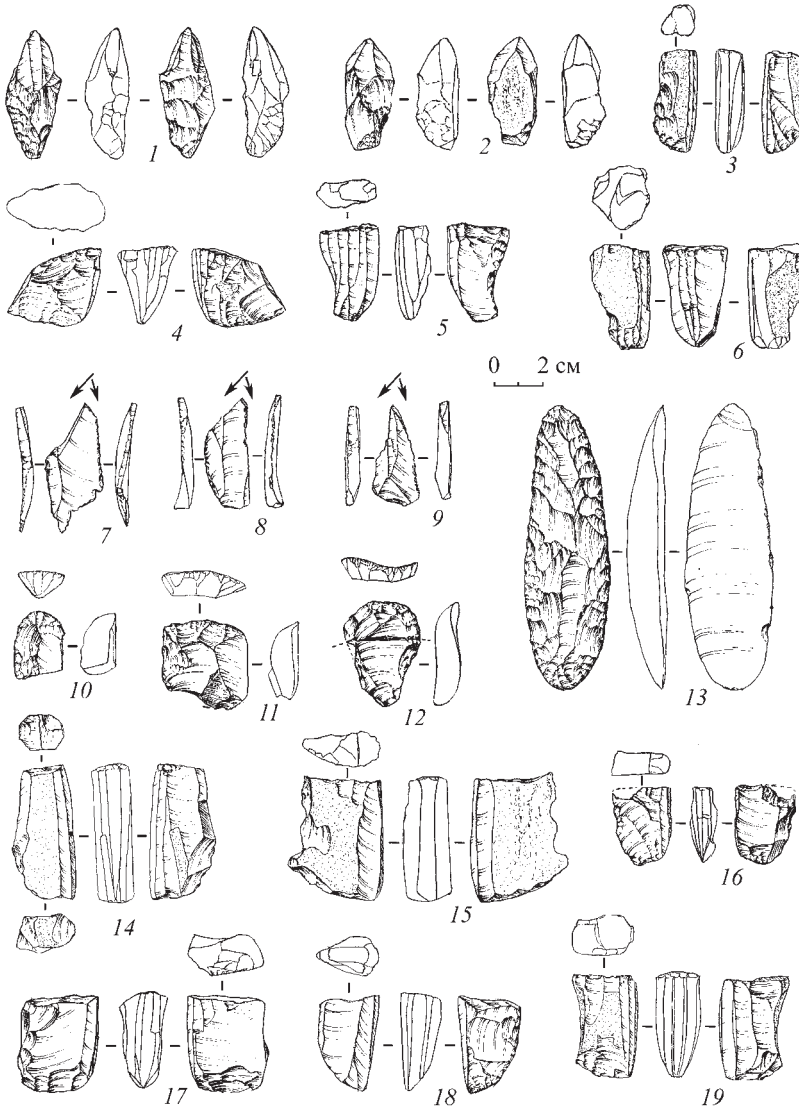

Рис. 2. Стоянка Усть-Кова I. Каменные предметы
из культурных слоев 1 (*1–6*) и 2 (*7–19*).
1, 2 – полиэдрические резцы; *3–6, 14–19* – нуклеусы; *7–9* – резцы; *10–12* – скребки;
13 – скребло-унифас; *14–19* – нуклеусы.

Культурный слой 2 залегает в верхней части темно-коричневых (при высыхании серо-коричневых), тяжелых, плотных слабогумусированных суглинков на глубине 0,25–0,60 см. Он содержит культурные остатки эпохи мезолита (10–7 тыс. л.н.). Геологический слой деформирован склоновыми процессами и более поздними вывалами и раскорчевками (?) леса, а также деятельностью голоценовой биоты. Степень и кратность переотложений не устанавливаются. Скопления, которые можно было бы локализовать в отдельные объекты, не зафиксированы. Очаги, жилища и прочие археологические объекты как элементы культурного слоя не выявлены. Концентрация археологического и палеофаунистического материала сильно варьируется в зависимости от расположения вскрытых участков, но в целом она невысокая. Основную часть коллекции (3 118 предметов) составляют отщепы, пластины средних и мелких размеров, микропластины, в т.ч. с ретушью. Выразительны клиновидные и призматические микронуклеусы (рис. 2, *3–6, 14–19*), нуклеусы-дрили (рис. 2, *1–2*), скребки (рис. 2, *10–12*), резцы (в т.ч. полиэдрические) (рис. 2, *7–9*), топор с перехватом, листовидный наконечник стрелы, топор-бифас, тесла-унифасы, бифасиально обработанные изделия, скребла (рис. 2, *13*).

В результате исследований 2011 г. установлена идентичность строения верхней части покровных отложений I и II ковинских террас. Это позволяет с большей уверенностью датировать культурный слой 1А эпохой неолита, исходя из залегания в линзах слоя серого песка, который в значительной степени уничтожен на II террасе, но на I ковинской террасе вмещает культурный горизонт 2 эпохи неолита стоянки Усть-Кова I (пункт II).

Характер распространения археологического материала в культурном слое 2 позволил сформулировать вывод о необходимости исследования памятников подобного рода только путем вскрытия широких площадей, поскольку любые рекогносцировочные работы не дают подробной информации о локализации участков с высокой концентрацией археологического материала.

Полученная коллекция археологического материала позволяет расширить представления о культурно-хронологическом развитии индустрий Северного Приангарья в эпоху мезолита – неолита и пополнить массив данных о материальной культуре региона в период раннего железного века – русского времени.

Список литературы

Акимова Е.В., Горельченкова О.А., Кукса Е.Н., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Харевич В.М. Результаты полевых исследований стоянки Усть-Кова I в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 474–478.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 244 с.

Дроздов Н.И. Каменный век Северного Приангарья: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1981. – 16 с.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А., Акимова Е.В., Кольцова В.Г., Артемьев Е.В., Бокарев А.А., Леонтьев В.П., Викулов А.А. Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея): Путеводитель экскурсии Междунар. симпоз. – Новосибирск: Изд-во Института истории, филологии и философии СО АН СССР, 1990. – 184 с.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1996. – № 3. – С. 39–46.

Сейфулин Н.Х. Новая мезолитическая стоянка Усть-Кова I // Археология и этнография Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1978. – С. 12–14.

В.М. Харевич, И.В. Стасюк, Е.В. Акимова, О.А. Горельченкова, Е.Н. Кукса, Ю.М. Махлаева, Е.А. Томилова

ИССЛЕДОВАНИЕ СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА I (ПУНКТ 2) В 2011 ГОДУ

Стоянка Усть-Кова I (пункт 2) является одним из структурных элементов комплекса местонахождений в устье р. Кова (левый приток Ангары) и расположена на I надпойменной террасе правого берега р. Кова. Памятник открыт в 1979 г. экспедицией КГПИ под руководством Н.И. Дроздова [Васильевский и др., 1988]. Раскопки велись в 1979–1980 гг. С 2008 г. исследование стоянки осуществляется в рамках работ по подготовке к затоплению ложа водохранилища Богучанской ГЭС отрядами Богучанской археологической экспедиции [Акимова и др., 2010].

В 2011 г. исследование памятника производилось 1-м, 2-м и 3-м Усть-Ковинскими археологическими отрядами под руководством И.В. Стасюка, Е.А. Томиловой и В.М. Харевича.

Раскоп 3 2011 г. вписан в одну дирекционную линию с раскопами 1 (2008–2009 гг.) и 2 (2010 г.), ориентированную по направлению ЮВ–СЗ параллельно бровке I надпойменной террасы. Раскоп заложен в южной части памятника, на участке понижения террасы. Здесь процесс накопления отложений происходил интенсивнее, чем на более высоком северном участке. Результатом явилась большая мощность и лучшая стратификация культуровмещающих отложений с высокой концентрацией археологического материала, что было установлено в ходе рекогносцировочных работ 2010 г.

На памятнике зафиксирована следующая стратиграфическая ситуация (последовательность и мощность отложений даны по северо-восточной стенке сектора 11):

Слой 1. Задернованные отложения русской деревни (перегной, слои навоза) – 0–0,33 м.

Слой 2. Современный почвенный комплекс, пахотный горизонт современной почвы (б); содержит археологический материал первого культурного горизонта – 0,33–0,49 м.

Слой 3. Супеси серо-коричневые, плотные, местами до суглинка, в различной степени гумусированные; содержат археологический материал второго культурного горизонта – 0,49–0,67 м.

Слой 4. Суглинки желтовато-коричневые, плотные, тяжелые, карбонатизированные, местами гумусированные – 0,67–0,93 м (мощность видимая).

Слои 3 и 4 содержат следы ожелезнения в виде прослоек мощностью до 0,05 м.

Первый культурный слой (к.с. 1) залегает в пахотном горизонте современной почвы, непосредственно под слоем техногенных отложений и почвенно-растительным горизонтом. На большей части памятника к.с. 1 разрушен антропогенной деятельностью (многолетней вспашкой), в результате чего произошло смешение археологического материала различных эпох (от бронзового века до русского времени). Немногочисленные, мало потревоженные участки выявляются по развалам керамических сосудов. На большей части памятника артефакты в к.с. 1 залегают в виде «взвеси». Находки в горизонтальной и вертикальной плоскостях распределены относительно равномерно, не образуя скоплений. Исключение составляют остатки площадки металлургического производства, вскрытые в 3 м к СВ от бровки террасы. Остатки домницы – локальное «пятно» фрагментов керамической обмазки, металлургического шлака и кричного железа диаметром до 0,8 м, вокруг которого рассеяны многочисленные фрагменты металлургического шлака и несколько крупных фрагментов керамической обмазки. При постепенной выемке заполнения «пятна» (шлака и крицы) расчищено постепенно сужающееся углубление, прорезающее к.с. 2. Северо-восточный край объекта уничтожен выгребной ямой 1990-х гг. Остальные объекты представляют собой развалы различных орнаментированных и неорнаментированных керамических сосудов (всего 6 развалов). Наибольший интерес представляет развал сосуда, зафиксированного в небольшом искусственном углублении (70–25 см), прорезающем нижележащий литологический горизонт и отложения к.с. 2, ориентированном по линии З–В. В углублении сосредоточены фрагменты орнаментированного сосуда, предположительно, раннего железного века, два зуба и фрагмент астрагала лошади.

Общее число находок в к.с. 1 – 7 266. Большую часть составляют фрагменты керамических сосудов, сколы, металлургический шлак. Представительная часть коллекции включает кованый железный нож, черешковый наконечник стрелы-срезня, каменные тесла, скребки, наконечники стрел, серебряная серьга (?), предположительно, русского времени.

Второй культурный слой (к.с. 2), содержащий культурные остатки эпохи неолита, залегает на глубине 0,3–0,4 м от современной дневной поверхности. Археологический материал распределен по вскрытой площади неравномерно. Артефакты, как правило, залегают скоплениями площадью 1–2 м^2 и мощностью 0,3–0,4 м. Между скоплениями находки немногочисленны или вовсе отсутствуют. Целостность к.с. 2 частично нарушена деревенскими постройками (столбами) и выгребными ямами 1990-х гг.

В к.с. 2 в качестве отдельных объектов выделены локальные пятна прокала, кострище и две галечные кладки.

Кладка 1 залегает на 5–10 см ниже кровли к.с. 2 и состоит более чем из 250 галек (средние размеры 9–15×7–8×3–4 см). Большая часть галек подвергалась термическому воздействию; при извлечении они рассыпаются по трещинам. В плане кладка имеет подовальную форму, ориентированную по линии С–Ю и сужающуюся к северу. К западу ответвляется небольшой

«язык». Размеры кладки по линии С–Ю составляют 170 см. Под галечной кладкой прослежены контуры ямы (размеры 170×80 см). Заполнение ямы – гальки, черноватая супесь с золой и отдельными углями. Яма ориентирована по линии С–Ю и сужается к северу и югу. У северной оконечности ямы вскрыто пятно прокала. По северной части дна ямы встречаются отдельные пятна (5×5 см) с золистым заполнением – кротовины.

Кладка 2 имеет подовальную форму и размеры 50×50 см. Гальки залегают несколько ниже, чем в кладке 1. Северо-западный край кладки прилегает к пятну прокала, в котором встречены отдельные артефакты.

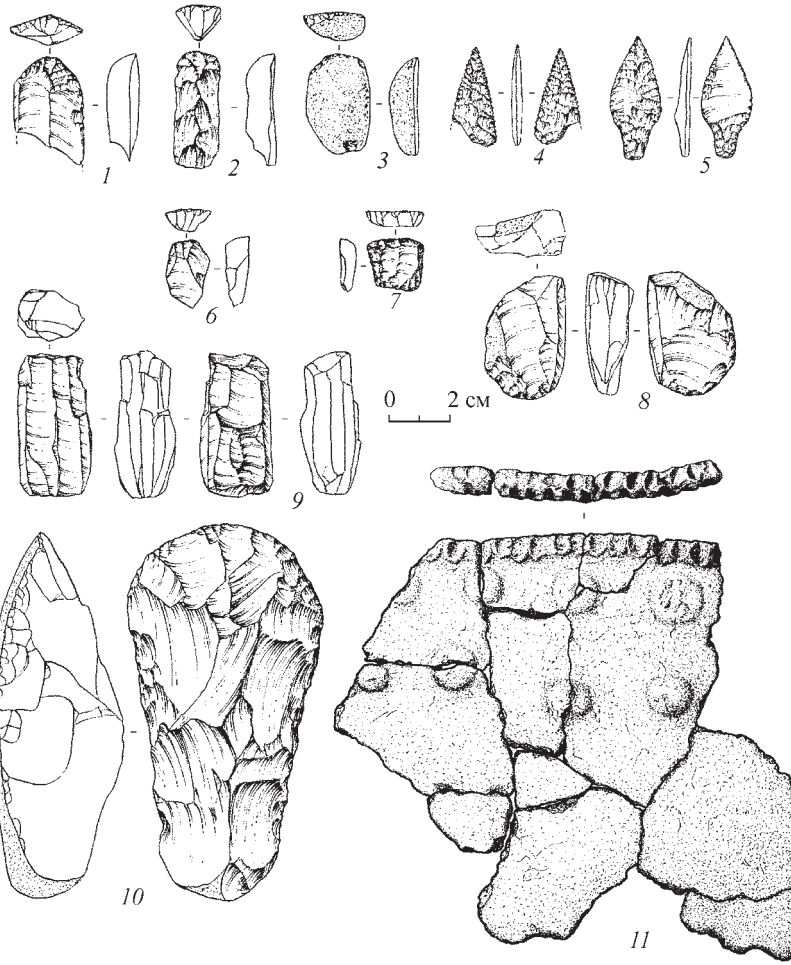
Кострище, вскрытое в к.с. 2, представляет собой крупное пятно прокала с примесью золы и отдельных углей. Размеры 90×100 см, мощность 20 см. В кострище найдены 4 орнаментированных и неорнаментированных фрагмента керамического сосуда.

Всего из к.с. 2 получено 4 400 артефактов. Большую часть коллекции составляют изделия из камня – отщепы и сколы. Нуклеусы представлены в основном клиновидными формами (см. *рисунок, 8*). Индустрию сколов составляют пластины и пластинчатые сколы (216 экз.), микропластины (496 экз.) а также отщепы и сколы. Орудийный набор включает скребки боковые на отщепах и концевые на пластинах (29 экз.) (см. *рисунок, 1–3, 6, 7*), каменные наконечники стрел (6 экз.) (см. *рисунок, 4, 5*), в т.ч. два черешковых, трансверсальный срединный и полиэдрический резцы. Из скребел (3 экз.) выделяется продольный унифас. Немногочисленную, но яркую часть коллекции составляют бифасиально обработанные тесла, из которых наиболее выразительно изделие с «ушками». Топоры (2 экз.), выполненные на гальках, отличает унифасиальная обработка (см. *рисунок, 10*). Значительную часть орудийного набора составляют пластины, микропластины и отщепы с ретушью.

Основу индустрии составляют два типа сырья. Первый тип – кремни. Примерно в половине случаев они полосчато-рисунчатые, включая окремненную древесину, а также халцедон и породы, переходные от халцедона к кремню. Второй тип – это преимущественно аргиллиты и алевролиты, как правило, с осветленной серой и буровато-серой пленкой на выветрелой поверхности. По техническому качеству и особенностям применения в производстве первый тип – сырье высокого качества, несколько преобладающее в орудийном наборе, особенно среди предметов длительного пользования. Второй тип – сырье более низкого качества, но относительно доступное, удобное для обработки, однако менее практичное при изготовлении орудий длительного пользования из-за меньшей твердости. Например, аргиллит применялся для наконечников стрел и реже – для скребков.

Сравнительно немногочисленный керамический компонент представлен разрозненными фрагментами (201 экз.) и развалами керамических сосудов (3 экз.).

Наибольшей сохранностью отличаются: остатки сосуда-дымокура – ушко и фрагмент, орнаментированный вдавлениями палочки и пересекаю-

Стоянка Усть-Кова I (пункт 2). Раскоп 3, культурный слой 2.
1–3, 6, 7 – скребки; *4, 5* – наконечники стрел; *8, 9* – нуклеусы; *10* – топор; *11* – фрагмент керамического сосуда.

щимися линиями; фрагмент венчика и стенки сосуда, орнаментированного двумя горизонтальными рядами вдавлений-«жемчужин» и наклонными оттисками палочки по венчику (см. *рисунок, 11*); фрагменты керамического сосуда со слабопрофилированным, отогнутым наружу, уплощенным по кромке венчиком, орнаментированным ниже кромки рядом круглых вдавлений с такими же вдавлениями по верху кромки.

В результате исследований неолитического комплекса стоянки Усть-Кова I (пункт 2) в 2011 г. получена представительная коллекция артефактов, залегавшая в хорошо стратифицированных отложениях, сохраняющих

археологический контекст памятника. Существенно расширены источники по керамическому комплексу неолитического горизонта, что позволяет проводить аналогии и устанавливать взаимосвязи непосредственно с остальными неолитическими индустриями Усть-Ковинского комплекса археологических местонахождений, а также определить место данного памятника в круге неолитических индустрий Северного Приангарья. Анализ каменной индустрии и ее сопоставление с материалами мезолитической стоянки Усть-Кова I в перспективе поможет выявить связь между мезолитическим и неолитическим комплексами и установить основные черты перехода от мезолита к неолиту в Северном Приангарье.

Список литературы

Акимова Е.В., Горельченова О.А., Кукса Е.Н., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Харевич В.М. Результаты полевых исследований стоянки Усть-Кова I, пункт 2 в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 479–482.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 244 с.

Ю.С. Худяков, С.Г. Скобелев, О.А. Митько,
А.Ю. Борисенко, Ю.В. Тетерин

НАЧАЛО РАБОТ САЯНСКОЙ КОМПЛЕКСОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИАЭТ СО РАН В ПОЛОСЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ КУРАГИНО – КЫЗЫЛ*

В апреле 2011 г. Институту археологии и этнографии СО РАН был присужден грант Русского географического общества (РГО) «Археологическая экспедиция “Железная дорога Курагино – Кызыл”» в номинации «Научно-исследовательские экспедиции». Свидетельство о его получении было вручено одному из авторов настоящего сообщения на торжественном заседании Попечительского совета РГО 15 апреля 2011 г. председателем совета В.В. Путиным в присутствии Президента РГО, министра РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий С.К. Шойгу и других руководителей РГО. На основе этого решения и с учетом результатов полевых разведочных работ, проводившихся в 2009–2010 гг. в зоне проектируемого строительства отрядами Тувинской экспедиции Института истории материальной культуры РАН под руководством кандидата исторических наук В.А. Семенова, группой сотрудников ИАЭТ СО РАН была разработана программа комплексных (археологических и географических) научных исследований по трассе проектируемого строительства на территории Кызылского и Пий-Хемского кожуунов Республики Тыва, а также Ермаковского, Каратузского и Курагинского районов Красноярского края на полевой сезон 2011 г. Для проведения этих работ на базе ИАЭТ СО РАН была организована Саянская комплексная экспедиция в составе четырех археологических и одного географического отрядов. Два археологических отряда были созданы ИАЭТ СО РАН с привлечением сотрудников кафедры археологии и этнографии и Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета, по одному отряду организовали Институт гуманитарных исследований при правительстве Республики Тыва и Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК). Географический отряд сформирован при сотрудничестве с Санкт-Петербургским государственным университетом. В настоящей статье охарактеризованы результаты полевых исследований отрядов ИАЭТ СО РАН.

Основные исследования этих двух отрядов были развернуты на правобережье р. Ээрбек, на территории Кызылского кожууна Республики Тыва.

*Работа выполнена в рамках проекта РГО «Археологическая экспедиция “Железная дорога Курагино – Кызыл”».

Памятники были обнаружены как в предшествующие полевые сезоны участниками Тувинской экспедицией ИИМК, так и в 2011 г. сотрудниками Саянской комплексной экспедиции.

В июне – августе были раскопаны три кургана на могильнике Ак-Даг-1. В составе этого погребального комплекса исследован большой курган, окаймленный кольцом из камней. Прослежена конструкция надмогильного сооружения и изучены погребения в каменных ящиках. Хотя могила, расположенная в центральной части кургана, ограблена еще в древности, по обнаруженным в ней отдельным предметам удалось определить хронологию и культурную принадлежность памятника – раннее скифское время (алды-бельская культура) [Грач, 1980, с. 24–26].

Расположенная рядом с большим курганом округлая каменная насыпь не содержала захоронения. Сооруженный несколько обособленно третий каменный курган имел захоронение в каменном ящике и поминальную стелу. Их можно отнести к кокэльской культуре хунно-сяньбийского времени [Савинов, 1984, с. 23]. На памятниках обнаружена представительная коллекция предметов сопроводительного инвентаря, несомненно интересная для характеристики культур древних номадов Тувы.

В июле – августе были развернуты работы на могильнике Бай-Даг-1, расположенном на склонах возвышенности выше по течению р. Ээрбек от могильника Ак-Даг-1. На памятнике раскопаны 7 курганов. Большинство из них представляли собой пологие, слабо задернованные каменные насыпи-выкладки округлой или овальной формы, окаймленные стенками из горизонтально уложенных или наклонно установленных каменных плит. В насыпях, на горизонте и в заполнении могильных ям обнаружены отдельные фрагменты лепных керамических сосудов. Обычно в центре кургана находилась основная погребальная камера, забутованная скальными обломками и каменными плитами. Глубина могильных ям различна. Как правило, на дне находился каменный ящик из вертикально установленных плит, перекрытый в несколько слоев массивными каменными плитами, а в отдельных могилах – жердями. В центральной могиле мог быть погребен мужчина-воин либо взрослая женщина. В кургане № 3 найдено только одно основное женское погребение. В курганах № 2, 4, 6, 7, помимо основного захоронения, были впускные и сопроводительные погребения взрослых и детей. В кургане № 1 под каменной насыпью оказалось только одно впускное захоронение. В кургане № 4 при сооружении впускного захоронения нарушена и ограблена основная могила. Курган № 5 не содержал погребения.

Обряд захоронения умерших во всех основных и сопроводительных захоронениях отличается значительным сходством. Погребение совершено по обряду одиночной ингумации. В одном случае вместе с умершей женщиной похоронили грудного младенца. Погребенные покоились на левом боку, в скорченном положении, с согнутыми в локтевых суставах руками и согнутыми в коленях ногами. Костяки ориентированы головой на запад или северо-запад. Сопроводительный инвентарь соответствовал полу пог-

ребенного. Мужчин хоронили с оружием и бытовыми вещами, а женщин с украшениями и бытовыми вещами. В большинстве детских захоронений инвентарь, как правило, отсутствовал. В насыпях-выкладках курганов № 2, 4 и 6 за пределами могил обнаружены бронзовые удила. Состав сопроводительного инвентаря: бронзовые ножи с цельнолитой рукоятью, дисковидные зеркала с одной или двумя петлями, шилья, иглы, бусы, подвески из клыков и зубов животных. Все это позволяет отнести основные и сопроводительные захоронения к алды-бельской культуре раннего скифского времени [Грач, 1980, с. 24–26]. Во впускном захоронении, совершенном по обряду ингумации, в центре кургана № 4 обнаружен керамический сосуд. Судя по обряду и инвентарю, это захоронение должно относиться к кокэльской культуре хунно-сяньбийского времени. В насыпи кургана № 1 найден клад железных изделий, включавший два проушных топора и два кинжала (см. *рисунок*), которые должны относиться к хуннскому периоду.

В течение полевого сезона изучен и одиночный курган на могильнике Бай-Даг-6. Раскопки на нем начались в день открытия работ Саянской комплексной экспедиции лично президентом РГО С.К. Шойгу, вскрывшим участок дерна на объекте. В процессе раскопок в насыпи кургана выявлено впускное захоронение. Скелет погребенного находился между камнями в центре насыпи, выше основной могилы. В области черепа обнаружены бронзовые проволочные серьги, а в ногах – железная пряжка. Вероятно, это захоронение относится к хунно-сяньбийскому времени. Основное захоронение внутри каменного ящика в центре кургана полностью разграблено.

Железные топоры и кинжалы из кургана № 1
могильника Бай-Даг-1 in situ.

Под насыпью, в западной части кургана, обнаружено женское погребение в каменном ящике. Погребенная лежала на левом боку, с согнутыми руками и ногами. Ее левая нога была неестественно согнута против коленного сустава. В составе сопроводительного инвентаря этого захоронения были бронзовый нож, шило, игла и зеркало. Судя по обряду погребения и сопроводительному инвентарю, основные захоронения в этом кургане также должны относиться к алды-бельской культуре раннего скифского времени [Грач, 1980, с. 24–26].

На седловине отрога горы Бай-Даг, в местности Хендей-Аксы, раскопана овальная каменная выкладка. Под камнями выкладки, на уровне древнего горизонта, обнаружены отдельные фрагменты кальцинированных костей, угольки и железная игла. Определить функциональное назначение, хронологию и культурную принадлежность памятника по полученным материалам затруднительно. Предположительная датировка – позднее средневековье.

В ходе проведения разведочных маршрутов в долине р. Ээрбек, в зоне проектируемого строительства железной дороги и в непосредственной близости от нее, обнаружены неизвестные ранее археологические памятники. В их числе несколько курганных групп, судя по особенностям расположения и конструкции надмогильных сооружений, относящихся к различным историческим эпохам. Выявлено также местонахождение петроглифов этнографического времени. Подъемный материал включал каменные орудия раннего палеолита, фрагменты лепных и гончарных сосудов.

Результатом разведочных работ в зоне строительства железной дороги на территории Турано-Уюкской котловины в Пий-Хемском кожууне Республики Тыва стало обнаружение нескольких неизвестных одиночных курганов. На поверхности насыпи одного из них в этнографическое время был сложен каменный столбик *оваа* и вертикальная каменная стела. Судя по месту расположения и конструктивным особенностям насыпей, эти курганы можно отнести к средневековью.

Таким образом, все запланированные в рамках деятельности Саянской комплексной экспедиции на полевой сезон 2011 г. исследования отрядов ИАЭТ СО РАН в зоне проектируемого строительства железной дороги Курагино-Кызыл осуществлены.

Список литературы

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 255 с.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 175 с.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Анойкин А.А., Лунева Д.Е., Ахтерякова А.В., Борисов М.А.
ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ТИНИТ-1 (ЮЖНЫЙ ДАГЕСТАН) В 2011 ГОДУ 4

Антипов А.С.
АНАЛИЗ МОРФОМЕТРИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРОДУКТОВ РАСЩЕПЛЕНИЯ ИЗ САРТАНСКИХ ОТЛОЖЕНИЙ ПЕЩЕРЫ КАМИННАЯ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ) 10

Бобров В.В., Марочкин А.Г.
ХРОНОСТРАТИГРАФИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ПОСЕЛЕНИЯ АВТОДРОМ-2 14

Васильев С.К.
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ТАРАДАНОВСКОГО АЛЛЮВИАЛЬНОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВОЙ МЕГАФАУНЫ 20

Вишневский А.В., Выборнов А.В., Котляров А.В.
ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЙ ПАСПОРТ СТОЯНКИ ГОРА КУТАРЕЙ 26

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А.
РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ В 2011 ГОДУ) 29

Деревянко А.П., Булатович Л., Бакович М., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Кандыба А.В.
ИЗУЧЕНИЕ СКАЛЬНОГО НАВЕСА БИОЧЕ (ЧЕРНОГОРИЯ) В 2011 ГОДУ 34

Деревянко А.П., Маркин С.В.
МАТЕРИАЛЫ СТОЯНОК СИБИРЯЧИХИНСКОГО ВАРИАНТА СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА АЛТАЯ 40

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Агаджанян А.К., Вислобокова И.А., Ульянов В.А., Анойкин А.А., Меденица И.
ИССЛЕДОВАНИЯ В ПЕЩЕРЕ ТРЛИЦА НА СЕВЕРЕ ЧЕРНОГОРИИ 44

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Чеха А.М.,
РАСКОПКИ ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ 48

Дроздов Н.И., Чеха В.П., Пономарева Е.А.
ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ КОНЦА ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА РАЙОНА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПАЛЕОКАРПОЛОГИЧЕСКИХ И ПАЛЕОМЕРЗЛОТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ) 54

Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Исламов У.И.
РАННИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ КАРЕНОИДНОЙ ТЕХНОЛОГИИ
В ИНДУСТРИЯХ ГРОТА ОБИ-РАХМАТ 58
Кулик Н.А., Шуньков М.В.
ИСТОЧНИКИ КАМЕННОГО СЫРЬЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ
УКРАШЕНИЙ ИЗ ГОРНОГО АЛТАЯ 62
Ларичев В.Е.
ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК ЕВРОПЫ:
ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА
(РЕКОНСТРУКЦИЯ КАЛЕНДАРНЫХ СИСТЕМ
СРЕДИННОЙ ЗОНЫ КОНТИНЕНТА) 67
Лобачёв Ю.В., Васильев С.К., Зольников И.Д., Кузьмин Я.В.
КРУПНОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ
ПЛЕЙСТОЦЕНОВОЙ ФАУНЫ НА РЕКЕ ЧИК
(НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ) 72
Медведев В.Е.
К РАЗГАДКЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ АМУРСКОЙ МАСКИ 78
Медведев В.Е., Филатова И.В.
НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ
НА ПОСЕЛЕНИИ БУЛОЧКА (ПРИМОРЬЕ) 82
Новиков А.Г., Горюнова О.И.
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ
МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ТЫШКИНЭ II
(ОЗЕРО БАЙКАЛ) 87
Оводов Н.Д.
СЛЕДЫ ПОСЕЩЕНИЙ РАЗБОЙНИЧЬЕЙ ПЕЩЕРЫ (АЛТАЙ)
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИМИ ЛЮДЬМИ 93
Пономаренко Д.С.
НОРЫ АЛТАЙСКОГО ЦОКОРА В ОКРЕСТНОСТЯХ
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ УСТЬ-КАРАКОЛ 98
Рудая Н.А.
РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ
ВРЕМЕНИ ЗАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНИМ ЧЕЛОВЕКОМ
ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ (АЛТАЙСКИЙ КРАЙ) 103
Рыбалко А.Г., Кулик Н.А.
НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПЕРВИЧНОМ РАСЩЕПЛЕНИИ
НА СТОЯНКЕ ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕМОНТАЖА) 109
Рыбин Е.П., Мещерин М.Н.
КОЛПАКОВ РУЧЕЙ:
НОВЫЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК
В СРЕДНЕМ ПРИАНГАРЬЕ 113
Шуньков М.В., Агаджанян А.К.
К РЕКОНСТРУКЦИИ УСЛОВИЙ ОБИТАНИЯ
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА
В ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЕ 119

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Адамов А.А., Балюнов И.В.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА ЯРКОВСКОМ ГОРОДИЩЕ 124

Алкин С.В., Нестеренко В.В., Колосов В.К.
РАБОТЫ НА УСТЬ-ЧЁРНИНСКОМ ГОРОДИЩЕ
В 2011 ГОДУ 127

Ахметов В.В.
КАМЕННЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ В БОХАЕ:
К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ 131

Бердников И.М., Бердникова Н.Е.
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
У СПАССКОЙ ЦЕРКВИ В ИРКУТСКЕ 134

Бобров В.В., Моор Н.Н.
РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НА ПАМЯТНИКЕ ЛОЖКА-6 139

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.
СВЕДЕНИЯ О КЛИМАТИЧЕСКИХ КОЛЕБАНИЯХ
В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА
В ИСТОЧНИКАХ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 143

Васильев С.К., Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Семибратов В.П.
ФАУНИСТИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ
ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА-3
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2010 ГОДА) 147

Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е., Бердников И.М.
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОГО ОСТРОГА 152

Гольева А.А., Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П.
ПОЧВЕННЫЕ И МИКОБИОМОРФНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА ПОСЕЛЕНИИ БИРЮЗОВАЯ КАТУНЬ-7 156

Горюнова О.И., Трегубов А.Ю., Авезов Д.С., Ромашова Е.
КОМПЛЕКС БРОНЗОВОГО ВЕКА
ИЗ УСТЬ-АНГИНСКОЙ ПЕЩЕРЫ
НА ЗАПАДНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ 160

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Редников А.А.,
Федорук А.С., Федорук О.А., Фролов Я.В.
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ
ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
АЛТАЙСКОГО ПРИОБЬЯ 165

Кундо Л.П., Полосьмак Н.В.
НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЛАКОВЫХ ИЗДЕЛИЯХ
ИЗ НОИН-УЛИНСКИХ КУРГАНОВ (РЕЗУЛЬТАТЫ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ) 171

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А.
САРАТСКИЙ СУНДУК – АСТОНОМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ И АСТРОСВЯТИЛИЩЕ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ «КРЕПОСТЕЙ» ДОЛИНЫ БЕЛОГО ИЮСА) 176
Миклашевич Е.А., Бове Л.Л.
ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ ГОРЫ ТОРГУН (ГОРНЫЙ АЛТАЙ) 182
Молодин В.И., Ефремова Н.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Сальникова И.В., Борзых К.Л.
АВАРИЙНЫЕ РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕНГЕРОВО-6 188
Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нескоров А.В.
ЗАВЕРШЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МОГИЛЬНИКА СТАРЫЙ САД ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ 195
Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Марочкин А.Г.
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ КРОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕНГЕРОВО-2 И ОТКРЫТИЕ НЕОЛИТИЧЕСКОГО МОГИЛЬНИКА ВЕНГЕРОВО-2А 199
Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Мосечкина Н.Н., Васильева Ю.А.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА ТАРТАС-1 В 2011 ГОДУ: ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ 206
Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С.
АНДРОНОВСКИЙ (ФЕДОРОВСКИЙ) КУРГАН НА МОГИЛЬНИКЕ ПОГОРЕЛКА-2 (ЦЕНТРАЛЬНАЯ БАРАБА) 212
Нестеров С.П., Зайцев Н.Н., Волков Д.П., Миронов М.А.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА НА ГОРЕ ШАПКЕ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 2009–2011 ГОДАХ 217
Пилипенко А.С., Полосьмак Н.В., Коновалов П.Б., Журавлев А.А.
ГЕНОФОНД МИТОХОНДРИАЛЬНОЙ ДНК ХУННУ ЗАБАЙКАЛЬЯ 222
Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.
РАСКОПКИ КУРГАНА № 11 В ПАДИ СУЦЗУКТЭ (НОИН-УЛА, СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ) 226
Соловьева Е.А., Табарев А.В., Кравцова А.С., Иванова Д.А.
РИТУАЛЬНО-ОБРЯДОВАЯ ПОСУДА В ДРЕВНИХ КУЛЬТУРАХ ТИХООКЕАНСКОГО БАССЕЙНА 229
Степанова Н.Ф.
АФАНАСЬЕВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ МАЛЫЙ ДУГАН: МАТЕРИАЛЫ К СВОДУ ПАМЯТНИКОВ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ 233

Татауров С.Ф.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДА ТАРЫ
В 2011 ГОДУ 239
Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П.
ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС ИЗ ПАМЯТНИКА
СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ НИЖНЯЯ КАЯНЧА НА АЛТАЕ 243
Трунова В.А., Зверева В.В., Полосьмак Н.В.
ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЛОС ИЗ ЗАХОРОНЕНИЙ ХУННУ
(НОИН-УЛА, МОНГОЛИЯ) МЕТОДОМ
РЕНТГЕНОФЛУОРЕСЦЕНТНОГО АНАЛИЗА
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИНХРОТРОННОГО ИЗЛУЧЕНИЯ 248
Худяков Ю.С.
ПРИМЕНЕНИЕ АРТИЛЛЕРИИ ОТРЯДАМИ РУССКИХ КАЗАКОВ
И СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ
ПРОТИВ ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ НОМАДОВ
В ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ
В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА
(ПО ПИСЬМЕННЫМ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ) 254
Чикишева Т.А., Зубова А.В., Поздняков Д.В.
ХАРАКТЕРИСТИКА ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
МАТЕРИАЛОВ ИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ
НА ПОСЕЛЕНИИ ВЕНГЕРОВО-2 259
Шульга П.И.
О ТОПОГРАФИИ ПОСЕЛЕНИЙ ДРЕВНИХ СКОТОВОДОВ
В ГОРНО-СТЕПНЫХ ЛАНДШАФТАХ 265

ЭТНОГРАФИЯ

Афанасьева Ю.Ю.
ЭВОЛЮЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ЖЕНСКОГО КОСТЮМА
СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА 270
Бадмаев А.А.
НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ДАННЫЕ
О ПОСЕЛЕНИЯХ И ЖИЛИЩАХ АЛАРСКИХ БУРЯТ 273
Березиков Н.А.
ОБРАЗ ДОРОГИ-РЕКИ В ДОНЕСЕНИЯХ
КАЗАКОВ-ЗЕМЛЕПРОХОДЦЕВ СИБИРИ XVII ВЕКА 277
Болонев Ф.Ф.
АЛБАЗИНЦЫ В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ 280
Бурнаков В.А.
ЛАСТОЧКА В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
ХАКАСОВ 284
Глухих Е.И.
ТРАДИЦИИ ДОМОСТРОЕНИЯ РУССКОГО
СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИАНГАРЬЯ
НА ПРИМЕРЕ ДЕРЕВЕНЬ ЧАДОБЕЦ И КЛИМИНО
КЕЖЕМСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ 288

Голубкова О.В.
ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ – ЛЮДИ СНЕЖНЫЕ?
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
У ОБСКИХ КОМИ) 291
Жигунова М.А.
ДИНАМИКА ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ
РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(СЕРЕДИНА XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА) 296
Литвинчук М.А., Октябрьская И.В.
ФЕСТИВАЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР «СОЦВЕТИЕ»
В СУРГУТЕ (ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА) 300
Любимова Г.В.
НОВЫЕ ФОРМЫ ФЕСТИВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ (ФОЛЬКЛОРНО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ «СОЛНЦЕСТОЯНИЕ»
В МУРОМЦЕВСКОМ РАЙОНЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ) 304
Люцидарская А.А.
ВДОВЫ СИБИРСКИХ СЛУЖИЛЫХ КАЗАКОВ
В XVII ВЕКЕ 308
Майничева А.Ю.
КАЗЫМСКИЙ (ЮИЛЬСКИЙ) ОСТРОГ
В ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОМ МУЗЕЕ
ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН 312
Мальцева О.В.
ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ
НА НИЖНЕМ АМУРЕ В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ) 316
Москвина М.В., Павлова Е.Ю.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ
ХАКАСИИ В XIX–XXI ВЕКАХ:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ 320
Николаев В.В.
МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ
И ФОРМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ
(КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА) 324
Октябрьская И.В., Сураганова З.К.
ПОМИНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КАЗАХОВ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ 328
Павлова Е.Ю.
СОВРЕМЕННЫЕ НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ
УСТЬ-КАНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ 332
Самушкина Е.В.
КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В МУЗЕЙНЫХ ПРАКТИКАХ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ:
НА МАТЕРИАЛАХ АСКИЗСКОГО РАЙОНА 335

Федотова Е.Д., Болонев Ф.Ф.
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РОСТА ЧИСЛЕННОСТИ СЕМЕЙСКИХ БУРЯТИИ В XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА 339
Фурсова Е.Ф.
РУССКИЙ СЕВЕР И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ: АНАЛИЗ ТРАДИЦИОННОЙ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ XX ВЕКА 344

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИАЭТ СО РАН НА ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ

Адамов А.А., Данилов П.Г., Турова Н.П.
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ РАБОТ НА СТОЯНКЕ ОКУНЕВКА (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ) 350
Акимова Е.В., Стасюк И.В., Горельченкова О.А., Кукса Е.Н., Махлаева Ю.М., Мотузко А.Н., Пазилов Д.С., Томилова Е.А., Харевич В.М.
НОВЫЕ ДАНЫЕ ПО ПАЛЕОЛИТУ СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА (2011 ГОД) 354
Акимова Е.В., Томилова Е.А., Горельченкова О.А., Кукса Е.Н., Махлаева Ю.М., Стасюк И.В., Харевич В.М.
РАСКОПКИ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ УСТЬ-КОВА В 2011 ГОДУ (НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ) 359
Басова Н.В.
РАСКОПКИ ПАМЯТНИКА СЕНЬКИНА ШИВЕРА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ 365
Бородовский А.П., Горохов С.В.
РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ ПО ТРАССЕ МАГИСТРАЛЬНОГО ГАЗОПРОВОДА «АЛТАЙ» В 2010 ГОДУ (НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ) 369
Бородовский А.П., Горохов С.В.
РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ ПО ТРАССЕ МАГИСТРАЛЬНОГО ГАЗОПРОВОДА «АЛТАЙ» В 2011 ГОДУ (АЛТАЙСКИЙ КРАЙ И РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ) 373
Выборнов А.В., Васильева Ю.А., Корытина Д.В., Михайлова Ю.С.
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНКИ ГОРА КУТАРЕЙ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ 377
Герман П.В., Леонтьев С.Н.
РАБОТЫ НА ОСТРОВЕ СЕРГУШКИН В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ 381
Гревцов Ю.А., Галухин Л.Л., Журавков С.П.
КОМПЛЕКС УГЛУБЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ СТОЯНКИ ЧИРИДА 386
Гревцов Ю.А., Мещерин М.Н., Галухин Л.Л., Журавков С.П.
СТОЯНКА БЕРЯМБА – НОВЫЙ ОБЪЕКТ ПАЛЕОЛИТА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ 391

Долганов В.А.
СТОЯНКА-МОГИЛЬНИК ОТИКО I
(ОБЗОР РЕЗУЛЬТАТОВ СПАСАТЕЛЬНЫХ РАБОТ В 2011 ГОДУ) 396
Заика А.Л.
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ
АПЛИНСКИЙ ПОРОГ В 2011 ГОДУ..... 400
Зайцева Е.А., Кениг А.В., Собольникова Т.Н.
РЕЗУЛЬТАТЫ МОНИТОРИНГА ПАМЯТНИКОВ
СОГОМСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА 404
Кубарев Г.В. , Слюсаренко И.Ю.
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА
В ДОЛИНЕ РЕКИ ЧУИ НА АЛТАЕ 409
Лбова Л.В., Кулик Н.А.
НОВЫЕ ОБЪЕКТЫ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА
В ДОЛИНЕ РЕКИ ЭЭРБЕК (ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТУВА):
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ..... 414
Леонтьев В.П., Вдовин А.С.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ НА ОСТРОВЕ КАМЕННОМ
В УСТЬ-ИЛИМСКОМ РАЙОНЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ 417
Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Когай С.А.
РЕЗУЛЬТАТЫ СПАСАТЕЛЬНЫХ РАБОТ
НА ОБЪЕКТАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
УСТЬ-ЁДАРМА II И ДЕРЕВНЯ ЁДАРМА
В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ БОГУЧАНСКОЙ ГЭС (2011 ГОД)..... 420
Лысенко Д.Н., Матвеев В.Е., Веженко А.В.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНКИ ТОЛСТЫЙ МЫС
(СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ) В 2011 ГОДУ 424
Лысенко Д.Н., Матвеев В.Е., Рейс Е.С.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПОСЛЕНЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ХЕДУГИН РУЧЕЙ В 2011 ГОДУ..... 427
Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О., Бирюлева К.В.
РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ НА АНСАМБЛЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ШИВЕРА ПРОСПИХИНО НА АНГАРЕ..... 432
Марковский Г.И., Дудко А.А.
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНОК
РУЧЕЙ СМОЛОКУРНЫЙ И МЫС СТОЛБЫ В 2011 ГОДУ 437
Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н.
НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПОСЕЛЕНЧЕСКИМ ПАМЯТНИКАМ
СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ ДЕРЕВНЯ ПАШИНО И КАМЕШОК
(РАБОТЫ ПАШИНСКИХ ОТРЯДОВ
БОГУЧАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 2011 ГОДУ) 443
Постнов А.В.
РАСКОПКИ ПАМЯТНИКА БОЛЬШАЯ ПЕЛЕНДА
В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ 448

Роговской Е.О., Попов А.А.
ИССЛЕДОВАНИЯ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ
ОСТРОВ ЛИСТВЕНИЧНЫЙ
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
«НИЗКИХ» ОСТРОВОВ НА СЕВЕРНОЙ АНГАРЕ) 452

Савельев Н.А., Тимощенко А.А., Бадмаев Д.А.
СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ
ПЯТОГО УСТЬ-ИЛИМСКОГО ОТРЯДА
НА ПАМЯТНИКЕ СОСНОВЫЙ МЫС В 2011 ГОДУ 457

Савин А.Н., Солодская О.В., Ольшанецкая В.Е.
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОСЕЛЕНИЯ РУЧЕЙ КОННЫЙ-3 В 2011 ГОДУ 463

Славинский В.С., Постнов А.В., Марковский Г.И.,
Басова Н.В., Зольников И.Д., Рыбин Е.П.
РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДКИ ПАМЯТНИКОВ ПАЛЕОЛИТА
В АЛТАЙСКОМ КРАЕ И РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ В 2011 ГОДУ 469

Субботина А.Л.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНОК
НИЖНЯЯ ИЗГОЛОВЬ, КРЕСТОВКА И РУЧЕЙ МЕЛЬНИЧНЫЙ
В 2011 ГОДУ 473

Томилова Е.А., Стасюк И.В., Горельченкова О.А.,
Кукса Е.Н., Махлаева Ю.М., Акимова Е.В., Харевич В.М.
ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ
УСТЬ-КОВА I В 2011 ГОДУ 477

Харевич В.М., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Горельченкова О.А.,
Кукса Е.Н., Махлаева Ю.М., Томилова Е.А.
ИССЛЕДОВАНИЕ СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА I (ПУНКТ 2)
В 2011 ГОДУ 482

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Митько О.А.,
Борисенко А.Ю., Тетерин Ю.В.
НАЧАЛО РАБОТ САЯНСКОЙ КОМПЛЕКСОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ИАЭТ СО РАН В ПОЛОСЕ СТРОИТЕЛЬСТВА
ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ КУРАГИНО – КЫЗЫЛ 487

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

Материалы Итоговой сессии
Института археологии и этнографии СО РАН 2011 года

ТОМ XVII

Технический редактор *М.В. Геращенко*
Дизайнер обложки *А.А. Фурсенко*

Подписано к печати 15.12.2011 г. Бумага офсетная. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 31,25. Уч.-изд. л. 29,5. Тираж 300 экз. Заказ № 291.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.